

Зодчество Смоленска XII - XIII вв.

OCR Олег Захаренков по книге Н.Н. Воронин, П. А. Раппопорт. Зодчество Смоленска XII - XIII вв. Ленинград, "Наука", ленинградское отделение, 1979 г.

Предисловие

Древнее смоленское зодчество издавна привлекало к себе внимание исследователей. При этом интерес вызывали не только три сохранившихся в городе памятника, а также и те многочисленные остатки древних сооружений, которые постоянно выявлялись в городе при всевозможных земляных работах. Местные краеведы отмечали очень большое, даже неправдоподобно большое для древнерусского города, количество таких руин. Когда же начались в Смоленске серьезные научные раскопки и были, хотя бы предварительно, обследованы сохранившиеся памятники, стало ясно, что зодчество древнего Смоленска - действительно явление исключительно яркое. И тем не менее, несмотря на то что сам факт наличия яркой и своеобразной древней смоленской архитектуры уже не подлежал сомнению, место, занимаемое памятниками Смоленска в истории русского зодчества, оставалось невыясненным. В общих курсах истории русской архитектуры памятники Смоленска по-прежнему лишь упоминались, а сложение и развитие собственно-смоленской архитектурной школы, как правило, вовсе не рассматривалось.

Чтобы ликвидировать это печальное положение, необходимо было провести систематические археологические исследования памятников древ-

-3-

него смоленского зодчества. С этой целью в 1962 г. была организована Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция (начальник экспедиции - Н. Н. Воронин, заместитель - П. А. Раппопорт). Экспедиция была создана Институтом археологии АН СССР при финансовой поддержке Смоленского областного управления культуры и Смоленского областного краеведческого музея. Экспедиция проработала в Смоленске до 1967 г. и затем, после перерыва, восстановлена в 1972 г. (начальник экспедиции - П. А. Раппопорт, заместитель - Е. В. Шолохова). Теперь организация экспедиции была возложена на Ленинградское отделение Института археологии АН СССР, а финансовую поддержку оказывало Смоленское отделение Общества охраны памятников истории и культуры. Экспедиция закончила свою работу в 1975 г. За эти годы экспедиция провела раскопки следующих объектов: 1962 г. - собор на Протоке; 1963 г. - собор и кирпичеобжигательная печь на Протоке; 1964 г. - собор Спаса у д. Чернушки, церковь на Воскресенской горе, бесстолпная церковь в детинце; 1965 г. - церковь на Воскресенской горе, бесстолпная церковь, терем и разведки у собора в детинце, галерея церкви Петра и Павла; 1966 г. - галерея церкви Петра и Павла, церковь на Малой Рачевке; 1967 г. - галерея церкви Ивана Богослова, церковь на Окопном кладбище; 1972 г. - собор Троицкого монастыря на Кловке, церковь у устья Чуриловки, контрольные раскопки на Смядыни; 1973 г. - собор Троицкого монастыря на Кловке, церковь у устья Чуриловки, церковь на Большой Краснофлотской улице и кирпичеобжигательная печь на ул. Пушкина; 1974 г. - собор Духова монастыря (XVI в.),

контрольные раскопки на Смядыни; 1975 г. - раскопки в Рославле. Всего за 70 полевых сезонов экспедиция вскрыла 70 монументальных построек XII-XIII вв. и две кирпичеобжигательные печи. Кроме того, были раскопаны галереи у двух сохранившихся храмов и подвергнуты частичным контрольным раскопкам оба исследованных до революции храма Смядынского монастыря. Был раскопан один храм XVI в. Все годы экспедиция вела также систематические археологические разведки с целью выявления остававшихся неизученными памятников древнего зодчества. Вместе с сохранившимися зданиями и теми памятниками, которые были раскопаны в более раннее время, в нашем распоряжении сейчас имеется 79 более или менее детально изученных памятников монументального зодчества XII-XIII вв., не считая производственных сооружений (две кирпичеобжигательные печи). Таким образом, в научное обращение введена уже целая серия памятников зодчества древнего Смоленска, что позволяет новыми глазами взглянуть на развитие смоленской архитектуры и ее роль в общей истории русского зодчества.

-4-

За исключением двух уцелевших зданий (церкви Петра и Павла и архангела Михаила) и одной постройки, сохранившейся частично (церковь Ивана Богослова), остальные древние памятники дошли до нас в виде руин, высота стен которых не более 2 м и лишь изредка немного больше. Более того, иной раз раскопки выявляли памятники, от которых вообще сохранились только фундаменты или даже одни фундаментные рвы. Естественно, что такое состояние памятников сильно затрудняет решение вопросов, связанных с их архитектурным образом и первоначальными формами. Тем не менее для некоторых памятников мы все же предлагаем опыт не только плановой, но и объемной реконструкции, хотя отчетливо сознаем рискованность этого пути. Но, "только ползя, упасть нельзя", и нам казалось невозможным изучать смоленское зодчество, оставаясь в пределах плоскости плана и не пытаясь в какой-то мере воссоздать внешний облик исчезнувших сооружений.

Раскопки принесли обильный материал не только по архитектурным формам древних памятников, но и по строительной технике, а также организации строительного производства - вопросам, до сих пор почти не освещенным в научной литературе. В данной книге эти проблемы затрагиваются лишь попутно; им будет посвящена самостоятельная работа.¹⁾ Был получен также драгоценный материал о смоленской монументальной живописи. Материал этот в настоящей работе, как правило, только упоминается, опубликован он в отдельной книге.²⁾ Вопросы происхождения Смоленска, его исторической топографии и оборонительных сооружений также уже были изложены.³⁾

Глава, посвященная церкви архангела Михаила - одному из наиболее важных памятников древнего смоленского зодчества, написана для данной работы С. С. Подъяпольским, специально изучавшим это здание. Авторы пользуются случаем, чтобы с благодарностью перечислить хотя бы часть тех лиц, которые оказывали помощь в работе по исследованию памятников древнего смоленского зодчества.

В экспедиции 1962-1975 гг. в разное время принимали участие следующие сотрудники: А. Г. Векслер, Л. П. Гуссаковский, Л. С. Кितिцина, В. И. Матвеева, А. В. Никитин, М. Д. Полубояринова, Т. В. Равдина, Б. И. Сушко, Г. А. Усова, Е. А. Черников, Н. Б. Черных, А. А. Юшко.

¹⁾ Отдельные публикации см.: *Раппопорт П. А.* 1) Знаки на плинфе. - КСИА, 1977, вып. 150, с. 28; 2) Зодчие и строители древнего Смоленска. - В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 402; *Медникова Е. Ю., Раппопорт П. А., Селиванова Н. Б.* Изучение древнесмоленских строительных растворов. - КСИА, 1978, вып. 155, с. 44,

²⁾ *Воронин Н. Н.* Смоленская живопись 12-13 веков. М., 1977.

³⁾ *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Древний Смоленск. - СА, 1979, № 1, с. 73.

Особо следует отметить Е. В. Шолохову, руководившую в 1972-1974 гг. одним из отрядов экспедиции, и архитектора М. Б. Чернышева, проводшего образцовые по археологической точности обмеры, сделавшего при этом много ценных наблюдений и выполнившего ряд реконструкций. За время работы экспедиции большую помощь оказали Д. А. Авдусин, Л. В. Алексеев, И. Д. Белогорцев, А. П. Котар, А. Т. Смирнова, Е. А. Шмидт, а также директор Смоленских научно-реставрационных производственных мастерских Г. М. Аптекин и директор Смоленского областного краеведческого музея В. И. Шкудо. В поисках и изучении гравюрных изображений Смоленска XVII в. мы пользовались помощью заведующей отделом эстампов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина О. Б. Враской и заведующей отделом архитектурной графики Государственного Исторического музея В. Т. Шмаковой. При подготовке работы к печати нам помогала заведующая фотолабораторией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР М. Г. Агоронян.

Изучение древнего смоленского зодчества

Каковы бы ни были разрушения культуры - ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возродить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно. (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 46)

1

Известно, что по сравнению с другими странами средневековой Европы Древняя Русь крайне бедна письменными историческими источниками. Виной тому обрушивавшиеся на неё военные бедствия и частые пожары, испепелявшие города, монастыри и храмы, где создавались и хранились местные летописи, скапливались различные исторические документы. Смоленск не избежал общей участи и был также беден письменными свидетельствами о своем далёком и близком прошлом. Татаро-монгольское нашествие миновало город, но оно сказалось и на нём общим упадком экономики и культурной деятельности в XIII-XIV вв. Затем наступило тяжкое XV столетие - пора польско-литовского владычества. Видимо, в это время была утрачена собственно смоленская летопись. Она, по словам исследователя, "перешла в чужие руки и растворилась в чужих летописных сводах".¹⁾ Страшным бедствием был пожар города в момент его захвата армией Сигизмунда III в 1611 г.

Однако в Смоленске всё же уцелели кое-какие письменные источники, образовавшие в дальнейшем "смоленскую архиву". К сожалению, и данное хранилище погибло в годину наполеоновского вторжения. Памятуя всё это, можно понять, почему в руках историка смоленского зодчества так мало твёрдых и точных письменных данных о нём.

¹⁾ *Арнаутов В. А.* "Киевская" летопись Супрасльского сборника. - ИОРЯС, 1910, т. XIV, кн. 3, с. 30-31.

Казалось бы, что в таких условиях интерес исследователей смоленской старины должен был обратиться прежде всего к её материальным остаткам и следам. Но это случилось не сразу, зачинатели смоленской историографии поначалу держались испытанного пути сбора и систематизации одиночных сведений летописного характера, отдельных документов и актов, дополняя их своими домыслами, местными легендами и т. п.

Интерес к древностям Смоленска возник в XVIII в. отнюдь не из научных побуждений - его порождали внешние практические обстоятельства. Так, "Описание краткое Смоленску, учинённое по повелению Петра I", было посвящено главным образом характеристике смоленской каменной крепости, которой Пётр I интересовался в связи с Северной войной.²⁾

Первые уже достаточно прочные основы истории Смоленска и его "достопамятностей" относятся к концу XVIII столетия и связаны с именем смоленского епископа Парфения Сапковского (1761-1795). Он живо интересовался русской, и в особенности смоленской, историей, собрал большую библиотеку, в том числе рукописей, и приказывал монахам "упражняться в записке достопамятных случаев". В связи с предполагавшимся приездом в 1780 г. в Смоленск Екатерины II Парфений поручил иеромонаху Иоасафу Шупинскому составление истории Смоленска для поднесения императрице. Этот труд был успешно выполнен и увенчан пышным заголовком "История города Смоленска к первому приезду в Смоленск императрицы Екатерины II с римским императором Иосифом II 1780 года июня 2-го дня, составленная по приказанию Парфения, епископа Смоленского, иеромонахом Иоасафом Шупинским по запискам, от его преосвященства данным".³⁾ В 1787 г. был составлен второй вариант "Истории" под иным названием (может быть, принадлежащим издателю?) - "Историческое и географическое описание города Смоленска, составленное к приезду императрицы Екатерины II в Смоленск 1780г.". ⁴⁾ Труд Шупинского представляет собой по существу летопись, состоящую из погодных записей о смене князей, войнах, немногих смоленских событиях, Между ними есть оригинальные сведения, которые, к сожалению, не могут быть признаны полностью достоверными, поскольку неизвестны источники, откуда они заимствованы. Так, отмечено, что в 1103 г. при сыне Мономаха Ярополке "выгорела большая часть города", а в 1194 г. Смоленск был истреблён "великим пожаром", что Давид Ростиславич построил церковь архангела Михаила в 1196-1198 гг., что

²⁾ "Описание" было в сборнике, написанном около 1770 г., ходившем в Смоленске по рукам любознательных горожан и впоследствии пропавшем. Его успел использовать в своих "Достопамятностях города Смоленска" Н. Н. Мурзакевич (ЧОИДР, 1846, кн. I, № 2, Смесь, с. 3-18). Опубликованные им отрывки "Описания" были вновь повторены в книге И. И. Орловского "Смоленская стена" (Смоленск, 1902).

³⁾ "История" опубликована (СБВ, 1876, № 3, с. 73) по списку, пожертвованному киевским митрополитом Евгением в библиотеку Киевско-Софийского собора. Иногда это сочинение И. Шупинского ошибочно приписывали епископу Гедону, умершему в 1761 г.

⁴⁾ Рукопись была опубликована С. П. Писаревым в "Справочной книжке Смоленской губернии на 1898 г." (Смоленск, 1897, с. 243-265). Публикация снабжена хорошим предисловием издателя.

в 1204 г. литовский князь Кермус пытался захватить Смоленск, но был отбит, а в 1207 г. произошло нападение на город черниговских князей и т. д. Погодно изложил Шупинский и сведения XVIII в., в том числе и ценные для историка поздней смоленской архитектуры данные о монументальном строительстве. Этот характер сочинения Шупинского определил отношение к нему современников: его именовали либо "летописью Шупинского", либо "архивским летописцем", откуда следует, что рукопись хранилась в "Губернской архиве".

Если И. Шупинский прошёл почти незамеченным историографией, и о нём редко

вспоминали, то его младший современник Н. А. Мурзакевич (1769-1834) удостоился большого внимания как "первый историк Смоленска".⁵⁾ Основной труд Мурзакевича - "История губернского города Смоленска...".⁶⁾ Что же нового внесла эта "История" в изучение города? Исследователь по существу продолжал путь Шупинского, излагая в хронологическом порядке собранные выписки из источников и литературы. Но их объём был несравненно значительнее, а взгляд автора на историю Смоленска шире. Тем не менее, как признавал биограф историка, его сын Н. Н. Мурзакевич, "книгу правильнее назвать летописью". Ценны приложения к ней, содержащие (в переводе на русский язык) грамоты Витовта, Сигизмунда III, Владислава IV, сгоревшие во время смоленского пожара 1812 г.

Книга Н. А. Мурзакевича, писавшаяся еще до издания "Истории государства Российского" Н. М. Карамзина, по своей манере напоминает труд В. Н. Татищева - это как бы комментированный летописный свод, ещё полный небылиц вроде сообщения о сооружении Смоленска до начала нашей эры. Интерес Мурзакевича лежит в плоскости церковной и политической истории, и в работе почти не содержится данных о древней смоленской архитектуре, но автор, видимо, готовился дать самостоятельный очерк о руинах и храмах, намеревался "срисовать все смоленские памятники XII в."

2

Первый настоящий, хотя и краткий, обзор архитектурных памятников Смоленска дал известный литератор и путешественник, основатель "Отечественных записок", П. П. Свиньин.⁷⁾ В 1826 г. он опубликовал статью "Взгляд на достопримечательные здания в г. Смоленске и об уро-

⁵⁾ О Н. А. Мурзакевиче и его трудах см.: *Мурзакевич Н. Н.* Н. А. Мурзакевич - историк Смоленска (биография, дневник и переписка). СПб., 1877; *Краснощёров И. Н.* А. Мурзакевич. - СВ, 1882, № 13, 14; *Орловский И. И.* Священник Н. А. Мурзакевич. - В кн.: История Смоленска. Смоленск, 1903; Священник Н. А. Мурзакевич в 1812 г. - СС, 1912, вып. II.

⁶⁾ *Мурзакевич Н. А.* История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 года, собранная из разных летописей и российских дееписателей. Смоленск, 1804.

⁷⁾ Русский биографический словарь. Т. XVIII. СПб., 1904. О П. П. Свиньине как художнике см.: *Адарюков В. Я.* Очерки по истории литографии в России. - Аполлон, 1912, № 1; *Коростин А. Ф.* Начало литографии в России (1816-1818). М., 1943.

чищах, находящихся в Смоленской губернии".⁸⁾ В ней добросовестно описаны сохранившиеся здания и их наиболее значительные руины. Характерна при этом наблюдательность автора. Так, описывая церковь архангела Михаила, Свиньин отмечает, что она "заподлинно древняя. Сие подтверждается тонким кирпичом, похожим на плиты, из коего она построена и каковой на других старинных урочищах около Смоленска находится". Он отмечает также, что Свирская слобода раньше называлась Чуриловской, а древнее земляное укрепление, поросшее кустарником, - след лагеря Прозоровского. Думается, что Свиньин здесь более прав, нежели позднейшие смоленские авторы, видевшие в следах земляных укреплений в западной части города остатки крепости, окружавшей особую "княжескую местность" XII в. на западной окраине Смоленска. Свиньин с горечью говорил и о варварских деяниях местных градоначальников, отдававших на снос древние руины с целью добычи строительного бута.

"Обозрение" Смоленска, составленное И. Михайловым, в отличие от других "статистических обозрений" городов Российской империи, издававшихся Министерством внутренних дел и содержащих порой полезные сведения об истории и памятниках городов, в этом отношении ничего не даёт.⁹⁾

Идя по стопам отца, Н. Н. Мурзакевич внёс значительный вклад в изучение и пропаганду памятников смоленской архитектуры. Составленная им по поручению смоленского епископа Тимофея статья с кратким описанием всех старинных церквей и прибавлением описания городских стен вызвала большой интерес: переиздавалась и повлекла за собой ряд статей на эту же тему.¹⁰⁾ Отмечая бедность письменных источников о жизни древнего Смоленска, Мурзакевич писал в этой статье: "Впрочем, в замену древних хартий любитель найдёт ещё большое число замечательных предметов, достойных его изучения. Именно: 1) церкви, от незапамятной старины (XII века) нисходящие до столетней давности; 2) урочища, драгоценные тем, что и поныне сохраняют в себе остатки существовавших на них зданий". В мае 1834 г. Мурзакевич лично обследовал место находки каменной княжеской гробницы в руинах собора Борисоглебского монастыря.¹¹⁾

Одновременно с описанным ростом интереса к прошлому Смоленска вышла значительная по объёму книга "История города Смоленска", написанная чиновником при губернаторе П. Никитиным.¹²⁾ Автор не дал себе труда самостоятельно разработать вопросы истории Смоленска, но поступил проще - почти переписал книгу И. А. Мурзакевича.

⁸⁾ Отечеств. зап., 1826, ч. XXVII, № 77.

⁹⁾ Михайлов И. Статистическое обозрение губернского города Смоленска. - ЖМВД, 1838, т. XXVII, с. 180-216.

¹⁰⁾ Мурзакевич Н. Н. Достопамятности города Смоленска. - ЖМНП, 1835, ч. VIII, с. 503; ЧОИДР, 1846, кн. I, № 2, Смесь, с. 13-18; СГВ, 1838, № 6; 1844, № 32-34, 36-38. См. также: Мурзакевич Н. Н. Автобиография. СПб., 1886, с. 94.

¹¹⁾ Мурзакевич Н. Н. Об открытии древней гробницы в окрестностях гор. Смоленска. - В кн.: Труды и летописи Общества истории и древностей российских. Т. VIII. М., 1837, с. 307-309.

¹²⁾ Никитин П. История города Смоленска. М., 1848.

В 1864 г. был опубликован капитальный труд Н. В. Трофимовского, где обстоятельно собраны данные о древних руинах и новых храмах; книга стала на долгое время ценным справочником.¹³⁾

Крупным событием в изучении древнего смоленского зодчества явились раскопки в 1867-1868 гг. храма на Протоке. Преподаватель естественной истории и математики губернской гимназии и коллежский советник М. П. Полесский-Щепилло проявил по тем временам редкое внимание к раскопкам, оставив нам обстоятельную статью, хотя и полную наивных домыслов, но дающую достаточно хорошее представление о проведённых работах.¹⁴⁾ Очень ценным было открытие на стенах собора больших фрагментов стенной росписи, наивные, но старательные акварельные копии которых, исполненные преподавателем чистописания, черчения и рисования губернской гимназии А. М. Федотовым, хранятся в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.¹⁵⁾

В той же "Памятной книжке", где опубликован отчёт М. П. Полесского-Щепилло, помещён без указания автора и упоминания в оглавлении план восточной части Смоленска. Это несомненно, судя по стилю и сюжетам, произведение Полесского-Щепилло. На плане отмечены и в "Изъяснении" прокомментированы самые различные сюжеты - и линия разлива Днепра, и смоленские горы с их легендами, и пр. Однако самое главное - показаны места древних зданий и их руин. Автор оказался не только пионером раскопок руин смоленской архитектуры XII-XIII вв., но и основоположником топографической фиксации их размещения в восточной половине Смоленска и его предместья, начиная от Соборной горы до самого восточного пункта - урочища Духова монастыря.

3

Среди смоленских историков XIX в. центральной фигурой, несомненно, был С. П. Писарев (1846-1904), автор нескольких книг и серии статей и заметок о Смоленске.¹⁶⁾ В 1882 г. выходит его первая статья "О городках и курганах Смоленской губернии".¹⁷⁾ В изучении Смоленска Писарева поддерживал городской голова А. П. Энгельгардт. Сыграло свою роль и знакомство с А. С. Уваровым, вместе с которым Писарев в 1883 г. провёл небольшие раскопки в Борисоглебском монастыре на Смядыни. 80-90-е гг. и являются самой продуктивной порой в жизни Писарева. В 1885 г. он проводит раскопки храма на усадьбе Бибикина, в 1886 г. - на усадьбе

¹³⁾ Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864.

¹⁴⁾ *Полесский-Щепилло М. П.* Раскопки развалин древнего храма св. великомученицы Екатерины в восточном предместье г. Смоленска. - В кн.: *Памятная книжка по Смоленской губернии на 1870 год.* Смоленск, 1870.

¹⁵⁾ Подробно см.: *Воронин Н. Н.* Смоленская живопись 12-13 веков. М., 1977.

¹⁶⁾ *Орловский И. И.* С. П. Писарев (некролог). - В кн.: *Памятная книжка Смоленской губернии на 1905 г.* Смоленск, 1904; *Лавровский Л. Я.* Семён Петрович Писарев (некролог). - СЕВ, 1904, № 7; *Грачёв В. И.* Воспоминания о Семёне Петровиче Писареве. Смоленск, 1908 (переиздание см.: *Грачёв В. И.* Краткий каталог Смоленского музея. Смоленск, 1908).

¹⁷⁾ СВ, 1882, № 52.

Хозерова, в 1887 г. - церкви на Окопном кладбище. Он находит руины Спасского монастыря у д. Чернушки, храмов Крестовоздвиженского монастыря (церковь Гурия, Симона и Авива), Катерины на Крупошице в правобережье Днепра, Духова монастыря, руины "Козьмодемьянского монастыря" на Свирской улице, Николы Полутелого (около церкви Ивана Богослова) и др. В

одной из своих работ он с гордостью мог подытожить: "В продолжение от XII до XV века только в одних теперешних предместьях устроено было не менее 13 каменных храмов, о чём можно судить (вместе с уцелевшими) по количеству развалин этих храмов, характеризующихся греко-киевским строительным искусством; и в самом городе примечаются следы нескольких храмов того же периода".¹⁸⁾

С. П. Писарев добивается у городской думы выделения помещения (всего одной комнаты) для городского историко-археологического музея, открытого им в 1887 г. Примечательно, что в этом любовно собранном музее имелся специальный VI отдел, где экспонировались образцы плинфы

¹⁸⁾ Писарев С. П. Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898, с. 12.

-13-

Рис. 2
С. П. Писарев (1846 - 1904)

из всех изученных Писаревым памятников, коллекции кирпичей с бортовыми знаками, разнообразные поливные плитки полов храмов и пр.¹⁹⁾ Хранителем этого музея был утверждён в 1889 г. сподвижник Писарева, учитель смоленского ремесленного училища В. И. Грачёв.

Стремясь привлечь общественность к делу учёта, собирания и охраны смоленских древностей, Писарев выработал специальную программу и разослал её разным лицам и учреждениям.²⁰⁾

В 1894 г. в Смоленске вышел основной труд С. П. Писарева - "Княжеская местность и храм князей в Смоленске", в котором он стремился доказать, что Смядынь с её монастырём и дворцовым храмом архангела Михаила была "вторым, княжеским городом", тогда как основная, восточная территория была собственно городской, где правило возглавлявшее горожан вече. Эта теория вызвала дискуссию и обоснованные возражения. Но главная ценность данной книги не в её концепции (которую некоторые историки некритически разделяют и теперь), а в обильном фактическом материале, в ней содержащемся. К тому же автор не ограничивается историей западного "предместья" Смоленска, а попутно рассказывает о всей его территории, сообщая самые разнообразные сведения о ней и об её памятниках и их руинах.²¹⁾

Второй труд С. П. Писарева - "Памятная книга г. Смоленска" - имеет, пожалуй, большее значение, так как в нём даны накопленные автором сведения о всём городе, начиная от урочищ и руин древних храмов и до конца XIX в., причём многое он изменил в соответствии с новыми взглядами. При всей примитивности исполнения ценен приложенный к книге план Смоленска с показанием открытых автором руин древних зданий и важнейших особенностей рельефа города. Неутомимый исследователь и энтузиаст, Писарев внёс большой вклад в изучение прошлого

родного города. Его книги и статьи не потеряли ценности и теперь, порой они имеют характер первоисточника.

В связи с деятельностью С. П. Писарева уместно особо отметить местную смоленскую печать: "Смоленские губернские ведомости" (с 1838 по 1916 г.), "Смоленские епархиальные ведомости" (с 1865 по 1906 г.), "Смоленский вестник" (с 1878 по 1916 г.), "Смоленскую газету" (с 1902 по 1907 г.). Эти местные органы, как в других губерниях, так и в Смоленской, содействовали оживлению изучения края. На их страницах разбросаны интересные заметки и статьи смоленских любителей старины, что делает "неофициальную часть" даже казённых органов до сих пор необходимым источником для исследователя.

Драгоценные сведения о руинах древних смоленских храмов содержатся в очень живом и интересном очерке известного русского этнографа С. В. Максимова "Белорусская Смоленщина с соседями".²²⁾

Изучению Смоленска в немалой степени содействовали появившиеся в конце XIX - начале XX в. общеисторические монографии П. В. Голу-

¹⁹⁾ Грачёв В. И. Воспоминания..., с. 23-26; Писарев С. П. Памятная книга..., с. 105.

²⁰⁾ Грачёв В. И. Воспоминания..., с. 5.

²¹⁾ Труд С. П. Писарева вызвал лишь одну краткую анонимную рецензию, очень сдержанную в своей оценке книги (АИЗ, 1895, т. 2-3, с. 78).

²²⁾ Живописная Россия, 1882, т. III, с. 460.

бовского²³⁾ и И. М. Краснопёрова;²⁴⁾ правда, в них почти ничего нет о смоленской архитектуре, но они полезны для понимания породившей её культурно-исторической почвы. А. В. Сапковский напечатал имевшее справочное значение "Краткое описание церквей Смоленской епархии".²⁵⁾

В ту же пору, когда в изучение смоленской старины включились разночинцы, понявшие историческую роль древних развалин и других остатков материальной культуры Смоленска, развивалось и чисто клерикальное направление, представители которого интересовались совсем иными вопросами. Так, в очерке М. И-ва "Из истории смоленских древностей", который раскрываешь с надеждой найти какие-то крупинки данных, полезных для истории древнего строительства, находим сведения "о смоленских князьях, ознаменовавших себя особенною ревностью к вере и усердием к храмам Божиим", и "о святых смоленских угодниках, почитающихся в киевских пещерах".²⁶⁾ И ни слова о реальных древностях города!

После смерти С. П. Писарева объединяемый им кружок "ревнителей" смоленской старины распался, основанный им музей оказался без надзора и был расхищен, нарастало общественное равнодушие к прошлому Смоленска. Едва ли преувеличивал один из смолян, называвший Смоленск бездушным к своему прошлому "мёртвым городом". В этих условиях работа историка и археолога требовала большой самоотверженности и упорства. Этими качествами обладал скромный преподаватель смоленского епархиального женского училища И. И. Орловский (1869-1909). По выражению одного из его биографов, в нем горел "огонь фанатической любви и преданности к смоленской старине".²⁷⁾

И. И. Орловский ещё застал С. П. Писарева живым и деятельным и заразился его интересом к прошлому Смоленска. Он исходил вдоль и поперёк город и его предместья и понял значение его памятников. В своей маленькой книжке "Достопамятности Смоленска" И. И. Орловский писал: "В Смоленске, что ни шаг - история... Во времена бедствий погибли весьма многие его исторические памятники, особенно письменные, но тем дороже для нас сохранившиеся здесь остатки старины и тем ценнее исторические воспоминания, возбуждаемые ими. Изучать эти памятники и охранять их - есть священнейший долг каждого образованного гражданина и каждого верного сына своей Родины".²⁸⁾ Идя по стопам Писарева, его преемник насчитывал 10 древних руин в западном предместье города и пять - в восточном.²⁹⁾

²³⁾ Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895.

²⁴⁾ Красножоров И. М. 1) Учреждение в Смоленске епископии. - СЕВ, 1883, № 19; 2) Общинновечевой строй и просвещение в Смоленском княжестве. - Мир божий, 1893, № 12; 3) Очерк промышленности и торговли Смоленского княжества с древнейших времен до XVI в. - Ист. обозр., 1894, т. VII, с. 64-111.

²⁵⁾ СЕВ, 1897-1898.

²⁶⁾ СЕВ, 1879, № 9, ч. неофиц., с. 183-207.

²⁷⁾ Аксёнов М. В. Смоленский историограф Иван Иванович Орловский (1869-1909). Смоленск, 1909; Добровольский В. П. И. И. Орловский, его личность и значение в деле исследования Смоленского края. Смоленск, 1909; Жиркевич А. В. И. И. Орловский. Вильно, 1909.

²⁸⁾ Орловский И. И. Достопамятности Смоленска. Смоленск, 1906, с. 4.

²⁹⁾ Орловский И. И. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. - СС, 1909, вып. I, ч. 1, с. 206, прим. 2.

Характерно, что с первых шагов И. И. Орловский выступает как активный пропагандист смоленских памятников. Его "Достопамятности..." - это короткий путеводитель по городу, снабжённый более подробным, чем у Писарева, историческим планом и указаниями мест древних руин. В оставшейся неопубликованной рукописи автор, сетуя на инертность смоленской интеллигенции, плачевное состояние памятников Смоленска и отсутствие их изучения, выдвигал идею организации Смоленского археологического общества. Наконец, гораздо позднее, чем в других русских городах, 3 апреля 1908 г., была открыта Смоленская учёная архивная комиссия.

Литературная деятельность И. И. Орловского открывается большим монографическим исследованием, приуроченным к юбилею смоленской крепости (1602-1902). Изданная с большим трудом, эта книга была в сущности монументальным путеводителем по крепости, где перед читателем проходили прясло за пряслом стены, башня за башней со всеми связанными с ними историческими событиями.³⁰⁾ При этом автор не ограничивался узким поясом стены, а попутно рассказывал о прилежащей городской местности - книга была шире своего названия.

Но главной заслугой И. И. Орловского перед наукой является его капитальная монография "Борисоглебский монастырь...". Здесь собран почти весь фонд письменных источников о памятнике, в том числе пространная запись о строительстве в монастыре князя Давида Ростиславича, в связи с чем автор подверг критике клерикальную концепцию С. П. Писарева о вывозе мощей Бориса и Глеба из Вышгорода на Смядынь. История монастыря была прослежена на протяжении семи столетий, вплоть до раскопок его большого собора в 1907-1908 гг. Этот труд был опубликован в первом выпуске нового смоленского научного издания "Смоленская старина" в 1909 г., в год смерти И. И. Орловского. Первый выпуск и был посвящен его памяти.

Все исследователи Смоленска XIX в., за очень редкими исключениями, относились к древним смоленским храмам лишь как к памятникам культа, "святыням", реликвиям "церковной археологии". Не только в Смоленске, но и во многих других древнерусских городах памятники древней культовой архитектуры не считались памятниками искусства и не рассматривались в их связях с памятниками других областей и зарубежных стран. Единственно, что очень долго оставалось несомненным, - это положение о пришлых, византийских мастерах, которые и создали всё примечательное в области строительства.

Непосредственно историко-архитектурные вопросы встали впервые в связи с раскопками двух храмов Борисоглебского монастыря - большого собора и малой церкви, в которых принимали эпизодическое участие архитекторы Москвы и Петербурга. Малую церковь Василия на Смядыни раскопали в 1909 г. уже силами местной Учёной архивной комиссии. Исследование возглавляли известный своими превосходными работами в области фотографирования русского

³⁰⁾ Орловский И. И. Смоленская стена.

Рис. 3
И. И. Орловский (1869 - 1909)

После этих работ выявились черты сходства вновь открытых храмов с такими сохранившимися смоленскими памятниками, как церкви Петра и Павла и Ивана Богослова, вызвала интерес строительная техника, появилась возможность говорить о собственно-смоленской архитектуре. Для этого теперь имелся и краткий "Указатель церковных древностей Смоленска", составленный П. Цветковым, который ещё и ещё раз давал понять, сколько архитектурных сокровищ таила в себе земля древнего города.³¹⁾ Однако крупнейший обобщающий труд "История русского искусства" (под редакцией И. Э. Грабаря), впервые показавший русскому народу и мировой общественности древние художественные богатства России, обошёл Смоленск полным молчанием - столь туманным было сознание культурного значения древнего Смоленска. Да и в самом Смоленске ещё длилось затишье. И тот же Цветков в 1912 г. писал о руинах древних храмов, что "это холмы из щебня или поросшие травой земляные возвышения, которые только расположением своим обнаруживают скрытые под ними фундаменты стен или апсиды алтарей. Содержатся они в крайнем

³¹⁾ УЦДС. - Автор насчитывал только внутри крепости по крайней мере 12 древнейших церквей.

беспорядке: на одних мы видели разбитый огород, на других заметны свежие могилы, а иные, по-видимому, служат местом для разных отбросов".³²⁾ Автор из напрасной деликатности написал "по-видимому": древние руины по-прежнему растаскивались на кирпич, служили помойными ямами и местами свалки нечистот.

Первые значительные сдвиги в изучении смоленской архитектуры в советское время связаны, прежде всего, с именем И. М. Хозерова (1889- 1947), человека исключительного

трудолюбия и преданности делу изучения и охраны памятников древнего зодчества Смоленска, Полоцка и Витебска. С 1918 г. он работал в органах, связанных с охраной и реставрацией памятников, - в художественно-археологическом подотделе Смоленского ГубОНО, был директором Смоленского музея и заведующим Смоленским губернским музейным управлением.³³⁾ Опытный техник строительного дела и знаток памятников смоленской архитектуры, он в 1926-1929 гг. вёл работы по реставрации храма Петра и Павла XII в. и смоленской крепостной стены. Его тщательные обмеры смоленских памятников и церкви Благовещения в Витебске (ныне разрушенной) были использованы в книге Н. Н. Щекотихина.³⁴⁾ Небольшие археологические разведки Петропавловской, Иванобогословской, Воскресенской церквей и храма на Рачевке установили некоторые особенности плана, наличие приделов и своеобразие архитектуры памятников - со сложными пучковыми пилястрами. Краткие итоги этих работ были подведены в докладе автора на пленуме Института истории материальной культуры в 1941 г.³⁵⁾ Обследования территории Смоленска и проверка собранных другими исследователями данных позволили прийти к заключению, что в Смоленске XII-XIII вв. было сооружено не менее 27 каменных построек.

При большой ценности наблюдений и разведок, осуществлённых, как правило, точно и вдумчиво, слабым местом работ И. М. Хозерова было неумеренное увлечение внешними влияниями. Так, например, характеризуя Воскресенскую церковь, исследователь видел в формах её пучковых пилястр грузинское влияние, в профилировке южного перспективного портала - романское, а в его фресковой росписи - византийское. И даже своеобразнейшие знаки и клейма смоленской плинфы приводили автора к заключению, что строителями ряда смоленских храмов домонгольского периода были западные мастера.

³²⁾ УЦДС, с. 68-69.

³³⁾ См.: *Воронин Н. Н.* И. М. Хозеров (некролог). - КСИИМК, 1948, вып. XIX, с. 59-60. - Многие материалы о жизни и трудах И. М. Хозерова были сообщены нам его вдовой Е. И. Хозеровой.

³⁴⁾ *Шчакаціхін М. М.* Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва. I. Менск, 1928, табл. 11, 15, 17, рис. на с. 111, 116, 117. См. также: *Белагорцаў І. Д.* Літаратурная спадчына І. М. Хозерова. - Літаратура і мастацтва, 1957, № 24.

³⁵⁾ *Хозеров И. М.* Археологическое изучение памятников зодчества Древнего Смоленска. - КСИИМК, 1945, вып. XI, с. 20-25. См. также: *Хозеров И. М.* Новые данные о памятниках древнего зодчества города Смоленска. - In: *Seminarium Kondakovianum*. II. Praha, 1928, s. 353.

Рис. 4
И. М. Хозеров (1889 - 1947)

Особо следует сказать об исследовании И. М. Хозеровым совершенно нетронутой темы о знаках и клеймах на кирпичях смоленских памятников.³⁶⁾ Автор рассматривал свою работу лишь как начало большой монографии об этом интереснейшем материале и никаких принципиальных выводов не сделал. Однако если первые публикации знаков и клейм М. П. Полесским-Щепилло, С. П. Писаревым и И. И. Орловским были очень кустарны и наивны, лишены масштабов, то публикация Хозерова образцова, в ней представлены рисунки знаков и клейм в натуральную величину; исследователи могут пользоваться ими как подлинниками.

Большой трагедией в жизни И. М. Хозерова была гибель всех его научных материалов, обмерных чертежей и рукописей во время бомбардировки фашистской авиации Минска 24-26 июня 1941 г. Однако эта катастрофа не сломила учёного. Хозеров, уже тяжело больной, попытался по памяти восстановить сделанное, хотя это были уже почти проспекты, без конкретных научных данных, которыми ранее обладал автор. Ни одна из этих работ не была завершена и подготовлена к печати. Но и незавершён-

³⁶⁾ *Хозеров И. М.* Знаки и клейма кирпичей смоленских церквей древнейшего периода. - Науч. изд. Смол. гос. ун-та, 1929, т. V, вып. III, с. 167-184.

-19-

ные рукописи, сохранившиеся в ряде учреждений, представляют большой научный интерес, и мы будем постоянно ссылаться на них.³⁷⁾

Определённый вклад в понимание смоленского зодчества внёс Н. И. Брунов. Уже в 1924 г. в докладе "О некоторых особенностях полоцко-смоленского зодчества" он отметил наличие в "Полоцко-Смоленской области" самостоятельного архитектурного направления, оказавшего существенное влияние на развитие архитектуры других русских земель, особенно Новгорода (церковь Пятницы).³⁸⁾

Искусством Смоленщины занимался также И. И. Щекотихин. Его привлекала главным образом поздняя каменная и деревянная архитектура, но его же перу принадлежит сводная монография, дан обзор археологических и архитектурных памятников.³⁹⁾ Оригинальных мыслей и наблюдений книга не содержит - это сводка литературы, но она проникнута идеей о тесной связи смоленского зодчества XI-XIII вв. с искусством Запада и его влиянии на русское историко-архитектурное развитие, вплоть до архитектуры Новгорода и Владимиро-Суздальской земли. Наиболее чётко взгляды Щекотихина выражены в его обзоре литературы о белорусском искусстве.⁴⁰⁾ Прежде всего, ясно, что автор не принимает исторического факта единства культуры Древней Руси в XI-XIII вв., которая лишь позднее, вследствие ударов монголов и западных государств, расчлняется на три культуры: русскую, украинскую и белорусскую. Щекотихин превозносит в своём обзоре статью А. Иппеля "О белорусском искусстве".⁴¹⁾ Ценность этого сочинения Щекотихин видит в том, что автор рассматривает белорусское искусство как "самостоятельное явление", в котором выявляется художественное творчество "особого народа, на особой территории".⁴²⁾ Во всём этом

³⁷⁾ Важнейшей, но незавершённой рукописью И. М. Хозерова, приобретённой Институтом истории АН БССР, является "Архитектура Белоруссии и Смоленщины XI- XIII вв.". В 1940 г. Хозеровым была подготовлена специальная монография "Памятники архитектуры Полоцкого Бельчицкого монастыря". Этот труд должен был быть опубликован в сборнике "Материалы и исследования по археологии Белоруссии" в 1941 г. Само издание и рукопись с иллюстрациями (80 рисунков и чертежей), видимо, погибли во время войны. Ныне уничтожены и руины Бельчицкого монастыря, представлявшие выдающийся интерес не только для истории полоцкого зодчества, но и для истории древнерусской архитектуры в целом. В том же погибшем сборнике, по-видимому, печаталась и вторая статья - "Развалины Мономахова собора в Смоленске". Хозеровым были написаны по поручению Академии архитектуры СССР и Третьяковской

галереи краткие обзорные статьи: "Памятники зодчества XI-XIII вв. в Белоруссии", "Новые данные по исследованию памятников архитектуры в Полоцке", "Архитектура и живопись Западной Руси XI-XIII вв.". В Институте истории АН БССР есть ещё две статьи такого рода, не содержащие по отношению к названным чего-либо нового.

³⁸⁾ ЛОАИА, ф. 2, 1924, д. 24, л. 4. - Позднее эта мысль была развита в различных работах Н. И. Брунова (см., например: *Брунов Н.* Беларуская архітэктара XI-XII ст. - В кн.: *Зборнік артыкулаў Інстытута беларускай культуры.* Менск, 1928, с. 301; *Brounoff N.* Un nouveau type d'église dans la Russie du Nord-Ouest au XII-ième siècle. - In: *Vetenskaps-Societeten i Lund. Arsbok.* Lund, 1925, s. 30).

³⁹⁾ *Шчакаціхін М. М.* Нарысы...

⁴⁰⁾ *Шчакаціхін М. М.* Беларускае мастацтва у гістарычнай і архэалёгічнай літаратуры. - *Полымя*, 1927, № 6, 8.

⁴¹⁾ *Ippel A.* Zur weissruthenischen Kunst. - In: *Weissruthenien.* Berlin, 1919 (перевод см.: *Инпель А.* Беларускае мастацтва. Віцебск, 1925).

⁴²⁾ *Полымя*, 1927, № 6, с. 166-168.

-20-

звучит неприкрытый национализм. Особенно отчётливо это выразилось в грубом выпаде против Н. И. Брунова, которого Щекотихин обвинил в определении памятников полоцкого зодчества XII в. как древнерусских, а не как белорусских. ⁴³⁾

Более поздней архитектурой Смоленска занимался С. Д. Ширяев. Древнейшее смоленское зодчество он не изучал и, когда писал о нём, повторял общепринятые мнения. Западные влияния в смоленских памятниках XII в. автор аргументировал традиционными доводами: "романские" аркатурные пояса; "романские" порталы; мнимая "базиликальность" церкви архангела Михаила и т. п. В итоге он приходил к поразительному по слепоте выводу: "Смоленск в Древней Руси никогда не имел значения выдающегося национального художественного центра, подобно Новгороду, Ростову или Ярославлю". ⁴⁴⁾

Впрочем, такие тенденции господствовали и в столичной науке. Так, А. И. Некрасов в своей книге о византийском и русском искусстве совсем не заметил Смоленска, ⁴⁵⁾ а позднее, упоминая о знаменитом храме Михаила архангела в Смоленске, писал: "Здесь мы опять встречаемся с комбинированием византийских, западных и кавказских мотивов". ⁴⁶⁾ К сожалению, подобные взгляды жили в смоленской литературе довольно долго. Так, уже в 1947 г. В. Столяров сообщал о древнейших смоленских храмах следующее: "Архитекторами и строителями всех этих сооружений были греки, а потому древние храмы в Смоленске по своей архитектуре сходны с древними храмами Киева, Новгорода, Чернигова, строителями которых были тоже греки". ⁴⁷⁾

В 40-50-х гг. в Смоленске наблюдался некоторый подъём краеведческого движения, получившего, однако, крайне отсталое, далёкое от историко-археологической науки того времени направление, представленное в основном трудами Н. В. Андреева и Д. П. Маковского. ⁴⁸⁾ Работы эти уже достаточно освещены в критических статьях. ⁴⁹⁾

5

В 1945 г. на восстановительные работы в Смоленск прибыл архитектор И. Д. Белогорцев. Назначенный на должность начальника Областного отдела по делам архитектуры, он проработал здесь до 1956 г. В круг его обязанностей входили также охрана и реставрация памятников архитек-

⁴³⁾ *Шчакаціхін М. М.* Нарысы..., с. 115 (прим. 1), с. 120 (прим. 1).

⁴⁴⁾ *Ширяев С. Д.* Этюды по истории архитектуры Смоленска и белорусской Смоленщины. Смоленск, 1924, с. 1.

⁴⁵⁾ Некрасов А. И. Византийское и русское искусство. М., 1924.

⁴⁶⁾ Некрасов А. И. Очерки по истории древнерусского зодчества. М., 1936, с. 88.

⁴⁷⁾ Столяров В. Памятники смоленской старины. - Смоленский альманах, 1947, № 2, с. 273.

⁴⁸⁾ Маковский Д. П. 1) Героическая оборона (борьба смолян с польско-литовскими интервентами). - В кн.: Родина. Кн. 2. Смоленск, 1938, с. 268-300; 2) Смоленское княжество. Смоленск, 1948; Андреев Н. В., Маковский Д. П. Смоленский край в памятниках и источниках. Ч. 1. Смоленск, 1949, и др.

⁴⁹⁾ См.: Белявский М. По дореволюционным образцам. - Лит. газ., 1952, № 11; Авдусин Д. А. За высокое качество книг по истории местного края. - Смоленский

туры. Новый смоленский градостроитель проявил большую заботу о сохранении древних руин и вёл надзор за многочисленными строительными объектами, где выявлялись либо сами руины памятников XII-XIII вв., либо следы ("россыпи") древних строительных материалов, может быть, сигнализировавших о близлежащих развалинах храмов. Его работы отражены в ряде статей, которые будут использованы ниже, так как многое, что было увидено Белогорцевым, теперь недоступно вторичному наблюдению и его публикации становятся как бы первоисточником. Кроме специальных статей, Белогорцев публиковал статьи и брошюры, пропагандировавшие памятники Смоленска и его области. Вся эта работа сыграла большую роль в охране памятников и урочищ с их руинами от сноса и застройки. С этой же целью была задумана и выполнена схема плана Смоленска с показом на ней памятников и руин XII-XIII вв. На ней Белогорцев насчитывал до 46 монументальных каменных построек XII-XIII вв., свидетельствовавших о древнем архитектурном богатстве Смоленска.

Однако И. Д. Белогорцев не представлял себе современных требований методики археологического исследования памятников зодчества. Поэтому в его работах много ошибочных или наивных рассуждений. Произвольной была и атрибуция, в особенности датировка, памятников. Исследователь не чувствовал той стремительной эволюции, которую совершило смоленское зодчество на протяжении XII-XIII вв., и с лёгкостью относил, например, ко времени княжения Ростислава (вторая четверть XII в.) памятники расцвета смоленской архитектуры конца XII - начала XIII в. В значительной мере это определялось и априорной "просмоленской" позицией автора, как бы восстававшей против огульного осуждения смоленского зодчества за несамостоятельность. В отличие от И. М. Хозерова, которого интересовали главным образом улики участия иноземных мастеров в движении смоленской архитектуры, Белогорцев делал всё возможное, чтобы представить Смоленск в качестве главного очага развития русской архитектуры. Прямым влиянием смоленского зодчества он объяснял развитие архитектуры всех русских земель, в том числе Владимиро-Суздальской, Новгородской, Киевской, Волынской и даже далекого Галича.⁵⁰⁾ Кроме того, он безосновательно преувеличивал в развитии архитектуры Смоленска роль древних языческих традиций и деревянного зодчества. Ошибки Белогорцева уже не раз отмечались в печати.⁵¹⁾ И тем не менее необходимо признать, что Белогорцев впервые сделал попытку чётко определить, в чём же заключаются основные особенности смоленской архитектурной школы. Он писал: "Основным достижением смоленской архитектуры XII в. является выработка типа ступенчато-башнеобразного здания, убранного

альманах, 1952, № 10; Монгайт А. Л. За высокое качество трудов по местной истории. - ВИ, 1953, № 4.

⁵⁰⁾ Белогорцев И. Д. 1) Смоленско-украинские архитектурные связи. - В кн.: Литературный Смоленск. Кн. 13. Смоленск, 1954, с. 205; 2) Архитектурные связи древнего Полоцка. - Сб. науч. тр. Белорус. политех. ин-та, Минск, 1959, вып. 81, с. 114.

⁵¹⁾ Монгайт А. Л. За высокое качество трудов по местной истории. - ВИ, 1953, № 4; Альперович М. А. Книги по архитектуре Смоленска. - Смоленский альманах, 1950, № 7, с. 248.

пышным декором угловых и фасадных пилястр и аркатурных фриз".⁵²⁾ Правильно отмечено в его работах и то, что роль смоленской архитектуры в истории русского зодчества была очень велика "благодаря её гражданственности и общерусской теме".⁵³⁾

Первоначальный эскизный очерк культуры и зодчества Смоленска был сделан Н. Н. Ворониным.⁵⁴⁾

Существенным моментом в разработке истории древнерусского зодчества вообще и смоленского, в частности, явилась "История культуры Древней Руси", где впервые в нашей историографии все явления культуры были рассмотрены в своей совокупности и в органической связи с самой историей русского народа XI-XIII вв.⁵⁵⁾ Смоленское зодчество предстало здесь как одна из школ периода феодальной раздробленности. Несмотря на ограниченность знаний того времени, были отмечены быстрое развитие его форм, в частности динамическая композиция Михайловского дворцового собора князя Давида, и большая роль Смоленска в развитии русского зодчества конца XII - начала XIII в., о чём тогда можно было только догадываться.

В курсе "Истории русской архитектуры" постройки Смоленска не рассматривались как определенная школа, но наиболее выдающийся памятник - церковь Михаила архангела - был подвергнут анализу.⁵⁶⁾

Подробнее освещена архитектура Смоленска в 12-томной "Всеобщей истории архитектуры".⁵⁷⁾ Здесь наряду с тремя сохранившимися памятниками описан ряд сооружений, выявленных археологическими раскопками. При этом достаточно чётко отмечено наличие в архитектуре Смоленска двух этапов развития. Первый этап - середина XII в., второй этап - конец XII - начало XIII в. Определённо, хотя и очень кратко, подчеркнута большая роль зодчества Смоленска в истории русской архитектуры.

Следует отметить, что понемногу продолжалось и археологическое изучение смоленских памятников. Так, в 1955 и 1958 гг. два памятника - руины в Перекопном переулке и круглая постройка (ротонда) - были раскопаны археологической экспедицией МГУ под руководством Д. А. Авдусина.

В 1964 г. вышла из печати книга М. К. Каргера "Зодчество древнего Смоленска". В ней сведены воедино все накопившиеся к этому времени материалы по истории древней смоленской архитектуры, хотя отмечено, что это попытка лишь предварительная, поскольку "автор отчётливо сознаёт

⁵²⁾ *Белогорцев И. Д.* Смоленская архитектурная школа периода феодальной раздробленности. - В кн.: Тез. докл. науч. конф. проф.-препод. состава Смол. пед. ин-та по итогам науч.-исслед. работы. Смоленск, 1956, с. 21.

⁵³⁾ Там же, с. 23.

⁵⁴⁾ *Воронин Н. Н.* Древнерусские города. М., 1945, с. 28.

⁵⁵⁾ *Воронин Н. Н., Каргер М. К.* Архитектура. - В кн.: История культуры Древней Руси. Т. 2. М.-Л., 1951, с. 284-289. См. также: *Воронин Н. Н., Лазарев В. Н.* Искусство западнорусских княжеств. Смоленское княжество. - В кн.: История русского искусства. Т. 1. М., 1953, с. 320-332.

⁵⁶⁾ *Брунов Н. И.* Архитектура периода феодальной раздробленности Руси. - В кн.: История русской архитектуры. М., 1956, с. 62-63.

⁵⁷⁾ *Асеев Ю. С.* Архитектура Южной и Западной Руси в XII-XIII вв. - В кн.: Всеобщая история архитектуры. Т. 3. М.-Л., 1966, с. 576-577, 582-584.

недостаточность тех отрывочных материалов, которые ему удалось собрать".⁵⁸⁾ Помимо литературных данных, Каргер ввёл в научный оборот некоторые архивные материалы - акварели фресок храма на Протоке, выполненные при раскопках 1868 г., фотографии раскопок храмов Смядынского монастыря; он широко использовал также зарисовки древних смоленских зданий на гравюре В. Гондиуса.⁵⁹⁾ В книге описано восемь памятников, более или менее изученных, и приведено ещё 12, о которых имелись лишь беглые упоминания. По охвату материала, детальности изложения и подробности библиографических сведений работа Каргера, безусловно, значительно превосходит все предшествующие труды.

Даже сведение всех имевшихся материалов о древнем смоленском зодчестве убедительно и наглядно показало, каким ярким явлением оно было, как многообразна архитектура древнего Смоленска и как многочисленны его памятники. Вместе с тем книга М. К. Каргера одновременно продемонстрировала и то, что подавляющее большинство памятников древнего Смоленска либо совсем не изучено, либо изучено крайне поверхностно. Разрозненные, часто малоквалифицированные описания не позволяли в большинстве случаев представить ни архитектурный облик, ни конструктивные особенности, ни даже схему плана построек, не дали возможности определить с достаточной точностью их дату. По-видимому, учитывая это обстоятельство, Каргер отказался от мысли наметить основные пути развития смоленского зодчества и дать характеристику смоленской архитектурной школы, ограничившись сводкой материала. Он писал, что "предпринятая им попытка должна послужить толчком в организации систематических, многолетних архитектурно-археологических исследований памятников древнего смоленского зодчества".⁶⁰⁾ Впрочем, пожелание это запоздало, так как ко времени выхода книги в Смоленске уже третий год работала Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция.

⁵⁸⁾ Каргер М. К. Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, с. 6.

⁵⁹⁾ Гравюру В. Гондиуса см.: Даниловский А. План осады и обороны города Смоленска в 1632 и 1634 гг. с объяснительным текстом. - В кн.: Материалы Военно-учёного архива. Картографические материалы. Вып. II. СПб., 1904.

⁶⁰⁾ Каргер М. К. Зодчество древнего Смоленска, с. 6.

Успенский собор

1

Начало истории монументального зодчества древнего Смоленска связано с именем Владимира Мономаха, получившего в 1093 г. после смерти своего отца Всеволода в добавление к своей старой вотчине Переяславлю-Южному Смоленск и Ростово-Суздальскую землю. На рубеже XI- XII вв. Мономах уделяет большое внимание этим богатым владениям. Он укрепляет Суздаль и строит здесь при участии переяславльского епископа Ефрема первый на северо-востоке каменный храм - Успенский собор.¹⁾ Не меньше внимания уделяет он и Смоленску, где в 1101 г. закладывает также каменный Успенский собор. В Ипатьевской летописи под 1101 г. сообщается, что "в се же лето Володимер заложи церковь у Смоленське, святое Богородице камяну епискупью".²⁾ В других летописях есть противоречивые данные, уточняющие время закладки храма: в IV Новгородской летописи - 7 марта "на средокрестье",³⁾ в Никоновской - 2 мая "в 3 час дне".⁴⁾

Определение смоленского храма как епископского, кафедрального является позднейшей добавкой, сделанной уже после учреждения Смоленской

¹⁾ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV вв. Т. 1. М., 1961, с. 27-34.

²⁾ ПСРЛ, II, 250. См. также: VII, 18; XX, 10; XXIII, 28; XXIV, 72; XXV, 24.

³⁾ ПСРЛ, IV, ч. 1, 138.

⁴⁾ ПСРЛ, IX, 137.

-25-

епископии (1136 г.).⁵⁾ В пору, когда был заложен смоленский собор, Смоленское княжество вместе с Переяславльским принадлежало Мономаху и не было причин для выделения Смоленска в особую епархию. Таким образом, в 1101 г. Мономах начал строить в Смоленске не кафедральный храм, а большой городской собор; это был единственный каменный храм, обслуживавший культовые нужды стольного города. Возможно, что почти одновременное строительство больших храмов в Суздале и Смоленске - крупнейших центрах северной вотчины Мономаха - отражало намерение его и переяславльского епископа поставить в этих городах епископских наместников, сделав их наместничествами Переяславльской епископии.⁶⁾ Очень вероятно, что строители суздальского и смоленского соборов были выходцами из центра южной волости Мономаха - Переяславля-Русского, где епископ Ефрем осуществил ряд крупных монументальных построек.

Когда во главе Смоленского княжества стала своя княжеская династия и смоленский стол занял внук Мономаха Ростислав Мстиславич, стал на очередь вопрос об учреждении особой Смоленской епископии. По свидетельству составленной в Смоленске краткой похвалы "О великом князе Ростиславе Смоленском и о церкви", Ростислав "приде первое в град Смолинеск на княжение и виде смолинскую церковь, сущую под Переясловлем (т. е. в церковном отношении Смоленск подчинялся епископу Переяславля-Южного. - Н. В., П. Р.), и негодова, и здума с бояры своими и с людми, и постави епископа к церкви святыя Богородици, и уял часть от всея области своея и дал святей богородицы и епископу".⁷⁾ В 1136 г. "поставлен бысть скопечь Мануило епископом Смоленску, певечь гораздый, иже бе пришел из Грек сам третий и к боголюбивому князю Мьстиславу. Пред сим бо бе не был епископ в Смоленське".⁸⁾

Судя по тому что Мануил был поставлен "к церкви святыя Богородици", заложенный Мономахом собор был уже закончен строительством.⁹⁾ Однако ряд источников свидетельствует,

что его достройка была осуществлена Ростиславом. Так, в Супрасльской летописи в статье 6673 г. о смерти князя Ростислава указано, что он "святую Богородицу строил в Смоленьске марта 21".¹⁰⁾ Некоторые исследователи считают, что собор

⁵⁾ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 355; Щапов Я. Н. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича. - В кн.: Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1962, с. 39-40. - В отличие от датировки Устава 1137 г. А. В. Поппэ убедительно аргументирует другую дату - 1136 г. (Поппэ А. В. Учредительная грамота Смоленской епископии. - В кн.: Археографический ежегодник за 1965 г; М., 1966, с. 59-71).

⁶⁾ Поппэ А. В. Учредительная грамота..., с. 70.

⁷⁾ Щапов Я. Н. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы" Смоленска XII в. - В кн.: Исследования по истории русской литературы XI- XVII вв. Л., 1974. с. 59.

⁸⁾ ПСРЛ, II, 300.

⁹⁾ Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972, с. 145. - Впрочем, имеется вариант: "И постави епископа и церковь" (Сумникова Т. А. "Повесть о великом князе Ростиславе Мстиславиче Смоленском и о церкви" в кругу других смоленских источников XII в. - В кн.: Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973, с. 133).

¹⁰⁾ Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращённые летописи. М., 1836, с. 132.

-26-

был закончен при Мономахе и что нет оснований говорить о его достройке Ростиславом: термин "строил" осмысляется ими как "благоустраивал", "окружал заботами".¹¹⁾ Однако в "Кратком летописце" XV в. недвусмысленно упоминается Ростислав, "сздавый первую епископию у Смоленьску святую Богородицю".¹²⁾ Видимо, достройка собора была очень значительной. Ниже мы увидим подтверждение этому.

Под 1150 г. отмечено освящение Успенского собора. Поскольку совершенно несомненно, что собор уже функционировал до этой даты, это было, очевидно, вторичное освящение. Неясно, связано оно с завершением нового этапа строительства здания или же объясняется какими-то политическими причинами.¹³⁾

Далее о судьбе памятника мы знаем очень мало. Под его сводами были погребены сыновья Ростислава: в 1172 г. - Святослав, а в 1180 г. - Роман.¹⁴⁾ Договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. упоминает, что в соборе лежал эталон "воющего пуда".¹⁵⁾ Легенда о Меркурии Смоленском рассказывает, что он был погребён в соборе "на единой стране от красных врат".¹⁶⁾ Далее о соборе нет известий три столетия, но он был цел и в нём отправлялась служба: в 1514 г. после взятия Смоленска Василий III слушал здесь обедню.¹⁷⁾

2

В трагедию падения Смоленска и его захвата Сигизмундом III 3 июня 1611 г. входит и разрушение собора, якобы взорванного собравшимися в нём горожанами, которые предпочли смерть позорному плену и подожгли порох, хранившийся в его подвалах. С этой героической версией были согласны почти все историки Смоленска. Наиболее прочно закрепил патристическое значение этого события Н. М. Карамзин: "Ляхи, везде одолевая, стремились к главному храму Богоматери, где заперлись многие из горожан и купцов с их семействами, богатством и пороховою казною. Уже не было спасения - росияне зажгли порох и взлетели на воздух с детьми, имением - и славою".¹⁸⁾ Таким образом, судьба смоленского собора приобретает двойной интерес - и для истории смоленского зодчества, и для истории знаменитого смоленского "осадного сидения", героиче-

¹¹⁾ Например: *Поппэ А. В.* Учредительная грамота..., с. 70, прим. 49; *Щапов Я. Н.* Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. - В кн.: Новое в археологии. М., 1972. с. 280.

¹²⁾ *Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 356-357, прим. 3; *Воронин Н. Н.* Следы раннего смоленского летописания. - В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 272.

¹³⁾ Я. Н. Щапов связывает вторичное освящение с церковно-политическими событиями 40-х гг. XII в. (*Щапов Я. Н.* 1) Освящение смоленской церкви..., с. 281; 2) Княжеские уставы..., с. 146).

¹⁴⁾ ПСРЛ, II, 550, 616.

¹⁵⁾ *Щапов Я. Н.* Из истории городского управления в Древней Руси (служба мер и весов). - В кн.: Города феодальной России. М., 1966, с. 99.

¹⁶⁾ Русский времянник, сиречь летописец, содержащий российскую историю. Ч. 1. М., 1820, с. 141.

¹⁷⁾ ПСРЛ, VI, 255.

¹⁸⁾ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. III. СПб., 1843, стб. 180.

-27-

ской 20-месячной обороны Смоленска от польско-литовских войск в 1609- 1611 гг. Пересмотр и анализ некоторых источников XVII-XVIII вв. позволяет не только осветить картину гибели собора в XII в., но и получить - это главное - некоторые данные об его архитектуре.

"Новый летописец" дает следующую версию: "Последние ж люди запрошася у пречистые Богородицы в соборной церкви. Един же смольнянин кинуся в погреб. Погребу ж бывшу под тем соборным храмом с пороховою казною, и то зелье зажгоша, и храм соборный пречистой Богородицы разорвася, и людей всех побиша, кои в церкви быша". ¹⁹⁾ С. Ф. Платонов считал, что этот рассказ был составлен по показаниям Юрия Потёмкина, сообщившего в Москву о падении Смоленска, и заслуживает доверия. ²⁰⁾ Однако следует внимательнее разобраться в показаниях источников об обстоятельствах взрыва порохового погреба. Прежде всего - где он был? По молчаливому признанию писавших о гибели собора авторов, считалось, что порох хранился в самом соборе и погреб был, его частью. Это мог бы быть храмовой подклет, но в XII в. подклетов в храмах не делали, а смоленский собор в пору литовско-польского владычества едва ли подвергался каким-либо капитальным перестройкам, чтобы предполагать позднейшее устройство в нём подклета. Между тем приведённый текст "Нового летописца" вовсе не утверждает, что пороховой погреб был частью самого здания. Его показания можно понять и так, что погреб был просто расположен ниже собора в склоне Соборной горы - "под тем соборным храмом", может быть по соседству с ним. Это мнение поддерживают некоторые польские источники. Так, описывая, как огонь городского пожара захватил "старый замок" с церковью архиепископа, один автор отмечает, что "поблизости от той церкви было великое множество пороха, который взорвался, как только огонь дошел до него". Другой автор, называя архиепископский двор при соборе "монастырем", где смоляне "прятали лучшие и ценнейшие вещи", говорит, что в том же монастыре были и запасы пороха, которые взорвались с неслыханным грохотом; при этом рассказывали, что порох поджёг некий "мещанин Белавин", любимец воеводы Шеина, погибший вместе с сокровищами; был найден лишь его обгоревший труп. ²¹⁾ Описывая последние минуты сопротивления смолян, М. Бер пишет, что "немногие граждане думали найти спасение с жёнами и детьми в крепком замке, и все там погибли от взрыва порохового погреба". ²²⁾ Здесь нет упоминания о соборе и его разрушении, и пороховой погреб никак с ним не связан. Запись в сборнике киевского Михаило-Златоверхого монастыря, содержащая справку о захвате Смоленска поляками, сообщает, что они "в замьку дома вси пожгли и церкви, и порох весь сполили, и соборную

¹⁹⁾ ПСРЛ, XIV, 111.

²⁰⁾ *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1913, с. 264, прим. 1.

²¹⁾ *Кашипродский Е. И.* Учреждение Смоленской епископии. - В кн.: Сборник Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Киев, 1896, с. 160 (прим. 1), 168. См. также: *Niemcewicz I. H.* Dzieje panowania Zigmunta III. T. III. Wroclaw, 1836, p. 9-10.

²²⁾ См.: *Устрялов Н.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. 1. СПб., 1859, с. 103.

-28-

церков порохи возорвали, и многих людей в ней позабывало". ²³⁾ И здесь нет прямого указания на помещение пороховых погребов в здании собора. О разрушении собора говорит в своих "Записках" гетман Жолкевский: "Огонь достигнул до запасов пороха (коего было достаточно на несколько лет), который произвел чрезвычайное действие: взорвана была половина огромной церкви (при которой имел своё местопребывание архиепископ) с собравшимися в неё людьми, которые неизвестно даже куда девались, - разбросанные останки как бы с дымом улетели". ²⁴⁾ Смоленские иезуиты, вспоминая в своих "Погодных записках" в 1617 г. историю разрушения собора, утверждают, что взрывом пороха он был "совершенно разрушен", но под его руинами якобы оставались живыми два мальчика и двое взрослых. ²⁵⁾ Здесь уже ясен элемент легенды: очевидно, что при полном обрушении здания от взрыва никто не мог бы остаться в живых.

Таким образом, характер взрыва и масштабы разрушения собора в источниках изложены очень неопределенно и разноречиво. Первый историк Смоленска Н. А. Мурзакевич писал даже, что "знатные же из граждан заперлись в соборной церкви в надежде испросить пощады, но изменник Дедешин находившийся под собором пороховой магазин зажёг, отчего с церковию всё поднялось на воздух". ²⁶⁾ Взрыв погребов здесь освещён уже как измена. Таким образом, героический пафос, которым был овеян в литературе взрыв собора, значительно снижается. Тем не менее последующие авторы неукоснительно держались патриотической версии Н. М. Карамзина.

3

Духом легенды или домысла отдаёт и распространённая в местной литературе версия о том, что в 1611 г. на развалинах древнего собора по повелению Сигизмунда III был якобы сооружён католический каменный костёл с деревянным верхом и куполом, типа крестообразной базилики, превращённый будто бы затем, в 1633 г., в униатский кафедральный собор. ²⁷⁾ Эти данные сомнительны прежде всего потому, что в польских условиях сдачи Смоленска от 15 марта 1611 г. сугубо подчеркивалась неприкосновенность собора и других храмов "веры греческие". ²⁸⁾ Окончательно снимает эту версию давно опубликованная, но прошедшая мимо внимания историков грамота смоленского архиепископа Льва Ржевусского Льву Сапеге от 11 сентября 1627 г. В этом послании архиепископ просит не превращать в костёл "соборную пречистой Богородицы церковь, кото-

²³⁾ *Щапов Я. Н.* Освящение смоленской церкви..., с. 282.

²⁴⁾ Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871, с. 126-129.

²⁵⁾ Погодные записки смоленских иезуитов. - СС, 1916, вып. III, ч. 2, с. 26-27.

²⁶⁾ *Мурзакевич Н. А.* История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 года, собранная из разных летописей и российских дееписателей. Смоленск, 1804, с. 167-168.

²⁷⁾ Там же, с. 169; *Никифоров Ф. Л.* Описание смоленских соборов. - В кн.: Памятная книжка Смоленской губернии на 1855 г. Смоленск, 1855, с. 27; *Ширяев С. Д.* Этюды по истории архитектуры Смоленска и белорусской Смоленщины. - В кн.: Труды смоленских

рая за 500 лет тому назад построена Владимиром Всеволодовичем", так как это было бы "великою обидою", в частности, "для лиц, которые жертвовали на церковь", т. е., видимо, на её восстановление и ремонт после разрушения 1611 г. ²⁹⁾ Из этого документа также ясно, что собор Мономаха-Ростислава вовсе не был превращён взрывом в руины, ни целиком, ни наполовину, и ещё в 1627 г. его можно было использовать. Не было, следовательно, и нового "каменного костёла", якобы воздвигнутого на руинах древнего храма. Собор, вероятно, сохранил свои стены и столбы достаточно прочными, так что можно было сделать деревянные перекрытия. Местные историки и отмечали, что "костёл" имел деревянный верх. Следовательно, древний собор был укрыт на пожертвования смолян, и в 1627 г. встал вопрос об его использовании под костёл, что вызвало встревоженный протест Льва Ржевусского.

В свете изложенного приобретает большое значение изображение древнего храма на знаменитом плане Смоленска В. Гондиуса 1634-1636 гг. (рис. 5) ³⁰⁾ Оно привлекалось к решению вопроса о соборе XII в. М. К. Каргером, оставившем, однако, без внимания изображение большого собора на вершине холма в предположении, что "руины собора" представлены на гравюре Гондиуса ниже на склоне холма. ³¹⁾ Это результат двойной ошибки. Автор вслед за С. П. Писаревым и Н. П. Милоновым полагал, что руины собора лежали к юго-западу от существующего храма и что они и были открыты при земляных работах 1892 г. и затем доследованы Милоновым в 1939 г. ³²⁾ Наши раскопки 1964-1965 гг. показали, что указанные руины принадлежали не собору, а маленькой бесстолпной церкви. (см. ниже с. 91) Так что все суждения о здании Мономаха-Ростислава, базирующиеся на остатках другого памятника, отпадают. Ошибочно также отождествление руин собора с развалинами, показанными у Гондиуса на склоне Соборной горы. Первые лежат к юго-западу от собора, а гравюра Гондиуса изображает город с восточной стороны, так что ясно, что это разные руины. Наши раскопки подтвердили сказанное: на восточном склоне холма были обнаружены остатки дотоле неизвестной гражданской постройки XII в., видимо терема (см. ниже 103).

²⁹⁾ Летопись занятий Археографической комиссии, 1865-1868 гг. Т. IV. СПб., 1868, Протоколы, с. 56.

³⁰⁾ Гравюру В. Гондиуса см.: *Даниловский А.* План осады и обороны города Смоленска в 1632 и 1634 гг. с объяснительным текстом. - В кн.: Материалы Военно-ученого архива. Картографические материалы. Вып. II. СПб., 1904.

³¹⁾ *Каргер М. К.* Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, с. 15.

³²⁾ *Писарев С. П.* Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, с. 156-157; *Милонов Н. П.* О результатах исследований в г. Смоленске на территории Кремля. - В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1948, с. 211. - Видимо, зачинателем отождествления указанных руин с Успенским собором Мономаха был П. Свиньин. В его время (1826 г.), может быть, они были ещё видны или ему рассказали об их существовании; во всяком случае, он писал, что собор Мономаха находился "несколько вниз по склону большой улицы, ведущей с Соборной горы", и полагал, что существующий собор построен на новом месте (*Свиньин П. П.* Взгляд на достопримечательные здания в г. Смоленске и урочищах, находящихся в Смоленской губернии. - *Отечеств. зап.*, 1826, ч. XXVII, № 77, с. 304).

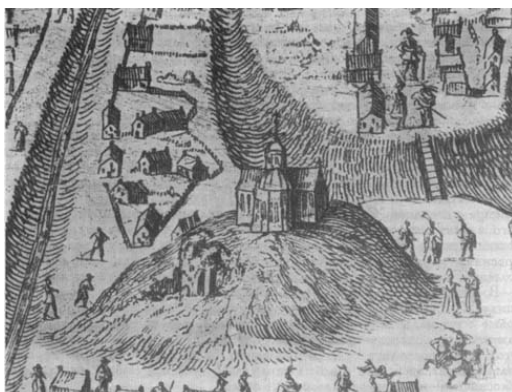

Рис. 5

Смоленский детинец. По В. Гондиусу

При всей условности и фантастичности изображения на гравюре В. Гондиуса вид собора, представленного с восточной стороны, передаёт, думается, некоторые его реальные черты.³³⁾ Величина здания, видимо, не преувеличена. В польских источниках говорится, что собор был "огромен" и "красив", что вообще весь комплекс архиерейского дома был "прекрасно выстроен". Храм имел, скорее всего, четырёхскатное покрытие, неверно изображённое как двухскатное, отчего здание стало коротким и широким.³⁴⁾ В восточном фасаде доминирует огромная алтарная апсида,

³³⁾ Другие гравюрные панорамы города ещё более условны и не дают никаких данных для реконструкции первоначального облика собора. Некоторые исследователи возлагали надежды на ныне исчезнувший рисунок, известный по описанию С. П. Писарева. К сожалению, как выяснилось, рисунок этот был исполнен между 1740 и 1760 гг., т. е. уже после перестройки здания (подробнее об этом см.: *Воронин Н. Н.; Раппопорт П. А.* Смоленский детинец и его памятники. - СА, 1967, № 3, с. 293- 294).

³⁴⁾ Изображение у В. Гондиуса уже покрытого кровлей собора встречает противоречие в "Погодных записках смоленских иезуитов". Там (с. 33) сообщается, что в 1637 г., когда они встречали нового епископа Парчевского, "процессия сначала направлялась к кафедральной церкви, тогда ещё не оконченной, а отсюда - к нашему храму" (т. е. Троицкому монастырю).

-31-

расчленённая тонкими вертикальными тягами со щелевидными окнами. Боковые апсиды художник не изобразил, показав по сторонам алтаря плоские простенки с высокими окнами. Подобное решение известно лишь в более поздних памятниках Смоленска - конца XII - начала XIII в.; здесь же следует предполагать трёхапсидность (у южного простенка как будто намечается полукруглое покрытие). Возможно, что сохранилась и древняя глава здания с узкими окнами и тягами; ряд точек в её карнизе может передавать аркатурный пояс (как можно предполагать его и на апсиде).

Таким образом, собор Мономаха-Ростислава выдержал встряску взрыва порохового погреба в 1611 г. и продолжал жить и после этой даты. Поэтому сведения об его разборке (перед сооружением на его месте нового храма) могут принести некоторые данные для характеристики постройки XII в.

Ещё в середине XVII в. собор производил впечатление настолько прочного здания, что в 1654 г., после освобождения многострадального Смоленска и возвращения его в семью русских городов, архиепископ Филарет просил у царя средств на ремонт храма и сооружение при нём колокольни. Последнюю построили, а дело с ремонтом собора затянулось.³⁵⁾

В 1668 г. Приказ Большого дворца затребовал у смоленского воеводы князя И. Б. Репнина опись ветхих мест собора и смету на необходимые новые материалы. Репнин сообщил, что в соборе нужно сделать восемь каменных или деревянных столбов, пять глав и покрыть кровлю тёсом. Этот ответ позволяет судить о размерах здания; было ли оно первоначально пятиглавым или это был замысел Смоленской епископии, склонной к "освящённому пятиглавию", мы не знаем.

В 1673 г. новый архиепископ Варсонофий вновь просил разрешения восстановить на соборе "своды и главы каменные, не разбирая старых стен". Это и было разрешено. Присланный из Москвы для составления сметы каменных дел подмастерье Ивашка Калиник, видимо, признал ремонт невозможным, и 7 мая 1674 г. началась разборка собора, законченная 13 июля следующего года. Храм был разобран полностью. В отписке смоленского воеводы в Москву сообщалось, что "соборная церковь разобрана вся до пошвы, и бут выломан, и два погреба выломаны и засыпаны, а ныне выламывают из-под тех же церковных стен и из третьяво погреба достальной бут".³⁵⁾ Как и в выше рассмотренных источниках, здесь говорится о "погребках", находившихся поблизости от храма. Существенно и то, что древнее здание было использовано на материал - были вынуты даже фундаменты, от которых остались лишь ямы. Воевода М. Голицын писал, что, "по скаске каменных дел подмастерья Евсеевского Иванова, на старом де церковном основании новому основанию твердо быть не можно, для того

³⁵⁾ Данные о предполагавшемся первоначально ремонте, а затем и сносе древнего здания и постройке на его месте нового собора см.: *Вишневский Д.* Несколько слов к начальной истории смоленского Успенского собора. - СЕВ, 1898, № 24, с. 1385; Отписка смоленского воеводы М. Голицына о разобранном старом соборе. - Там же, 1902, № 6, с. 329-333; *Ширяев С. Д.* Этюды..., с. 13-14.

³⁶⁾ Разборка дала 130 тыс. целых кирпичей, 90 сажен бутового камня "да кучу щебню длиной 12, вверх 4 и в ширину 6 сажен" (*Мурзакевич Н. А.* Указ. соч., с. 183, прим.).

что земля рухлячая и старых церковных и погребных ям много". Рекомендовалось также строить новый храм к востоку от древнего - "позади старых церковных заолтарных стен", ибо в случае решения строить на старом месте "всяких запасов будет надобно втрое" из-за глубины ям и нарушенности грунта. Однако новый храм всё же заложили на месте древнего. Глубокий (до 5 м) подклет храма позволил миновать "рухлячие", т. е. перерытые и насыпанные слои грунта; фундамент же храма был опущен ниже их - в материк.

Несмотря на безнадёжность археологических поисков остатков столь основательно разобранного собора XII в., мы в 1965 г. провели разведку вне существующего храма, прорезав траншеи по его сторонам общим протяжением около 44 м.³⁷⁾ Было заложено пять траншей шириной 1.5-2 м (рис. 2): южная (длина 11.8 м) - близ восточного членения южной стены собора, параллельно ей; западная (4.8 м) - в 2.7 м от северного членения западной стены собора, перпендикулярно ей; северо-западная (7.5 м) - против западного членения северного фасада; северо-восточная (7.8 м) - против восточного членения северного фасада; восточная (12.8 м) - против северной апсиды собора.

Во всех траншеях были выявлены мощные слои поздних напластований и строительного мусора, связанные со строительством собора XVII- XVIII вв. Материковый песок залегает на глубине от 1.2 м на северо-востоке до 3 м в восточной и юго-восточной частях территории. В северной половине площадки выявлены прослойки угля и золы, быть может связанные со взрывом 1611 г. В северо-западной, северо-восточной и восточной траншеях найдено много

плинф и древнего раствора. Несколько меньше плинф встречено в западной траншее, а в южной их вовсе не обнаружено. Особенно много плинф найдено в слое строительного щебня XVII в. к северу от собора.

Все найденные плинфы достаточно чётко делятся на две группы. Одна группа отличается тестом тёмно-красного цвета, раковистым изломом, нечёткими мятыми кромками. Толщина этих плинф 3.5-3.8 см. Знаков на них нет. Другая группа характеризуется очень чёткой формой, хорошо перемешанной глиной, наличием знаков и клейм. Толщина плинф 4.0-4.7 см. Плинфы первого типа составляют 25-30% от общего количества найденных фрагментов, а второго - более 70%. Плинфы второго типа совпадают по размеру с плинфами Борисоглебского собора Смядынского монастыря, заложенного князем Ростиславом в 1145 г. Таким образом, очевидно, что плинфы второго типа происходят от достройки собора при Ростиславе, в то время как плинфы первого типа относятся к первоначальному строительству собора при Мономахе.

При исследовании терема, расположенного к востоку от собора, в западной части раскопа на глубине около 1.5 м от поверхно-

³⁷⁾ Предварительную информацию см.: *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Указ. соч., с. 293.

-33-

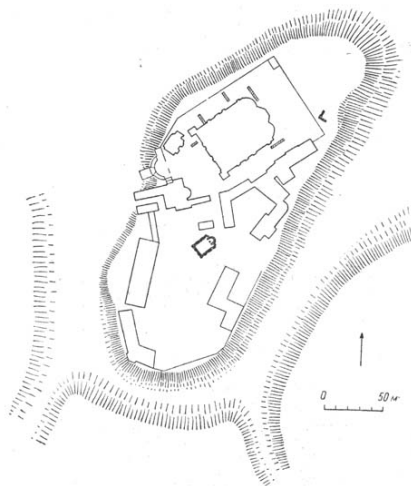

Рис. 6

Смоленский детинец. Расположение древних памятников и археологических траншей

-34-

сти был обнаружен разрушенный кусок древней кладки, явно относящийся к какому-то другому сооружению, а не к терему. Плинфы этого блока имели размер 3.5 x 22 x 34 см, обладали мятыми, как бы лепными кромками; один край таких плинф всегда скруглён, а другой слегка утолщён. Знаков и клейм на плинфах нет. Раствор, применённый в кладке, розовато-бурый от большого количества толченого кирпича (частицы различной величины, главным образом 1-3 мм и более); встречаются вкрапления угля. На излом образец раствора крепкий. Состав раствора: извести 41%, кирпичной крошки 56%, песка (фракции более 3 мм) 3%. Другой образец раствора из того же блока дал иное соотношение частей: извести 69%, частиц кирпича (фракции более 3 мм) 21%, песка 10%. Раствор также крепкий, буровато-коричневый. Блок кладки обладал обломанными поверхностями, и поэтому не удалось определить, имелись ли здесь "скрытые" ряды кирпичей, как это было в суздальском соборе. Рядом с блоком найдены куски штукатурки с

остатками фресковой росписи, а также мелкие обломки поливных плиток. Судя по формату и характеру кирпичей, совпадающих с кирпичами первого типа, найденными в шурфах у собора, описанный блок принадлежал постройке более древней, чем бесстолпная церковь и терем, т. е., очевидно, Успенскому собору, заложенному Мономахом.³⁸⁾

Возможно, что к первоначальному строительству собора относятся и найденные в траншеях обломки трапециевидных плинф толщиной 3.5- 4 см, с короткой стороной 11.5-12 см. В числе строительных материалов собора Мономаха-Ростислава были, видимо, и голосники-амфоры. Так, С. П. Писарев сообщает, что в подножии Соборной горы, на склоне к Георгиевскому ручью, в Троицком переулке, при земляных работах были найдены обломки амфор.³⁹⁾

Кроме мелких обломков квадратных и треугольных майоликовых плиток (жёлтых, зелёных и коричневых) от пола древнего собора, во вскрытом траншеями строительном мусоре были встречены обломки тонких квадратных и треугольных плиток иного рода - густо-зелёной "ядовитой" поливы, напоминающей поливу XVII в. Подобные же обломки были встречены в слоях второй половины XVII в. в раскопе Д. А. Авдусина, на ул. Соболева, под Соборной горой. Видимо, первый строитель нового собора, каменных дел подмастерье Алексей Корольков ещё видел остатки древних майоликовых полов собора XII в. и думал повторить этот приём декора в своей новой постройке, для чего и были заказаны поливные плитки.⁴⁰⁾ Это лишний раз подтверждает, что древний собор вошёл

³⁸⁾ Отметим, что плинфа суздальского собора также сравнительно тонка (3-4 см), но большей частью близка к квадрату: 19 x 21, 24 x 25, 20 x 24 см и др. (Воронин Н. Н. Указ. соч., с. 29). Однако в том же соборе были применены кирпичи, совпадающие по размеру с найденными кирпичами смоленского собора: 3-4 x 23 - 24 x 32-35 см (Дубынин А. Ф. Из истории изучения суздальского собора. - СА, 1972, № 2, с. 142-144).

³⁹⁾ Писарев С. П. Археологическая находка в Смоленске. - СВ, 1899, № 204, 205.

⁴⁰⁾ Любопытно, что московский мастер вообще внимательно присматривался к техническим рецептам зодчих храма XII в. Так, раствор новой алтарной части почти не отличается от древнего; извести 58%, угля 4, кирпичной крошки 35, песка 3%. Алексей Корольков как бы повторял рецепт цемяночного раствора.

-35-

в XVII в. без каких-либо перестроек, сохранив местами даже свой нарядный плиточный пол.

Приведённые данные разведок подтверждают, что собор 1677 г. строился на месте собора Мономаха-Ростислава, остатки которого исчезли при отрывке огромного (глубиной более 5м) котлована существующего здания. К тому же последнее несомненно шире и длиннее древнего. Если заложенный Мономахом смоленский собор, как мы полагаем, был близок по величине своему современнику - собору Мономаха в Суздале (приблизительно 17 x 25 м), то существующий смоленский собор XVII-XVIII вв. (39 x 55 м) намного перекрывает его. Всё сказанное показывает, что археологические поиски первого смоленского памятника архитектуры, по-видимому, безнадежны.

-36-

Борисоглебский собор Смядынского монастыря

1

Собор Борисоглебского монастыря на Смядыни под Смоленском чрезвычайно важен для истории смоленского зодчества, так как это второй после Успенского собора в детинце памятник, постройка которого заслужила специального упоминания в летописи. Таким образом, этот храм имеет твёрдую и точную дату.

Речка Смядынь при впадении в Днепр образовывала удобную для остановки судов бухту. Это в значительной степени определило последующую историю и значение данного района как западного, обращённого к Киеву порта Смоленска. Здесь, в устье Смядыни, в 1015 г. насад князя Глеба был настигнут ладьями посланных Святополком убийц и Глеб был зарезан. В 1019 г. его прах перевезли в Вышгород (близ Киева). Видимо, вскоре после канонизации Бориса и Глеба в устье Смядыни обосновался посвящённый их памяти монастырь. Возможно, это произошло в начале XII в., когда Владимир Мономах заложил главный храм Смоленска - Успенский собор - и вполне естественно было подчеркнуть причастность Смоленска к культу первых русских святых основанием монастыря на месте убийства Глеба. Монастырь был, конечно, деревянным и, очевидно, в первые годы княжения Ростислава Мстиславича был укреплён так, что в 1138 г. послужил базой для острой политической операции: здесь был схвачен и заточён смолянами изгнанный из Новгорода князь Святослав Ольгович: "А самого Святослава яша на пути смолняне и стражахуть его на Смядыне в манастири".¹⁾

Идейно-политическое значение монастыря было подчеркнуто закладкой здесь в 1145 г. князем Ростиславом Мстиславичем каменного храма: "В то же лето заложиша церковь камяну на Смядине, Борис и Глеб, Смольньске".²⁾ Большой монастырский собор был построен не в один год. Высказывалось мнение, что строительство продолжалось с 1145 по 1147 г.³⁾ В действительности строительство большого храма и его роспись должны были занять ещё больше времени, возможно до 1150 г.

Примечательно, что удалённый от города монастырь получил обширный каменный храм одновременно с монументальным строительством Ростислава в детинце - достройкой Успенского собора. Здесь, может быть, сказалось и влияние первого смоленского епископа Мануила, заинтересованного в подъёме церковной значимости епархии пропагандой культа святых князей, и особенно места гибели Глеба.⁴⁾

¹⁾ НПЛ, 25.

²⁾ НПЛ, 27. - Те же данные имеются и в других списках летописи, например в Тверской, Никоновской, IV и V Новгородских.

³⁾ Орловский И. И. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. - СС, 1909, вып. I, ч. 1, с. 272.

⁴⁾ Судя по ориентации продольной оси собора, он был заложен в конце августа. Если допустить, что расчёт дает некоторую ошибку, очень вероятно, что закладка здания

В летописном рассказе о погребении в соборе Борисоглебского монастыря умершего в 1197 г. смоленского князя Давида Ростиславича говорится: "И положиша и во церкви святую мученику Христову Борису и Глебу, во отни ему благословении, юже бе создал отець его

Ростислав".⁵⁾ Таким образом, очевидно, что храм был построен Ростиславом как собор монастыря смоленской княжеской династии.⁶⁾ К сожалению, в литературе ещё продолжает жить созданная главой смоленского краеведения XIX в. С. П. Писаревым теория о том, что Смядынь была укрепленной княжеской резиденцией ("княжеским городом") и обособленным от Смоленска крупным торгово-ремесленным поселением.⁷⁾ Эта концепция, подогреваемая патриотическим стремлением создать преувеличенное представление о размерах территории горячо любимого древнего Смоленска и о его славе, основана главным образом на произвольном толковании письменных источников.

Так, одним из исходных пунктов было неправильное толкование текста летописи о том, что восстание смолян в 1440 г. разыгралось около "церкви Бориса и Глеба в городе".⁸⁾ С. П. Писарев считал, что "в городе" (т. е. в крепости XII в.) церкви Бориса и Глеба не было и что смядынский Борисоглебский собор и был храмом специально огражденного "княжеского города" на Смядыни. Почтенный историк Смоленска усматривал здесь в каждой складке местности следы валов и в каждом овраге - остатки рвов. Эту теорию разделял и И. И. Орловский.⁹⁾ Но её блестяще

была совершена 5 сентября, т. е. в день 130-летия смерти князя Глеба. О системе расчета дня закладки церквей по их азимуту см.: *Раннопорт П. А.* Ориентация древнерусских церквей. - КСИА, 1974, вып. 139, с. 43. ПСРЛ, II, 703.

⁵⁾ ПСРЛ, II, 703.

⁶⁾ Летописный рассказ о кончине князя Ростислава, когда его сестра Рогнеда уговаривала его остаться в Смоленске, "велячи ему лечи Смоленски в своем ему зданьи" (ПСРЛ, II, 529), иногда толкуется так, что Рогнеда имела в виду храм Смядынского монастыря (*Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь..., с. 233). Но таким же "своим зданием" для Ростислава мог быть и Успенский собор, где вполне правомерно было бы погребение его строителя и первого смоленского князя. Вспомним, что владимирские князья Андрей Боголюбский и Всеволод "Большое гнездо" были погребены в созданном ими владимирском Успенском соборе.

⁷⁾ *Писарев С. П.* Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, с. 71 сл.; *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь..., с. 226. - В новейшей литературе Смядынь обратилась уже в "княжеский замок" и даже в "цитадель княжеской власти". "Смядынь имела значение княжеского замка, подобно Боголюбову и Вышгороду" (*Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956, с. 357). В отличие от И. И. Орловского, считавшего, что "княжеский город" на Смядыни оформился "со времен Ростислава", М. К. Каргер относил это событие ко второй половине XII в. "Широко развернувшееся строительство на Смядыни во второй половине XII в. было связано с перенесением сюда княжеской резиденции и с превращением её в цитадель княжеской власти в напряжённой борьбе последней с растущими силами городского посада" (*Каргер М. К.* Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, с. 30).

⁸⁾ ПСРЛ, XVII, 78.

⁹⁾ *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь..., с. 221. - Однако И. И. Орловский справедливо видел в неровном рельефе низменного левого берега Днепра, буграх и лужах остатки его древнего русла (там же, с. 198). Возможно также, что часть этих складок рельефа - остаток инженерных сооружений периода борьбы за Смоленск в XVII в.

опроверг Г. Бугославский, доказавший наличие второй древней церкви Бориса и Глеба внутри смоленской крепости.¹⁰⁾

Против признания Смядыни крупным "княжеским городом" говорят и археологические наблюдения. Шурфы, заложенные в 1958 г. Д. А. Авдусиным между обоими храмами Смядыни, не обнаружили культурного слоя и не дали вещевых находок. Шурф около устья Смядыни (близ так называемого Глебовского колодца) выявил лишь слой плинфяной крошки, видимо

являющейся отложением поры разрушения храмов.¹¹⁾ Следы, относящиеся ко времени гибели памятников, отметил и С. П. Писарев: "В разных местах его (монастыря. - Н. В., П. Р.) на пространстве двух десятин земли около курганов (руин) весною, когда почва бывает обнажена, примечаются остатки каменных фундаментов бывших зданий монастыря".¹²⁾

Но явно не игравший роли княжеской резиденции или замка Борисоглебский монастырь был в XII в. существенным для смоленских князей не только как фамильный "вотч" монастырь, но и как пункт, державший под их контролем выход от Смоленска к Киеву и торговую жизнь смядынской гавани.

После сведений XII в. мы несколько столетий не имеем прямых данных о Борисоглебском соборе. Есть лишь редкие известия о судьбе самого монастыря. Так, в конце XVI в. узнаем об его архимандритах Андреяне (1589 г.) и Феодосии (1598 г.).¹³⁾ В 1609 г. польские войска расположились в пригородных монастырях, в том числе в Борисоглебском.¹⁴⁾ В 1633 г. монастырь был передан униатскому архиепископу Льву Кревзе, а по данным инвентаря 1654 г., район Смядыни уже назывался "Жигимонтовой пустошью".¹⁵⁾ Храм Бориса и Глеба ещё существовал в 1680 г., когда он упоминается как ориентир при межевом споре, но, видимо, в эту пору он уже стоял в развалинах.¹⁶⁾

В своё время И. И. Орловский высказал предположение, что использование руин Борисоглебского храма началось при Петре I, когда Смоленск укрепляли в ожидании встречи со шведской армией.¹⁷⁾ Но подлинный разгром развалин начался в конце XVIII в. В 80-х гг. смоленский генерал-губернатор князь Н. В. Репнин разрешил брать в смядынских руинах бут для постройки казённых зданий вокруг нового городского сада - Блонья. Однако и после этого руины Борисоглебского собора были ещё достаточно сохранены. Первый описатель смоленских "достопримечательных зданий" П. П. Свиньин, посетивший Смоленск в 1825 г., писал, что старики слободы Чуриловка помнили время, когда руины собора "были ещё высоки и внутри

¹⁰⁾ Бугославский Г. О Борисоглебской церкви в Смоленске. - СС, 1909, вып. I, ч. 1, с. 177-194.

¹¹⁾ Авдусин Д. А. Отчёт о работах Смоленской экспедиции за 1958 г. - АИА, разд. 1, № 1824. л. 14-15.

¹²⁾ Писарев С. П. Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898, с. 159.

¹³⁾ Орловский И. И. Борисоглебский монастырь..., с. 240.

¹⁴⁾ АИ, 1841, т. II, с. 318. - Тогда же многократно упоминаются крестьяне Борисоглебского монастыря (там же, с. 174, 231, 275, 291).

¹⁵⁾ Орловский И. И. Борисоглебский монастырь..., с. 243, 249.

¹⁶⁾ Документ деревни Чернушек 1680 г. - СС, 1911, вып. I, ч. 2, с. 42.

¹⁷⁾ Орловский И. И. Борисоглебский монастырь..., с. 251.

их находились каменные столпы".¹⁸⁾ Вскоре развалины ожидал новый удар. В 1833 г. губернатор И. И. Хмельницкий распорядился брать из руин храмов кирпич и бутовый камень на постройку Смоленско-Московского шоссе. К счастью, до смядынских развалин очередь дошла уже глубокой осенью, а вскоре строительство было прекращено.¹⁹⁾ Руины Борисоглебского монастыря продолжали расхищаться и после этого: "В тёмные ночи мещане выкапывали отсюда бут, соседние крестьяне-кладоискатели подрывались под фундамент".²⁰⁾ Но и тогда руины здания при всей их аморфности ещё позволяли определить план храма с его четырьмя подкупольными и двумя западными столбами, с тремя полукружиями алтарных апсид, сохранявшихся на высоту до 2.2 м, в то время как сам "курган" достигал высоты около 6.5 м.²¹⁾

В 1883 г. смядынские руины привлекли, наконец, внимание археологов. Председатель Московского археологического общества граф А. С. Уваров провёл небольшие раскопки Борисоглебского собора. О результатах этой работы мы знаем только из краткой заметки. Был выяснен довольно точно внутренний продольный размер храма (22.86 м). О самом храме исследователь мог сказать лишь, что он продолговатый и трехапсидный, а также отметил наличие знаков на плинфе. Он заключил также, что "форма кирпичей и их кладка... одинаковы с киевскими Золотыми воротами".²²⁾ И. И. Орловский дополняет, что А. С. Уваров "с правой стороны обнаружил следы какой-то пристройки, но за отсутствием времени не расследовал её подробно".²³⁾ Возможно, это была стена южной галереи.

В начале XX в. руины снова стали объектом "раскопочной" деятельности. На сей раз она не преследовала научной задачи. По инициативе смоленского епископа Никанора С. П. Писарев составил и опубликовал в 1897 г. большую и в высшей степени спорную статью, где доказывал, что в 1191 г. князь Давид Ростиславич перенёс из Вышгорода на Смядынь не гробницы Бориса и Глеба, а их мощи, которые и были якобы положены в смядынском соборе.²⁴⁾ На этом основании мысль о "восстановлении" собора, лелеемая со времени уваровских раскопок ревнителем смоленской старины, обрела "реальную" мотивировку и церковную актуаль-

¹⁸⁾ *Свиньин П. П.* Взгляд на достопримечательные здания в г. Смоленске и урочищах, находящихся в Смоленской губернии. - *Отечеств, зап.*, 1826, ч. XXVII, № 77, с. 313.

¹⁹⁾ *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь..., с. 251.

²⁰⁾ Там же, с. 253.

²¹⁾ *Писарев С. П.* Памятная книга.... с. 158.

²²⁾ Сообщение об исследовании остатков древней Борисоглебской церкви близ Смоленска. - *Древности МАО*, 1885, т. X, Протоколы, с. 48-49 (то же см.: *Уваров А. С.* Сборник мелких трудов. Т. I. М., 1910, с. 393).

²³⁾ *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь..., с. 253-254.

²⁴⁾ *Писарев С. П.* Было ли перенесение мощей Бориса и Глеба из Вышгорода в Смоленск на Смядынь. - *СЕВ*, 1897, № 8-12. - Критика статьи С. П. Писарева и её обстоятельный разбор сделаны И. И. Орловским. (*Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь..., с. 256-287).

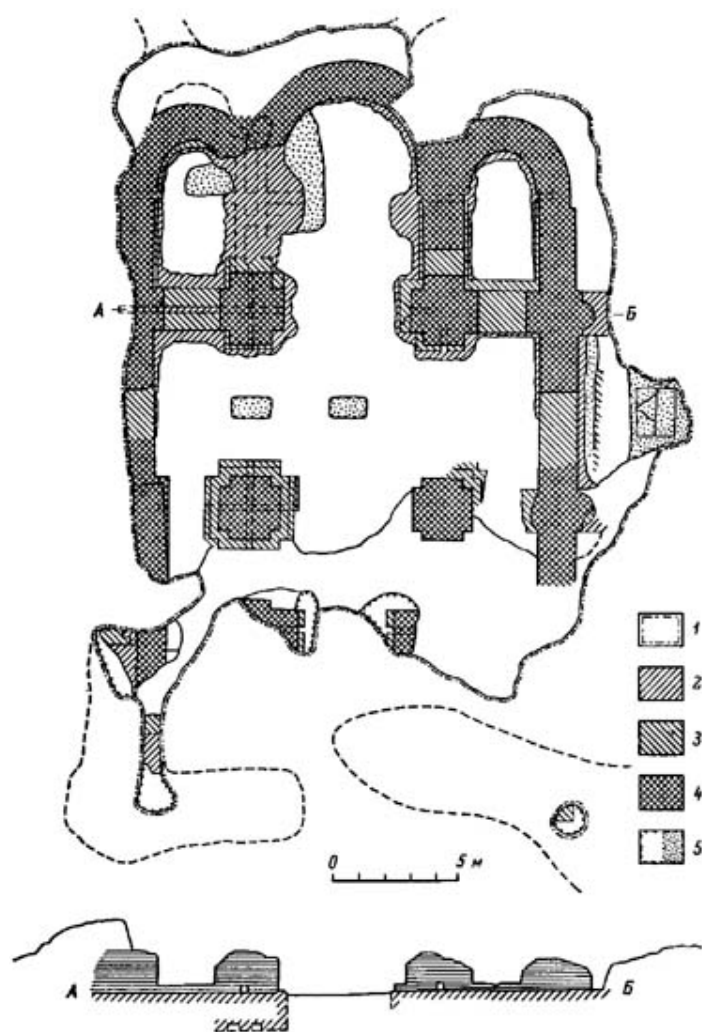

Рис. 7
Борисоглебский собор. Чертёж В. А. Попова

-41-

ность. Несмотря на шумиху, поднятую по этому вопросу в местной и столичной печати, замысел не был осуществлён. Но его подхватил вяземский священник П. Троицкий, задумавший организовать здесь женский монастырь и поставить на руинах Борисоглебского собора деревянную церковь.²⁵⁾ Земля руин была куплена, и с августа 1907 г. руководимые Троицким "сёстры" принялись за очистку развалин с надеждой найти в них мощи Бориса и Глеба.²⁶⁾ Встревоженное этим Московское археологическое общество в сентябре 1907 г. направило в Смоленск для ознакомления с "раскопками" и составления плана руин специальную комиссию в составе Н. В. Никитина и архитектора В. А. Попова. Сведения о работе комиссии и её заключения были опубликованы с приложением обмерного плана и рисунков (рис. 1).²⁷⁾ Из этих материалов явствует, что "раскопки" Троицкого велись очень примитивно. План вскрытой части показывает, что памятник раскапывали котлованом от середины к краям, причём не были полностью расчищены даже стены. Именно поэтому посетивший руины Н. В. Султанов принял храм за четырёхстолпный и "очень небольших размеров". Но, как ни странно, Султанов дал удовлетворительную оценку производству работ: раскопки, по его мнению, "были произведены заботливо и с должной осторожностью, находимые вещи, штукатурка и изразцы тщательно сохранены".²⁸⁾ Ближе к истине была оценка И. И. Орловского, писавшего, что "сёстры" просто "очищали развалины от щебня и мусора".²⁹⁾ А в этом "мусоре" было много поливных плиток,

обломков фресок и голосников.³⁰⁾

Решение Московского археологического общества организовать в 1908 г. научные раскопки памятника осталось нереализованным, и его "расчистку" по-прежнему продолжали монахини. В августе этого же года по поручению этого общества И. И. Орловский обследовал состояние руин и, сообщая ему о своих наблюдениях и обмерах, вновь настоятельно просил выслать компетентную комиссию для обмера плана и фасадов развалин храма, изучения открытой с западной стороны стенки с погребениями, всех архитектурных и керамических находок и решения вопроса о древнем виде храма. Комиссия в составе В. А. Попова, А. М. Гуржеенко и В. В. Шейнмана всего за один день (она прибыла 7 и выбыла 8 сентября) "определила подробно все размеры храма и составила план его", а также вскрыла два погребения у южной стены.³¹⁾ Комиссия, к сожалению, не сделала чистового чертежа плана, и приписывать ей "план 1908 г.", как это делали И. М. Хозеров и М. К. Каргер, нельзя.³²⁾ Комиссия находилась в Смоленске ещё до работ Д. В. Милеева, приехавшего 23 сентября и открывшего

²⁵⁾ Историю всех этих хлопот см.: *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь..., с. 289-291.

²⁶⁾ О покупке земли см.: *Древности МАО*, 1907, т. XXI, вып. 2, Протоколы, с. 14-15.

²⁷⁾ *Древности*. Тр. Комис. по сохр. древ. памятников. Т. III. М., 1909, л. X, после с. 106. -

Подлинный, иллюминированный акварелью чертёж В. А. Попова хранится в Музее архитектуры им. А. В. Щусева (разд. V, № 97).

²⁸⁾ Протокол реставрационного заседания. - *ИАК*, 1908, вып. 28, с. 77-78.

²⁹⁾ *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь..., с. 292.

³⁰⁾ *Грачёв В.* Раскопки древнего храма. - *СВ*. 1907, № 209.

³¹⁾ *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь..., с. 297.

³²⁾ См.: *Каргер М. К.* Указ. соч., с. 32.

Рис. 8
Южная стена храма. Фото 1908 г.

очертания оснований южной и северной стен галереи.³³⁾ Члены её не могли видеть этих частей, в то время как на план собора они нанесены, хотя и пунктиром, ибо стеной кладки их не сохранилось. Следовательно, план выполнен уже после работ Милеева, но не им, так как чертёж сделан весьма неточно и непрофессионально, чего безусловно не допустил бы такой специалист, как Милеев. К тому же вообще никакой авторской документации раскопок Милеева нет, кроме серии фотографий в Архиве ЛОИА (рис. 2). Сведения о результатах его работ мы имеем лишь в книге того же неусыпного стража смядынских руин Орловского. Остаётся предположить, что опубликованный Орловским план исполнен им самим или же кем-то по его указанию (рис. 9).³⁴⁾ Это предположение укрепляют ещё два обстоятельства. На плане к югу от апсиды южного придела показаны фрагменты упавших верхних частей стен - деталь, не повторённая при последующих переизданиях плана, но комментированная Орловским. Во-вторых, он отметил особенности поперечного разреза почвы под храмом (подъём тёмного слоя почвы к середине храма), что и отразил в разрезе, помещенном в нижней части плана (при переизданиях плана эта деталь также опуска-

³³⁾ Орловский И. И. Борисоглебский монастырь..., с. 310.

³⁴⁾ Там же, с. 300. - На рис. 3 воспроизведены важнейшие, проставленные на чертеже И. И. Орловского размеры в саженьях, аршинах и вершках.

-43-

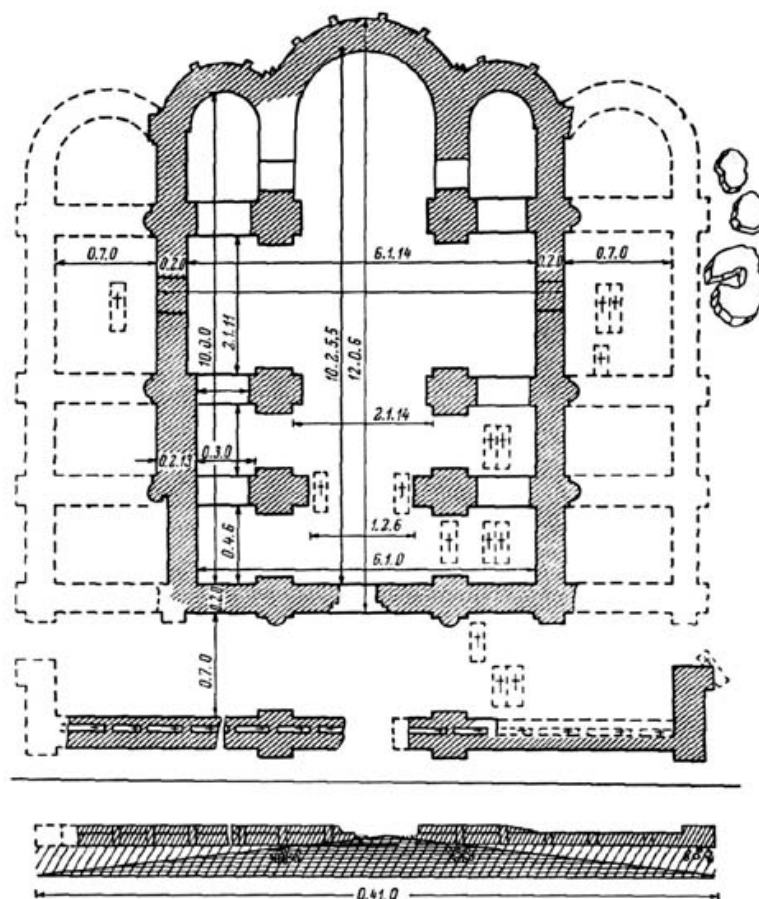

Рис. 9
Борисоглебский собор. План 1908 г.

-44-

лась). Таким образом, план, видимо, был выполнен Орловским, что выдаёт и посредственная графика чертежа.

После работ 1908 г. остатки собора остались незасыпанными. Постепенно они были частично разобраны на кирпич, а частично заплыли землёй. В 1949 г. И. Д. Белогорцев предпринял новые раскопки храма с целью проверки его опубликованного плана. "Новый план церкви не внес особенных поправок к ранее известным, если не считать открытия сложных угловых пилястр".³⁵⁾ Как видно из плана (он приведён в альбоме к отчету Д. А. Авдусина о раскопках в Смоленске в 1959 г.),³⁶⁾ в момент обмеров Белогорцева угловые лопатки были совершенно разрушены, так что на плане пунктиром были показаны обычные плоские лопатки. Таким образом, никаких "сложных угловых пилястр" храм не имел.³⁷⁾

В 1972 и 1974 гг. были проведены контрольные раскопки руин с целью уточнения некоторых технических вопросов и хронологии частей здания (рис. 10, 11).³⁸⁾

3

Приняв за основу "план 1908 г." и внося в него коррективы, учитывающие данные описаний, фотодокументации и раскопок 1972 и 1974 гг., мы получим достаточно точное представление о Борисоглебском соборе (рис. 6). Это величественный, почти классический по своим чётким пропорциям шестистолпный трёхапсидный крестовокупольный храм. Его внутренний размер 14.1 x 22.96 м. Крестчатым столбам отвечают плоские стенные лопатки, свидетельствующие об обычной системе сводчатого перекрытия. Фасады храма в соответствии с внутренними столбами членились лопатками с полуколонной (их диаметр 99 см, а плечики 23 см в длину и 16 см в ширину). На углах были широкие плоские двухступчатые лопатки. Толщина стен храма примерно 1.45-1.5 м, хотя западная стена (по раскопкам 1972 г.) несколько толще - 1.58 м. По-видимому, в целях помещения лестницы на хоры западная половина северной стены значительно (на 65-68 см) утолщена (до 2.1 м). На "плане 1908 г." показано странное утонение западной четверти этого участка стены снаружи. Оно не могло быть вызвано постановкой саркофага;³⁹⁾ смоленские мастера так никогда

³⁵⁾ *Белогорцев И. Д.* Новые исследования древнесмоленского зодчества. - В кн.: Материалы по изучению Смоленской области. Вып. I. Смоленск, 1952, с. 103.

³⁶⁾ АИА, разд. 1, № 1971 а, л. 23.

³⁷⁾ В отчёте об осмотре руин в 1907 г. имеется странное утверждение, что и на углах храма были полуколонны (Древности. Тр. Комис. по сохр. древ. памятников, с. 106). Это чистое недоразумение: в 1907 г. ещё только начатые раскопками западные столбы были приняты за западную стену, а на северном фасаде против них уже показалась вторая с запада лопатка с полуколонной.

³⁸⁾ Раскопками 1972 и 1974 гг. были вскрыты юго-западный угол храма и участок его южной стены от её западного угла до второй с востока пилястры, юго-западный, средний южный, а частично и юго-восточный столбы, участок фундаментов галереи против второй с запада пилястры. Кроме того, был вскрыт небольшой участок западной стены со второй с севера пилястрой и прилегающий к ней участок галереи. Раскопки показали, что кладка стен здания частично сохранилась только в самых нижних рядах, а во многих местах отсутствуют и они - уцелела лишь кирпичная вымостка над фундаментом.

³⁹⁾ Так предполагал М. К. Каргер (указ. соч., с. 36).

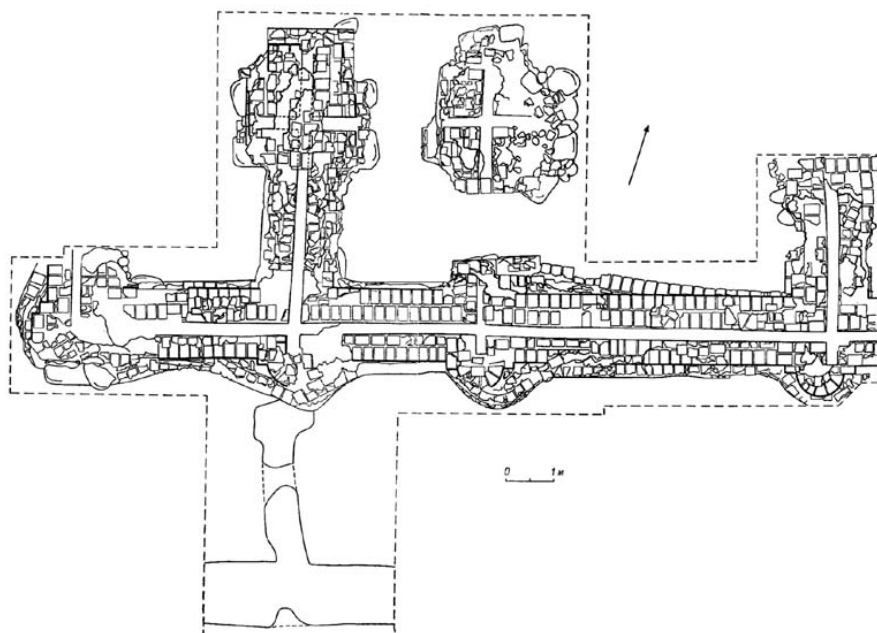

Рис. 10
Борисоглебский собор. Юго-западная часть. Раскопки 1974 г.

-46-47-

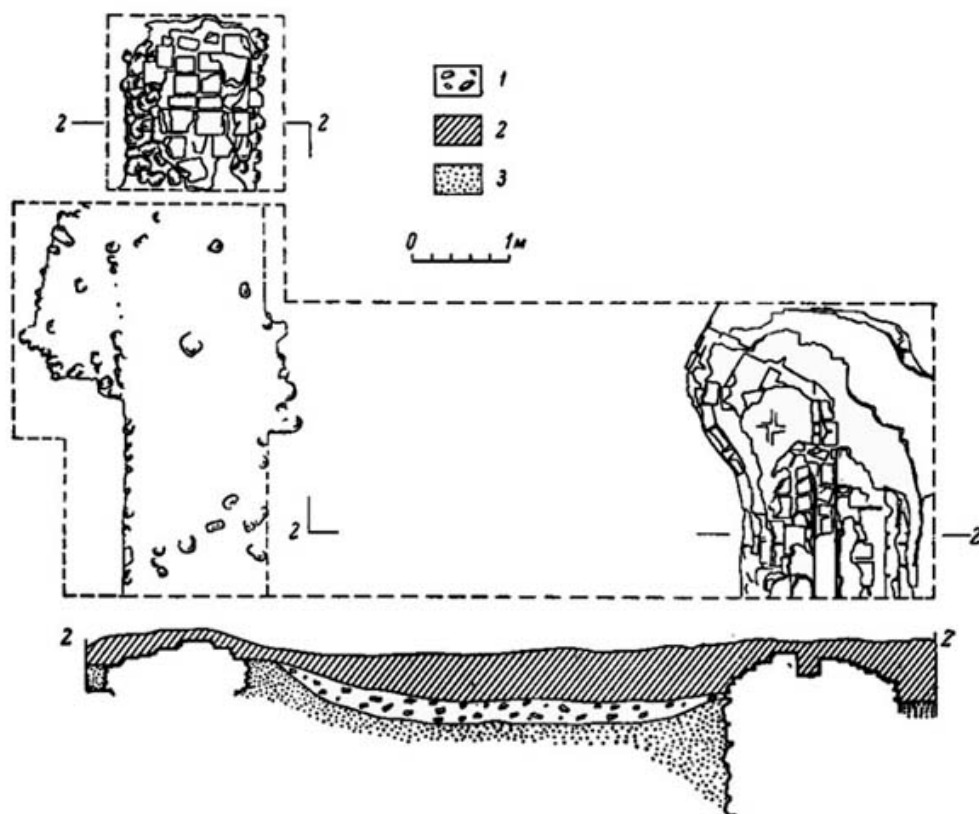

Рис. 11
Борисоглебский собор. Участок западной стены храма и стены галереи. Раскопки 1974 г. План и разрез
1 - строительный мусор; 2 - темная земля; 3 - материковый песок

не делали, а просто ставили саркофаг рядом со стеной. К тому же утонение здесь стены было бы нелепо, так как изнутри её нарочно утолщали. Следовательно, это ошибка обмера и чертежа, вызванная плохим состоянием данного участка стены. Об этом же говорит и "мятая" форма полуколонны, какой при любых обстоятельствах не могло быть в натуре.

Судя по показанному на плане сохранившемуся южному косяку западного портала, входы имели простое обрамление из двух уступов. Видимо, так же были оформлены амбразуры окон. Можно думать, что окна располагались (как и в храмах Петра и Павла и Ивана Богослова) в три яруса, причём третий находился в полукружиях закомар. Часть упавшей закомары, обнаруженная к югу от апсиды южного придела, сохранила проём окна (рис. 13)

-48-

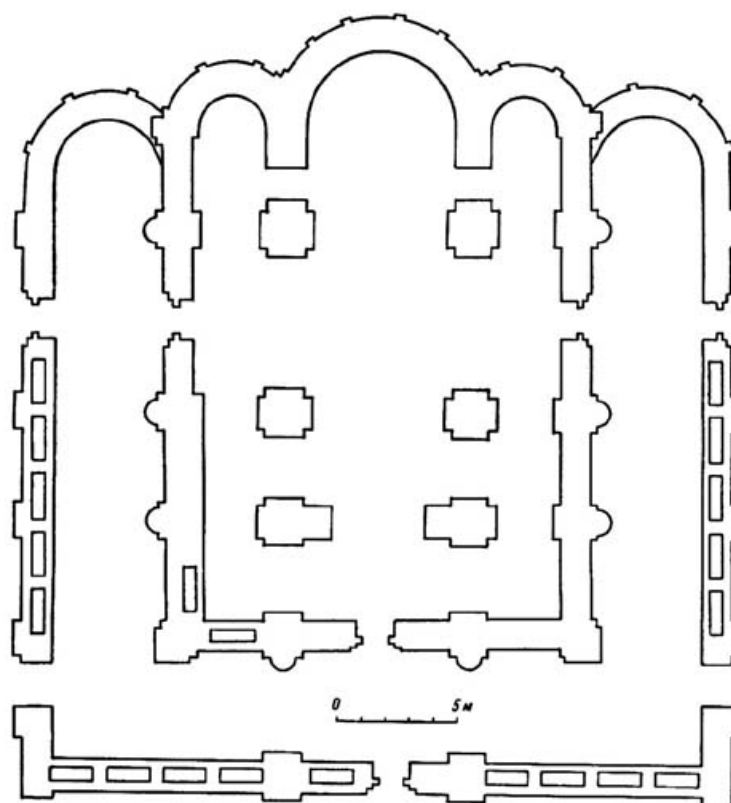

Рис. 12
Борисоглебский собор. Реконструкция плана

И. М. Хозеров считал, что закомары храма были убраны карнизом из двух "зубчиков" (поребрика), поскольку в руинах был найден "клиновидный" кирпич (так Хозеров называл кирпичи-утюжки с заострённым торцом).⁴⁰⁾ Вероятно, поребрик был применён и в отделявшем полукружия закомар аркатурном пояске.

Алтарные апсиды членились тонкими прямоугольными тягами - четырьмя на средней и двумя на боковых (рис. 14). Между апсидами были

⁴⁰⁾ Хозеров И. М. Рукопись ГТГ, с. 46.

-49-

Рис. 13
Упавшее окно. Фото 1908 г.

обычные "сломанные" лопатки. Можно думать, что на средней апсиде имелись три окна и по одному окну на боковых. Каким был барабан главы - сказать почти ничего нельзя.⁴¹⁾

На наружной поверхности упавшего куска кладки у южной стены галереи была обнаружена штукатурка (или обмазка). Это весьма существенно для характеристики внешнего облика здания.

В храме имелось значительное количество погребений. Ещё в 1833 г. при разгроме руин собора рабочие нашли здесь две тёсанные из белого камня прямоугольные гробницы. Их местоположение определяется так: "В фундаменте, при входе в церковь налево, под небольшим каменным сводом".⁴²⁾ В одной, большей, лежал скелет "с остатками организма (так!), превратившимися как бы в муку", а в "головах его - три кирпичные

⁴¹⁾ Возможно, что декору барабана принадлежали профилированные керамические блоки с двухступчатой арочкой, изображённые на чертежах деталей, исполненных членами комиссии Московского археологического общества (Древности. Тр. Комис. по сохр. древ. памятников, л. XI, после с. 106), и (в обломках) на таблицах И. И. Орловского (*Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь..., с. 294). Ширина таких блоков 27 см, наибольшая толщина 9 см. Не происходят ли они из декоративного пояса ниш в карнизе барабана, по типу восстановленного П. Д. Барановским пояса главы храма Петра и Павла?

⁴²⁾ *Мурзакевич Н. Н.* Об открытии древней княжеской гробницы в окрестностях гор. Смоленска. - В кн.: Труды и летописи Общества истории и древностей российских. Т. VIII. М., 1837; Михайлов И. Статистическое обозрение губернского города Смоленска. - ЖМВД, 1838, т. XXVII, с. 210. - Фундаментом местные авторы часто называли нижние части стен руин.

Рис. 14
Северная апсида. Фото 1908 г.

плитки, из каких устроен самый храм".⁴³⁾ Размеры гробницы: длина 2.09 м, ширина 63 см, высота 42 см, глубина 35 см, толщина стенок 7.5-8-9 см.⁴⁴⁾ Данное захоронение несомненно древнее; подобные погребения XII- XIII вв. с тем же приёмом положения кирпичей под голову покойника встречаются и на других памятниках. Не исключено (как это полагали смоленские краеведы XIX в.), что это было погребение самого Давида Ростиславича. Характер погребения во второй гробнице вызывает большие сомнения.⁴⁵⁾ Точное местоположение гробниц трудно определить. Судя по выражениям "близко к северо-западному углу" и "в северо-западной стене храма", можно полагать, что аркосолии находились в смежных стенах в угловом членении под хорами. Кроме двух названных аркосолиев, других в соборе, видимо, не было. Но под полом храма имелось семь грунтовых захоронений: пять в его юго-западном углу и два в среднем нефе у западных столбов.⁴⁶⁾

⁴³⁾ Писарев С. П. Памятная книга..., с. 158.

⁴⁴⁾ Обмер Н. Н. Воронина 1928 г. Отметим, что устройство погребений в тёсанных из камня саркофагах для Смоленска нехарактерно: здесь, как правило, гробницы выкладывались из плинфы.

⁴⁵⁾ В гробнице вместе с костями были якобы найдены "золотая секира и золотой венок". Гробница эта известна только по устным рассказам; она была разбита на мелкие куски, а золотые вещи исчезли. Фантастичность погребения во втором саркофаге снимает необходимость гаданий об его принадлежности (считалось, что это погребение сына Давида Изяслава, умершего раньше отца).

⁴⁶⁾ В руинах смядынского собора в 1872 г. обнаружено надгробие черноризца Зеновия с датой смерти - 6 июля 1272 г. Скорее всего оно находилось на кладбище около

Относительно внутреннего убранства храма наши сведения очень отрывочны, но и они позволяют составить общее представление о красочном богатстве интерьера.

Храм был целиком расписан. Об этом говорит множество найденных при раскопках широкошляпочных гвоздей, закреплявших известковую штукатурку росписи на сводах. О характере живописи сведения ограничиваются несколькими строками в книге И. И. Орловского: "Фрески встречаются различных колеров - больше красного, синего, затем кирпичного, зелёного и др. Заметны следы орнамента, рамки картины; найден кусок фрески с изображением глаза".⁴⁷⁾

Больше данных о характере майоликовых полов храма. К сожалению, их изображения на таблице И. И. Орловского не имеют масштаба, а сами они никак не соотносятся между собой по размерам. Полива плиток всего четырёх цветов: жёлто-хромовая, тёмно-зелёная, голубовато-серая (по-видимому, в результате разложения поливы), почти чёрная, т. е., вероятно, тёмно-коричневая. Мастера, изготавливавшие плитки, пытались разнообразить их расцветку: встречены образцы, где по тёмному жёлто-зелёному фону сделаны свободно расположенные жёлтые крапины или кружочки. Технически все плитки были, видимо, единообразны. Как писали смоленские исследователи, они были сделаны "из чёрного ила", т. е. в изломе их тесто черно-серое и лишь поверхностный слой красновато-розовый. Чёрный цвет излома определяется не качеством глины, а характером обжига; он типичен для плиток и других смоленских храмов.

Большинство фрагментов принадлежит квадратным (11.7 x 11.7 x 2-2.8 см) и треугольным плиткам, причем треугольные плитки были двух размеров. Треугольные плитки - очень частые находки. Они обрамляли вымостки из диагонально уложенных квадратных плиток при их подходе к стене. Обилие треугольных плиток позволяет думать, что такие вымостки, окантованные треугольными плитками, возможно, образовывали не сплошной "ковёр", а как бы несколько смежных друг с другом "ковриков". На тыльной стороне некоторых квадратных плиток имеются выпуклые диагонали и косые "андреевские" кресты. Были квадратные плитки большего размера и меньшей (?) толщины.

Особенно важно для истории Борисоглебского собора наличие разнообразных фигурных плиток от орнаментальных наборов. Это мелкие плитки, создававшие довольно прихотливые узоры. В действительности, очевидно, существовало большее количество разнообразных вариантов подобных плиток, чем было найдено в раскопках. Чрезвычайно интересны поливные плитки в виде квадратных рамок, в которые вставлялись маленькие плитки другого цвета (рамка тождественна по величине обычным квадратным плиткам, а вставленная в середину плитка совсем маленькая - 7.2 x 7.2 см). Плитки эти покрыты жёлтой или зелёной поливой с разбросанными по поверхности чёрными или жёлтыми кружками. И. И. Орлов-

смядынского собора (Орлов А. С. Библиография русских надписей XI-XV вв. М.-Л., 1936, с. 54; Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI-XIV веков. М., 1964, с. 10, 41, табл. XV, рис. 3, 4).

⁴⁷⁾ Орловский И. И. Борисоглебский монастырь..., с. 295.

-52-

ским опубликована, но, к сожалению, не описана очень интересная подобная орнаментированная плитка: её рамка украшена кружками, а на квадратной вставке - более сложный рисунок.⁴⁸⁾

И. И. Орловский полагал, что майоликовый пол был настлан лишь "в важнейших частях храма и, как свидетельствуют очевидцы находки гроба князя Давида, была облицована стена там, где замурованы княжеские гробницы".⁴⁹⁾ Предполагалось также, что плиточный настил делался над погребениями, расположенными под полом храма.⁵⁰⁾ Что касается вертикальной облицовки плитками аркосолия с гробницей, то сведения об этом, видимо, плод какого-то недоразумения, поскольку аркосолии в смоленских храмах оставались открытыми и их задние стенки украшали фресковые изображения деисуса, или молений (особенно ясно это в храме на Протоке). Выстилка плитками участков над грунтовыми погребениями - тоже недоразумение. Одна из таких могил в юго-западном углу собора "была целиком покрыта поливными плитками, наклонившимися немного внутрь могилы. Последнее обстоятельство показывает, что это участок пола, лишь осевший в могильную яму и потому уцелевший. Следовательно, пол храма был целиком майоликовым.

Несомненно, что фрагменты поливных плиток Борисоглебского собора разнородны. Они принадлежат к двум сериям. Одна состояла из квадратных и треугольных плиток, создававших возможность настила простого, но нарядного пола. Другая представлена фигурными плитками, входившими в сложный узор наборного, как бы мозаичного пола. Эти плитки явно не относятся к декору собора 1145 г. Они появились почти на полвека позднее и относятся ко времени сооружения галереи.

4

Используя показания И. И. Орловского, материалы раскопок 1907-1908, 1972 и 1974 гг., можно дать характеристику некоторых строительно-технических приемов.

Глубина фундамента 1.25-1.35 м. Его стенки вертикальны; сделанные Д. В. Милеевым шурфы показали, что стенки укреплялись досками и кольями, отпечатки которых сохранились на растворе фундамента. Такой

⁴⁸⁾ Там же, с. 294. - Здесь следует упомянуть изданный А. Г. Векслером фрагмент загадочной майоликовой плитки, происходящий из коллекции раскопок храма. Автор относил её к XII в. (Векслер А. Г. Майоликовая плитка XII в. из собрания Смоленского музея. - СА, 1959, № 3, с. 226-227). Однако древность этого фрагмента сомнительна, как можно сомневаться и в принадлежности плитки к русской поливной керамике. Прежде всего совершенно необычна её

полива: "На жёлтую и коричневую матовую фоновую поливу нанесена блестящая полива тёмно-красного, белого глухого и бирюзового цветов". Можно отметить, что и толщина слоя поливы - 4-7 мм - также необычна для древнерусских плиток XII в. Особенно трудно признать древним реалистический характер изображенных цветов, позволяющий даже определить их ботаническую природу. Таким образом, мы оставляем этот фрагмент под вопросом.

⁴⁹⁾ Орловский И. И. Борисоглебский монастырь..., с. 295. См. также: Писарев С. П. Памятная книга..., с. 121, 158.

⁵⁰⁾ Орловский И. И. Борисоглебский монастырь..., с. 310.

-53-

Рис. 15
Фундамент столба. Фото 1908 г.

приём был вызван сыпучестью грунта (сырой песок). В основании фундамента по всему периметру стен были проложены лежни, от которых остались пустоты в заливавшем их известковом растворе. Эти парные брусья шириной 40.5 см и толщиной в 22.5 см были выявлены в 1907 г., когда в поисках "крипты" был сделан глубокий раскоп в алтарной части храма. Фундамент здания сложен из крупных валунов на известковом растворе.⁵¹⁾ Вместе с камнями в фундаменте использованы также куски плинфы, не бывшие в употреблении. Местами булыжник и плинфа проложены нерегулярно, а местами слоями: сверху - ряд булыжников, ниже - два ряда битой плинфы на тонком слое раствора, ещё ниже - два ряда крупных валунов с промежутками, забитыми обломками плинфы. Под углами здания и под столбами уложены особенно крупные валуны (рис. 15).

Над кладкой фундамента сделана вымостка из трёх, местами четырёх, а кое-где даже пяти рядов кирпичей на известковом растворе. Она шире вышележащей кладки стен и выступает

наружу от их обреза. Вымостка очень обобщённо передает форму плана здания, а в некоторых местах не-

⁵¹⁾ И. И. Орловский отметил это ещё до раскопок 1907-1908 гг. (см.: *Орловский И. И.* В Смоленске на Смядыни. - Ист. вести., 1903, июнь, с. 983).

-54-

совпадение контура вымостки и стены очень значительно. Фундамент и лежащая на нём вымостка образовали также ленточные фундаменты, соединявшие юго-западный и юго-восточный столбы (а соответственно, вероятно, северо-западный и северо-восточный) со стеной. Средний южный столб такого ленточного фундамента не имел.

Непосредственно на фундаменте или же на кирпичах нижнего ряда вымостки проходят каналы от сгнивших брусьев дубовых связей. Дно и стенки их обмазаны раствором, на котором видны отпечатки волокон дерева. Ширина каналов 22-28 см. В местах пересечения дно одного из них всегда выше дна другого на 2-3 см. В юго-западном столбе, где кладка сохранилась на большую высоту, чем в других местах, каналы связи сохранили полную высоту (23-27 см) и перекрыты кирпичной кладкой (рис. 16, 17). ⁵²⁾ Каналы выходят из стен и столбов внутрь здания, и очевидно, что связи проходили ниже уровня пола поперёк всего храма, образуя общий каркас. Нет сомнения, что подобные связи шли и внутри стен на определенных интервалах по высоте в несколько ярусов вплоть до пят сводов.

Основной формат стенового кирпича - 4.0-4.5 x 21-23 x 31-33 см. Встречаются также узкие кирпичи (до 15%), имеющие ширину 14.5-15 см. ⁵³⁾ Ещё меньше лекальных кирпичей типа трапеции со скруглённым большим основанием. Лекальные кирпичи использовались для выкладки полуколонн на лопатках, а узкие - для их плечиков (рис. 18, 19). При раскопках 1907-1908 гг. были найдены также узкие кирпичи с заострённой и с полукруглой торцевой частью. Все кирпичи красные, хорошего обжига, прочные, хорошо формованные. На их торцах много разнообразных выпуклых знаков. Иногда они встречаются и на постелистой стороне. Кроме того, имеются, правда немногочисленные, клейма, вдавленные на постелистой стороне.

Кирпичная кладка стен храма - порядовая. Наружные поверхности стен исполнены очень аккуратно, причём все кирпичи выходят на фасады тычками. Середина же стен сложена также довольно тщательно, но с применением не только целых, но и битых кирпичей. Швы в кладке чуть тоньше, чем кирпичи, - около 3.5 см. Раствор прочный, жёлто-розовый от большого количества цемянки. Вяжущее в нём от известкового до глинисто-известкового, составляет 35-55% раствора. Известь слабогидравлическая. Заполнитель - цемянка, песок, известковая крошка. Цемянки 40- 55%, причём она присутствует во всех фракциях, от крупных до самых мелких (кирпичная пыль). Песка сравнительно немного - 10-20%; он углеватый, большей частью от среднего до крупного. Известняка ещё меньше - до 5 %.

При раскопках 1907-1908 гг. были найдены обломки глиняных сосудов - голосников, которые закладывались в кладку верхних частей зда-

⁵²⁾ Странно, что такой знаток, как Д. В. Милеев, только что проводший раскопки Десятинной церкви в Киеве, принял эти каналы связей за каналы, "служившие для вентиляции и осушки фундамента храма и храмового подполья" (*Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь..., с. 307-308).

⁵³⁾ *И. И. Орловский* показывает и другие форматы кирпича: 4 x 11 x 24, 8 x 18.8 x 28.6, 4 x 18.8 x 31 см.

-55-

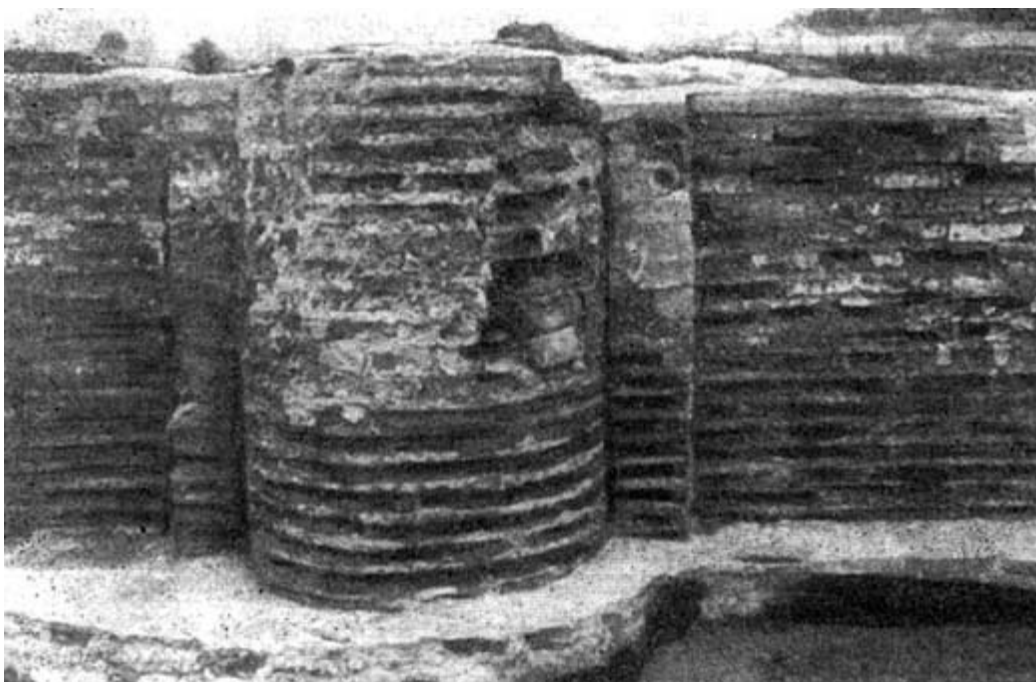

Рис. 16
Подкупольный столб. Фото 1908 г.

Рис. 17
Юго-западный столб. Вид с востока. Фото 1974 г.

-56-

*Рис. 18
Лопатка с полуколонной. Фото 1908 г.*

*Рис. 19
Кладка лопатки и полуколонны. Фото 1974 г.*

-57-

ния. Об их характере ничего не сообщается, кроме того, что толщина стенок была 5 и 22 мм. По аналогии с другими смоленскими зданиями можно полагать, что тонкие черепки принадлежали высокогогорным тёмно-коричневым кувшинам без ручек, выполненным в технике спирального налёпа с обваркой поверхности. Толстые же черепки, очевидно, принадлежали амфорам.

Открытие в 1908 г. Д. В. Милеевым галереи, опоясывающей собор с трёх сторон, было выдающимся событием в истории не только смоленской, но и всей древнерусской архитектуры. В своё время это открытие прошло незамеченным и, как мы видели, памятник в целом даже не получил должной фиксации. Однако его значение трудно переоценить: в истории смоленского зодчества впервые появился тип храма с галереями, который, как выяснилось позже, был одним из характерных созданий смоленских зодчих XII в.

Но возникает вопрос - одновременна ли галерея основному ядру собора или она окружила его позднее.

Как мы говорили выше, монастырский собор являлся храмом смоленской княжеской династии - князь Давид был погребен не просто в Борисоглебском храме, а "во отни ему благословении, юже бе создал отец его Ростислав". Следовательно, княжеский храм - "вотчий" - он задуман как место упокоения потомков Ростислава и их семей, как мавзолей Ростиславичей. Это позволяло думать, что и собственно галерея-усыпальница входила в первоначальный замысел и была создана тоже зодчими Ростислава. Однако есть источники, показания которых давно вызывали колебания историков в вопросе о дате галереи. В смоленских летописных фрагментах поздних сборников сообщается о бурной строительной деятельности сына Ростислава князя Давида Ростиславича на Смядыни. Так, в сборнике киевского Михаило-Златоверхого монастыря сообщалось, что князь Давид Ростиславич "созда церковь на пристани, собор архангела Михаила, и Бориса и Глеба на Смядыни".⁵⁴⁾ В другом источнике, повествующем о перенесении Давидом из Вышгорода на Смядынь ветхих деревянных гробниц Бориса и Глеба, говорится, что 21 августа 1191 г. было совершено "великое священие" храма Бориса и Глеба.⁵⁵⁾ И. И. Орловский правильно заметил, что здесь речь идёт не о "создании" церкви Давидом, он "мог её переделать, расширить пристройками - и только", и что "великое священие" 1191 г. произошло, "очевидно, после солидной переделки храма".⁵⁶⁾ Не было ли это связано со строительством галереи?

⁵⁴⁾ *Щапов Я. Н.* Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. - В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 282.

⁵⁵⁾ *Воронин Н. Н., Жуковская Л. П.* К истории смоленской литературы XII в. - В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 71.

⁵⁶⁾ *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь..., с. 272-273, 275, 276; *Клетнова Е. Н.* Хронолог событий, относящихся к Борисоглебскому монастырю в Смоленске на Смядыни. - СС, 1916, вып. III, ч. 2, с. 2. - И. Д. Белогорцев относил. устройство галерей к 90-м гг. XII в., а их исчезновение неизвестно на каких осно

На "плане 1908 г." храм с трёх сторон опоясывает широкая (4.97 м) галерея, образующая как бы дополнительные нефы собора со своими приделами. Северная и южная стены галереи с их полукруглыми апсидами исчезли полностью: от них уцелели лишь следы фундаментов, мастерски расчищенные Д. В. Милеевым (рис. 20). Также лишь "силуэтно" прослеживались поперечные фундаменты по оси столбов и пилястр храма, конструктивный смысл которых неясен. Поэтому все эти части показаны на "плане 1908 г." пунктиром. Снаружи стены галереи членились плоскими лопатками. Западная стена длиной около 29.15 м сохранилась хорошо на высоту около 70 см (рис. 21). Боковые короткие стенки западной галереи (сохранилась лишь южная) странным образом не доходят до соединения со стенами южной и северной галерей храма и кончаются прямоугольными внешними лопатками, оставляя как бы особые входы в западную галерею.⁵⁷⁾

Раскопки в 1974 г. участка южной стены галереи напротив второй с запада пилястры храма

(рис. 10) показали, что фундаментные рвы галереи при раскопках 1909 г. были почти полностью скрыты - от них сохранились только самые нижние части. Поэтому их контуры порой вовсе не прослеживаются или же имеют искривленные очертания. Дно фундаментных рвов галереи лежит всего на 0.5 м ниже верхнего обреза кирпичной вымостки храма, т. е. основания его стен. Таким образом, глубина фундаментов галереи первоначально и была, очевидно, около 50 см. Дно рва перемычки, соединяющей южную стену галереи с южной стеной храма, не совсем вплотную примыкает к фундаментам храма, оставляя (с западной стороны выступа у пилястры) нетронутый участок материкового грунта. Эта деталь свидетельствует, что галерея была пристроена к собору позднее.

На другом участке (в западной части здания) остатки галереи сохранились несколько лучше (рис. 11). Правда, фундамент перемычки, соединяющий западную стену галереи со стеной самого храма, здесь тоже оказался скрытым (что хорошо видно на разрезе), однако стена самой галереи сохранила не только каменный фундамент, но (на одном участке) даже нижний ряд кирпичной кладки. Фундамент галереи имеет ширину 1.5 м, а стена была, по-видимому, около 1.1 м. Размер кирпичей галереи: толщина 3.8, ширина 20.5 см, а длину удалось промерить всего на одном сохранившемся кирпиче - 28 см. Раствор светло-серый, не очень прочный. Вяжущее в нём известковое, составляет 40-53% раствора. Известь слабогидравлическая. Заполнитель - цемянка (15-25%), песок (18-25%), очень небольшое количество кусочков мергеля. Цемянка в основном представлена кусками более 3 мм, кирпичной пыли почти нет. Песок окатанный, от мелкого до среднего. Фундамент галереи был запущен в грунт с уровня

ваниях датировал 1883 г., когда их якобы разобрали на мощение улиц (*Белогорцев И. Д. Памятники архитектуры Смоленской области. Смоленск, 1950, с. 9.*

⁵⁷⁾ Любопытно, что архитекторы из Московского археологического общества считали стенку с погребениями к западу от собора специально сделанной для погребений, причем только с западной стороны. В то же время приезжавший 25 августа 1908 г. взглянуть на раскопки председатель Тверской ученой архивной комиссии И. А. Иванов правильно определил эту стенку как остатки галереи, опоясывавшей храм с трёх сторон (см.: *Орловский И. И. Борисоглебский монастырь...*, с. 297-298).

-59-

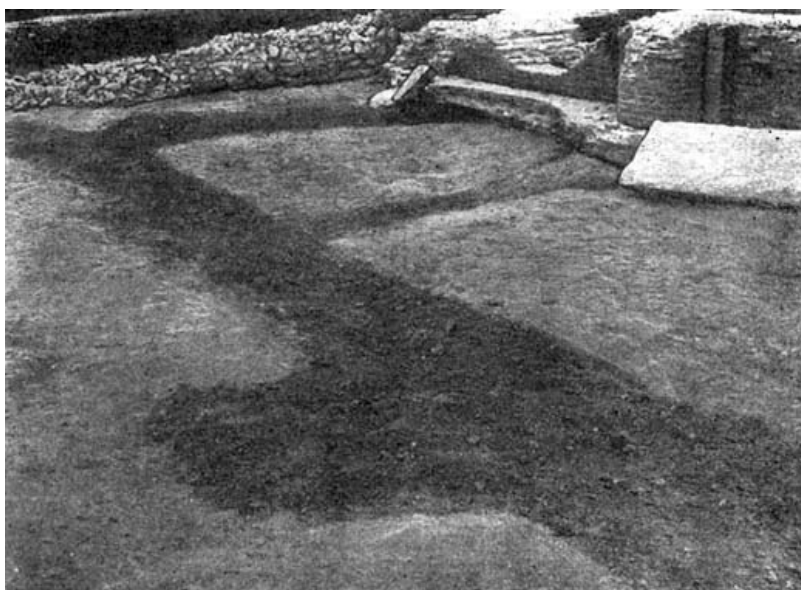

Рис. 20
Фундамент галереи. Фото 1908 г.

верха кирпичной вымостки стен храма. Он сложен из мелких булыжников насухо; глубина его несколько менее 0.4 м, а выше, примерно на 10 см, поднимается кирпичная вымостка на глине.⁵⁸⁾ Фундамент же стены храма на этом участке имеет глубину 1.2 м, а толщину вымостки 0.3 м. Таким образом, разница в отметке нижней точки фундамента 1.1 м, верха каменного фундамента 30 см, а уровень верха кирпичной вымостки, т. е. основания стен, отличается здесь всего на 10 см.

Как материал и конструкция галереи, так и соотношение её фундамента с фундаментом храма, таким образом, вполне согласуются с предположением о более поздней пристройке этой галереи к собору.

Как мы видели выше, при раскопках собора 1907-1908 гг. были встречены половые плитки двух типов: один набор-простого "шахматного" пола, второй - фигурного "мозаичного" пола. Очевидно, плитки второго набора представляют собой остатки пола галереи. Плитки в виде рамки с квадратной вставкой, вполне аналогичные тем, которые найдены в Борисоглебском соборе, были обнаружены в Смоленске при раскопках собора Троицкого монастыря на Кловке, построенного на рубеже XII и XIII вв. Узорчатые наборные полы из фигурных плиток встречены на

⁵⁸⁾ По наблюдениям И. И. Орловского, бут под стенами галереи был уложен не на весь их протяжении, а в каких-то "некоторых определенных местах" (*Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь..., с. 310).

-60-

Рис. 21
Западная стена галереи. Фото 1908 г.

памятниках конца XII в. и в других русских землях, например во Владимире (пол 1189 г. в Успенском соборе) и Суздале (пол 1194 г. в Богородицком соборе).⁵⁹⁾ Это обстоятельство вновь приводит к мысли о значительном строительстве, проводившемся в конце XII в.; вероятно, это и было сооружение князем Давидом галерей вокруг собора, которые получили нарядные полы. С этим и было связано "великое священие" храма. Торжественно привезённые из Вышгорода реликвии - гробницы Бориса и Глеба, возможно, были поставлены в восточных приделах галерей.

Остается неясным смысл "разрезающих" боковые галереи "перемычек" - им не отвечают отсутствующие внутренние лопатки, нет и приложенных к пилястрам храма опор для поперечных арок. По-видимому, арка и не было, а помещения галерей представляли собой просторные, светлые, широкие и длинные залы. Они имели свои порталы, соответствующие порталам собора (позднее заложенным) и имеющие ту же простую, двухступенчатую профилировку

⁵⁹⁾ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV вв. Т. 1. М., 1961., с. 482, рис. 231. - Диагональные или крестовидные (в виде "андреевского" креста) выпуклые знаки на тыльных сторонах квадратных плиток Борисоглебского собора, видимо, можно сопоставить с подобными знаками на плитках ростовского Успенского собора (известен образец с диагональю), где их, возможно, следует относить ко времени перестройки храма в 1213-1231 гг. (там же, рис. 152, е).

-61-

. Если боковые фасады галерей мерно членились узкими лопатками по осям столбов, то западный фасад был необычен. Здесь лопатки выделяли лишь его среднее членение, а им отвечали внутренние мощные лопатки ("толщиной около полуаршина"). ⁶⁰⁾ Боковые же части западной галереи лопаток не имели. Не была ли средняя часть более высокой и крытой сводом, выходящим закомарой на фасад? При таком решении центральное членение было бы похожим на притвор, к которому по сторонам примыкали пониженные части, крытые прямолинейной односкатной кровлей. В уборе фасадов галереи можно предположить горизонтальный поясок аркатуры с поребриком под свесом кровли. Теневые пятна окон вместе с лопатками и аркатурой оживляли в общем очень строгие и суровые фасады галереи-усыпальницы, создававшей новое качество комплекса - ярусность его композиции. В связи с полной утратой наземных кладок апсид галереи они изображены на "плане 1908 г." просто полукруглыми, без каких-либо членений. Можно думать, что строители галереи должны были согласовать её формы с формами храма, оживив скупую гладь алтарных полукружий такими же тонкими плоскими тягами, как на апсидах собора. Они и показаны на нашей реконструкции храма.

Размещение аркосолий в боковых галереях не вызывает особых сомнений. По-видимому, в каждой стене находилось по пять погребальных ниш - всего 10. Сложнее вопрос с их размещением в западной галерее. По словам И. И. Орловского, аркосолии западной стены были разной длины - 2.14 и 1.77 м, шириной 61 см, глубиной более 35 см. ⁶¹⁾ Толщина лицевой стенки гробницы 22 см (в один кирпич). Указанная Орловским длина аркосолий едва ли реальна: в галереях других храмов Смоленска они обычно имели длину от 1.8 до 2 м. А на "плане 1908 г." они очень коротки, гораздо короче внутренних подпольных захоронений, некоторые же равны или даже короче храмовых лопаток. О количестве аркосолий западной стены Орловский пишет очень неопределённо - "до 12 четырехугольных продолговатых углублений", в то время как на плане их изображено 13. Если принять среднюю длину аркосолия равной 1.8 м, то общая протяженность 13 аркосолий составит 23.4 м, т. е. аркосолии почти слились бы в одну сплошную полосу. Но из общей длины западной галереи (около 25.8 м) следует ещё изъять величину дверного проёма. Вывод о нереальной "уплотнённости" аркосолий западной стены подтверждает фотография её северного конца. Передний, разрушенный аркосолий (третий от проёма) по чертежу отмечен против северной полуколонны западной стены храма; на фотографии же он находится далее к северу, и его северный торец располагается примерно против угловой лопатки храма. Таким образом, несомненно, что на "плане 1908 г." аркосолии показаны не по натурному обмеру, а проставлены как схема, дающая лишь понятие, что в стене находились погребальные ниши (отсюда и появились у Орловского разные их размеры). При реконструкции действительного размещения аркосолий в галерее Борисоглебского собора с данными "плана 1908 г." не следует считаться. В западной стене в боковых её частях, вероятно,

⁶⁰⁾ *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь..., с. 296.

⁶¹⁾ Там же.

-62-

было по четыре аркосолия, плюс один к северу от портала - всего девять. Следовательно, в галерее было, видимо, 19 аркосолий. Кроме того, в ней сделано семь грунтовых погребений в кирпичных ящиках (возможно, их было больше, но только семь из них замечено при раскопках 1907- 1908 гг.). Следовательно, собор и его галерея имели всего 21 погребальную нишу и 14 грунтовых погребений.

Так в итоге строительства князя Давида Ростиславича монастырский Борисоглебский собор 1145-1150 гг. превратился в обширную усыпальницу (ширина с галереями 28.72 м) и получил торжественную ярусную композицию.

-63-

Церковь Петра и Павла

1

Церковь Петра и Павла - один из трёх уцелевших на поверхности земли памятников смоленского зодчества XII в. и сохранившийся лучше двух других. К сожалению, мы не только не имеем твёрдой летописной записи, датирующей эту постройку, но ничего не знаем о судьбе храма на протяжении пяти столетий.

Гравюра В. Гондиуса (рис. 22) свидетельствует, что в начале XVII в. церковь была цела, но её облик передан совершенно превратно: гравёр изобразил высокий и небольшой по площади храм, без алтарных апсид, с тремя ярусами маленьких окон и колючей луковичной главой на гранёном барабане. Никаких пристроек здание не имеет; оно окружено земляными укреплениями XVII в. в виде четырёхконечной звезды.

С захватом Смоленска поляками и учреждением католической, а затем униатской епископии архиепископ Лев Кревза-Ржевусский организовал у церкви Петра и Павла свою резиденцию, для чего в 30-х гг. XVII в. с запада от храма были выстроены примыкавшие к нему двухэтажные палаты, а сам храм превращён в костёл. Вход в его нижний этаж был сделан новый, в южной трети западной стены.

После возврата Смоленска в 1654 г. в лоно России униатская база у церкви Петра и Павла была ликвидирована. Около западного торца дворцового корпуса была построена красивая шатровая колокольня с двумя эффектными раскидистыми лестницами. В следующем столетии над дворцом был выстроен третий этаж, занятый придельной церковью Варвары. Так замечательный памятник XII в., храм Петра и Павла, включился в чуждый ему архитектурный комплекс, в котором занял явно подчинённое место - он был ниже и меньше дворцового корпуса. Более того, его попытались слить с ним воедино: пол был значительно поднят над древним уровнем, до уровня пола нижнего этажа дворца. Наросший снаружи храма культурный слой также резко изменил первоначальные пропорции храма, придав им массивность и грузность. Внутри в целях увеличения пространства храма были обтёсаны в нижней части столбы и стенные лопатки, причём западная пара столбов приобрела овальную форму, вводившую в заблуждение некоторых исследователей,¹⁾ а восточная пара лишилась своих боковых крестовин. Тогда же памятник претерпел решительные изменения и своего внешнего вида. Вместо древних окон появились два яруса больших широких, обрамлённых наличниками из фигурного кирпича, аналогичными обрамлениям дворцовых окон; были также срублены полуколонны фасадных лопаток, противоречащие плоским членениям фасадов дворца, и полностью заложены древние порталы. Возможно, тогда же на храме была устроена вторившая дворцовой двухскатной

¹⁾ Некрасов А. И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI-XVII века. М. 1936, с. 52.

Рис. 22

Церковь Петра и Павла. По В. Гондиусу

кровле четырёхскатная крыша. В 1782 г. с северной стороны к церкви примкнул придел Нила Столбенского (разобранный в 1880 г. из-за намокания северной стены церкви). ²⁾ Во время очередного ремонта в 1812 г. была разобрана древняя глава, заменённая новой; по счастью, под кровлей уцелели основания первоначального барабана редкой 12-гранной формы с 12 узкими окнами. ³⁾ При ремонте 1894-1895 гг. стены всего храма снаружи были перетёрты и окрашены, что ещё более объединило древнее здание с его поздними пристройками. ⁴⁾ В этом неузнаваемо искажённом виде памятник долго не привлекал внимания учёных, хотя в восточной трети южной стены превосходно сохранялись два первоначальных окна и даже часть арочного пояса в основании закомары, что вместе с другими чертами здания свидетельствовало о сохранении его древней основы. Лишь

²⁾ Соколов И. Историческая записка о Петропавловской смоленской церкви. - СЕВ, 1896, № 13, с. 665.

³⁾ Хозеров И. М. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. - КСИИМК, 1945, вып. XI, с. 20.

⁴⁾ Соколов И. Указ. соч., с. 666.

наблюдения П. П. Покрышкина, сделанные во время ремонта храма в 1908 г., установили, что пол храма сильно поднят против первоначального, а в нижней части его стен были ниши (погребальные аркосолии). ⁵⁾

Первые научные исследования памятника относятся уже к советскому времени. В 1923 г., а главным образом в 1924-1928 гг., были проведены некоторые изыскания, связанные с предполагавшейся реставрацией памятника. Реставрационные работы не состоялись, а о проведённых исследованиях мы располагаем лишь краткой информацией И. М. Хозерова ⁶⁾ и исполненным им схематическим обмером плана здания, далеко не отражающим, как выяснилось, всех его древних черт. ⁷⁾ Реставрационные работы, осуществлённые (в связи с празднованием 1100-летнего юбилея Смоленска) П. Д. Барановским в 1962-1963 гг., удалили третий этаж палат, отделили от них древний храм Петра и Павла и вернули ему первоначальный облик (рис. 23 - 26),

что позволяет теперь дать более подробную и обоснованную характеристику памятника, чем это можно было сделать раньше.⁸⁾

Это превосходный образец крестовокупольного одноглавого четырёхстолпного храма строгих пропорций, подчёркнутых сдержанностью декора (рис. 27). Наружный размер храма - общая длина 20.5 м, ширина 16.2 м; внутренний - ширина 13.3 м, длина без апсиды 13.3 м, длина с апсидой 17 м. Размер подкупольного пространства - вдоль храма 5.2 м, поперёк 5 м. Фасады членятся лопатками, у двух средних - с полуколоннами; широкие - угловые лопатки полуколонн не имеют. Апсиды оживлены плоскими вертикальными тягами со слепой, также плоской, аркадой в верхней части. Широкие полуциркульные амбразуры окон обрамлены строгой одноступенчатой нишей. Темные пятна этих проёмов подчеркивают мощь здания. В центральной закомаре - три окна, в боковых - по одному окну или нише. Ниже - главный средний ярус окон: три в среднем членении и по одному в боковых. Очень важен большой разрыв между ярусом окон и нишей портала, оставляющий свободную стенную плоскость. Боковые окна как бы подчеркивают относительную незначительность величины портала, тем самым усиливая впечатление грандиозности и величия храма. Оставшиеся незаделанными квадратные чёрные пятна каналов пальцев лесов ещё более подчеркивают мощь стенных плоскостей. На уровне пят

⁵⁾ ИАК, 1909, прибавление к вып. 32, с. 98-99.

⁶⁾ Хозеров И. М. 1) Археологическое изучение..., с. 20; 2) Новые данные о памятниках древнего зодчества города Смоленска. - In: *Seminarium Kondakobianum*. II. Praha, 1928, s. 353-354.

⁷⁾ План был опубликован Н. Н. Щекотихиным (*Шчакаціхін М. М.* Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва. Т. 1. Менск, 1928, табл. II). Позднее план был переиздан М. К. Каргером (*Каргер М. К.* Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, с. 60, рис. 20).

⁸⁾ К сожалению, печатная информация о проделанной П. Д. Барановским интереснейшей работе ограничивается популярной статьей в местной газете (*Барановский П. Д.* Свидетель восьми веков. - Газ. "Рабочий путь", Смоленск, 1963, № 235). Также нет ни рабочих, ни исполнительных чертежей проведённой реставрации. Приводимые в настоящей работе чертежи сделаны по обмеру, исполненному в 1973 г. группой студентов архитектурного факультета Института им. И. Е. Репина под руководством архитектора А. А. Гавричкова.

массивных полуциркульных закомар фасады опоясывает лента аркатуры с двойным поребриком, проходящая через верхи полуколонн и лопаток, как бы образуя их карниз. Широкие плоскости лопаток западных углов пересекают лента бегунца и выложенные из плинфы рельефные четырёхконечные кресты. В убор карнизной части огромного 12-гранного барабана, кроме опирающейся на плоские тяги аркатуры, введён пояс керамических плиток в виде уступчатых нишек с килевидными завершениями,⁹⁾ что облегчает пропорции главы и подчёркивает некоторый интерес зодчего к высотности здания (рис. 28). После того как в 1974-1975 гг. поверхность земли вокруг храма была опущена до первоначального уровня (примерно на 1.5 м), появилась возможность полностью оценить стройность и мужественную слаженность храма (рис. 29, 30). Особенно красивы его апсиды - мощные, но не тяжеловесные, строгие, но не мрачные, играющие лёгкой светотенью тяг и аркады и сочными глубокими пятнами оконных амбразур.

Однако, как показали точные наблюдения при раскопках, храм не оставался без покрытия поверхности кирпичной кладки. В некоторых местах примыкания пристроек (о которых скажем ниже) на стенах храма были выявлены остатки тонкой известковой, бело-розовой затирки. Анализ образца установил, что состав раствора затирки очень близок таковому связующего в кладке храма - здесь много частиц кирпичной крошки, единичные мелкие кусочки угля, жёлтой глины и кварца. Соотношение основных компонентов говорит о жирности раствора: извести

51%, кирпичной крошки 34, песка 15%. Раствор характеризуется тонкостью теста, отсутствием в нём крупных фракций. Затирка фасадов была сделана сразу же (или вскоре) после постройки храма, до появления обстроек. Розовато-белая затирка, видимо, покрывала стены храма не сплошь. Вероятно, оставались незатёртыми выпуклые кресты на угловой лопатке; возможно, не подвергались затирке и элементы декора, углубленные в кладку: аркатура и поребрик стен, бегунец лопатки. Исходя из позднейшего строительного опыта древнерусских архитекторов можно полагать, что не затирались оконные арки и арки слепых ниш на апсидах, а также их тонкие вертикальные тяги, связанные с карнизной аркатурой и поребриком. Таким образом, можно думать, что храм был бело-розовым, с оставленными открытыми кирпично-красными деталями декора. Это напоминало расцветку народной вышивки - красной нитью по белому холсту - и несколько смягчало общую строгость архитектуры храма.

Интерьер храма так же торжествен и строг, как и его внешний облик. Мощные крестчатые столбы связаны подпружными арками, несущими с помощью парусов светлый 12-оконный гранёный барабан главы. В его основании, над арками, снаружи расположен невысокий квадратный пьедестал. Ветви архитектурного креста, т. е. средние членения храма в продольном и поперечном направлениях, перекрыты цилиндрическими сводами, торцы которых образуют центральные закомары фасадов. Своды угловых членений тоже цилиндрические, повёрнутые шельгами в направле-

⁹⁾ Обломки этих плит были найдены в закладке древних окон главы (*Барановский П. Д. Указ. соч.*).

-67-

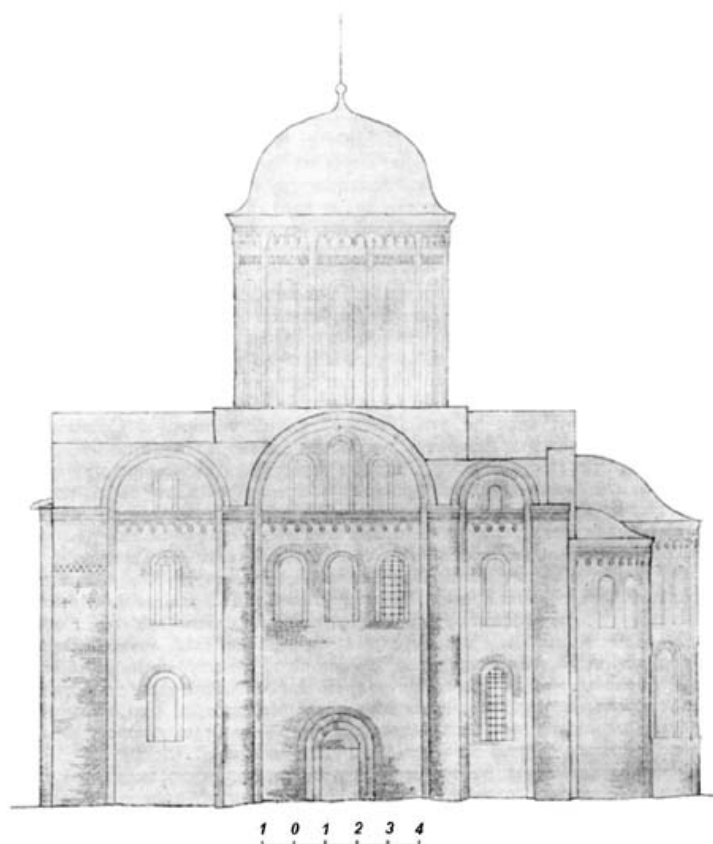

Рис. 23
Южный фасад

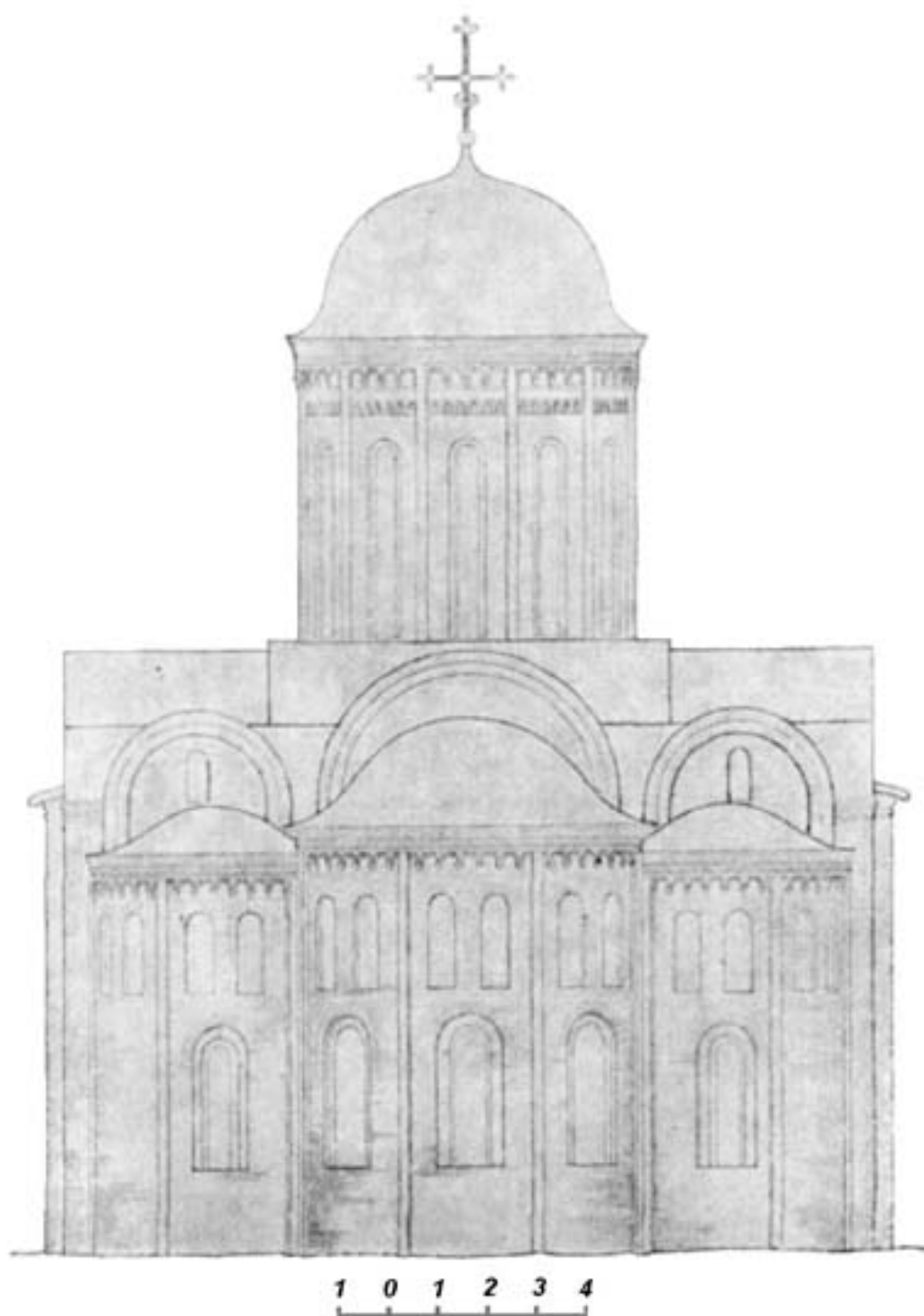

Рис. 24
Восточный фасад

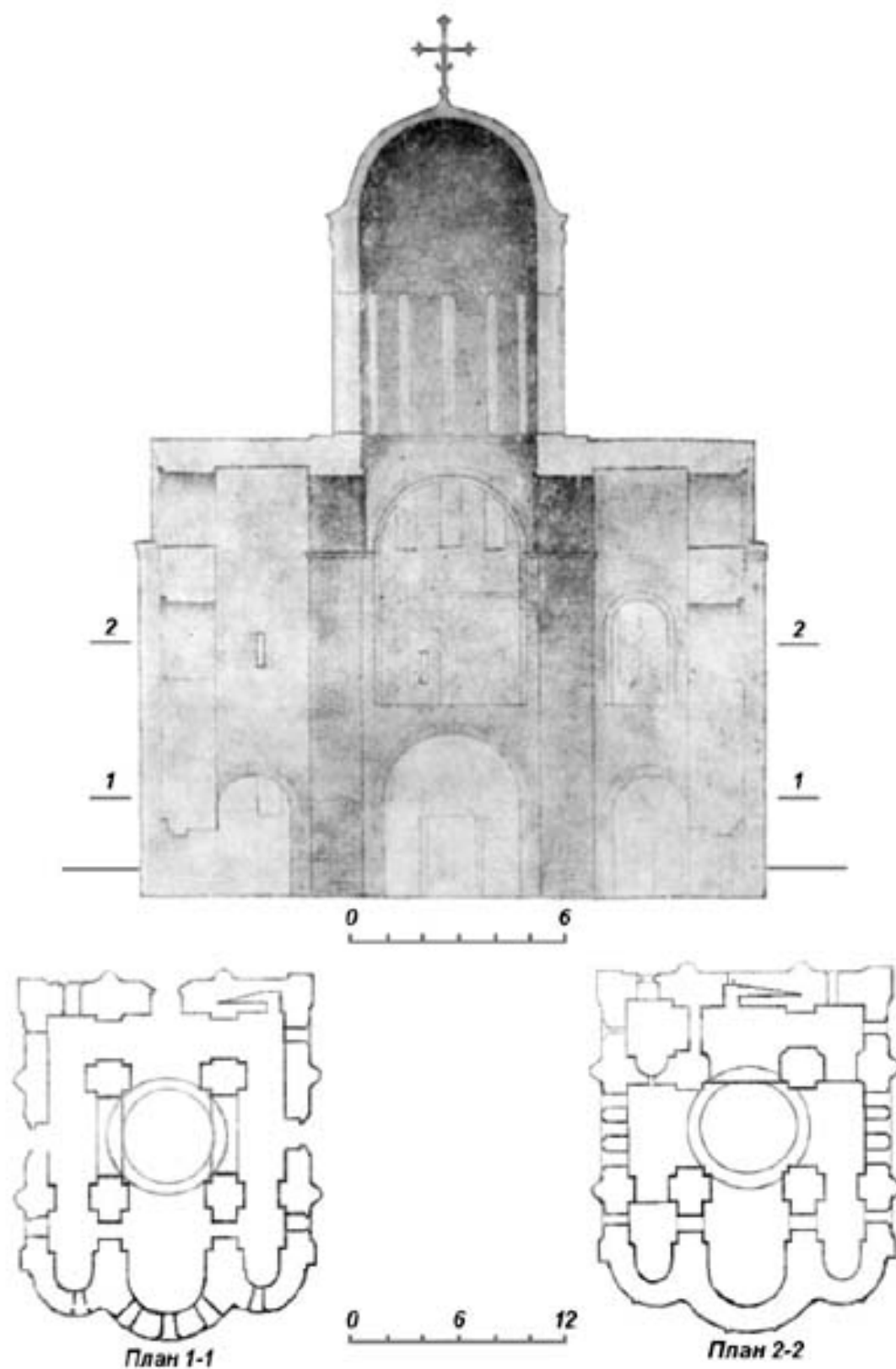

Рис. 25
Планы и поперечный разрез

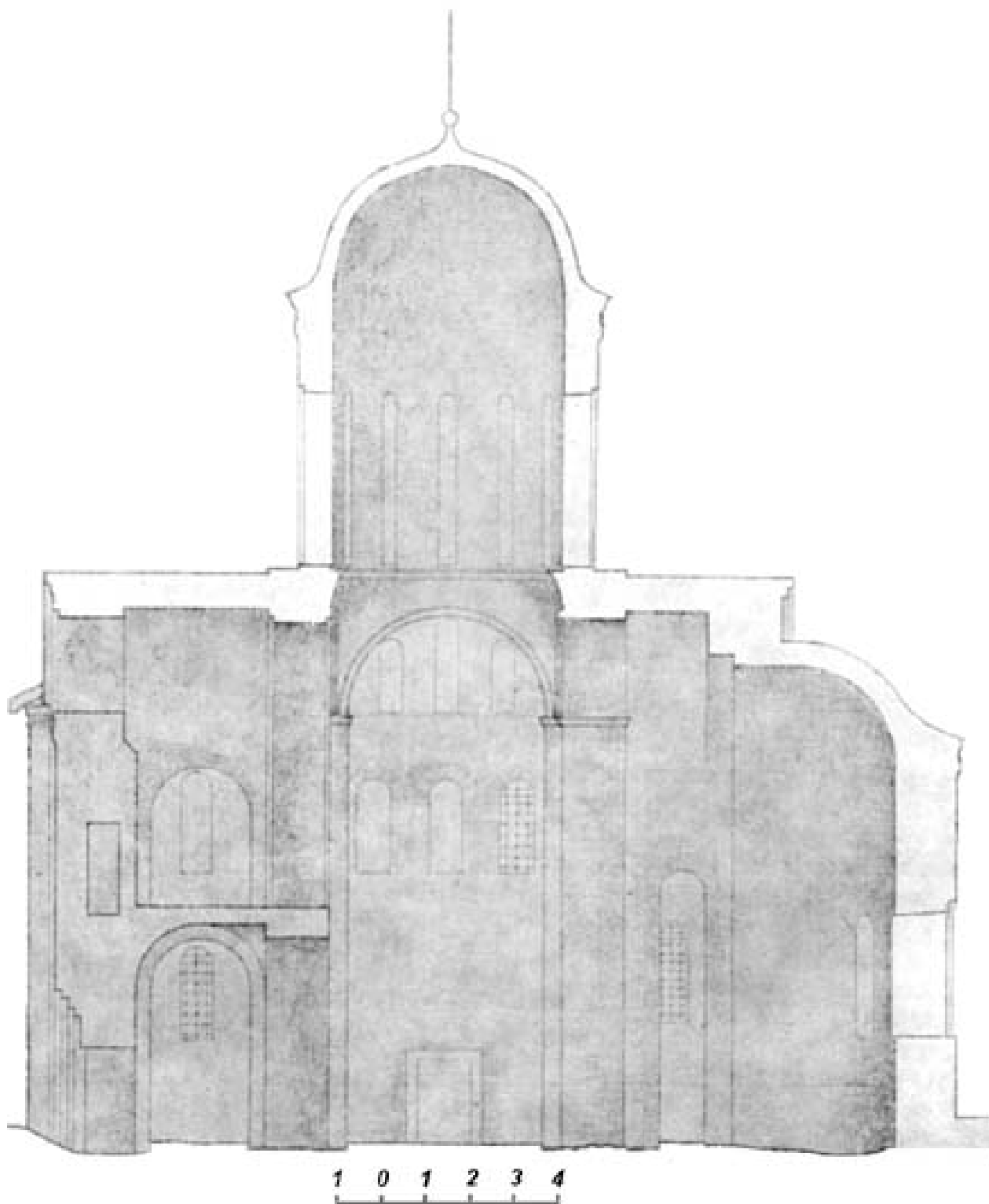

Рис. 26
Продольный разрез

-71-

Рис. 27
Церковь Петра и Павла. Вид с юго-запада

-72-

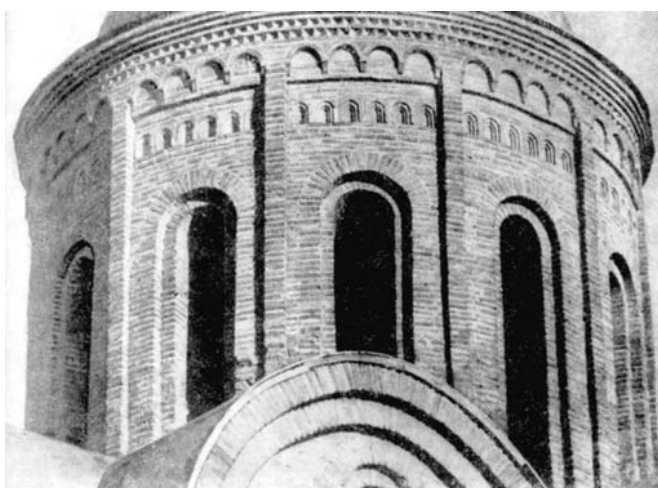

Рис. 28
Церковь Петра и Павла. Барабан

нии север - юг. Поэтому на северном и южном фасадах храма боковые закомары соответствуют торцам сводов и в них размещены окна, тогда как боковые закомары восточного и западного

фасадов ложные и имеют не окна, а глухие ниши. В западной трети храма расположены хоры. Их своды также цилиндрические, повёрнутые по оси север - юг, но имеющие поперечные распалубки, что делает своды угловых членений близкими крестовым.

Широкие (не щелевидные, а с параллельными косяками амбразур) окна боковых стен вместе с 12 окнами барабана обильно освещают нестеснённое обширное пространство. Полукружия арок и сводов сообщают ему царственное спокойствие, подчёркнутое ёмким пространством алтаря, отделённого в древности лишь невысокой алтарной преградой. В глубине алтаря, следуя его полукружью, находилось сложенное из плинфы седалище для клира - "горнее место", основание которого вскрыто раскопками.

Первоначально стены и своды храма были покрыты росписью, о чём свидетельствуют местами сохранившиеся широкошляпочные гвозди, а также отдельные фрагменты живописи. Расписаны были и плоскости оконных амбразур. Судя по сохранившимся жалким фрагментам, нижнюю часть

-73-

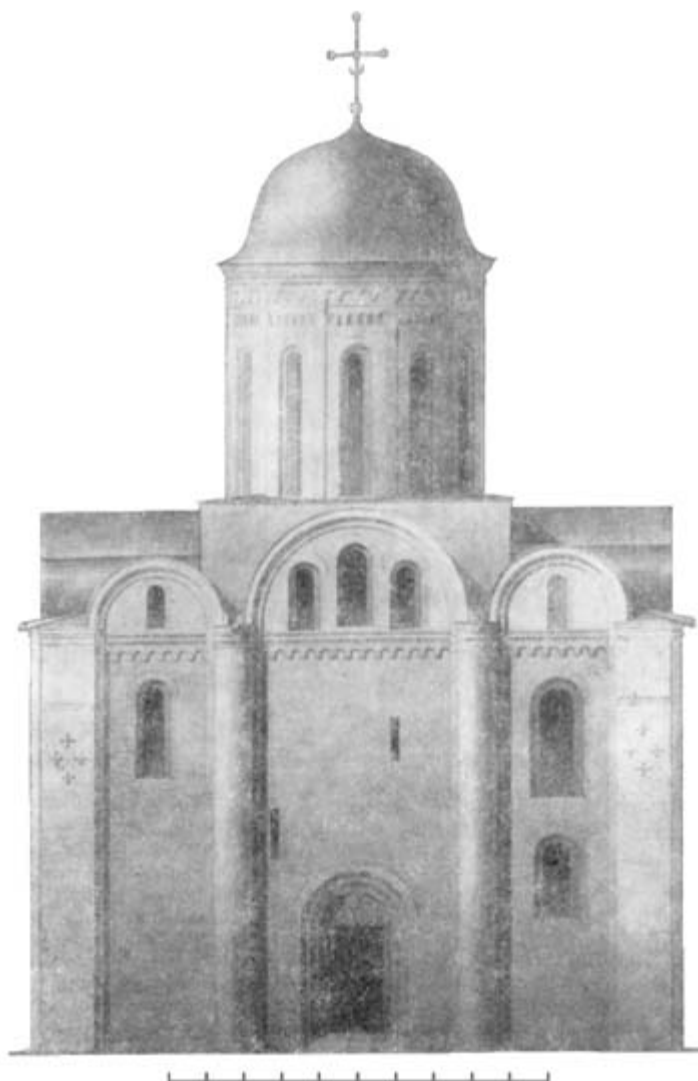

Рис. 29
Церковь Петра и Павла. Западный фасад. Реконструкция

-74-

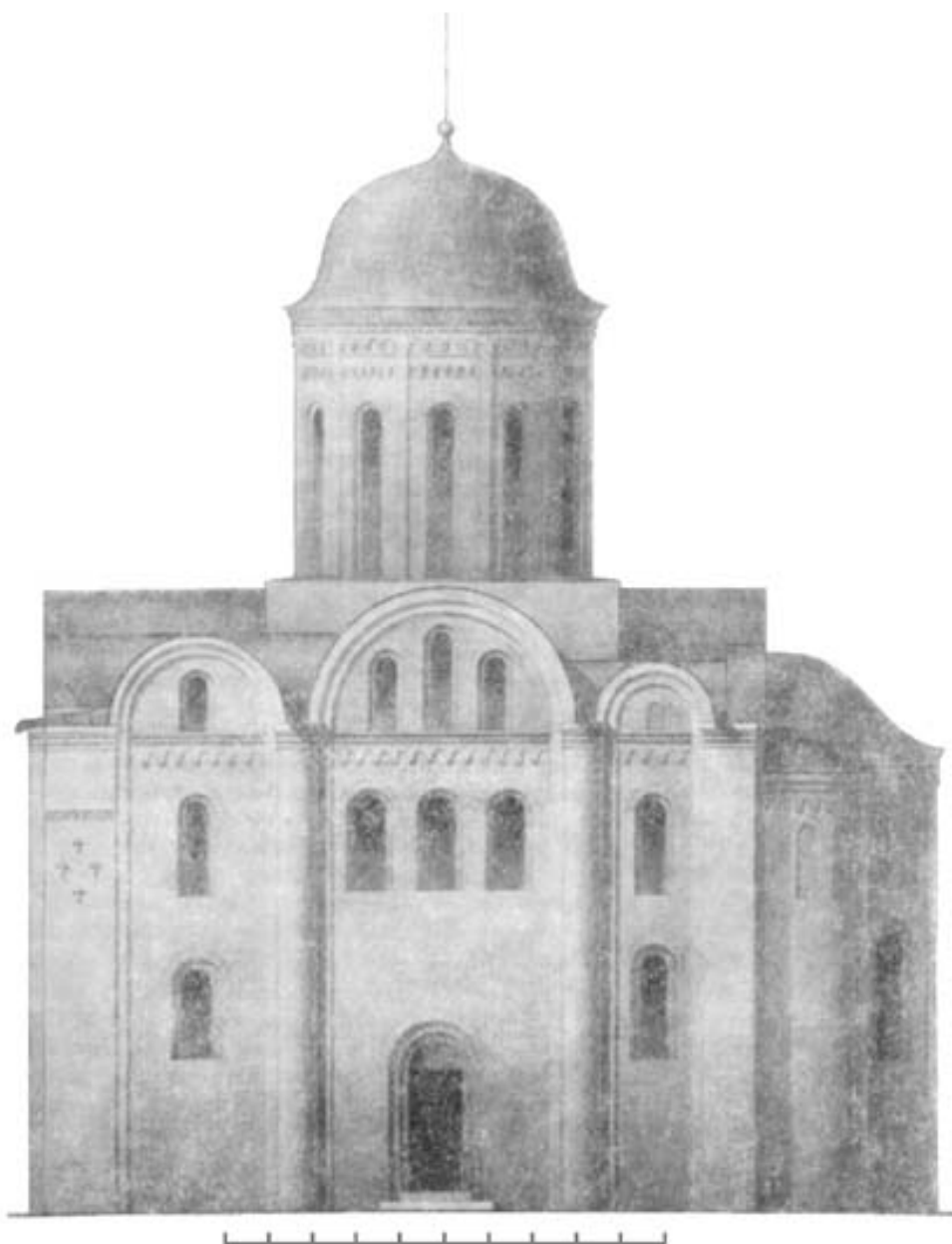

Рис. 30
Церковь Петра и Павла. Южный фасад. Реконструкция

-75-

росписи образовывала "полилития", т. е. подражание каменной облицовке стен; в частности, применялся "струйчатый" орнамент, изображавший "моромор красный разноличный". Так что интерьер был лишён той суровости, которую придают ему теперь обнажённые кирпичные стены.

Пространство под хорами при начале строительства, видимо, предполагали выделить как нартекс. С этой целью, как показали раскопки, средний пролёт между столбами был сужен путём удлинения внутренних крестовин. Затем, однако, эту мысль оставили, доведя кладку лишь до уровня пола, который её и перекрыл. Выше шёл уже обычный крестчатый столб. На нашей

реконструкции памятника западные столбы показаны в их "первоначальной редакции".

Под хорами в северной и южной стенах были сделаны две пары аркосолиев, из которых восточные пересекали места лопаток, так что строители их здесь не выложили.

Освещённая двумя щелевидными оконцами лестница на хоры устроена в северной половине очень толстой (около 2 м) западной стены и выводит в их среднее отделение.¹⁰⁾ Южная треть занята изолированной молельней, отделённой от остального пространства кирпичными простенками; здесь были свои вход из среднего членения хор и маленькая апсида со щелевидным, обращённым внутрь храма оконцем.¹¹⁾ Следует отметить, что стенка, отделявшая южное членение хор и превращавшая их, таким образом, в замкнутую капеллу, видимо, не входила в первоначальный замысел строителей, поскольку она встроена без перевязи с кладкой основного объёма храма, хотя исполнена в той же технике и из кирпича такого же формата. Ещё в 1931 г. капелла частично сохраняла свою древнюю фресковую роспись.¹²⁾

Капелла имела особый вход снаружи, в южной трети западной стены храма. Сейчас этот арочный проём выходит в пустоту, и ясно, что первоначально он выводил на переход во второй этаж какого-то располагавшегося к западу от храма двухэтажного здания.

2

Фундамент храма заложен в ров, отрытый на глубину 1.2 м от древней дневной поверхности. Основу его кладки составляют очень крупные булыжники, почти валуны; встречаются куски известняка и колотой плинфы. В нашем шурфе у юго-западного угла (внутри и снаружи) материал фундамента был уложен насухо с пересыпкой землёй. Однако И. М. Хозеров отмечает, что вместо известкового раствора в качестве

¹⁰⁾ Вход на лестницу имеет следы ремонта, исполненного большемерным брусковым кирпичом (9 x 14, 5 x 30 см).

¹¹⁾ Существовало не отвечающее истине предположение, что капелла на хорах была выделена якобы уже в католическое время и в ней стоял орган, а через оконце органист следил за службой (Соколов И. Указ. соч., с. 662-663).

¹²⁾ Сычев Н. Описание остатков живописи в приделе на хорах церкви Петра и Павла. - ЛОАИА, ф. 51, д. 262, л. 9-15. См. также: Воронин Н. Н. Смоленская живопись 12-13 веков. М., 1977, с. 98.

связующего применялась пластичная глина, и исследователь даже наблюдал "следы вминания глины руками между прозорами уложенного камня; местами бутовый камень фундамента был залит полужидкой глиной".¹³⁾ Видимо, в постройке применялись оба приёма. Вымостка над фундаментом выложена из двух-трёх рядов плинфы на растворе с выносом как наружу, так и внутрь здания на 20-25 см. Отметим, что на участках проходов из алтаря в боковые апсиды восточные столбы и алтарные простенки были связаны кладкой из плинфы, т. е. фундамент здесь не прерывался. Плинфяная вымостка фундамента лежит в уровне дневной поверхности времени построения храма. Примерно на 30 см ниже начинается материк - сначала лёгкая зелёная глина, а далее тяжёлый коричневый суглинок. Современный уровень поверхности земли вокруг храма находится примерно на 1.5-1.7 м выше древнего.

Стенная кладка выполнена из плинфы 4-5 x 21.5-22.5 x 31-32 см; есть специальные лекальные плинфы для кладки полуколонн и аркатурного пояса. На торцах плинф множество рельефных знаков. Толщина шва раствора меньше толщины плинфы; шов подрезан мастерком "на боковой срез". В растворе, содержащем около 50% извести, прослеживаются мелкий кварцевый песок (иногда даже гравий) и толчёная кирпичная крошка. Кладка велась с двухсторонних подмостей, закрепляющихся на квадратных в сечении (14 x 14 см) брусках; от

них местами сохранились первоначально незаделанные сквозные каналы. В конструкции перемычки западного портала вместо каменной плиты применён толстый дубовый брус, на который и положена кладка тимпана. Своды в угловых частях хор были "выполнены по опалубке, крупные следы досок которой видны в виде небольшой пазухи в кладке стены".¹⁴⁾

Интересно применение в кладке плит фиолетово-розового песчаника. Такими плитами (10-11 x 65-70 x 90 см) перекрыт лестничный ход на хоры; плиты заложены в наклонные штрабы боковых стенок и заменяют ползучий коробовый свод. По словам И. М. Хозерова, из того же материала были сделаны прокладные плиты между столбом и пятами арок.¹⁵⁾

В кладке в целях её облегчения применялись крупные керамические голосники. Новая штукатурка внутренней поверхности стен храма теперь почти полностью обвалилась, обнажив горловины голосников, закладывавшихся в разных местах - пятах сводов, закрестьях столбов и т. п. Собранные при раскопках 1966 г. фрагменты показали, что голосники были двух типов: красноглиняные амфоры прекрасного обжига и более грубые глиняные узкогорлые кувшины, исполненные техникой ленточного налёпа с пятнистой обварной поверхностью коричневатого тона.

Интересен приём кладки "горнего места" в центральной апсиде. Кладка из плинфы (толщиной 4.5 см при ширине 18, 19.5, 22, 22.5 см) образует только наружную стенку скамьи, а пространство между ней и стеной апсиды заполнено чёрным углистым грунтом (принесённым извне культурным слоем). Сохранилось основание престола, сложенного из плинфы (3.5 x 19 x 27 см).

¹³⁾ Хозеров И. М. Рукопись ИИ, с. 156.

¹⁴⁾ Там же, с. 152.

¹⁵⁾ Хозеров И. М. 1) Рукопись ИИ, с. 153; 2) Рукопись ГТГ, с. 54.

Очень ограниченные наблюдения над работами по освобождению интерьера храма от толщи современного мусора дали всё же возможность выявить остатки древнего пола храма. Пол этот был сложен из плинфы на слое известковой подготовки толщиной 2-3 см. Остатки этого пола хорошо сохранились в алтарной апсиде. Однако позднее его сменил более нарядный пол из цветных майоликовых плиток. К сожалению, он нигде не сохранился на месте и засвидетельствован только обломками плиток, найденными в позднем нивелировочном слое и засыпи гробниц в окружающих храм усыпальницах; в последних, в частности, встречены плитки с толстым (6-7 см) слоем раствора, в который они сажались. На хорах пол был, несомненно, плиточным; найденные здесь при реставрации плитки - небольшого формата (12.1-12.5 x 11.8-12.1 см при толщине 2-2.5 см). Они разнообразны по мотивам и расцветке, с рисунком в виде зигзагов, круглых и овальных пятен, точек и полосок.

В вопросе о датировке церкви Петра и Павла местные смоленские историки были единодушны. Памятник датировали 1146 г. на основании ошибочного переноса на Смоленск сведений Новгородской летописи о храмах, построенных в этом году в Новгороде.¹⁶⁾ На эту ошибку указал ещё И. И. Орловский.¹⁷⁾ Новую датировку памятника предложил М. К. Каргер. Исходя из его близкого сходства с храмами Ивана Богослова и Васильевским на Смядыни и предположения, что известная запись сборника Михаило-Златоверхого монастыря в своей последней части говорит "о постройках последних двух десятилетий XII в.", исследователь относил церковь Петра и Павла к "концу третьей и началу последней четверти XII в.", т. е. к 70-м гг., и рассматривал памятник в главе о зодчестве второй половины XII в. после церкви Ивана Богослова и ротонды.¹⁸⁾ Определить дату церкви Петра и Павла помогает только что рассмотренный нами Борисоглебский собор Смядынского монастыря, единственный точно датированный памятник смоленской архитектуры XII в. Он имеет с Петропавловским храмом столь много общих художественных и технических черт, что нет никаких сомнений в их

ближайшем хронологическом соседстве. Можно даже с уверенностью говорить, что оба памятника - дело рук одной строительной корпорации - артели. Таким образом, датировка памятника 70-ми гг. XII в. должна быть решительно отвергнута. Он принадлежит к строительству времени Ростислава и может быть отнесён к середине XII в.

3

Храм Петра и Павла в своём современном (после реставрации) виде столь артистичен и совершенен, что не возникает сомнения в его исконной самодовлеющей целостности, которую нарушала лишь связь хор здания при помощи перехода с расположенным к западу гражданским зда-

¹⁶⁾ НПЛ, 27.

¹⁷⁾ Орловский И. И. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. - СС, 1909, вып. I, ч. 1, с. 214. - Однако, отметив ошибку, автор всё же считал, что названные летописью храмы были сооружены в Смоленске Ростиславом (там же, с. 217).

¹⁸⁾ Каргер М. К. Указ. соч., с. 75-76.

-78-

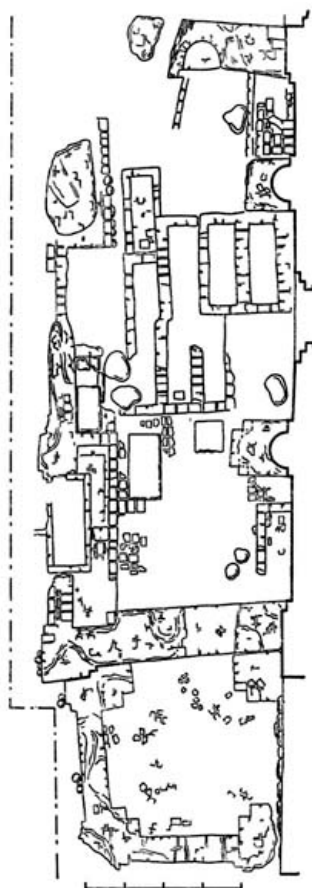

Рис. 31
Северная галерея. Раскопки 1965 - 1966 гг.

нием. Однако раскопки 1965-1966 гг. показали, что изолированность кубического объёма храма была довольно скоро нарушена.

Вопрос о пристройках у церкви Петра и Павла был поставлен уже давно. В 1951 г. в 4.6 м к северу от храма строителями рылась канава, где И. Д. Белогорцев обнаружил древние кирпичные кладки. Несмотря на очень невнятную картину (так как канава явно не была доведена до оснований пристройки), он предложил смелую реконструкцию не только северной, но и не вскрывавшейся южной пристройки в виде симметричных и одинаковых прямоугольных приделов, равных по длине храму и даже снабжённых окнами и входами. Об этом автор вполне определенно писал: "Вскоре после постройки храма к нему были пристроены небольшие боковые приделы (обнаружены в 1951 г.)".¹⁹⁾ Два небольших зондажа, сделанных П. Д. Барановским в 1952 г. к северу от западной лопатки северного фасада храма, подтвердили факт наличия древней кладки.

В 1965 и 1966 гг. Смоленская экспедиция вскрыла северную и южную пристройки целиком (рис. 31 - 33).²⁰⁾ Стратиграфия обоих раскопов весьма однообразна - многократно перерытая кладбищенская земля с костями нарушенных и целых погребений не старше XVII в., с кир-

¹⁹⁾ Белогорцев И. Д. 1) Новые исследования древнесмоленского зодчества. - В кн.: Материалы по изучению Смоленской области. Вып. I. Смоленск, 1952, с. 112.

²⁰⁾ Ширина раскопов 7.5 м. Предварительную публикацию см.: Воронин Н. Н., Раннопорт П. А. Раскопки в Смоленске в 1966 г. - СА, 1969, № 2. с. 202.

-79-

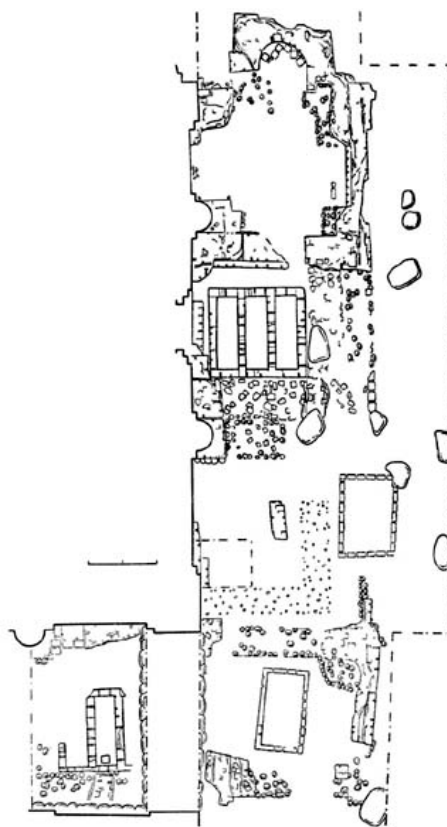

Рис. 32
Южная галерея. Раскопки 1965 - 1966 гг.

-80-

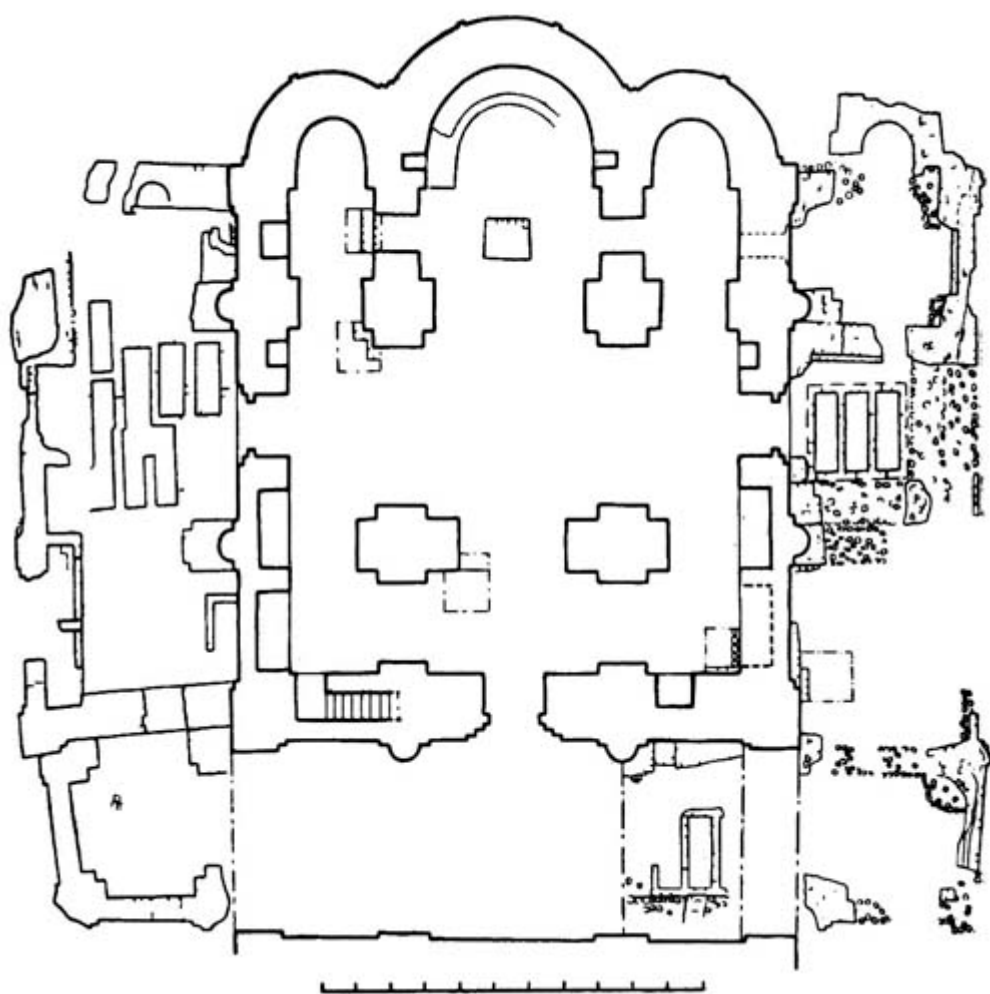

Рис. 33
Церковь Петра и Павла. План с галереями

-81-

пичным щебнем XII-XVIII вв., в котором обломки майоликовых жёлтых, зелёных и коричневых плиток и плинфы были смешаны с кусками брускового большемерного кирпича. Встречены обломки древних голосников. Найдены также мелкие осколки древних оконных стёкол - "шайб", монеты XVII-XIX вв. Существенно, что поздние щебневые завалы порой непосредственно соприкасаются с остатками кладок обстроек храма XII в.; это свидетельствует о том, что они еще в XVII - XVIII вв. были видны на поверхности, а прикрывавший их обвал обрушившихся частей был разобран для строительных нужд епископских палат.

Особенностью обстроек являются сложенные из плинфы и затертые раствором гробницы, сделанные ниже уровня пола и сосредоточенные в средних участках перед порталами. Существенно, что подпольные гробницы были сложены, видимо, одновременно и заблаговременно, а затем перекрыты настилом пола: у них часто общие продольные или торцовые стенки. В некоторых гробницах погребений вообще не найдено - они не были использованы. В других же оказалось по два погребения - они были своего рода семейным склепом.

В северной пристройке, кроме подпольных гробниц, были обнаружены два кирпичных саркофага у северной стены храма и два аркосолия в сохранившейся западной трети северной стены галереи. Некоторые гробницы оказались разрушенными. Однако по уцелевшим удалось

проследить положение погребённых - головой на запад, под головой - плинфа, руки в области живота, иногда одна вытянута вдоль туловища. Покойник погребался без особого деревянного гроба; никаких следов древесного тлена нет. Тело, видимо, лишь обвивали тканью (древний термин: "съпрятать", "спрятать") и клали в кирпичную гробницу. Понятно, что это исключало положение в неё вещей.

В усыпальнице церкви Петра и Павла мы встречаемся с фактом разрушения и ограбления погребений в гробницах, что будем не раз констатировать и в других памятниках Смоленска. Время этих разрушений некрополя в церкви Петра и Павла, судя по находкам в заполнении гробниц обломков поздней чернолощеной керамики, иногда монет XVIII в., кусков штукатурки, фрагментов поливных плиток древнего пола, который, видимо, поздней взламывался грабителями, определяется порой разрушений и запустения самого храма. Таким образом, позднейшее кладбище, оставившее верхний культурный слой, расположилось на месте древней разрушенной усыпальницы.

Местами, где раскоп углублялся ниже уровня пола, в предматериковой зоне, а также в перекопах встречались обычные для древнего культурного слоя находки: обломки стеклянных браслетов, бытовой посуды, костяные поделки, шиферные пряслица. Следовательно, храм строился на обжитом месте.

Восточная стена северной усыпальницы (толщиной 1.4 м) пристроена впритык к уже покрытой обмазкой лопатке храма. В толще стены имела маленькая полукруглая апсидка шириной 0.95 м, сохранившая кусочки штукатурки со следами росписи (кремовый фон и бесформенные свободные мазки зелёного цвета). Северо-восточный угол разрушен; уцелела часть упавшей к северу северной стены с булыжным фундаментом.

-82-

Возможно, что в ней был аркосолий. Далее к западу сохранился лишь один ряд кладки - здесь, против портала храма, должен был быть вход в усыпальницу. Западнее находился разрушенный аркосолий, на месте которого лежала грубообработанная белокаменная плита с небрежной, незавершённой надписью "Лѣта 7070 мѣсяца". Никакого погребения под плитой не найдено. Западная часть стены толщиной 1.7 м имела два аркосолия. Они разрушены врезавшимся в них склепом из брускового кирпича XVIII-XIX вв.; склеп встал точно на основание стены XII в., которая, следовательно, в ту пору была ещё заметна. На северо-западном углу усыпальницы уцелели плоские двухобломные лопатки. Толщина западной стены 1.26 м. Значит, все стены усыпальницы разной толщины. Они сложены на одинаковом растворе: розово-буром, пористом, но прочном. Кирпичная крошка очень неравномерно распределена в растворе; размер её от 2.5 мм до 3 см. Состав раствора: извести 57%, цемянки 29, песка 14%, включений угля нет. Дверного проёма в западной стене усыпальницы первоначально не было (входили через северный портал) и фасад был тщательно затёрт раствором; местами сохранился его тонкий слой. Розовато-коричневая затирка содержала равномерно распределённый, мелкотолчёный кирпич; в изломе наблюдались вкрапления мела. Встречаются органические примеси (солома). Раствор очень жирный: извести 75.5%, кирпичной крошки 9, песка 15.5%.

Западная стена усыпальницы, как и восточная, пристроена впритык к угловой лопатке храма, также отделанной затиркой. Внутри усыпальницы к западной полуколонне впритык примыкает пилон арки перекрытия; сначала он был прямоугольным, но вскоре был доложен (с севера) плоской лопаткой. Подобный же пилон сделан у восточной, тоже уже затёртой раствором полуколонны. Размер плинфы пилонов 5 x 21 x 30 см. Раствор грубый, с крупными фракциями кирпичной крошки и угля. Существенно, что основной комплекс подземных гробниц вписывался в пространство меж пилонов против порталов. Пол был вымощен плинфой; в западной трети усыпальницы в него были уложены две плиты красного песчаника, подобные плитам лестницы, ведущей на хоры; данные плиты - недомерки (они ошибочно вытесаны уже). Это может указывать на синхронность или близость времени северной усыпальницы дате самого храма. Она

являлась, таким образом, трёхчленной самостоятельной частью здания. Каким было её перекрытие - сводчатым или деревянным - сказать трудно. Возможно, что от пилонов на северную стену усыпальницы был перекинута арка, а по ним уложено деревянное перекрытие. На северной стене храма имела горизонтальная полоса нарушенной кладки, возможно, след примыкания односкатной кровли северной усыпальницы. Северная усыпальница строилась не первоклассными мастерами: у её стен разная толщина, западная примыкает к лопатке храма с перекосом.

С запада к северной усыпальнице и храму позднее была пристроена галерея, для связи с которой и прорубили дверь в западной стене усыпальницы. По соседству с ней собрано много очень мелких обломков штукатурки с росписью, видимо сбитой со стены при устройстве проёма. Угловой отсек западной галереи примкнул к северной усыпальнице очень нескладно, с отступом от её угла и перекосом. Стенки прохода, как и угло-

-83-

вого отсека, были затёрты тонким раствором. Пол, как и в проходе, небрежно выстлан колотой плинфой с тенденцией класть её под 45° к оси. На участке против южного деления западной стены храма какие-либо следы перехода из капеллы на хорах к западному зданию были стёрты постройкой галереи. Её западная стенка обколота и бесформенна. К ней примыкают изголовьями всего две плохо сохранившиеся подпольные гробницы.

Юго-западный угловой отсек западной галереи сохранился ещё хуже - он пострадал при строительстве епископских палат и запущенного в него склепа из большемерного кирпича (5 x 13 x 27 см). Восточная стенка прослежена по остаткам её фундамента, сложенного насухо из мелкого булыжника и колотой плинфы; поверх него уложены с небольшим выносом два-три ряда плинфы, а выше шла стеновая кладка, так что угловая часть южной пристройки являлась слабо выделенным помещением. В северо-западном углу прослежены остатки майоликового пола - две зелёные плитки (2.3 x 11 x 11 см), уложенные на растворе, под которым был уже грунт. Конфигурация фундамента под юго-западным углом удостоверяет наличие фасадной лопатки, а характер его сильного расширения в юго-восточном углу свидетельствует о наличии мощного уступчатого углового пилон, подобного опорам северо-западного углового отсека и указывающего на возможность особого перекрытия обоих этих углов.

Западной пристройке одновременно южная - прослежена перевязка стены на их стыке. В восточном торце южной пристройки вскрыта крайне разрушенная апсида своеобразной трапециевидной формы с плоскими лопатками на углах. Внутри - ничтожные следы росписи: розовато-охристый фон со свободными зелёными мазками и чёрными линиями. У стенок полукружия сохранился настил майоликового пола из крупных зелёных плиток (19.5-21.5 см при толщине 2.6-2.7 см) на известковом растворе по нивелировочной песчаной подсыпке. Восточная часть южной галереи выделялась как особый придел для заупокойных служб. По остаткам кладки стен и бутовых фундаментов ясно, что придел, подобно западным угловым помещениям, имел внутри крестообразный план. На его юго-восточном углу с трудом прослежена кладка двухступчатой плоской лопатки, какие, видимо, были по всей южной стене галереи по осям полуколонн собора. В северной нише расчищен небольшой фрагмент росписи (белый плат с коричневыми "вышивками"). На затёртую раствором до постройки придела стену храма наложили новый грунт для росписи и вскоре после её окончания стали делать новый майоликовый пол: щебневая подсыпка закрыла низ росписи, сохранившей горизонтальную прочерченную полосу уровня пола; от него уцелело несколько малых поливных треугольных плиток (2.5 x 10.5 x 11 см).

Западная стена придела заслуживает особого внимания. В ней был устроен вход в придел. Размер плинфы 4-4.5 x 19.5-20.5 x 29.5-30 см. Раствор кладки южного придела прочный, красноватого цвета от присутствия кирпичной крошки (порой крупной - до 3 см); угольной крошки нет, есть примесь соломы. Раствор сравнительно жирный: извести 51%, мелкой

кирпичной крошки 28, песка 21%. В растворе западной стены придела встречены мелкие кусочки грунта (толщиной 1.5-3 см) с росписью. Фун-

-84-

Рис. 34

Церковь Петра и Павла. Реконструкция I-го этапа

дамент, сложенный из мелкого булыжника насухо, включает бывшую в употреблении плинфу. Это вместе с обломками стенописи указывает на использование материала какой-то предшествующей постройки. Как оказалось, угловые пилоны западной стены включили в себя части более ранней стены, затёртой с обеих сторон раствором. Шов по линии прикладки читается ясно. В кладке северного пилон различны и фундаменты: в древней части они из колотой плинфы, а в новой - из булыжника средней величины без раствора. Общая глубина фундамента незначительна - всего 50-60 см. В толще кладки южного пилон западной стены прослежена торцовая часть этой более древней стены с плоской угловой лопаткой. По остаткам фундамента также хорошо прослеживаются западная и южная

-85-

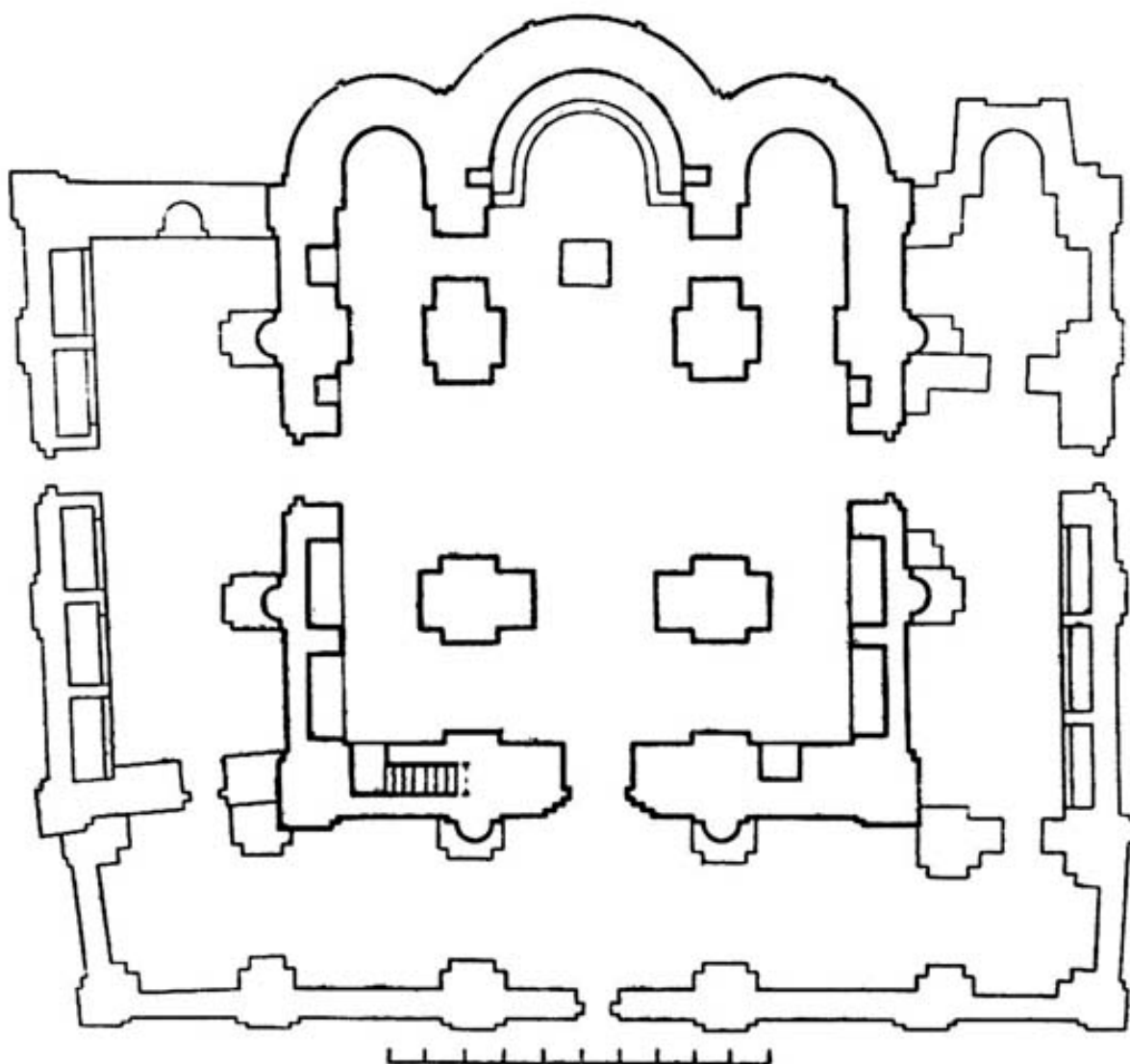

Рис. 35
Церковь Петра и Павла. Реконструкция плана

стены этой ранней пристройки. Выяснилось, таким образом, что до сооружения южной галереи с её приделом к среднему, уже затёртому раствором членению фасада храма примыкал небольшой притвор (внутри 4.5 x 5.4 м) с плоскими лопатками на углах. Видимо, задача притвора - быть небольшой усыпальницей: три сложенные одновременно подпольные гробницы строго вписаны в его габариты и сходны с ним по плинфе и раствору.²¹⁾ Кусочки грунта с росписью в растворе придела и бывшая в употреблении плинфа в его кладке и происходят от разобранного древнего притвора, который был, вероятно, украшен росписью.²²⁾ Вид храма на этом раннем этапе представлен на рис. 34.

²¹⁾ Размер плинфы 5.5-6 x 22-22.5 x 31-31.5 см. Шов раствора 1.5-3 см; известь содержит примесь угля и плинфяной крошки. Все три гробницы были одновременно оштукатурены очень прочным раствором.

²²⁾ Кладки первоначального южного притвора выявлены М. Б. Чернышевым при обмере юго-восточных пристроек.

Рис. 36

Церковь Петра и Павла. Реконструкция комплекса после возведения галереи

Таковы данные о постепенно возникавших пристройках к храму. Опыт реконструкции плана комплекса в целом представлен на рис. 35. Несравненно сложнее представить себе, как выглядел комплекс храма с его пристройками на последнем этапе строительства XII в. Начнём с того, что в декоре храма есть странная непоследовательность или, точнее, особая система: северо-восточный угол комплекса явно не привлёк внимания заказчиков и строителей северной галереи - там не было сделано особого придела. Поэтому при взгляде с востока комплекс выглядел асимметрично: у южного угла был придел (вероятно, со своей главой), с севера - ни придела, ни главы не было. Можно подумать, что здесь сказались художественные взгляды конца века, когда зодчие выделяли главный видовой аспект здания и не боялись асимметрии в композиции галереи и приделов. Особенно сложен вопрос с завершением угловых членений западной галереи, которые, как мы отмечали, имеют конструкцию, как бы рассчитанную на значительную нагрузку, чем напоминают конструкцию юго-восточного придела. Предложенный М. Б. Чернышевым возможный вариант реконструкции памятника с двумя главами на западных углах галереи представлен на рис. 36. Он очень необычен и может вызывать законные

-87-

сомнения. Главы здесь не связаны с культовыми целями - под ними в углах галереи нет приделов, к тому же эти помещения были достаточно хорошо освещены стенными окнами. Думается, что главы здесь всё же могли быть сделаны из соображений иного порядка - повышения значимости здания, сложности его величавого объёма, рассчитанной на определённую "видовую точку" с юго-западной стороны. Отсюда он казался пятиглавым (отсутствие симметричной пятой главы над северо-восточным углом галереи отсюда не было видно). Всё же вопрос об облике храма в его "последней редакции" остаётся пока открытым.

В заключение остановимся на некоторых вопросах о назначении церкви Петра и Павла и её архитектурной истории.

В местной литературе имела хождение версия, что храм был построен на "князем тетереvнике".²³⁾ Эта догадка основана на домысле, родившемся из ошибочного понимания Уставной грамоты князя Ростислава. Там говорится, что князь дал епископии "из двора своего... на горе огород с капустником и з женою и з детми, за рекою тетереvник с женою и детьми".²⁴⁾ Ясно, что речь идёт о княжеском егере, а не о территории. Однако это указание свидетельствует, что за Днепром находился княжеский охотничий заповедник, где мог быть и загородный княжий двор с церковью. Выше мы говорили, что в основании культурного слоя под храмом прослеживался слой с характерными "городскими" находками - возможный след размещения здесь княжеской усадьбы. Тип церкви Петра и Павла характерен для дворцовых, или, как их называли, "вотчинных", храмов; примечательно, что под хорами были заблаговременно устроены аркосоллии для погребения членов княжеской семьи, а особая молельня на хорах, вероятно, непосредственно связывалась переходом со вторым этажом княжеских хором. Ниже мы увидим почти двойника Петропавловской церкви - храм Ивана Богослова, находившийся, по-видимому, на дворе Ростиславова сына Романа. Однако в своём первоначальном виде храм Ростислава просуществовал недолго, о чём свидетельствует вскрытая раскопками картина последовательного появления у его стены новых пристроек. Некоторую помощь в их осмыслении даёт позднейшая повесть о Меркурии Смоленском.²⁵⁾

²³⁾ См., например, соображения И. М. Хозерова, что церковь, "согласно летописным данным... построена на княжеском тетереvнике, т. е. на княжеской мызе" (*Хозеров И. М. Смоленск в XVII в. - В кн.: Смоленская оборона 1609-1611 гг. Смоленск, 1929, с. 229.*

²⁴⁾ Памятники русского права. Сост. А. А. Зимин. Вып. II. М., 1953, с. 41.

²⁵⁾ *Буслаев Ф. И.* Смоленская легенда о Меркурии и ростовская о Петре царевиче ордынском. - В кн.: Сочинения по археологии и истории искусств. Т. II. СПб., 1910, с. 155-198; *Писарев С. П.* Рукописный памятник смоленского Авраамиевского монастыря и его литературное значение. - Филол. зап., Воронеж, 1881., вып. III, с. 39-46; 1882, вып. II-III, V. - В. П. Голубовский полагал, что повесть составлена в начале XIV в., а источник её сложился раньше, вскоре после татаро-монгольского нашествия (*Голубовский В. П. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, с. 248-249. См. также: Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. I-V. Варшава, 1902,*

Вымышленная история Меркурия повествует о поре татаро-монгольского нашествия, которое Меркурий якобы отвратил от Смоленска ценой своей гибели в единоборстве с врагами. Однако фантастический рассказ доложен на основу реальной топографии древнего Смоленска. Любопытно, что, по одной версии, сам Меркурий живёт в городе на Подоле, в домике под Соборной горой, и богородица "призывает" его в Успенский собор. По другой версии, богородица "посылает" за Меркурием человека не из Успенского собора, что было бы естественно, а из Печерского монастыря, который находился "близь за Непр рекою", т. е. на правой стороне Днепра. Согласно этой редакции повести, Меркурий приходил в храм Воздвижения креста "молиться за мир, зовомый Петровского ста". Место Воздвиженской церкви определяется на вершине той же Печерской горы. Оба этих храма были, как и церковь Петра и Павла, на правом берегу Днепра.

Что такое "мир, зовомый Петровского ста"? Это выражение обычно связывают с церковью Петра и Павла. Видимо, она довольно рано перешла из рук князя в распоряжение "мира", городской сотенной организации и стала её патрональным, "мирским" храмом.

В реальности перемены в судьбе храма нас поддерживает примечательное граффити, обнаруженное в приделе на хорах, на штукатурке северного простенка к западу от входа:

"Господи, помози рабу своему Василиеву Усову". Надпись трёхстрочная, мелкая, сделана на высоте 1.18 м от пола, видимо, сидевшим или коленопреклонённым человеком, очень грамотным в письме. Палеографические приметы датируют надпись второй половиной или концом XII в. ²⁶⁾ Человек, который сделал надпись в часовне на хорах, предназначенной для заказчика храма, возможно, был одним из представителей верхов "Петровского ста".

Видимо, изменение социальной функции храма повлекло и изменение его архитектурного облика. Если для храма княжеской усадьбы было достаточно четырёх погребальных аркосолий под хорами, то теперь к храму начинают пристраивать одну за другой новые гробницы-усыпальницы.

Сначала пристраивают небольшой южный притвор, в котором вмещаются всего три подпольные гробницы. Одновременно с ним или несколько позже сооружают трёхдольную северную усыпальницу с аркосолиями в её северной стене, гробницами у стен храма и подпольным некрополем.

В третью очередь вырастают западная и южная пристройки с особой капел-

с. 44-107; *Белецкий Л. Т.* Литературная история повести о Меркурии Смоленском. Исследование и тексты. - Сб. ОРЯС, Пг., 1922, т. 99, № 8). Имя Меркурия (в честь Меркурия Кесарийского) носил один из первых смоленских князей - Вячеслав Ярославич (1054-1057), так что культ Меркурия был давно развит в Смоленске, задолго до составления повести о Меркурии Смоленском, которая во многом использовала житие Меркурия Кесарийского. В. Л. Янин предполагает, что в Смоленске был несохранившийся патрональный храм князя Вячеслава-Меркурия (*Янин В. Л.* Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича (1054-1057). - КСИИМК, 1954, вып. 55, с. 150-152).

²⁶⁾ Граффити было обнаружено П. Д. Барановским, читавшим текст так: "Господи, помози рабу своему Василию внуку" (*Хозеров И. М.* Новые данные..., с. 354). Исследователь понимал надпись как автограф строителя храма князя Ростислава - внука Владимира (Василия) Мономаха. Эту версию в своё время повторили и мы (см.: *Воронин Н. Н.* Новое о древнем зодчестве Смоленска. - Газ. "Рабочий путь", Смоленск, 1966, № 267).

-89-

лой - приделом для заупокойных служб. Позднее время последнего комплекса пристроек подтверждается особенностью кладки фундамента юго-западного отсека из мелкого булыжника насухо (приём, появляющийся во второй половине XII в.) и очень слабой "заселённостью" этих частей, которые оказались почти неиспользованными как усыпальницы. В кладке южных пристроек исчезают остатки первоначального небольшого южного притвора. Трапезиевидная апсида южного придела ближайшим образом напоминает апсиды храмов на Протоке и Окопном кладбище - рубежа XII-XIII вв. Видимо, в это время и возникают последние пристройки церкви Петра и Павла, складываясь в итоге в единую галерею. Возможно, что по инициативе новых хозяев храма его значение и было подчёркнуто сооружением угловых западных глав, усиливших пышность и монументальность "посадского" собора, смотревшего этой своей стороной на дорогу от Днепра. С постройкой западных глав, вероятно, была устранена связь собора с бывшими княжескими хорами - переход был разобран, а вход в придел на хорах заложен. ²⁷⁾

²⁷⁾ Этот вход был вновь открыт, когда с запада был пристроен епископский дворец, второй этаж которого получил непосредственную связь с храмом.

-90-

Бесстолпный храм в Детинце

На площадке Соборной горы, к югу от существующего здания собора XVII-XVIII вв., при случайных земляных работах несколько раз натыкались на остатки древней постройки. Исследователи, видевшие руины, без колебаний относили их к Успенскому собору, заложенному в 1101 г. Владимиром Мономахом. Так, например, следы древнего здания, "сложенного из кирпичных плиток, относящихся к эпохе XII в.", были обнаружены на Соборной горе в 1892 г. при отрывке канавы для водопровода. Обследовавший остатки С. П. Писарев поместил об этом информацию в местной газете.¹⁾ В ней автор изложил свои соображения о том, что найденные остатки не могут быть ничем иным, кроме Мономахова собора. Он отметил, что толщина стен древнего здания оказалась очень большой, "равной 3 аршинам" (2.13 м). Открытые кладки С. П. Писарев считал частью южной стены собора. В полном соответствии с данной им атрибуцией руин исследователь полагал, что встреченные в траншеях "гранитные плиты красноватого цвета" были привозными из Киева.

Значительно позже, в 1939 г., опять при прокладке линии водопровода, в 50 м к югу от существующего здания собора вновь был вскрыт значительный кусок древней постройки. Обнаруженные руины обследовал Н. П. Милонов.²⁾ Он полагал, что вскрытые участки кладки представляют собой части двух апсид и кусок стены древнего собора. По его введениям, кладка была исполнена из кирпичей размером 3 x 23 x 28 см, а булыжный фундамент имел глубину 1 м. Видевший эти же куски кладки И. М. Хозеров привёл совершенно другие размеры кирпичей: 4.8 x 17-18 x 20-23 см и 4.8 x 24 x 35 см, а глубина фундамента, по его мнению, достигала 1.5 м.³⁾ Сопоставив сведения о кирпичной стене, обнаруженной в 1892 г., с кладками, раскрытыми в 1939 г., Хозеров сделал вывод, что Мономахов собор имел ширину около 23 м (!).

В 1955 г. части древней стены видел при земляных работах Д. А. Авдусин.

Раскопки, проведённые в 1964-1965 гг. к югу от существующего здания собора, показали, что кирпичные стены, которые обнаруживались здесь при случайных земляных работах, в действительности не имеют никакого отношения к Мономахову собору: раскопки открыли остатки ранее неизвестной небольшой церкви, не упомянутой ни в одном письменном источнике (рис. 37, 38).⁴⁾ Она расположена в 40-45 м к югу от современного собора. Стены сохранились на высоту 1.5-2 м

¹⁾ СВ, 1892, № 124, с. 2; АИЗ, 1893, т. 1, с. 30.

²⁾ Милонов Н. П. 1) Ценные археологические памятники на территории Кремля в Смоленске. - ЛОАИА, ф. 35, 1939, д. 39а, л. 1-2; 2) Древнейший памятник архитектуры. - Газ. "Рабочий путь", Смоленск, 1940, № 3; 3) О результатах исследований в г. Смоленске на территории Кремля. - В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1948, с. 211.

³⁾ Хозеров И. М. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. - КСИИМК, 1945, вып. XI, с. 24-25.

⁴⁾ Предварительную публикацию см.: Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Смоленский детинец и его памятники. - СА, 1967, № 3, с. 294-299.

от обреза фундамента. Вся северо-западная четверть храма целиком уничтожена большой поздней ямой. Кроме того, уцелевшая часть руин была сильно повреждена тремя линиями хозяйственных коммуникаций.

Церковь бесстолпная, с тремя апсидами и тройным членением фасадов лопатками. Азимут продольной оси 52°. Общая наружная длина здания (с апсидой) 16.85 м, ширина 11.2 м.

Внутреннее пространство несколько вытянуто по оси запад-восток (10.45 x 8.25 м). Толщина стен весьма значительная: северной - 1.55 м, западной и южной - 1.4 м, что несомненно связано со стремлением строителей обеспечить устойчивость сводчатого перекрытия широкого пролёта. Стены апсид значительно тоньше - всего 0.95-1 м. Внутренних лопаток нет; у наружных лопаток ширина 0.9-1.05 м, а вынос 0.14 м (вынос угловых лопаток 0.18 м). Ширина центральной апсиды снаружи 6.06 м, северной 2.2 м, южной 2.45 м. Ширина центральной апсиды изнутри 4.1 м. Дверные проёмы имеют ширину около 1.2 м и обрамлены снаружи прямоугольной впадиной. В юго-западном углу выявлены два аркосолия глубиной около 0.7-0.8 м и длиной 1.9-2 м. Очень возможно, что аркосолия были и в уничтоженном северо-западном углу.

Глубина фундамента 1.2 м, а так как толщина культурного слоя под зданием церкви около 70 см, то фундамент врезан примерно на 50 см в материк (светлый песок, под которым залегает моренная глина). Фундамент сложен насухо из булыжников диаметром от 10 до 30 см, а сверху имеет вымостку в два ряда кирпичной кладки. Он проходит и поперёк церкви по линии её восточных углов и торцов простенков между апсидами: глубина его здесь также 1.2 м, а ширина равна ширине фундамента под апсидами, т. е. 0.9-1 м. Здесь он очень мощен - его образуют крупные булыжники, частично пролитые раствором; особое внимание зодчих к восточной части основания четверика также, несомненно, связано с обеспечением устойчивости сводчатого перекрытия. В устье центральной апсиды поперечный фундамент перекрыт нивелировочными слоями, подстилающими пол. Участки же фундамента в устьях боковых апсид надложены сверху кирпичными стенками в пять рядов кирпичей (рис. 39). Их верхний ряд находится на 5-10 см ниже уровня пола, так что кирпичные стенки были целиком скрыты под ним. Эти стенки несколько шире лежащего под ними булыжного фундамента, поэтому он расширен в верхней части до размера кирпичных стенок с помощью ряда целых и колотых кирпичей, уложенных на ребро и залитых раствором. Верхний ряд кладки кирпичной вымостки над фундаментом алтарной апсиды неточно совпадает с её кривой и частично выступает наружу (рис. 40). В других частях здания такого несоответствия нет, и фундамент лежит непосредственно под нижним рядом кладки стен, лишь кое-где незначительно выступая наружу или, наоборот, отступая внутрь от плоскостей стен.

Лицевые поверхности стеновой кладки почти всюду сильно повреждены. В хорошем состоянии лишь четыре-пять нижних рядов фасадной кладки, которые были прикрыты культурным слоем.

Стены сложены из кирпичей очень точной формы с чёткими краями. Обжиг равномерный, недожжённых и пережжённых кирпичей нет. Цвет

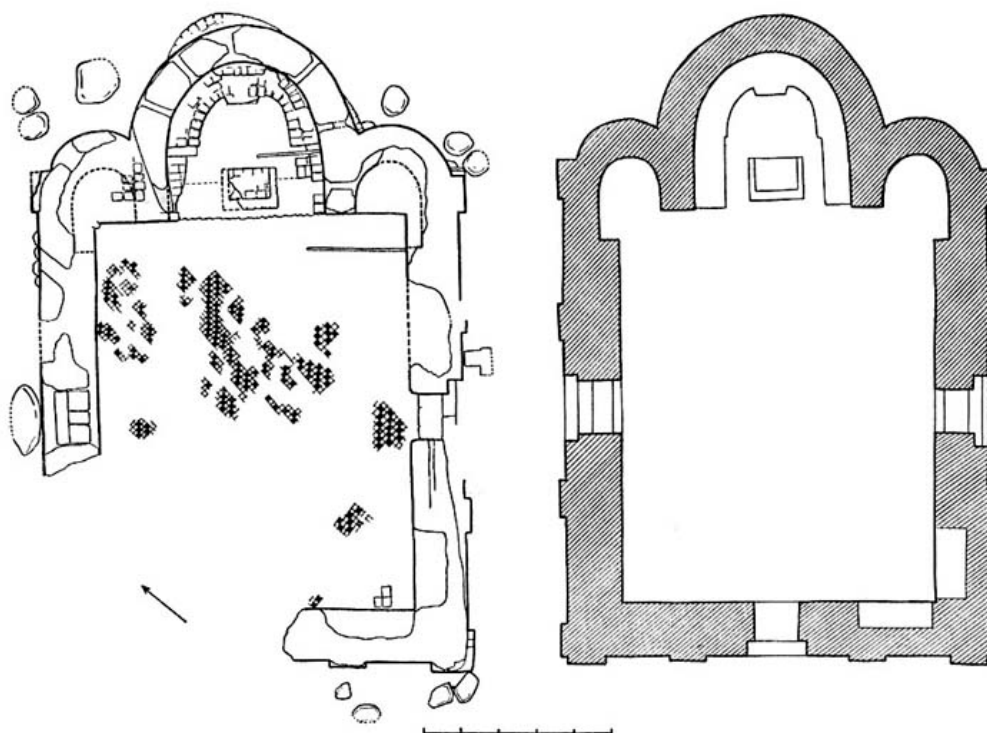

Рис. 37

Бесстолпная церковь в детинце. План раскопанного здания и реконструкция плана

-93-

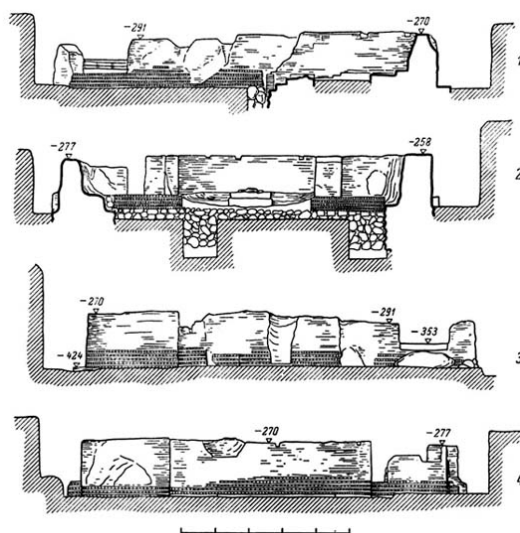

Рис. 38

Бесстолпная церковь в детинце

1 - продольный разрез; 2 - поперечный разрез; 3 - северный фасад; 4 - восточный фасад

-94-

Рис. 39

Ленточный фундамент в устье северной апсиды

их красный, размер довольно стандартный, с отклонением не более 2 см. Основной формат 4-5 x 20.5-21.5 x 30-31 см.⁵⁾ Единичны более узкие кирпичи, шириной 17-18 см. Лекальных кирпичей нет, но найдено несколько обломков, имевших трапециевидную форму. На торцах встречаются выпуклые знаки, реже - вдавленные клейма на одной из постелей. Кладка выполнена на известковом растворе. Анализ двух образцов стенового раствора дал сходную картину. Раствор серого цвета, довольно прочный, хорошо перемешанный. Известь жирная, воздушная. Раствор очень жирный (примерное соотношение вяжущего и заполнителя 3:1). В заполнителе около 2/3 цемянки. Кроме того, в растворе обнаружены песок, очень небольшое количество гальки, древесного угля, шлака.

Толщина горизонтальных швов раствора в кладке приблизительно равна толщине кирпичей, т. е. 4-5 см, а вертикальных швов не более 1 см. Из целых кирпичей сложены лишь лицевые поверхности, а середина заполнена битыми кирпичами, уложенными строго горизонтально, но без видимого порядка. Сплошь из целых кирпичей сложены только углы здания (рис. 41). Плинфа уложена в кладке по-разному, как тычком, так и ложком, но на фасады почти повсюду кирпичи выходят тыч-

⁵⁾ Таким образом, формат кирпичей церкви оказался совершенно несоответствующим тем сведениям, которые сообщали Н. П. Милонов и И. М. Хозеров. Особенно непонятны размеры кирпичей, приводимые Хозеровым.

Рис. 40

Стена апсиды и вымостка над фундаментом

ками. Только на южной стене второй снизу ряд кладки выходит на фасад ложками и ещё на высоте 1.7 м от вымостки над фундаментом в средней части стены проложено несколько ложковых рядов плинфы.

Над вторым от фундамента рядом кладки внутри южной стены близко от внутренней поверхности сохранился обмазанный раствором канал деревянной прямоугольной связи (высотой 34 см, шириной 29 см). Подстилающий этот канал ряд кирпичной кладки сложен (включая среднюю часть стены) из целых кирпичей. В центральной апсиде на высоте около 1 м от уровня пола радиально расположены сквозные каналы от деревянных пальцев лесов из квадратных брусьев (14 x 14 см), выходивших на обе стороны стены (рис. 42).

Уровень древнего пола церкви хорошо прослеживается на всей площади здания: он был строго горизонтальным и лежал на 60-70 см выше обреза фундамента. В основной части здания (т. е. кроме апсид) пол устлан квадратными поливными плитками (рис. 43). ⁶⁾ Размер сторон плиток

⁶⁾ Щапова Ю. Л. Плиточный пол вновь открытой церкви на Соборной горе Смоленска. - В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 302.

Рис. 41
Юго-западный угол

10-12 см, толщина 2-2.8 см, край вертикальный или скошенный. Плитки очень хорошо обожжены, в изломе равномерно красные. На значительных участках пола они лежали непотревоженными, но полива их почти не сохранилась из-за действия охватившего здание огня. Тем не менее удалось установить, что плитки были трёх обычных цветов: жёлтые, зелёные и чёрно-коричневые. Они лежали под 45° к стенам здания, так что ряды одного цвета шли вдоль продольной оси храма. Найдено несколько треугольных плиток, укладывавшихся на краях пола у стен. В боковых апсидах плиточного пола не было: в северной найдены остатки пола, замощённого обычными стеновыми кирпичами. В центральной же апсиде пол был, видимо, деревянным, так как слой угля и пепла, который всюду прослеживается на уровне пола, на плиточном полу имел ничтожную толщину, а в центральной апсиде достигал 2 см.

Плитки пола уложены без раствора на слое глины толщиной 8-10 см. Ниже лежал выровненный слой кирпичного щебня толщиной около 12 см. Щебень сверху, видимо, был пролит раствором; его поверхность гладкая. Ещё ниже шёл слой тёмной земли (30-40 см) с редкими включениями фрагментов керамики XII в., а под ним тонкая (около 4-8 см) прослойка песка. Все эти слои образовывали подсыпку древнего пола толщиной 60-70 см. Нижняя песчаная прослойка лежала точно в уровне нижнего ряда кирпичной кладки. Под слоями подсыпки пола найден культурный слой почти чёрного цвета, толщиной также 60-70 см. В нём обнаружены фрагменты керамики XII в., а частично и XI в., ⁷⁾ кусочек

⁷⁾ В перемещённом грунте к западу от храма были встречены также единичные черепки лепной керамики из грубого теста с примесью крупной дресвы, вероятно, "баночной" формы.

Рис. 42

Каналы от пальцев лесов в стенке центральной апсиды

прозрачного стеклянного бокала с накладными синими нитями и несколько мелких обломков кирпичей первоначального здания Мономахова собора. Под культурным слоем - материковый песок.

Снаружи здания, близ его углов, были положены крупные валуны серого гранита с плоской верхней стороной, которая находилась примерно на уровне пола храма. Очевидно, нижние четыре-пять рядов кирпичной кладки снаружи здания были присыпаны землёй сразу же после постройки. Валунные камни у стен и углов храма положены не случайно - они сообщали живописность его скупой и суровой архитектуре.

Отсутствие столбов подтверждается наличием в тех местах, где они должны были бы находиться, ненарушенного плиточного пола. Все же для проверки были заложены специальные шурфы, показавшие, что культурный слой на этих участках не был повреждён. Это определяет также и отсутствие в храме хор.

Лучше сохранившийся южный портал шириной 1.18 м обрамлён прямоугольным уступом (шириной 29 см, глубиной 39 см). К западу от проёма в стене на высоте 1.3 м от пола сохранился канал шириной 14 см; кирпичи его основания несколько залощены и имеют продольные царапины: очевидно, это паз от дверного засова. Внизу в проёме уложена большая плита (шириной 60 см, толщиной 10 см) красного железистого песчаника;⁸⁾ её основание отвечает уровню древнего плиточного пола. С внешней стороны к плите примыкает порог из такого же камня (шириной 37 см, толщиной 19 см). Его поверхность выше уровня плиты на 12 см. Снаружи, восточнее портала, на уровне древней дневной поверх-

⁸⁾ Определение проф. Д. И. Погуляева (Смоленск).

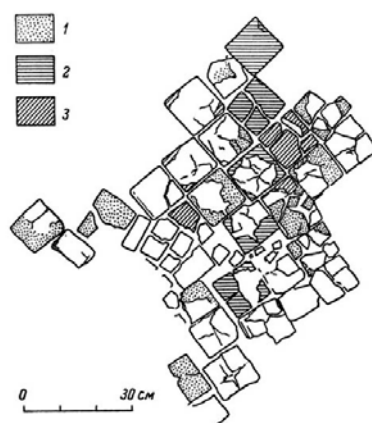

Рис. 43

Фрагмент пола

1 - желтый цвет поливы; 2 - зеленый; 3 - черно-коричневый

ности лежит часть такой же плиты, но высеченной для каких-то других целей.

В северном портале с внутренней стороны порога положены три плиты того же песчаника; одна из них имеет со всех сторон по торцам небрежно вытесанный профилёк (полувал), т. е. она предназначалась для каких-то других целей (рис. 44). Перед северным порталом находится большой плоский валун, образовавший своего рода площадку перед входом.

В центральной апсиде уцелело концентричное стене основание кирпичной скамьи "горного места" шириной 70-80 см (рис. 45). Она сохранила четыре ряда кладки, верхний из которых лежит в уровне древнего пола. Первоначально кладка, конечно, поднималась выше. В средней части скамьи имеется расширение - основание епископского кресла (сохранились остатки пятого ряда кладки, находившегося выше уровня пола). В центре алтарной апсиды уцелели три ряда кладки престола (0.85 x 1.15 м) со ступенью толщиной в один ряд кладки.

В юго-восточном углу храма и в центральной апсиде обнаружены две деревянные лаги (диаметром 10-12 см), лежавшие поперёк апсид в уровне пола. Их назначение неясно. В апсиде алтаря, как сказано выше, пол мог быть деревянным.

-99-

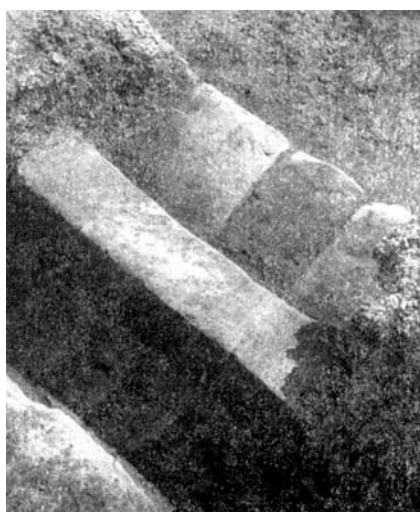

Рис. 44

Порог северного портала

На внутренней поверхности стен церкви близ уровня пола сохранились остатки штукатурки, встречены также её мелкие фрагменты с фресковой росписью. В центральной апсиде на полу в слое пожарища найден кусок расплавленного свинца, возможно, от кровли. При раскопках обнаружено несколько предметов, относящихся к утвари древней церкви: на полу алтаря и частью у северной стены южной апсиды - обломки медной литой решётки, вероятно, от хороса или подсвечника (из них один обломок - с головкой грифона); в алтарной апсиде - несколько кусков тонкой серебряной пластины с тиснёным орнаментом, видимо, от оклада иконы или книги. Следует особо отметить обнаруженную в алтаре золотую пластинку-обойму с отверстием от большого камня (или вставки из глухого цветного стекла), также, видимо, от оклада иконы. Все это свидетельствует о первоначальном богатстве утвари маленького храма.

Он уникален не только среди построек древнего Смоленска, но и вообще в истории древнерусской архитектуры домонгольского периода. Бесстолпные церкви известны на Руси с конца XI в. Однако во всех этих памятниках бесстолпная конструкция была откровенно выражена снаружи - их фасады не членились лопатками, а с востока они имели лишь одну апсиду. Смоленская же церковь, очень крупная для бесстолпного

-100-

Рис. 45
Центральная апсида

здания, внешне была оформлена как обычный четырёхстолпный храм, с тремя апсидами и членением фасадов лопатками. Очевидно, что при таком приёме фасад должен был завершаться тремя закомарами, хотя конструктивно это никак не было оправдано. Таким образом, в данном здании зодчий откровенно пошёл на разрыв конструкции и внешнего оформления постройки. Не подлежит сомнению, что церковь была перекрыта сводами, о чём недвусмысленно свидетельствуют значительная толщина стен основного четверика и укрепление специальным поперечным фундаментом линии его восточной стены. Ширина внутреннего пространства здания (8.25 м) превосходит ширину центрального нефа крупнейших древнерусских соборов. Поэтому едва ли перекрытие было осуществлено одним сводом. Скорее можно предположить, что здесь имелась какая-то система взаимно перпендикулярных арок, суживавшая внутреннее пространство до размера обычного подкупольного квадрата. Несомненно, что зодчий данного здания был смелым конструктором, обеспечившим единство и свободу интерьера храма. Очень вероятно, что конструкция арок выражалась снаружи ярусным верхом под сравнительно небольшой главой.

Дата описанного памятника может быть определена с достаточно большой точностью. Как

уже отмечено, в культурном слое под полом были найдены куски кирпичей Мономахова собора. Следовательно, церковь по-

-101-

строена после 1101 г. Весь характер кладки, формат кирпичей, а также плоские непрофилированные лопатки свидетельствуют о первой половине или середине XII в. Уточнение даты даёт сопоставление кирпичей этого здания с кирпичами Борисоглебской церкви на Смядыни, возведённой в 1145 г. Здесь совпадает не только формат кирпичей, но и рисунок некоторых знаков на торцах и клейм на постелях кирпичей. Очевидно, что в данном случае можно говорить не только о хронологической близости, но, может быть, и о работе одной группы мастеров-строителей.

Бесстолпная церковь, как сказано, ни разу не упоминается в письменных источниках. То обстоятельство, что она стояла в детинце, недалеко от собора, в сочетании с небольшими размерами самого здания, "горнем местом" в алтаре, богатством утвари, позволяет предполагать, что это была личная дворцовая церковь князя Ростислава. К такому определению склоняет и отсутствие хор: маленькой церковью пользовались узкие круги знати.

Раскопки позволили судить и о дальнейшей судьбе памятника. В XV-XVI вв. церковь ещё стояла целой и функционировала, хотя значительно обветшала, поскольку её порталы пришлось обложить брусковым кирпичом (7-7.5 x 13-15 x 27-28 см); раствор этих починок очень плохого качества. По-видимому, это произошло в XVI в. после возврата Смоленска в 1514 г. в лоно России, когда московское правительство озаботилось реставрацией ряда древнейших памятников Смоленска. К этому времени уровень земли вокруг церкви поднялся примерно на 60-70 см выше уровня XII в., отмеченного лежащими рядом с храмом большими плоскими валунами.

О времени гибели здания можно судить по находкам в слое пожарища на древнем полу храма. Здесь вместе с фрагментами керамики и другими находками XII-XIII вв. найдены пражский грош 1378-1419 гг., свинцовая пломба (неопределимая) и черепки лощёной посуды XVI-XVII вв. Судя по этим находкам, пожар, уничтоживший здание, вероятнее всего был связан со взрывом порохового погреба под Соборной горой при взятии Смоленска Сигизмундом III в 1611 г.

Руины здания лежали на поверхности земли, видимо, до начала строительства Успенского собора XVII-XVIII вв. Возможно, что они были разобраны на материал для этой грандиозной постройки. Не исключено, что именно в ту пору в Смоленске возникла молва, связавшая руины с именем Мономахова собора и отразившаяся в статье П. П. Свиньина.⁹⁾

При благоустройстве епископской резиденции после завершения работ по строительству собора была произведена планировка местности и остатки руин покрыты ровными горизонтальными слоями строительного щебня и привозного грунта со строительным мусором. После этого над руинами легла дорога, спускавшаяся к арке ворот епископского двора под Богоявленским собором (1784 г.), которую нам и довелось разрушать, пробиваясь в XII в.

⁹⁾ *Свиньин П. П.* Взгляд на достопримечательные здания в г. Смоленске и урочищах, находящихся в Смоленской губернии. - *Отечеств. зап.*, 1826, ч. XXVII, № 77, с. 304.

-102-

Княжеский терем

Когда экспедиция 1964 г. уже завершила свои исследования, земляные работы по прокладке водопровода выявили данные о третьем древнем здании на Соборной горе. Траншея, шедшая вдоль южной стены существующего собора, выходила через восточные ворота соборного двора на верхнюю часть Школьной улицы. Здесь, на расстоянии около 5 м от ограды, траншея вскрыла кладку стены из плинфы, лежавшую под полутораметровой толщиной кирпичного щебня.¹⁾ В 1965 г. участок был вскрыт и остатки здания выявлены полностью.²⁾

Раскопки показали, что под дёрном всюду залегает тёмно-серый рыхлый слой (толщиной 40-80 см) с кирпичным щебнем. В южной и в северо-восточной частях раскопа под верхним слоем начинается сплошной завал кирпича XVII в. В южной - этот завал кирпичного щебня доходит до материка и углубляется в него. Почти до материка доходит щебневой завал и в северо-восточной части. К северу от завала под щебнем лежит мощный, интенсивно чёрный, плотный слой с редкими вкраплениями угольков и тонких песчаных прослоек, идущий вплоть до материкового песка. Этот слой не содержит никаких находок; на всю его толщу приходится несколько мелких обломков керамики XII в. и кусочков штукатурки с росписью. Как с северной, так и с западной стороны чёрный слой примыкал вплотную к кладке стен постройки, которая располагалась на склоне холма.

Вскрытое здание, местами сохранившееся на высоту до 1.5 м, было квадратным или прямоугольным в плане (рис. 46, 47). От него остались лишь две смежные стены. Юго-западная, длиной (снаружи) 5.8 м, в южном конце оборвана глубоким, заполненным кирпичным щебнем котлованом, опускающимся ниже фундамента стены. Оборван ямой, уходящей в глубь материка, и восточный конец северо-западной стены, частично завалившийся внутрь здания, но сохранивший внутренний угол. Заполнение ямы состоит из описанного выше чёрного слоя, но с обломками плинфы и плинфяной кладки, раствора и булыжника (большемерного кирпича в щебне здесь нет). Видимо, эта яма одновременна разрушению постройки. Сохранившаяся часть северо-западной стены (снаружи) равна 5.3 м; к ней примыкает её упавший кусок с внутренним углом. Таким образом, общий размер стены внутри 6.5 м, а снаружи около 7.8 м. Две другие стены - юго- и северо-восточная - уничтожены огромной, заполненной щебнем XVII-XVIII вв. ямой, углубляющейся ниже основания фундамента постройки.

Фундамент постройки (глубиной всего 0.2-0.3 м, шириной 0.8 м) состоит из одного-двух рядов булыжника от 10 до 50 см в диаметре, уложенных на песок на известковом растворе. Известь хорошо промешана, имеются добавки крупных кусков битой плинфы (от 2 мм до 2 см) и мелких угольков. С внутренней стороны фундамента юго-западной стены,

¹⁾ Эти сведения были сообщены нам г. Т. Рябковым и Е. А. Шмидтом.

²⁾ Раскоп вела Н. Б. Черных под наблюдением П. А. Раппопорта и Н. Н. Воронина. Предварительную публикацию см.: *Воронин Н. Н.; Раппопорт П. А.* Смоленский детинец и его памятники. - СА, 1967, № 3, с. 299.

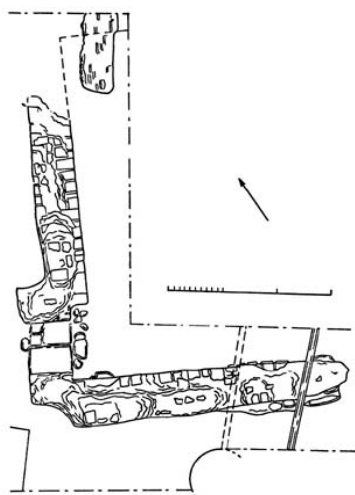

Рис. 46

Терем. План раскопанного здания

вплотную к фундаменту, между ним и стенкой рва, поставлен на ребро ряд плинф.

Стены толщиной 0.77 м сложены из кирпичей, сходных с кирпичами бесстолпного храма. Размер их 4.2-4.9 x 19-22 x 29.5-33 см. Наиболее часто встречаются кирпичи 4.2-4.9 x 20.5-21.5 x 30-31 см. Горизонтальные швы тоньше плинфы - 2-3 см, вертикальные ещё тоньше - 1.5-2 см.

Раствор кладки стен неоднороден. Он пористый, непрочный, почти белого цвета с розовым оттенком от равномерно распределённой мелкой кирпичной крошки. Состав одного образца раствора: извести 54%, цемянки 29, песка 11, угля 6%. Цемянка присутствует во всех фракциях - от мелких до крупных. Органических включений нет. У другого образца раствора состав иной: извести 37%, цемянки 28, песка 34, угля 0.5%. Третий образец заметно отличается от остальных; он содержит очень большой

-104-

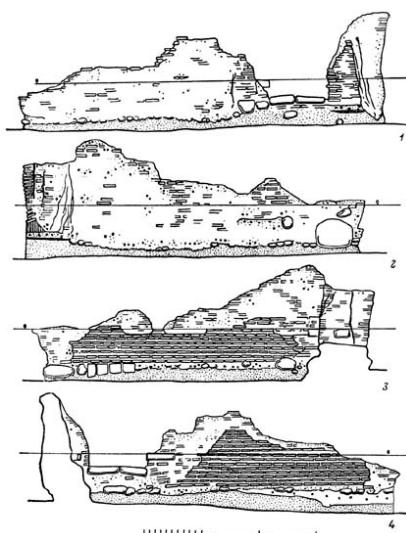

Рис. 47

Терем. Фасады стен

Стены снаружи : -1 - северо-западная; - 2 - юго-западная; Стены изнутри : -3 - юго-западная; - 4 - северо-западная

Рис. 48
Дверной проем

процент извести, но зато в нём почти отсутствует цемянка (извести 82%, цемянки 0.5, песка 17, угля 0.5%). В этом растворе имеются следы органических примесей (солома). Судя по составу, очень вероятно, что третий образец характеризует не раствор кладки, а затирку или штукатурку стен, хотя внешне следов такой затирки в здании нигде не было заметно.

На кирпичях довольно много знаков и клейм. Обращённая внутрь поверхность стен сложена аккуратно; на неё выходят в основном тычковые ряды плинф и лишь изредка ложки. Раствор на этой поверхности подрезан в каждом ряду снизу вверх, так что каждая верхняя плинфа на 1 см выступает над раствором. Никаких следов штукатурки нет. Снаружи у стен совсем другой характер. Здесь в материк (красноватый песок) запущен не только фундамент, но частично (на 20-30 см) и стена. Выше эта стена врезана в чёрный слой. В отличие от аккуратной внутренней кладки из целых плинф наружная поверхность стен выложена крайне небрежно, она не прямолинейна в плане и не имеет "лицевой" обработки, так что на поверхности здесь торчат часто не только целые плинфы, но и колотые (обычно половинки), лежащие обломом наружу; раствор здесь

большой частью выступает перед плинфами, а иногда и прикрывает их, образуя затеки толщиной до 20 см.

Фундамент северо-западной стены прямой и сплошной. В её западной угловой части - дверной проём, несколько выступающий наружу от линии фундамента (рис. 48). С внутренней стороны проёма фундамент не прикрыт сверху кирпичной кладкой на 30-35 см. Снаружи по бокам проёма сделаны два выступа-"наличника": восточный, около 60 x 60 см в сечении; западный, по-видимому, имевший такой же размер, но хуже сохранившийся. Выступы были позднее частично переложены. Раствор в переложенных частях несколько серее, чем в основной кладке, а у части плинфы другой формат (3.2 x 17.4 x 24.5 см), хорошая формовка и чёткие рёбра; однако наряду с этой плинфой в переложенных частях использована плинфа типа и формата основной кладки здания. С внутренней стороны в углах дверного проёма лежат два тёсаных белых известковых камня; в одном - углубление, видимо, след подпятника двери. Порог проёма

образуют две известковые плиты толщиной 12-14 см. Перед входным проёмом было прослежено резкое понижение материка; очевидно, это приямок для спуска ко входу во врезанный в грунт подклет.

Расчистка внутри помещения показала, что здесь лежит плотный тёмно-серый слой завала самого здания с многочисленными мелкими обломками плинфы и раствора. Встречаются и некрупные булыжники; отметим два обломка плиток пола (толщиной 3 см) с жёлтой и коричневой поливой, мелкие фрагменты горшков XII-XIII вв. Под описанным слоем идёт плотная чёрная стерильная прослойка толщиной 6-7 см над тёмно-жёлтым материковым песком.

Полное совпадение формата кирпича, техники кладки, рисунков клейм и знаков на кирпичах (в одном случае клеймо на постели плинфы было оттиснуто тем же штампом, что и клеймо на плинфе бесстолпного храма), сходство такого приёма, как установка плинф на ребро для заполнения зазора между стенкой рва и булыжной кладкой фундамента, - всё это говорит о стропительстве раскопанного здания в ту же пору, что и бесстолпного храма.

Изученные нами руины принадлежат не церковному, а явно гражданскому зданию, о чём свидетельствуют устройство входа почти в углу и врезка стен в землю. Наиболее вероятно, что это подклетный этаж терема. В плане он был, по-видимому, квадратным или близким к квадрату; первоначальная длина его стен около 8 м. Ближайшей аналогией здания является вскрытая раскопками в Чернигове квадратная дворцовая постройка, длина стен которой 7.5 м.³⁾ К определению здания как терема склоняет и само его расположение на высоком мысу детинца, откуда открывался широкий кругозор на городской Подол и верхнее течение Днепра. Зодчие выбрали для своей постройки, как говорили в старину, "место красно и строино".⁴⁾ Вероятно, это был терем князя Ростислава. В начале

³⁾ *Холостенко Н. В.* Черниговские каменные княжеские терема XI в. - Архитектурное наследство, М., 1963, вып. 15, с. 8.

⁴⁾ В 1976 г. подобный терем был раскопан в Полоцке. Он также был расположен на самом краю площадки детинца, над высоким спуском к реке (*Булкин В. А.*,

XIII в. терем ремонтировался, о чём говорит прежде всего частичная перекладка "наличника" входа в подклет.

Как выглядел терем в целом виде, сказать очень трудно. Слабость фундамента и небольшая толщина стен свидетельствуют, что сводчатых кирпичных перекрытий не было. Здание могло иметь лишь балочные деревянные междуэтажные перекрытия при каменной коробке. По-видимому, остатки этого терема изображены на гравюре В. Гондиуса в виде руин, расположенных на склоне Соборной горы несколько левее и ближе собора ("Успенский собор", рис. 1). Именно эти руины исследователи ошибочно принимали за остатки собора Мономаха. Здание, изображённое на гравюре, довольно высокое; очевидно, терем имел два этажа. Некоторое несоответствие между очень небольшими размерами терема и довольно значительными размерами постройки, изображённой на гравюре, не может вызвать удивление, так как на гравюре Гондиуса масштаб зданий и человеческих фигур крайне условен. Руины окончательно исчезли в пору строительства нового собора XVII в.; возможно, что терем разбирался на материал. Тогда же на склон холма сбрасывали строительный щебень, заполнивший расселины, образовавшиеся от взрыва 1611 г. и похоронившие остатки терема XII в.

Раппопорт П. А., Штендер Г. М. Раскопки памятников архитектуры в Полоцке. - В кн.: Археологические открытия 1976 года. М., 1977, с. 401.

Церковь в Перекопном переулке

1

На восточной окраине Смоленска - Рачевке - в 1886 г. начали добывать бутовой камень из небольшого всхолмления ("кургана"), состоявшего из развала древних строительных материалов. Оно находилось на территории трёх соседних частных усадеб на Заречной улице. Выяснилось, что "курган" - это остатки древнего храма.¹⁾ "Раскопки" привлекли внимание С. П. Писарева, который внимательно ознакомился с руинами и подробно описал их.²⁾ Он отметил, что развалины представляют собой остатки небольшой церкви, имеющей внутри четыре колонны. Длина церкви приблизительно 7 сажен, ширину измерить не удалось. С востока у храма были три полукруглые апсиды. Писарев описал также и строительную технику храма, отметив размеры кирпичей, характер раствора и кладки фундамента, наличие знаков на кирпичах, обломки фресковых росписей и голосников. Он пришёл к выводу, что церковь относится ко времени до XIV в., "к древней эпохе греко-киевского строительного искусства". Он же высказал предположение, что якобы именно этот храм изображён на гравюре В. Гондиуса под № 14, где назван башней. Данная гипотеза, по-видимому, ошибочна, так как на гравюре Гондиуса под № 14, вероятно, изображён храм на берегу запруженного ручья Малая Рачевка, который был также изучен нами (см. ниже, с. 221).³⁾

Несколько позднее на основании сопоставления местоположения руин с документом начала XVII в. Л. Лавровский выдвинул предположение, что именно эта церковь, существовавшая ещё в XVII в., носила наименование церкви Григория Богослова.⁴⁾

После Великой Отечественной войны место древнего храма казалось утерянным, но затем оно было обнаружено по развалу обломков плинфы и небольшому выходу древней кладки. И. Д. Белогорцев в своей сводке памятников древнего смоленского зодчества описывает этот храм как "небольшой холм с плинфовой кладкой... на взгорье Перекопного переулка

¹⁾ По-видимому, о существовании руин знали и раньше, поскольку на карте восточной окраины Смоленска, составленной в 1870 г. М. П. Полесским-Щепилло, на этом месте (под № 53) указаны "остатки древнего неизвестного здания в Рачевской слободе" (Памятная книжка по Смоленской губернии на 1870 год. Смоленск, 1870, план).

²⁾ *Писарев С. П.* Развалины древнейшего храма в Смоленске. - СВ, 1886, № 105, 109. - Позднее эти сведения в несколько сокращённом виде опубликованы в других работах того же автора.

³⁾ Впрочем, и сам С. П. Писарев сомневался в своём толковании изображения № 14. Он отмечал, что руины, сохранившиеся в усадьбе Хозярева на Заречной улице, принадлежат "храму малых размеров", в то время как "башня" на гравюре "была не что иное, как высокая колокольня" (*Писарев С. П.* Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898, с. 170). Как известно, таких колоколен в древнейший период истории русского зодчества не строили.

⁴⁾ *Лавровский Л.* Новые данные для топографии г. Смоленска в начале XVII века. - СЕВ, 1914, № 8. с. 287.

и Перекопной улицы, бывш. Заречной и Вылуповой улиц".⁵⁾ При этом Белогорцев безоговорочно поддержал предположение Л. Лавровского, уже прямо называя эту церковь Григорьевской.

В 1954 г. древняя кладка в Перекопном переулке была зачищена П. Д. Барановским и И. Д.

Белогорцевым, а в 1955 г. здесь были проведены археологические раскопки под руководством Д. А. Авдусина.⁶⁾ Крайняя ограниченность места для раскопок позволила ему вскрыть участок всего в 68 м² (рис. 49).

Таким образом, была раскопана лишь небольшая часть древнего здания; остальные его части уходили в северном и восточном направлениях, т. е. как раз туда, где расширение раскопа было невозможно, поскольку здесь стояли жилой дом и гараж.

На раскопанном участке обнаружены остатки постройки, очень сильно повреждённые более поздними захоронениями, которые во многих местах перерезали кирпичные кладки. Кроме того, часть кирпичной кладки и фундаментов была, видимо, разобрана. В раскопе выявился кусок стены, идущий с северо-запада на юго-восток. Там, где эта стена сохранила обе фасадные поверхности, можно было измерить ее ширину - 1.2 м. К северо-востоку от стены сохранился частично разобранный крестчатый подкупольный столб. Его общая ширина 1.86 м, а ширина лопатки, обращённой в сторону стены, 1.36 м. Остальные открытые раскопками кладки имели очень неопределённые очертания.

Несмотря на плохую сохранность постройки и ограниченность площади раскопа, исследования дали очень ценные сведения об этом памятнике. Его стены сложены из плинфы в обычной технике равнослойной кладки. Наиболее употребительный размер кирпичей 3.8 x 22 x 32 см, хотя встречались плинфы как больших, так и меньших размеров. В ряде случаев толщина кирпичей была большей, а порой превышала 5 см. Кирпичи имеют красный цвет, звенят при ударе, но легко крошатся. На некоторых участках кирпичи резались лопатой, как глина. На многих кирпичах видны отпе-

⁵⁾ *Белогорцев И. Д.* Новые исследования древнесмоленского зодчества. - В кн.: Материалы по изучению Смоленской области. Вып. I. Смоленск, 1952, с. 91.

⁶⁾ *Авдусин Д. А.* Новый памятник смоленской архитектуры. - СА, 1957, № 2, с. 228. - Позднее эти сведения были полностью повторены в работе М. К. Каргера (*Каргер М. К.* Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, с. 110).

-110-

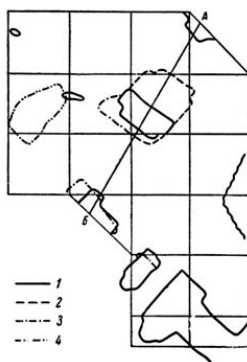

Рис. 49

Церковь в Перекопном переулке. План раскопанных остатков. По Д. А. Авдусину
Сечения на глубине (см): - 1 - 158; - 2 - 78; - 3 - 213; - 4 - 252

чатки пальцев. Найдено несколько лекальных кирпичей в форме сектора. Раствор в кладке известковый, с небольшим количеством кирпичной крошки. Толщина швов между горизонтальными рядами кирпичей 3-3.5 см.

Заложенные в довольно мелких траншеях, отрытых в жёлтой материковой глине, фундаменты храма состояли из мелкого булыжника и крупной гальки, уложенных на глине. Глубина фундамента стены около 60 см; фундамент подкупольного столба значительно глубже -

до 110 см. В нижней части фундамента залегали мелкие камни и плинфа, а выше - валуны. Фундамент был несколько шире стен, причём особенно явно это выражено в фундаменте подкупольного столба, где уступ фундамента был "выложен плинфой", т. е., очевидно, имел кирпичную отсыпку.

Сведения о строительной технике древнего храма, полученные в результате раскопок Д. А. Авдусина, в целом совпадают со сведениями, которые имелись в работах С. П. Писарева. Так, Писарев тоже писал, что бутовый фундамент церкви был сложен на глине, а строительный раствор включал песок и мелкобитый кирпич, что толщина горизонтального шва раствора в стеновой кладке была примерно равна толщине кирпича. Правда, он отмечал большее разнообразие форматов кирпича, а кроме того, указывал на наличие в развале постройки многочисленных обломков "слуховиков" (голосников) двух типов - "больших толстостенных горшков красной глины, круто суженных к горлу" (видимо, амфорного типа) и "горшечных черепков чёрной глины". Такие два вида голосников найдены в Смоленске в ряде древних памятников. По сведениям Писарева, в западной части руин найдена плита красного песчаника (71 x 142 см). ⁷⁾ Где была применена эта плита в здании, неясно.

Одной из интересных особенностей данной постройки является обилие и разнообразие знаков и клейм на кирпичах. Это отмечал ещё С. П. Писарев. Д. А. Авдусин указывал, что в раскопанном храме имелись вдавленные клейма на постелях кирпичей, выпуклые знаки на торцах, а иногда и на постелях. На постели одного кирпича ещё до обжига сделан палочкой замечательный рисунок - головка человека. ⁸⁾

При раскопках найдено много обломков штукатурки со следами фресковой росписи. Особенно большой завал фресок лежал между южным столбом и стеной. Наиболее часто повторялись следующие цвета: жёлтый, тёмно-красный, тёмно-синий и зелёный. В одном случае на собранных фрагментах было изображение части головы в нимбе. На нескольких кусках штукатурки отмечены надписи - граффити.

На основании размеров кирпичей и характера кладки Д. А. Авдусин датировал раскопанный храм первой половиной XII в. Действительно размер кирпичей здесь равен или даже несколько превышает размеры кирпичей церкви Бориса и Глеба на Смядыни. Характер кладки, раствора, знаков на кирпичах также свидетельствует примерно о середине XII в. Таким образом, церковь в Перекопном переулке более осторожно можно датировать первой половиной - серединой XII в.

⁷⁾ Писарев С. П. Развалины..., № 105.

⁸⁾ Авдусин Д. А. Указ. соч., рис. 5; Каргер М. К. Указ. соч., рис. 58.

Как отметил Д. А. Авдусин, многочисленные захоронения, встреченные во время раскопок, иногда перерезали кирпичные кладки. По словам С. П. Писарева, одно из виденных им погребений было сделано "в стене". ⁹⁾ Не находилось ли это погребение в аркосолии? Ссылаясь на мнение И. М. Хозерова, Авдусин полагал, что разрушение храма было связано с выпучиванием грунта, вследствие того, что фундамент был заложен очень неглубоко, т. е. выше линии промерзания. Действительно, Хозеров высказывал такое мнение по отношению к церкви на Окопном кладбище. ¹⁰⁾ Её раскопки в 1967 г. не подтвердили этого предположения. Нет никаких оснований для подобного утверждения и по отношению к данному храму.

Проведённые Д. А. Авдусиным раскопки вскрыли лишь "случайные обрывки" древнего здания. Наличие на его территории жилого дома, гаража, дерева и большой хозяйственной ямы ещё больше сократили возможность исследования. Поэтому Авдусин пришёл к выводу о невозможности восстановления даже общей схемы плана раскопанной церкви.

Однако такую попытку всё же можно сделать (рис. 50). Прежде всего следует определить, в каком направлении пролегла продольная ось храма. Остатки здания расположены так, что немногочисленные участки их сохранившихся фасадных поверхностей ориентированы диагонально к направлениям стран света. Д.А. Авдусин правильно предположил, что это могло быть связано с закладкой храма в середине лета, т. е. направлением оси храма на точку горизонта, где солнце восходило в день закладки. Однако в дальнейшем он принимает это направление как юго-восточное, тогда как солнце восходит летом на северо-востоке. Направление продольной оси древнерусских церквей на юго-восток вообще встречается значительно реже, чем на северо-восток. В данном случае поворот к югу настолько значителен (азимут более 130°), что исключает возможность подобной ориентации храма. В то же время направление на северо-восток - явление обычное. Правда, у рассматриваемого памятника направление тоже довольно редкое - азимут несколько менее 45° , но такие случаи в древнерусской архитектуре известны.¹¹⁾ Из этого следует, что наилучше сохранившаяся стена, протянувшаяся с северо-запада на юго-восток, не южная стена церкви (как считал Авдусин), а западная. На её внутренней поверхности видны остатки двух лопаток (южная сохранилась почти на всю ширину, а от северной остался лишь южный угол). Полную ширину лопаток восстановить нетрудно: они должны были быть примерно равны ширине лопаток подкупольных столбов.

Северо-западный подкупольный столб сохранился целиком. Юго-западный столб, по мнению Д. А. Авдусина, был полностью разрушен и на

⁹⁾ Писарев С. П. Развалины..., № 105.

¹⁰⁾ Хозеров И. М. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. - КСИИМК, 1945, вып. XI, с. 24.

¹¹⁾ Раннопорт П. А. Ориентация древнерусских церквей. - КСИА, 1973, вып. 139, с. 47.

-112-

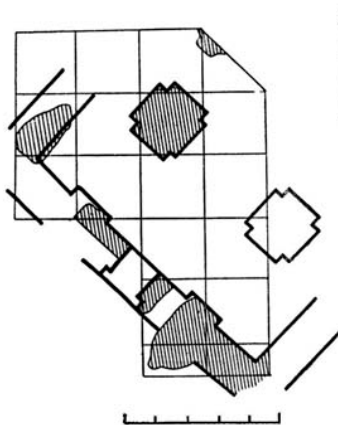

Рис. 50

Церковь в Перекопном переулке. Реконструкция плана западной части храма

его месте найден большой массив кладки, лежавшей в яме.¹²⁾ Положение этого столба, однако, не вызывает никаких сомнений, так как определяется соотношением северо-западного столба и южной лопатки западной стены.

Западная стена в южной части имела поворот, явно отмечающий начало южной стены храма. На таком же расстоянии к северо-западу от северо-западного столба лежит массив кладки, представляющий собой кусок северной стены. В середине западной стены имеется проем - несомненно остатки портала; ширина его невелика - несколько более 1 м.

Очевидно, что план западной части храма на основании материалов раскопок

восстанавливается вполне определенно. Но можно попытаться реконструировать, в самых общих чертах, и остальную часть плана (рис. 51). Так, храм был, по-видимому, не шести, а четырёхстолпным, поскольку С. П. Писарев, видевший руины, когда они ещё возвышались над землёй, отметил наличие четырёх колонн.¹³⁾ Тот же автор упомянул, что церковь с востока завершена тремя алтарными полукружиями. Учитывая, что церковь относится к первой половине или середине XII в., можно быть уверенным, что три полукружия алтаря были выявлены не только изнутри здания, но и снаружи.

Общая ширина храма около 12 м. Размер подкупольного пространства поперёк здания около 3.5 м.¹⁴⁾ Если принять подкупольное пространство церкви за квадратное (что для памятников середины XII в. явление наиболее обычное) и восстановить её апсидную часть по схеме синхронных ей смоленских построек, то общая длина реконструируемого плана храма будет около 16 м, что лишь очень немного превышает размер, указанный

¹²⁾ Очень возможно, что столб этот не был полностью разрушен, а лишь прикрыт лежащим в яме массивом кладки. Судя по чертежам Д. А. Авдусина, небольшой кусок северо-западного угла этого столба мог выступать из стенки раскопа.

¹³⁾ Писарев С. П. Развалины..., № 105, с. 2.

¹⁴⁾ В северо-восточном углу раскопа был выявлен кусок кладки, который Д. А. Авдусин принял за подкупольный столб. Расстояние между столбами поэтому получалось равным всего 1.5 м. В действительности это был, видимо, упавший блок (Авдусин Д. А. Указ. соч., с. 231).

-113-

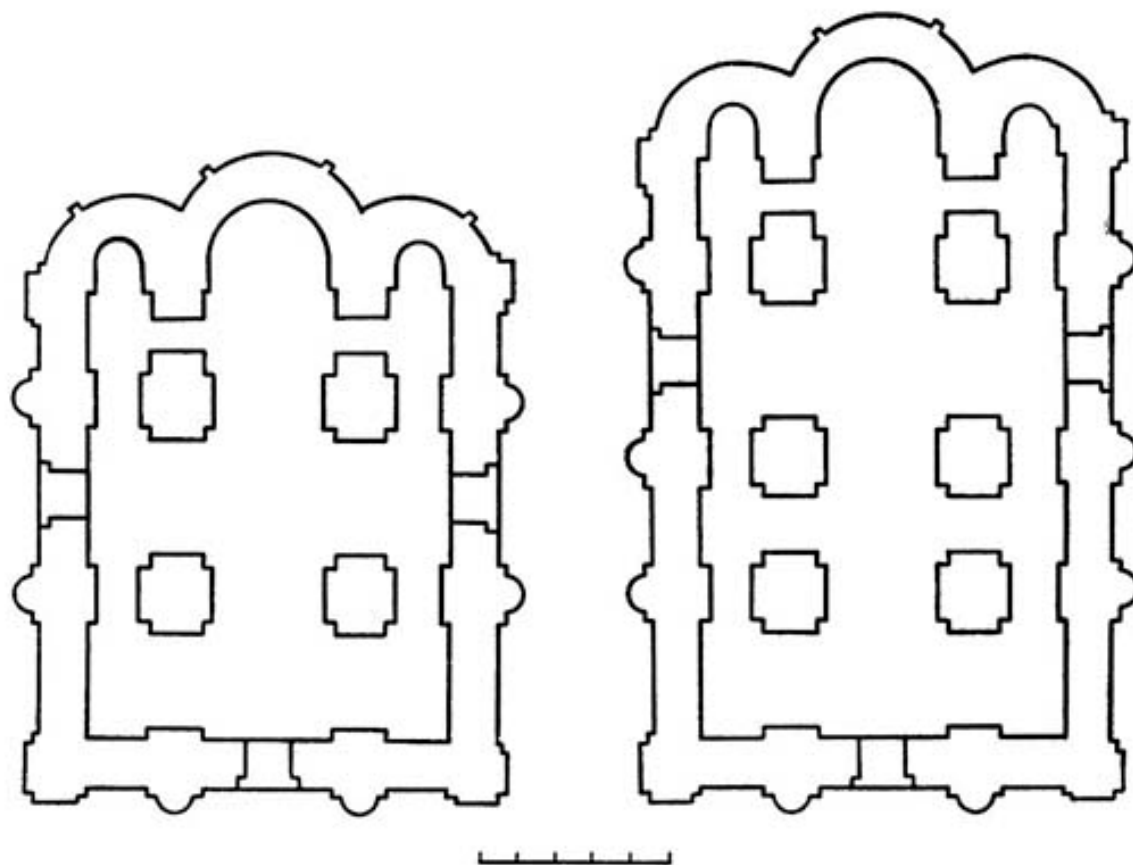

Рис. 51
Церковь в Перекопном переулке. Варианты реконструкции плана

С. П. Писаревым. Может быть предложена и другая реконструкция храма. Если полагать, что блок кладки, отмеченный на чертеже Д. А. Авдусина к северу-востоку от подкупольного столба, не случайный развал, а остатки второго столба, то окажется, что храм был шестистолпным (рис. 51). Впрочем, такая реконструкция менее вероятна, так как она существенно расходится с описанием Писарева, утверждавшего, что храм имел "четыре колонны" и длину около 7 сажен, т. е. приблизительно 15 м (по нашей реконструкции - 16 м).

К средним лопаткам фасада, вероятно, так же как и на других памятниках того времени, примыкали полуколонны. Такое предположение подтверждается находкой при раскопках лекальных кирпичей в виде сектора, которые использовались для выкладки подобных полуколонн.¹⁵⁾ Выступ с наружной стороны у южной лопатки западной стены храма представляет собой либо оплывшую полуколонну, либо начало стенки притвора, который мог примыкать к зданию с запада. По апсидам, видимо, проходили вертикальные тяги.

Таким образом, общая схема плана храма определяется с достаточной степенью достоверности.

¹⁵⁾ *Авдусин Д. А.* Указ. соч., с. 232. - С. П. Писарев также упомянул овальные кирпичи "для выкладки полукружий" (*Писарев С. П.* Развалины... № 105, с. 3).

Церковь в Перекопном переулке представляла собой типичный образец храма середины XII в. Отличительная особенность её - очень узкие боковые нефы. Пространство же между западной парой столбов и западной стеной в церкви было, наоборот, несколько шире, чем обычно. Благодаря этому здание имело несколько иные, более удлинённые пропорции, чем большинство смоленских храмов данного типа. Быть может, это объясняется тем, что в западных членениях северной и южной стен были расположены аркосольные ниши, которые иначе не поместились бы при столь малых размерах храма. Судя по сравнительно небольшой толщине западной стены (1.2 м), здесь не было внутрстенной лестницы, а следовательно, храм не имел хор.

Как уже отмечалось, церковь была построена не позже середины XII в., т. е. представляет собой один из древнейших памятников смоленского зодчества. Чем можно объяснить такую раннюю постройку небольшого храма вне пределов городских укреплений? Это мог быть смоленский женский монастырь (мужской монастырь уже существовал на Смядыни), но более вероятно, что здесь находилась княжеская резиденция, пригородный двор князя Ростислава.

Церковь Ивана Богослова

1

Церковь Ивана Богослова стоит на левом берегу Днепра почти напротив храма Петра и Павла, вне валов смоленских укреплений XII в. (рис. 52). Считалось, что храм дожил до нового времени в относительно целом виде и что он сильно пострадал лишь в XVIII в., когда в 1763 г. здание "старанием майора А. Васильевского и смоленского мещанина Никифора Верзина" и ещё раз в 1786 г. епископом Парфением было подвергнуто капитальному "обновлению".¹⁾ В это время якобы были выломаны древние крестчатые столбы и заменены новыми, прямоугольными, стёсаны внутренние лопатки (кроме восточной пары), сломаны и переложены своды, сделана новая глава. От древнего здания частично сохранилась в сущности только коробка внешних стен, но и те были неузнаваемо переработаны: срублены наружные лопатки с полуколоннами и тяги на апсидах, заложены узкие древние и сделаны новые широкие окна, а фасады покрыты толстым слоем штукатурки, скрывшим под собой следы уничтоженных древних деталей. Н. Н. Мурзакевич отметил, что "храм сей через переделку... совершенно утратил свой древний вид".²⁾ Мало того, считалось, что, видимо, в связи с сильным нарастанием слоя окружавшего храм кладбища, его внутренность тогда же, в XVIII в., была засыпана щебнем и грунтом на высоту около 2 м, так что в засыпи скрылись аркосоллии в стенах храма с остатками стенописи.³⁾

Последующие исследования, как увидим, несколько изменили представление о причинах капитального "обновления" здания и сняли часть обвинений с его инициаторов. В частности, толща внутренней засыпи оказалась неодновременной: она росла постепенно. Нужно также отдать должное строителям XVIII в., которые, конечно, не из уважения к древности и исторической значимости здания, а из соображений экономии материала, сохранили мало-мальски прочные участки древних стен, доложив и достроив их новым кирпичом, выполнив эту работу почти ювелирно, так что по этим остаткам мы ещё можем судить об основных чертах первоначальной архитектуры памятника.

Его исследования начались лишь в советское время. В 1924 г. И. М. Хозеров и С. Д. Ширяев провели натурное обследование здания и небольшие раскопки. Результаты работ отражены в обмерном плане (рис. 53), на

¹⁾ *Шупинский И.* Историческое и географическое описание города Смоленска. - В кн.: *Справочная книжка Смоленской губернии на 1898 год.* Смоленск, 1897, с. 261; *Писарев С. П.* Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898, с. 117.

²⁾ *Мурзакевич Н. Н.* Достопамятности города Смоленска. - ЖМНП, 1835, ч. VIII, с. 504.

³⁾ *Писарев С. П.* Памятная книга..., с. 116-117. - Грунт для засыпи якобы скапывали со смежного склона городской горы, так что с юга от храма образовалась большая площадка.

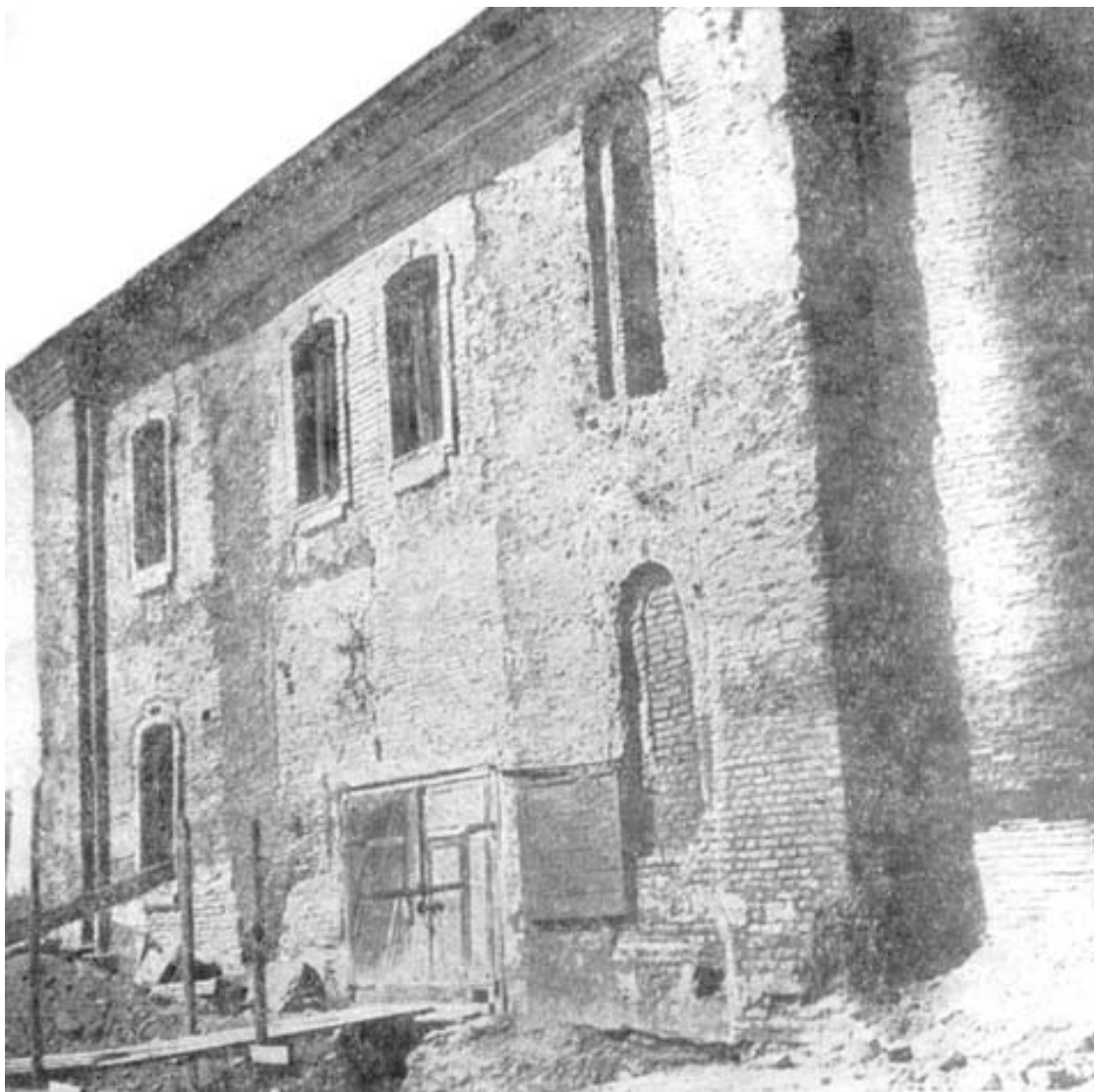

Рис. 52
Церковь Ивана Богослова. Вид с юго-востока

котором были показаны первоначальное положение крестчатых столбов, отвечающие им внутренние лопатки, наружные лопатки с полуколоннами, расположение первоначальных окон. Существенным было установление факта наличия снаружи, у восточных углов храма, приделов. ⁴⁾ В 1929 г. П. Д. Барановским была произведена очистка фасадов храма от штукатурки XVIII в., что яснее выявило их древние формы и облегчило после-

⁴⁾ План неоднократно издавался. Первый раз - Н. Н. Щекотихиным (*Шчакаціхін М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва*. Т. 1. Менск, 1928, табл. 15). Как увидим далее, план не во всём точен. Сжатые сведения о результатах работ 1924 г. опубликовал сам И. М. Хозеров (*Хозеров И. М. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска*. - КСИИМК, 1945, вып. XI, с. 20) и несколько подробнее осветил их в рукописях.

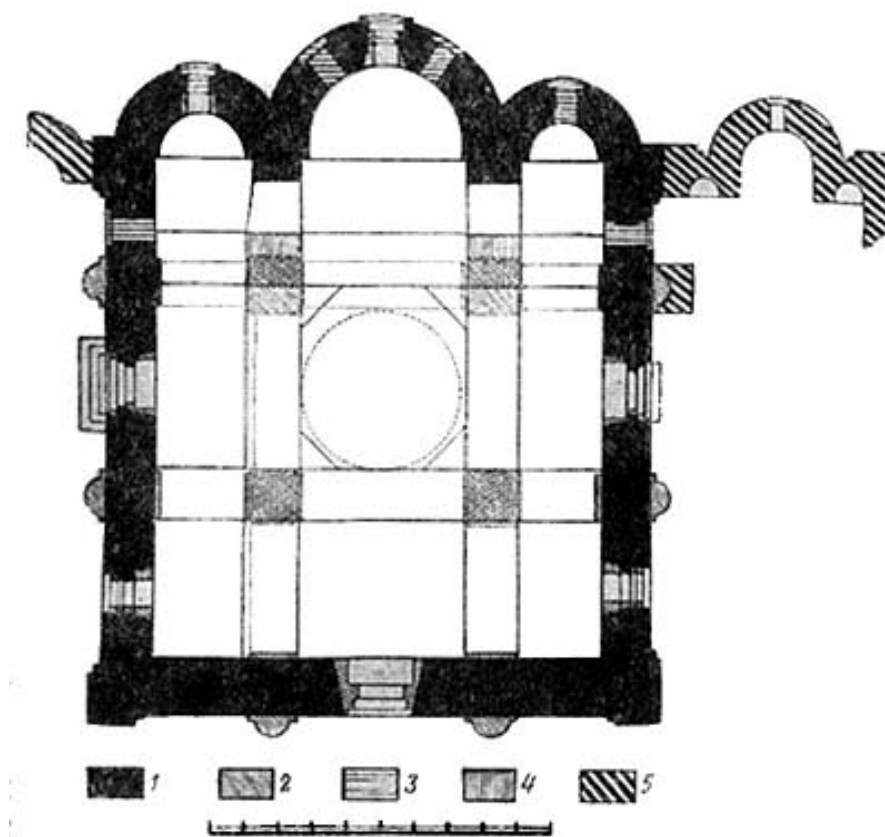

Рис. 53

Церковь Ивана Богослова. По обмеру И.М. Хозерова

1 - древняя кладка; - 2 - уничтоженные части древней кладки; 3 - закладки брусковым кирпичом;
- 4 - кладка второй половины XVIII в.; 5 - древние части, открытые раскопками

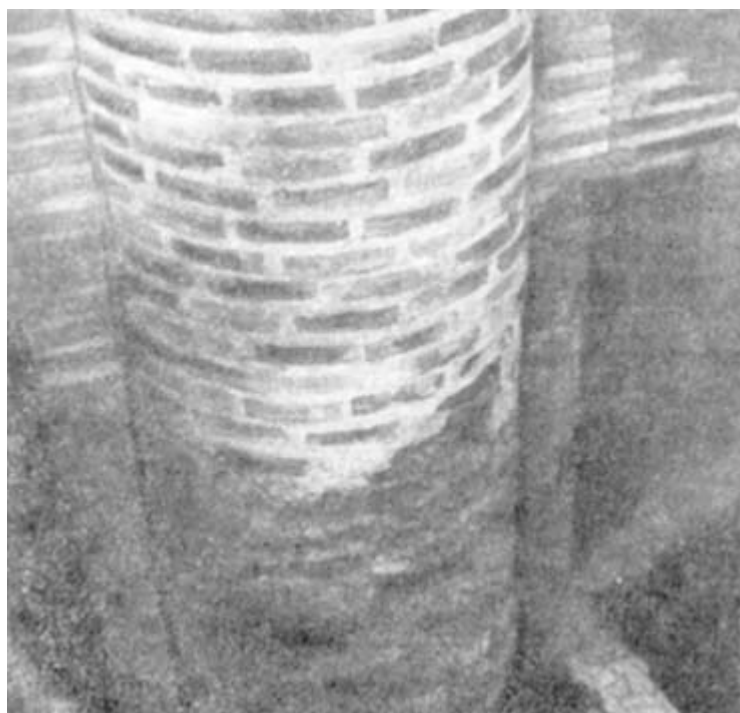

Рис. 54

Полуколонна, надложенная в верхней части

дующее изучение памятника. В 1947-1949 гг. Смоленское областное управление по делам архитектуры провело обмеры и исследования церкви, но результаты этих работ не нашли отражения в печати. В 1950 г. исследование памятника вновь проводил Барановский; в частности, им был вскрыт северный портал храма. Накопленный материал позволил начать практическое восстановление первоначальных деталей здания. Была осуществлена выкладка нижних частей полуколонн и апсидных тяг, доведённая до современной дневной поверхности (рис. 54). Однако полная реставрация здания не была продолжена, так как она потребовала бы разборки и перекладки разрушенных древних участков стен, т. е. привела бы к потере подлинных остатков памятника XII в. и сооружению нового его "макета в натуральную величину".

Небольшие, но очень плодотворные разведки были проведены в 1961 г. М. Х. Алешковским в связи с предполагавшейся вертикальной и горизонтальной планировкой участка храма.⁵⁾ В 1967 г. изучение памятника было продолжено Смоленской архитектурно-археологической экспедицией.⁶⁾

2

Попытаемся представить себе основной объём здания в его первоначальном виде.

Это очень схожий с церковью Петра и Павла крестовокупольный, одноглавый, трёхапсидный храм. Его основной объём имеет почти квадратный план (внутри 13 x 13,5 м, снаружи же стороны равны), апсиды массивны. Внешние членения фасадов точно отражают внутреннюю структуру здания с его крестчатыми столбами и отвечающими им внутренними плоскими лопатками. На углах храма - широкие, плоские, двухступчатые лопатки, подчёркивающие кубичность объёма. Средние лопатки по осям столбов усилены мощными полуколоннами, придающими фасаду сильно выраженную пластичность. Полукружия апсид оживлены узкими, плоскими, вертикальными тягами.

Большую роль во внешнем облике храма играют проёмы двухступчатых порталов,⁷⁾ а также двухступчатых амбразур узких и высоких окон. Они расположены в два яруса как на стенах, так и на алтарных апсидах, где строители отказались от слепой аркады церкви Петра и Павла. Удлиённость окон усиливает ощущение высоты и некоторой динамики здания

⁵⁾ Алешковский М. Х. Отчёт об археологических разведках 1961 г. Церковь Иоанна Богослова XII в. в Смоленске. - АИА, разд. 1, № 2287.

⁶⁾ Предварительную публикацию см.: Воронин Н. Н.; Раппопорт П. А. Раскопки в Смоленске в 1967 г. - СА, 1971, № 2, с. 179.

⁷⁾ Обмер М. Х. Алешковским очень разрушенного раскопами 1950 г. северного портала храма показал, что внутренний уступ более узкий (ширина 20, вынос 17 см), а второй несколько шире (ширина 26, вынос 24 см). Ширина портала по фасаду 2 м, дверного проёма 1.1 м, внутреннего раструба 1.61 м (Алешковский М. Х. Указ. соч., с. 11).

Рис. 55

Крест на угловой северо-восточной лопатке

. Все уцелевшие древние окна сейчас наглухо заложены кирпичом с целью упрочить крайне разрушенные стены, и мы не знаем конфигурации оконного проёма. Он, видимо, отличался от окон церкви Петра и Павла с их параллельными стенками. И. М. Хозеров упоминает "откосы" окон церкви Ивана Богослова,⁸⁾ т. е. узкие снаружи, они, вероятно, имели раструб внутри, чтобы пропускать больше света.

Кроме теневых пятен окон и порталов, поверхность стены оживлялась маленькими, квадратными, тёмными отверстиями от пальцев лесов, каналы которых оставались открытыми.

На уровне пят закомар, очевидно, шёл пояс аркатуры с двойным поребриком, поскольку во время раскопок 1924 г. южного придела было найдено несколько экземпляров керамических консолек аркатуры.⁹⁾ На угловой северо-восточной лопатке, по счастью, не был срублен в XVIII в. выложенный из плинфы рельефный большой шестиконечный крест на ступенчатой "Голгофе" (рис. 55).¹⁰⁾ Он сходен с крестами в церкви Петра и Павла и киевской церкви Василия. Эти выпуклые кресты после затирки

⁸⁾ Хозеров И. М. Рукопись ИИ, с. 148.

⁹⁾ Там же, с. 160.

¹⁰⁾ Этот крест сопоставлялся с крестами на известных двинских "Борисовых камнях", связываемых с именем полоцкого князя Бориса Всеславича, умершего в 1128 г. (Писарев С. П. Памятная книга..., с. 117; Воронин Н. Н. Средства и пути сообщения. - В кн.: История культуры Древней Руси. Т. 1. М.-Л., 1948, с. 295-298; Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI-XIV веков. М., 1964, с. 26-27, табл. XIV).

стен раствором читались как красный узор на белом фоне, напоминая вышивку красной нитью по холсту.

В фасадных полукружиях закомар следует предполагать окна: вероятно, по одному в боковых и три в среднем. Какие размеры и пропорции имел и как был оформлен барабан главы, мы не знаем. Особенности гранёного 12-оконного барабана церкви Петра и Павла затрудняют решение этого вопроса для церкви Ивана Богослова по аналогии с обычными одноглавыми

храмами. Возможно, что и здесь был использован образец храма князя Ростислава.

До реставрационных исследований памятника мы не можем решать с уверенностью важнейшие вопросы его реконструкции. Поэтому многое из изложенных оценок остается условным и предположительным. Не знаем мы также, имелись ли в храме хоры, а если имелись, то какие - сводчатые или деревянные. С. П. Писарев писал, что "в верхней части храма существовали деревянные хоры между западной стеной и западными колоннами, в которых по уничтожении хор некоторое время были видны гнезда для вставки балок".¹¹⁾ Поскольку этот текст связан с описанием древних черт здания до его перестройки в XVIII в., можно думать, что и сведения о хорах были получены Писаревым из каких-то устных или письменных источников. Но все равно мы не можем утверждать, что это были древние хоры, а не сменивший их из-за ветхости деревянный настил позднего времени. Кроме того, трудно решить вопрос о входе на хоры: стены здания тонкие (1.3-1.42 м), так что внутрискладной лестницы, видимо, быть не могло (в церкви Петра и Павла вмещающая лестницу западная стена имеет толщину около 2 м, а в Борисоглебской церкви на Смядыни западная часть северной стены с целью устройства внутри её лестницы на хоры была утолщена). И. М. Хозеров считал, что хоры существовали изначально, но поднимались на них непосредственно изнутри храма по деревянной лестнице.¹²⁾

Для суждения о полах храма, его истории и гибели очень важен шурф, заложенный М. Х. Алешковским внутри церкви, с западной стороны юго-восточного столба.¹³⁾ Здесь не было кладбищенских перекопов и поэтому стратиграфия сохранилась в нетронутом виде. На материке лежала тонкая прослойка известкового раствора, очевидно связанная со строительством храма. Никаких отложений культурного слоя не было обнаружено; здание, видимо, строилось на необжитом месте. Выше лежали слои подготовки пола - глиняная подсыпка (10-12 см) и слой цемяночного раствора (3-4 см). Верх последнего находился в одном уровне с выступом основания столба (вымостки фундамента под столбом). В том же слое найдено несколько обломков поливных плиток жёлтого и серого (?) цвета, размером 19 x 19 и 13 x 7.5 см. Этот первоначальный пол храма перекрыт слоем глины, смешанной со щебёнкой (до 10 см), поверх которого отмечены явные следы пожара - тонкий слой золы и угля. После пожара был

¹¹⁾ Писарев С. П. Памятная книга..., с. 116-117.

¹²⁾ Хозеров И. М. Рукопись ИИ, с. 158-159.

¹³⁾ Алешковский М. Х. Указ. соч., с. 17-20.

Рис. 56
"Две разрушенные русские церкви"
По В. Гондиусу

сделан новый пол; следы его - тонкая горизонтальная прослойка цемяночного раствора и подстилающий её слой подсыпки из хорошо уложенного мелкого плинфяного и цемяночного щебня. Остатков самого пола не сохранилось. Выше уровня этого пола, очевидно, относящегося к XII-XIII вв., лежали слои, связанные с постепенным разрушением здания, - мелкий, а затем крупный плинфяной щебень. Ещё выше - толстый слой кладки упавшего столба (плинфы лежат вертикально, раствор растрескался) и тонкий слой штукатурки с росписью, отвалившейся от столба. Непосредственно над этими слоями залегает подсыпка пола XVIII в., слой времени ремонтов храма в XVIII в. и, наконец, современный бетонный пол с земляной подсыпкой в основании. Общая толщина напластований от материка до современного уровня пола 1.42 м.

Из этой свиты напластований ясно, что единой (как полагал С. П. Писарев) засыпки низа храма в XVIII в. не было: слои отлагались в течение восьми веков и нарастали постепенно. Важно отметить, что упавший древний юго-восточный столб лежит непосредственно под полом XVIII в.; видимо, эта катастрофа относится к довольно позднему времени. Очевидно, она произошла во второй половине XVII в., так как и на гравюре 1627 г., и на гравюре В. Гондиуса храм изображен ещё с главой (рис. 56, здание слева). Правда, в это время наверху храма угнездилась буйная растительность, т. е. кровли на церкви не было.

-122-

3

Над вопросом о внешнем облике древнего здания задумывался ещё С. П. Писарев. Он предполагал, например, что, подобно церкви Михаила архангела, храм имел "преддверия", т. е. притворы; исследователь утверждал, что при рытье могилы с южной стороны "обнаружилось существование южного преддверия".¹⁴⁾ К такого рода гипотезам склонял также сохранившийся у северо-восточного угла древний придел церкви, который "был связан со зданием храма".¹⁵⁾ Но его сломали в 1827 г. и одновременно выстроили у западной стены более обширный, новый (во имя князя Андрея Смоленского), объединенный с новой колокольной.¹⁶⁾

Начало исследованию пристроек к основному ядру храма положили упомянутые выше небольшие разведки, проведённые И. М. Хозеровым в 1924 г. У северо-восточного угла храма было вскрыто начало апсиды северного придела. Юго-восточный придел был раскопан несколько шире. На сделанном Хозеровым плане храма изображена восточная стена придела с большой полукруглой алтарной апсидой в боковыми ячейками жертвенника и дьяконника, врезанными в виде мелких полукружий в толщу стены, завершённой снаружи плоскими угловыми двухступчатыми лопатками. Исследователь подчеркнул оригинальность композиции "однонефного придела... с намёком на профезис и дьяконник". Более глубоко был вскрыт участок, примыкающий к стене храма, так что обнаружилась приложенная к храмовой полуколонне кладка западной стены придела и было изучено погребение в саркофаге у стены храма.

В 1961 г. М. Х. Алешковским были вскрыты руины северо-восточного придела. Как выяснилось, это маленький бесстолпный храмик, почти часовня, с апсидой неправильных очертаний (толщина стен 70 см), оживлённый с фасада двумя прямоугольными тягами (20 x 15 см). Придел приложен к храму с осадочным швом в 4-5 см. В центре апсиды - сложенный из плинфы престол (70 x 85 см). Алтарная преграда (толщиной 21-22 см) встроена в торцы апсиды; проём входа узкий (79 см). В северном торце имелась полукруглая ниша жертвенника. Кладка придела из той же плинфы, что и церкви, с косой подрезкой шва. Как в апсиде, так и на преграде сохранились незначительные участки грунта под роспись, но красочный слой исчез - кое-где были еле заметны следы зелёной и охристой краски. Северо-восточный угол придела оформлен широкой двухступчатой лопаткой. Около неё прослежена наружная отмостка из плинфы. На западном углу придела лопатка почему-то выложена в половину своей ширины. Западную границу придела определяют пилоны на оси храмовой пилястры. Общий размер помещения

придела

¹⁴⁾ Писарев С. П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, с. 41.

¹⁵⁾ Писарев С. П. Памятная книга..., с. 117.

¹⁶⁾ Мурзакевич Н. Н. Н. А. Мурзакевич - историк Смоленска (биография, дневник и переписка). СПб., 1877, с. 52. - Придел и колокольня 24 сентября 1943 г. были взорваны гитлеровскими оккупантами, оставившими Смоленск под ударами Советской армии (Хозеров И. М. Рукопись ИИ, с. 157). По счастью, взрыв не захватил храма.

-123-

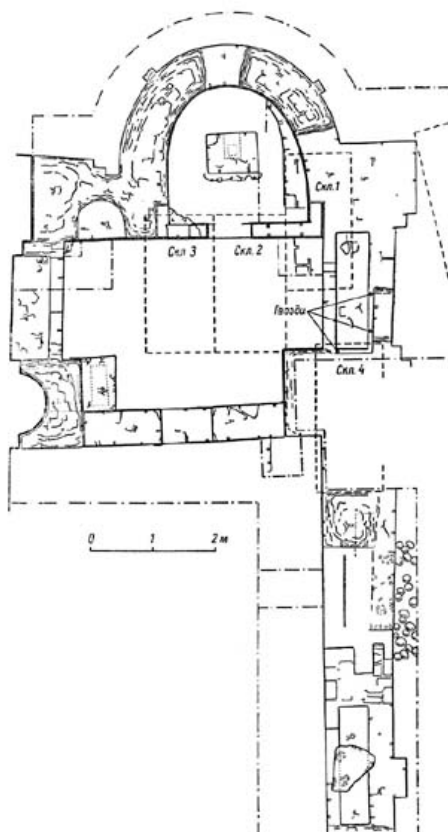

Рис. 57
Южный придел

-124-

(без апсиды) 2.1 x 5.12 м. Фундамент придела сложен из мелкого булыжника насухо в песчаном материковом грунте. У северной стены храма - ящик пристенного саркофага. Против него - выложенная из плинфы подпольная гробница. Таким образом, придел служил усыпальницей. Далее начиналась галерея. Остатки пристенного саркофага сохранились и между пилястрой и порталом храма. Судя по незначительным следам, пол здесь был из плинфы, положенной в раствор на глиняной подсыпке.

Шурф, сделанный около второй с запада пилястры южной стены, обнаружил приложенный к ней пилон; здесь тоже был пол из плинфы. Таким образом, работы 1961 г. предрешили вопрос о наличии опоясывавшей храм галереи.

Задачей наших археологических работ 1967 г. было полное вскрытие южного придела и решение вопроса о характере галереи (рис. 57).

Руины пристроенного впритык к лопатке храма южного придела прикрывала перерытая кладбищенская земля с мелкой кирпичной крошкой и множеством костей нарушенных погребений. На пространстве придела были встречены три склепа XVIII- XIX вв. из брускового кирпича. Четвёртый склеп выложен строго по линии стены галереи, в кладку которой он был врублен. Первые три склепа были разобраны. Четвёртый не разбирался, чтобы не ломать древнюю кладку стены галереи. Кирпич склепов имеет размер 26.5-28 x 13-13.5 x 7-7.5 см. Как выяснилось, И. М. Хозеров не вскрывал южной половины алтарной части придела, а представил её симметричной северной половине. Таким образом, реконструкция придела с двумя симметричными внутренними апсидами жертвенника и дьяконника была умозрительным допуском исследователя, а не фактом.

Кладка апсиды и внутрстенного полукружия жертвенника сохранилась довольно хорошо (рис. 58). На наружной поверхности апсиды уцелели остатки двух прямоугольных тяг (о чём не знал И. М. Хозеров и чего нет на плане). По центру апсида пробита ямой позднего погребения. Полукруглая ниша жертвенника глубиной 68 см не доходит до пола на 0.8 м. Снаружи (с востока) ей отвечает угловая (двухступчатая с одной стороны) лопатка. Относительно симметричной ниши дьяконника вопрос решается отрицательно. Для нее не оставалось места - апсида примыкает непосредственно к углу придела. Подобную же асимметричную планировку имел и северный придел - слева от апсиды была ниша жертвенника.

В апсиде южного придела хорошо сохранилось основание маленького (63 x 83 см) престола, сложенного из обломков локальной плинфы, с внутренним "шкафом". На стенках апсиды местами уцелели фрагменты белой штукатурки, но без следов росписи. Алтарь отделён от помещения для молящихся кирпичной преградой, встроенной (не вперевязь) в торцовые стенки апсиды. Ширина преграды 22-24 см; вход в алтарь сравнительно узкий (0.72 м). На внешней поверхности преграды сохранилась роспись, имитирующая "полилиту". Орнамент в целом обрамлён полосой красной охры с белой окантовкой. Слева, под нишей жертвенника, - красно-коричневый ромб с белой серединой и треугольниками по углам. Правее - сплошной красно-коричневый ромб на белом фоне (впрочем, первона

-125-

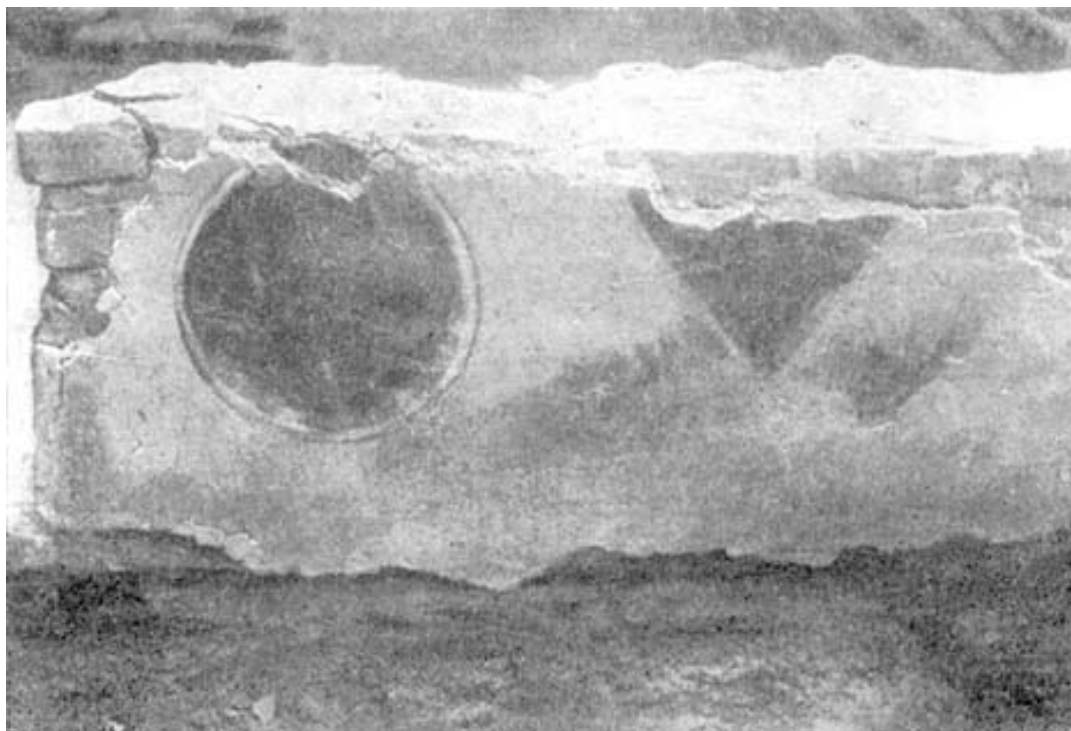

Рис. 58
Апсида южного придела

чально фон мог быть зелёным - сохранились отдельные мазки зелёной краски). Далее к югу - рамка нового раппорта: большой прографленный циркулем круг с треугольниками по углам. К югу от входа в алтарь отрезок преграды был короче, соответственно роспись была сокращённой и более мелкой: по сторонам крупного, поставленного на острие ромба, от которого уцелел нижний конец, два небольших красно-коричневых круга с треугольниками в основании (рис. 59). В целом это была, вероятно, симметричная композиция: в её верхнем углу, наверно, повторялись малые круги с треугольниками. Сохранившиеся и здесь пятна зелёной краски наводят на мысль, что фон был не белым, а зелёным. Существенно, что нижний край росписи совпадает с уровнем глиняной подсыпки под первоначальный пол и порогом алтарной преграды. Подсыпка из глины положена прямо на материковый песок; покрытие пола не сохранилось.

Западные углы придела ограничивали два мощных пилона на оси храмовой полуколонны. Между ними и алтарной частью выложены вперевязь ящики саркофагов, т. е. придел задуман сразу как усыпальница. Северный саркофаг перекрывала грубо отёсанная плита красного песчаника. Она была расколота и стояла прислоненная вертикально к стене храма. Покрытие саркофагов песчаниковыми плитами мы уже видели в аркосолиях галерей церкви Петра и Павла и Борисоглебского собора на Смядыни.

-126-

*Рис. 59
Роспись на преграде южного придела*

Ограничивающий капеллу с запада простенок приложен впритык к пилонам и не имеет фундамента. В кладке простенка толщиной 0.86 м, как и в кладке престола, много обомков лекальной плинфы; ширина дверного проёма 84-85 см. На внутренней поверхности простенка справа между проёмом входа и пилоном сохранился кусок росписи: большой белый ромб на красно-коричневом фоне.

В углу между западной стенкой придела и его северо-западным пилоном выложена из плинфы слегка возвышающаяся площадка (58 x 89 см), кладка которой примыкает к уже расписанной поверхности пилона. Раствор кладки белый, с угольками и плинфяной крошкой.

Плинфа местами обгорела и закопчена до её использования в кладке. Разборка площадки показала, что она является покрытием маленького саркофага глубиной около 65 см. От детского погребения сохранились кусочки берцовой и тазовой костей и чёрный тлен. Покрытие гробнички было сделано в уровень пола придела. Второй аркосолий, симметричный северному саркофагу у стены храма, находился в южной стене придела (рис. 60). Сохранились западная пята свода аркосолия и шесть рядов кладки его лицевой стенки. В засыпи ограбленного саркофага, в кладбищенской земле, глине и мелком кирпичном щебне, были найдены кусочки сплавившегося кровельного свинца.

Вскрытие южной стены придела показало, что его фасад чётко выделялся мощными двухступчатыми лопатками, угловой (юго-восточной) и западной (на оси полуколонны храма).

-127-

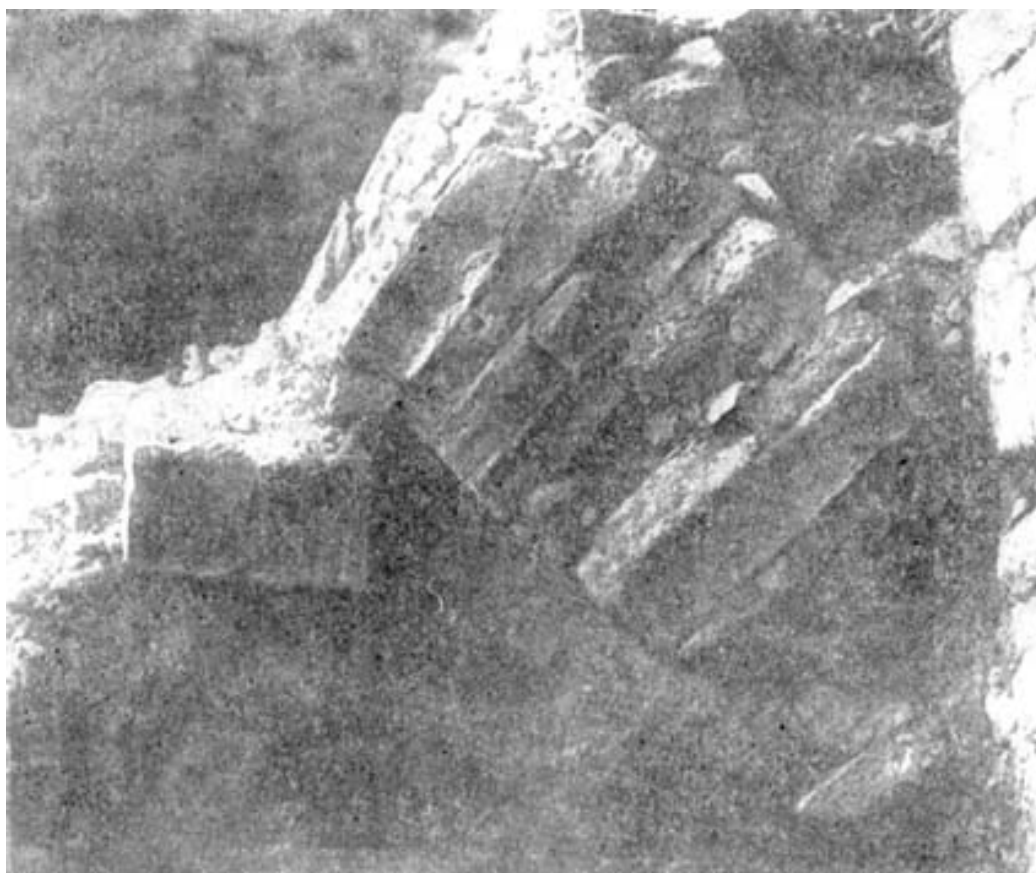

Рис. 60

Пята свода в южном приделе

Далее к западу вскрылась стена южной галереи толщиной 1.08-1.1 м, сложенная из плинфы такого же формата, как в основном здании храма. Раствор также сходен с раствором храма, но здесь он более тощий, сероватый, с большим включением наполнителя - песка, кусочков толчёного угля и кирпичной крошки.

Очень разбитый портал галереи имел простой двухступенчатый профиль. Его порог образовывала плита красного песчаника, перед которой снаружи шла булыжная отмостка. К западу от портала на оси храмовой полуколонны сохранилась плоская и узкая одноступчатая фасадная лопатка галереи шириной 63 см и выносом на 21 см. Лёгкость фасадных лопаток галереи контрастировала с её широкими внутренними лопатками и мощными храмовыми пилястрами и подчёркивала подчинённость объёма галереи.

В примыкающей к portalу с запада стене галереи уцелел полуразбитый ящик аркосолия, с обломком красной песчаниковой плиты над нарушенным и ограбленным погребением. Шурф против портала внутри галереи обнаружил в светлоспесчаном материковом слое на глубине 0.6 м от

-128-

порога грунтовое погребение, лежавшее параллельно стенке галереи. Следовательно, кроме погребений в аркосолиях, пристенных саркофагах и плинфяных подпольных гробницах, в галереях существовали и обычные грунтовые захоронения, как это было в Борисоглебском соборе на Смядыни.

Несколько западнее портала южной галереи лежал блок плинфяной кладки - единственный след руин галереи.

Участок к западу от храма был занят сложенными на цементе основаниями придела и колокольни 1827 г. Поэтому доступным вскрытию оказался лишь северный участок, к западу от раскопа 1961 г. (рис. 61). Но и здесь мы были ограничены открывшимися в самом начале препятствиями. Северо-западный угол храма имел значительные трещины, и его фундамент в XVIII в. был укреплен крупными булыжниками, обнажать которые было небезопасно. Участок против северной стены храма был занят группой - три больших сводчатых склепа из брускового кирпича, обложенных с востока и запада огромными валунами. Четвертый склеп занимал место против северо-западного угла храма. Однако, на наше счастье, пространство над предполагаемыми стенами северной галереи было доступно исследованию.

Остатки стен галереи лежали на глубине от 1.5 до 2.5 м от дневной поверхности. Лучше всего кладки сохранились западнее северо-западного угла храма. Здесь уцелели узкая фасадная лопатка и широкий внутренний пилон против угловой лопатки храма. Стена дважды нарушена поздними погребениями XVIII в. Пол галереи сделан из простой плинфы, уложенной на слое глины; толщина его 20-35 см. Он круто просел к востоку и был выровнен новым слоем подсыпной глины (как это было и на южном раскопе). Этот глиняный слой отмечен включениями угольков и золы и с поверхности обожжен докрасна. Следовательно, и здесь, как в северном приделе, храме и слое около южного портала, установлен факт какого-то охватившего здание пожара, происшедшего уже после пристройки галереи и приделов. Снаружи галереи шла наклоненная к западу отмостка из плинфы. Стена к северу сохранилась хуже: уцелела часть ящика аркосолия - его лицевая стенка. Следующий к северу аркосолий сохранил лишь своё дно и тыльную стенку, за которой также шла внешняя отмостка из плинфы. Видимо, вокруг всей галереи проходила кирпичная мостовая.

Угловая часть галереи полностью разбита, уцелел лишь аморфный по очертанию булыжный фундамент.

От западного аркосолия северной стены сохранился лишь след лицевой, полностью разрушенной стенки саркофага, а от следующего аркосолия - дно ящика и крупные, торчавшие вертикально куски прикрывавшей его песчаниковой плиты.

При зачистке глиняной подсыпки пола против описанного развала осколков надгробной плиты выявилась вторая, также расколотая плита (размером 0.11 x 0.8 x 1.94 м), уходившая наклонно под уровень глиняной подсыпки и являвшаяся крышкой сложенной из плинфы подпольной гробницы размером 0.66 x 2.04 м, глубиной 0.7 м (10 рядов кладки). Верхняя кромка гробницы лежала на 30-40 см ниже глиняной подсыпки. Против

-129-

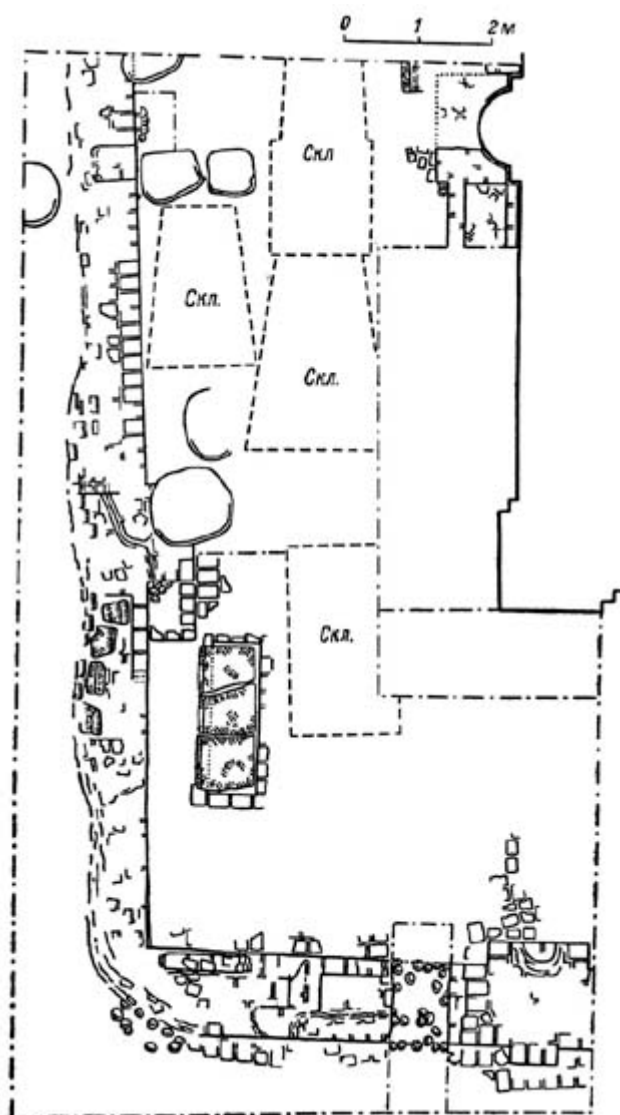

Рис. 61
Северо-западный участок галереи

-130-

угловой лопатки храма из стены галереи выступал широкий пилон. Здесь к стене галереи изнутри примыкала прямоугольная приподнятая плинфяная кладка (63 x 80 см), аналогичная подобной же площадке над детским погребением в северо-западном углу южного придела. Однако под ней не было специально выложенной гробницы, а в грунте не прослежено никаких следов костей скелета. Далее к востоку стена галереи сохранила лишь ряд внутренней лицевой кладки.

Раскрытие основания полуколонны к западу от северного портала храма установило, что и здесь, как у церкви Петра и Павла, пилон галереи примкнул к уже покрытой затиркой кладке. С запада к пилястре приставлен саркофаг шириной 96 см. В раскоп попала только его восточная часть. Рядом - обломок плиты красного песчаника, прикрывавшей гробницу. Погребение в ней было нарушено.

Фундамент галереи врезан в песчано-глинистый материк, перекрытый очень тонким слоем, включающим мелкие угольки. Выше - слой перерытого грунта (земля, глина, песок), который разделяет на уровне верхнего края фундамента тонкая известковая прослойка. Такая же

прослойка имеется с внутренней стороны основания стены, непосредственно под наклонной вымосткой плинфяного пола; поверх него снова слой перерытого (насыпного) грунта, перекрытый тонкой прослойкой известкового раствора, идущей к храму и как бы объединяющей обе части здания. Над этой прослойкой - толща перерытой кладбищенской земли.

Строительные прослойки раствора, как и следы пожара, связывающие галерею и храм, поддерживают мысль об одновременности или крайней близости времени их сооружения. О том же говорит сходное устройство фундаментов храма и галереи.

Как уже было отмечено, полы галереи выстланы плинфой. Однако в северо-восточном углу галереи найдены два фрагмента плиток ярко-жёлтого и тёмно-коричневого цвета. Они необычно малы - 7.8 x 7.4 см, на тыльных сторонах заметны остатки известкового раствора.

О том, что галереи, как и храм, были украшены стенописью, кроме остатков росписи в южном приделе, свидетельствуют найденные мелкие обломки росписи и широкошляпочные гвозди, служившие для укрепления грунта.

Прямых данных о внешнем облике приделов и галерей очень мало. Точно известен лишь характер членения фасадов. У боковых фасадов приделов на углах были широкие двухступчатые лопатки. Стены галерей имели узкие плоские лопатки и широкие, скорее всего двухступчатые, лопатки на углах. Как располагались окна и какими они были, сведений нет. Также предположительно приходится решать вопрос о покрытии пристроек. Если угловые капеллы с их мощными стенами и широкими лопатками несомненно имели сводчатое покрытие и отвечавшие ему фасадные закомары, то галереи в силу тонкости и слабости их стен, прорезанных аркосолиями, едва ли были сводчатыми. Каркас их перекрытия образовали арки, опиравшиеся на особые пилоны по осям столбов и пилястр храма. Можно предположить, что арки вверху заканчивались наклонной односкатной кладкой, по которой и шла деревянная обрешётка односкатной же кровли.

-131-

4

Фундамент основной части храма (изученный в шурфе, заложенном в южном приделе) выполнен из мелкого и среднего булыжника, уложенного в ров насухо. Он целиком врезан в светлый материковый песок, чередующийся с лентами суглинка. Ров при его отрывке осыпался, и поэтому фундамент получил трапецевидную в сечении форму, выступая на 25-30 см от линии стеной кладки. Зыбкость осыпавшегося песчаного грунта и камней кладки не позволила нам довести шурф до подошвы фундамента, которая лежит по меньшей мере на 1.2 м глубже дневного уровня XII в. Глубина фундамента и учёт мастерами свойства песчаного грунта равномерно распределять давление и не задерживать в себе влагу обеспечили долговечность и устойчивость здания. Фундамент более легкой части комплекса - галереи - выполнен в той же технике из булыжника насухо; он также трапецевиден, но заложен соответственно мельче: его глубина 0.9 м. Выступающие наружу края фундамента перекрыты отмосткой из плинфы на глине. Выше идёт нормальная стенная кладка.

Плинфа храма и галерей хорошо отформована и обожжена. Массовый промер обломков плинфы выявил её единообразие как в храме, так и в обстройках. Преобладает толщина 4 см с отклонением до 4.3-4.5 см; единичны образцы более тонкой плинфы (3.5 см). При длине 29-31 см, в общем сходной у всех образцов, ширина даёт два размера: более широкий-19-20.5 см (очень редко 21-21.4 см), более узкий - 13.5-14.5см. Сходство материала храма и галерей - одно из доказательств одновременности их возведения. Любопытно, что саркофаги южного придела сложены из того же материала, т. е. обстройки были задуманы как усыпальницы и сооружались сразу с саркофагами. Особенность плинфы - малое количество бортовых знаков по сравнению с их обилием в церкви Петра и Павла.

Интересны единичные обломки фигурной плинфы: трапецевидной с выгнутой большей

стороной, шириной 14 см, радиусом 15,8 см; треугольной с выгнутой линией основания.¹⁷⁾

В кладку вводились голосники двух видов (как и на других памятниках Смоленска): привозные красноглиняные двуручные амфоры с толстыми стенками и горизонтальным рифлением; узкогорлые кувшины местного производства, более низкого технического качества. Тесто последних коричнево-серое с примесью дресвы, с внутренней стороны - следы техники ленточного налёпа, поверхность обварная, пятнистая.¹⁸⁾

В местах, требующих особой прочности материала, применялся красный песчаник. Его плитами вымощены входы в порталы храма и галереи, ступени перед северным порталом. Из песчаника же сделаны блоки для железных подставов порталных дверей, вмурованные в плинфяную

¹⁷⁾ Выпадают из общего единства размеров плинфы детской гробнички и отместки над ней в северо-западном углу южного придела, появившихся уже после росписи придела: 3.5-4 x 20 x 28 см. Плинфа здесь - бывшая в употреблении, со следами копоти, видимо, от пожара.

¹⁸⁾ Упоминание о голосниках в стенах Богословской церкви см.: Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864, с. 221.

-132-

кладку. Размер блоков северного портала 15 x 18 x 50 см. В них ближе к косяку портала сохранились глубокие выемки.

Блоки поставлены на 45 см выше порога, а сам подстав выше на 53 см.¹⁹⁾ Подобный же блок подстава обнаружен в портале южной галереи. Здесь порог проёма был деревянным; сохранилось полуразрушенное гнездо для квадратного (32 x 32 см) бруса.

Для настила полов храма использовались майоликовые плитки. Отметим, что плиток обычного формата (10 x 11 см) не встречено, зато внутри храма найдены крупноформатные плитки (19 x 19 см) и плитка странного формата (7.5 x 13 см), в северо-восточном углу галереи - упомянутые выше маленькие плитки.

Известковый раствор кладки храма розовато-белый, жирный, с примесью кирпичной крошки и песка. Раствор стен галерей несколько отличен, он менее жирен - в нём больше заполнителя: песка, кирпичной и угольной крошки, придающей раствору сероватый цвет. Шов раствора равен или несколько меньше толщины плинфы и имеет косую подрезку.

Кладка велась с лесов, закреплявшихся на квадратных пальцах-брусках, заводившихся в кладку и оставивших сквозные каналы в стенах, как это мы видели в бесстолпном храме детинца и церкви Петра и Павла. Внешняя поверхность стен храма, галереи и приделов была покрыта тонким слоем известковой обмазки, остатки которой сохранились в натуре. Своды покрывались листами свинца.

5

В литературе привилось мнение, что церковь Ивана Богослова, созданная князем Романом Ростиславичем, была его дворцовым храмом.

Для определения роли и назначения церкви Ивана Богослова очень важно открытие под мостовой Краснофлотской (бывш. Богословской) улицы к северо-востоку от храма какой-то древней, сложенной из плинфы постройки. Её остатки наблюдал ещё С. П. Писарев: "Следы этого здания видны были на Богословской улице (до проложения здесь в 1892 г. мостовой) несколько восточнее церковного здания"; автор считал, что это остатки каменных ворот или колокольни.²⁰⁾ Те же руины были вскрыты в 1909 г. при прокладке водопровода по южному краю Богословской улицы, несколько северо-восточнее храма Ивана Богослова. Они лежали на глубине 1.42 м от дневной поверхности. Это была толстая стена из плинфы "синего цвета" (железняк?) со знаками. В культурном слое найдены "черепки от урн" (вероятно, амфор-

голосников), относящихся скорее всего не к этой стене, а к одному из смежных храмов.²¹⁾

¹⁹⁾ *Алешковский М. Х.* Указ. соч., с. 11-12.

²⁰⁾ *Писарев С. П.* Памятная книга..., с. 117.

²¹⁾ Археологические находки. - СВ, 1909, № 159; К археологическим находкам. - Там же, № 161 (перепечатано: ИАК, 1910, прибавление к вып. 34, с. 131). - М. К. Каргер ошибочно отнёс эти сведения к ротонде (*Каргер М. К.* Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, с. 53).

-133-

В третий раз руины наблюдал в июле 1951 г. И. Д. Белогорцев. Они снова открылись "при прорывке канавы для укладки кабеля. Плинфы расположены наклонно, вероятно, в результате единовременного падения стены на протяжении 18 м вдоль мостовой Краснофлотской улицы. Западное окончание кладки из плинф находится в створе с восточным углом Богословской церкви".²²⁾ Судя по размерам, руины не могли принадлежать воротам или колокольне (для XII в. отдельно стоящих колоколен мы вообще не знаем). Возможно, что это стена загородного двора князя Романа, о котором писали смоленские историки. К такому предположению склоняет и изображение комплекса зданий около Богословской церкви на панораме Смоленска 1627 г.²³⁾ Здесь на переднем плане слева изображена сама церковь Ивана Богослова, далее спереди - несколько фрагментов каменных построек, выше и справа - здание ротонды (о ней см. ниже, с. 140), ещё выше, на склоне горы, - какое-то разрушенное здание (может быть, это и есть княжеские палаты?).

Определение церкви Ивана Богослова как придворного княжеского храма Романа Ростиславича подтверждается и наблюдениями, сделанными во время раскопок 1924 и 1967 гг. И. М. Хозеров, вскрывший погребение в пристенном саркофаге южного придела, нашёл захоронение богато одетой женщины: сохранились остатки низанного жемчугом золототканого пояса, ворота ("шейного позументного украшения") и шелковой ткани платья.²⁴⁾ Видимо, подобное же богатое погребение было в разрушенном и ограбленном аркосолии северной стены северной галереи. При расчистке обломков расколотой песчаниковой плиты здесь найдены ничтожные остатки золототканой парчовой одежды и обломок миниатюрной треугольной нашивной бляшки из тонкого листового золота. Саркофаги южного придела, как и все другие обследованные нами гробницы, были перекрыты не плинфяной кладкой на растворе, а дорогими, превосходно тёсанными плитами крупнозернистого фиолетово-розового песчаника. О богатстве погребённых в пристенных саркофагах свидетельствует возложение на гробницу покрыва из дорогой импортной ткани, на что указывают сохранившиеся на тыльных стенках аркосолиев южного придела в уровне каменной плиты ряды широкошляпочных железных гвоздей, которыми прибивалась эта ткань. В более поздних храмах мы не раз увидим имитацию росписью подобных драгоценных покрывов.

Теперь, после изучения самого памятника, можно обратиться к вопросу об уточнении его даты. В концовке летописного некролога князя Романа Ростиславича, умершего в 1180 г., сообщается, что он "манастыри набдя и созда церковь камену святого Иоана, и украсив ю всяким строеньем церковным, и иконы златом и хиниптом украшены, память здевая роду своему, паче же и души своей оставление грехов прося".²⁵⁾ Князь Роман занимал смоленский стол с 1160 по 1180 г. с небольшим перерывом (1174-1177). Понимание архитектурного сооружения как памятника

²²⁾ Сведения И. Д. Белогорцева.

²³⁾ *Писарев С. П.* Княжеская местность..., с. 170.

²⁴⁾ *Хозеров И. М.* 1) Археологическое изучение..., с. 20-21; 2) Рукопись ИИ, с. 161.

²⁵⁾ ПСРЛ, II, 617.

строителю и его роду очень характерно для инициаторов храмовоздательства XII в. Последняя фраза некролога, что поводом для постройки храма была, в частности, забота Романа об устройении души, заставляла приближать сооружение церкви к концу жизни князя, "около 1180 г.",²⁶⁾ хотя это отнюдь не обязательно. И. М. Хозеров датировал памятник 1173 г., основываясь на данных ныне не существующей, но доступной тогда клировой ведомости храма, которая, конечно, является серьёзным источником.²⁷⁾ Таким образом, попытки смоленских историков уточнить дату памятника имели под собой определённые основания. Другие исследователи (Н. Н. Щекотихин, М. К. Каргер) предпочли определять время здания широкими рамками княжения Романа - двадцатилетием, 1160-1180 гг.²⁸⁾

Ряд исследователей справедливо отмечал большую близость архитектуры храмов Петра и Павла и Ивана Богослова. Действительно, это почти двойники. Их размеры очень близки. Разрушение сводов здания не позволяет определить его высоту, но, по наблюдениям И. М. Хозерова, храм был несколько вытянут вверх.²⁹⁾ Во всяком случае, его более узкие и длинные, чем в церкви Петра и Павла, "щелевидные" окна свидетельствуют об интересе строителя и мастеров к некоторой высотности храма: широкие амбразуры окон церкви Петра и Павла подчёркивают мощь и статику здания, здесь же их узкие и высокие ниши акцентируют его высоту. То же можно сказать и о композиции восточного фасада, где зодчие отказались от горизонтали слепой аркады и сделали два яруса таких же высоких и стройных окон. Таковы показатели несомненной эволюции вкусов и приёмов. Во всём остальном храм князя Романа идентичен Петропавловскому: те же мощные полуколонны у членящих фасады лопаток и тонкие тяги на апсидах, тот же приём убора угловой лопатки выложенным из плинфы выпуклым крестом, тот же технический способ устройства лесов на заложенных в стены брусках, то же; внимательное отношение к прочности фундамента, который запущен также глубоко, но сложен уже из некропного булыжника насухо. По-видимому, мы видим руку тех же мастеров, которые строили у Ростислава. Их искусство продвинулось вперед, но не настолько, чтобы свидетельствовать о большом хронологическом разрыве между обеими постройками. Общие стилистические новшества храма Ивана Богослова перекликаются с подобными явлениями, например, во владимирском зодчестве, идущем от сурового стиля времени Юрия Долгорукова к художественным исканиям мастеров эпохи Андрея Боголюбского.³⁰⁾ Эти процессы в Смоленске и на северо-востоке Руси синхронны.

Вопроса об одновременности галерей постройке самого храма можно было бы не ставить, так как его предрешают изложенные выше данные. Однако И. М. Хозеров считал, что приделы (о существовании галерей он не подозревал), пристроенные к угловым лопаткам храма не впер-

²⁶⁾ Писарев С. П.: 1) Княжеская местность..., с. 15; 2) Памятная книга..., с. 116-117.

²⁷⁾ Хозеров И. М. Рукопись ИИ, с. 157.

²⁸⁾ Шчакаціхін М. М. Нарысы..., с. 98; Каргер М. К. Указ. соч., с. 49, 76.

²⁹⁾ Хозеров И. М. Рукопись ИИ, с. 158.

³⁰⁾ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV веков. Т. 1. М., 1961, с. 304-306.

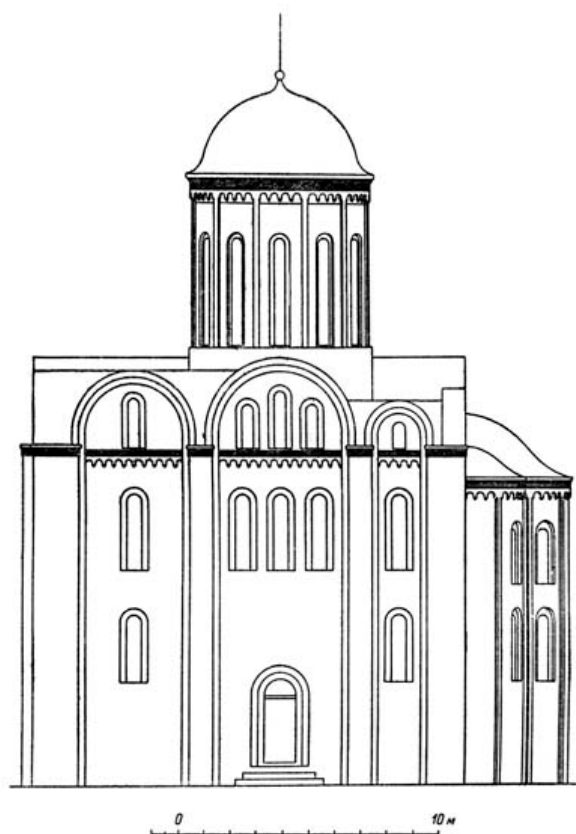

Рис. 62

Церковь Ивана Богослова. Южный фасад основного объема храма. Реконструкция

-136-

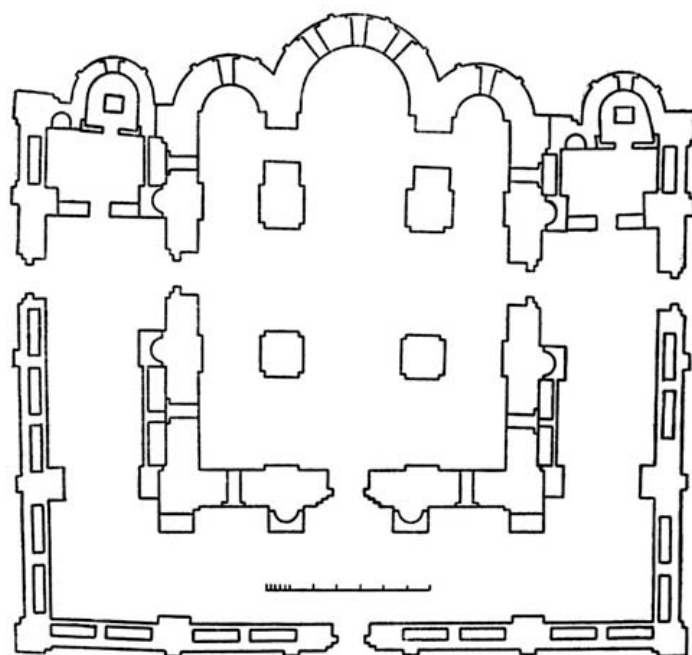

Рис. 63

Церковь Ивана Богослова. Реконструкция плана

вязь, а впритык, являются более поздними сооружениями: он датировал их концом XII - началом XIII в. ³¹⁾ Однако строительство более лёгких частей здания с осадочным швом - обычный приём древнерусских зодчих, прекрасно понимавших, что перевязь при неравномерной осадке грозит трещинами и разрушением кладки. Примеров этому можно привести много. Важно тождество строительных материалов храма и обстроек и их конструктивно-технических приёмов. Очень важны показания стратиграфии: наличие прослоек строительного раствора, связывающих стены храма и галерей и подтверждающих их синхронность или, во всяком случае, близость по времени возведения. Существенно и то, что членение фасадов обстроек точно согласовано с членениями основного объёма храма. Углы приделов оформлены, как и углы храма, широкими двухступчатыми лопатками, их апсиды также оживлены плоскими тягами, а промежуточные лопатки (по осям храма) сделаны узкими одноступчатыми.

³¹⁾ *Хозеров И. М. Археологическое изучение..., с. 20-21.*

-137-

*Рис. 64
Церковь Ивана Богослова. Реконструкция*

Косяки порталов и амбразуры окон тоже двухступчатые. Но если галерея и приделы в более ранней церкви Петра и Павла окружали храм постепенно с течением времени и не согласованы между собой (южный придел не вторит бедному решению северной пристройки с одной внутрискладной апсидой; плохо увязана с северной западная часть галереи), то здесь комплекс храма, восточных приделов и трёхсторонней галереи-усыпальницы задуман и осуществлён как единое целое. Храм Ивана Богослова, как можно судить по его реконструкции (рис. 62-64), был существенным звеном в развитии смоленского зодчества. В нём откристаллизовался тип храма с галереями и восточными приделами, хорошо продуманный как в отношении классической композиции плана, так и в построении его объёма. Возможно, что увеличение высотности храма и стройность его окон были продиктованы учётом яруса галерей и желанием сохранить значимость основного объёма. Этот тип храма сыграл крупную роль в творчестве смоленских зодчих.

-138-

Памятник прожил долгую жизнь, пройдя невредимым все невзгоды, выпавшие на долю многострадального Смоленска. Выше мы определили, что окончательное разрушение здания приходится на вторую половину XVII в. В руки "реставраторов" XVIII в. храм попал без столбов, сводов и главы. Южный придел и галереи, видимо, исчезли ещё раньше. Существенно, что под разобранными на участке южного придела поздними склепами, которые прикрыли нижележащие слои и предохранили от разрушения древние архитектурные остатки, был обнаружен толстый слой древнего известкового раствора, куски которого сохранили отпечатки плинфы, - это след работы тех смолян, которые разбирали на материал и хозяйственные нужды руины придела и очищали на месте выбранную плинфу от раствора. Большой нарост слоя, отложившегося внутри здания, потребовал повышения и окружающей его площадки, а для чего, видимо, и был скрыт смежный откос городской горы, о чём сообщал С. П. Писарев. Что слой вокруг храма вырос в это позднее время, свидетельствуют отсутствие в нём каких-либо следов ранних захоронений и находки в слое и засыпи могил монет XVIII-XIX вв.

-139-

Немецкая божница

1

Ещё в XIX вв. в Смоленске помнили о том, что к западу от церкви Ивана Богослова существовала какая-то древняя постройка.¹⁾ С П. Писарев высказал предположение, что это могло быть "училище славяно-греко-латинское, основанное Романом Ростиславичем, на которое он тратил свои княжеские средства".²⁾ Хотя Писарев и не указал, что послужило основанием для его предположения, об этом нетрудно догадаться - это сведения, приводимые В. Н. Татищевым.³⁾ Со ссылкой или без ссылки на Писарева утверждение о наличии при церкви Ивана Богослова школы, основанной князем Романом Ростиславичем, утвердилось в научной литературе.⁴⁾

В 1909 г. при прокладке водопровода близ церкви Ивана Богослова были обнаружены остатки древнерусской кирпичной постройки, и в газетных информациях сейчас же всплыли предположения о школе князя Романа.⁵⁾

Через 40 лет, в 1950 г., остатки древнего здания были впервые раскопаны и обмерены И. Д. Белогорцевым. При этом выяснилось, что здание имело совершенно необычную для древнерусской архитектуры форму - это была круглая постройка - ротонда - со столбами внутри. С юго-восточной стороны в стене ротонды отмечены два разрыва, принятые Белогорцевым за входы. Расположение входов не с запада, а с юго-востока окончательно убедило его в том, что раскопанная постройка не могла быть церковью, а являлась той "школой", о которой писали исследователи XIX вв. Начав с предположения, "что эта постройка была первым в Смоленске школьным зданием", Белогорцев далее уже прямо называет её "академической школой", оговаривая, впрочем, что "здание школы одновременно могло служить и княжеской гридницей (приёмным залом), и таможней (местом сбора пошлины)".⁶⁾

Поразительно своеобразный план раскопанной постройки привлёк к ней всеобщее внимание историков архитектуры и археологов. В 1955-1956 гг. П. Д. Барановский продолжил раскопки здания и составил проект постройки над руинами специального защитного павильона.⁷⁾ Проект этот, однако, не осуществили, и остатки здания были засыпаны.

¹⁾ Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864, с. 222.

²⁾ Писарев С. П. Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898, с. 117.

³⁾ Князь Роман Ростиславич "к учению молодых людей понуждал, устроив на то училища, и учителей греков и латинистов своею казною содержал" (Татищев В. Н. История Российская. Т. 3. М.-Л., 1964, с. 123).

⁴⁾ См., например: Редков Н. Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом. - СС, 1909, вып. I, ч. 1, с. 26 (прим. 3), 37.

⁵⁾ ИАК, 1910, прибавление к вып. 34, с. 131.

⁶⁾ Белогорцев И. Д. Новые исследования древнесмоленского зодчества. - В кн.: Материалы по изучению Смоленской области. Вып. I. Смоленск, 1952, с. 106.

⁷⁾ Каргер М. К. Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, с. 53.

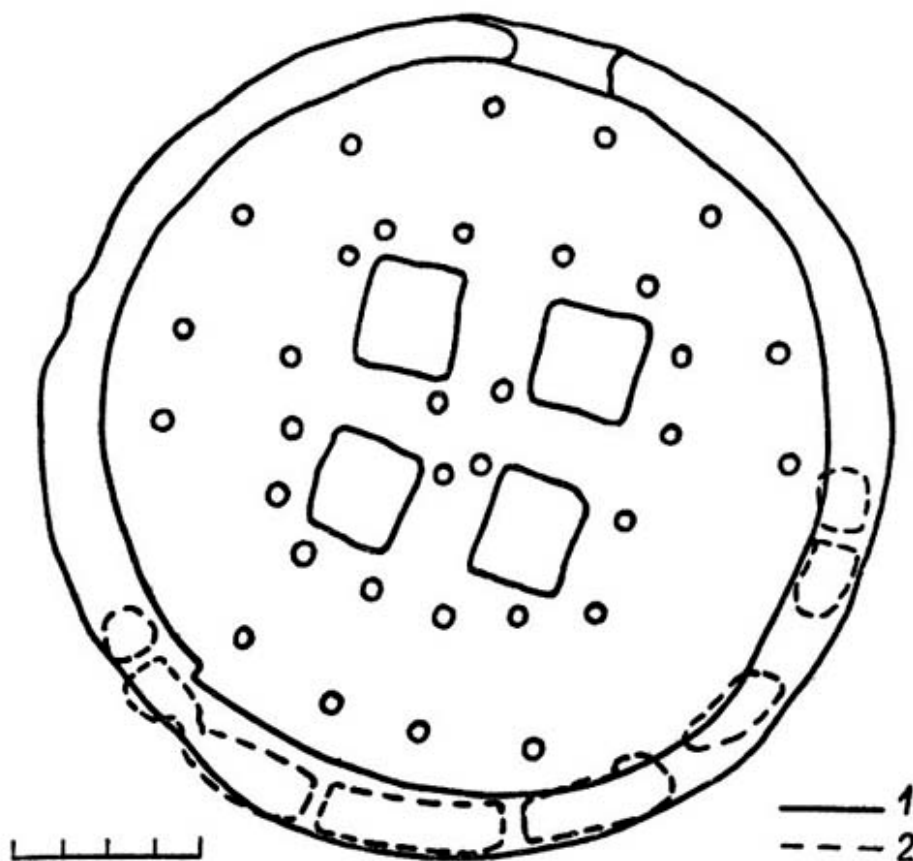

Рис. 65

Ротонда. План. По Д. А. Авдусину

1 - уровень основания стен; 2 - уровень проемов

В 1958 г. здание вновь, на этот раз уже полностью, вскрыла археологическая экспедиция под руководством Д. А. Авдусина (рис. 65, 66).⁸⁾ При этом если раскопки И. Д. Белогорцева носили дилетантский характер, то новые раскопки были проведены уже на высоком профессиональном уровне.⁹⁾

Ротонда расположена приблизительно в 30 м к западу от церкви Ивана Богослова; её внутренний диаметр 15,7 м, а внешний 18,1 м. Наружная поверхность кирпичных стен почти всюду нарушена, и поэтому не исключена возможность, что в действительности внешний диаметр здания мог быть на несколько сантиметров больше. Внутри постройки довольно тесно расставлены четыре массивных прямоугольных столба.

Постройка расположена на опускающемся в сторону Днепра, с юга на север, склоне; перед началом строительства склон был несколько подрезан и выровнен. Однако и после этого разница между северным и южным краями площадки достигала по высоте 160 см. Фундаментные рвы отрыты в материковой глине. Они неглубокие - от 40 см в северной части здания до 73 см в западной, где рвы наиболее глубоки. Глубина фундаментов столбов 40-60 см.

⁸⁾ Авдусин Д. А. Смоленская ротонда. - В кн.: Историко-археологический сборник в честь 60-летия А. В. Арциховского. М., 1962, с. 243.

⁹⁾ Приводимое ниже описание памятника составлено целиком на основании работы Д. А. Авдусина "Смоленская ротонда".

*Рис. 66
Общий вид с юга*

Фундаменты сложены из мелких и средних булыжников и крупной гальки; размеры камней от 5 до 40 см. Кладка выполнена без известкового раствора, но в промежутках между камнями часто встречается глина, что, по-видимому, свидетельствует о кладке на глиняном растворе. Над фундаментом расположено несколько рядов кирпичной кладки, имеющей ширину, равную ширине фундамента. Нижний ряд этой кладки состоит из обломков кирпичей, заполняющих неровности между камнями, а выше она имеет более регулярный характер. Над третьим или четвертым рядом кирпичей расположен уступ, выше которого кладка делается с каждой стороны уже на 1/2 ширины кирпича, т. е. примерно на 10 см. Таким образом, несколько рядов кирпичей, лежащих поверх фундамента, образуют как бы цоколь или, вернее, вымостку. Высота уступа различная, ибо в северной части постройки для выравнивания уклона размещены дополнительные, выклинивающиеся к югу ряды кирпичей. Однако этот приём не полностью компенсирует уклон почвы и разница в расположении уступа в южной и северной частях постройки составляет все же около 90 см. В кладке столбов уступа над фундаментом нет. В северной части постройки для выравнивания почвы внутри здания была сделана утрамбованная глиняная подсыпка, имеющая толщину у северной стены до 1.1 м.

Уровень древней поверхности земли не удалось установить. Однако, судя по данным, полученным при изучении других смоленских построек XII вв., уступ кирпичной кладки, т. е. верх вымостки, должен был быть расположен примерно на уровне древней поверхности. Следовательно, ряды кирпичной кладки, расположенные ниже уступа, представляли собой верхнюю часть фундамента, а не выступающий над землей цоколь. Вне здания с юга, приблизительно на уровне кирпичного уступа, лежали крупные валуны, тоже, видимо, отмечавшие собой уровень древней поверхности.

-142-

Здание построено целиком из кирпича, в обычной порядовой технике. Там, где сохранились незначительные участки ненарушенных поверхностей стен, видно, что обработка этих поверхностей была довольно небрежной, с затёками раствора.

Все использованные в строительстве кирпичи хорошего обжига. Размер кирпичей приблизительно 4 x 20 x 29 см, с незначительными отклонениями. Так, толщина их колебалась от 3.2 до 4.5 см. Знаки на торцах кирпичей встречаются редко, клейм на поверхности нет совсем.¹⁰⁾ Раствор в кладке известковый, с примесью песка, кирпичной крошки, золы и угольков. Изредка в растворе попадаются куски пережжённых костей. Толщина горизонтальных швов раствора от 2.5 до 5.5 см, чаще всего 3 см.

Стены ротонды сохранились на некоторых участках (например, в южной части здания) на высоту до 1.6 м от кирпичного уступа. Они сильно разрушены; их лицевая поверхность почти полностью отсутствует. Толщина стен в восточной части здания 1.18 м, а включая уступ у фундамента - 1.4 м, в западной части - 1.35 м; уступ здесь не прослеживался. На остальных участках толщина стен несколько меньше - около 1.08 м.

Столбы имеют стороны 2.1-2.5 м, а расстояния между столбами - от 1.55 до 1.85 м. Расположены столбы не вполне точно: поверхности их не совсем параллельны друг другу. Кладка столбов сохранилась на высоту до 2.5 м от фундамента.

В южной части стен ротонды удалось отметить наличие трёх окон шириной 20-22 см (рис. 67). Среднее окно расположено на оси симметрии здания, а боковые примерно на равном расстоянии от него в обе стороны. Низ окон начинается в 13-м ряду кирпичной кладки, считая от уступа над фундаментом. В восточной части постройки, также на оси симметрии здания, обнаружено ещё одно такое же окно. Его низ расположен в 13-м ряду кирпичной кладки, но тем не менее несколько ниже, чем южные окна. Возможно, что это свидетельствует о наличии в кладке стен ротонды выравнивающих рядов.

На некоторых участках стены сохранились на значительно меньшую высоту. В юго-восточной части в стене отмечены два пролома, которые И. Д. Белогорцев считал входными проёмами. Как выяснилось, более южный (меньший по ширине) из этих проёмов в действительности оказался проломом, связанным с могильной ямой позднего захоронения. Довольно значительный пролом, опускающийся вниз до самого фундамента, имеется и в северной части постройки, точно на оси здания.

Внутри ротонды были обнаружены 33 ямы от некогда стоявших здесь деревянных столбов; из них 13 расположено вдоль наружных стен, 16 - вокруг внутренних столбов и четыре - в пространстве между столбами (рис. 68). Диаметр деревянных столбов большей частью около 40 см, глубина ям в материке 75-80 см. Часто ямы имели больший диаметр, чем столбы, которые в них стояли (диаметр ям доходит до 60 см), и пространство между столбами и стенками ямы забивалось глиной. В заполнении ям найдено много угля, древесная труха, сосновая и березовая

¹⁰⁾ Впрочем, по сведениям И. Д. Белогорцева, знаков на кирпичах было довольно много, встречались также и клейма.

*Рис. 67
Окно в южной части ротонды*

кора, кусочки плинфы, а на дне - немного извести. В большинстве ям, особенно в ямах внутреннего круга, расположенных вблизи столбов, обнаружены железные кованые гвозди - обычно по два-четыре гвоздя в каждой яме, но в отдельных случаях до 17 гвоздей.

Руины ротонды лежали под слоем земли, смешанной со строительным мусором - известью и обломками кирпичей, как древних, так и новых. Этот слой был весь перемешан и пронизан могилами в основном XIX вв. Кроме рядовых захоронений в деревянных гробах, отмечено наличие кирпичных склепов, сильно нарушивших столбы древнего здания.

Плохая сохранность памятника не позволяет достаточно уверенно судить о его верхних частях. Д. А. Авдусин считал, что ротонда имела плоское перекрытие. Но это совершенно неправдоподобно: наличие четырёх мощных внутренних столбов бесспорно свидетельствует о том, что здание было перекрыто сводами. Более того, размер столбов заставляет думать, что центральная часть здания имела не один, а по крайней мере два этажа.

Со сводчатым перекрытием, очевидно, связаны и ямы от деревянных столбов, отмеченные при раскопках внутри ротонды. Авдусин писал, что концы столбов были искусственно обожжены с целью предохранить их от гниения и, следовательно, столбы были рассчитаны на длительное использование. В связи с этим он называл их стояками для крепления деревянного пола. Такой приём в русской архитектуре совершенно неизвестен, ибо деревянные полы в древнерусских зданиях клали только на

-144-

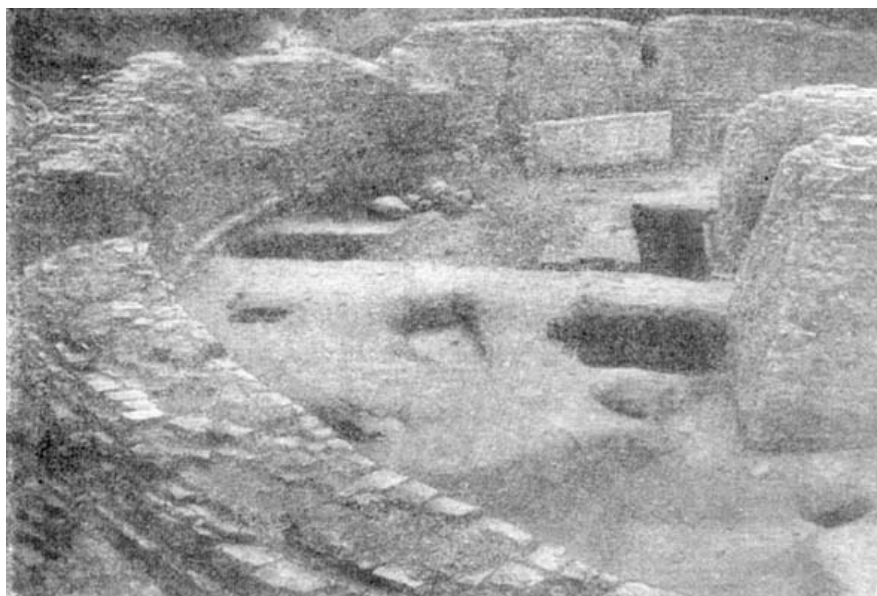

Рис. 68
Внутреннее пространство ротонды

лагах, а не на стояках.¹¹⁾ Гораздо правдоподобнее, что столбы служили опорами для деревянных кружал в процессе возведения перекрывавших ротонду сводов. При этом почти все ямы располагались попарно, т. е. именно так, чтобы поддерживать кружала кольцевого свода, обходившего вокруг центральных столбов. После окончания строительства столбы были уничтожены (быть может, частично выжжены) и весь образовавшийся в процессе строительства мусор заполнил ямы, оставшиеся от столбов. Так попали в эти ямы и железные гвозди, которыми сбивались кружала. Позднее сверху ям, безусловно, был настлан пол.

Вопрос датировки ротонды в общих чертах ясен и не вызывает сомнений. По строительной технике это здание полностью совпадает с остальными смоленскими постройками второй половины XII вв.

Каким же могло быть назначение смоленской ротонды? Конечно, наивные рассуждения об "академической школе" князя Романа не должны приниматься всерьёз. Все эти предположения целиком основаны на домыслах С. П. Писарева, восходящих к очень вольному толкованию текста В. Н. Татищева. Ведь Татищев писал лишь об устройстве училищ, ни

¹¹⁾ *Раннопорт П. А.* Древнерусское жилище. - САИ, 1975, Е1-32, с. 129.

-145-

слова не упомянув о постройке для них специальных зданий, а тем более о расположении одного из этих зданий близ церкви Ивана Богослова. Видимо, сам Писарев предположил, что училище должно было быть расположено близ церкви Ивана Богослова - покровителя просвещения. К этому можно добавить, что указанный текст Татищева был в своё время очень убедительно проанализирован историком русской церкви Е. Голубинским и совершенно справедливо признан им не заслуживающим доверия.¹²⁾

Для И. Д. Белогорцева одним из важнейших аргументов в пользу светского, а не церковного назначения ротонды было наличие входа с восточной стороны. Раскопки Д. А. Авдусина показали, что дверного проёма с востока в здании не было, и, следовательно, этот аргумент Белогорцева оказался ошибочным. Тем не менее отсутствие апсиды и тесное расположение внутренних столбов заставили Авдусина также отвергнуть культовое назначение постройки. Он высказал предположение, что это было оборонительное сооружение, хотя тут же добавил, что "трудно сказать, какую оно играло роль в общей системе обороны Смоленска".¹³⁾ М. К. Каргер ограничился фразой, что "догадка Д. А. Авдусина... вполне правдоподобна".¹⁴⁾

Между тем имеются очень серьёзные аргументы против того, чтобы признать смоленскую ротонду оборонительным сооружением. Прежде всего монументальные каменные оборонительные башни появились на Руси только во второй половине XIII вв., т. е. примерно на сто лет позже постройки смоленской ротонды.¹⁵⁾ Также в основном в XIII вв. получили такие башни распространение и в соседних с Русью странах.¹⁶⁾ Кроме того, нигде - ни на Руси, ни в остальных странах Европы - не известны боевые башни с тесно поставленными внутри столбами. Наконец, если бы это была оборонительная башня, её несомненно поставили бы либо на плоскости берега Днепра, либо на вершине холмистой гряды, но никак не на середине между этими точками, у основания горы, т. е. в самых невыгодных для обороны условиях.

Итак, очевидно, что смоленская ротонда не являлась оборонительным сооружением. Что же приводило исследователей к утверждению, будто эта постройка не могла быть церковью? Прежде всего, необычность её плана. Однако церкви-ротонды хорошо известны на северо-западе Европы. Это круглые церкви, получившие в XII вв., и особенно в его второй половине, широкое распространение в Северной Европе.¹⁷⁾ Такие церкви имеют несколько разновидностей - без внутренних столбов, с одним столбом или

¹²⁾ *Голубинский Е.* История русской церкви. Т. 1. М., 1901, с. 875.

¹³⁾ *Авдусин Д. А.* Указ. соч., с. 253.

¹⁴⁾ *Каргер М. К.* Указ. соч., с. 58.

¹⁵⁾ *Раннопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X-XIV вв. Л., 1967, с. 141.

¹⁶⁾ Там же, с. 205.

¹⁷⁾ *Seesselberg Fr.* Die frueh-mittelalterliche Kunst der germanischen Voelker. Berlin, 1897 (альбом к этой работе см.: *Seesselberg Fr.* Die skandinavische Baukunst der ersten nordisch-christlichen Jahrhunderte. Berlin, 1897); *Lorenzen V.* Eglises a plan rayonnant en Danemark. - In: *Revue de l'art chretien.* Lille, 1907, p. 151; *Frolen H. F.* Nordens befasta rundkyrkor. I. Stockholm, 1911.

с несколькими столбами. Довольно часто встречаются церкви с четырьмя столбами.

Этот вариант в XII вв. был особенно характерен для Дании, хотя известны такие церкви и в Швеции, и в Северной Германии. В г. Висби на о-ве Готланд церковь с четырьмя столбами имеет не круглую, а восьмиугольную форму.¹⁸⁾ Большинство это сельские церкви, хотя встречаются среди них и замковые капеллы. Все они были двух- или даже трёхэтажными и обычно приспособленными к обороне. Наибольший внутренний диаметр подобных церквей 22 м, наименьший - около 8 м; чаще всего встречаются церкви с внутренним диаметром около 11 м или немного больше. Эти североευропейские ротонды очень существенно отличаются от ротонд, распространённых в XII вв. в Центральной Европе.

Во многих случаях североευропейские ротонды по схеме своего плана очень близки смоленской. Единственное, хотя и очень важное, отличие всех подобных церквей от смоленской ротонды в том, что они имеют апсиду. Правда, в очень редких случаях известны круглые церкви без апсиды. Однако даже и в этих редких примерах археологические раскопки иногда дают основание утверждать, что апсида здесь некогда существовала, но позднее была уничтожена.¹⁹⁾

За исключением апсиды, план смоленской ротонды почти точно совпадает с планами многих североευропейских круглых церквей. В качестве примера можно привести часовню в замке Сёборг (Дания), построенную в 60-х гг. XII вв.²⁰⁾ В отдельных случаях сходство настолько велико, что можно говорить о почти полном совпадении планов, включая даже размеры помещения и расстановку столбов. Такова, например, церковь в Хагби в Юго-Восточной Швеции, относящаяся к концу XII вв. (рис. 69).²¹⁾

Конечно, абсолютного тождества планов (даже не учитывая отсутствие апсид) нет нигде, но следует учесть также очень плохую сохранность смоленской ротонды, не позволяющую достаточно детально реконструировать её план. Так, при раскопках И. Д. Белогорцева на наружной стене ротонды было обнаружено основание лопатки толщиной и шириной в один кирпич. В раскопках Д. А. Авдусина эта деталь уже отсутствовала.²²⁾

¹⁸⁾ *Seesselberg Fr.* Die frueh-mittelalterliche Kunst..., S. 81.

¹⁹⁾ Такова, например, круглая церковь с четырьмя столбами, расположенная в Шламерсдорфе близ Любека (*Frolen H. F.* Op. cit., s. 15). Естественно возникает вопрос, не могла ли и смоленская ротонда первоначально иметь апсиду. Если апсида была давно разрушена и разобрана вместе с фундаментом, её следы можно было не заметить при раскопках, учитывая нарушенность грунта поздними могилами, а также траншею, проведённую вокруг здания при раскопках И. Д. Белогорцева и П. Д. Барановского. Однако с восточной стороны апсиды быть не могло, так как здесь, как раз на оси симметрии, находятся остатки узкого окна. Проём шириной около 2 м, который мог служить проходом из основного помещения в апсиду, расположен не в восточной, а в северной части здания. Напротив этого проёма в стене размещён не вход, а окно. Но в ряде круглых скандинавских церквей на оси здания напротив апсиды тоже расположено окно, тогда как вход помещён сбоку (см., например: *Schultz C. G.* En rundkirke i Roskilde. - In: *Fra Nationalmuseets arbejdsmark 1950.* Kobenhavn, 1950, s. 143).

²⁰⁾ *Martensson T.* Borg och rundkyrka. - In: *Rig. T.* 19. Stockholm, 1936, s. 264.

²¹⁾ *Anderson I.* Hagby fastningskyrka. - *Fornvannen.* 1967, s. 22.

²²⁾ *Авдусин Д. А.* Указ. соч., с. 246, прим. 4.

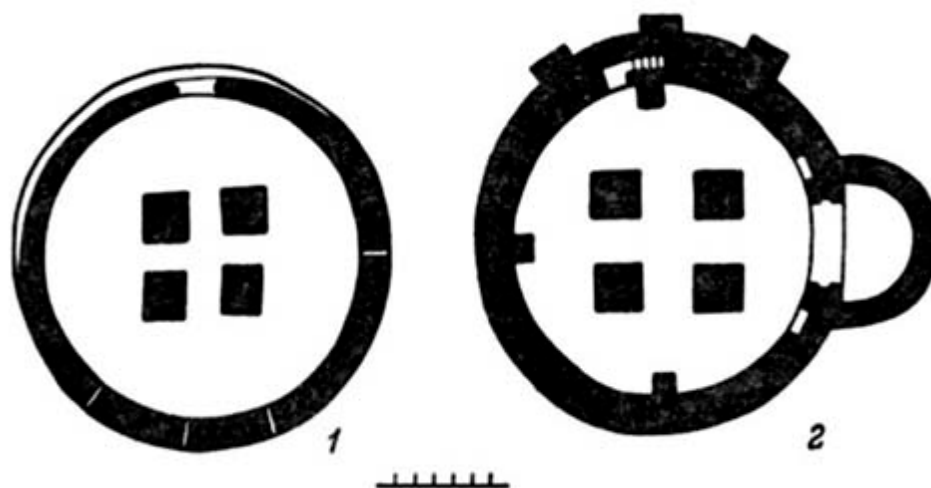

Рис. 69

Смоленская ротонда (1) и церковь в Хагби (2)

Таким образом, есть все основания полагать, что здание смоленской ротонды представляло собой не "академическую школу" и не боевую башню, а церковь, но не русскую церковь, а "немецкую божницу".

Сам по себе факт наличия в древнем Смоленске немецкой церкви не должен вызывать удивления, так как подобные церкви существовали в нескольких русских городах. В свою очередь имело место и обратное: в XII вв. русские церкви функционировали в ряде немецких и скандинавских городов.²³⁾ Немецкая церковь в Смоленске упоминается даже в письменных источниках, например в договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом, заключённом в 1229 г.²⁴⁾ В одном из вариантов этого договора названа "латинская церковь" в Смоленске, в другом - "немецкая богородица" и "немецкая божница". В приписке к договору, сделанной в 70-х гг. XIII вв., говорится не только о церкви, но и о "немецких дворах и дворищах" в Смоленске.²⁵⁾ Упомянута церковь ("ecclesie beate virginis in Smolencike") и в документе конца XIII вв.²⁶⁾

И. М. Хозеров высказал предположение, что остатками немецкой церкви являются руины церкви на Малой Рачевке.²⁷⁾ Основанием для такого заключения была чрезвычайная усложнённая профилировка наружных пилястр открытого храма, что Хозеров сопоставлял с формами романской архитектуры. М. К. Каргер справедливо отверг это предположение, отметив, что подобная профилировка характерна именно для русского зодчества конца XII - начала XIII вв.²⁸⁾ Полное археологическое вскрытие церкви на Малой Рачевке в 1966 г. показало, что в ней нет никаких черт

²³⁾ О русской каменной церкви св. Николая в Сигтуне см., например: *Шаскольский И. П.* Сигтунский поход 1187 г. - Ист. зап., 1949, № 29, с. 142.

²⁴⁾ Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953, с. 67, 68 сл. - Более детальное издание текста договора см.: Смоленские грамоты XIII-XIV веков. М., 1963. - Сведения письменных источников о наличии в Смоленске немецкой церкви см.: *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895.

²⁵⁾ Памятники русского права, с. 71; Смоленские грамоты..., с. 39, 61.

²⁶⁾ *Голубовский П. В.* Указ. соч., с. 135.

²⁷⁾ *Хозеров И. М.* Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. - КСИИМК, 1945, вып. XI, с. 23.

²⁸⁾ *Каргер М. К.* Указ. соч., с. 119.

западной архитектуры, следовательно, нет никаких оснований считать её немецкой церковью.

С гораздо большим основанием немецкую церковь искали как раз на днепровском побережье близ церкви Ивана Богослова.²⁹⁾ Расположенные в районе ротонды улицы вплоть до Октябрьской революции назывались - одна Немецкой улицей, другая Немецкой горой. Предположение, что руины смоленской ротонды - остатки немецкой церкви, подтверждается наличием рядом с руинами заброшенного лютеранского кладбища. Расположение в XIX вв. лютеранского кладбища рядом с русской церковью Ивана Богослова труднообъяснимо, но всё становится на свои места, если предположить, что это кладбище сохранялось здесь по традиции, поскольку некогда оно было расположено близ немецкой церкви. Можно думать, что уже в XII вв. в данном районе жили немецкие купцы, образуя своего рода немецкую слободу. Помимо наличия лютеранского кладбища, на этот район указывали и некоторые косвенные данные. Так, например, возчики, перевозившие товары с кораблей в немецкую слободу жили как раз у основания горы, там, где начинался подъём к церкви Ивана Богослова.³⁰⁾ Совершенно необъяснимым остаётся факт постройки немецкой церкви почти вплотную к княжескому храму Ивана Богослова.

В письменных источниках наличие немецкой церкви в Смоленске отмечено лишь с XIII вв. То, что эта церковь оказалась в действительности построенной уже во второй половине XII вв., свидетельствует об интенсивных торговых связях с Готским берегом, сложившихся раньше, чем это засвидетельствовано письменными источниками.³¹⁾

Немецкая церковь в Смоленске была несомненно возведена под руководством иноземного зодчего. Композиция здания не имеет ничего общего с архитектурой Смоленска, полностью повторяя формы, принятые в ту пору в Скандинавии и Северной Германии. Любопытно, что был избран тип церкви, приспособленный к обороне. Это, очевидно, связано с тем, что район, выделенный для проживания немецких купцов в Смоленске, находился вне городских укреплений.³²⁾ Было высказано предположение, что немецкая церковь в Смоленске служила центром, заменявшим собой отсутствовавший здесь общий торговый двор.³³⁾

²⁹⁾ Орловский И. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. - СС, 1909, вып. I, ч. 1, с. 219-220. - И. Д. Белогорцев помещал немецкую церковь на берегу Днепра, несколько ниже церкви Ивана Богослова (Белогорцев И. Д. Указ. соч., с. 90).

³⁰⁾ Краснопёров И. М. Очерк промышленности и торговли Смоленского княжества с древнейших времен до XV века. - Ист. обозр., 1894, т. VII, с. 92.

³¹⁾ Д. А. Авдусин, который интерпретировал смоленскую ротонду как оборонительное сооружение, в то же время отметил сходство её плана с планами некоторых североевропейских сооружений (в том числе с церковью на о-ве Борнхольм) и высказал мнение, что объяснить назначение смоленской ротонды могут связи с Готским берегом (Авдусин Д. А. Указ. соч., с. 253).

³²⁾ В последние годы остатки круглой немецкой церкви, относящейся, по-видимому, к XIII вв., были обнаружены также в Риге (Zandberga R. Rigas viduslaiku nozuduso arhitekturas piemineklu meklejmi.-In: Muzeji un Kulturas pieminekli. Riga, 1973, 13 lpp.).

³³⁾ Усачёв Н. Н. 1) К вопросу о немецком торговом дворе в древнем Смоленске. - В кн.: Рефераты и тезисы докладов XI научной конференции Смоленского педаго-

Из какого именно района Северной Европы приехал зодчий, судить трудно. Однако необходимо отметить, что строили немецкую церковь местные, смоленские мастера. Об этом совершенно определённо говорит типично смоленская кирпичная кладка ротонды, по существу ничем не отличающаяся от кладки других построек Смоленска XII вв.

О внешнем облике немецкой церкви данных очень мало. Трудно использовать для этой цели и старинные графические материалы, поскольку никаких более или менее достоверных изображений ротонды они не содержат. Правда, на гравюре В. Гондиуса в указанном районе города изображены две постройки: левая из них, очевидно, церковь Ивана Богослова, а правая, - вероятно, ротонда ("Церковь Ивана Богослова", рис. 5). При всей условности, изображение на гравюре - довольно высокая постройка с поднимающейся небольшой центральной башенкой - в общих чертах совпадает с объёмной композицией североевропейских романских ротонд.³⁴⁾ Однако элементы романского белокаменного декоративного убранства вряд ли были повторены в кирпичном сооружении, исполненном руками смоленских каменщиков.

гического института. Смоленск, 1960, с. 78; 2) К оценке западных внешнеторговых связей Смоленска в XII-XIV вв. - В кн.: Международные связи России до XVII вв. М., 1961, с. 209, 221. - О роли купеческих церквей в истории средневековых городов бассейна Балтийского моря см.: *Johansen P.* Die Kaufmannskirche. - In: *Die Zeit der Stadtgründung im Ostseeraum. Acta Visbyensia.* I. Visby, 1965, S. 85.

³⁴⁾ Фотографии некоторых скандинавских круглых церквей см., например: *Tuulse A.* Skandynawia romanska. Warszawa, 1970, N 110-112, 114-115, 208, 233.

Храм Василия на Смядыни

1

Смядынский монастырь, кроме "великой церкви" - Борисоглебского собора, имел вторую, малую церковь - Васильевскую. О её дате мы можем судить по отрывочным и испорченным письменным источникам. Краткая летописная справка в сборнике киевского Михайло-Златоверхого монастыря даёт фантастическую дату - 1238 г., но всё же относит сооружение церкви Василия к строительству Давида Ростиславича (1180-1197), связывая постройку с перенесением Давидом из Вышгорода ветхих гробов Бориса и Глеба, что произошло в 1191 г.¹⁾ Этим актом князь Давид делал Смядынь важнейшим культовым центром - как бы "вторым Вышгородом".²⁾ Около 1191 г. и была построена смядынская малая церковь, посвящённая Василию, в память вышгородской малой церкви Василия, рядом с которой были первоначально погребены Борис и Глеб. Весьма вероятно, что каменному храму Василия предшествовала деревянная церковь, отмечавшая место убийства Глеба.

При наличии указанной выше относительно точной даты (незадолго до 1191 г.) исследователи всё же колебались в определении времени постройки памятника. Так, сам И. И. Орловский, вложивший много труда и остроумия в анализ впервые введённых им письменных источников, относил церковь Василия к 1188 г.³⁾ Следом за ним эту датировку принял Н. И. Брунов.⁴⁾ Н. Н. Щекотихин, считавший малую церковь Смядынского монастыря Борисоглебской, переносил её летописную дату (1145) на церковь Василия.⁵⁾ И. Д. Белогорцев датировал памятник 1184 г.⁶⁾ Мнение М. К. Каргера о времени возведения памятника как бы двоятся. С одной стороны, он полагает, что церковь Василия, близкая по своим формам к храмам Петра и Павла и Ивана Богослова, вместе с ними относится "к концу третьей или началу последней четверти XII столетия" (т. е., видимо, к 70-м гг.), но на той же странице утверждает, что данный тип храма "был, по-видимому, наиболее распространённым и характерным для смоленского зодчества конца XII - начала XIII в.". ⁷⁾

¹⁾ *Щапов Я. Н.* Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. - В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 282.

²⁾ Следует отметить, что Давид Ростиславич до занятия им смоленского стола был князем в Вышгороде. Нельзя, однако, понимать аналогию с Вышгородом как указание на то, что смоленские князья этим "укрепляли роль Смядыни как княжеского замка" (*Каргер М. К.* Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, с. 76). Княжеским замком Смядынь никогда не была.

³⁾ *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. - СС, 1909, вып. I, ч. 1, с. 226.

⁴⁾ *Брунов Н. Н.* Беларуская архітэктура XI-XII столетий. - В кн.: Зборнік артыкулаў. Менск, 1928, с. 277.

⁵⁾ *Шчакаціхін М. М.* Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва. Т. 1. Менск, 1928, с. 88.

⁶⁾ *Белогорцев И. Д.* Новые исследования древнесмоленского зодчества. - В кн.: Материалы по изучению Смоленской области. Вып. I. Смоленск, 1952, с. 103 (то же см.: Всеобщая история архитектуры. Т. 3. Л.-М., 1966, с. 577).

⁷⁾ *Каргер М. К.* Указ. соч., с. 76.

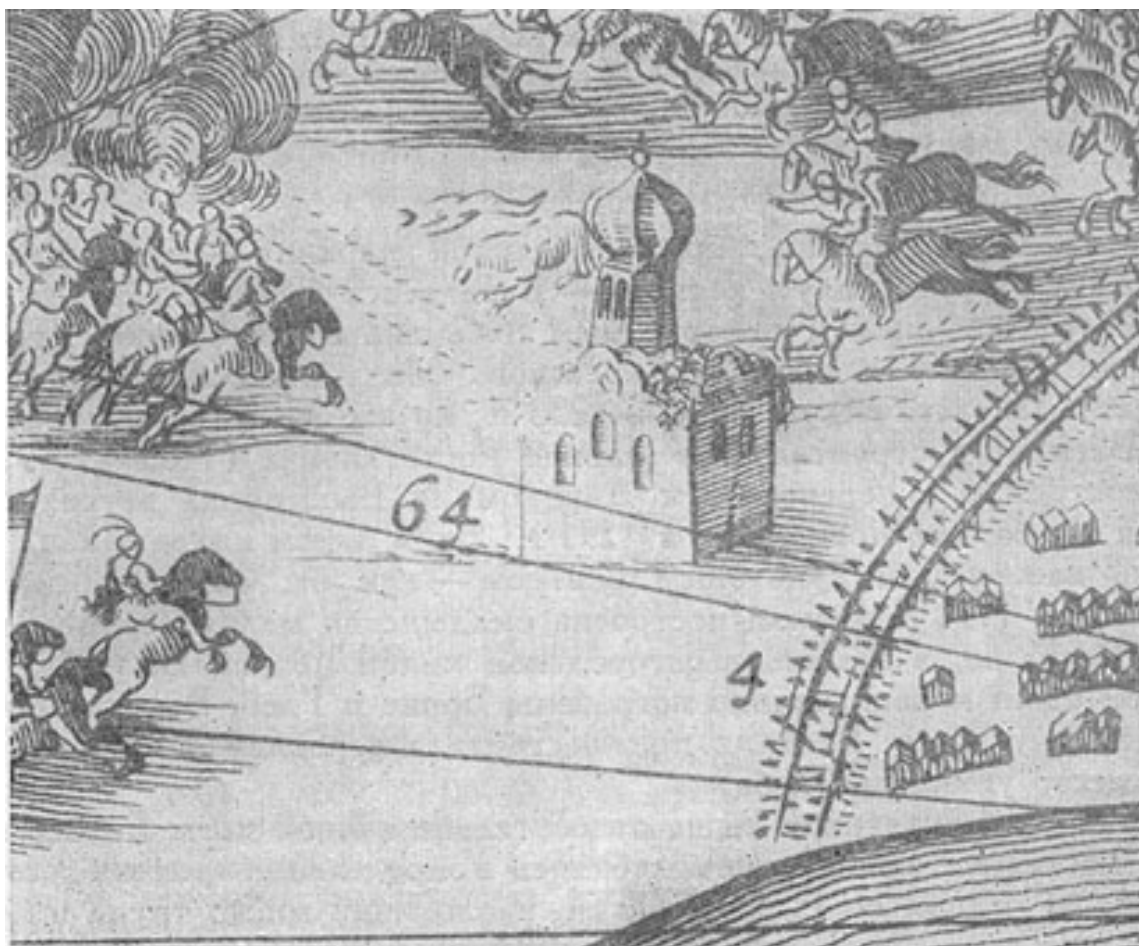

Рис. 70
Церковь Василия. По В. Гондиусу

О судьбе Васильевской церкви вплоть до XVII в. сведений не имеется. Она была цела ещё в 1634 г., когда её зарисовал Иоанн Плейтнер, готовивший материалы для исполненного В. Гондиусом гравированного плана Смоленска (рис. 70). Здесь здание уже несёт следы серьёзных переделок позднейшего времени (луковичная глава на гранёном барабане). Кроме того, храм лишён кровли и на его сводах угнездилась буйная растительность. Видимо, в частности, в связи с этим здание вскоре разрушилось и в его руинах, как в "святом месте", начались захоронения. Ещё в начале XIX в. первый описатель смоленских "достопримечательных зданий" П. П. Свинын отметил на Смядыни "развалины двух каменных церквей из тонкого кирпича".⁸⁾ Холм руин церкви Василия лежал на расстоянии около 130 м к северу от Борисоглебского собора и в 15 м от русла речки Смядыни или залива Днепра: примерно в 10 м от северной стены церкви Василия начинался спуск в пойменную долину.

Начало разрушению развалин смядынских храмов положили, как мы знаем, смоленские градоначальники - в конце XVIII в. князь Н. Д. Реп-

⁸⁾ Свинын П. П. Взгляд на достопримечательные здания в г. Смоленске и урочищах, находящихся в Смоленской губернии. - Отечеств, зап., ч. XXVII, 1826, № 77, с. 313. - Позднее И. И. Орловский почему-то считал "курган" руин церкви Василия местом святых ворот монастыря (Орловский И. И. В Смоленске на Смядыни. - Ист. вестн., 1903, июнь, с. 283).

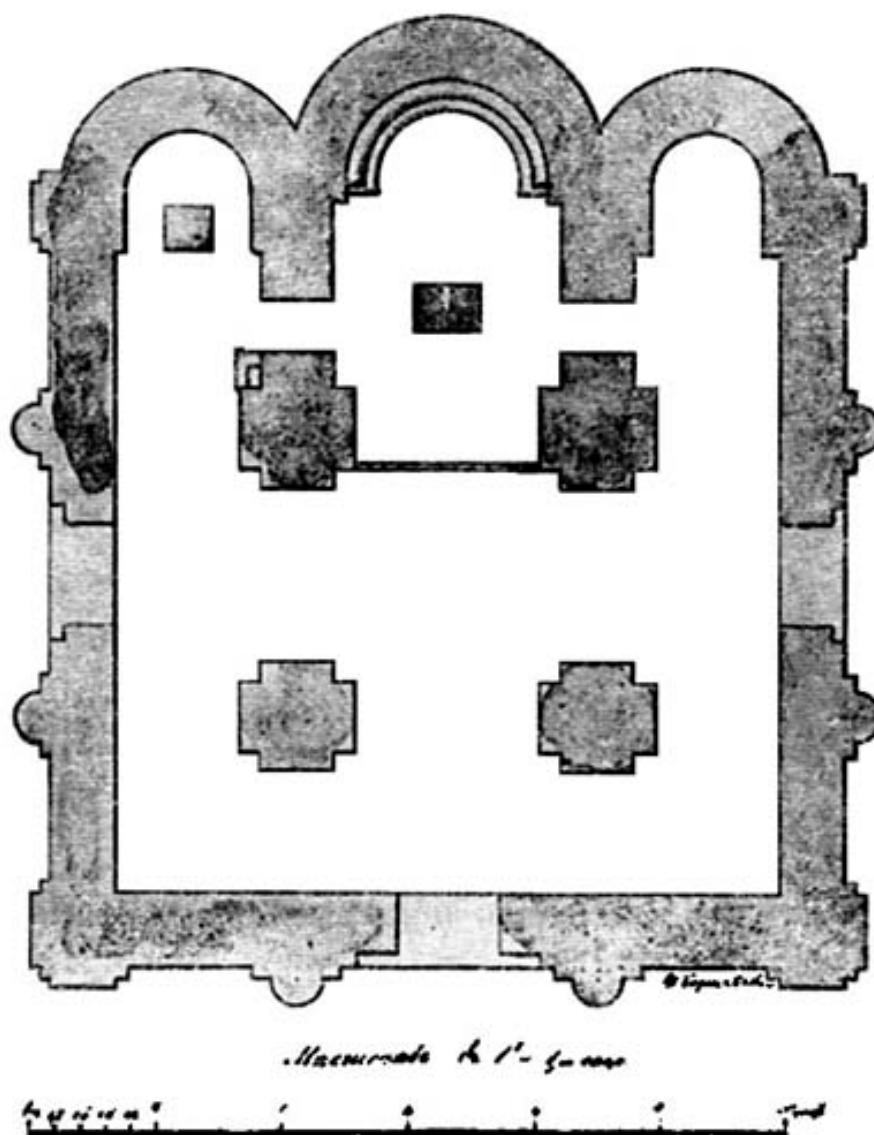

Рис. 71
Церковь Василия. Чертеж И. Ф. Борщевского

нин, а потом, в 1833 г., губернатор Н. И. Хмельницкий.⁹⁾ Однако смядынские "курганы" уцелели. В 1883 г. граф А. С. Уваров, изучавший руины Борисоглебского храма, "попытался раскапывать немного сверху и другой курган", т. е. руины церкви Василия, но, видимо, оставил эту затею.¹⁰⁾

Наконец, в сентябре 1909 г. раскопки храма провела Смоленская учёная архивная комиссия. Раскопками руководил её председатель, известный фотограф-археолог И. Ф. Борщевский. О процессе и результатах работ мы

⁹⁾ Свиньин П. П. Указ. соч., с. 313; Орловский И. И. Борисоглебский монастырь..., с. 251, 253.

¹⁰⁾ Орловский И. И. Борисоглебский монастырь..., с. 254. - В своём сообщении о раскопках Московскому археологическому обществу А. С. Уваров не упоминает о разведке руин церкви Василия (Уваров А. С. Сборник мелких трудов. Т. 1. М., 1910, с. 393).

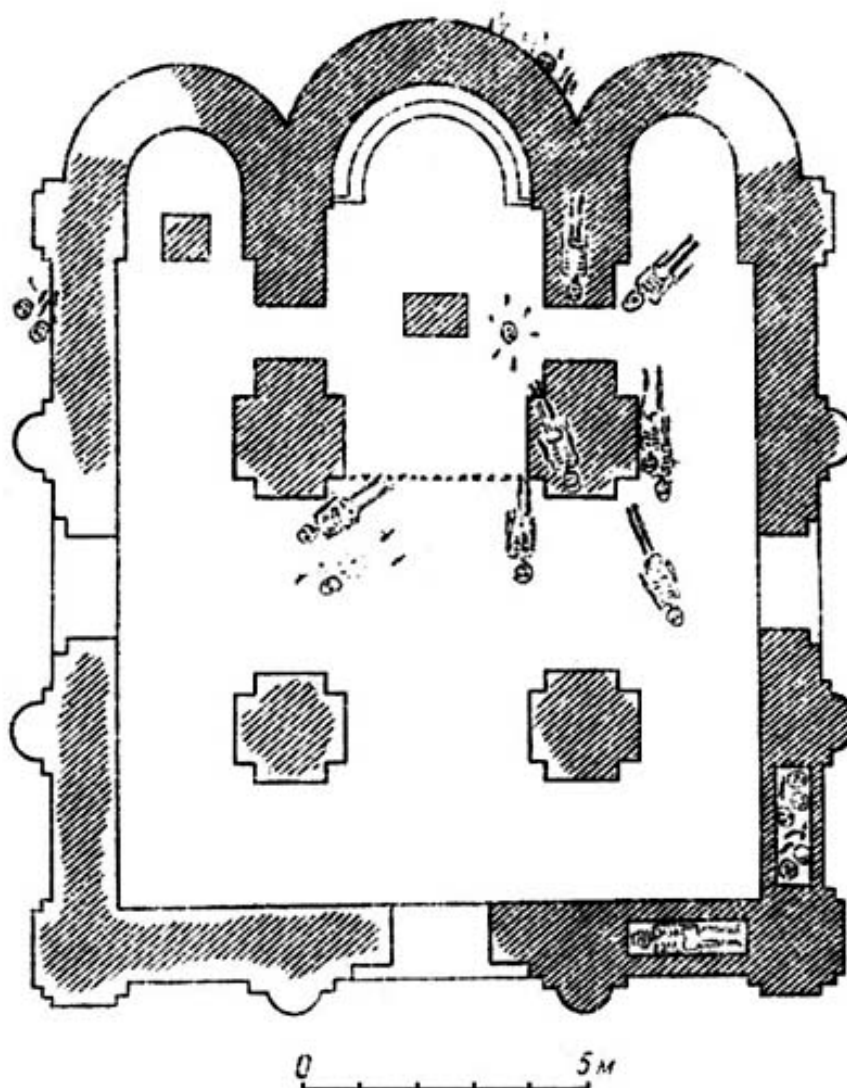

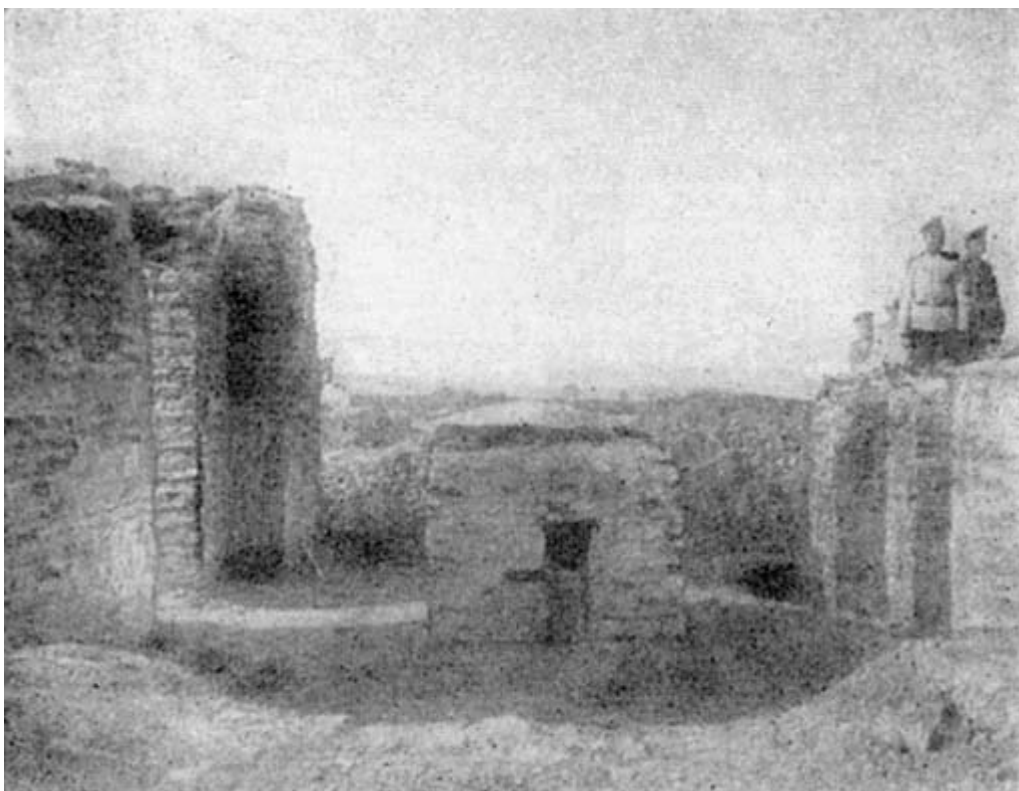
Рис. 72

Церковь Василия. План храма с погребениями

знаем из публикаций её участницы - Е. Н. Клетновой.¹¹⁾ Подлинные чертежи плана раскопанного храма, исполненные Борщевским, хранятся в фотоархиве ЛОИА (рис. 71, 72).¹²⁾ На одном чертеже показаны вскрытые при раскопках погребения, на другом - только кирпичные стены. В Музее архитектуры им. А. В. Щусева имеется иллюминированный чертёж, подпи-

¹¹⁾ Клетнова Е. Н. 1) Доклад Московскому археологическому обществу о раскопках на Смядыни, произведённых Смоленской учёной архивной комиссией в 1909 г. - В кн.: Древности. Тр. Комис. по сохр. древ. памятников. Т. IV. М., 1912, с. 288-297; 2) О раскопках на Смядыни. (Доклад в Обществе изучения Смоленской губернии). - ИАК, 1910, прибавление к вып. 34, с. 162-168; 3) О раскопках на Смядыни. - СС, 1912, т. II. - Кроме того, раскопки освещались в статьях, опубликованных в смоленской прессе. Рукописный отчет Е. Н. Клетновой имеется в делах Археологической комиссии (ЛОАИА, ф. 1, 1888, д. 18в).

¹²⁾ Фотоархив ЛОИА, О. 1776 (20-21).

*Рис. 73
Общий вид раскопок. Фото 1909 г.*

санный Клетновой и представляющий собой как бы соединение чертежей Борщевского.¹³⁾

Раскопки церкви Василия в 1909 г. (рис. 73) были проведены очень быстро - с 11 по 16 сентября, но гораздо профессиональнее, чем раскопки Борисоглебского собора. Однако исследователи всё же упустили некоторые детали, особенно касающиеся технической стороны памятника. Сделанный И. Ф. Борщевским и Е. Н. Клетновой план храма достаточно грамотен, но очень схематичен: никаких чертежей деталей исполнено не было. Это отметил П. П. Покрышкин, по мнению которого чертежи храма "нельзя признать удовлетворительными с архитектурно-археологической точки зрения".¹⁴⁾ Поэтому нами были проведены дополнительные контрольные раскопки - в 1972 г. вскрыты часть северной стены и участок, лежащий к северу от неё, а в 1974 г. - юго-восточный столб и участок пола вокруг него вплоть до южной стены, а также сама южная стена, включая портал и пилястру к востоку от него.

2

Раскопки 1909 г. показали, что храм Василия меньше пострадал от позднейших разрытий, чем Борисоглебский собор: к началу раскопок холм его руин ещё достигал 6.5 м высоты.¹⁵⁾ В его юго-восточной части было встре-

¹³⁾ Музей архитектуры им. А. В. Щусева, разд. V, № 1834.

¹⁴⁾ ЛОАИА, ф. 1, 1888, д. 18в (Смоленская крепостная стена, ч. IV), л. 58.

¹⁵⁾ Ниже мы излагаем сведения названных выше статей Е. И. Клетновой и данные наших разведок 1972 и 1974 гг.

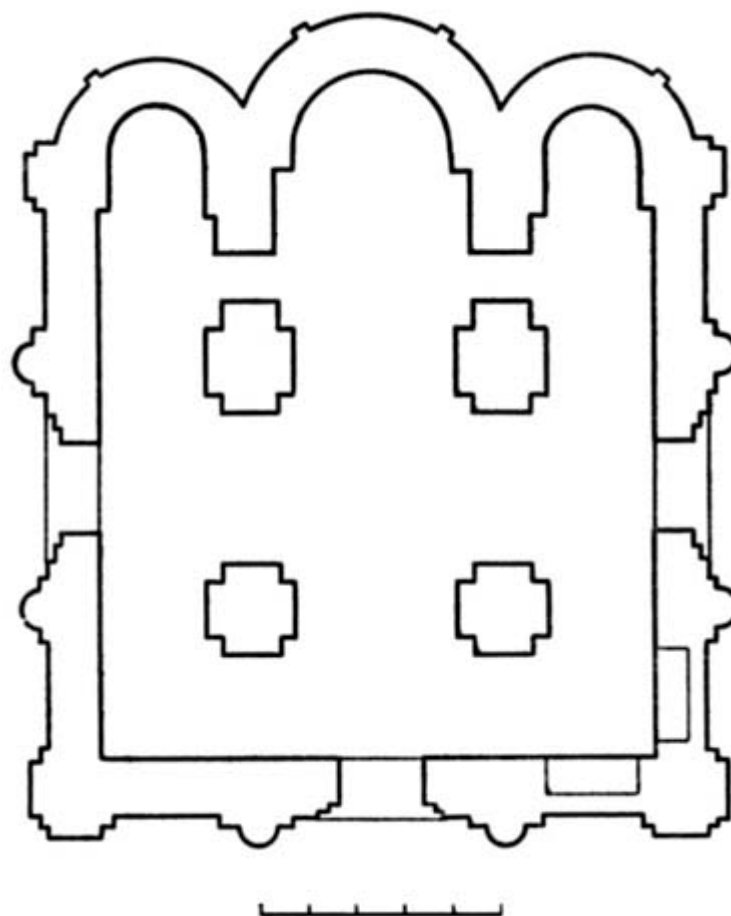

Рис. 74
Церковь Василия. Реконструкция плана

чено восемь поздних погребений без вещей. Они обнаружены на разной глубине (от 53 до 177 см); одно из них только на 30-50 см не достигало древнего пола храма, другие были "врублены" сверху в столбы и стены. Кроме поздних погребений, ниже - "под боковыми наружными стенами и под алтарём - было открыто довольно значительное количество человеческих костей и целые погребения без вещей".¹⁶⁾ Можно думать, что это следы кладбища при деревянной церкви монастыря, предшествовавшей каменному храму.

Вскрытие руин показало, что здание было трёхапсидным храмом с четырьмя крестчатыми столбами (рис. 74). Общая длина его 16.5 м, ширина 13.5 м, поперечный размер подкупольного прямоугольника 3.7 м. Наружные лопатки по осям столбов имели полуколонны (диаметром 0.9 м), угловые же были широкими и плоскими.

Поверхность стен средней и боковых апсид сохранилась, судя по чертежу Е. Н. Клетновой, хорошо. Она показана гладкой. Но кажется почти несомненным, что полукружия апсид членились вертикальными тягами. Они были и у более ранних храмов - Петра и Павла, Иоанна Богослова,

¹⁶⁾ Клетнова Е. Н. О раскопках на Смядыни. - В кн.: Отчёт Смоленской учёной архивной комиссии за второй год её существования, 1909-1910. Смоленск, 1912, с. 46.

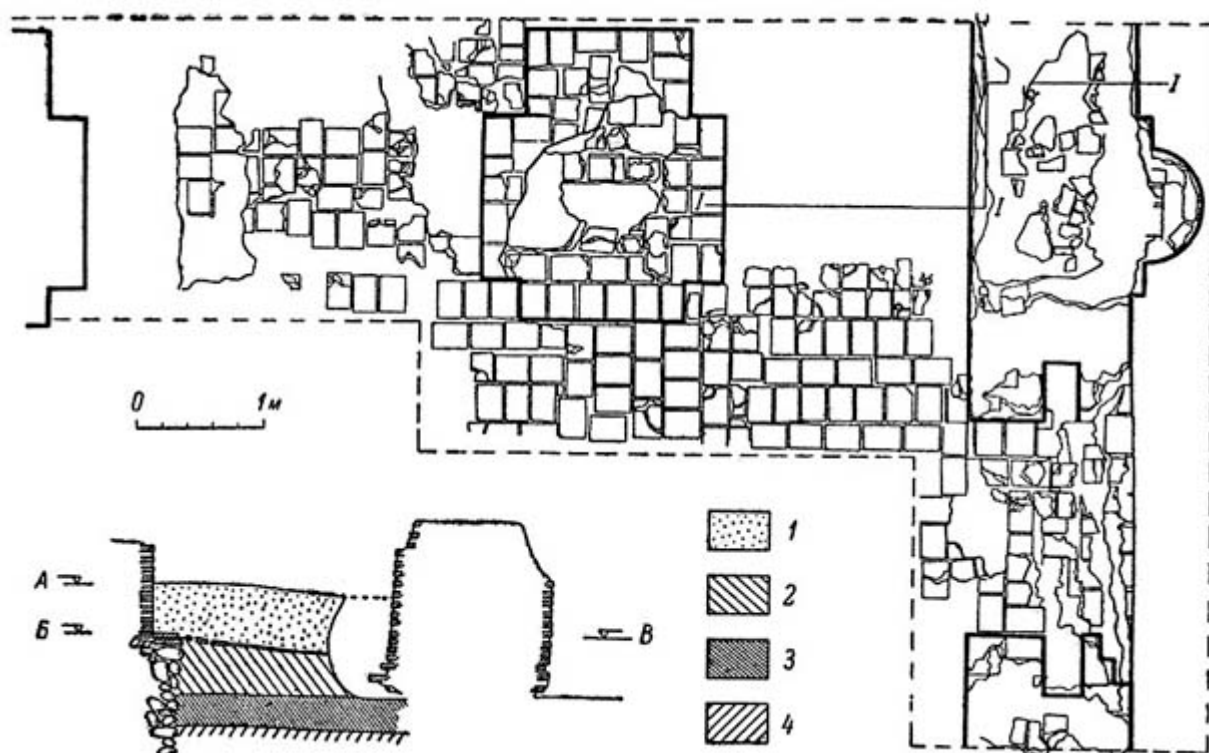

Рис. 75

Участок церкви, раскопанный в 1974 г. План и разрез 1-1

А - уровень пола; Б - уровень отмостки столба; В - уровень древней поверхности; 1 - песок; 2 - серая земля; 3 - черная земля; 4 - материковый песок

и у более поздних - собора Спаса в Чернушках, южного придела на Протоке, Воскресенской церкви и др. Такие детали, как правило, быстро разрушаются, и их следы при раскопках едва улавливаются, поэтому естественно думать, что они не были замечены исследователями в 1909 г.

В храм вводили с трёх сторон порталы, изображённые на плане 1909 г. в виде простых одноступенчатых проёмов. Наша повторная раскопка южного портала (рис. 75, 76) показала, что его амбразура (шириной 1.68 см) имеет не один, а два уступа (длина каждого 21-23 см, ширина 12-13 см).

В южном портале в 1909 г. ещё сохранялся запущенный в кладку "каменный тёсанный брус красивого малинового песчаника" с гнездом для "дверного крюка". Как показали наши раскопки, брус, от которого сохранился лишь паз, заходил с обеих сторон в кладку проёма на 60 см. Низ паза лежит в уровне кирпичной вымостки самого проёма и древней поверхности земли.

В алтарной апсиде было "горнее место" в виде полукруглой кирпичной скамьи со ступенькой-подножием и престол (75 x 106 см) с внутренним шкафиком; подобный же ритуальный "столик" (71 x 75 см) сохранился в жертвеннике. Северо-восточное закрестье северо-восточного столба "занимал невысокий, как бы каменный же ящик (40 x 48 см), заполненный углём и пеплом; здесь, очевидно, хранился жар и раздувалось кадило".¹⁷⁾

¹⁷⁾ Сходную деталь мы увидим в храме на Протоке, только там это не ящик, а округлая встройка - "чаша".

Рис. 76
Южный портал. Вид снаружи

В западных закрестьях восточных столбов и между ними прослежены "едва заметные остатки тонкой алтарной преграды". Она ограничивалась только средним нефом; перед жертвенником и дьяконником преграды, видимо, не было (если только её следы не остались незамеченными археологами). Судя по её легкости, алтарная преграда была деревянной.¹⁸⁾

Важной особенностью здания является отсутствие внутренних стенных лопаток, отличающее смядынский храм от аналогичных ему построек - церквей Петра и Павла, Иоанна Богослова. М. К. Каргер, сближавший эти памятники и ошибочно относивший их к одному времени, считал данную черту смядынского храма "результатом неточности обмеров или недостаточно внимательного исследования памятника".¹⁹⁾ Однако наша разведка подтвердила отсутствие лопаток. При крупном выносе крестовин столбов это всё же ослабляло раздробленность интерьера, что существенно отличает малый смядынский храм от более ранних построек князей Ростислава и Романа. С названной особенностью композиции интерьера церкви Василия тесно связан и вопрос о наличии в ней хор. О них у нас нет никаких данных, но небольшая толщина южной, северной (1.3 м) и западной (1.16 м) стен, по-видимому, исключает возможность помещения в них лестниц, ведущих на хоры; вероятнее всего их и не было.

В статьях Е. Н. Клетновой упоминается о погребениях в южной и западной стенах храма. Погребения, по её замечанию, были сделаны, видимо, при построении храма; длина "могил" 2.14 м, ширина 0.55 м. В газетной информации сообщается, что погребения были сделаны "в стенных ни-

¹⁸⁾ По другим данным, "иконостас был каменным, остатки его представляют такие же плитки, из которых сложен весь храм" (УЦДС, с. 84).

¹⁹⁾ Каргер М. К. Указ. соч., с. 75.

шах".²⁰⁾ На подлинных чертежах И. Ф. Борщевского показаны в юго-западном углу храма два аркосолия. В южном - погребение было потревожено добытчиками кирпичного щебня, которые сбросили сюда ещё черепа и кости из разрушенных ими поздних погребений, встреченных в руинах храма. Костяк в западном аркосолии был цел.

Пол церкви, по сведениям Е. И. Клетновой, "был вымощен простой кирпичной плитой". Наши раскопки подтвердили, что пол действительно был кирпичным. Он был поднят на слое песчаной подсыпки толщиной 40 см. Кирпичи уложены без связующего, но очень плотно один к другому. Пол этот, видимо, ремонтировали, так как между восточными подкупольными столбами есть несколько участков, где кирпичи отсутствуют и пол покрыт слоем известкового раствора. У южной стены храма пол резко снижается (на 13 см), очевидно, из-за осадки стен. Вместе с тем в храме имелись какие-то участки пола, покрытые поливными плитками. Так, в раскопках 1909 г. в центре храма был найден "кирпич с чёрной, вероятно, тёмно-коричневой, поливой", а в северном нефе - "поливной кирпич, орнаментированный в красно-белых тонах". При раскопках 1974 г. также встречен обломок плитки с жёлтой поливой.

При раскопках 1909 г. на стенах храма и его алтарной части были обнаружены уцелевшие остатки штукатурки со стенной росписью. Естественно, что сохранился только её нижний ярус, украшенный двумя типами декора - поясом белых завес с фигурными чёрными или коричневыми орнаментированными мотивами и крупным геометрическим орнаментом, подражавшим "полилитии". На южной стене средней апсиды, над ярусом завес, сохранилась часть фигуры "отца церкви" в белой одежде. Храм, несомненно, был полностью расписан.²¹⁾

Вызывало сомнение наличие у Васильевского храма галерей или притворов. Е. Н. Клетнова отметила, что "курган", т. е. холм руин самого храма, окружала низкая валообразная возвышенность, которую изучили, но не нашли в ней ничего, кроме мелкого щебня. Можно было думать, что исследователи 1909 г., обнаружив мелкий щебень, не стали углублять раскоп. Контрольная прорезка 1972 г. через северную стену храма показала, что к северу от неё под слоем гумуса лежит нетронутый материк. Следовательно, ни галерей, ни притворов храм действительно не имел.

В 1909 г. специальных раскопок фундаментов, видимо, не производилось. Исследователи дошли до первого яруса деревянных связей, лежавших непосредственно под полом в уровне низа стен и столбов, почему и было сделано заключение, что храм якобы "основан на деревянных плахах", а пол и стены храма лежали, по словам Е. Н. Клетновой, непосредственно на материке. Объяснялось это тем, что строители будто бы опасались близости реки и не стали врезаться в материк.

²⁰⁾ Раскопки на Смядыни. - СВ, 1909, № 202.

²¹⁾ О росписи храма см.: *Шчакаціхін М. М.* Орнаментальныя роспісы смядынскай Барысаглебскай царквы у Смаленску. - В кн.: *Гістарычна-археалягічны зборнік*. Т. 1. Менск, 1927; с. 69 (М. М. Щекотихин считал эту церковь Борисоглебской); *Воронин Н. Н.* Смоленская живопись 12-13 веков. М., 1977, с. 132. - Сведения о наличии в Васильевской церкви каменной резьбы и мозаики основаны на недоразумении (*Белогорцев И. Д.* Указ. соч., с. 103-104).

Для выяснения структуры напластований и конструкции фундамента храма нами были заложены шурфы у южной стороны юго-восточного столба, по обе стороны южной стены напротив этого столба и у северной стены. Выяснилось, что поверх материкового супеска здесь всюду лежат два слоя: чёрная земля и выше - серая.

Общая толщина слоев 60-70 см, а над ними залегает тонкая прослойка темного гумуса - уровень древней поверхности почвы. С этого уровня и был опущен фундамент. Он различен у столбов и стен. Фундамент столба имеет глубину около 0.85 м и состоит из некрупных булыжников (10-15 см), сложенных на глине. Над фундаментом лежат два ряда плинф, без раствора, большей частью битых, сложенных без особого порядка, но горизонтально; выше выложен третий ряд плинфы, имеющий гораздо большую ширину: он выступает от столба во все четыре стороны на 0.6 м, создавая как бы широкую отмостку. Наконец, выше идёт кирпичная кладка столба на известковом растворе. Фундамент стен имел другую конструкцию. Его глубина

гораздо меньше - всего около 40-45 см, так что основание доходит лишь до слоя чёрной земли, не достигая материка. Фундамент состоит из кирпичей, причём верхние три ряда его сложены на растворе и как бы являются продолжением стеновой кладки, а ниже идёт беспорядочная кладка из битых кирпичей на глине.

Кладка здания выполнена из кирпичей, основные размеры которых 4-4.2 x 20-21 x 28-29 см. Гораздо реже встречаются более узкие кирпичи (шириной 15 см) и лекальные - для выкладки полуколонн пилястр. На бортах кирпичей имеются выпуклые знаки. Слой раствора примерно равен толщине кирпича. Кладка наружных поверхностей стен регулярная, а внутреннее пространство заполнено главным образом битыми кирпичами. На фасады выходят почти исключительно тычки кирпичей, ложки крайне редки. Швы подрезаны снизу вверх так, что под каждым верхним кирпичом раствор несколько отступает внутрь стены. Полуколонны пилястр сложены из специального лекального кирпича (рис. 77).

Раствор в кладке крупнозернистый, неоднородный, желтовато-серого цвета, прочный. Вяжущее - известковое, составляет 40-60% раствора. Известь магнезиальная, слабогидравлическая. Заполнитель - цемянка, песок, зёрна известняка. Цемянка составляет более 60% заполнителя, причём в основном в крупных фракциях (часто более 1 см). В средних фракциях преобладает песок, в мелких - цемянки совсем мало. Песок по величине средний до крупного, средней окатанности. Встречаются куски угловатого плотного известняка (часто довольно крупные - более 5 мм).

Стены сохранили квадратные (14 x 14 см) каналы от первого яруса пальцев лесов - подмостей, какие мы видели выше на ряде смоленских памятников.²²⁾

При раскопках 1909 г. было найдено много "толстых рубчатых черепков, вероятно, от разбитых голосников", - видимо, амфор с рифлёной поверхностью.

²²⁾ Е. Н. Клетнова называла эти каналы "душниками", т. е. вентиляционными вытяжками. Они сохранились в южной стене алтарной апсиды, где канал выходил в дьяконник, и около южного и западного входов.

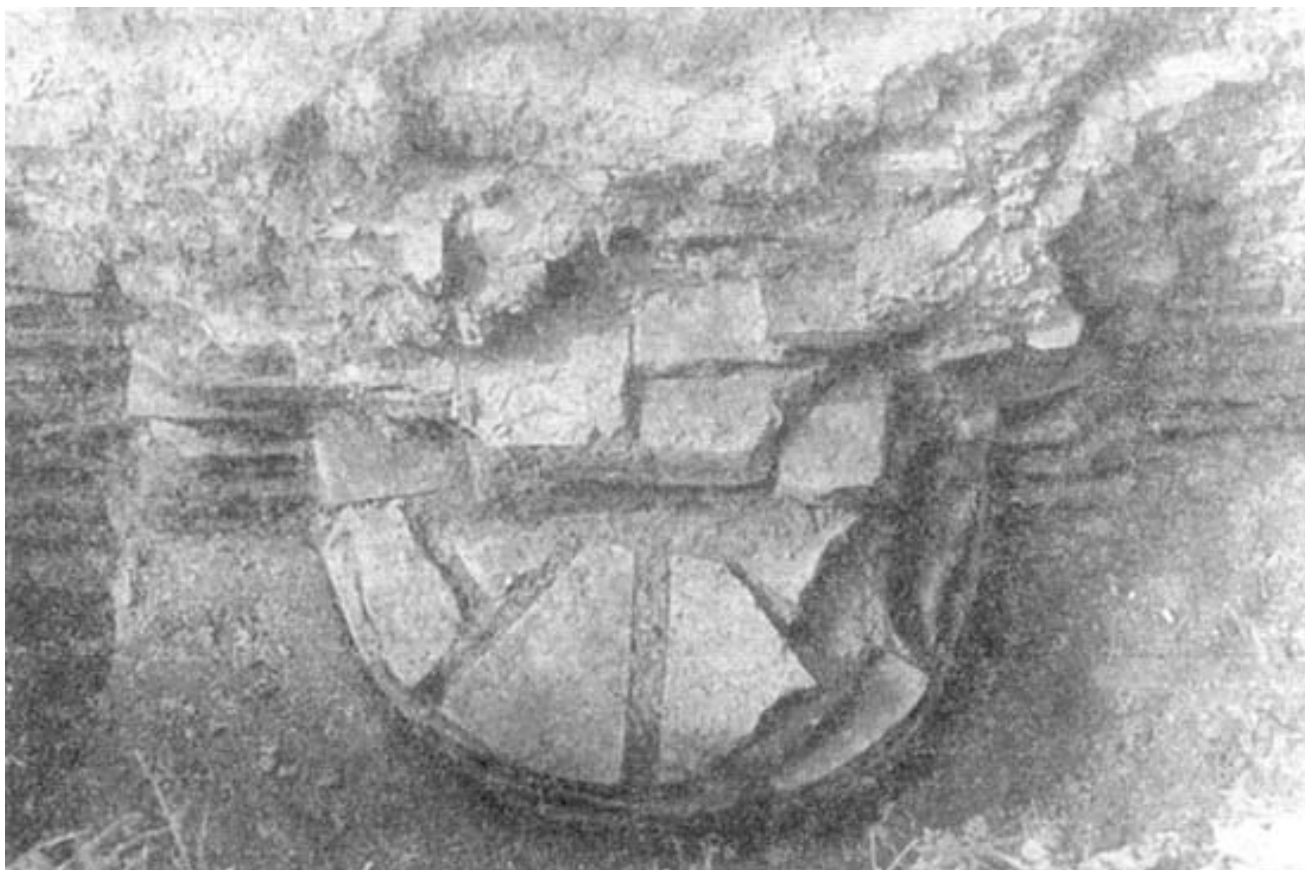

Рис. 77
Пилэстра южной стены

О покрытии храма свидетельствуют железные с продолговатыми шляпками гвозди с остатками свинцового листа под шляпкой. Любопытно, что несколько обрывков свинцовых листов, свёрнутых в трубочку, было найдено внутри канала для пальца лесов в алтарной апсиде. Очевидно, этот свёрток спрятал кто-то, копавшийся в руинах и выбиравший ценный металл.

По скудным данным Е. Н. Клетновой можно частично восстановить характер разрушения храма. Стены храма "имеют наклон в развал к наружной стороне", т. е. накренились и падали во все четыре стороны. Северная стена, обращённая к Днепру, была разрушена до основания, как и прилежащая часть западной. Южная уцелела всего на высоту менее 70 см. Столбы сохранились на разную высоту. Выше всех (до 2.49 м) оказался северо-восточный столб, западные же имели всего 35 см. По утверждению Клетновой, столбы как бы провалились в неправильно-наклонном положении под плиточный пол и вдавились в материк на глубине более 1 м; около западных столбов пол совсем провалился, хотя "никаких пустот и подземелий не открыто". В поисках этих подземелий на площади храма был сделан раскоп, углубившийся ниже уровня древнего пола до 2.8 м.²³⁾ Как полагала Клетнова, характер разрушения доказывает подвижку материкового пласта (связанную, быть может, с отклонением днепровского русла), повлекшую за собой оседание внутренних пилонов. В действительности глубина оснований столбов не результат осадки, поскольку осадка на глубину

²³⁾ СВ. 1909. № 215.

более 1 м в глинистом материке маловероятна. Но тем не менее какая-то осадка всё же имела место (провал пола у западных столбов).

Ценным источником для суждения о внешнем облике храма Василия является его весьма приблизительное изображение на гравюре В. Гондиуса. Трудно сказать, какой стороной обращено здание к зрителю. Если судить по Успенскому собору, то рисовальщик смотрел на город с северо-востока. Однако у церкви Василия на гравюре не показаны апсиды, равно как отсутствуют и фасадные полуколонны и портал. Гранёная форма барабана главы и луковичная форма последней (если они реальны), вероятно, являются, как говорилось выше, результатом каких-то позднейших переделок. Самое существенное в данном условном рисунке - это ясно показанное на левом фасаде его трёхлопастное завершение, которое изображено Гондиусом ещё раз лишь у близкой сверстницы храма Василия - церкви архангела Михаила, сохранившей в позднейшей переделке трёхлопастный верх до нашего времени.²⁴⁾ Нельзя ручаться за реальность формы окон на левом фасаде, но любопытно, что они, как бы отвечая динамике трифолия фасада, поставлены так, что среднее окно выше боковых. Эти наблюдения подводят нас к подтверждению поздней даты церкви Василия (около 1191 г.).

Васильевскую церковь роднит с памятниками смоленского зодчества конца XII в., в частности с храмом на Протоке и на Воскресенской горе, и ряд совпадений отдельных технических подробностей. Такова подвеска дверных полотнищ на подпяточных блоках красного песчаника с крюками; устройство в закрестье северо-восточного столба каменного ящика или "чаши"; деревянная алтарная преграда; сходство системы и приёмов росписи и т. д. Всё это окончательно упрочивает вывод о постройке церкви Василия около 1191 г. В высшей степени интересно, что строители и заказчик сделали всё возможное, чтобы согласовать её формы с соседними зданиями. Строгий Борисоглебский собор продиктовал обращение к образцам первого периода смоленского зодчества - храмам Петра и Павла, Ивана Богослова с их суровой массивностью и сильным членением фасадов лопатками с полуколоннами. В этом храм Василия явно вторил монастырскому собору, связываясь с ним в целостный архитектурный комплекс. Правда, внутри он был иным - не имел настенных лопаток и хор. Его пространство было единым. Ещё более знаменательна увязка лежавшего в низинной пойме малого монастырского храма с господствующей в широком ландшафте величественной церковью архангела Михаила, стоявшей на холме близ двора князя Давида Ростиславича. Церковь Василия вторила её динамической композиции трёхлопастным венчанием фасадов и, может быть, поднятой на постамент главой. Оба храма строились князем Давидом, по-видимому, более или менее одновременно.

²⁴⁾ Этому рисунку не повезло в литературе. С. П. Писарев полагал, что он изображает Борисоглебский собор монастыря, так как малый храм, по его мнению, был уже разрушен (*Писарев С. П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, с. 16-17*). М. М. Щекотихин также считал, что у В. Гондиуса изображён большой храм, который он называл Спасским (*Щекаціхін М. М. Нарысы..., с. 87-89*). М. К. Каргер, вновь опубликовавший этот рисунок, правильно определил его как церковь Василия, но оставил без анализа (*Каргер М. К. Указ. соч., с. 66*).

Церковь архангела Михаила ¹⁾

1

Церковь архангела Михаила - наиболее известный из памятников зодчества древнего Смоленска. Расположена она на западной окраине современного города, у края холма, возвышающегося над поймой Днепра (рис. 78). В позднее время церковь стали называть Свирской. ²⁾ Древнее же её название, по-видимому, церковь чуда архистратига Михаила. ³⁾

Уже первое летописное известие о церкви говорит нам если не об исключительности её архитектурного облика, то во всяком случае о необычайном богатстве внутреннего убранства. Под 1197 г. в связи с сообщением о смерти князя Давида Ростиславича в летопись включено похвальное слово усопшему князю, содержащее отрывок: "Сам бо (князь Давид Ростиславич. - С. П.) сяков обычай имеет - по вся дни ходя ко церкви святаго архистратига божия Михаила, юже бе сам создал во княженьи своем, такое же несть в полунощной стране, и всим приходящим к ней дивитися изрядней красоте ея, иконы златом и серебром, и жемчугом, и камением драгим украшены, и всюю благодатью исполнена". ⁴⁾ Свидетельство летописи о возведении церкви князем Давидом Ростиславичем позволяет определить хронологические рамки, в которые укладывается её постройка - между 1180 и 1197 гг. ⁵⁾

Последующая история памятника известна нам лишь в самых общих чертах. Обычно в литературе указывают на перестройку церкви в поль-

¹⁾ Автор главы С. С. Подъяпольский.

²⁾ Происхождение этого названия не установлено. По одной из версий, церковь так называлась по имени пристроенного к ней в 1733 г. придела Александра Свирского (*Михайлов И.* Статистическое обозрение губернского города Смоленска. - ЖМВД, 1838, т. XXVII, с. 180-21 ⁶⁾). Источники конца XVIII в. приводят, однако, другие наименования престолов. На этом основании С. П. Писарев предложил другое объяснение названия церкви; согласно ему, слово "Свирская" происходит от Северских земель, к которым шла дорога через Смядынь и откуда, возможно, пришла княжеская дружина (*Писарев С. П.* Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, с. 50-52). Толкование Писарева представляется малоубедительным.

³⁾ В документе 1610 г., в котором перечислены сохранившиеся церкви, это церковь названа "Михайлово чудо" (АИ, 1841, т. II, с. 174).

⁴⁾ Ипатьевская летопись (ПСРЛ, II, 703-704).

⁵⁾ Разные авторы пытались сузить хронологические рамки предполагаемого строительства церкви. Н. М. Карамзин считал, что церковь возведена после 1195 г. (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 1, т. III. СПб., 1842, с. 62). С. П. Писарев предложил датировать её 1194 г. (*Писарев С. П.* Указ. соч., с. 35). И. И. Орловский, исправляя очевидную ошибку в рукописи Михаило-Златоверхого монастыря, реконструировал приведённую там дату как 6696, т. е. 1188 г. (*Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. - СС, 1909, вып. I, ч. 1, с. 226). Н. И. Брунов во всех своих работах датировал церковь 1191-1194 гг. М. К. Каргер, анализируя различные версии, пришёл к выводу о равной бездоказанности всех предложенных уточнений датировки церкви архангела Михаила (*Каргер М. К.* Зодчество древнего Смоленска. Л, 1964, с. 77-78).

Рис. 78
Церковь архангела Михаила

ский период, после осады Смоленска в 1634 г. Это базируется не на прямых указаниях источников, а на разного рода косвенных соображениях. В данной связи принято говорить о вероятности повреждения храма во время сражения, ссылаясь на изображение церкви на гравюре В. Гондиуса, где верх её, как, впрочем, и других церквей, показан в полуразрушенном виде, с растущими на сводах деревьями (рис. 79). О возможной перестройке в середине XVII в. говорит и посвящение одного из приделов церкви архангела Михаила Алексею человеку божью - патрону царя Алексея Михайловича. Из более поздних известий следует особо выделить сообщение об освящении церкви в 1713 г.⁶⁾ Переосвящение, по-видимому, было связано с большими строительными работами, ибо в конце XVIII в.

⁶⁾ В конце прошлого столетия в архиерейских покоях хранился антиминс, выданный в ноябре 7221 (1713) г. смоленским и дорогобужским митрополитом Сильвестром на освящение церкви "чуда архистратига Михаила" (Писарев С. П. Указ. соч., с. 34).

-164-

Рис. 79
Церковь архангела Михаила. По В. Гондиусу

этим годом датировали постройку Михаило-архангельской церкви.⁷⁾ Позднее ремонтные работы производились в 1785 г. (возобновление росписи и установка железных крестов над куполом и алтарём) и несколько раз после наполеоновского нашествия - в 1820-х, 1836 и 1851 гг.⁸⁾ В 1833 г. с юго-западной стороны к церкви был пристроен придел Бориса и Глеба, ныне не существующий.

Значительные перестройки, которым подверглась церковь, были, видимо, основной причиной позднего проявления интереса к ней со стороны историков русского искусства. Не исключено, что этому также способствовали существенные типологические отличия здания от большинства дошедших до нас памятников русского зодчества домонгольского периода, вызывавшие определённое недоверие к ранней датировке церкви. В XIX и в начале XX в. церковь архангела Михаила в основном привлекает внимание смоленских краеведов. Особое место среди них принадлежит С. П. Писареву, не только собравшему наиболее полные сведения по истории памятника, но и предпринявшему попытку его архитектурного описания и словесной реконструкции. К сожалению, все написанное Писаревым об архитектуре церкви было даже для того времени настолько малопрофессионально, что не могло способствовать введению памятника в научную литературу.

⁷⁾ Писарев С. П. Указ. соч., с. 237; ЦГВИА, Военно-учёный архив, № 21584, л. 3 об.

⁸⁾ Писарев С. П. Указ. соч., с. 256, 273, 288, 291.

-165-

Рис. 80

Церковь архангела Михаила. Реконструкция Н. И. Брунова

Только в 1920-е гг. началось изучение архитектуры Михаило-архангельского храма и осмысление его места в истории русского зодчества. 1923 г. памятник был обследован И. И. Бруновым, обратившим внимание на особую объёмно-плановую структуру здания, наличие у него пучковых пилястр и полуциркульных сводов в угловых компартиментах.⁹⁾ Эти наблюдения позволили ему высказать ряд совершенно новых взглядов на развитие зодчества XI-XII вв. в Северо-Западной Руси и на место, занимаемое в нём смоленским храмом. Если отрешиться от отдельных выдвинутых Бруновым положений, которые представляются нам теперь неверными или сомнительными, становится особенно очевидной принципиальная важность сделанных им выводов. Прежде всего, как отметил Брунов, цер-

⁹⁾ *Брунов Н. И.* Извлечение из предварительного отчёта о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск в сентябре 1923 г. М., 1926.

-166-

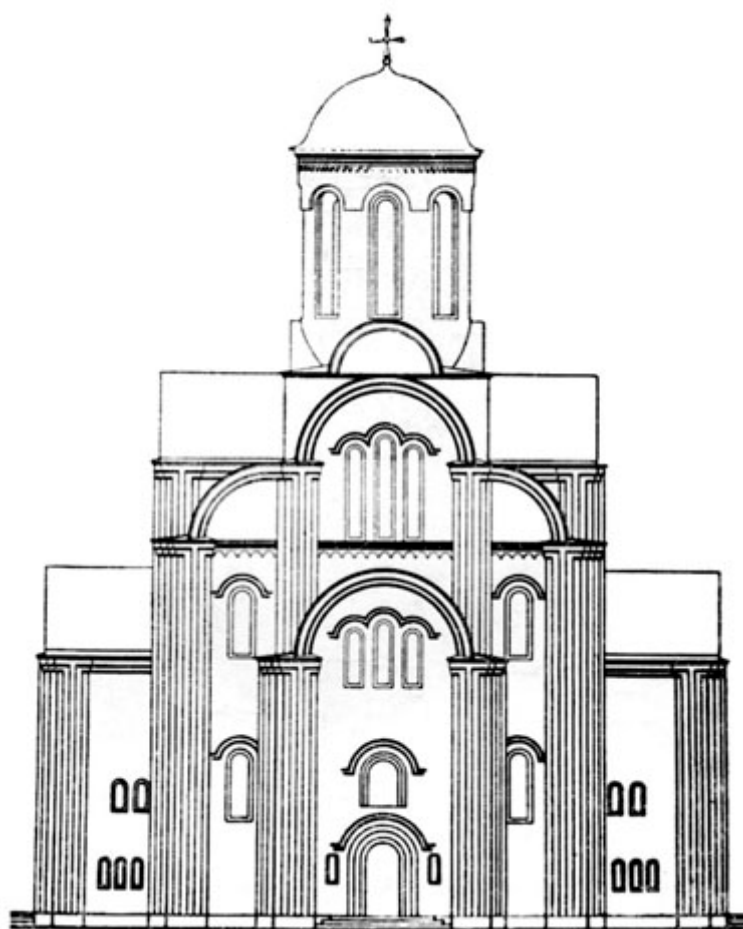

Рис. 81

Церковь архангела Михаила. Реконструкция П. Д. Барановского

ковь архангела Михаила принадлежит к новому, ранее неизвестному типу культового здания, к которому из сохранившихся русских храмов домонгольского периода может быть отнесена ещё лишь церковь Параскевы Пятницы в Новгороде.¹⁰⁾ Необычная для XII в. форма сводов угловых компартиментов подсказала Брунову вывод об особой, непозакомарной форме покрытия: по первой выдвинутой им версии - пощипцовой,¹¹⁾ согласно высказанному позднее взгляду - трёхлопастной (рис. 80).¹²⁾ Невзирая на ошибочную датировку Пятницкой церкви в Новгороде

1156, а не 1207 г., он пришёл к правильному заключению о проникновении нового типа в Новгород из Полоцко-Смоленской земли, а также о его важной

¹⁰⁾ *Brounoff N.* Un nouveau type d'église dans la Russie du Nord-Ouest au XII-eme siècle. - In: *Vetenskaps-Societeten i Lund. Arsbok. Lund, 1925, s. 15.*

¹¹⁾ *Ibid.*, s. 28-29.

¹²⁾ *Брунов Н.* Беларуская архітэктура XI-XII ст. - В кн.: *Зборнік артыкулаў Інстытута беларускае культуры. Менск, 1928, с. 298.*

-167-

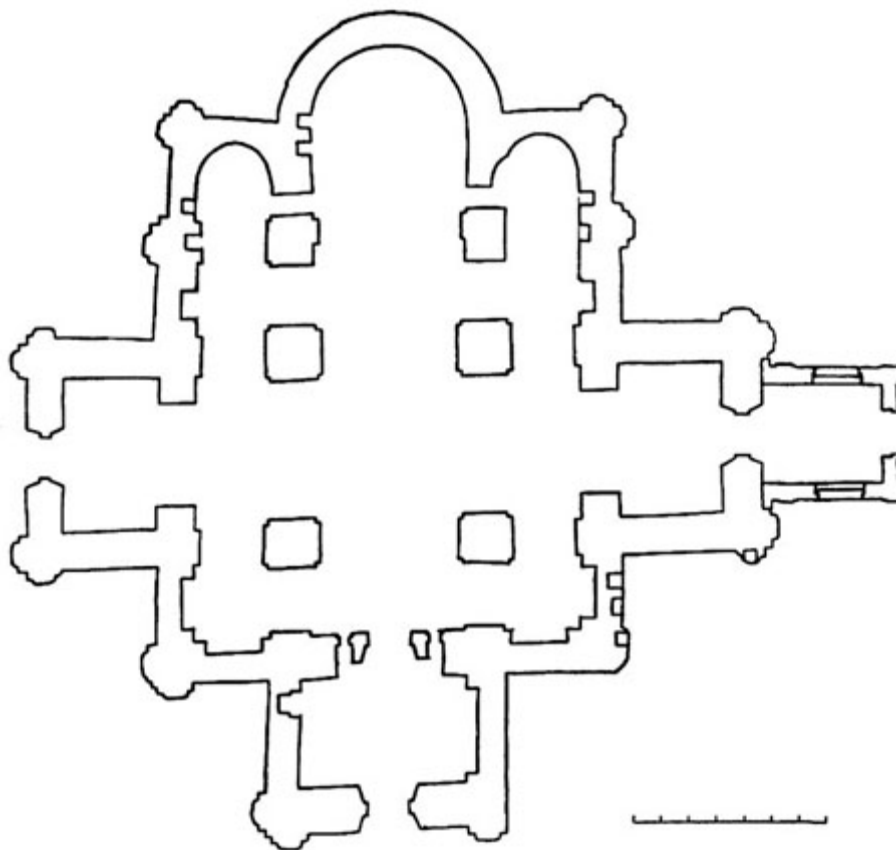

Рис. 82
Церковь архангела Михаила. Обмерный план

роли в сложении форм новгородского зодчества XIII-XV вв. В архитектуре обоих памятников Брунов отметил некоторые романские черты. Наличие трёх притворов и размещение купола над западной частью плана он склонен был объяснять проникновением кавказских влияний. Несмотря на преувеличенное акцентирование внешних влияний, характерное для представляемой им искусствоведческой школы, Брунов признавал своеобразие нового архитектурного типа, сложившегося в XII в. в Северо-Западной Руси. Выводы Н. И. Брунова были сразу же использованы другими авторами, принявшими как предложенную реконструкцию храма архангела Михаила, так и в известной мере нарисованную им общую картину развития архитектуры северо-западных русских земель XI-XII вв. ¹³⁾

Примерно в те же годы И. М. Хозеровым было начато археологическое изучение Михаило-архангельской церкви. Помимо обследования нижних частей стен и фундаментов, он путём закладки зондажа установил на-

¹³⁾ Шчакаціхін М. М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва. Т. 1. Менск, 1928; Корзухина-Воронина Г. Ф. Рязань в сложении архитектурных форм XI - XII веков. - ГАИМК. Бюро по делам аспирантов. Сб. I. Л., 1929, с. 80.

-168-

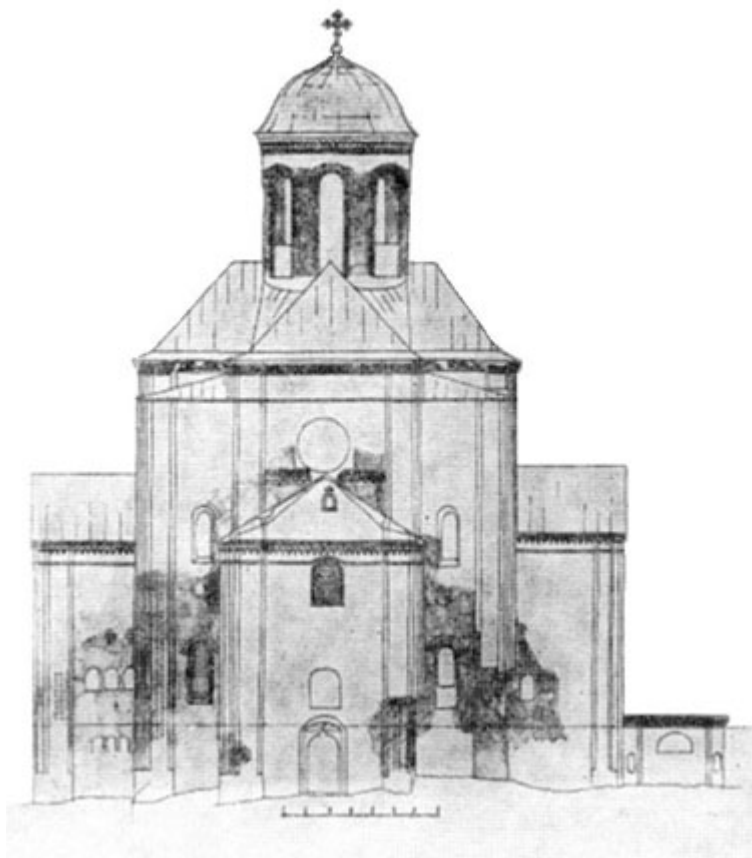

Рис. 83

Западный фасад. Обмер. Темным выделены участки сохранившейся древней кладки (то же на рис. 84 - 87)

личие у пучковых лопаток с лицевой стороны ещё одной, позднее стёсанной, полуколонки, что ещё более усиливает их "романский" характер. Но, пожалуй, особо важным было произведённое Хозеровым археологическое обследование не самой церкви архангела Михаила, а остатков других разрушенных храмов древнего Смоленска, показавшее, что интересующий нас памятник во многих отношениях не был для местной архитектуры единичным явлением.

Наиболее полные исследования памятника были предприняты П. Д. Барановским, выполнившим его обмер и заложившим серию зондажей, что позволило ему обнаружить остатки ныне утраченных деталей фасадной обработки памятника. Работа Барановского, начатая ещё в 1920-е годы, завершилась уже после Великой Отечественной войны, когда храм был лишён кровли, а с его стен на больших площадях осыпалась штукатурка, обнажив древнюю кладку. Условия, тяжёлые для сохранения памятника, оказались как нельзя более благоприятными для его изучения. В 1948 г. Барановский сообщил, что исследования церкви архангела Михаила им завершены. Однако эти исследования, к сожалению, так и не были опубликованы. В 1951 г. впервые была издана выполненная им графическая реконструкция церкви, повторённая позднее в большом количестве изда-

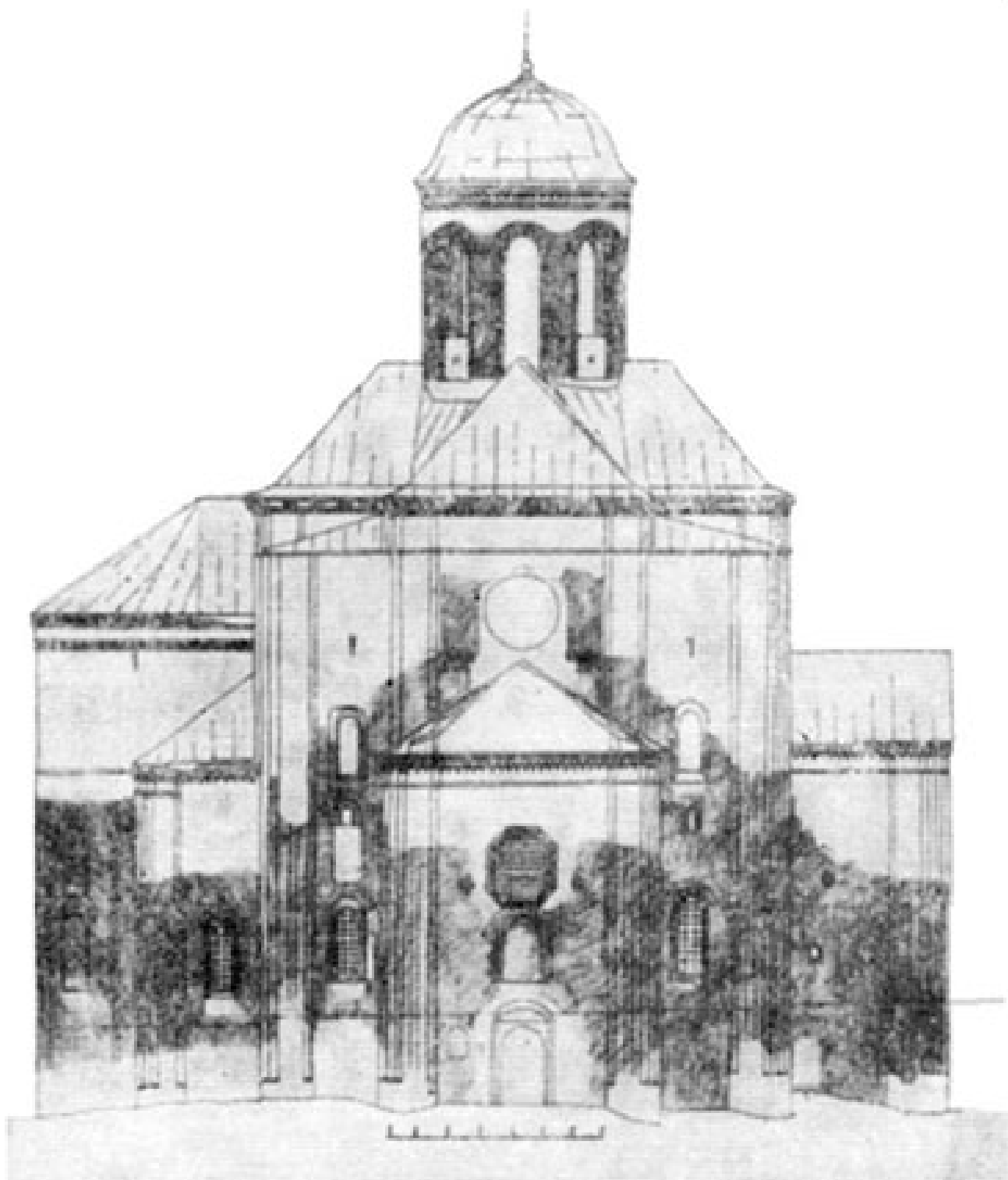

Рис. 84
Северный фасад. Обмер.

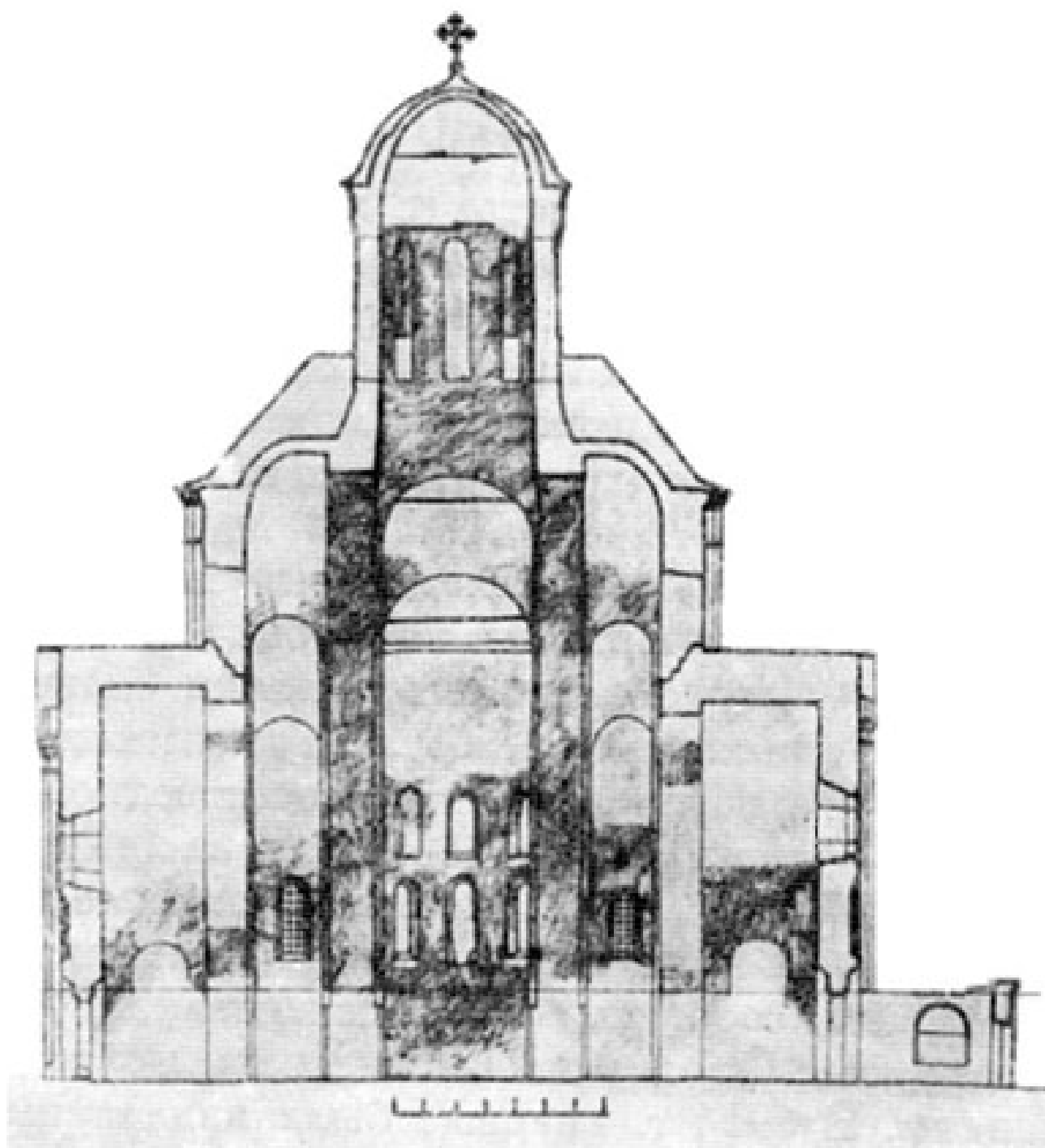

Рис. 85
Поперечный разрез. Обмер.

-170-

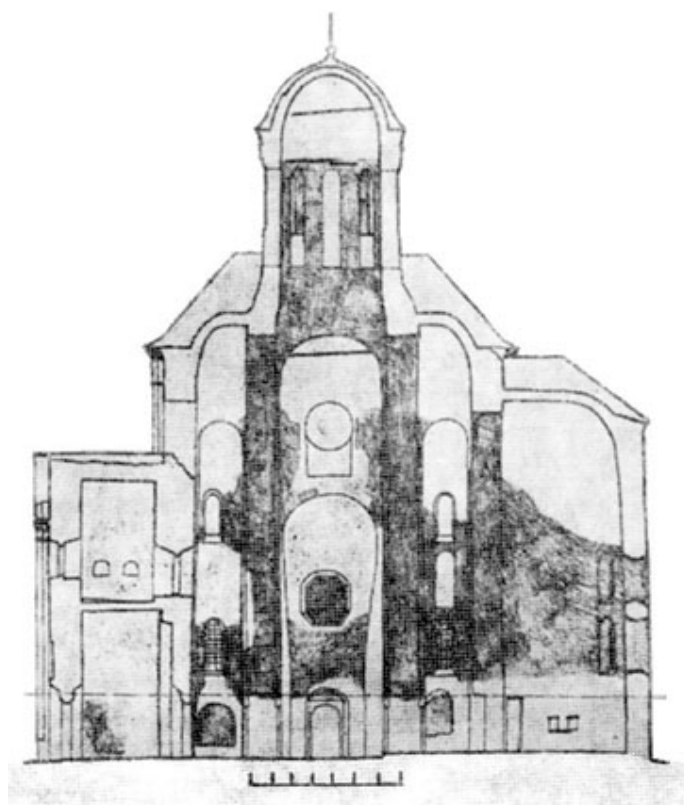

Рис. 86
Продольный разрез. Обмер.

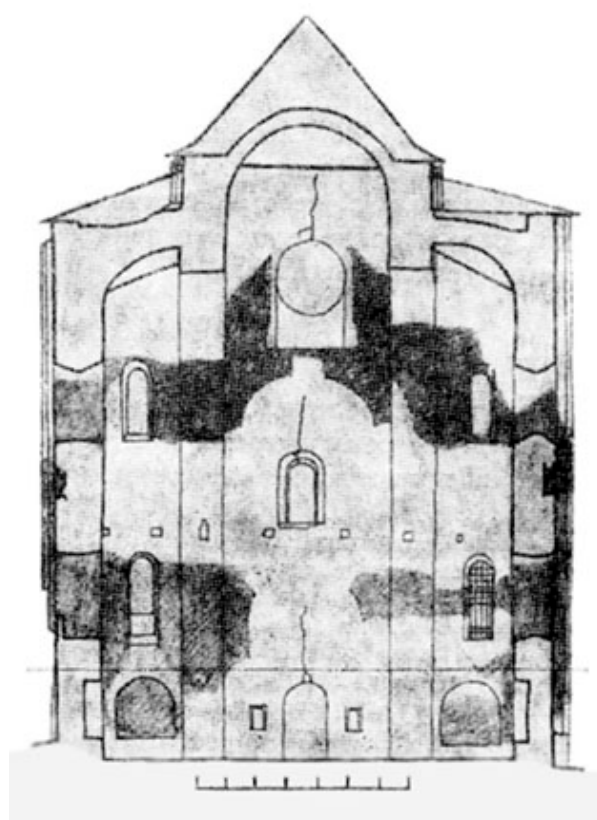

Рис. 87
Разрез с видом на западную стену. Обмер.

ний ¹⁴⁾ (рис. 81). Публикация этой первой, детально проработанной реконструкции памятника при всём значении, которое она имела для изучения истории древнерусского зодчества, несколько не снимала, однако, настойчивой необходимости опубликования материалов исследования. В какой-то мере реконструкция могла даже способствовать созданию превратного представления об архитектуре памятника, с равной степенью достоверности изображая и элементы, существование которых бесспорно подтверждено натурными остатками, и другие, представляющие собой плод неизбежного домысла исследователя.

По мере роста общих успехов в изучении истории древнерусской архитектуры важность смоленского памятника, впервые отмеченная Н. И. Бруновым, вырисовывалась всё более отчетливо. Это делало насущно необходимым проведение новых исследований памятника. Такая возможность представилась в 1961-1963 гг. Центральным научно-реставрационным мастерским. Намечавшаяся программа изучения памятника не была, однако, полностью завершена по независящим от мастерских обстоятельствам, и исследования были продолжены в 1975 г. Общее руководство этими работами осуществлял С. С. Подъяпольский. Археологическое обследование произведено М. Х. Алешковским. ¹⁵⁾ Остатки древней живописи изучены В. Г. Брюсовой. ¹⁶⁾ Б. Н. Рахманиновым впервые исполнены точные чертежи памятника методом стереофотограмметрии (рис. 82 - 87). ¹⁷⁾ В работах 1975 г. принимали участие архитекторы Т. Е. Каменева и Н. В. Каменев, археолог Н. В. Сапожников, искусствовед Л. В. Бетин.

Новые исследования позволили внести определенные уточнения в наши представления о первоначальных архитектурных формах здания, но вместе с тем выявили более значительную степень его перестройки, чем это представлялось ранее. Стало совершенно ясным, что реконструкция, выполненная П. Д. Барановским, не является исчерпыва-

ющей и что в дальнейшем создание достаточно обоснованной во всех своих деталях реконструкции вряд ли окажется возможным. Тем не менее данные исследования церкви архангела Михаила с несомненностью подтверждают исключительность памятника, его высокие художественные достоинства и особое значение для истории русского зодчества.

2

Н. И. Брунов определил церковь архангела Михаила как шестистолпный трёхапсидный храм с тремя притворами. Уже Г. Ф. Корзухина-Воронина отметила в памятнике "наклонность к переходу в тип четырёхстолп-

¹⁴⁾ История русской архитектуры. Краткий курс. М., 1951, с. 23.

¹⁵⁾ Основные данные археологического изучения памятника отражены в статье: *Алешковский М. Х.; Подъяпольский С. С.* Новые данные о церкви Михаила архангела в Смоленске. - СА, 1964, № 2, с. 231-236.

¹⁶⁾ *Брюсова В. Г.* Вновь открытые фрески церкви архангела Михаила в Смоленске. - В кн.: *Культура и искусство Древней Руси*. Л., 1967, с. 82-89.

¹⁷⁾ Новый обмер имеет существенные расхождения в размерах с чертежами, опубликованными П. Д. Барановским. В прежних чертежах не были учтены некоторые особенности памятника, например сужение парусного кольца, делающее внутренний диаметр барабана значительно меньше стороны подкупольного квадрата.

ных церквей", выраженную в том, что восточная пара столбов совпадает с восточной стеной.¹⁸⁾ Ещё более решительно высказался в пользу трактовки храма как четырёхстолпного М. К. Каргер, указавший на утонение стенок боковых апсид по сравнению со стенами основного куба церкви.¹⁹⁾ К этому можно добавить, что восточные внешние окончания боковых апсид, как показали новые обмеры, не составляют одной прямой линии, а достаточно сильно развёрнуты внутрь, благодаря чему дяконник и жертвенник не вписываются в общий контур здания, а образуют как бы изолированные ячейки, приставленные по сторонам сильно выступающей средней апсиды.

Как план церкви, так и в особенности композиция её объёмов характеризуются отчётливо выраженной центричностью, нарушенной только в восточной части устройством трёх апсид вместо примыкающих с других сторон высоких притворов. Однако боковые апсиды не только имеют внешний прямоугольный абрис, но и сильно понижены по отношению к высокой средней апсиде. Благодаря этому средняя апсида и притворы воспринимаются как симметричные выступы, придающие конфигурации здания крестообразный характер.

Другая особенность церкви - необычный вертикализм пропорций, подчеркнутый на фасадах применением многообломных пучковых пилястр, но, пожалуй, особенно ярко выраженный в интерьере (рис. 88).²⁰⁾ Пониженные боковые апсиды и притворы сообщают массам здания характер динамического нарастания. Такая же ступенчатость отличает и построение внутреннего пространства церкви.

Высоко поднятый барабан заметно сужен по отношению к подкупольному квадрату и подпружным аркам. Сужение осуществлено за счёт напуска кладки в уровне верха парусов.²¹⁾ Своды рукавов креста - полулотковые, угловые ячейки перекрыты половинками коробовых сводов, опирающимися своими пятнами на южную и северную стены. Западный притвор разделён (по высоте на два яруса, перекрытых одинаковыми коробовыми сводами. У северного и южного притворов промежуточные своды в настоящее время отсутствуют. Боковые притворы отделяются от основного объёма церкви высокими, расширяющимися кверху арочными проёмами, сама конфигурация которых говорит о поздней переделке. По низу стен между внутренними лопатками помещены равные по величине аркосолии.

¹⁸⁾ Корзухина-Воронина Г. Ф. Указ. соч., с. 80.

¹⁹⁾ Каргер М. К. Указ. соч., с. 81-83.

²⁰⁾ Общее впечатление узости и высоты, особенно сильное у боковых нефов, М. М.

Щекотихин объяснял сильной сдвинутостью столбов к углам (*Шчакаціхін М. М.* Указ. соч., с. 101). Между тем расстановка столбов церкви архангела Михаила, дающая соотношение боковых и средних нефов 1:2, довольно обычна для архитектуры этого времени. Приведём для сравнения аналогичные соотношения некоторых других смоленских памятников: Спасская церковь в Чернушках - 1:1.9; церковь Бориса и Глеба - 1:2; церковь Иоанна Богослова - 1:1.8-1:1.9; церковь Петра и Павла - 1:1.9. Сильно отличается от них только церковь Василия на Смядыни - 1:1.6. Те же соотношения наблюдаются в архитектуре других русских земель (церковь Покрова на Нерли - 1:2).

²¹⁾ Показанный на чертеже П. Д. Барановского вал в основании барабана в действительности не существует, и прежде его также не было.

Рис. 88
Интерьер

Если внутренняя структура здания в целом не очень сильно изменила свой общий характер, то значительно большим искажениям подверглись фасады. Основной куб храма был надложен и получил четырёхскатную кровлю, просуществовавшую до Великой Отечественной войны. Была искажена форма проёмов, сбиты крайние выступающие тяги пучковых пилястр, многие следы первоначальной архитектурной обработки скрыты под слоем новой штукатурки. Именно эти позднейшие искажения послужили впоследствии источником для целого ряда ошибочных суждений об архитектуре церкви архангела Михаила. Степень перестройки памятника стала вырисовываться с большей или меньшей полнотой лишь сравнительно недавно. Только внимательное натурное изучение прояснило в известной мере характер и последовательность переделок.

-174-

Различные части здания могут быть расчленены по применённому материалу на три строительных периода. Основной массив стен, столбы, подпружные арки и барабан сложены из характерной для домонгольского времени плинфы, имеющей размер 3.5-4 x 20-20.5 x 27-28см. Для выкладки деталей - пучковых пилястр, полуколонок, декоративных нишек, надоконных бровок, откосов окон - применена фигурная плинфа, отличающаяся размерами от рядовой плинфы соответственно габаритам архитектурного декора.

Нижняя часть стен церкви (на высоту от 2.5 до 4 м) сложена обычной порядовой кладкой, в основном с гладко затёртыми швами. Выше весь объём здания выложен в системе,

представляющей разновидность кладки "со скрытым рядом". Плинфы через один ряд отодвинуты от поверхности вглубь не более чем на 1-1.5 см и скрыты тонким слоем раствора. Такой приём не обеспечивает надеждой перевязки вертикальных швов между плинфами в смежных рядах и на первый взгляд может показаться скорее декоративным, чем конструктивным. Высота полосы кладки "со скрытым рядом" от 1 до 2 м, а выше вновь идёт порядовая кладка. Внутри храма полоса кладки "со скрытым рядом" имеется на северо-западном столбе, в то время как на северо-восточном столбе её нет. Точно проследить границу между двумя типами кладок довольно трудно, поскольку благодаря небольшому отступу плинфы в "скрытых" рядах даже при самом незначительном повреждении поверхности кладки они становятся практически неразличимыми.

Здание было укреплено несколькими поясами деревянных связей, проходивших как в толще стен, так и между столбами. По квадратным отверстиям, оставшимся в кладке стен и столбов в местах выхода связей, а также в основании окон, всего в пределах главного объёма прослеживаются четыре таких пояса. В нижнем из них связи размещались только внутри стен. Можно предположить, что существовал также и пятый пояс в уровне пят подпружных арок.

Археологическое обследование памятника, начатое в свое время И. М. Хозеровым и продолженное М. Х. Алешковским, позволило выявить структуру основания церкви архангела Михаила. Фундамент из небольших валунов уложен в вырытую для него траншею без раствора. Траншея прорыта в слое песка, но подошва фундамента покоится на материковой глине. Поверх валунов кладки положены на растворе два-три ряда плинф, образующих вымостку, на которой производилась уже уточнённая разбивка плана, с профилировкой пилястр, более геометрически правильной кривой апсиды и т. д. Однако некоторые подробности не были учтены и при этой разбивке и были выправлены лишь с третьего-четвёртого рядов кладки. Так, внешние выступающие тяги - полуколонки пучковых пилястр - выложены не от самой вымостки и позднее дополнены внизу поставленной на ребро плинфой и подмазкой раствором. Основание стен церкви сразу же после возведения было скрыто песчаной подсыпкой, слой которой достигал внутри 50-60 см, а снаружи у стен здания 20-25 см.

Второй строительный период характеризуется применением большемерного кирпича, уложенного в системе готической перевязи, т. е. в технике,

-175-

обычной для русского зодчества XVI-XVIII столетий. Из такого кирпича сложены верха стен (кроме завершения боковых прясел фасада), своды, значительная часть внешней облицовки в нижних частях памятника. Характер кладки, кирпич и раствор во всех этих местах однородны, что позволяет считать их вполне синхронными. Очевидно, к данному же времени следует относить и гладкий белокаменный цоколь, протянутый по всему периметру наружных стен, на который непосредственно опирается позднейшая кирпичная облицовка. Стены вверху, в зоне поздних сводов, укреплены коваными металлическими связями. Датировать второй строительный период можно по характеру некоторых относящихся к нему декоративных элементов, в первую очередь больших восьмигранных окон южного и северного притворов, обрамлённых вытесанным из кирпича двойным жгутом и профилем гуська из кирпича, поставленного на ребро. Эта форма отражает влияние архитектуры московского барокко конца XVII в. Можно также заметить, что своеобразная композиция верха церкви, возникшая при её перестройке, с повышенными средними пряслами стен, образующими крестчатое сечение, обладает известным сходством с завершениями "крыжовых" церквей, бытовавших на Смоленщине в конце XVII-XVIII в.²²⁾ Поэтому имеются, видимо, все основания связывать перестройку с известием об освящении церкви в 1713 г. Несомненно, этому строительному этапу предшествовали и другие, вероятно, неоднократные ремонты и поновления, однако благодаря очень большому объёму строительных работ в начале XVIII в. их следы оказались уничтоженными.

Наконец, более мелкий кирпич, близкий по размерам к современному, применён в карнизе четверика, в верхней части боковых прясел фасадов и в кладке двух маленьких барабанчиков, венчавших главу и алтарную апсиду.²³⁾ Из него же выполнена кладка, обрамляющая большие круглые окна в верхней части средних прясел западного, южного и северного фасадов. Этот последний, третий строительный этап может быть отнесён либо к 1785 г., когда, как упоминалось, ставились новые кресты на храме и алтаре, либо, что скорее всего, к 1822 г. Известно, что в это время переделывалась повреждённая бурей глава, причём для связи шпиля и главы с куполом в своде барабана было проломано отверстие.²⁴⁾

Большие по объёму перекладки верхних частей памятника крайне затрудняют исследование и снижают возможность достаточно обоснованной реконструкции его первоначальных форм. В частности, выявленная лишь недавно принадлежность всех сводов позднему строительному периоду заставляет прежде всего попытаться выяснить, в какой мере существующая структура сводчатого покрытия отвечает первоначальной. Принципиальная важность решения этого вопроса очевидна, так как именно система сводов Михаило-архангельского храма была основным отправным пунктом предложенной в своё время Н. И. Бруновым реконструкции.

²²⁾ *Ширяев С. Д.* Этюды по истории архитектуры Смоленска и белорусской Смоленщины. Смоленск, 1924, с. 47-87.

²³⁾ Верхние части боковых прясел и оба малых барабанчика разобраны в 1963 г. при устройстве на памятнике кровли по проекту, предложенному П. Д. Барановским.

²⁴⁾ *Писарев С. П.* Указ. соч., с. 273.

-176-

Для определения первоначального положения сводов чрезвычайно важно, что сохранились в целости почти все арки, разделяющие отдельные элементы пространственной структуры здания. Большинство этих арок обладает своеобразным устройством. Подпружные арки под барабаном, так же как и арки, отделяющие притворы и среднюю апсиду, состоят как бы из двух концентрических, не перевязанных между собой арок, каждая из которых имеет толщину в две плинфы - около 0.5 м. У арки нижнего яруса западного притвора пяты верхней ярки несколько раздвинуты по отношению к нижней, соответствуя не ширине перекрываемого проема, а ширине находящегося за ним притвора. Такое устройство арок наталкивает на мысль, что верхние арки являлись не чем иным, как торцами лежавших за ними сводов. Это предположение удалось проверить по отношению к аркам и сводам притворов. Правда, существующий сейчас свод нижнего яруса западного притвора, как и другие своды церкви, позднейший. Необходимые данные были получены при исследовании южного и северного притворов. Снятие поздней штукатурки позволило выявить на их торцовых стенах остатки срубленных коробовых сводов, членивших эти притворы так же, как и западный, на два яруса. Положение сводов (высота пят от существующего пола около 4.5 м, высота шельги порядка 6.8 м) вполне соответствует положению второй арки у нижнего яруса западного притвора. Подтверждение существования промежуточных сводов южного и северного притворов легко объясняет необычное очертание расширяющихся кверху проёмов, отделяющих эти притворы от основного объёма церкви. Очевидно, что на их месте, как и у западного притвора, существовало по два, расположенных один над другим, арочных проёма, из которых верхний был несколько шире. Однако ещё более важной представляется нам расшифровка приёма устройства двойных арок, дающая возможность реконструировать примыкавшие к аркам своды не только у притворов, но и у других частей памятника.

Таким образом, удаётся определить точный абрис сводов рукавов креста, средней апсиды, верхних и нижних помещений притворов. Он в основном соответствовал рисунку существующих поздних сводов, с той оговоркой, что своды рукавов креста были, очевидно, коробовыми, а не полулотковыми. Остаётся неясным очертание сводов угловых ячеек, т. е. как раз тех сводов,

форма которых имеет наиболее существенное значение для реконструкции как внутренних, так и в особенности внешних форм памятника. И здесь за неимением прямых доказательств мы вынуждены прибегнуть к сопоставлению всех косвенных данных.

Прежде всего следует отметить разницу в отметках пят подпружных арок, переброшенных от столбов к стенам. Она настолько превосходит различие в отметках пят, имеющееся у подавляющего большинства памятников домонгольского периода, что становится очевидной невозможность применения наиболее обычной для этого времени сводчатой системы, когда пяты коробовых сводов всех пространственных ячеек расположены хотя бы примерно на одном уровне. Есть и ещё одна особенность в устройстве этих арок. У большей части четырёхстолпных храмов домонгольской поры своды угловых ячеек ориентированы шельгами с запада на восток, поэтому служащие опорами для их пят арки, переброшенные от столбов к за-

-177-

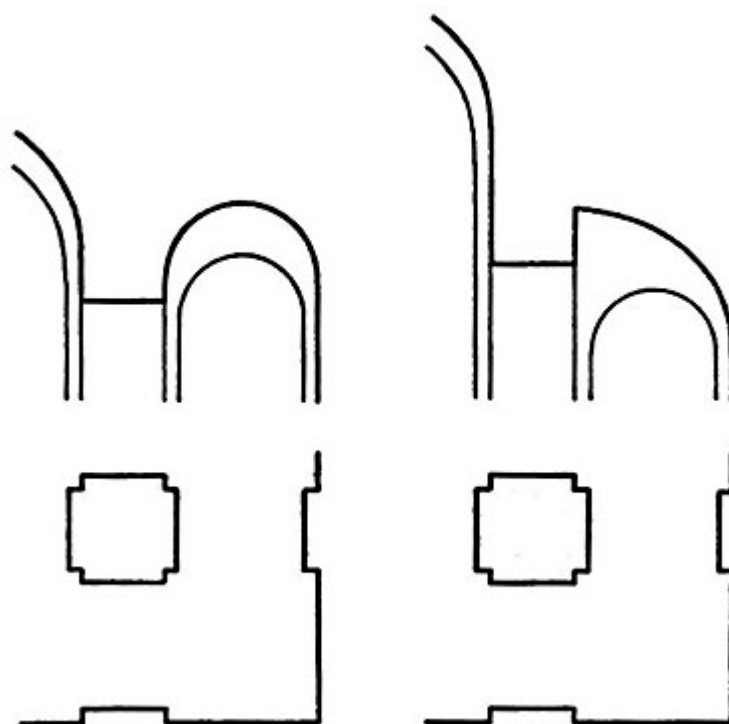

Рис. 89

Схема взаимного расположения арок и сводов

1 - храмы с позакомарным покрытием; 2 - церковь архангела Михаила

падной и восточной стенам, расположены ниже остальных. У церкви архангела Михаила, наоборот, арки, переброшенные от столбов к западной и восточной стенам, подняты примерно на 0.5 м выше, чем южные и северные арки. Такое расположение хорошо увязывается с существующими сейчас полусводами, поднимающимися к западным и восточным аркам (рис. 89).

Всё это, казалось бы, говорит о большой вероятности повторения при перестройке верха памятника прежнего характера сводов угловых ячеек, подобно тому как был повторён характер остальных сводов. Такое предположение помогло бы объяснить и выбор самой формы "четвертного" свода. Аналогичные своды имеются и у других памятников рубежа XII-XIII вв. со сложной высотной композицией (черниговский и новгородский Пятницкие храмы).

Двухъярусное построение притворов указывает на наличие хор в верхней их части. В последний период жизни памятника хоры занимали западную часть основного объёма церкви. Они имели деревянную конструкцию, от которой в западной стене сохранился ряд гнёзд. Выше их, на высоте около 3 м, вдоль всей западной стены и западных прясел боковых стен проходит полоса кладки из большемерного кирпича. Происхождение этого позднего включения в кладку стен западной части храма представляется нам очевидным. Хоры, помещавшиеся первоначально в верхнем ярусе притворов, должны были сообщаться между собой проходом в толще стены, подобно тому, как это имеет место у Пятницкой церкви в Новгороде. При позднейшем ремонте проходы, ослаблявшие прочность стен и ставшие более ненужными, были заделаны, причём для удобства и надежности работ

-178-

внутренняя стенка по мере заделки выламывалась и заменялась новой кладкой.

Не вполне ясным остаётся устройство и расположение входа на хоры. Предположение С. П. Писарева о существовании башни у юго-западного угла, основанное на отсутствии с этой стороны опоясывающего церковь кирпичного валика, совершенно не учитывает того, что сам валик относится ко времени позднейшей перестройки, а вовсе не к первоначальному периоду. Центрическая композиция храма, казалось бы, не предполагает добавления к его объёму каких-либо нарушающих симметрию пристроек. Во всяком случае шурф, заложенный у юго-западного угла церкви, показал, что никаких прикладок здесь не было. Аналогия с черниговским и новгородским Пятницкими храмами указывает на вероятность устройства внутристенной лестницы, которая у обоих названных памятников размещалась в западной и северной стенах. Такому же положению лестницы у Михаило-архангельской церкви мешает наличие аркосолий в стенах четверика, сводящее их толщину до 0,9-1,15 м, что явно недостаточно для размещения в них лестниц. Расстояние по высоте между аркосолиями и нижними окнами составляет всего 1,5 м, что полностью исключает возможность размещения лестниц в стенах четверика. В настоящее время только западные стены боковых притворов имеют от основания достаточный массив, чтобы вместить нижний лестничный марш. Однако более вероятным представлялось бы осуществление входа на хоры с западной стороны, а не через один из боковых притворов. Очевидно, место входа на хоры удастся определить лишь при проведении реставрационных работ, когда окажется возможной закладка более глубоких зондажей.²⁵⁾

Назначение нижнего яруса южного и северного притворов определяется находкой у их восточных стен остатков алтарных апсид. В 1961 г. М. Х. Алешковский раскопал основание апсиды северного притвора, сохранившееся полностью на высоту трёх-четырёх рядов плинфяной кладки (рис. 90). С внешней стороны апсида была украшена двумя полуколонками, остатки одной из которых сохранились, а положение другой, симметричной ей, было уточнено по раскладке плинф. Как и у внешних полуколонок пучковых пилястр, кладка полуколонок апсид притворов начиналась только с третьего ряда, а внизу позднее был приложен обломок плинфы, обмазанный раствором. У апсиды южного притвора кладка сильно повреждена при устройстве поздних склепов, но всё же найденные фрагменты позволяют заключить, что устройство апсид обоих притворов было аналогичным. Достаточно отчётливые следы апсид сохранились и в надземной части здания. Например, в восточных стенах обоих притворов имеются высокие проёмы, заложенные в позднейшее время кирпичом. Рядом с этими проёмами при удалении штукатурки вскрыты вертикальные полосы срубленной плинфяной кладки, отвечающие примыкавшим апсидным стенам. Срубленная кладка распространяется также на южную и северную стены основного объёма церкви в тех пределах, в которых с ними смыкались стены разрушенных апсид. Этим объясняется неровность соот-

²⁵⁾ Вероятно, с лестницей на хоры связано маленькое заложенное окно крестообразной формы, расположенное в северной стене западного притвора.

Рис. 90
Остатки алтарной апсиды северного притвора

ветствующих прясел стен, зафиксированная при обмере памятника. Следы примыкания апсид к телу церкви и притворов позволяют, таким образом, реконструировать не только их план, но и высоту.

Исследования архитектуры интерьера дополняются выявлением остатков аркосолий в восточных пряслах южной и северной стен, аналогичных сохранившимся в западной части церкви, но поднятых на 0.5 м выше. Обнаружены также остатки аркосолия в северной стене западного притвора. Напротив, существующий аркосолий южной его стены оказался целиком сложенным из большемерного кирпича. Все мелкие ниши в алтарной части церкви тоже имеют позднейшее происхождение. Раскопки в алтаре показали, что никаких следов алтарной преграды, престола или "горнего места" не сохранилось. От древних полов найдены лишь небольшие фрагменты керамических плиток с жёлтой и зелёной поливой.

Проведение систематического исследования фасадов церкви архангела Михаила представляет большую сложность уже из-за размеров памятника, исключающих возможность зондирования стен, кроме самых низких их частей, без установки лесов. Поэтому обследование поверхности стен, начатое ещё в 1920-х гг. П. Д. Барановским и продолженное в 1961-1963 гг. Центральными научно-реставрационными мастерскими, не может претендовать на сколько-нибудь исчерпывающую полноту. Даже сама граница перекладки верхних частей памятника выявлена не сплошь, а лишь на отдельных участках, частью за счёт случайного отпадения штукатурки, частью путём закладки зондажей. Поэтому она может быть охарактеризована

Рис. 91

Аркатурный пояс и остатки окна на западном фасаде

только в общих чертах. В средних пряслах западного, южного и северного фасадов плинфяная кладка сохранилась до верхней трети или четверти больших круглых окон. На боковых пряслах граница древней кладки очень сильно понижается, захватывая арки верхнего ряда окон. У средней апсиды кладка из плинфы обрывается на 0.6 м выше арок окон второго ряда. На боковых гранях притворов верх старой кладки, начинаясь у стены церкви под самым карнизом, резко спускается вниз в сторону угловых лопаток. Сравнительно высоко поднимается плинфяная кладка на лицевой стороне северного притвора (почти до верха существующего восьмигранного окна), несколько ниже - южного. Вся западная стена западного притвора, исключая небольшие фрагменты на угловых лопатках, сложена не из плинфы, а из большемерного кирпича. Полностью переложены также верхние части стен жертвенника и дьяконника.

Даже самое общее ознакомление со степенью сохранности древней кладки в верхней части стен ясно показывает, что на раскрытие каких-либо остатков предполагаемой трёхлопастной кривой, завершавшей фасады, рассчитывать не приходится. Тем не менее произведённые исследования всё же дают известный материал для попытки реконструкции общей композиции завершения. Одной из наиболее важных находок было раскрытие П. Д. Барановским в средней трети южного фасада аркатурного пояса, завершённого двумя лентами поребрика. Аркатура сложена не из лекальной изогнутой плинфы, а из коротких обломков обычной прямой плинфы. При исследованиях 1963 г. аналогичные остатки пояса были найдены также на северном и западном фасадах (рис. 91). Хотя аркатурный пояс обнаружен только у средних прясел, можно полагать, что он продолжался

-181-

и на боковых пряслах, где граница сохранившейся древней кладки опускается значительно ниже.

Сам по себе мотив аркатурного пояса с поребриком обычен для кирпичного строительства Южной и Западной Руси XII столетия. У Борисоглебского собора и собора Елецкого монастыря в Чернигове, собора во Владимире-Волынском, церкви Петра и Павла в Смоленске таким поясом отмечены основания закомар. Но у церкви архангела Михаила пояс расположен необычно низко - более чем на 3 м ниже пят сводов рукавов креста, что сразу же заставляет исключить возможность существования обычной для храмов с позакомарным покрытием системы архитектурной декорации.

Исследования 1963 г. показали, что пучковые пилястры в уровне аркатурного пояса прерывались узкой каменной плитой, следы заделки которой вскрыты на северном фасаде. Выше пояса пилястры полностью переложены, но границы старой кладки в пределах средних прясел свидетельствуют, что они продолжались и выше, причём вверху они расширялись на 10-12 см.

Данные раскрытий представляют нам, таким образом, неполную, но в целом довольно характерную картину. Как конструкция сводов, так и остатки архитектурных форм на фасаде ясно указывают на применение необычной системы завершения, при которой средние прясла фасадов, соответствующие сводам рукавов креста, сильно повышены по отношению к угловым частям. Аркатурный пояс, у других храмов отмечающий основания закомар, здесь также, видимо, совпадает с основанием общей линии завершения фасадов. На важность такого членения указывает и наличие плит, перебивающих в этом уровне пилястры, и изменение их сечения, о котором мы можем судить по увеличению их ширины.

Попробуем представить себе возможный рисунок завершения храма. Сильно поднятая средняя часть увенчивалась, вероятнее всего, полукружием, соответствующим очертанию свода. На приподнятость средней закомары указывают также продолжающиеся вверх промежуточные пилястры, без чего мы могли бы представить себе вариант реконструкции со ступенчатыми сводами и такими же закомарами, подобный предложенному для Васильевской церкви в Овруче.²⁶⁾ Венчание угловых прясел было пониженным по отношению к среднему, будучи при этом увязано с расположением аркатурного пояса. Вместе с тем форма полуциркульных закомар здесь, по-видимому, исключена, так как ендовы между боковыми закомарами и повышенной средней частью, опущенные до уровня пояса, оказались бы в таком случае значительно ниже находящихся против них арок, переброшенных от столбов к стенам (их верх поднимается над поясом на 1.5-2 м). Следовательно, если исключить возможность прямоскатных покрытий, заведомо нехарактерных для храмов этого периода, то окажется, что единственная форма завершения боковых прясел, которая несколько не противоречила бы данным, полученным при исследовании памятника, - полуарка, опирающаяся своей пятой на угловую пилястру в уровне аркатурного пояса. К тому же подобная форма на западном и

²⁶⁾ *Раннопорт П. А.* Церковь Василия в Овруче. - СА, 1972, № 1, с. 82.

восточном фасадах соответствовала бы и наиболее вероятному очертанию сводов угловых ячеек.

Итак, цепь рассуждений приводит нас к выводу о справедливости принятой Н. И. Бруновым и П. Д. Барановским реконструкции верха фасадов, очерченного трёхлопастной кривой. Полная симметрия в размещении пилястр на всех фасадах заставляет предполагать, что трёхлопастное завершение имели не только западный и восточный фасады, где боковые полуарки соответствовали полуциркульным сводам, но также южный и северный, где такого соответствия не было.²⁷⁾

Другой принципиальный вопрос, связанный с реконструкцией памятника, касается формы постамента под барабаном. Как известно, П. Д. Барановский реконструировал постамент в виде довольно высокого куба, на который с четырёх сторон поставлены сравнительно небольшие полуциркульные кокошники. Поскольку исследования Барановского остались неопубликованными, трудно проанализировать всю аргументацию, подкрепляющую такую реконструкцию. Основанием для

неё, несомненно, послужили результаты зондажа, заложенного в поздней обкладке основания барабана с северо-западной стороны. Здесь достаточно отчётливо читаются следы примыкания к телу барабана массива кладки, имевшего сверху криволинейное очертание. Несколько ниже выступают отбуточные ряды паруса, образующие в кладке горизонтальный уступ, соответствующий верху изображённого Барановским кубического постамента. В

действительности, однако, наличие уступа обусловлено внутренней конструкцией (угловым парусом), а не формой приложенного снаружи постамента, поэтому оно не может служить достаточным основанием для суждения о характере декоративной обработки последнего.

Для проверки полученных П. Д. Барановским данных в 1963 г. были заложены два других зондажа с восточной стороны барабана, показавшие в целом ту же картину, но с некоторыми подробностями, которые не удаётся проследить с запада, в силу худшей сохранности элементов первоначальной кладки. Здесь, судя по раскрытым фрагментам, верхняя часть постамента имела очертание в форме полуциркулярной кривой с диаметром, равным 3.22 м (рис. 92). В растворе кладки барабана отпечатались радиально поставленные плинфы отбutoчных рядов архивольта, хорошо видные с северной стороны. Ниже пят арки очертание постамента переходит не в горизонтальную линию, как следовало бы из схемы, предложенной Барановским, а в наклонную, которая почти сразу обрывается, так как далее кладка нарушена при переделке завершения церкви. То, что эти

²⁷⁾ На реконструкции Н. И. Брунова трёхлопастное завершение показано со всех четырёх сторон. Реконструкция П. Д. Барановского представлена только западным фасадом. Однако, судя по тому, что на нём изображены также видимые сбоку промежуточные пилястры южного и северного фасадов, очевидно, в представлении автора реконструкции церковь увенчивалась трифолием только с запада и востока. Аналогично показано Барановским и завершение Пятницкой церкви в Чернигове на первом варианте её реконструкции (*Барановский П. Д. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове. - В кн.: Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.-Л., 1948, с. 29*). Позднее, при реставрации этого памятника, трёхлопастное завершение было восстановлено на всех четырёх фасадах.

-183-

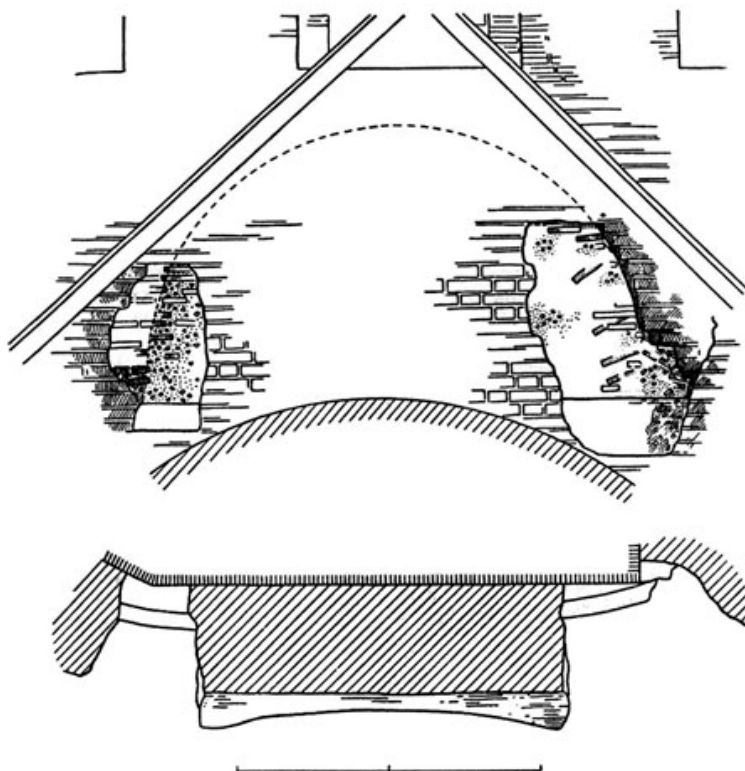

Рис. 92

Зондажи в основании постамента под барабаном. Восточная сторона

наклонные участки не случайны, подтверждается таким же наклонным расположением плинф под пятами арки. Новые данные показывают прежде всего, что верхняя полуциркулярная часть постамента имела меньшие размеры, чем на чертеже Барановского, - лишь около одной трети всей его ширины (по Барановскому - диаметр арки не 3.22, а 5 м). Далее, не получает никакого подтверждения реконструкция нижней части постамента в виде массивного куба, завершённого на углах горизонтальной кровлей. Вместе с тем обрамляющая постамент сложная кривая в пределах сохранившейся части представляет почти полную аналогию с очертанием верха трёхлопастного кокошника, помещённого в основании барабана собора Спасо-Евфросиньева монастыря в Полоцке. Поэтому очень вероятно, что постамент Михаило-архангельского храма был завершён такой же трёх-

-184-

лопастной кривой. Если верен также и вывод о трёхлопастной форме венчания его фасадов, то вся композиция завершения памятника оказывается основанной на повторении одного архитектурного мотива, что, конечно, должно было придавать его внешнему облику большую цельность.

Для уточнения объёмной композиции здания важно было также определить точную высоту отдельных его частей: притворов, средней и боковых апсид, барабана. На данной стадии исследования удалось уточнить только высоту притворов. Зондаж в кладке карниза северного притвора с восточной стороны, в примыкании к пилястре четверика, обнажил на поверхности пилястры след кровли притвора, имеющий на этом участке очертание плавной кривой, сходящей от свода к обрезу стены. Эта находка не только позволяет определить верхнюю отметку стены притвора, но и подтверждает, что покрытие было посводным, скорее всего свинцовым. Высота стен апсид не может быть установлена непосредственно, поскольку плинфяная кладка в верхней их части не сохранилась. Тем не менее с большой долей вероятности можно принять, что высота пониженных боковых апсид, прямоугольных по внешнему очертанию, была одинаковой с высотой притворов, а высота средней апсиды соответствовала аркатурному поясу на фасаде основного куба. Основанием для такого заключения служит совпадение уровня пят как у сводов малых апсид и верхних сводов притворов, так и у арок, отчленяющих угловые компартименты и среднюю апсиду. О высоте барабана можно судить лишь приближённо, так как и карниз его, и купольный свод переложены в позднейшее время.

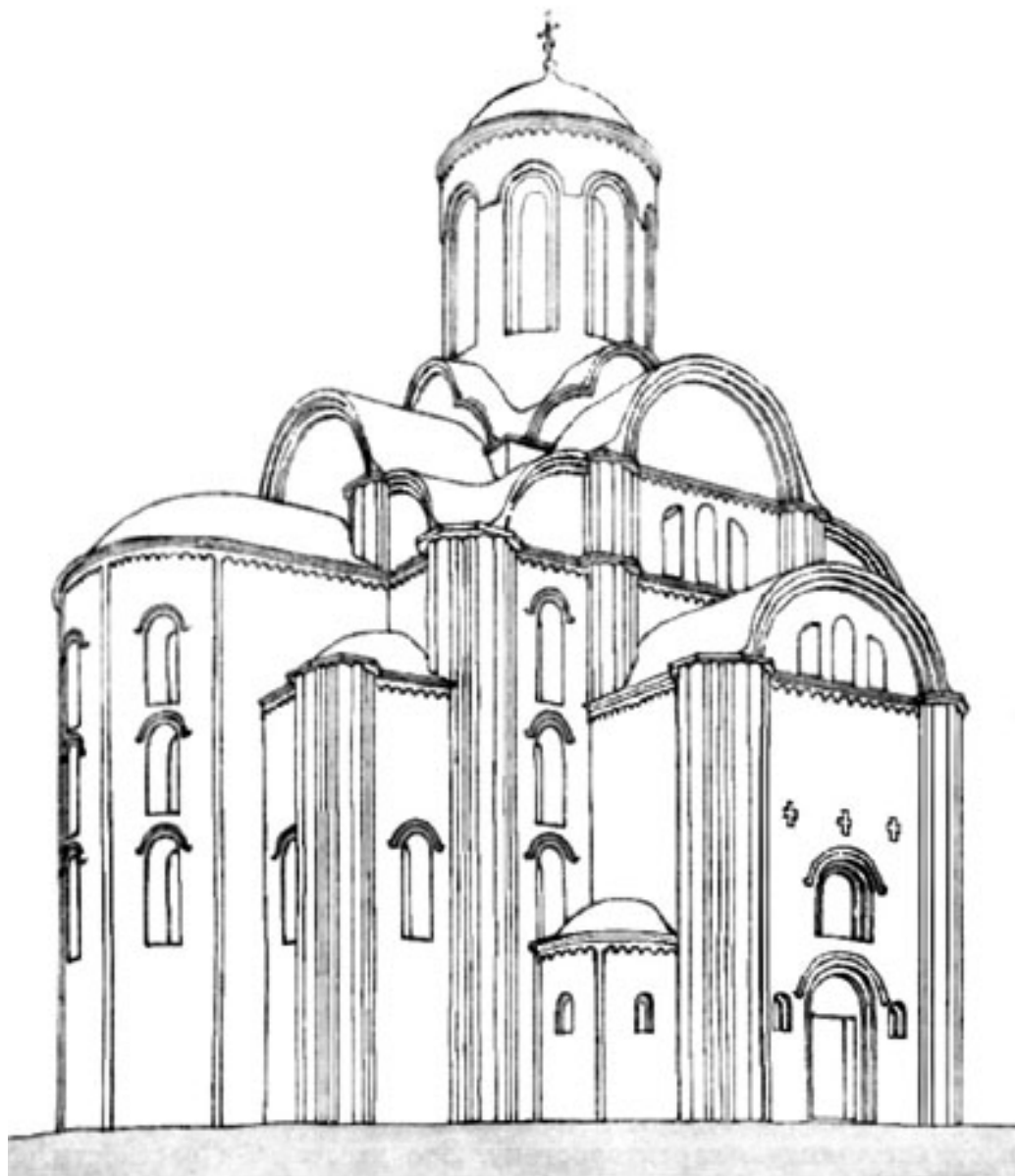
Таким образом, натурные исследования, несмотря на далеко не полную сохранность подлинных элементов, всё же позволяют с известной уверенностью представить себе объёмную композицию церкви архангела Михаила (рис. 93). В целом это представление достаточно близко соответствует ранее опубликованным реконструкциям Н. И. Брунова и П. Д. Барановского. Новым является лишь наличие апсид у боковых притворов и уточнение формы постамента под барабаном, имевшего, видимо, трёхлопастное очертание.

Новые исследования позволили выявить и другие подробности архитектуры памятника, вносящие дополнительные штрихи в его художественную и стилистическую характеристику. Это касается, в частности, формы проёмов. Входы в храм, расположенные по осям притворов, дошли до нас в редакции начала XVIII в. в виде простых дверных проёмов с откосами, обращёнными как внутрь здания, так и на фасад. Остатки древнего портала обнаружены только с северной стороны. Здесь при устройстве поздней вставки полностью сохранена кладка, примыкавшая к обрамлявшей порталную арку бровке, благодаря чему может быть точно реконструирована кривая этой арки. Кроме того, остался нетронутым небольшой фрагмент внешнего уступа портала, обладавшего, судя по всему, устройством, сходным с порталами других кирпичных храмов XII столетия, например с порталом смоленской церкви Петра и Павла.

На первый взгляд может показаться, что и большая часть оконных проёмов, за исключением явно поздних, круглых и восьмигранных, сохранила своё первоначальное устройство.

Действительно, пропорции и размеры, наличие обрамляющей уступчатой ниши, казалось бы, подтверждают

-185-

*Рис. 93
Церковь архангела Михаила. Реконструкция С.С. Подъяпольского*

их принадлежность к традиционному типу проёмов, характерному для большинства известных сооружений XI-XII вв. и в самом Смоленске представленному у обоих более ранних памятников - церкви Петра и Павла и церкви Ивана Богослова.

Такими изображены окна церкви архангела Михаила и на реконструкции П. Д. Барановского, лишь с добавлением надоконных бровок, остатки которых были найдены им после удаления штукатурки. Однако более внимательное обследование показало, что подобное устройство оконных проёмов памятника является результатом позднейшей растёски. Установить первоначальный план проёмов боковых прясел основного объёма церкви

оказалось нетрудно, так как нижняя часть этих проёмов заложена большемерным кирпичом, а растёска начинается только выше заделки. Как выяснилось, прежде они имели в плане форму двух равновеликих трапеций, соединённых узкими основаниями, с одинаково развёрнутыми наружными откосами. Для кладки оконных откосов Михаило-архангельской церкви применена специальная плинфа трапецевидной формы, обеспечивающая гладкую кладку углов и их перевязку. Нижняя часть проёмов прорезалась массивными брусяными связями, которые лишь на половину своей высоты были утоплены в кладку подоконника, что заставляет предполагать устройство закрывающих связи наклонных сливов. Такое сочетание внутрстенных связей с проёмами повторяется и у нижних, и у верхних окон. Аналогичным было и устройство проёмов средней апсиды.

Предположения о первоначальной форме оконных проёмов подтвердились находкой двух полностью заложённых окон, существование которых прежде было неизвестно. Они располагаются симметрично в восточных пряслах южной и северной стен, в промежутке между верхним и нижним рядами окон, и по уровню расположения соответствуют верхним окнам средней алтарной апсиды. Закладка северного окна была частично раскрыта. Проём сохранился почти полностью, утрачена лишь оконница, выломанная довольно грубо, так что повреждена часть примыкающей кладки. В западных пряслах южной и северной стен, а также в боковых пряслах западной стены заложёнными на фасадах зондажами в том же ряду найдены оконные проёмы совершенно иного типа. Это совсем небольшие окна размером 0.3 x 0.6 м, с параллельными притоками. У северного проёма окно расположено в уступчатой нише. Кладка малых окон вообще сильно повреждена, поэтому не исключено, что подобные ниши имели прежде и другие окна, кроме северного. У одного из них (южного) была удалена закладка. Оказалось, что глубина проёма равна 38 см при общей толщине стены около 1.5 м. Несомненно, что найденные маленькие окна освещали не внутреннее пространство храма, а узкие проходы в толще стен, объединявшие хоры, помещённые в верхнем ярусе притворов.

Остатки сходного по форме окна были обнаружены на южном фасаде западного притвора. Этот проём, соответствующий по уровню нижнему ряду уступчатых ниш, показанных на реконструкции П. Д. Барановского, освещал входное помещение притвора. От проёма сохранились пята арки и часть притоки со следами наклонного слива над подоконником. Не исключено, что по крайней мере часть арочных ниш, проходящих внизу по стенам притворов, также прорезалась прежде в середине небольшим световым проёмом.

Расположение окон боковых прясел в три яруса, из которых два нижних соответствуют по высоте окнам средней апсиды, выявляет определённую закономерность в распределении проёмов по высоте, связанную с членением стен на ярусы проложенными в их толще через правильные промежутки поясами деревянных связей. Вместе с тем оно наводит на мысль о необходимости существования верхнего, третьего ряда окон и у средней апсиды. К сожалению, последний вывод не может быть проверен документально, так как непосредственно над бровками второго ряда апсидных окон начинается зона сплошной перекладки.

Форма окон боковых апсид несколько отличалась от формы окон основного объёма и средней апсиды благодаря меньшей толщине стен и их округлому внутреннему очертанию. Тем не менее общая схема проёма, судя по найденным фрагментам, оставалась той же.

Принципиально иными по своему устройству были оконные проёмы располагавшиеся в средних пряслах западной, южной и северной стен, выше примыкания притворов, где сейчас существуют большие круглые окна. По сторонам круглого проёма на южном фасаде П. Д.

Барановским были раскрыты притолоки первоначальных окон, а у одного из них, правого, - также и перемычка, выполненная уже из большемерного кирпича, но, по всей видимости, воспроизводящая старую форму. На основании этих остатков Барановский реконструировал в средней части фасада тройной оконный проём, правда, допустив некоторые неточности в деталях, которые удалось исправить при последующем исследовании. Прежде всего, эти окна, имевшие параллельные притолоки, с фасада не были обработаны уступчатыми нишами, как это имеет место у более ранних смоленских памятников. Кроме того, боковые проёмы тройных окон завершались не циркульными арками, а полуарками, что при несколько приподнятой средней арке придавало общему очертанию окон характер трёхлопастной кривой. Верхние части тройных окон приходятся уже на зону позднейшей перекладки и представляют собой своеобразную "реставрацию" начала XVIII в. Характер старых форм был при этом воспроизведён вплоть до таких деталей, как устройство надоконной бровки также из большемерного кирпича. У северного окна сохранился фрагмент плинфяной кладки в пяте перемычки одного из боковых проёмов, подтверждающий соответствие "реставрированной" формы тройных окон первоначальной. Единственным расхождением между остатками окна XII в. на северном фасаде и воспроизведённым при перестройке окном на южном фасаде, использованным Барановским для его реконструкции, является отсутствие надоконной бровки у подлинного северного окна. Трудно, конечно, судить, отсутствовали ли первоначально бровки у всех тройных окон средних прясел или же только у одного северного окна, обращённого в сторону высокого обрыва и, возможно, поэтому обработанного более скупой. Важно также отметить, что тройные окна, как первоначальные, так и воспроизведённые позднее при перестройке церкви, были значительно меньше по высоте, чем это показано на реконструкции Барановского, и не захватывали тимпана средней закомары, что скорее всего было обусловлено расположением в этом уровне верхнего ряда внутрискладчатых связей.

Наконец, к последнему типу окон относятся проёмы барабана. Они совсем не подверглись позднейшей растёске и были лишь заложены: расположенные по основным осям - полностью, а диагональные - примерно на одну треть своей высоты. Реконструкция П. Д. Барановского передаёт их в целом правильно, имеются только некоторые погрешности в размерах. Окна барабана в плане трапециевидные благодаря радиальному направлению их притолок и обработаны с фасада уступчатой нишей. Надоконные бровки над ними объединены, образуя единую аркатуру. Для памятника конца XII в. окна барабана Михаило-архангельской церкви необыкновенно велики. По своим размерам (0,8 x 4,7 м по наименьшему сечению)

-188-

они могут быть сопоставлены только с окнами центрального барабана Софии Киевской.

Насколько мы можем судить, помимо пучковых пилястр, аркатурного пояса и украшенных бровками проёмов, основной куб церкви не имел иного архитектурного убранства. Во всяком случае в пределах сохранившейся плинфяной кладки плоскость стен не нарушается включением декоративных ниш, крестов или каких-либо иных орнаментальных мотивов. Столь же скупой были обработаны и алтарные апсиды, если не считать четырёх вертикальных тяг-полуколонок, членивших полукружие средней апсиды. В противоположность этому плоскости стен притворов были богато декорированы. Основным мотивом декорации - двухступчатые ниши, помещённые по сторонам порталов, а на западных фасадах южного и северного притворов и южном фасаде западного - в два яруса, по три в каждом ряду, причём ниши верхнего ряда несколько больше нижних по размеру и шире расставлены. В некоторых из нижних ниш, как было сказано, помещались маленькие окна. Над южным и северным порталами сохранились большие ниши-киоты, прежде, как порталы и окна, увенчанные бровками. Кроме этих элементов, получивших отражение уже на реконструкции П. Д. Барановского, новыми исследованиями вскрыты остатки выступавших крестов, помещённых на западной стороне боковых притворов над верхним рядом ниш. У северного притвора удалось раскрыть остатки таких же крестов по сторонам

позднейшего восьмигранного окна. Кресты - четырёхконечные, слегка вытянутые по вертикали, с расширяющимися к концам ветвями. На северном фасаде западного притвора видны остатки креста иного рисунка, без расширения ветвей.

От богатого декоративного убранства интерьера Михаило-архангельского храма сейчас остались лишь незначительные следы. При росписи церкви в XVIII в. древняя штукатурка была сбита, поэтому уцелевшие фрагменты стенописей XII в. крайне незначительны.²⁸⁾ В основном старый левкасный слой сохранился на притолоках заложённых проёмов, что подтверждается зондажами, произведёнными в закладках арки западного притвора и алтарного проёма южного придела. Однако и здесь красочный слой почти полностью утрачен. В пределах основного объёма зафиксированы два значительных фрагмента древней штукатурки. На одном из них, на западной стене, едва просматривается общее пятно крупной мужской фигуры, нимб которой очерчен графией. Наибольший интерес представляет фрагмент росписи, раскрытый в северном притворе. Здесь сохранилась на полную высоту часть орнаментальной полосы, занятой рядом равноконечных крестов, дополненных растительными мотивами. Над ней - участок позема и остатки четырёх фигур (ноги и края одежд). Хотя поверхностный слой живописи почти полностью утрачен и уцелел главным образом подмалёвок, выполненный частично во фресковой, частично в темперной технике, этот фрагмент всё же даёт наиболее полное представление о характере внутренних росписей церкви архангела Михаила.

Роспись церкви не ограничивалась только интерьером. Об этом говорит уже само наличие киотов над входами. Живопись киотов утрачена,

²⁸⁾ Подробнее об этом см.: Брюсова В. Г. Указ. соч.

но над южным киотом ниже сбитой бровки ещё просматривается контур ленты растительного орнамента, состоявшего из ряда пальметт. Остатки покраски (охра, красная охра) уцелели на поверхности освобождённых от закладки двухступчатых ниш северного и южного притворов. Неожданной находкой при исследованиях 1963 г. было раскрытие хорошо сохранившейся орнаментальной росписи на наружных откосах освобождённого от закладки оконного проёма второго яруса северной стены храма. Эта роспись, состоявшая из ряда крупных пятилепестковых цветов, вписанных в круги, была выполнена в светлых, ярких тонах и несомненно вносила дополнительный элемент праздничности во внешний облик здания. По технике она, видимо, не отличалась от внутренних росписей; во всяком случае она положена на сходный грунт, содержащий значительные песчаные добавки. Наряду с этим на отдельных участках наружных стен (например, на лицевой стороне арочной перемычки под бровкой того же окна, но главным образом в зоне аркатурного пояса) были обнаружены довольно значительные фрагменты штукатурки совершенно иного состава, состоящей из белого известкового теста с наполнителем из колотой плинфы (куски размером от 1-2 до 10 мм). Эта находка убеждает нас, что поверхность фасадных стен, несмотря на кажущуюся декоративность системы со "скрытым" рядом, уже в древности была оштукатурена с выделением цветом отдельных архитектурных и декоративных элементов.

Новые материалы в целом подтверждают правильность общего представления о памятнике, сложившегося в результате исследований Н. И. Брунова, И. М. Хозерова и П. Д. Барановского. Вместе с тем ряд аспектов его реконструкции может быть сейчас значительно уточнён. К числу наиболее существенных новых наблюдений могут быть отнесены доказанное членение южного и северного притворов на два яруса, а также устройство в нижних ярусах приделов; наличие второго, промежуточного ряда окон а основном объёме храма - больших в восточных пряслах и

маленьких, освещающих внутристенные проходы, - в западной его части; иная, чем предполагалось ранее, форма проёмов; перебивка лопаток в зоне аркатурного пояса; новые данные о форме постамента под барабаном, заставляющие склоняться к предположению о трёхлопастной линии его завершения; дополнительные сведения о декоративной обработке стен. Серьёзным пробелом в исследовании памятника, вряд ли восполнимым и в дальнейшем, остаётся полное отсутствие выявленных остатков завершения всех основных его частей - четверика, апсид, притворов, барабана. И хотя объёмная композиция здания может быть воссоздана почти с полной уверенностью, без натурных данных о подробностях формы и деталях декоративной обработки верхних частей фасада любая графическая реконструкция обречена на неизбежную гипотетичность в изображении отдельных элементов. Поэтому необходимо оговориться, что в предлагаемом нами варианте реконструкции, опирающемся на последние исследования, сделан ряд допущений (рис. 94 - 97). Прежде всего аркатурный пояс, найденный только

-190-

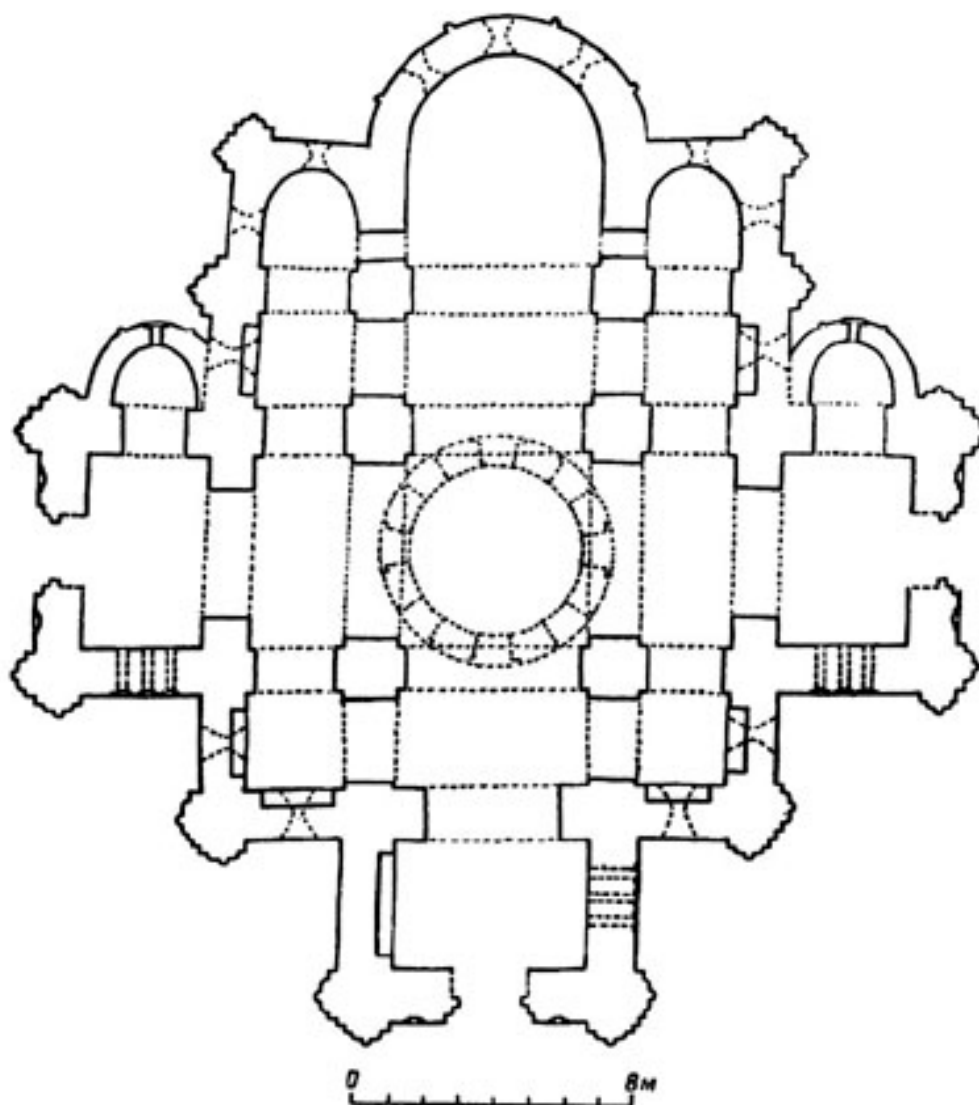

Рис. 94
Церковь архангела Михаила. Реконструкция плана

в пределах средних прясел основного объёма, показан также у боковых прясел, в венчании притворов, алтарных апсид и барабана. Такое условное решение в известной мере оправдывается ссылкой на аналогию Пятницкой церкви в Новгороде, памятника, наиболее типологически близкого к Михаило-архангельскому храму из всех сохранившихся построек того времени, где аркатурный пояс проходит и по стене притвора. Однако надо отдавать себе ясный отчёт, что известное единообразие, вносимое такого рода повторением одного мотива в венчание всех отдельных частей здания, домыслено нами и могло отнюдь не иметь места в прошлом. Принципиально менее существенное, хотя и столь же произвольное добавление - формы декоративной обработки верхней части фасадных стен притворов и средних прясел основного объёма, профилировка верхней части пилястр, рисунок архивольта. С этими оговорками новая реконструкция может, как нам кажется, претендовать на достаточную степень точности и доказательности. Для полной ясности все элементы, дополняемые не на основании на-

-191-

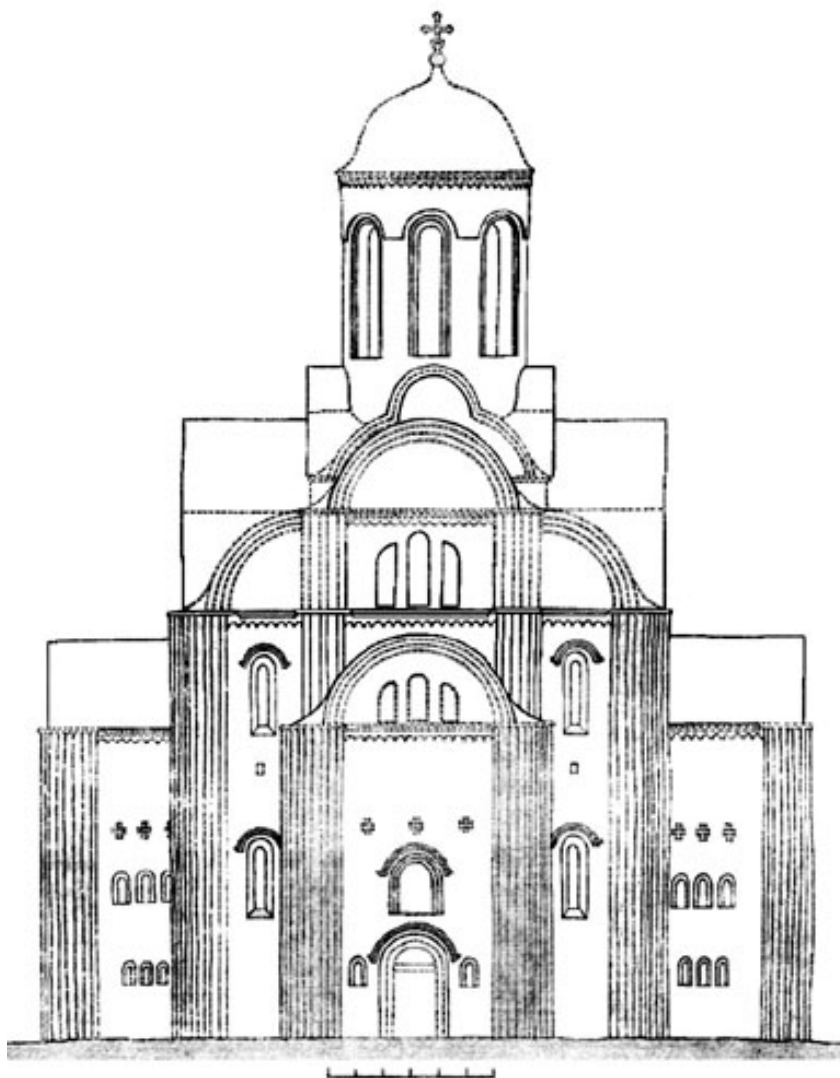

Рис. 95

Церковь архангела Михаила. Западный фасад. Реконструкция С.С. Подъяпольского

-192-

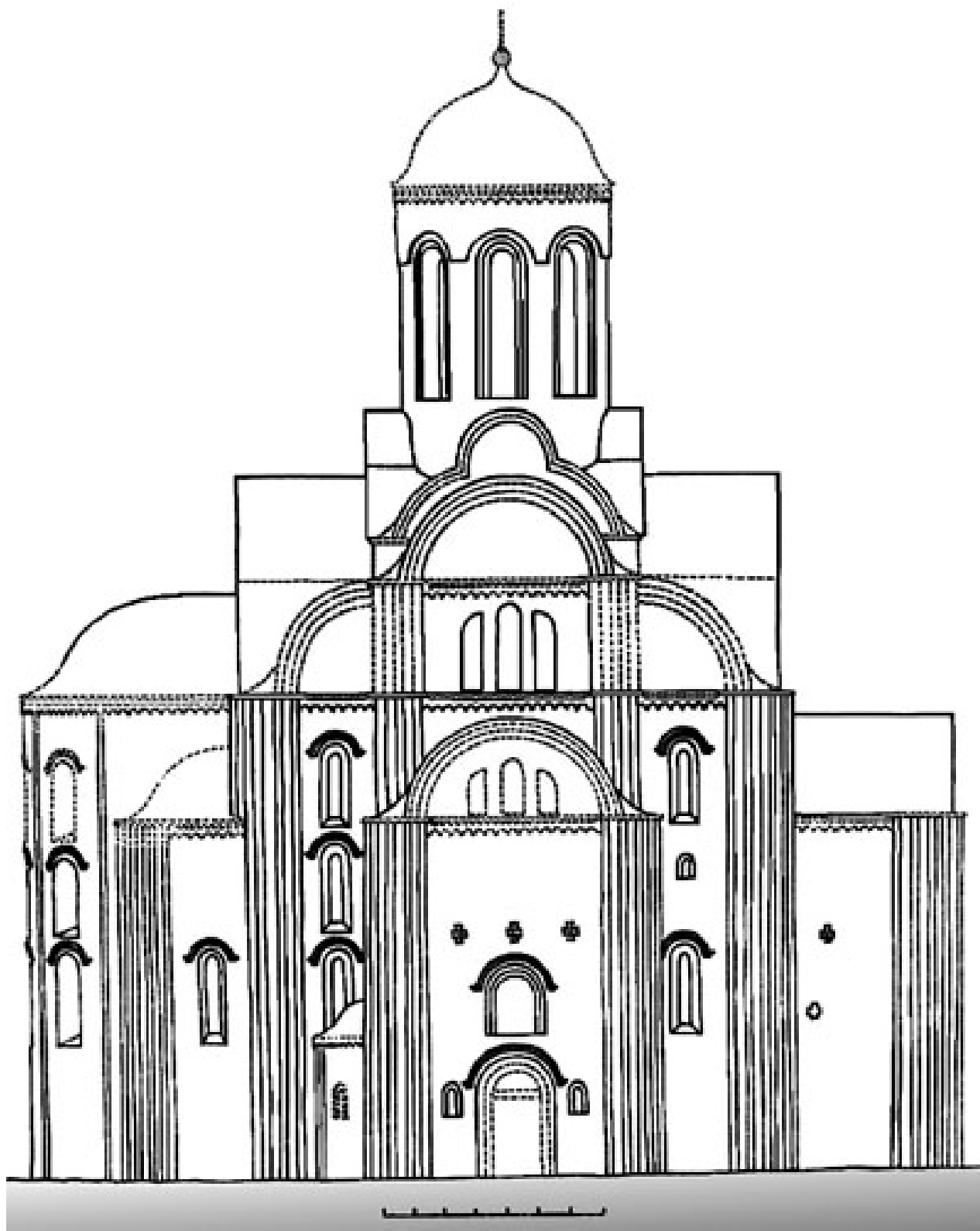

Рис. 96
Церковь архангела Михаила. Северный фасад. Реконструкция С.С. Подъяпольского

-193-

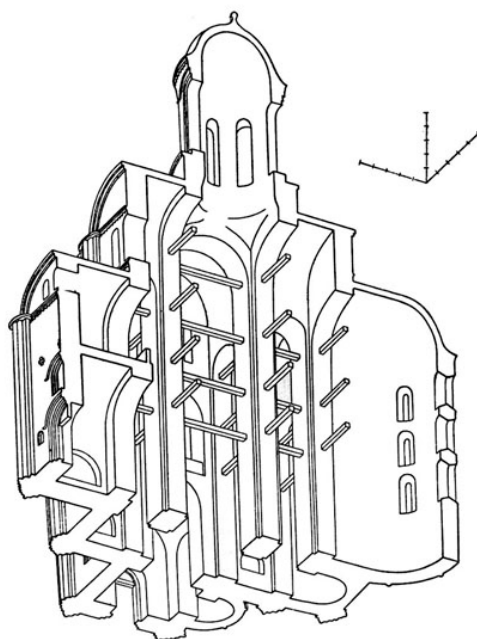

Рис. 97

Церковь архангела Михаила. Аксонометрический разрез. Реконструкция С.С. Подъяпольского

-194-

турных данных, а лишь из косвенных соображений, показаны на чертеже пунктиром.

Михаило-архангельская церковь была безусловно выдающимся архитектурным произведением. Её композиция на редкость проникнута цельностью основной идеи - создания центричного сооружения, сгруппированного из симметрично составленных ступенчатых нарастающих объёмов. Последовательность градации разных по высоте частей здания заставляла острее почувствовать его масштаб. В этом отношении существенное значение имело устройство небольших апсид у южного и северного притворов, добавлявшее к масштабной шкале сооружения ещё одну, низшую ступеньку, непосредственно соотносимую с размерами человека. Многократное повторение плавных арочных и трёхлопастных линий усиливало впечатление стремительного движения вверх. С большим художественным тактом мастер насытил мелкими декоративными формами - рядами уступчатых ниш и выступающих крестов - более низкие объёмы притворов, оттенив строгий и величественный характер архитектуры основного объёма.

В не меньшей степени отмечено цельностью замысла и решение внутреннего пространства церкви. Компактность и слитность её объёма позволяли и внутри едва ли не с ещё большей остротой воспринять ступенчатость вертикального построения. Членение на два яруса притворов, открытых внутрь храма широкими арками, сильнее, чем теперь, выделяло основной объём и подчёркивало его динамическую устремлённость вверх, резко отличающую Михаило-архангельскую церковь от смоленских храмов середины XII столетия. Можно представить себе, что благодаря необычным размерам окон барабана храм был прямо-таки наводнён льющим сверху светом. Это обилие света и многокрасочность пышного убранства должны были создавать ощущение феерического великолепия, вполне оправдывая восторженный отзыв летописца.

-195-

Собор Троицкого монастыря на Кловке

1

Наиболее ранние сведения о существовании в Смоленске Троицкого монастыря содержатся в документе 1506 г., где этот монастырь упомянут среди "общинных" монастырей.¹⁾ Позднее Троицкий монастырь оказался тесно связанным с бурными событиями польско-русской борьбы за Смоленск в первой половине XVII в. В 1609 г. русские воеводы М. Шеин и П. Горчаков доносили царю, что польские войска "пришед под Смоленск, стали в Троецком и в Спаском, и в Борисоглебском, и в Орхангельском, и в Духовском монастырех".²⁾ Известно о событиях этого времени, связанных с Троицким монастырём, и из польских источников. Так, этот монастырь упоминается как пригородный в дневнике С. Бельского (1609 г.).³⁾ По-видимому, монастырь сильно пострадал во время осады, поскольку в записи иезуитов, сделанной в 1617 г., указано: "Четыре монастыря находятся за стенами крепости - от них остались только стены храмов. Первый - Спасителя на горе. Второй - св. Троицы".⁴⁾ Во время осады Смоленска русскими войсками в 1633 г. вокруг монастыря был расположен "обоз Прозоровского", т. е. база той части русской армии, которая осаждала Смоленск с запада.⁵⁾ Когда воевода Прозоровский снял неудавшуюся осаду и отошёл на соединение с основными силами русской армии, он "зажёг и взорвал порохом" церковь св. Троицы.⁶⁾ На гравюре В. Гондиуса собор Троицкого монастыря у устья р. Кловки изображён уже лишённым главы и сводов (рис. 98).⁷⁾ После этой катастрофы постройки монастыря, видимо, уже более не возобновлялись, а его территория была передана Троицкому монастырю, обосновавшемуся на новом месте, в центральной части Смоленска. В документе 1680 г. эта земля названа уже "пустошью Кловкой".⁸⁾

На месте монастырского храма ещё в конце XVIII в. стоял крест.⁹⁾ К началу XIX в. у устья Кловки сохранились лишь "следы фундамента"

¹⁾ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб., 1846, с. 370 (№ 224).

²⁾ АИ, 1841, т. 11, с. 318 (№ 266).

³⁾ Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные К. М. Оболенским. Т. 3. м., 1848, с. 6, 18.

⁴⁾ Погодные записи смоленских иезуитов. - СС, 1916, вып. III, ч. 2, с. 27.

⁵⁾ См., например, чертёж осады Смоленска, исполненный в 1633 г. Чертёж приложен к книге: Biblioteka ordynacyi Krasinskiach, Warszawa, 1895, t. 13.

⁶⁾ Об этом писал, например, в письме к брату участник войны Ян Москоржевский в сентябре 1633 г. (Biblioteka..., s. 42).

⁷⁾ Даниловский А. План осады и обороны города Смоленска в 1632-1634 гг. - В кн.: Материалы Военно-учёного архива. Картографические материалы. Вып. II. СПб., 1904, с. 48, № 67 ("Русская церковь св. Троицы", изображённая в ограде лагеря Прозоровского).

⁸⁾ Документ деревни Чернушек 1680 г. - СС, 1911, вып. I, ч. 2, с. 43.

⁹⁾ Писарев С. П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, с. 90.

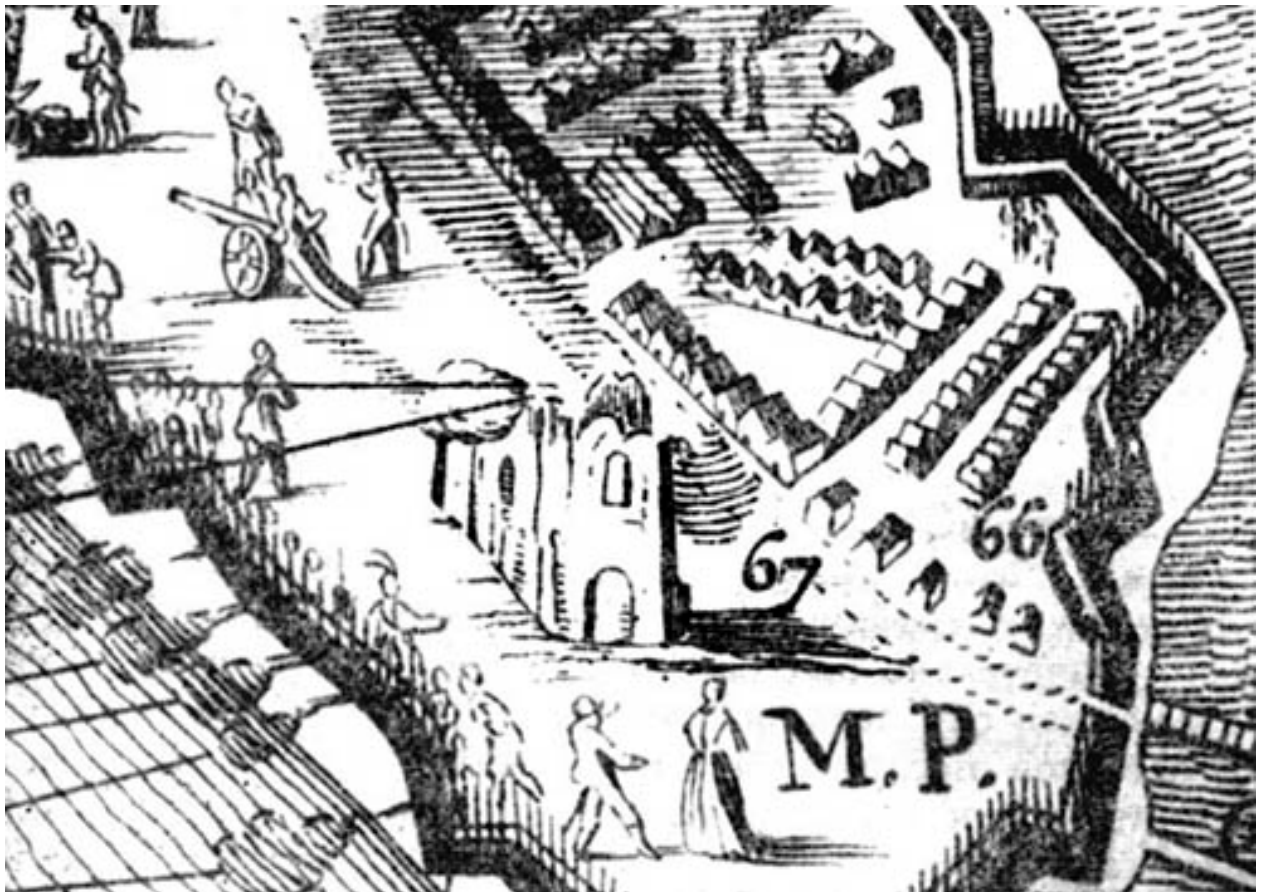

Рис. 98
Троицкий собор. По В. Гондиусу

Троицкого монастыря.¹⁰⁾ М. П. Полесский-Щепилло, первый историк, начавший археологические раскопки памятников смоленского зодчества, отметил, что "к важным же историческим остаткам монастыря Троицкого, бывшего единственным здесь приютом для гостей, заезжих с запада, рука археолога ещё не прикасалась".¹¹⁾

По вопросу о дате церкви Троицкого монастыря мнения историков расходились. С. П. Писарев относил её строительство к XV-XVI вв. и ссылаясь при этом на то, что она сложена из позднего, брускового кирпича.¹²⁾ В противовес этому И. И. Орловский отметил, что по типу кирпича

¹⁰⁾ *Свиньин П. П.* Взгляд на достопримечательные здания в г. Смоленске и урочищах, находящихся в Смоленской губернии. - *Отечеств. зап.*, 1826, ч. XXVII, № 77, с. 315.

¹¹⁾ *Полесский-Щепилло М. П.* Раскопки развалин древнего храма св. великомученицы Екатерины в восточном предместье г. Смоленска. - В кн.: *Памятная книжка по Смоленской губернии на 1870 год.* Смоленск, 1870, с. 37. - Следует отметить, что не только М. П. Полесский-Щепилло, но многие историки считали Троицкий монастырь основной базой литовских купцов, местом, где существовал специальный литовский Гостиный двор. Это ошибочное мнение основано на сведениях С. Герберштейна, хотя Е. Замысловский уже в 1884 г. убедительно показал, что упомянутый Герберштейном Троицкий монастырь был расположен не в Смоленске, а значительно выше по Днепру, в районе Вязьмы (*Замысловский Е.* Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884, с. 165). Действительное место литовского Гостиного двора в Смоленске хорошо определяется документом 1595 г.: этот двор находился на правом берегу Днепра (ААЭ, 1836, т. 1, с. 451, № 365-П. См. также: *Ширяев С. Д.* Смоленск и его социальный ландшафт в XVI-XVII веке. Смоленск, 1931, с. 39).

¹²⁾ *Писарев С. П.* Указ. соч., с. 25.

церковь несомненно относится к XII-XIII вв.¹³⁾ Оба историка достаточно хорошо знали древние смоленские памятники, чтобы не спутать кирпичную кладку XII-XIII вв. с кладкой XV-XVI вв. Очевидно, Писарев видел выступающие из земли части другой монастырской постройки, а не церкви; быть может, того "длинного двухэтажного здания с сводчатыми подвалами", которое упорно связывали с литовским Гостиным двором.¹⁴⁾ Орловский находился в более выгодном положении, так как присутствовал при каких-то небольших любительских раскопках. Он писал, что развалины монастыря "ещё не исследованы научно, а только любительски, и то немного и недавно (1907-1908 г.)"¹⁵⁾ Здание церкви было всё же настолько вскрыто, что Орловский смог отметить наличие столбов и трёх алтарных апсид. Перед храмом к западу, "немного вправо к берегу Днепра", он видел постройку литовского времени.

Впрочем, окончательно вопрос о дате древней церкви не был решён, и поэтому П. Цветков справедливо писал: "Только научно поставленное исследование остатков могло бы показать, какой древности главная часть монастыря и что в нём является позднейшего пристройкой"¹⁶⁾ Даже такой внимательный историк смоленской архитектуры, как И. М. Хозеров, отрицал наличие на Кловке храма XII-XIII вв.¹⁷⁾

В XIX в. на площадке древнего храма стоял дом, принадлежавший городскому Троицкому монастырю.¹⁸⁾ После разрушения этого дома здесь не было больше никаких построек.

В настоящее время на территории древнего монастыря возвышаются три всхолмления: западное и восточное примыкают к краю береговой надпойменной террасы Днепра, а среднее, самое большое по площади, расположено чуть дальше от берега (рис. 99).

В 1964 г. была проведена разведка на западном всхолмлении, а в 1972 г. траншеей прорезано восточное всхолмление. Выяснилось, что оба они представляют собой остатки каких-то сооружений, относящихся к XV-XVI вв. Вероятно, это были хозяйственные постройки Троицкого монастыря. Вместе с тем находки в раскопках кусков плинфы и прослойки плинфяного щебня свидетельствовали о наличии неподалёку более древнего здания.

Несколько западнее всех трёх всхолмлений в Днепр впадает речка Кловка. Она в настоящее время почти полностью пересохла, но русло её видно отчётливо, а во время сильных дождей здесь текут потоки воды. При впадении в Днепр речка образует овраг с обрывистыми берегами, в котором видно значительное количество плинфы и кусков древнего раствора. Видимо, эти остатки вымываются водой из развалов, лежащих где-то неподалёку в земле.

¹³⁾ Орловский И. И. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. - СС, 1909, вып. I, ч. 1, с. 237 (прим. 4).

¹⁴⁾ Орловский И. И. Достопамятности Смоленска. Смоленск, 1906, с. 37.

¹⁵⁾ Орловский И. И. Борисоглебский монастырь..., с. 237.

¹⁶⁾ УЦДС, с. 88.

¹⁷⁾ Хозеров И. М. Рукопись ИИ, с. 214.

¹⁸⁾ В 1911 г. здесь ещё стояли дом и сарай. - ЛОАИА, ф. 1, 1888, д. 18в, л. 60.

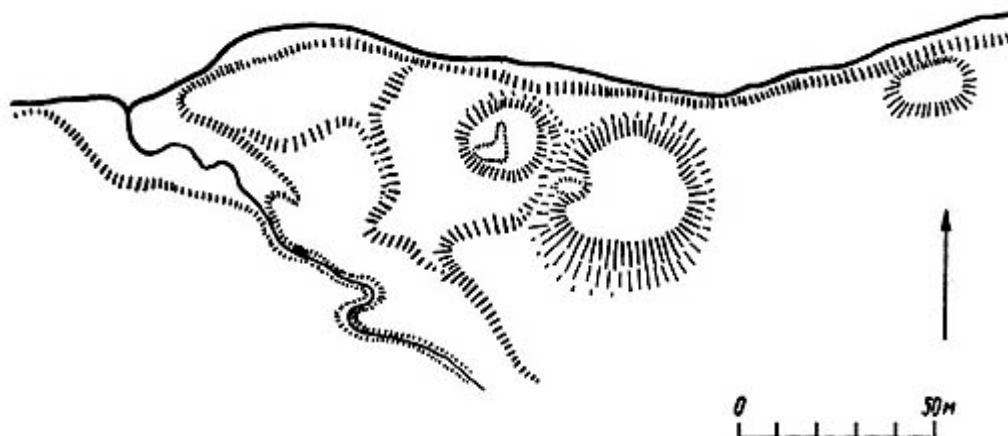

Рис. 99
Территория руин Троицкого монастыря

Все эти данные не оставляли сомнений в том, что под средним, наиболее крупным всхолмлением находятся остатки собора Троицкого монастыря - постройки домонгольского времени. Здесь в 1972 г. были начаты раскопки. Обнаруженное здание собора оказалось сохранившимся на высоту около 1 м, причём стены его не были испорчены ямами или погребениями, а профилировка пучковых пилястр сохранилась почти полностью. Учитывая относительно хорошую сохранность памятника, решено было вскрыть его не целиком, а лишь наполовину, к северу от продольной оси, с тем, чтобы возможно меньше нарушить древние кладки. Этим обеспечивалась возможность в будущем полностью вскрыть весь храм для его консервации и экспонирования. В 1973 г. раскопки северной половины храма были завершены и руины вновь тщательно засыпаны.¹⁹⁾

2

Несмотря на то что собор Троицкого монастыря был раскопан лишь наполовину, явная симметрия его плановой схемы не вызывает сомнений (рис. 100).²⁰⁾ При раскопках были вскрыты оба плечика центральной апсиды, что позволяет точно определить ширину подкупольного пространства, а следовательно, полностью реконструировать план собора (рис. 101). Разбивка плана раскопанного здания не вполне геометрически правильна и имеет некоторые неточности и искривления. Особенно заметны скошенность западного притвора и поворот пучковой пилястры северо-восточного угла здания. На схеме реконструкции плана часть этих деформаций не показана.

¹⁹⁾ Предварительную публикацию см.: *Раппопорт П. А.* Собор Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске. - СА, 1975, № 4, с. 235.

²⁰⁾ В 1978 г. была произведена геофизическая съёмка площадки храма (В. В. Глазунов). В 1978 г. была произведена геофизическая съёмка площадки храма (В. В. Глазунов).

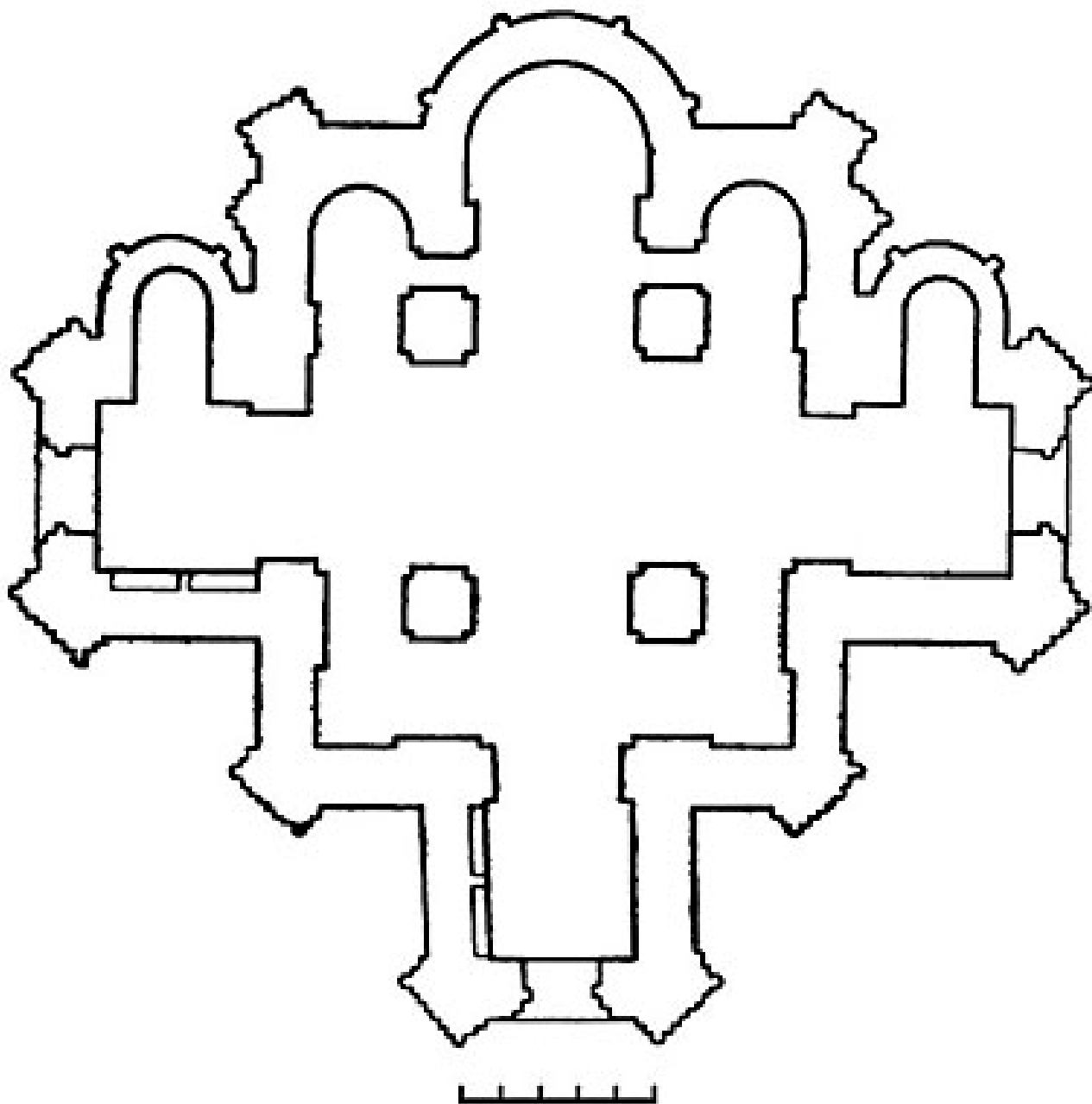

Рис. 101
Троицкий собор. Реконструкция плана

Собор четырёхстолпный, с большой полукруглой центральной апсидой и боковыми, имеющими снаружи прямоугольные очертания. С трёх сторон к основному объёму примыкают притворы, полностью открытые внутрь храма. У северного притвора (и, очевидно, также южного) есть самостоятельная маленькая апсида. Основной объём здания (без притворов) имел в длину 20 м, в ширину 15.25 м. Вместе с притворами длина 25.5 м, ширина 26.7 м. Размеры подкупольного пространства: длина 5.54 м, ширина 4.75 м. Северный притвор почти квадратный; его помещение имеет стороны около 4.2 м. Толщина стен храма колеблется в основном от 1.5 до 1.6 м, но на некоторых участках - всего 1.4 м (северная стена притвора) и даже 1.36 м (северная стена храма на участке восточнее притвора). Толщина стенки центральной апсиды 1.2-1.35 м, а стенки апсиды северного притвора - 0.92 м. Столбы храма квадратные, со сторонами 1.75-1.85 м, с очень небольшими углублениями-закрестиями (размером всего 18-20 см).

Стены здания сложены из кирпичей хорошей формовки и нормального обжига. В изломе они слегка слоистые, кирпично-красного цвета, без посторонних примесей и включений. Размер

кирпичей: толщина от 3.5 до 4.5 см, ширина от 19 до 20.5 см (изредка меньше - до 18 см), длина 26.5-27 см. Кроме обычных кирпичей, встречаются три типа лекальных: обычные по размеру кирпичи с одним скруглённым углом (т. е. четверть круга); более узкие (шириной около 15 см) с плоско-скруглённым торцом, используемые для полуколонн; трапециевидные - малое основание от 9.5 до 10.5 см, большое около 22 см, высота трапеции 18-20 см.

-201-

Раствор в кладке прочный, светло-розового цвета, хорошо перемешанный. Вяжущее - известково-глинистое. Известь жирная, воздушная, составляет около половины состава раствора. Степень карбонизации низкая. Цемянки в растворе 15-25%, песка 20-40, глины 10-15%. Встречаются кусочки угля, шлака, мелкий гравий, довольно значительное количество (до 10%) кусков доломитового известняка. Цемянка представлена в основном в крупных фракциях, а в самых мелких ее почти нет. Песок мелкий, средней окатанности.

Кладка порядковая. Горизонтальные швы примерно равны толщине кирпичей. Наружная и внутренняя поверхности стен выложены из целых кирпичей, а толща стен между ними - из битых, однако с соблюдением горизонтальных швов. На поверхности стен выходят, как правило, короткие торцы кирпичей, т. е. тычки, хотя встречаются участки, где ряд кирпичей на довольно значительном протяжении выходит на фасад стены длинными сторонами, ложками. В целом кладка аккуратная, но в нижних частях стен она местами несколько менее правильная. В районе пилястр отмечены несовпадения горизонтальных швов, а также швы увеличенной толщины (до 8 см). Раствор на наружной поверхности стен слегка затёрт, но, как правило, не имеет специальной подрезки швов. Попадаются, однако, участки, где швы подрезаны наискось кверху, т. е. раствор несколько отступает вглубь от поверхности каждого верхнего кирпича. Есть и швы округло-вогнутой формы. Двойных швов не обнаружено. Точно так же нет следов деревянных связей. На торцах кирпичей найдены выпуклые знаки. Можно отметить, что в кладке одинаковые знаки обычно встречаются в одной части здания. Так, в кладке северного притвора многократно повторяется знак в виде двузубца.

Схема плана раскопанного храма не оставляет сомнений в полной одновременности его замысла и выполнения. Однако в нескольких местах между различными участками кладки имеются швы. Отмечено, например, что центральная апсида храма в нижних 10 рядах кладки построена без перевязки с основным объёмом здания. Перевязка кирпичной кладки начинается лишь с 11-го ряда. Более сложный случай - кладка второй с востока пилястры северной стены храма. Вымостка в основании этой пилястры исполнена вместе с выкладкой всего основания здания, но в дальнейшем от устройства пилястры, видимо, отказались и стену здесь вывели гладкую, без пилястры. Позднее, на каком-то этапе строительства, пилястру всё же возвели, поставив её не точно на основании, отмеченном вымосткой, а сдвинув на 20 см к востоку и не перевязывая со стеной. Конечно, на какой-то высоте (кладка здесь сохранилась примерно на 1 м) пилястра должна была быть перевязана, иначе она вообще отставала бы от стены. Когда во время разрушения здания стена несколько вспучилась и наклонилась, щель между ней и пилястрой выявилась особенно наглядно (рис. 102).

В основании стен, приблизительно в уровне древней поверхности земли, находится кирпичная вымостка. Нижний её ряд, лежащий непосредственно на фундаменте, сложен большей частью из кусков кирпичей без раствора, а выше идёт несколько рядов кирпичной кладки на растворе. Толщина вымостки на разных участках здания неодинакова. Так, под северо-западным

-202-

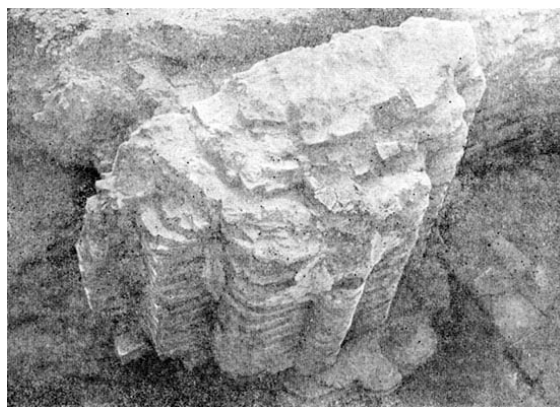

Рис. 102

Вторая с востока лопатка северной стены

и северо-восточным углами храма вымостка имеет три ряда кирпичной кладки, под северо-западным подкупольным столбом - шесть рядов. Вымостка под апсидой северного притвора состоит из четырёх рядов, а под второй с востока пилястрой северной стены храма - всего из одного ряда кладки. В большинстве случаев вымостка выступает наружу от стен примерно на 30-50 см, однако на некоторых участках она не совпадает с положением и формой вышележащих частей - стен и пилястр. Например, вымостка под северо-западным углом храма образует прямоугольное расширение, не отвечающее форме сложнопрофилированных пилястр, а под северо-восточным углом не только повторяет всю профилировку пилястр, но имеет ещё более сложный рисунок, чем сами пилястры (рис. 103 - 106). Кроме того, вымостки под основаниями пилястр часто расположены под ними не вполне точно. Очевидно, после того как была исполнена вымостка, производилась новая разбивка плана здания, иногда в некоторых деталях не совпадавшая с первоначальным планом. Под западной стеной северного притвора нет специальной вымостки, но фундамент здесь начинается на девять рядов кирпичной кладки ниже, чем фундамент северо-западного угла храма. Видимо, в данном случае нижние девять рядов кладки служат как бы платформой, на которой стоит стена. Платформа эта, однако, не выступает наружу от стены, а, наоборот, очень немного (примерно на 2 см) отступает вглубь стены.

-203-

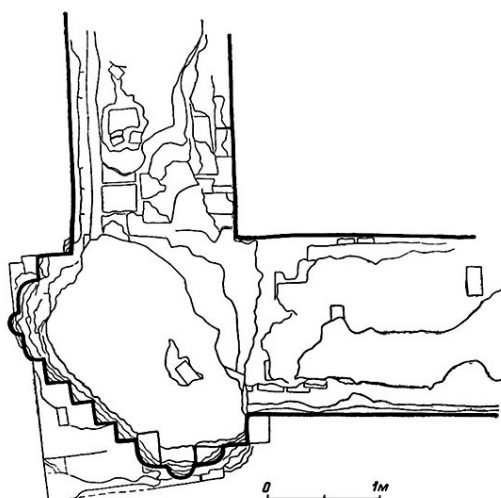

Рис. 103

Северо-западный угол храма

Фундаменты храма прорезают тонкий гумусный слой древней поверхности. Толщина слоя 15-20 см, но местами до 40 см. В нём встречаются редкие фрагменты керамики XII в. Ниже залегает материковый песок. Очевидно, храм был построен на малообжитом месте.

Фундаменты состоят из булыжников размером 7-10 см, изредка крупнее. Камни лежат без связующего. Ширина и глубина фундамента различная. Так, под северо-западным углом храма фундамент немного уже стены и имеет глубину 1.03 м от уровня древней поверхности. Под северо-западным подкупольным столбом фундамент уже столба примерно на 30 см, а глубина его 0.92 м. Под западной стеной северного притвора фундамент, наоборот, почти на 80 см шире стены. Под апсидой северного притвора глубина фундамента всего 0.4 м.

Помимо фундаментов, лежащих под стенами и столбами, в нескольких местах обнаружены ленточные фундаменты, проходящие под полом храма и соединяющие участки кладок. Такие ленточные фундаменты отмечены

-204-

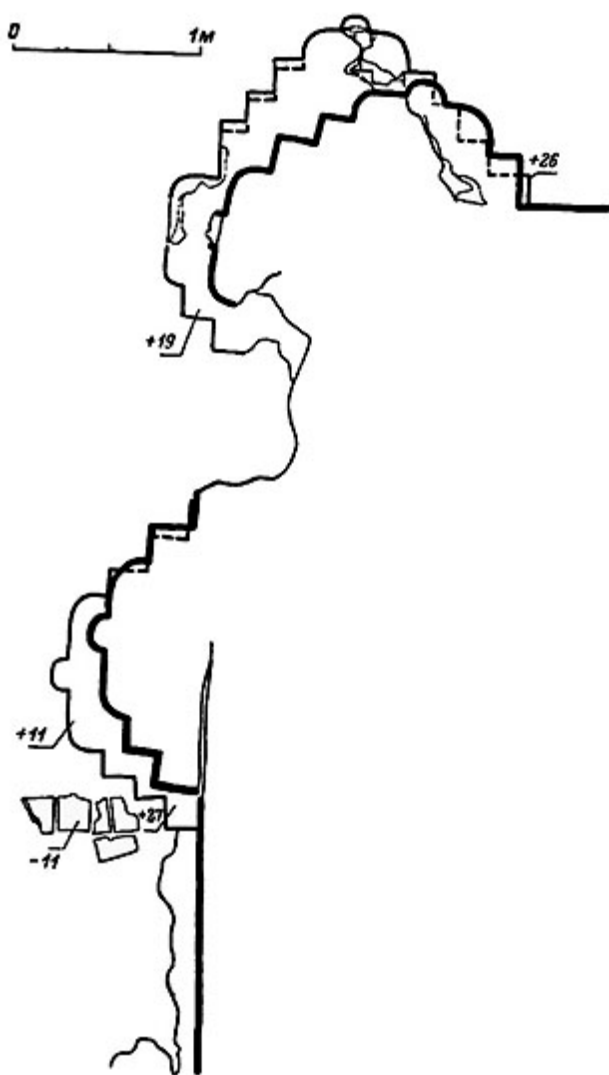

Рис. 104
Северо-восточный угол храма

-205-

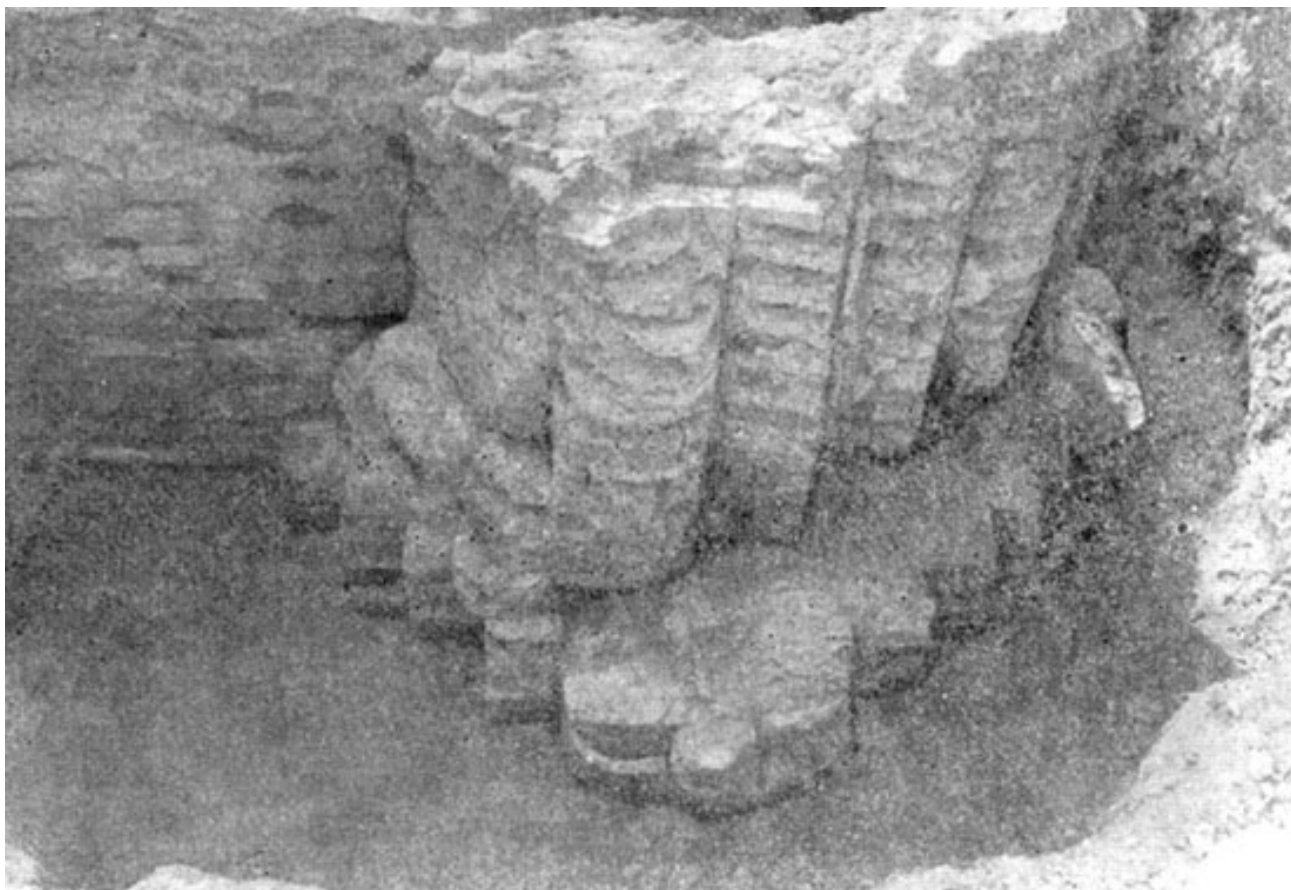

Рис. 105
Угловая пилястра на северо-восточной углу храма

поперёк апсиды северного притвора (по линии восточной стены притвора), поперёк проёма, ведущего из храма в северный притвор (по линии северной стены основного объёма храма), а также от северо-восточного подкупольного столба к северной стене и от северо-западного столба к западной стене храма. Поверх этих ленточных фундаментов лежали кирпичные вымостки, имевшие различную толщину - от одного до восьми рядов кирпичной кладки на растворе.

Во время раскопок было обнаружено, что на многих участках фундамент храма был полностью выбран, в то время как стоявшие на нём стены оказались ненарушенными. Выяснилось, что в XVIII-XIX вв. местные жители добывали камень из фундамента разрушенного здания, выкапывая для этой цели рядом со стенами ямы, имевшие большую глубину, чем глубина фундамента.²¹⁾ Булыжники из фундамента сами выкатывались в такую яму, а на месте фундамента оставались пустоты, в которые иногда осыпался с поверхности мелкий строительный щебень, в том числе и поздний. Таким образом, под стенами XII - XIII вв. оказались куски поздних брусковых кирпичей.

Внутри здания поверх древнего уровня земли всюду лежит мощный слой песчаной подсыпки, достигающий местами толщины немного более

²¹⁾ Так, например, в 1835 г. местные жители добывали камень в развалинах древних зданий и поставляли его на строительство смоленского шоссе, за что получали "до 50 рублей за куб" (по-видимому, куб. сажен; *Писарев С. П. Указ. соч.*, с. 19).

Рис. 106

Деталь вымостки в основании угловой пилястры северо-восточного угла храма

1 м. В этом слое встречаются нерегулярные прослойки глины и гумуса. Вверху - тонкая прослойка более светлого песка. Еще выше кое-где сохранилась прослойка пластичной красной глины, очевидно отмечающая уровень древнего пола храма. Уровень пола, как выяснилось, не был строго горизонтальным; к северу он несколько понижался, причем разница отметок в средней и северной частях здания почти 30 см. Пол находился примерно на 1 - 1.1 м выше поверхности земли вне здания. Этим объясняется отсутствие основания портала в раскопанной северной стене северного притвора. Кирпичная кладка этой стены уцелела до высоты 1.09 м от древнего уровня земли, а основание портала, видимо, начиналось выше. Несомненно, что к порталам храма должны были вести лестницы, остатки которых, к сожалению, не сохранились. О том, что стены храма снаружи первоначально не были присыпаны землёй, свидетельствует наличие на некоторых участках низа стен остатков наружной известковой обмазки, а также выбоин, расположенных на нижних частях стен; такие повреждения поверхности не могли бы иметь места, если бы стены изначала были прикрыты земляной подсыпкой.

Покрытие древнего пола нигде не сохранилось. В раскопках найдены лишь куски поливных плиток пола. Среди них есть такие, которые, по-видимому, относятся к более поздним перестройкам здания, но есть плитки двух различных наборов, несомненно принадлежавших древнему храму.

Плитки первого типа встречались главным образом при раскопках северного притвора. Плитки квадратные - 14 x 14 см, толщиной около 3 см.

-207-

Рис. 107

Кирпичные гробницы в северном притворе

Тесто плиток плотное, розово-красного цвета на поверхности и тёмно-серого внутри. Края плиток вертикальные или слегка скошенные. К этому же набору относятся треугольные плитки (основание треугольника 16 см, высота около 7 см). Все плитки, как квадратные, так и треугольные, покрыты одноцветной поливой одного из трёх цветов - зелёного, жёлтого или оливково-чёрного. Плиток второго типа найдено всего несколько фрагментов. Это были уголки, т. е. узкие плитки (шириной 3.2-3.3 см), имеющие поворот под прямым углом. Толщина их 2-2.4 см. Тесто плиток точно такое же, как плиток первого набора, края тоже вертикальные или слегка скошенные. Полива на одних обломках зелёная, на других чёрная, но в обоих случаях на гладком поле размещены жёлтые кружки диаметром 1.5-1.8 см. Есть обломок с жёлтой поливой и зелёными кружками. Из двух таких уголков собиралась квадратная рамка со стороной несколько меньше 12 см, с квадратным отверстием размером 5.6 x 5.6 см. Отверстие это заполнялось квадратной плиткой. Одна такая плитка, покрытая жёлтой поливой, была найдена; её размер точно соответствует размеру отверстия, образуемого двумя соединёнными уголками.

В центральной апсиде имеется основание "горнего места" шириной от 0.5 до 0.7 м. В средней части скамьи эта расширяется, образуя площадку, - видимо, основание кресла игумена. Скамья сложена из кирпичей на известковом растворе. При раскопках были обнаружены четыре ряда кирпичной кладки скамьи, но первоначально она была несколько выше. Пол центральной апсиды сложен из двух рядов кирпичей на растворе. Под по-

-208-

лом залегает слой раствора толщиной 6-8 см, ниже - такая же песчаная подсыпка, какая обнаружена под полом на всех остальных участках здания. Кирпичный пол центральной апсиды, вероятно, был расположен в уровне пола остальных частей здания, поскольку при раскопках он оказался всего на 10 см ниже уровня древнего пола в районе северо-западного подкупольного столба.

Здание собора было построено без аркосольных ниш. Однако вскоре после постройки в стенах храма вырубили ниши для погребений. Так, в западной стене северного притвора вырубили длинную нишу, перегородленную затем стенкой на две части. Стенка сложена в один ряд кирпичей на глине. Ширина ниши около 50 см, длина каждой из образовавшихся ниш по 1.9 м. Рядом с нишами в полу притвора были сделаны две кирпичные гробницы, имеющие стенки, сложенные из кирпичей на глине (рис. 107). Размер гробниц 0.6 x 1.9 м. Земляное дно их на 12 см ниже пола ниш, вырубленных в стене и примерно на 70 см ниже уровня древнего пола в северном притворе. Ко времени раскопок кирпичные стенки гробниц поднимались на высоту до 85 см, т. е. несколько выше древнего пола. Размер кирпичей, из которых сложены стенки гробниц и стенка между нишами, вырубленными в стене притвора, 3.2-3.5 x 18.5 x 26 см. Судя по этим размерам, погребения были сделаны немного позже постройки храма. В кирпичных гробницах при раскопках были найдены сильно потревоженные мужские скелеты. Вещей в погребениях нет.

Другая ниша для погребения была вырублена в северной стене западного притвора. Она была застроена стенкой в один кирпич, а с наружной стороны стенки имелись остатки другого захоронения, сделанного ниже уровня пола. Эти погребения оказались сильно разрушенными.

Следует отметить, что при раскопках храма почти не встречалось остатков штукатурки с фресками, но при расчистке погребальных ниш в северном и западном притворах было обнаружено много обломков штукатурки с фресковой росписью. Найден также один гвоздь с широкой шляпкой, служивший, по-видимому, для крепления штукатурки с росписью. Очевидно, храм в целом не был расписан, но аркосольные ниши, вырубленные в стенах его притворов, были украшены фресковой живописью.

Фресковая роспись выполнена по штукатурке двух типов: серой, грубой, с песком и включениями кусочков камня и кирпича (толщина такой штукатурки разная - от 1 до 7 см); белой, однородной, без включения песка (толщина слоя не более 5 см). Встречаются обломки,

где роспись исполнена на тонком слое белой штукатурки (0.5-1 см), лежащем поверх серого слоя. Содержание росписи - в основном фоны и фрагменты орнамента, хотя встречаются и части фигур (например, пальцы руки не крупной фигуры). Краски нанесены ровным тонким слоем, видимо, по сырой штукатурке, но есть и прописки, которые шелушатся, т. е. выполненные уже по сухому грунту.

Снаружи на нижней части стен храма в нескольких местах найдены остатки штукатурной обмазки кремового цвета. Обмазка эта мелкозернистая, содержит около 90% извести. Степень карбонизации очень высокая. Заполнитель - мелкие частицы известняка и мелкотолчёный уголь, равномерно распределённый в растворе. Частицы заполнителя в основном мел-

-209-

кие - менее 0.1 мм, хотя встречаются отдельные кусочки размером до 2 мм.

При раскопках найдено очень мало фрагментов верхних частей сооружения. Так, у северной стены северного притвора обнаружен небольшой кусок листового свинца, видимо, от кровли. Толщина листа около 0.5 см. Найден также один обломок сосуда чёрного теста с неровной внутренней поверхностью, - по-видимому, голосник.

3

Раскопки собора Троицкого монастыря показали, что храм в древности испытал какую-то катастрофу, во время которой его верхние части обрушились. После этого храм был восстановлен. В процессе восстановления полностью переложены подкупольные столбы. Северо-западный столб переложен до основания, хотя стоит на древней кирпичной вымостке. Северо-восточный сохранил несколько нижних рядов древней кладки. Формат кирпичей, из которых сложены при реконструкции столбы, 7-8 x 12.5-13.9 x 27-28.5 см. Раствор известковый, светло-серый. При перестройке был почти целиком переложен и западный притвор: стены его сохранили древнюю кладку на высоту не более 1 м, а выше сложены из такого же, как столбы, брускового кирпича. На углу западного притвора при этом была возведена какая-то круглая конструкция (быть может, столб) диаметром около 1.5 м.

Кроме указанных капитальных перестроек, внутри собора были возведены дополнительные стенки; одна из них отделила северный притвор от основного помещения, а вторая соединила северо-восточный столб с северной стеной и тем самым выделила северную апсиду как отдельное помещение. Стенки эти сложены из кирпичей 7.5-8 x 12-13 x 28-30 см, т. е. отличающихся от кирпичей, использованных при перестройке столбов. Таким образом, постройка внутренних стенок может не совпадать по времени с капитальной реконструкцией всего здания.²²⁾

При перестройке столбов и постройке новых стенок в подсыпке древнего пола были открыты траншеи, что хорошо видно на разрезах. Затем поверх древнего пола была сделана песчаная подсыпка, поднявшая его уровень примерно на 30 см выше первоначального. В районе северо-западного подкупольного столба в этом слое подсыпки пола были обнаружены два небольших блока древней кладки, видимо упавших сверху при обрушении здания и продавивших древний пол. При реконструкции храма их не убрали, а лишь засыпали слоем нового пола. Новый уровень пола повсюду носит следы пожара - углистую прослойку, очевидно связанную с взрывом и пожаром здания в 1633 г.

²²⁾ После реконструкции в храме вновь было произведено несколько захоронений. Так, в северном притворе поверх кирпичных гробниц лежали ещё два скелета. Они были ориентированы головой на запад, т. е. перпендикулярно нижним, причём головы погребённых находились в той нише, которая была вырублена в западной стене притвора для устройства древних захоронений.

Покрытие нового пола нигде не сохранилось, но в раскопках найдены большие поливные плитки, как бы покрытые поливой квадратные кирпичи. Их размер 20 x 20 см при толщине около 4 см. Тесто насквозь красное, слегка раковистое в изломе. Края плиток вертикальные, очень чётко формованные. Полива зелёная или жёлтая, причём жёлтый цвет незаглушенный. Датировка этих плиток неясна, но, по-видимому, они относятся ко времени реконструкции храма, а не к первоначальному этапу строительства.

При реконструкции храма очень существенные работы были произведены снаружи здания, в результате чего значительно повысился уровень земли вокруг него. Наиболее чётко это видно на разрезе, полученном с помощью траншеи, проложенной к западу от собора в направлении, приблизительно параллельном его продольной оси (рис. 108). Поверх материкового грунта повсюду залегает тёмный гумусный слой древней поверхности почвы, а на нём близ западного фасада здания заметна прослойка материкового песка, выброшенного при рытье фундамента. Над ней есть тонкий слой серого гумуса (близ стен собора толщина его 4 см, а далее ещё меньше), вероятно образовавшегося за время существования здания до его реконструкции. При реконструкции вокруг собора был насыпан мощный слой мелкобитого кирпича. Очевидно, что для данной цели использовали рухнувшие части древнего храма. У стен собора этот слой имеет толщину несколько менее 1 м; к западу от здания он простирается, постепенно делаясь более тонким, примерно на 14 м, а к северу на 8 м. Таким образом, насыпной слой создавал вокруг здания мощную подушку. В насыпном слое обнаружен один блок древней кладки, видимо попавший сюда вместе со щебнем.

Поверх слоя щебня залегает серая прослойка гумуса, выросшего после реконструкции храма, еще выше - слой разрушения здания после взрыва 1633 г. Этот слой состоит из крупного строительного щебня, в котором преобладают обломки брускового кирпича, хотя встречаются и древние кирпичи-плинфы. В западном конце траншеи слой разрушения храма налегает на слой щебня, связанный с разрушением другой монастырской постройки, стоявшей к северо-западу от собора. Очевидно, что эта постройка, прикрытая сейчас западным всхолмлением почвы, начала разрушаться ещё до событий 1633 г.

На наружных стенах храма выше уровня подсыпки из щебня имеются многочисленные куски серой штукатурной обмазки. О том, что обмазка была сделана после реконструкции, свидетельствует утолщение обмазки как раз к границе слоя щебня, т. е. к уровню земли после реконструкции. В одном случае (у северо-восточного угла храма) обмазка даже заходит на щебёночный слой, образуя на нём заливку.

Следует отметить, что при реконструкции храма строители пытались сохранить его архитектурные формы, для чего изготавливали лекальные кирпичи такого же профиля, как кирпичи древних тонких полуколонн. Эти кирпичи отличаются от древних своим тестом и толщиной (8 см). Найдено также несколько обломков кирпичей, имевших ширину 8 см и полукруглый торец. Толщина таких кирпичей более 8.5 см, но точнее не определена, ибо найдены были только мелкие их куски. Подобные кирпичи,

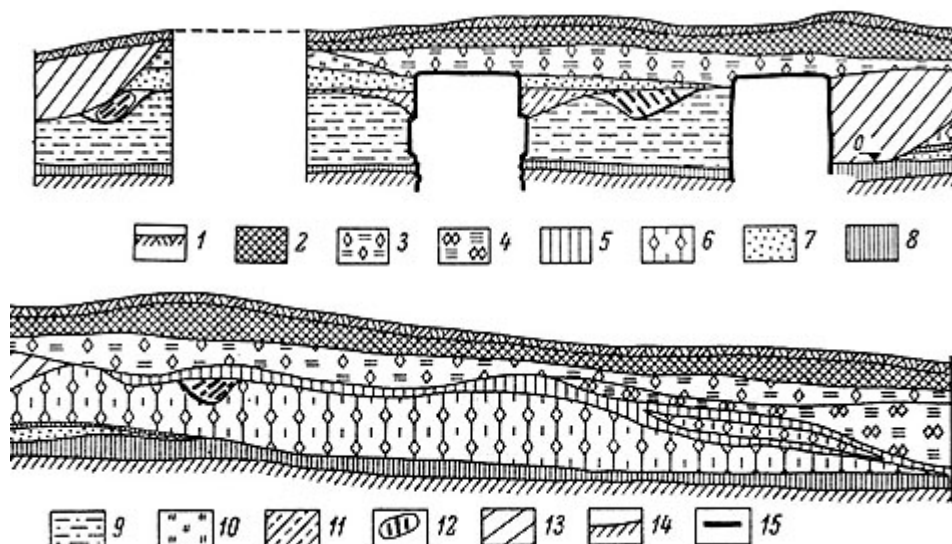

Рис. 108

Разрез напластований к западу от собора (южная стенка траншеи)

1 - дерн; 2 - темно-серая земля с включениями XVII - XX вв.; 3 - слой разрушения здания из брускового кирпича; 4 - слой разрушения Троицкого собора; 5 - серый гумус; 6 - слой размельченного древнего строительного мусора; 7 - песчаная подсыпка; 8 - погребенная древняя почва; 9 - подсыпка древнего пола; 10 - слой пожара; 11 - заполнение фундаментного рва перестроенных частей здания; 12 - блоки древней кладки; 13 - яма XVII в.; 14 - материк; 15 - угольная прослойка

вероятно, использовались для выкладки бровок над окнами. Неясно, относятся ли они к периоду реконструкции или к первоначальному этапу строительства.

В траншее к западу от храма обнаружены плитки неизвестного назначения. Они имеют форму ромба со срезанными острыми углами (ширина плиток 15,5 см, длина 23 см). Толщина их 1,5 см, тесто белое, сухое. Одна сторона покрыта ярко-зелёной поливой, на другой - следы известкового раствора. Близ одной из вершин ромба в каждой плитке отмечено сквозное круглое отверстие диаметром около 1 см. Возможно, что это поливная черепица, относящаяся ко времени ремонта храма в XVI в.

При раскопках найдены два кусочка свинцовых палочек - остатки переплёта оконных витражей. Они имеют в сечении профиль, напоминающий современный двутавровый прокат: высота сечения 5 мм, ширина 3,5 мм, высота закраин около 1,5 мм. Вероятно, витражи относятся ко времени реконструкции храма или же к более раннему этапу его переоборудования, но вряд ли их можно считать современными первоначальному строительству.

В итоге раскопок стало ясно, что древний храм претерпел очень существенную реконструкцию, во время которой уровень земли вокруг него был искусственно поднят почти на 1 м. Для этого была сооружена насыпь, сечение которой в западном направлении от здания примерно 12 м², а к северу 8,5 м². Можно предполагать, что общий объём насыпи вокруг всего здания около 1000 м³. Учитывая, что 0,6 состава щебеночной насыпи составляет чистый кирпичный бой, получим общий объём использованного для создания этой насыпи кирпича - около 600 м³, или примерно 300 тысяч штук древних кирпичей. При всей неточности и условности такого подсчёта ясно, что во время реконструкции была заменена новой кладкой очень значительная часть здания. Видимо, когда в 1633 г. воевода Прозоровский взорвал Троицкий собор, вся верхняя часть его была уже не древней, а созданной при реконструкции.

К какому же времени относится эта реконструкция? Судя по формату кирпича и характеру кладки переложённых подкупольных столбов, реконструкция храма была осуществлена в XV или XVI в. При этом необходимо иметь в виду, что поверх щебёночного слоя, созданного при реконструкции вокруг храма, успел нарасти достаточно толстый (15-20 см) слой гумуса, прикрытый развалом здания, связанным с событиями 1633 г. Следовательно, до этих событий здание функционировало длительное время. Поэтому вряд ли возможно относить реконструкцию к концу XVI в., ко времени строительства смоленских крепостных стен. К тому же формат кирпичей смоленской крепости и переложённых столбов собора на Кловке не совпадает. Гораздо вероятнее, что верхняя часть собора рухнула раньше, ещё в XV в., а реконструкция храма была осуществлена после перехода Смоленска в руки московского правительства, т. е. в начале XVI в. Надо полагать, что возвращённому в состав Руси Смоленску в это время должны были оказывать особое внимание и, конечно, в первую очередь восстанавливать "идеологические опоры" власти Москвы - православные монастыри.

4

Собор Троицкого монастыря может быть датирован с достаточно большой точностью - он был несомненно построен в годы, очень близкие ко времени строительства церкви архангела Михаила. Связь между этими двумя зданиями не вызывает сомнений: общая композиционная схема, многие размеры, детали совпадают почти целиком. В то же время зодчие Троицкого собора попытались несколько видоизменить схему Михайловской церкви, внося в неё некоторые новые элементы. Правда, при этом частично нарушилась логика конструкции, но зато постройка приобрела ещё большую остроту композиции. Очевидно, что Троицкий собор не является производением, в котором искали формы, приведшие затем к сложению церкви архангела Михаила. Наоборот, зодчие Троицкого собора отталкивались от уже известного им памятника, усложняя и разрабатывая его структуру. Поэтому Троицкий собор по времени своего построения должен быть поставлен сразу же после Михайловской церкви, т. е. в 90-е гг. XII в.

Главное отличие Троицкого собора от Михайловской церкви - сокращение восточной части. Сокращение это настолько значительно, что при-

-213-

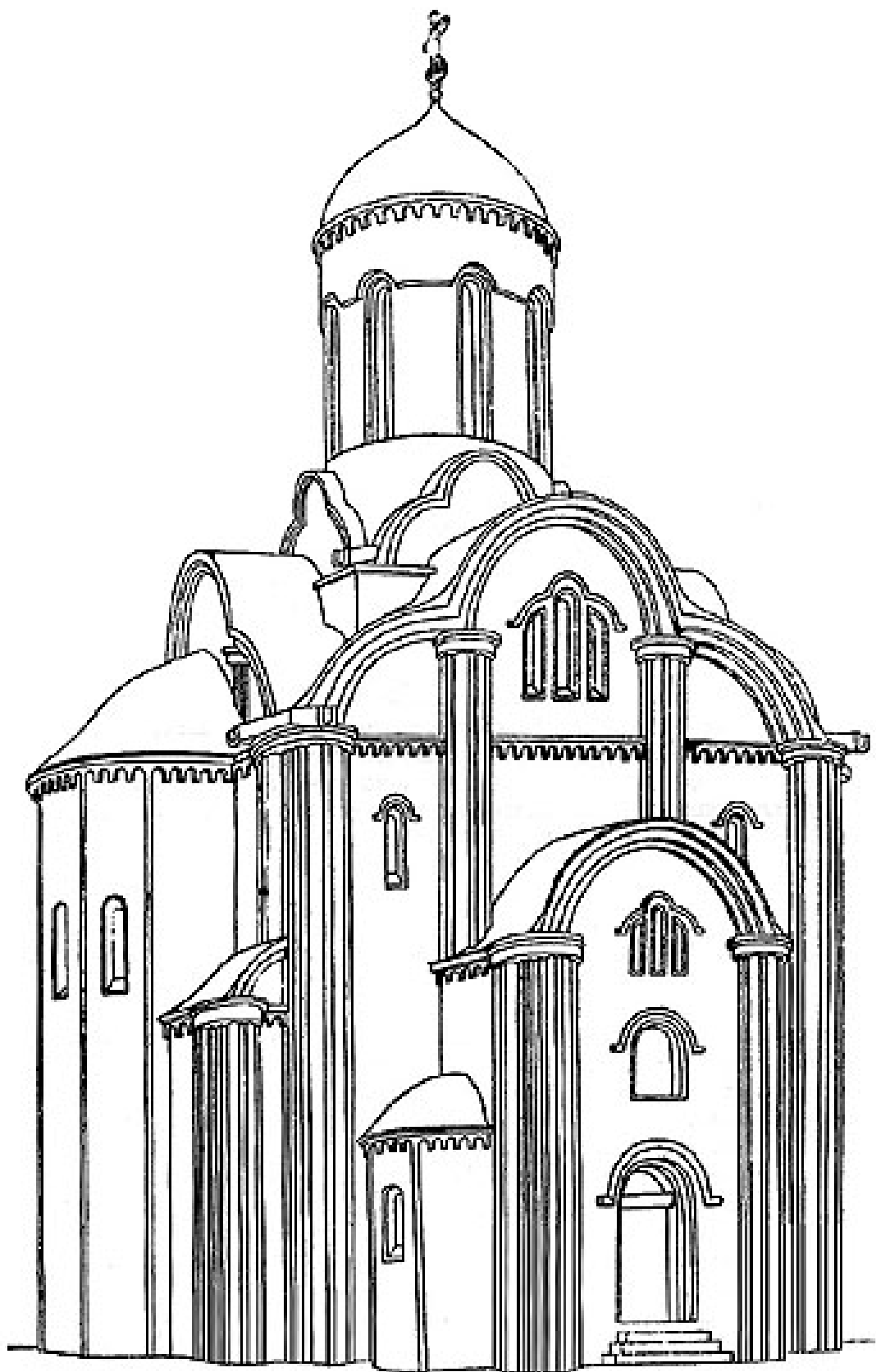

Рис. 109
Троицкий собор. Реконструкция П. А. Раппопорта

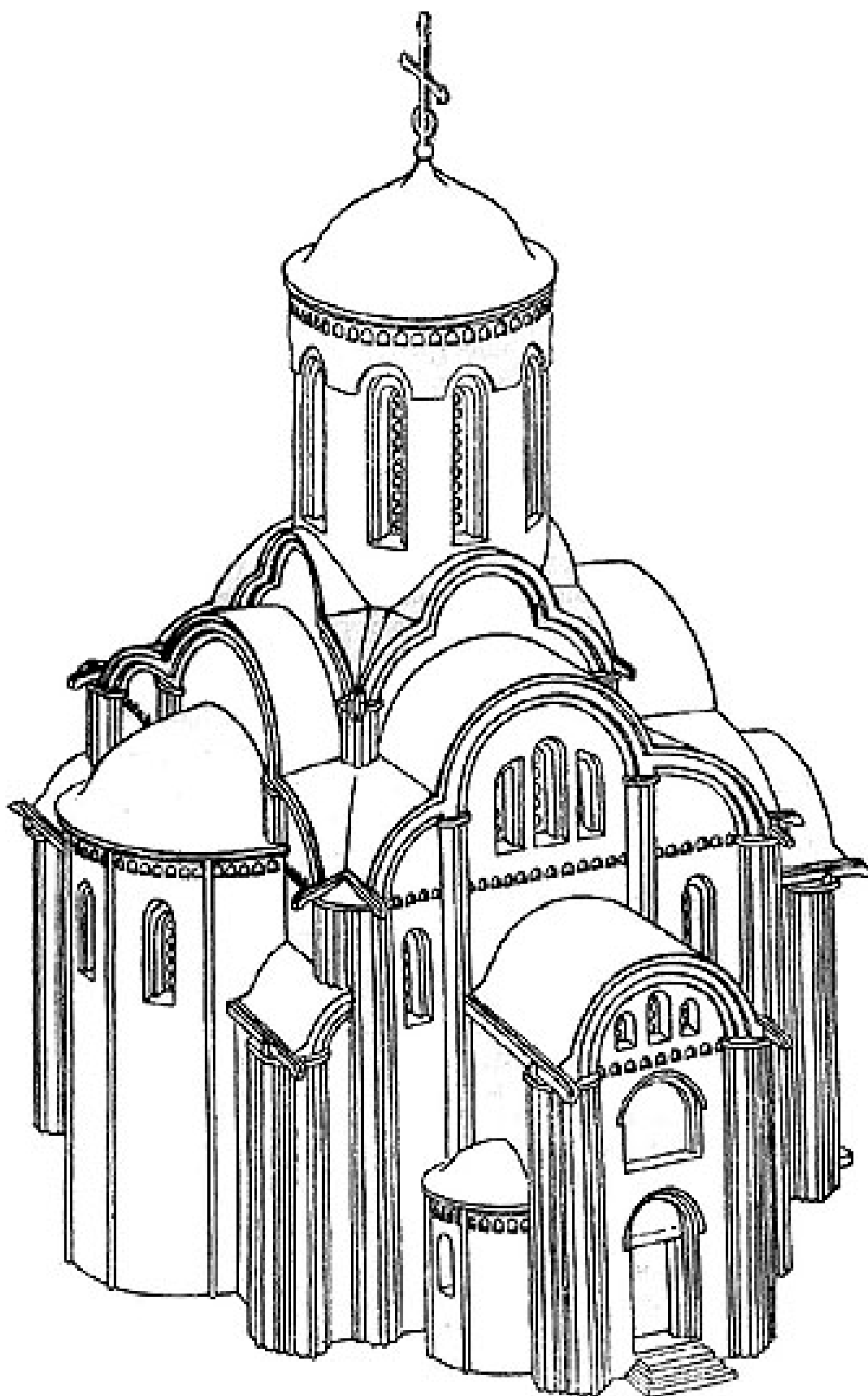

Рис. 110
Троицкий собор. Реконструкция Г. М. Штендера

шлось полностью отбросить восточную пару столбов, на которые в Михайловской церкви опирается восточная стена здания. Для того чтобы при таком сокращении основного объёма придать композиции ещё большую остроту, зодчие сузили притворы, в то же время сделав вынос северного и южного притворов даже несколько большим, чем в Михайловской церкви. Сужение притворов, естественно, повлекло за собой общее сужение здания и уменьшение ширины центральной апсиды. Однако зодчие не рискнули уменьшить диаметр барабана и купола, справедливо полагая, что в таком случае храм станет менее величественным. Поэтому, уменьшив ширину подкупольного пространства, они в то же время сохранили его длину, равную размерам подкупольного пространства церкви Михаила. Переход от вытянутого подкупольного пространства к круглому барабану здесь, вероятно, осуществлялся с помощью дополнительной арки, как это сделано, например, в киевской Кирилловской церкви.²³⁾

В процессе возведения Троицкого собора зодчие несколько раз меняли план строительства. Так, заложив фундамент и выведя над ним кирпичную вымостку, они наметили в ней чрезвычайно сложную и измельчённую профилировку пилястр. Начиная строительство, они несколько упростили профилировку, хотя и в этом варианте она оказалась более сложной, чем в Михайловской церкви. Кроме того, кладку стен зодчие вели, отбросив намеченную в вымостке вторую с востока пилястру северной стены (и, по-видимому, симметричную ей пилястру южной стены). Очевидно, зодчих смутило то обстоятельство, что в намеченном храме внутренние членения не совпадали с наружными. Вероятно, они решили совместить эти членения и вывести наружную пилястру северной стены (выше кровли северного притвора) в соответствии с восточной парой столбов. Тогда пришлось бы ликвидировать снаружи пониженные боковые апсиды и перенести восточную стену основного объёма на восточную стену здания. В процессе строительства, видимо, стало ясно, что такое решение нельзя осуществить, поскольку пилястры, соответствующие восточной паре столбов, не совпадали бы с угловыми пилястрами притвора. А несоответствие пилястр основного объёма и притворов нарушило бы логику построения фасада и было бы безусловно большим грехом, чем невидимое зрителю несовпадение наружных и внутренних членений. Поэтому промежуточное решение было отброшено и зодчие вернулись к первоначальному замыслу. Конечно, очень возможно, что в процессе строительства они и не испытывали подобных колебаний, а временное отсутствие одной пилястры объясняется простой ошибкой, исправленной в ходе работ. И всё же вероятность подобных изменений композиции очень велика.

Нижняя часть Троицкого собора сохранилась полностью, со всей профилировкой. Это обстоятельство, а также наличие такой близкой аналогии, как церковь архангела Михаила, позволяют сделать попытку графической реконструкции первоначального облика Троицкого храма (рис. 109). По ширине Троицкая и Михайловская церкви, так же как и по длине основного объёма (не учитывая апсид), различаются всего на 0.5 м. При

²³⁾ *Холостенко Н. В.* Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве. - В кн.: Памятники культуры. Вып. 2. М., 1960, с. 16.

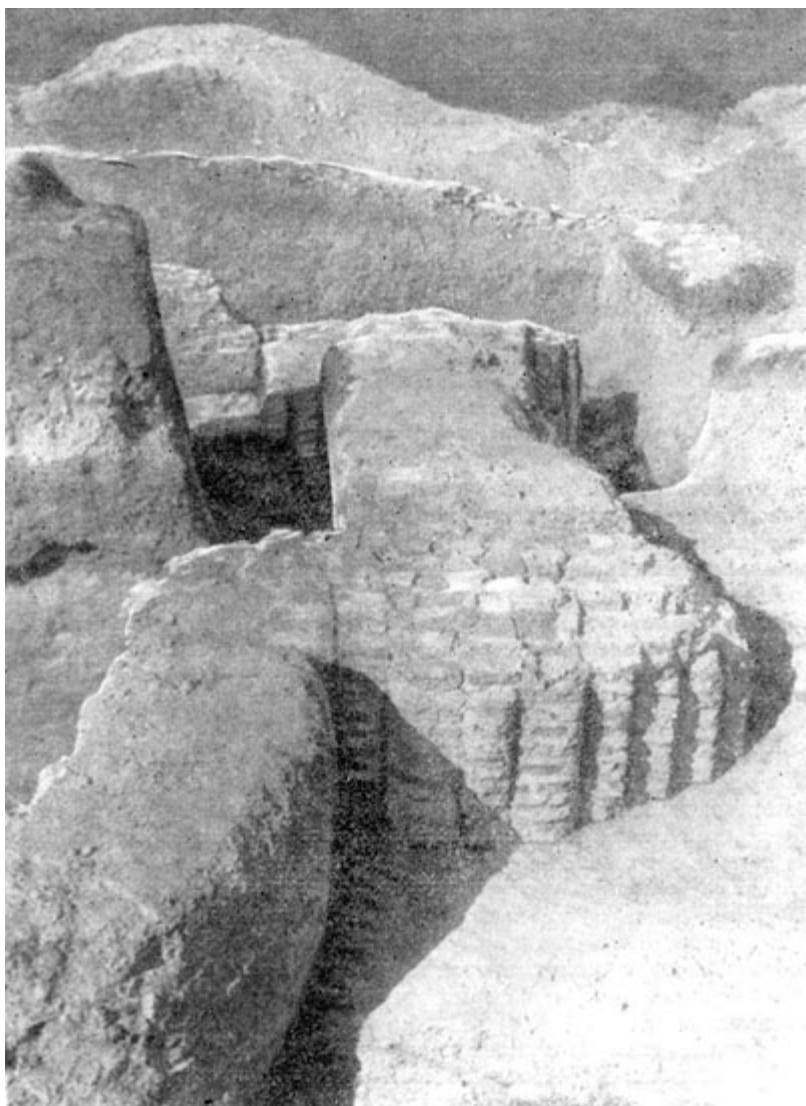

Рис. 111
Северный притвор в процессе раскопок

-217-

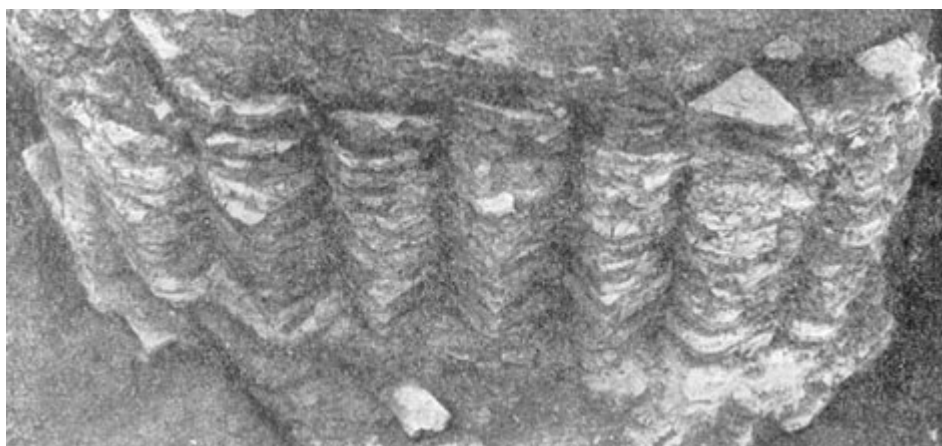

Рис. 112
Профилировка северо-западного угла храма

такой незначительной разнице размеров и при одинаковом диаметре барабана купола высота основного объёма здания и высота храма в целом в этих памятниках должны были почти полностью совпадать. В то же время притворы Троицкого собора должны были быть ниже притворов Михайловской церкви, поскольку иначе, при разной ширине, они имели бы совершенно иные пропорции. Постановка главы Троицкого храма могла не совпадать с членениями северного и южного фасадов, как это обусловлено расстановкой подкупольных столбов. Все остальные формы и элементы убранства фасадов, очевидно, могут быть взяты по аналогии с Михайловской церковью.

Впрочем, предлагаемая графическая реконструкция первоначального облика Троицкого собора не является единственно возможным вариантом. Можно предположить, что зодчие всё же разместили пилястры на северной и южной стенах здания (выше притворов) соответственно внутреннему членению храма, т. е. расположению его подкупольных столбов. Тогда боковые членения фасадов будут очень существенно различаться по ширине: восточное почти в два раза уже западного (рис. 110). Кроме того, пилястры, отвечающие по расположению восточной паре подкупольных столбов, не совпадут в этом случае с примыкающими притворами. Могут быть различия и в форме постамента под барабаном, и в прорисовке деталей.

Не вполне ясно, какова же первоначальная фактура фасадов Троицкого собора. В нижней части его стен сохранились остатки обмазки, сделанной ещё до реконструкции здания. Однако вполне возможно, что обмазка эта относится ко времени одного из ремонтов, а первоначально фасады Троицкого собора не имели обмазки.

Одной из наиболее характерных особенностей Троицкого собора является профилировка его пилястр (рис. 111 - 114). Эта профилировка придаёт облику здания особую остроту и выразительность. Сложнопрофили-

-218-

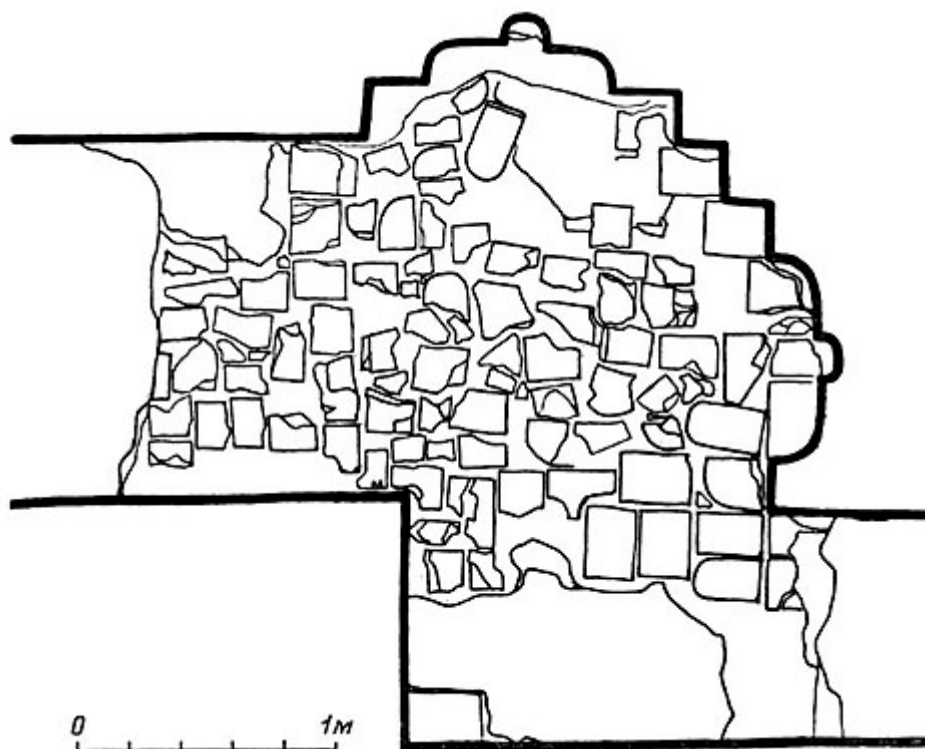

Рис. 113
План восточного угла северного притвора

Рис. 114
Восточная пилястра восточного угла северного притвора

-219-

рованные пучковые пилястры выложены с употреблением лекальных кирпичей. Узкие кирпичи с уплощённо-полукруглым торцом использовались для выкладки тонких полуколонок в середине каждой пучковой пилястры. Следующий уступ - скругленная лопатка - выкладывался с помощью четвертькругных кирпичей. Остальные уступы - прямоугольные. Эта система профилировки почти полностью совпадает с профилировкой Михайловской церкви, но несколько сложнее. Так, в Михайловской церкви в угловых пилястрах западных углов (как в основном здании, так и в притворах) между двумя смежными пилястрами введён ещё один уступ, в Троицком соборе - два уступа. В восточном углу северного притвора Михайловской церкви между пилястрами нет дополнительного уступа, а в Троицком соборе есть такой уступ. Вторая с востока пилястра северной стены в Михайловской церкви имеет всего одно прямоугольное членение, в Троицком соборе - два. Таким образом, в Троицком соборе почти все пучковые пилястры на одно членение сложнее, чем в церкви архангела Михаила. В этом отношении профилировка Троицкого собора сближается с профилировкой новгородской Пятницкой церкви.

Очень своеобразные пропорции плана Троицкого собора - преобладание ширины над длиной - напоминают некоторые памятники зодчества рубежа XII-XIII вв., относящиеся к другим русским архитектурным школам, например церковь архангела Михаила в Нижнем Новгороде и особенно собор в Новгороде-Северском.

Яркость и острота композиции, выразительность профилировки вместе со значительными размерами здания делали собор Троицкого монастыря одним из наиболее выдающихся памятников древнего смоленского зодчества.

-220-

Церковь на Малой Рачевке

В 1927 г. к востоку от крепости Федора Коня, на р. Малой Рачевке (теперь Мавринский ручей), на углу улиц Соболева и Второй Верхний Волок, при земляных работах были обнаружены остатки постройки. Обследование этих руин провел И. М. Хозеров.¹⁾ Несмотря на то, что вскрыли лишь очень незначительную часть постройки - небольшой участок южной стены с профилированной пилястрой, - было ясно, что это остатки церкви XII-XIII вв. Особое внимание исследователя привлекла сложнопрофилированная пилястра, которую он считал признаком западного, романского влияния. Основываясь на якобы романском характере обнаруженной постройки, Хозеров предположил, что церковь на Малой Рачевке была "немецкой божницей". Он отметил также, что знаки на её кирпичах совпадают со знаками на кирпичах Свирской церкви.

М. К. Каргер справедливо подверг критике предположение И. М. Хозерова о романском характере архитектуры обнаруженной постройки. Он отметил, что "едва ли осложнённая форма лопатки, распространённая в это время не только в смоленском зодчестве, но и в других центрах Руси, куда проникало влияние смоленских мастеров, может быть основанием для отождествления этого храма с немецкой божницей".²⁾

После Великой Отечественной войны место руин казалось утерянным, но в 1955 г. его вновь нашёл Д. А. Авдусин. Однако никаких раскопок проведено не было. В 1965 г. Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция провела здесь разведку. Была заложена траншея, позволившая уточнить местоположение памятника и его сохранность, а в 1966 г. церковь была полностью раскопана (рис. 115).³⁾

Выяснилось, что руины здания очень сильно нарушены городскими инженерными коммуникациями. Кроме того, восточная часть здания оказалась расположенной в саду, где раскопки были затруднены наличием больших деревьев. Наконец, усложнило проведение раскопок также и то обстоятельство, что в 30-х гг. при благоустройстве территории направление Мавринского ручья было изменено. Ранее ручей протекал несколько восточнее и церковь стояла на левом его берегу. К началу раскопок этот ручей получил сток прямо по улице, как раз через площадку древней церкви. Тем не менее кирпичная кладка древней церкви, хотя и сильно перебитая, всё же сохранилась в большинстве мест на высоту до 1.5 м. Во время раскопок удалось выявить все необходимые данные для полной реконструкции первоначального плана церкви (рис. 116).

Церковь на Малой Рачевке представляла собой небольшую четырёхстолпную постройку, ориентированную апсидой на северо-восток (азимут 48°). Наружные размеры здания: длина (с апсидой) 16.2 м, ширина 12.3 м, толщина стен 1.1-1.15 м. Боковые апсиды церкви снаружи имели

¹⁾ *Хозеров И. М.* Новые данные о памятниках древнего зодчества города Смоленска. - In: *Seminarium Kondakovianum*. II. Praha, 1928, s. 358.

²⁾ *Каргер М. К.* Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, с. 119.

³⁾ Предварительную публикацию см.: *Воронин Н. Н., Раннопорт П. А.* Раскопки в Смоленске в 1966 г. - СА, 1969, № 2, с. 211-216.

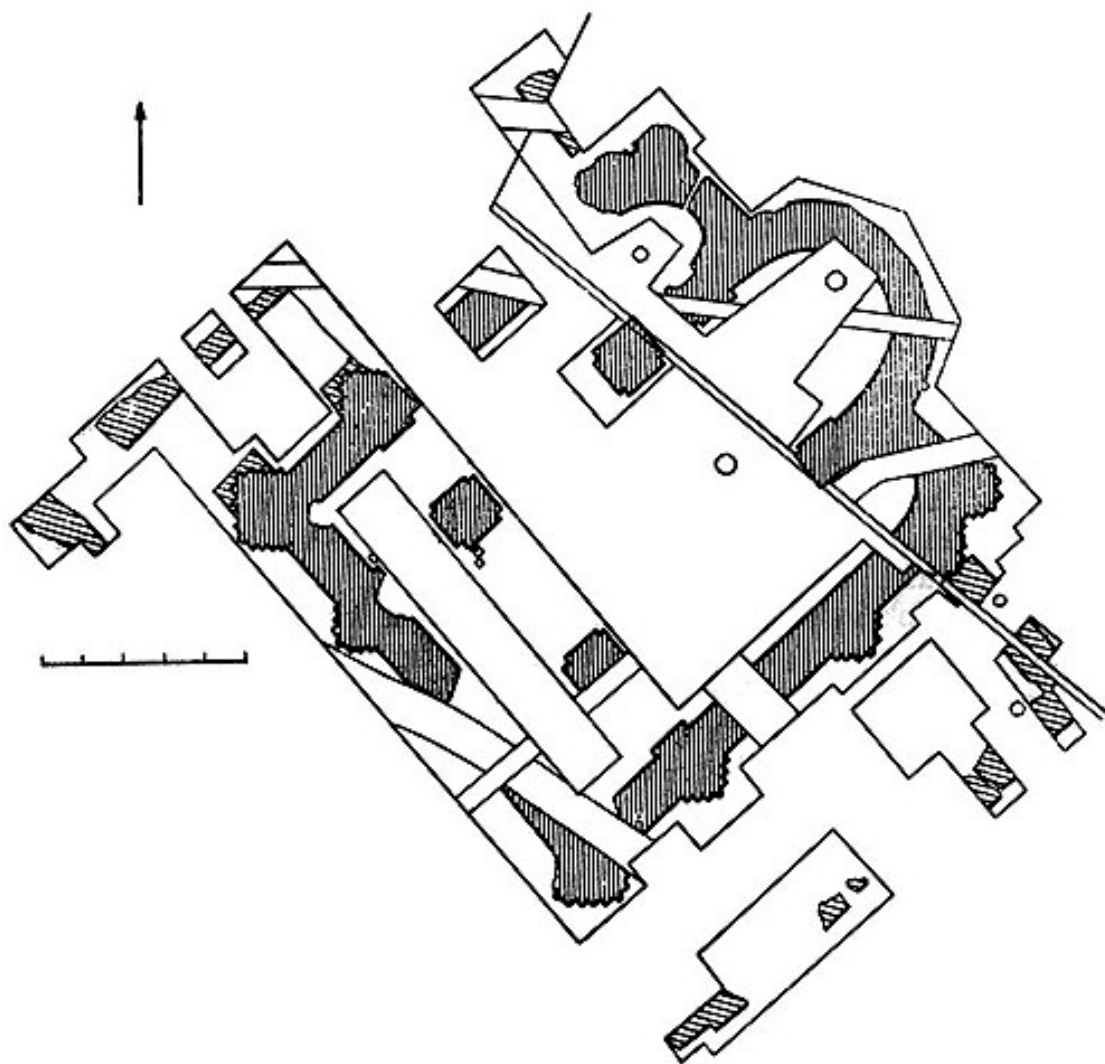

Рис. 115
Церковь на Малой Рачевке. План раскопанного здания

прямоугольные очертания, и лишь большая средняя апсида была полукруглой. Её наружная поверхность оказалась почти всюду обломанной, только в южной части сохранился участок ненарушенной лицевой кладки с тонкой полуколонкой. Для наружных пилястр церкви характерна сложная профилировка: три прямоугольных уступа с тонкой полуколонкой в середине (рис. 117, 118). Общая ширина пилястр 1.4 м, а наибольший вынос от плоскости стены 0.65 м. На западных углах пилястры ещё более сложные: они имеют четыре прямоугольных уступа с полуколонкой. Внутренние лопатки есть лишь против западной пары подкупольных столбов, что, видимо, связано с устройством здесь хор. Ширина этих лопаток 1-1.1 м, толщина 17-20 см. Подкупольные столбы церкви крестообразные, 1.4-1.5 м. Их выступы в направлении к востоку и западу 17-18 см, к северу и югу 14-16 см. Столбы расположены не точно параллельно стенам. Размер подкупольного пространства вдоль храма 4.4 м, поперёк 3.85 м.

Кирпичи древнего храма хорошо формованные и равномерно обожжённые. Они ровного красного цвета, прочные. Знаки на торцах кирпичей встречаются очень редко, а клейм на постелях кирпичей вообще не обнаружено. Размер кирпичей 4.5 x 20.5-21.5 x 26.5-28 см, но были и более

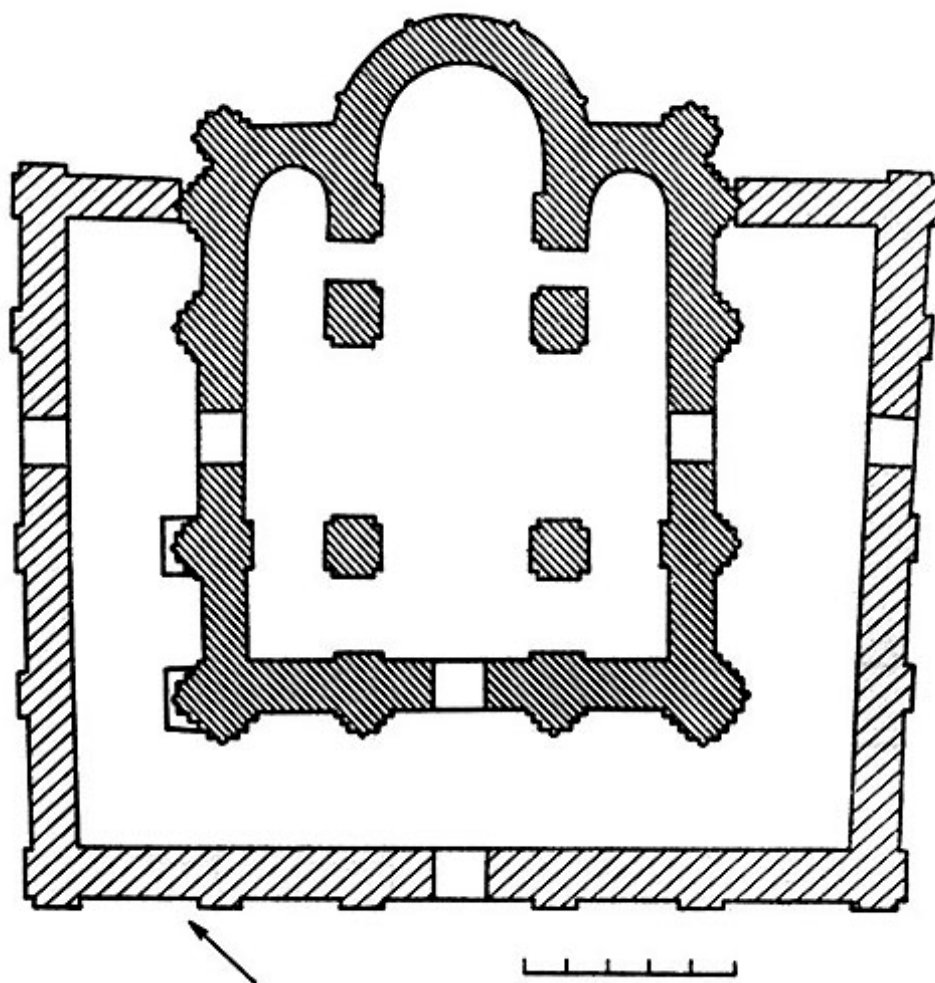

Рис. 116
Церковь на Малой Рачевке. Реконструкция плана

узкие, шириной 16-17 см. Лекальные кирпичи обнаружены лишь одного типа - с плоско-округлённым торцом - для выкладки полуколонок. Размер их 3.5-4.5 x 14-14.5 x 23-25 см. Изредка встречались такие же узкие, но прямоугольные кирпичи - 4-4.5 x 14-14.5 x 26-27 см.

Раствор известковый, хорошего качества, прочный, светло-серого цвета с кремовым оттенком, характерным для растворов, содержащих примесь глинистых частиц. Извести и заполнителя примерно поровну. В растворе имеется большое количество крупного заполнителя, которым служат куски кирпича, шлака и гравия. Угли встречаются редко. Размер кусков кирпича 1-2 см, но, кроме того, есть и мелкие зерна - 1-3 мм. Шлак - в виде пористых, тёмно-серых, очень твёрдых кусочков (1.5-2 см, иногда крупнее). Местами в растворе вместо гравия (или мелкой гальки) находятся кусочки известняка. Песок речной, очень мелкий (в основном 0.2-0.3 мм). На некоторых участках раствор включает большее количество битого кирпича и имеет поэтому желтовато-розовый цвет.

Из целых кирпичей сложены только лицевые поверхности стен, а середина кладки заполнена обломками плинф, лежащими в беспорядке, но строго горизонтально. Если в средней части стен встречаются целые кирпичи, то они уложены без определённого порядка, иногда даже под углом к направлению стен. Ложковые и тычковые ряды кирпичей выходят на фасады стен нерегулярно, причём тычковых рядов гораздо больше, чем

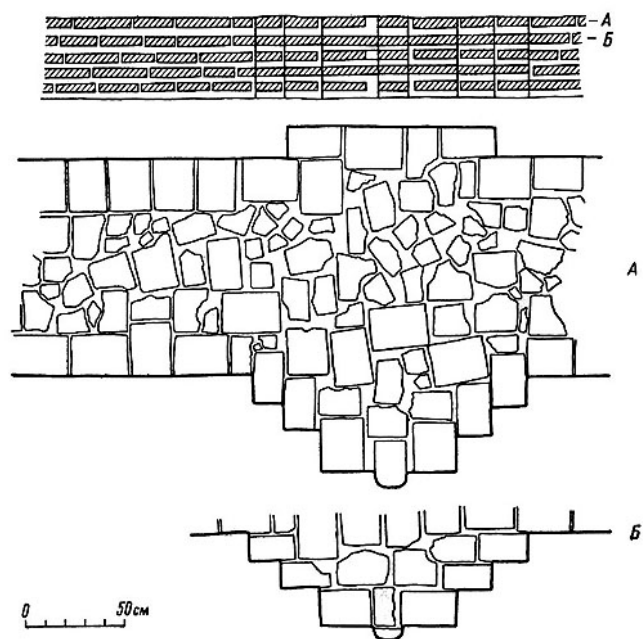

Рис. 117
Пилястра

ложковых. Кладка уступов пилястр более регулярная, чем на других участках стен, и здесь перевязка швов и чередование тычковых и ложковых рядов соблюдены точно. В кладке боковых уступов пилястр использованы узкие кирпичи.

На двух участках (у западной стены церкви и близ северо-западного столба) были обнаружены остатки кирпичной вымостки пола. Пол был настлан из обычных кирпичей, уложенных на слой желтой глины толщиной 14 см. Под глиной находился слой подсыпки из земли, насыщенной кусками кирпичей (толщина 20 см); она была сделана поверх нетронутого грунта - жёлтого суглинка.

Ниже уровня пола кладка стен и столбов продолжается еще на 50-70 см. На этом уровне кирпичная кладка имеет отмокку в один кирпич, толщиной и шириной также приблизительно в один кирпич. Затем идёт фундамент. Отмечено, что фундамент северо-западного столба начинается непосредственно под отмоккой, в юго-восточном углу церкви ниже отмо-

-224-

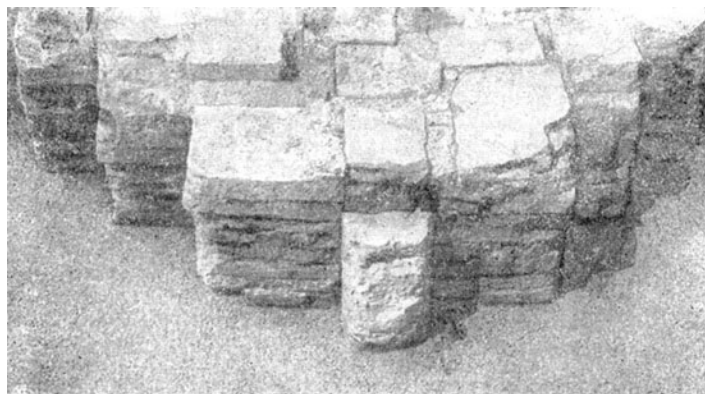

Рис. 118
Пилястра

стки проходят ещё два ряда кирпичной кладки, а уже под ними - фундамент. Сам фундамент сложен из булыжников (диаметром от 10 до 20 см) на жёлтой глине.

Лицевая поверхность стен обработана довольно небрежно, раствор местами натекает на кирпичи, подрезка швов отсутствует. Однако сами швы обязательно имеют сверху скос внутрь кладки, так что, начинаясь от лицевой поверхности каждого нижнего кирпича, раствор заходит под верхний кирпич, отступая от поверхности стены почти на 1 см. Следует отметить, что при раскопках не было найдено ни малейших следов штукатурки, очевидно, стены церкви не были оштукатурены ни снаружи, ни внутри.

Снаружи к церкви с трёх сторон примыкала галерея. Её кладка нигде не перевязана с кладкой основного объёма. В местах примыкания галереи пучковые пилястры церкви были не сбиты, а лишь обложены новой кирпичной кладкой. В месте примыкания галереи к юго-восточному углу церкви оказалась сбитой только узкая полуколонка. Кирпичи галереи имеют размер 4 x 19-20 x 25.5 см, т. е. они немного меньше кирпичей церкви. Раствор галереи близок по характеру к раствору церкви, но более жёлтый. Он однороден, без крупного заполнителя. Цемянка в растворе - в виде очень мелких (большой частью доли миллиметра) частиц. Есть в нём и мелкие (до 1.5 мм) крупинки-кусочки необожжённого известняка, а также крупные куски (длиной до 1.5 см) древесного угля. Раствор более жирный, чем раствор церкви, но непрочный, худшего качества. Кладка галереи значительно менее аккуратна, чем кладка церкви, и находится в гораздо худшем состоянии: во многих местах деформирована, имеет большие сквозные трещины.

Толщина стен галереи 1 м. Внутренняя ширина её около 3.2 м, но к юго-восточному углу галерея расширяется и достигает 4.1 м. Снаружи

-225-

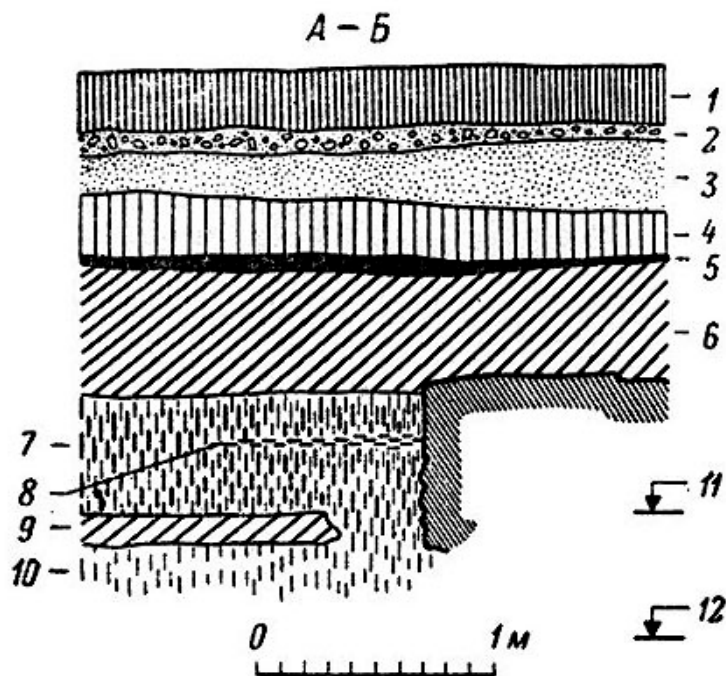

Рис. 119

Разрез напластований у юго-восточного угла храма

1 - темная земля; 2 - песок с галькой; 3 - песок; 4 - серая земля; 5 - мусор и уголь; 6 - древний строительный мусор; 7 - суглинок с землей; 8 - известь; 9 - древний строительный мусор; 10 - чистый суглинок; 11 - уровень пола церкви; 12 - уровень отмостки

стены галереи имели плоские лопатки толщиной 20 см. Против западного членения северной стены храма, вероятно, находилось какое-то помещение, отделенное подпружными арками. Об этом свидетельствуют два пилона, пристроенных к первой и второй с запада пилястрам северной стены церкви. В юго-восточной части галереи сохранились следы кирпичной вымостки, видимо пола.

Кирпичная кладка стен галереи начинается снизу на значительно более высоком уровне, чем кладка основного здания храма, и даже на 20-30 см выше уровня древнего кирпичного пола церкви. Внизу стены галереи не имеют отмоксти; непосредственно под стенами лежит фундамент из уложенных насухо булыжников (диаметром от 8 до 12 см). Глубина фундамента галереи всего 35-40 см.

Уровень поверхности земли во время строительства церкви находился, по-видимому, на отметке, приблизительно совпадающей с уровнем кирпичной отмоксти у стен здания. Кирпичный пол храма расположен выше этого уровня примерно на 0.5 м. Вскоре после завершения строительства нижние части стен церкви были присыпаны снаружи землёй приблизительно до уровня пола. Об этом свидетельствует тонкая прослойка строительного мусора, обнаруженная в восточной части раскопа на 40 см выше уровня кирпичной отмоксти (рис. 119). Очевидно, именно до уровня данной прослойки был поднят уровень земли вокруг церкви почти сразу же по окончании строительства. Ко времени постройки галереи уровень земли у юго-восточной части церкви ещё более повысился, и фундамент галереи здесь был заложен с уровня, лежащего ещё на 75 см выше отмоксти.

В восточной части раскопа выявлена тонкая полоса извести, очевидно соответствующая периоду строительства галереи; эта полоса лежит на 80 см выше уровня отмоксти. Следует отметить, что северо-западная часть галереи заложена примерно на 40 см ниже юго-восточной. Очень вероятно, что к западу от церкви древний уровень почвы от времени строительства храма до закладки галереи очень мало повысился.

Слой кирпичного щебня, имеющий толщину более 60 см, образовавшийся, видимо, в период разрушения здания, перекрывает остатки галереи и частично самого храма. Вероятно, здание было разобрано и материал его вывезен, так как в раскопках не обнаружено никаких блоков кладки или даже крупных развалов строительных материалов.

-226-

Время уничтожения здания неясно. Очень возможно, что именно данная церковь изображена на гравюре В. Гондиуса под № 14 и названа башней. Если это так, то очевидно, что в начале XVII в. она была ещё цела, хотя и заброшена. Наименование её башней могло быть связано с высотной композицией объёма храма, на что, кстати, указывает и форма сложнопрофилированных пучковых пилястр. Впрочем, отождествление церкви на Малой Рачевке с рисунком на гравюре Гондиуса не бесспорно. Во всяком случае, к концу XVII в. церковь была уже разобрана, поскольку яма с обломками изразцов XVII в. оказалась врезанной в остатки её северной апсиды.

Для датировки памятника могут быть использованы следующие характерные его особенности: прямоугольные наружные очертания боковых апсид, сложнопрофилированные пучковые пилястры, формат кирпича и характер раствора. Все эти данные, безусловно, свидетельствуют о том, что церковь была построена в конце XII - первой половине XIII в. Близость строительной техники церкви и галереи говорит, что галерея была пристроена лишь немногим позже завершения строительства основного здания.

-227-

Церковь у устья Чуриловки

В 1885 г. производились земляные работы в саду торговца Бибикина на Правом берегу р. Чуриловки, близ её впадения в Днепр. Для выравнивания площадки начали срыwać расположенный на этой территории "довольно обширный курган". Выяснилось, что это остатки древней церкви. Осмотревшие руины С. П. Писарев и В. И. Сизов просили хозяина участка "снимать землю так, чтобы можно было сфотографировать и снять план". Результаты своих наблюдений Писарев опубликовал в трёх номерах местной газеты "Смоленский вестник".¹⁾ Кроме того, он сделал схематический обмер плана храма (рис. 125, 1).¹⁾ "Раскопки" вызвали большой интерес, и сведения о них в краткой форме были помещены в различных исторических и археологических изданиях.³⁾

С. П. Писарев в своих информациях постарался возможно подробнее описать не только форму плана раскопанного сооружения, но и строительную технику. Он отметил, что стены были сложены из плинфы, причём толщина швов раствора превышала толщину кирпичей. На торцах кирпичей он обнаружил выпуклые знаки. При "раскопках" были найдены обломки штукатурки с остатками фресковой росписи, а также гвозди с широкими шляпками, служившие для крепления штукатурки. Писарев отметил также, что в северном портале вскрыты "дверная накладка, таковой же крюк и скобы".⁴⁾

С. П. Писарев полагал, что храм функционировал довольно долго, видимо до XVII в., поскольку в нём были найдены "кафли" данного времени, а также поздние "чугунные вьюшки и дверные затворки". Но поздние предметы с таким же успехом могли относиться к печи какой-либо постройки, поставленной на этом месте уже после разрушения древнего храма.

В церкви было обнаружено большое количество погребений и отдельных человеческих костей. Очевидно, на месте руин некоторое время продолжало существовать кладбище, поскольку часть погребений несомненно сделана уже после разрушения церкви. Однако были обнаружены и такие

¹⁾ *Писарев С. П.* Раскопки одной из древнейших смоленских церквей. - СВ, 1885, № 96, 98, 101.

²⁾ План см.: *Писарев С. П.* Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894. - В 1929 г. Н. Н. Воронину удалось увидеть в Смоленском музее подлинник писаревского плана (№ 1081), позднее исчезнувший. План был выполнен на листе писчей бумаги и имел следующую раскраску: тёмной краской покрыты восточная пара столбов, алтарные простенки и западные восьмигранные столбы, тогда как все стены были светлыми. По-видимому, тёмная окраска отмечала часть здания, сохранившиеся на достаточную высоту, а светлая - плохо или совсем несохранившиеся части.

³⁾ Ист. вестн., 1885, декабрь, Смесь, с. 735; Древности МАО, 1886, т. 11, вып. 2, Протоколы, с. 44; Неделя строителя, 1885, № 36, с. 2.

⁴⁾ М. К. Каргер, ссылаясь на С. П. Писарева, писал, что в качестве строительного материала, в частности голосников, использовали "глиняные сосуды различной величины и формы" (*Каргер М. К.* Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, с. 92). Но Писарев указывал лишь, что были встречены обломки малых горшков, т. е., вероятно, обычных кухонных.

погребения, которые, по мнению С. П. Писарева, совершены ещё в здании церкви, ибо замурованы в её стенах (видимо, в аркосолиях). По наблюдению исследователя, ниши погребений (т. е. аркосолии) закрывались стенками из кирпичей, поставленных на ребро, причём, судя по сохранившимся в них широкошляпочным гвоздям, передние стенки аркосолиев были расписаны. Кирпичи, использованные для замуровки погребений, Писарев относил к XIV в. Он отметил также, что "под престолом" находились три погребения, видимо, более раннего времени - до постройки храма.

В информации С. П. Писарева отмечено, что храм рухнул в северо-западном направлении. На этом участке холма мощный слой, состоявший из плинфы и раствора, простирался более чем на 8 м вне границ здания. В ту же сторону упал и северо-западный столб. Писарев полагал, что церковь была взорвана и ее "потянуло" в этом направлении. На основании описания Писарева некоторые исследователи делали вывод, что "развалины храма к моменту раскопок сохранились на значительную высоту".⁵⁾ Действительно, Писарев сообщал, что видел "остатки сводов северных и южных алтарных дверей", а "на северной стене, ближе к низу, заметно было существование арки, будто вход в церковь". Более внимательный анализ писаревского текста показывает, что автор имел в виду не сами арки, а лишь нижние части проёмов, которые, как он был уверен, перекрывались арками.

Позднее церковь у устья Чуриловки упоминали уже почти все авторы работ, посвящённых древностям Смоленска, но очень коротко, а иногда и с ошибками.⁶⁾

Поскольку именно в данном районе смоленские историки не без основания искали "немецкую божницу", известную по документам XIII в., Чуриловскую церковь иногда прямо отождествляли с "немецкой божницей".⁷⁾ Основанием для такого отождествления была отмеченная С. П. Писаревым находка при одном из погребённых "медного позолоченного герба с изображением льва и дерева". Но немецкая принадлежность подобного предмета отнюдь не обязательна, не говоря уже о том, что указанное захоронение могло быть и поздним. Теперь, после исследования ротонды и определения её как немецкой церкви, отпадают последние основания такой интерпретации церкви на Чуриловке. Делались и другие попытки определить древнее название этой церкви. Так, в "Указателе церковных древностей города Смоленска" Чуриловская церковь сопоставлена с церковью Богородицы на Чуриле, упомянутой в "Росписи..." 1598 г.⁸⁾ Однако издатели этого документа правильно полагали, что церковь Богородицы, "что на Чуриле", находилась значительно выше по речке, там, где иссле-

⁵⁾ Каргер М. К. Указ. соч., с. 92.

⁶⁾ Так, И. И. Орловский считал, что церковь имела шесть столбов (*Орловский И. И. Достопамятности Смоленска. Смоленск, 1905, с. 43*).

⁷⁾ *Орловский И. И. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. - СС, 1909, вып. I, ч. 1, с. 219-220.*

⁸⁾ УЦДС, с. 75. - Существуют и компромиссные предложения: что церковь на Чуриловке первоначально была немецкой церковью девы Марии, а в XV-XVI вв. была превращена в православную церковь Богородицы (*Бугославский Г. Смоленская земля в литовский период. - СС, 1914, вып. III, ч. 1, с. 51*).

дователи отмечали руины древней церкви на Дальней Козинке.⁹⁾ Такое предположение гораздо более вероятно, поскольку в грамоте литовского великого князя Александра (1499 г.) церковь Богородицы указана на дороге от епископского двора "в Чуриловичах на Горах" (т. е., видимо, в верховьях Чуриловки) к городу.¹⁰⁾ Естественно, что дорога от верховьев р. Чуриловки к городу не могла проходить через район её устья. Таким образом, все предположения о древнем наименовании церкви оказались необоснованными.

В 1929 г. небольшую разведку памятника предпринял И. М. Хозеров. Он обнаружил

фрагменты кладки, позволившие заключить, что закомары храма были украшены карнизом из двух рядов зубчиков (поребрик).¹¹⁾

В 1944 г. на месте древней церкви был построен небольшой кирпичный домик, при строительстве которого на поверхность было выброшено много плинф. Их размеры привёл в своей сводке И. Д. Белогорцев.¹²⁾ При этом он согласился с предположением, что данная церковь - действительно немецкая церковь девы Марии.

В 1972-1973 гг. церковь у устья Чуриловки была раскопана полностью (рис. 120).¹³⁾

Место древнего храма определялось легко: на правом берегу р. Чуриловки (теперь взятой в нижнем течении в трубу), близ её устья, хорошо прослеживается плоская площадка, слегка приподнятая над окружающей местностью. Эта площадка находится на территории двух соседних усадеб. Здесь повсюду встречались обломки древних кирпичей и россыпь древнего раствора. Раскопки показали, что площадка больше, чем участок, занятый руинами церкви. Очевидно, форма и размеры данного всхолмления определились в результате земляных работ, проведённых в 1895 г., когда остатки храма, поднимавшиеся над землёй в виде холма, были разровнены для устройства на этой территории сада.

Остатки церкви оказались очень сильно разрушенными, причём разрушения, по-видимому, произведены в основном не после "раскопок" XIX в., а значительно раньше. Большие участки кладки древнего здания разобраны целиком, включая фундамент. Многие куски стен найдены лежащими на боку или в виде бесформенных завалов. Значительное количество поздних погребений и ям пробили кирпичные кладки и фундаменты насквозь.

В более или менее нетронутom состоянии на высоту до 15 рядов кирпичной кладки сохранились лишь два восточных столба и стенка, идущая от северо-восточного столба между северной и центральной апсидами

⁹⁾ СС, 1911, вып. 1, ч. 2, с. 31.

¹⁰⁾ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб., 1846, с. 170 (№ 145).

¹¹⁾ Хозеров И. М. 1) Рукопись ИИ, с. 191; 2) Рукопись ГТГ, с. 46.

¹²⁾ Белогорцев И. Д. Кирпичные постройки XII в. в Смоленске. - В кн.: Материалы по изучению Смоленской области. Вып. V. Смоленск, 1963, с. 139. - Размер плинф 3-4 x 16-18 x 28-30 см. По-видимому, плинфы, попавшие в руки И. Д. Белогорцева, происходили от профилированной пилястры северо-западного угла храма, поскольку, как показали раскопки 1972 г., такие узкие плинфы применялись в основном не для кладки стен, а для выкладки пучковых пилястр.

¹³⁾ Предварительную публикацию см.: Раннопорт П. А., Шолохова Е. В. Раскопки церкви у устья р. Чуриловки в Смоленске. - КСИА, 1975, вып. 144, с. 75,

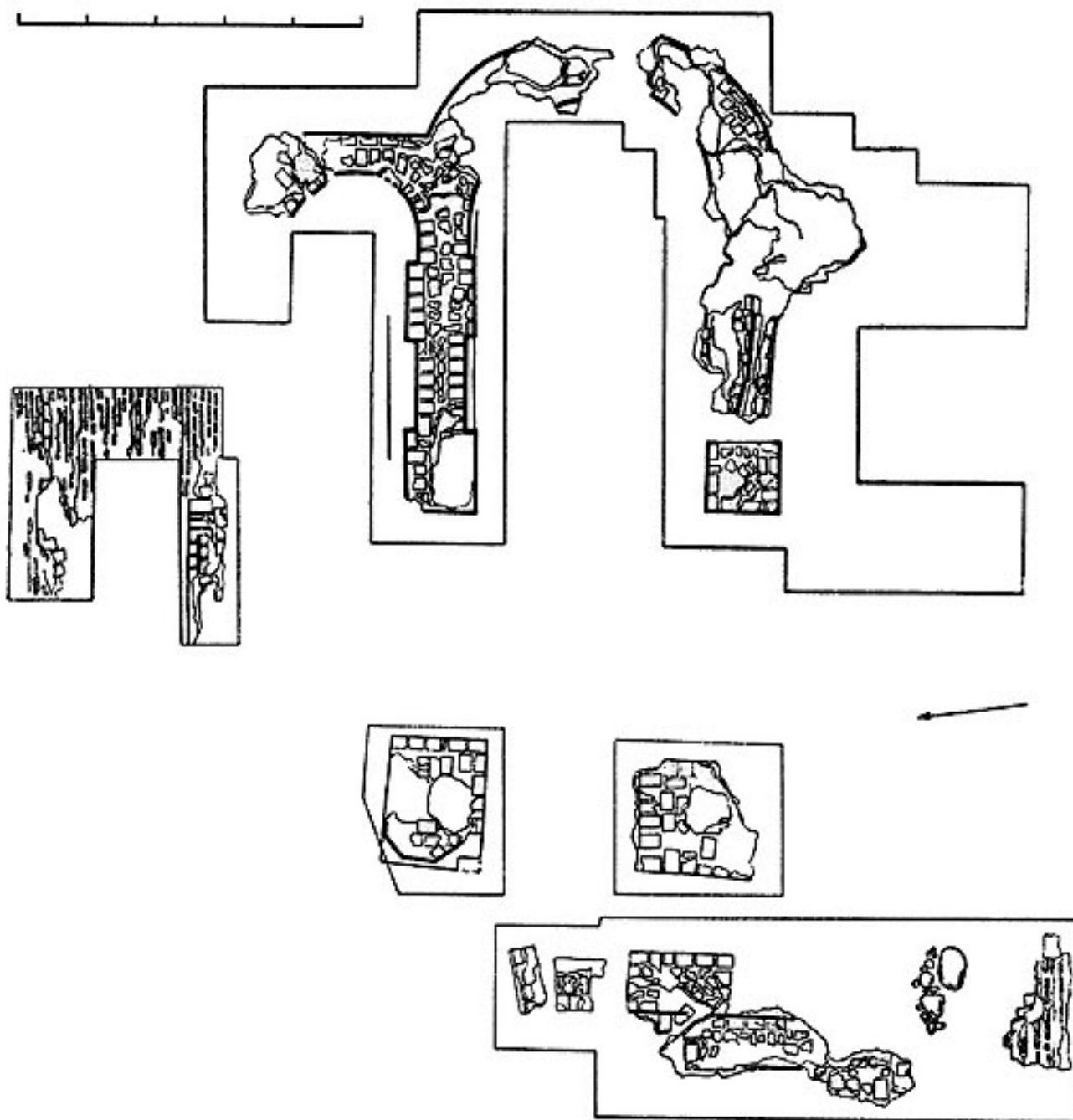

Рис. 120
Церковь у устья р. Чуриловки. План раскопанного здания

Рис. 121

Стенка между северной и центральной апсидами

(рис. 121, 122). Симметричная ей стенка между центральной и южной апсидами найдена сдвинутой с места и упавшей на бок. Достаточно отчётливо прослежена северная апсида, но её северная часть (т. е. северо-восточный угол церкви) полностью уничтожена. Очень сильно разрушена, но всё же прослеживается по остаткам кладки центральная апсида. Южная апсида и южная стена церкви уничтожены целиком, лишь на самом западном участке сохранился небольшой кусок фундамента южной стены. От северной стены найден очень маленький участок. Несколько больший кусок уцелел от западной стены. Два блока кладки этой стены были найдены упавшими в большую яму, но один участок средней части западной стены сохранился в непо потревоженном состоянии. На том месте, где должен был находиться юго-западный столб, обнаружена кирпичная отмостка, лежавшая под столбом; кладка самого столба оказалась уничтоженной. Северо-западный столб сохранился лучше: на кирпичной отмостке частично уцелел нижний ряд кирпичей восьмигранного столба. В подполье дома,

-232-

построенного на месте древней церкви, виден большой блок кладки, - по-видимому, сильно обрубленный северо-западный угол храма.

Несмотря на плохую сохранность памятника и фрагментарность уцелевших кладок, общая схема плана раскопанной церкви определяется все же с достаточной полнотой (рис. 125, 2). Это была небольшая церковь с тремя апсидами, из которых только центральная имела снаружи полукруглую форму, в то время как боковые были снаружи прямоугольными. Положение

западной стены церкви оказалось точно зафиксированным, поскольку от неё сохранился кусок кладки с участками внешних поверхностей как изнутри, так и снаружи здания. Толщина стены здесь 0.72-0.78 м. Фрагмент северной стены сохранил только одну поверхность - снаружи здания, но этого вполне достаточно, чтобы зафиксировать положение данной стены, а симметрично ей и южной стены храма. Определённая таким способом южная стена оказывается точно на том месте, где сохранился ненарушенный участок фундамента.

Общие размеры церкви: по продольной оси (включая апсиду) 15 м, поперек - 11.3 м. Азимут продольной оси 99°.

Восточные столбы имеют прямоугольную форму; ширина северо-восточного столба 1 м, юго-восточного - 1.05 м, северо-западного восьмигранного столба 1.2 м. Размер подкупольного пространства храма по направлению север - юг (между столбами) 3.35 м. По направлению восток - запад этот размер несколько больше - 3.9 м.

Сравнение данных, полученных в итоге раскопок 1972-1973 гг., со сведениями и чертежом С. П. Писарева показывает, что исследователь

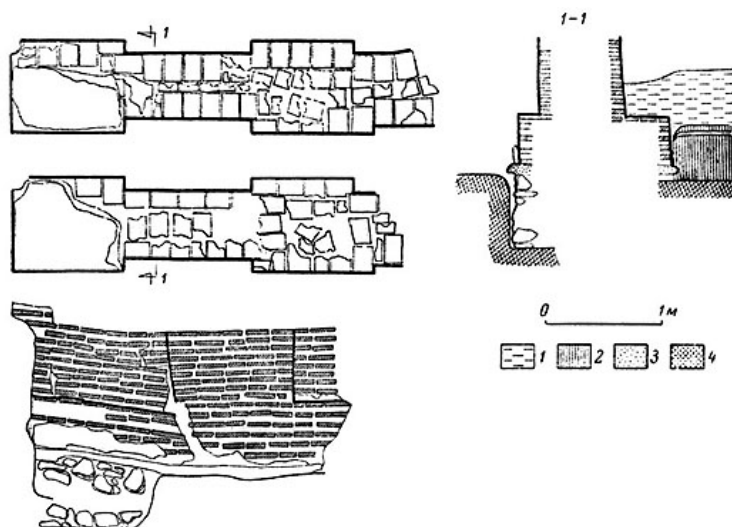

Рис. 122

Стенка между северной и центральной апсидами

1 - глина; 2 - черная земля; 3 - строительный раствор; 4 - материк

-233-

очень добросовестно фиксировал обследованный им памятник. Его план имеет по существу лишь две грубые ошибки. Во-первых, на нём храм изображён несколько меньшим, чем в действительности. Возможно, что это даже вина не самого Писарева, а того чертёжника, который при подготовке писаревского чертежа к изданию небрежно отнёсся к масштабу. Если к масштабу на опубликованном чертеже ввести коэффициент приблизительно 1.1, то чертёж окажется очень близким к натуре. Вторая серьёзная ошибка - неправильно переданные наружные очертания боковых апсид. По-видимому, Писарев видел апсиды раскрытыми лишь изнутри и предположил, что они были полукруглыми и снаружи. В остальном его чертёж достаточно точен. Писарев правильно передал также восьмигранную форму западных столбов, правда, изобразив их несколько большими, чем на самом деле. Ему, конечно, даже в голову не могло прийти самому придумать подобную форму, поскольку в его время такие столбы в древнерусской архитектуре вообще не были известны (да и сейчас они известны в единичных примерах). Всё это даёт нам право использовать данный чертёж для реконструкции некоторых форм, в настоящее время полностью исчезнувших. Так, несомненно, Писарев был прав, показав, что восточная пара

столбов отделена проходами от межалтарных стенок. В раскопках 1972 г. стенка между северной и центральной апсидами на участке предполагаемого прохода сохранилась на высоту пяти рядов кирпичей над уровнем пола. Очевидно, это остатки порога, а во времена Писарева кладка стен по сторонам прохода была выше.

На чертеже С. П. Писарева показан вход в храм только в южной стене, но из его текста видно, что следы проёма имелись и в северной стене. Безусловно, первоначально должен был существовать и третий, западный портал.

Стены церкви на чертеже С. П. Писарева показаны гладкими, без лопаток. Вероятно, это связано с тем, что уже в 1885 г. стены находились в сильно разрушенном состоянии и лопатки на них не сохранились. Впрочем, на внутренней поверхности стен лопаток действительно не было. Об этом можно судить по небольшому куску поверхности западной стены напротив юго-западного столба. Однако с наружной стороны лопатки несомненно должны были существовать. К счастью, близ юго-западного угла храма был найден упавший блок кладки стены, на нижней стороне которого сохранился полный профиль сложной пучковой пилястры (рис. 123, 124). Очевидно, это перевернувшийся при падении кусок крайней западной пилястры южной стены. Пилястра имела три прямоугольных уступа и завершалась прямоугольной тягой. Общая ширина такой сложнопрофилированной пилястры 1.5 м, а её вынос от плоскости стены 58 см. При разборке участка упавшей северной стены храма на линии, отвечающей восточной паре столбов, на нижней поверхности стены также была расчищена профилированная пилястра. У неё на одно членение меньше, чем у угловой, и общая ширина её поэтому тоже меньше - около 1.2 м, хотя вынос от плоскости стены был примерно такой же, как у угловой пилястры. Места расположения пилястр на стенах достаточно точно определяются самой разбивкой плана. Может возникнуть лишь вопрос, существовала ли на северном и южном фасадах промежуточная пилястра

-234-

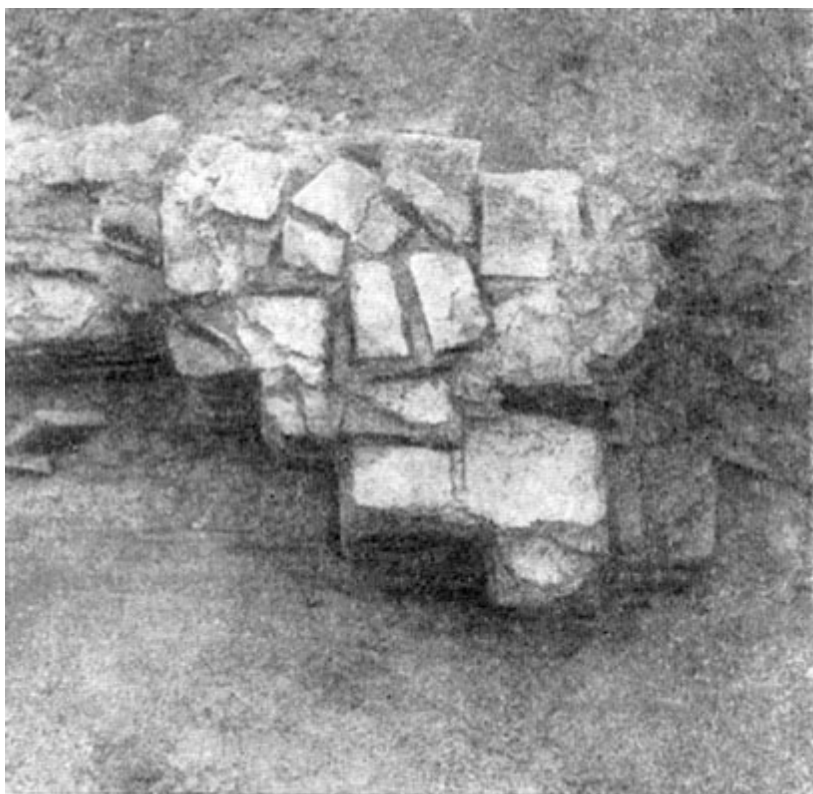

Рис. 123
Упавшая пилястра юго-западного угла

между угловой пилястрой и пилястрой, отвечающей восточной паре столбов. Судя по тому, что все смоленские памятники данного типа такую промежуточную пилястру имеют, надо полагать, что и здесь она также была. Некоторым подтверждением этому служат также чётко выделенные лопатки на межапсидных стенках. На центральной апсиде, по аналогии с другими памятниками смоленского зодчества, обладающими подобными пучковыми пилястрами (церковь на Воскресенской горе), следует показать маленькие колонки в виде прямоугольных тяг.

Таким образом, план раскопанной церкви восстанавливается полностью достаточно точно и убедительно (рис. 125).

Кирпичи, из которых сложено здание церкви, хорошо формованные и хорошо обожжённые, прочные. Цвет их ровный кирпично-красный, размер 3.5-4 x 19-20 x 27 см. Встречаются кирпичи, имеющие ту же толщину и длину, но шириной 15-16 см. В кладке такие кирпичи найдены главным образом в угловой пучковой пилястре, где из них выложены два боковых уступа. На торцах кирпичей встречаются выпуклые знаки.

Раствор в кладке прочный, розово-кремовый, с крупными включениями кирпичного щебня, очень жирный. Вяжущее в нём глинисто-известковое до известково-глинистого, известь слабогидравлическая. Состав раствора: извести 70%, цемянки 8-14, песка 8-9, глины 5-6%. Цемянка в основном в крупных фракциях. Песок крупный (частично гравий), средней окатанности. Встречаются мелкие кусочки известняка (1-3 мм) и редкие кусочки угля. Толщина швов в кладке 4-4.5 см, т. е. они даже несколько толще самих кирпичей. Найдено несколько обломков лекальных кирпичей:

-235-

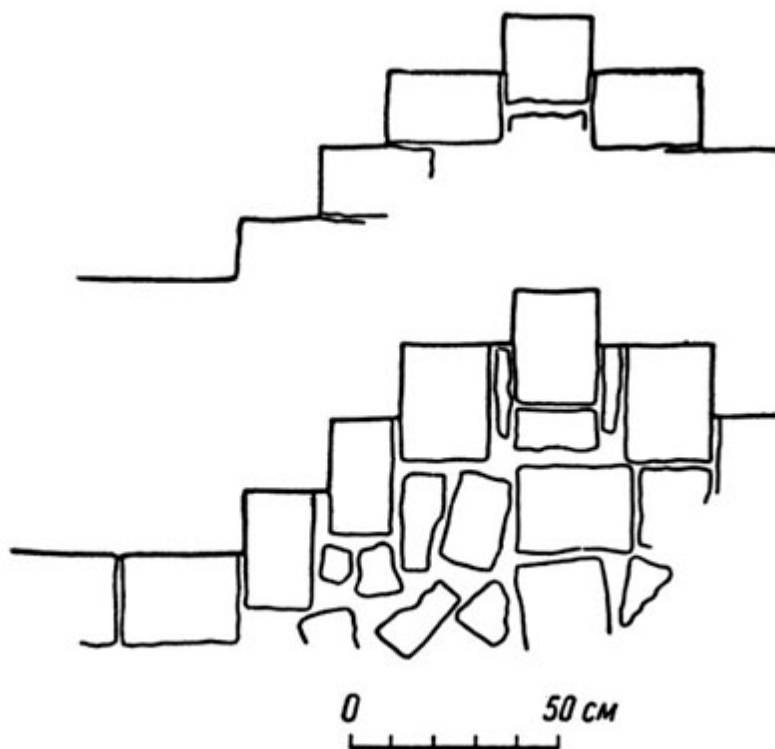

Рис. 124

Пилястра юго-западного угла

трапецевидных (основания 13 и 25 см, высота 17 см) и с треугольным концом (утюжки). В раскопах попадались также обломки кирпичей, торец которых имеет треугольное сечение.

Найдены также два кирпича не плоской, а дугообразной формы. Наличие дугообразных кирпичей с треугольным концом, видимо, свидетельствует о применении в здании таких декоративных элементов, как аркатурный пояс и полоса зубцов (поробрик).

Кладка довольно аккуратная. Лицевые стороны стенок сложены из целых кирпичей, середина - из обломков. На фасады выходят в основном ряды кирпичей, уложенных тычком, хотя встречаются и смешанные ряды тычков и ложков, а в западной стене отмечено наличие ложкового ряда.

Нижние ряды кирпичной кладки (примерно на 40-45 см выше слоя раствора, перекрывающего фундамент) представляют собой отсыпку большей ширины, чем ширина вышележащей кладки стены. В стенке, разделяющей апсиды, ширина отсыпки 1.25 м, в то время как самой стенки всего 0.7 м. В западной стене храма отсыпка выступает внутрь здания (параллельно стене) на 0.85 м. Под западными столбами отсыпка образует прямоугольные платформы шириной (по направлению восток - запад) около 1.6-1.85 м. Толщина отсыпки не всюду одинакова. Так, в стенке, разделяющей северную и центральную апсиды, отсыпка имеет пять-шесть рядов кирпичной кладки, у западной стены - три ряда, в платформе северо-западного столба - пять рядов.

На участке северного нефа церкви в районе примыкания к стенке, разделяющей апсиды, сохранился участок грунта с ненарушенной стратигра-

-236-

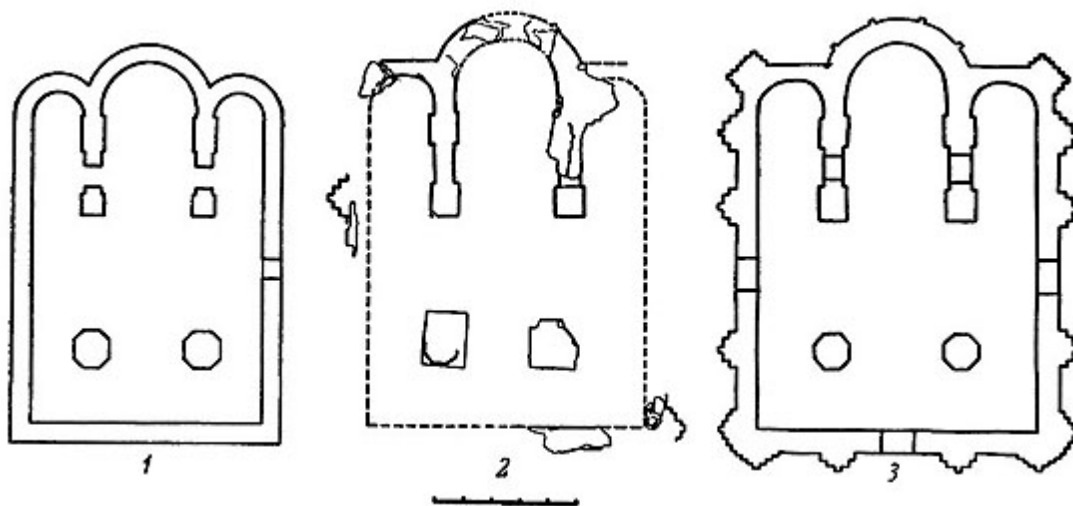

Рис. 125

Церковь у устья р. Чуриловки

1 - по С. П. Писареву; 2 - части здания, найденные при раскопках 1972 - 1973 гг.; 3 - реконструкция плана

фией (рис. 122). Над материковым песком здесь лежит слой чёрной земли (толщиной 45 см) с редкими включениями культурных остатков (несколько черепков древнерусской керамики XII в.), - очевидно, культурный слой, отложившийся до постройки церкви. Выше лежит слой глины с мелкими кусочками угля и обожжённой глины. Это слой подсыпки под пол церкви, толщина его 48 см.

Стратиграфия напластований была проверена также с восточной стороны северо-западного подкупольного столба. Здесь толщина культурного слоя около 30 см. Однако он сохранился на всю толщину только у самого столба, а отступя от столба - был сверху срезан примерно наполовину. В этом слое найдено довольно много керамики XII в. Над культурным слоем лежит слой подсыпки пола, который на данном участке состоит в основном из супеска и имеет толщину

около 50 см.

Верхняя граница слоя подсыпки отмечает уровень древнего пола. Пол находился на 28 см выше верхнего обреза кирпичной отмостки. Близ стенки уровень пола падает примерно на 10 см, что, видимо, является следствием осадки здания. Поскольку пол не имел плотного известкового слоя, очевидно, что он был замощён либо плитками, либо кирпичами, чем именно, выяснить не удалось.¹⁴⁾ В раскопках найдено всего несколько обломков поливных плиток со следами зелёной поливы.

Фундамент церкви сложен из булыжников 10-20 см, уложенных насухо. Над фундаментом лежит слой раствора, а выше начинается кирпичная кладка. Фундаментный ров имеет такую же ширину, как сам фундамент,

¹⁴⁾ С. П. Писарев полагал, что пол церкви был деревянным, поскольку он нашёл в руинах слой угля. При раскопках 1972-1973 гг. это наблюдение проверить не удалось. На единственном участке с ненарушенной стратиграфией слоя угля в уровне пола не было.

-237-

т. е. открыт без зазора. Фундамент стенки между апсидами углубляется от древнего уровня поверхности примерно на 1.05 м и, прорезая культурный слой и нижележащие песчаные прослойки, достигает уровня плотной глины. Фундамент северо-западного столба на 40 см глубже, и поэтому в нижней своей части он врезан в слой плотной глины.

Из деталей, которые относятся к конструкции верхних частей здания, найдены лишь обломки амфор, видимо использованных в качестве голосников. Церковь была изнутри расписана: в развале обнаружены обломки штукатурки с остатками фресковой росписи. На стенке, разделяющей апсиды, на поверхности со стороны северного нефа сохранились остатки штукатурки.

Датировка раскопанного храма в пределах полувека не представляет труда. Своеобразие схемы плана (особенно прямоугольные боковые апсиды), сложнопрофилированные наружные пилястры, формат кирпича свидетельствуют, что здание было возведено в конце XII - первой половине XIII в. Церковь была построена на территории, где уже успел отложиться культурный слой XII в. Около церкви в XIII в. было совершено несколько погребений. Очень вероятно, что имелись погребения этого времени и внутри церкви. Так, судя по сведениям С. П. Писарева, несколько погребений было сделано в аркосолиях стен. Никаких погребений, относящихся ко времени до построения храма (как это предполагал Писарев), не обнаружено.

Сколько времени просуществовало здание и когда оно было разрушено, выяснить не удалось. Очевидно, долго на месте руин существовало кладбище. В XVIII в. на этом участке уже стояли какие-то постройки.

Можно высказать предположение о названии храма. Он был расположен у устья р. Чуриловки, и очень возможно, что речка получила своё наименование от стоявшей здесь церкви. В таком случае церковь должна была называться Кирилловской, поскольку древнерусское имя Чурило соответствует христианскому имени Кирилл.¹⁵⁾

¹⁵⁾ Vasmer M. Russisches Etymologisches Wörterbuch. Bd 3 Heidelberg, 1958, s. 358. - Церковь имеет редкую для Древней Руси ориентацию: её продольная ось обращена на юго-восток (азимут 99°). Расчёт показывает, что такая ориентация отвечает восходу солнца в середине февраля (о системе расчёта см.: *Pannonopt П. А. Ориентация древнерусских церквей.* - КСИА, 1974, вып. 139, с. 43). Очень вероятно, что в данном случае закладку храма хотели приурочить ко дню Константина-Кирилла - 14 февраля.

-238-

Церковь на Воскресенской горе

1

Напротив Соборной горы, между двумя оврагами - Родничким (или Смолиговым) ручьём с востока и Пятницким с запада, на склоне городских высот возвышается холм неправильных очертаний - Воскресенская гора. Она господствует в окружающем ландшафте: если современная отметка Соборной горы 53 м над уровнем Днепра, то Воскресенской - 60 м. Холм ныне очень эффектно завершён возведённой в 1765 г. церковью Воскресения.¹⁾ В Смоленске знали, что она была построена "в середине развалин большой каменной церкви древнейшего периода, разобранной до 1634 г., где в 1711 г. был уже деревянный храм с покрытыми ходами вокруг".²⁾

В 1926 г. И. М. Хозеров произвёл разведку руин древнего храма и вскрыл часть южной стены от портала до угловой восточной лопатки. Непонятно, почему исследователь утверждал, что храм был трёхапсидным и что он якобы имел пилястры двух типов - пучковые и с полуколонной (в чём Хозеров видел "влияние архитектуры Кавказа"!). Наиболее существенным было вскрытие восточного косяка южного портала, включающего в свой профиль полуколонку и украшенного росписью (портал автор определил как "романский", а в его росписи видел "приём, по-видимому, чисто византийский").³⁾ При разведке "были встречены части разбитых голосников, кусочек свинца с фальцем от кровли и зарегистрировано много различных знаков на боковых сторонах кирпича". Сходство некоторых из

¹⁾ Писарев С. П. Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898, с. 150; Геден. Историческое и топографическое описание г. Смоленска. - Северный архив, 1828, ч. 32, с. 27.

²⁾ Писарев С. П. 1) Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, с. 180; 2) Памятная книга..., с. 92. - Деревянный храм с "описаниями" изображён на иконе Авраамия и Меркурия Смоленских начала XVIII в. (АИЗ, 1896, т. 2-3, табл. III, 2). Древняя церковь, несомненно, раньше называлась Воскресенской. Ещё в 1609 г. в "росписи смоленских посадских людей" упоминаются "посадские люди Воскресенской сотни" (Писарев С. П. Памятная книга..., с. 41). При наших раскопках 1965 г. над юго-восточным углом руин была открыта белокаменная надгробная плита с надписью: "1709 году януаріа в третие число преставися раба божия Воскресенская поподія Пелагея". Наконец, само название "Воскресенская гора" говорит о посвящении храма. Правда, в документе 1598 г. упоминается "церковь живоначальные Троицы, что на Воскресенской горе", однако, по признанию издателя, где находилась эта церковь, неизвестно (Роспись выдаваемой от царицы Александры Феодоровны руги смоленским церквам и монастырям. - СС, 1911, вып. I, ч. 2, с. 31).

³⁾ Хозеров И. М. 1) Новые данные о памятниках древнего зодчества города Смоленска. - In: Seminarium Kondakovianum. II. Praha, 1928, s. 355-356; 2) Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. - КСИИМК, 1945, вып. XI, с. 22. - И. Д. Белогорцев почему-то считал храм на Воскресенской горе "небольшим" зданием, называл его Троицким и относил к 1141-1145 гг. (Белогорцев И. Д. 1) Архитектурный очерк Смоленска. Смоленск, 1949, с. 14; 2) Памятники архитектуры Смоленской области. Смоленск, 1950, с. 8).

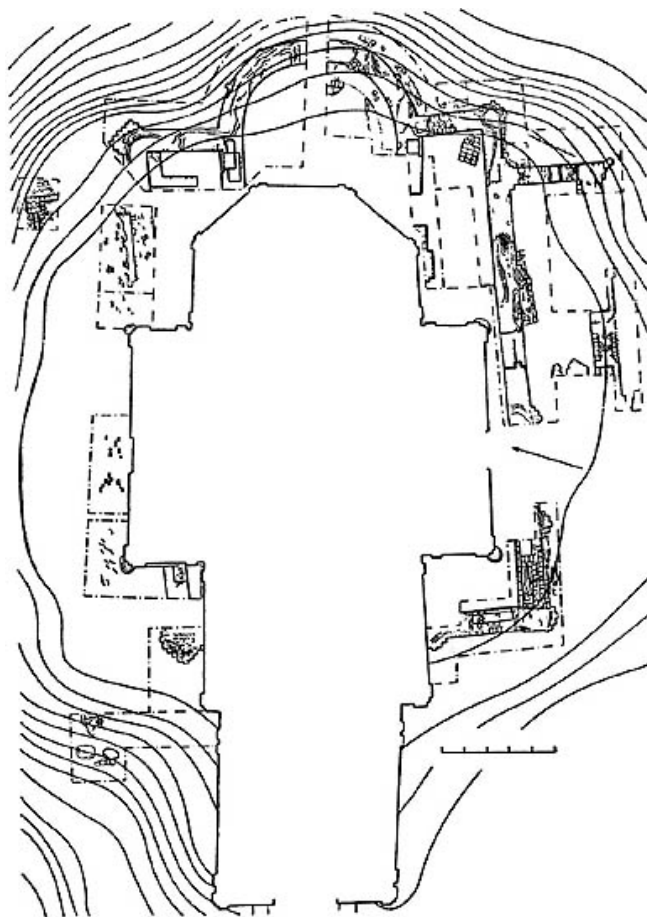

Рис. 126

Церковь на Воскресенской горе. План раскопанного здания

-240-

них со знаками на кирпичях церкви Спасского монастыря около д. Чернушки, относившейся тогда к 1141 г., и Борисоглебского собора на Смядыни и наличие в тесте кирпича мергеля дало автору основание отнести храм на Воскресенском холме к первой половине XII в.

Наши, хотя и частичные, раскопки 1964-1965 гг. принесли новые данные для характеристики древнего здания. Работы 1964 г. носили разведочный характер; в 1965 г. практически исследована вся "периферия" памятника, так как его внутренняя площадь почти полностью закрыта храмом 1765 г. Раскопки показали, что храм был построен на обжитом месте: над материком залегает небольшой (15-20 см) культурный слой с керамикой XII в., завершаемый прослойками времени строительства древнего храма. Возможно, что до постройки каменного храма здесь была сначала более древняя деревянная церковь, при которой возникло кладбище. От него прослежено плохо сохранившееся погребение, оказавшееся под восточной стенкой южной галереи: уцелело несколько костей, мелкие обломки перержавевшего железного предмета и кусочки тонких бронзовых спиральных пронизок.

На описанном выше тонком культурном слое лежит мощный пласт руин храма и непосредственно над ним - слой позднейшего кладбища. Его могилы вторгаются в самый щебень руин и даже врезаются в кладку уцелевших стен (например, в апсиде и дьяконнике).

Ось храма 1765 г. не совпадает с осью древнего; последний сдвинут к югу, так что его южная и восточная части выходили за черту периметра храма 1765 г., тогда как северная стена почти целиком ушла под северную стену 1765 г. Это и определило фрагментарность исследования памятника.

Раскопками 1964-1965 гг. были вскрыты и изучены следующие участки памятника (рис. 126, 127): северо-западный угол и кусок северной стены, уходящей под стену храма 1765 г.; восточный участок северной стены; восточная часть храма; вся его южная стена (за исключением участка против входа в церковь 1765 г.); южная треть западной стены; северо-восточный угол галереи; аморфные остатки её северо-западного-угла; восточная стена южной галереи и её южный портал. Вскрытые части при всей их фрагментарности позволяют составить довольно полное представление о плане памятника в целом (рис. 128).⁴⁾

Это был опоясанный с трёх сторон галереями большой, шестистолпный (судя по числу фасадных пучковых пилястр) собор с одной массивной апсидой. Жертвенник и дьяконник помещались в прямоугольных угловых частях; их восточные стенки не имеют внутренних полукружий. Раскоп в дьяконнике свидетельствует, что внутренних, отвечающих столбам, настенных лопаток нет, а фасадные пучковые пилястры смещены с осей столбов и расположены произвольно, независимо от них.

Воскресенский храм относительно велик. Его длина внутри (с апсидой)

⁴⁾ О найденных при раскопках храма фрагментах живописи см.: *Воронин Н. Н.* Смоленская живопись 12-13 веков. М., 1977, с. 110.

-241-

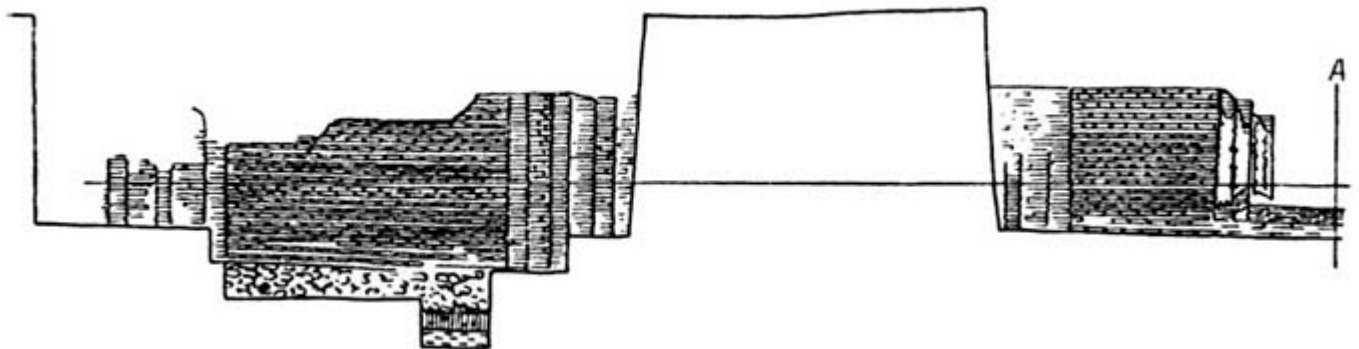

Рис. 127 (левая часть, правую часть см. на стр. 243)
Южная стена храма

24.5 м, длина бокового нефа 21.1 м, ширина в восточной части 15 м, а в западной 14.5 м - храм на 0.5 м сужается к западу. По-видимому, это результат неточности разбивки плана, примеры чего нередки. При внушительных размерах церкви её стены необычайно легки и тонки - всего 1-1.02 м. Последнее (восточное) членение южной стены еще тоньше - 0.85 м, в связи с чем вторая пилястра имеет один лишний уступ. Это скорее всего связано с тем, что угловые восточные части были пониженными по отношению к алтарной апсиде и основному объёму здания. В целом план ядра храма производит впечатление удивительной лёгкости и просторности.

Апсида храма слегка подковообразна и, кроме того, сильно уплощена. Средняя часть её разрушена до основания глубоко проникшим погребением; размещение же четырёх вертикальных прямоугольных тяг таково, что трудно сказать, как решалось оформление апсиды по её оси. Здесь могла быть, например, одна центральная тяга (как в южном приделе храма на Протоке); при этом апсида могла иметь четыре окна. Однако при отсутствии средней тяги здесь на оси могло находиться одно обычное окно (как, например, в храме в Путивле 1230-х гг.)⁵⁾ или тройное, а в боковых членениях по одному окну. Вспомним, что в апсиде храма на Протоке М.

П. Полесский-Щепилло открыл якобы значительной величины окно".⁶⁾ Снаружи апсиды в уровне верха её фундамента сделана неширокая отмостка из колотой плинфы.

Интересной чертой памятника является прослеженная в алтарной части плотная забивка её внутреннего пространства толстым слоем почти стерильной насыпной глины, похожим по своей чистоте на материк; в нём были лишь незначительные включения гумуса и мелкого плинфяного щебня. Внутри апсиды этот насыпной слой имел толщину 1.42 м. Уровень пола в дьяконнике также выше наружного обреза фундамента на 1.3 м, т. е. тоже поднят на засыпке.

Сохранившийся в жертвеннике фрагмент росписи - белой завесы - показывает, что и здесь засыпка имела толщину 1.45 м (на этой отметке лежит нижний край завесы). Таким образом, образовалась как бы глухая, плотно забитая грунтом "цокольная" часть здания,

⁵⁾ Рыбаков Б. А. Раскопки в Путивле. - В кн.: Археологические открытия 1965 года. М., 1966, с. 155.

⁶⁾ Полесский-Щепилло М. П. Раскопки развалин древнего храма св. великомученицы Екатерины в восточном предместье г. Смоленска. - В кн.: Памятная книжка по Смоленской губернии на 1870 год. Смоленск, 1870, с. 11.

-242-

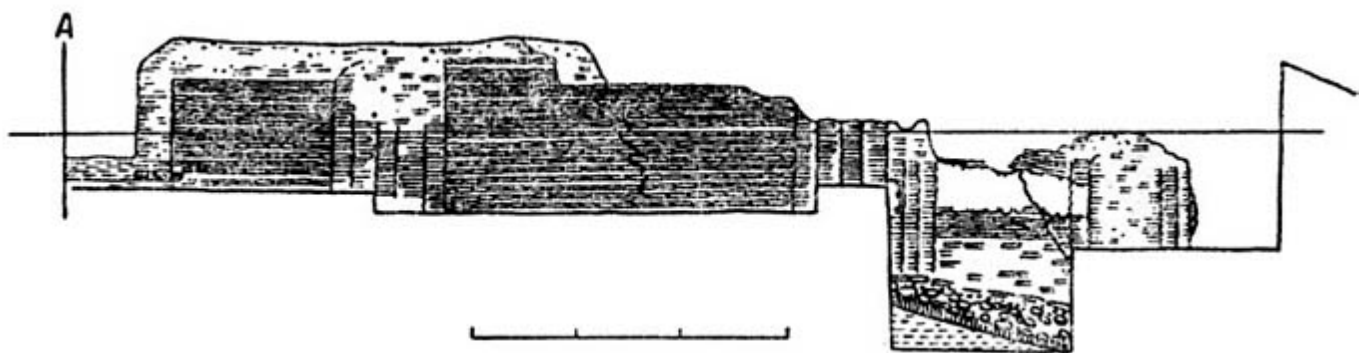

Рис. 127 (правая часть, левую часть см. на стр. 243)
Южная стена храма

наружный объём которого опускался примерно на 1.5 м ниже его внутреннего пространства с поднятым полом. Эта черта существенна для характеристики композиции Воскресенского храма. Подобный приём внутренней засыпки (правда, не такой мощной) был прослежен нами в соборе Спасского монастыря у д. Чернушки, в соборе Троицкого монастыря на Кловке и некоторых других памятниках Смоленска.

Уложенный на подсыпку пол апсиды был, видимо, сделан из плинфы, покрытой затем раствором (сохранилась всего одна плинфа).

У южной стены апсиды прослежен остаток подножия скамьи "горнего места" (вышиной в одну плинфу), также затёртый раствором; на подступенке - следы окраски. Скамья представляла собой плинфяную стенку, засыпанную с внутренней стороны песчано-глинистым нивелировочным грунтом со щебнем, а сверху, вероятно, покрытую деревом. Ширина скамьи 0.71 м. Граница скамьи с запада определяется началом вертикальной красной каймы росписи "полиитии", как это было и в соборе на Протоке. В центре апсиды скамья имеет полукруглый выступ радиусом 0.68 м - подножие кресла игумена. Кресло тоже затёрто известью, а подступенок сохранил следы росписи.

В северную часть жертвенника была встроена из той же, что и храм, плинфы Г-образная стенка толщиной в две плинфы, как бы выгораживающая особое помещение. Стенка сложена на

своём фундаменте глубиной 0.8 м из среднего и крупного булыжника на глине; его подошва заложена выше платформы фундамента храма на 35 м и лежит в описанном выше слое насыпной глины. По-видимому, этот слой здесь был частично срыт и сохранился лишь на 0.87 м. Каково назначение встройки, сказать трудно. В южной стене жертвенника выложен прямоугольный внутрстенный шкаф с боковыми ответвлениями. Обрамляющая шкаф ниша сохранила следы росписи: западная четверть окрашена в тёмно-синий цвет, восточная - в красно-коричневый. В дяконнике хорошо сохранилась на высоту 1.1 м декоративная роспись панели, имитирующая "полилиту". Алтарная часть отделялась от основного помещения храма деревянной алтарной преградой, о чём свидетельствуют перерыв росписи в юго-западном углу дяконника и загиб её штукатурного грунта к северу, т. е. на преграду. Преграда шириной 28 см проходила перед восточной парой столбов.

Центральная часть памятника лежит под церковью 1765 г., и твёрдо сказать о характере подкупольного прямоугольника - был ли он регулярным или имел какую-либо деформацию - мы не можем.

-243-

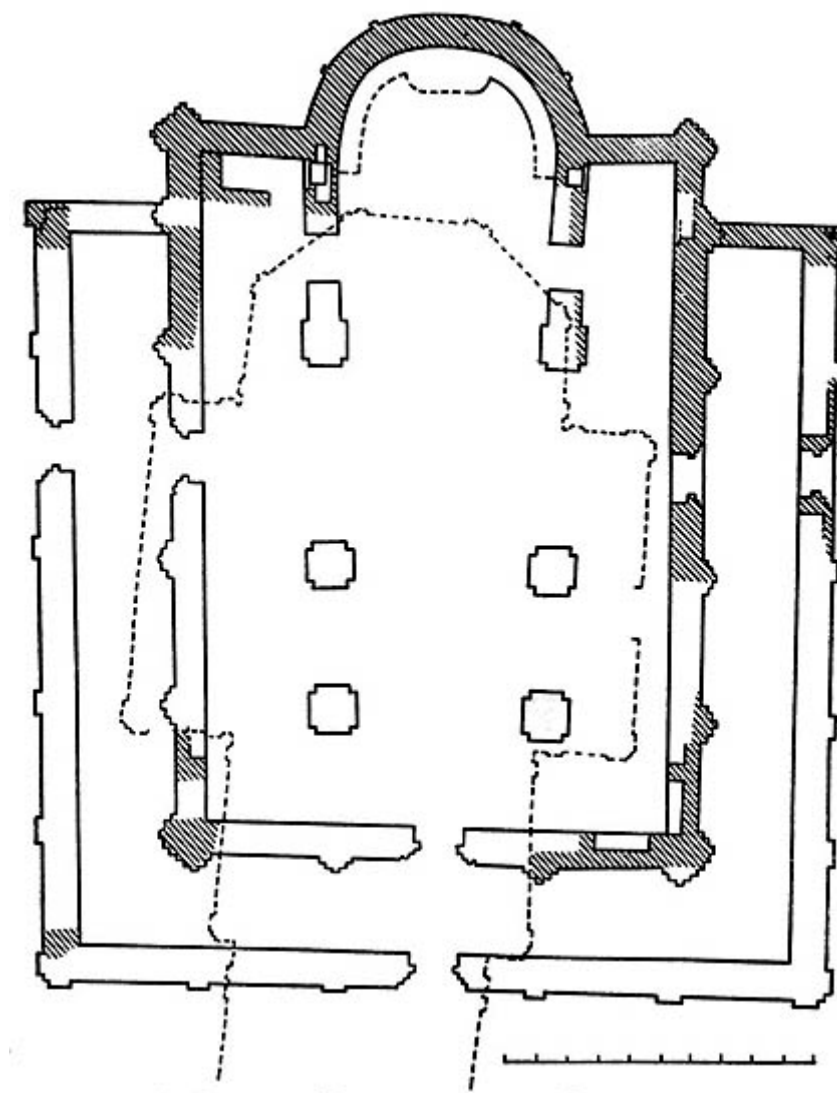

Рис. 128

Церковь на Воскресенской горе. Реконструкция плана

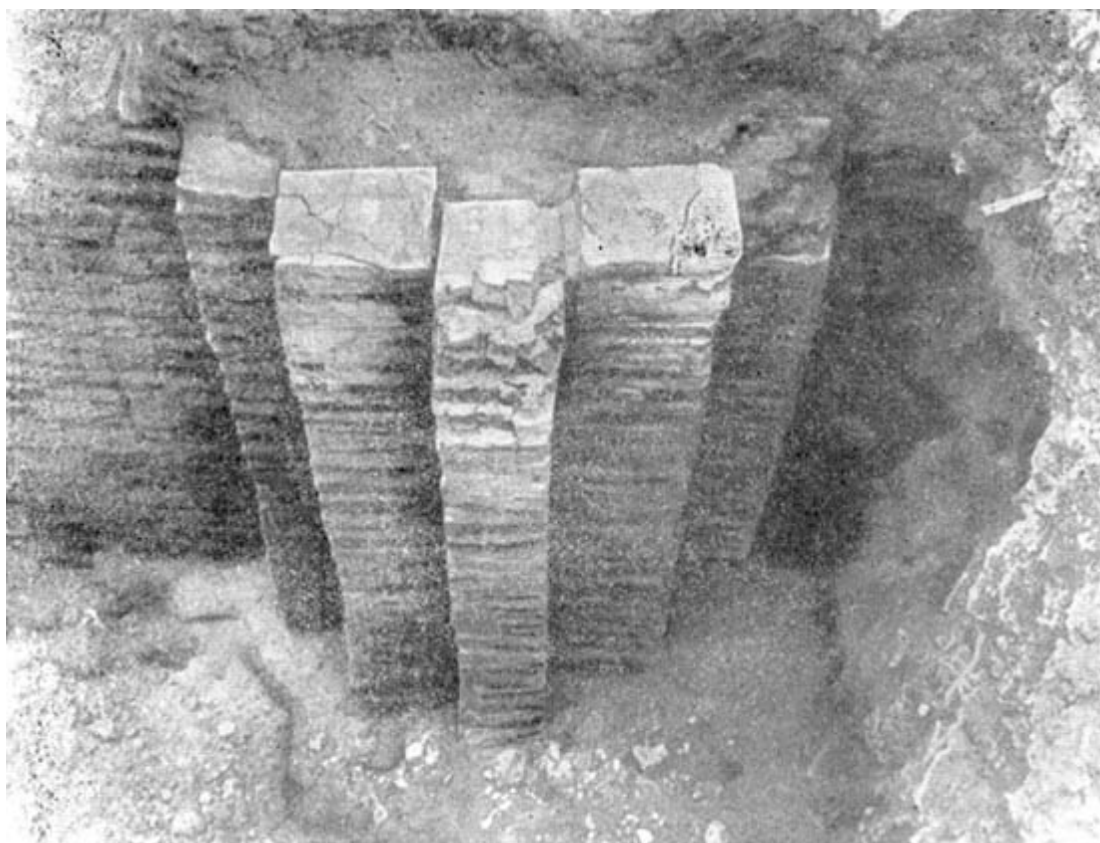

Рис. 129
Пилэстра южной стены

При данной малой толщине стен (1-1.02 м) можно думать, что храм не имел хор. Западная часть северной стены не могла быть утолщена расширением внутрь хотя бы на 0.5 м, как это было сделано в смядынском Борисоглебском соборе. Если там толщина стены равнялась 1.42 м, а при расширении 2.1 м, то здесь, в Воскресенской церкви, прибавка даже на 0.5 м всё же давала бы всего 1.5 м, что было явно недостаточно для устройства внутренней лестницы: при минимальной ее ширине 70-75 см внешние её стенки были бы очень тонки - всего 30-35 см.

Таким образом, светлое пространство Воскресенского храма было целостным и просторным. Стены не имели членящих плоских лопаток и представляли большую свободу для росписи. Столбы были относительно тонкими и лёгкими (ширина их лопаток 1.25-1.3 м) и не дробили сколько-нибудь существенно интерьер. Хотя такое сравнение несколько рискованно, скажем, что среди своих современников Воскресенский храм с его лёгкой конструкцией и простором смотрелся как московский кремлевский Успенский собор Аристотеля Фиораванти и, вероятно, удивлял смолян XII-XIII вв. своей "светлостью, звонкостью и пространством".

Однако при всём этом Воскресенский храм, как это ясно по его вскрытым частям, был, подобно некоторым другим храмам Смоленска, усыпальницей. Погребальные аркосоллии располагались в стенах самого храма:

Рис. 130
Юго-западный угол храма

-246-

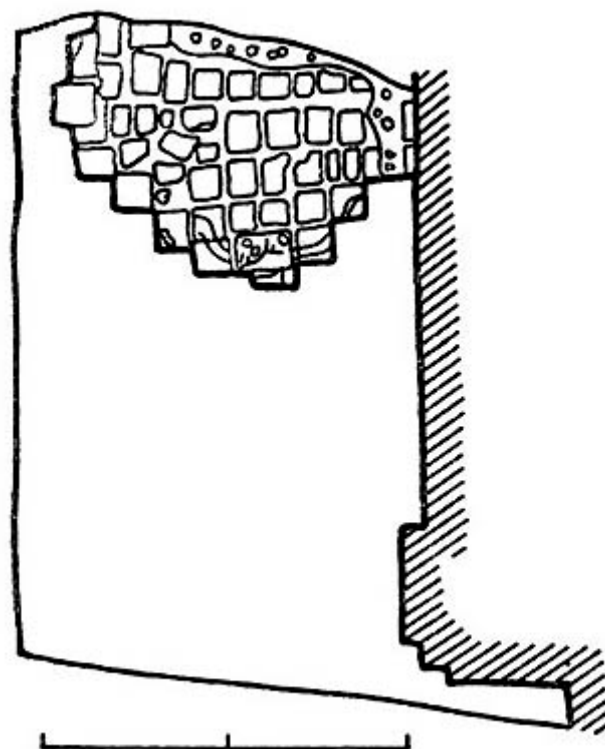

Рис. 131
Северо-западный угол храма

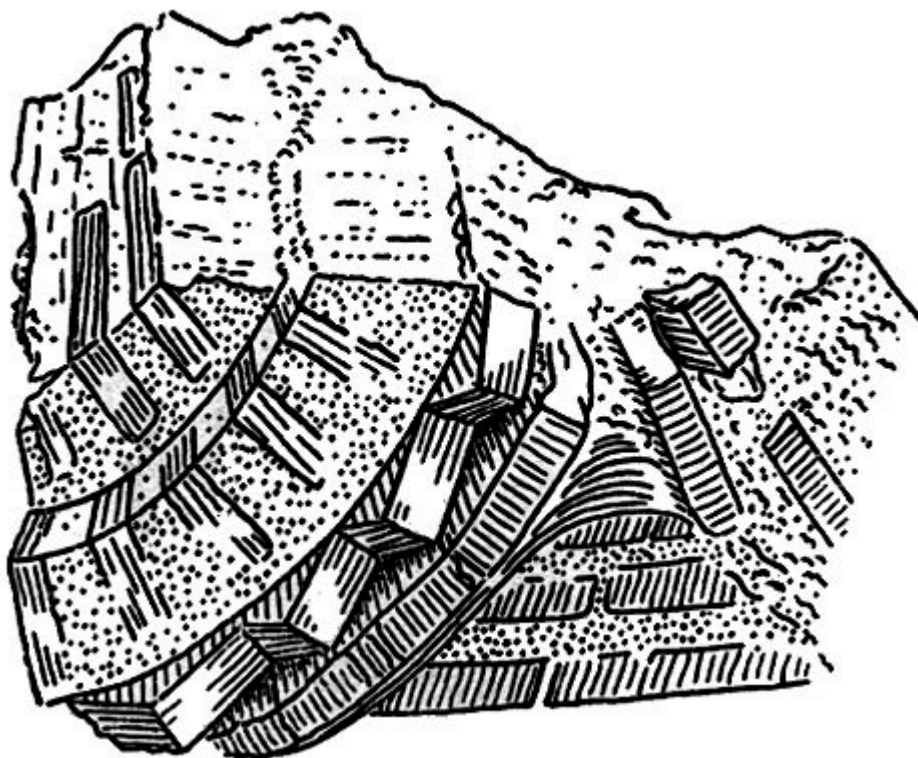

Рис. 132
Часть упавшей амбразуры окна

один - в западной части северной стены, три - в юго-западном углу. Конечно, их было больше. Устроены они как обычно: в торцовых стенках выложены уступы для опоры кружал свода аркосолия, а в восточной торцовой стенке сделано углубление для ног погребённого. Лицевая стенка гробниц выкладывалась одновременно с кладкой погребальной ниши. Аркосолии украшены росписью. Аркосолий западной стены, хотя и не был занят погребением, имел расписанную коричневой краской с белым и жёлтым набрызгом лицевую стенку. В западном аркосолии южной стены находилось женское погребение. Его лицевая стенка была украшена росписью, имитировавшей пелену из дорогой узорчатой ткани.

Как и в ряде других храмов Смоленска, в Воскресенской церкви погребения находились не только в аркосолиях, но и непосредственно в грунте под полом. Одно погребение было сделано около западного деления южной стены почти вплотную к её фундаменту, без специального кирпичного ящика, прямо в земле. Второе погребение, также у самой стены, было сделано в особом плинфяном ящике к востоку от южного портала.

Фасады храма членились пучковыми пилястрами, имеющими два облома и завершёнными прямоугольной тягой (рис. 129). Они создают пластичность стены. Особенно выразительно мощное скопление этих вертикалей на углах основного объёма (рис. 130, 131). Южный портал храма был необычен по своему профилю. В отличие от порталов других памятников Смоленска, где господствовали скупые ступенчатые амбразуры, здесь введена лицевая полукруглая колонка из лекального кирпича, а в архивольте появился поребрик.

Существенна находка в слое руин некоторых деталей, позволяющих пополнить представление о внешнем облике храма. Так, в щебневом развале

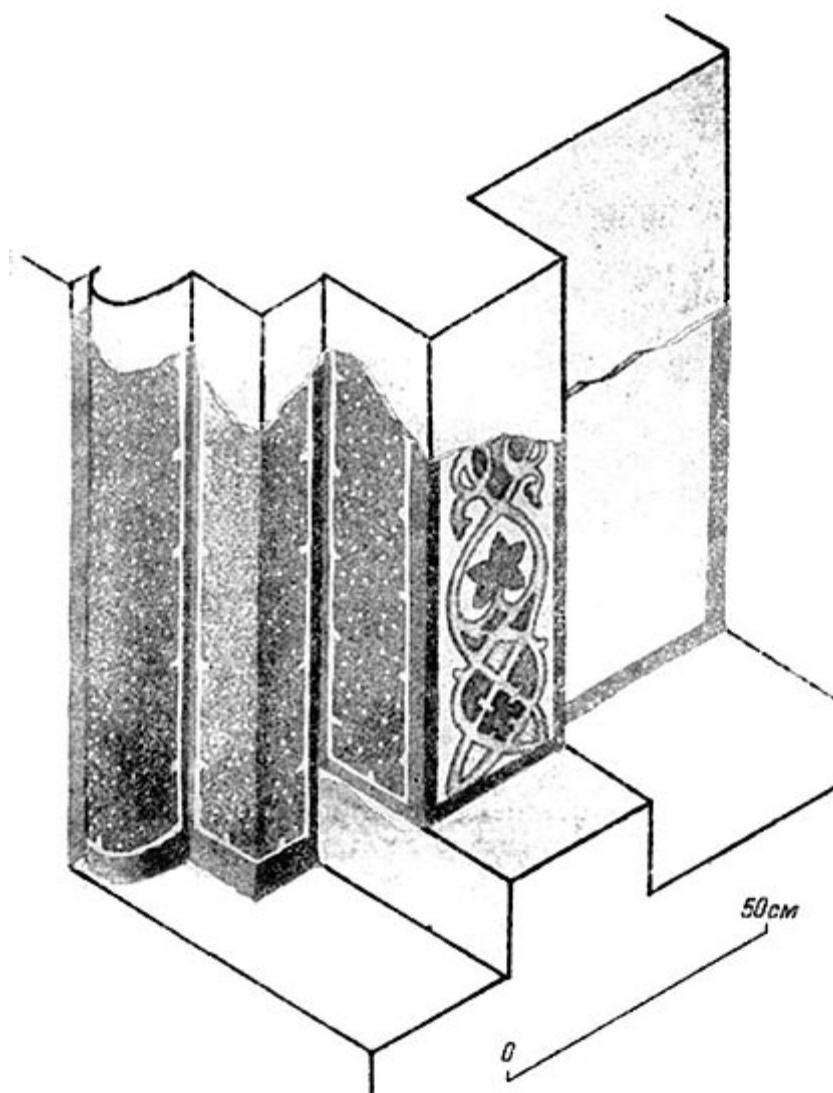

Рис. 133

Западный косяк южного портала храма

юго-западного угла прослежена распавшаяся часть ступенчатой амбразуры окна, включающей поребрик (рис. 132). В развале щебня над средней частью южной галереи был встречен второй, очень разрушившийся при падении блок с частью окна другой формы, видимо с двумя растресками - наружу и внутрь; средняя часть совершенно разбита. На обломках наружной и внутренней амбразур сохранились остатки штукатурки, загибающейся на внешнюю и внутреннюю поверхности стены. При этом на штукатурке внутреннего откоса уцелели следы росписи, также заходящей на внутреннюю поверхность стены. Здесь же, в юго-западном углу, были найдены детали лежавшего в уровне пят закомар аркатурного пояса - плинфа в четверть окружности и полукруглые "донца" арочек.

-248-

Опоясывающие храм галереи исследованы фрагментарно. На крутом северном склоне холма вскрыты северо-восточный угол галереи с плоской лопаткой только с северной стороны и примыкавшая к пилястре храма часть восточной стенки галереи (уцелели два нижних ряда кладки и фундамент из средней величины булыжника, положенного насухо). В восточном углу галереи видно начало аркосолия. Северо-западный угол галереи был основательно разрушен, так

что обозначились лишь крупные валуны угла фундамента и слабые остатки плинфяной кладки.

Лучше сохранилась южная галерея. Её прорезанная поздней могильной ямой восточная стенка очень точно приложена впритык к ещё неоштукатуренной пилястре храма. Под углом - крупные булыжники. На юг обращена плоская лопатка; в восточном конце южной стены - начало аркосолия. Раскоп против южного портала храма обнаружил несколько смещённый с оси к востоку портал галереи. На месте уцелел лишь внутренний западный угол проёма. К западу от него - завалившаяся к югу арка аркосолия; его тыльная стенка имела толщину всего в одну плинфу. Лопатка к западу от портала полностью разрушена. Профиль портала, как можно судить по его упавшей на юг кладке, состоял из двух уступов. Пол прохода вымощен плинфой. Восточный профиль портала прослежен в обресе раскопа, а к востоку от проёма портала встречена узкая фасадная лопатка, расположенная точно против пилястры храма. Выходящий в галерею южный портал храма был украшен росписью в расчёте на живописное убранство всей галереи (рис. 133).⁷⁾

Галереи несомненно входили в первоначальный замысел строителей: как сказано выше, восточная стена южной галереи точно приложена к ещё неоштукатуренной пилястре храма. Штукатурка ни разу не прослежена и на стене храма в пределах южной галереи (кроме обмазки портала); видимо, стену хотели покрыть тонким слоем грунта под фреску. Это также говорит об одновременности храма и галереи. Однако роспись последней почему-то не была осуществлена.

3

Данные раскопок Воскресенской церкви позволяют высказать некоторые соображения об её первоначальном облике и дате. Предварительно нужно напомнить, что это один из крупнейших памятников Смоленска - больших соборов, не случайно занимавших вполне определённые места в системе городского ансамбля. Два из них - храм на Протоке и Борисоглебский собор на Смядыни - отмечали его восточный и западный фланги. В центре, на горе детинца, высился суровый массив епископского Успенского собора Мономаха - Ростислава. В паре с ним и выступал храм на Воскресенской горе, соперничающий по высоте с Соборной горой. Можно не сомневаться, что строители храма учитывали такое обязывающее соседство. Оно подсказывало выбор типа храма, его решение и внешнюю разработку. К сожалению, мы не знаем не только даты здания, но и причин и

⁷⁾ Изображение этого портала в цвете см.: *Воронин Н. Н.* Смоленская живопись 12-13 веков, рис. 66.

инициаторов постройки, что несомненно накладывало свои отпечаток на его архитектуру. Это был явно не рядовой храм. Не исключено, что он, вторя холму, должен был вторить и епископскому собору, соперничать с ним. Не являлся ли большой и представительный городской храм собором и усыпальницей богатого торгового Пятницкого конца? Все эти соображения и вопросы неизбежно возникают при решении задачи реконструкции памятника.

Храм служил мавзолеем, однако в нём не было ничего сурового и мрачного. Его обширное пространство было свободным. Лёгкие столбы не раздробляли его, не существовало ни настенных лопаток, ни хор, никак не выделялся нартекс. Элемент "светской" праздничной "зальности" присущ интерьеру здания. С интерьером связано пространство галерей, входивших, как мы знаем, в начальный замысел храма. Едва ли случайно поэтому стены галерей лишь немного тоньше стен самого храма (0.7, 1, 1.11 м). Примечательно также, что галереи очень узки: если галереи Борисоглебского собора на Смядыни и храма на Протоке равны в среднем 5 м (почти равны среднему нефу собора), то здесь их ширина всего 3-3.6 м, т. е. почти равна боковому нефу.

Существеннейшим элементом фасадов являются пучковые пилястры. В Воскресенской церкви они очень ярко выражены и мастерски выполнены. Как правило, пучковые пилястры связаны с ярусным, динамическим решением храмового верха, при котором высоко поднятая глава образует "башенное" завершение здания. Имела ли Воскресенская церковь подобную композицию? Здесь можно предположить два варианта решения. В первом случае объёмная композиция храма могла быть близка композиции церкви архангела Михаила и Троицкого собора на Кловке, т. е. имела башнеобразное построение объёма с главой, приподнятой на специальном пьедестале. Западное членение храма в таком случае должно было быть пониженным, подчёркивая этим центричность высоко поднятой подкупольной части здания. Подобная композиция нам известна по псковскому Троицкому собору, обладающему планом, почти идентичным плану Воскресенской церкви.⁸⁾ Однако вполне возможно, что объём Воскресенской церкви был более традиционным - это мог быть целостный блок, завершённый обычными закомарами с отрезающим их аркатурным поясом. К такому решению вёл мастеров теперь уже архаический собор Мономаха-Ростислава, в "соревновании" с которым строился храм на Воскресенской горе. Но зодчие даже и в таком случае, очевидно, не преминули всё же подчеркнуть высотные качества здания. Узкие галереи, являвшиеся как бы частью самого храмового объёма, были, видимо, сделаны высокими. Поднимающиеся над ними пучковые пилястры как бы усиливали данную тенденцию и вместе с высокими, увенчанными бровками окнами придавали нарядность и сочную пластику стене. Над её внушительными закомарами вздымалась крупная глава. Вероятно, особенно эффектным был смотревший на город и Соборную гору восточный фасад памятника: здесь господствовала высокая и могучая алтарная апсида, силу которой оттеняли тонкие тяги и узкие окна.

⁸⁾ *Воронин Н. Н.* У истоков русского национального зодчества. - В кн.: Ежегодник Института истории искусств 1952. М., 1952, с. 293-294.

-250-

К ней по сторонам примыкали лёгкие объёмы боковых частей алтаря со снопами вертикалей угловых пучковых пилястр и узкие восточные фасады галерей с их наклонными кровлями. Здесь мы вновь ощущаем смысл узких галерей - они подчёркивали собранность динамического построения восточного фасада, тогда как широкие галереи создали бы обратный эффект - распластанность композиции. Здание было белым. Покрытие сводов и главы свинцом вносило оттенок серебра в строгую гамму памятника.

Занявший высокую точку городского рельефа храм гордо красовался над долиной Днепра, являясь одним из прекраснейших звеньев архитектурной панорамы стольного Смоленска, развёртывавшейся перед глазами тех, кто прибывал сюда по днепровскому пути и со стороны высот правобережья.

Дата памятника почти не вызывает сомнений. Конечно, он принадлежит не 40-м гг. XII в., как полагал И. М. Хозеров, а поре расцвета смоленского зодчества в конце XII - начале XIII в.

4

В заключение следует привести полученные исследованием данные о строительной технике и материалах памятника. Конструкцию фундаментов удалось изучить лишь в одном месте - в западной части южной стены. Её основание лежит на глубине около 2.8 м от современной поверхности; выступающая наружу платформа фундамента прикрыта одним рядом плинфы на глине. Ров фундамента имеет трапециевидное сечение и глубину всего 0.5 м, он заполнен мелким и средним булыжником насухо. С северной стороны северо-западного угла храма прослеживалась заполненная песком канавка рва фундамента, который был шире самого фундамента на 20 см. У северо-восточного угла храма кромка фундамента также выступала в

стороны и была перекрыта плинфой. Средней величины булыжные камни фундамента выступали и в основании алтарной апсиды. У южной галереи булыжный фундамент прослежен только под угловыми частями. Нижний обрез восточной стены южной галереи, как более лёгкой части комплекса, выше обреза стен храма на 30 см.

Здание сложено из хорошо обожжённой плинфы; её излом либо ровно-красный, либо имеет слоистую, "муаровую" структуру. Размеры плинфы довольно единообразны: 3-4 x 19-20 x 25.5-26.5 см, с небольшими отклонениями. Есть единичные образцы узкой плинфы, шириной 13.5 см. Этому формату близок лекальный кирпич с полукруглым торцом - 3.5 x 14 x 25 см. Второй тип лекального кирпича - с торцом в виде пологой четверти окружности (3.5 x 19 x 26 см); в каких частях здания применялись эти лекальные плинфы, неясно. На торцах кирпичей встречено несколько десятков рельефных знаков.

Кладка - порядовая; шов раствора равен или несколько толще плинфы. Раствор памятника довольно разнородный. Раствор в кладке апсиды прочный, розовато-серого цвета. Известь тощая, сильногидравлическая, составляет 25-29% раствора. В заполнителе много цемьянки в виде крупных кусков (до 50%). Песок составляет 16% раствора. Есть также неравно-

-251-

мерно распределённые кусочки угля и редкие включения шлака. Раствор, взятый из основания апсиды, дал другое соотношение частей - 56% извести и отсутствие цемьянки. Состав этого раствора: извести 56%, песка 26, угля 18%. Раствор из кладки северо-восточного угла храма отличается ещё больше: извести 74%, песка и глины 22, угля 4%. Таким образом, жирность раствора из различных участков кладки очень разная - соотношение от 1:0.3 до 1:3. Очень неравномерно использована в растворе цемьянка - в одном образце она составляет половину раствора, в двух других полностью отсутствует. При всём этом образцы характеризуются равной большой прочностью на излом.

Артистичность кладки вместе с тщательной подрезкой шва раствора создаёт большой эстетический эффект. Однако кладка была скрыта под слоем штукатурки, кусок которой сохранился в восточном делении южной стены, а отдельные остатки прослежены на стыке восточной стены дяконника и апсиды. В отличие от стенового штукатурный раствор очень жирный - почти чистая известь (93.5%) с незначительной примесью угольной крошки и песка (6.5%); дроблёной плинфы в растворе нет. Мы с трудом можем представить себе первоначальный облик храма, где замечательная по мастерству исполнения кладка стен и пучковых пилястр скрыта под толстым штукатурным панцирем. Легче допустить либо тонкую штукатурку, либо затирку или обмазку, дающую почувствовать фактуру стены.

При разборке руин найдены обломки голосников - кувшинов двух типов. Одни довольно грубой ленточной лепки с тёмно-коричневой пятнистой ("обварной") поверхностью. Это были высокогорлые с низким туловом и высокой шейкой сосуды. Второй тип - голосники-амфоры ровного красного обжига, украшенные частым рифлёным параллельным орнаментом, с двумя толстыми ручками. Оба этих типа голосников известны по раскопкам и других смоленских памятников.

Единичны находки обломков поливных плиток толщиной 2.7-3 см, без скоса.

Стоит отметить применение дерева в устройстве дверных проёмов; порог делался не из плинфы - в стенной кладке укрепляли квадратный брус, служивший порогом и упором дверных полотнищ. В западной стенке южного портала сохранился железный крюк для навески двери; он заделан прямо в кладку без песчаникового пяточного камня.

Можно сделать некоторые наблюдения над сроком строительства Воскресенской церкви. На линии стыка стены дяконника с апсидой удалось проследить существенную деталь стратиграфии. Плинфяная отмостка булыжного фундамента лежит в уровне культурного слоя. Выше - подобный же тёмный слой с мелким плинфяным щебнем. Он перекрыт тонкой прослойкой чисто строительных остатков (плинфяная крошка, раствор). Над ней - снова тёмный

слой с угольками и плинфяным щебнем, вновь сменяющийся прослойкой строительных остатков. Выше - тёмный слой гумуса с углем, перекрытый последним (третьим) слоем строительного мусора (кирпичный щебень, раствор с крупными кусками ошлаченной при обжиге извести). Три строительные прослойки определяют три летних сезона, занятых постройкой храма, в промежутках между которыми накапливался тонкий аморфный культурный слой. Любопытно, что сохранившийся

-252-

на восточной стене дьяконника остаток наружной штукатурки совпадает своим низом с уровнем верхнего (третьего) строительного слоя, что подтверждает правильность сделанного наблюдения.

О причинах и времени разрушения древнего здания, лежавшего в руинах уже в начале XVII в., сказать что-либо определённое трудно. Вскрытие северо-восточной части храма показало, что всю площадь раскопа занимает упавшая северная стена здания, кладка которой как бы сползла наискосок. На 1.18 м ниже выявился наружный край уцелевшей стены, сохранившей 14 рядов кладки. Третья с востока пилястра отслоилась и накренилась к северу. Шурф против ниши северного входа в церковь 1765 г. выяснил, что и здесь древняя стена упала на север и легла горизонтально, внутренней поверхностью вверх; на ней уцелел фрагмент росписи - часть фигуры монаха. Такая же картина упавшей, но лёгшей наклонно северной стены вскрылась у северо-западного угла церкви 1765 г. Восточная часть южной стены храма имеет трещины и несколько накренилась к югу. Также к югу просела восточная стена южной галереи. Возможно, что падение стен на север и юг говорит о слабости конструкции здания, когда сравнительно тонкие стены не выдержали тяжести сводов и главы. Между дневным уровнем XIII в. и пластом разрушения не образовалось культурного слоя, видимо, катастрофа произошла очень давно. Руины не содержат внутренних пустот и прослоек перегона, что свидетельствует не о постепенном разрушении здания, а об его единовременном падении.

Судя по находкам, сделанным в слое разрушения храма, это разрушение относится примерно к XV-XVI вв. Но холм развалин продолжал служить кладбищем-погостом, как это было и со многими другими руинами смоленских храмов.

-253-

Спасский монастырь у д. Чернушки

1

Чернушки - старая деревня на восточном берегу оврага в верховьях р. Смядыни - ныне вошла в западную окраину Смоленска, став Старо-Чернушенской улицей. Деревня эта была расположена на высоком плато, полого опускавшемся к северу в сторону Михаило-архангельской церкви и Краснофлотской улицы. Здесь ещё в XIX в. имелись развалины древних построек, определявшиеся как руины Спасского монастыря. Н. В. Трофимовский вспоминал, что в начале XIX в. здесь "стояли огромные обгорелые колонны церкви и колокольни, впоследствии разобранные"; сам автор видел развалины трёх построек; собора, занимавшего верхнюю южную часть плато, продолговатого узкого здания, параллельного собору (предположительно монастырские кельи), и на обращённом к Днепру склоне "остатков прежней колокольни", откуда вниз по горе к западу "на значительном пространстве тянутся остатки ограды".¹⁾ Руины разбирались в 1838 г. на материал для постройки Смоленско-Московского шоссе, а позднее - на хозяйственные нужды местным населением. К концу XIX в. территория монастыря была уже занята постройками разросшейся д. Чернушки.²⁾ Руины дожили до 1941 г., когда площадка плато, поднятая на 54 м над уровнем днепровской поймы, была занята военными блиндажами и ходами сообщения.³⁾ Используя эти разрытия, обнажавшие остатки древнего здания, его изучал в послевоенные годы П. Д. Барановский, а затем, в 1949 г., И. Д. Белогорцев, по поручению которого группа студентов Московского архитектурного института сделала обмер руин, сопровождавшийся их частичным дополнительным вскрытием. Результаты работ Белогорцева были опубликованы им вместе с реконструкцией плана собора и вновь изложены в книге М. К. Каргера, переиздавшего реконструкцию плана и сделавшего ряд критических замечаний в адрес исследователя памятника.⁴⁾ План-реконструкция Белогорцева (рис. 134) изображает четырёхстолпный храм с западным притвором, выступающей полукруглой апсидой и боковыми апсидами, скрытыми в толще прямолинейных крыльев

¹⁾ Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864, с. 220; *Писарев С. П.* Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898, с. 161; *Свиньин П. П.* Взгляд на достопримечательные здания в г. Смоленске и урочищах, находящихся в Смоленской губернии. - *Отечеств, зап.*, 1826, ч. XXVII, № 77, с. 12.

²⁾ *Писарев С. П.* Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, с. 21; *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. - *СС*, 1909, вып. I, ч. 1, с. 251.

³⁾ Боевые выгоды монастырского плато были оценены ещё польскими артиллеристами в 1609 г., предполагавшими поставить на Спасской горе четыре орудия для обстрела осаждённого Смоленска (*АИ*, 1841, т. II, с. 314).

⁴⁾ *Белогорцев И. Д.* Новые исследования древнесмоленского зодчества. - В кн.: *Материалы по изучению Смоленской области*. Вып. I. Смоленск, 1952, с. 95-101; *Каргер М. К.* Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, с. 25-29.

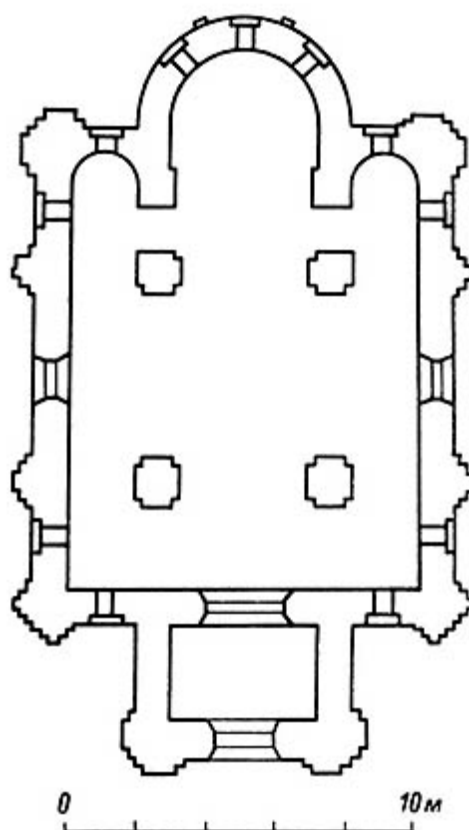

Рис. 134
Спасский собор. По И. Д. Белогорцеву

восточной стены. Несомненной заслугой исследователя является временное спасение территории руин от новой застройки.

Неясности в характеристике памятника и схематичность его обмера, а также вновь угрожавшая застройка монастырского плато делали неотложным проведение нового исследования и раскопок памятника. Котлованы военной поры со временем превратились в скопление мусора, в связи с чем в 1963 г. вся площадка была обработана бульдозером, заровнявшим свалку и растащившим сохранившиеся на поверхности земли древние кладки по всему плато. В 1964 г. оно оказалось равномерно покрытым обломками плинфы, что затруднило поиски руин монастырских зданий. Возникло опасение, что и развалины собора уничтожены или сильно повреждены. Однако уже предварительное тщательное обследование верхней (южной) части плато показало, что среди россыпи щебня выступает срезанная бульдозером кладка северной стены. Последующая расчистка выявила почти весь периметр основного объема здания. К сожалению, как выяснилось в процессе работ, весь центр собора занимал блиндаж с ходами сообщения, проведенными через разломанные южный портал и западный притвор. Поэтому прикрывавший руины слой состоял из щебня их собственного разрушения, перемешанного с современным мусором.

Проведенными в 1964 г. раскопками руины собора были вскрыты полностью.⁵⁾

2

Сохранность открытого раскопками здания оказалась очень неодинаковой на различных участках (рис. 135, 136). Кирпичные кладки сохранились в большинстве случаев на незначительную высоту. Они сильно обкрошились, их лицевые поверхности почти всюду отсутствуют. Выяснилось,

⁵⁾ Предварительную публикацию см.: *Воронин Н. Н.* К истории смоленского зодчества XII-XIII вв. - В кн.: Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967, с. 103-116.

-255-

Рис. 135
Спасский собор в процессе раскопок. Вид сверху

что храм был в какой-то период капитально отремонтирован, причём "реставраторы" пытались сохранить не только общие формы памятника, но и его профилировку. Поэтому Древняя профилировка пилястр почти нигде не сохранилась, а вновь выложенные пучковые пилястры выполнены из брускового кирпича. Помимо этого, стены перебиты многочисленными трещинами, а на некоторых участках полностью уничтожены.

Важнейшей новостью, которую принесли раскопки, было открытие боковых приделов - небольших бесстолпных храмиков, примыкавших к восточным углам собора (рис. 137, 138). От северного придела вдоль северной стены собора тянулась галерея; с западной и южной сторон галереи не было.

Несмотря на плохую сохранность некоторых участков, первоначальный план основного объёма храма можно восстановить полностью (рис. 139, 1). С несколько меньшей точностью можно восстановить и план всего памятника в целом (рис. 139, 2, 3). Собор Спаса представлял собой четырёхстолпный храм с западным притвором, открытым внутрь здания. Столбы его крестчатые, но восточная пара не имеет закрестий в углах, обращённых к боковым апсидам. На внутренней поверхности стен нет лопаток. Длина храма снаружи 17.7 м, а вместе с притвором 21.7 м, ширина 12.6 м. Длина подкупольного пространства 5 м, ширина 4.25 м. Продольная ось храма ориентирована по азимуту 63°. Восточные членения боковых стен храма менее толстые и несколько скошены к востоку. Боковые приделы несимметричные; их сторона, обращённая к собору, шире, чем сторона, обращённая к наружной стене.

-256-

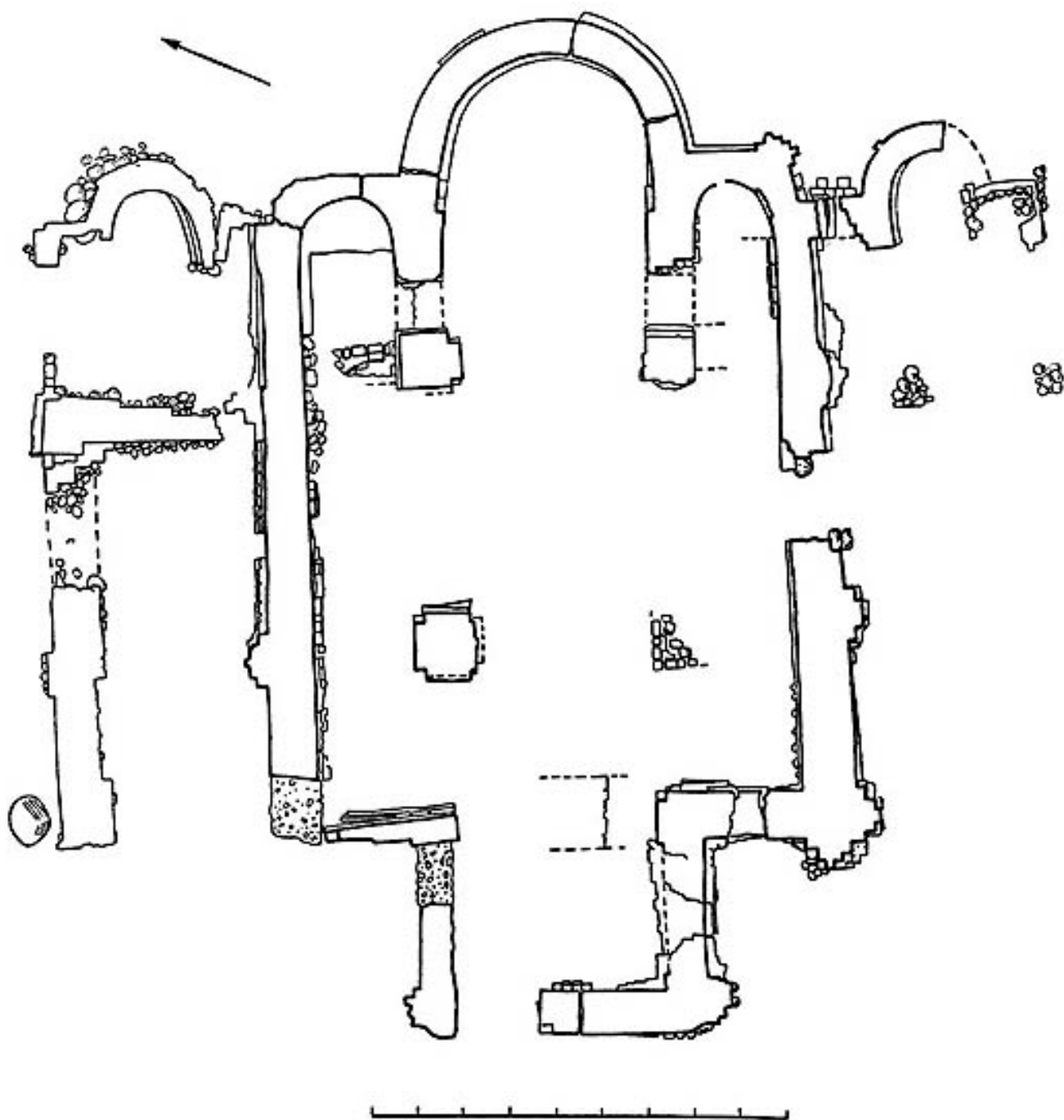

Рис. 136
Спасский собор. План раскопанного здания

-257-

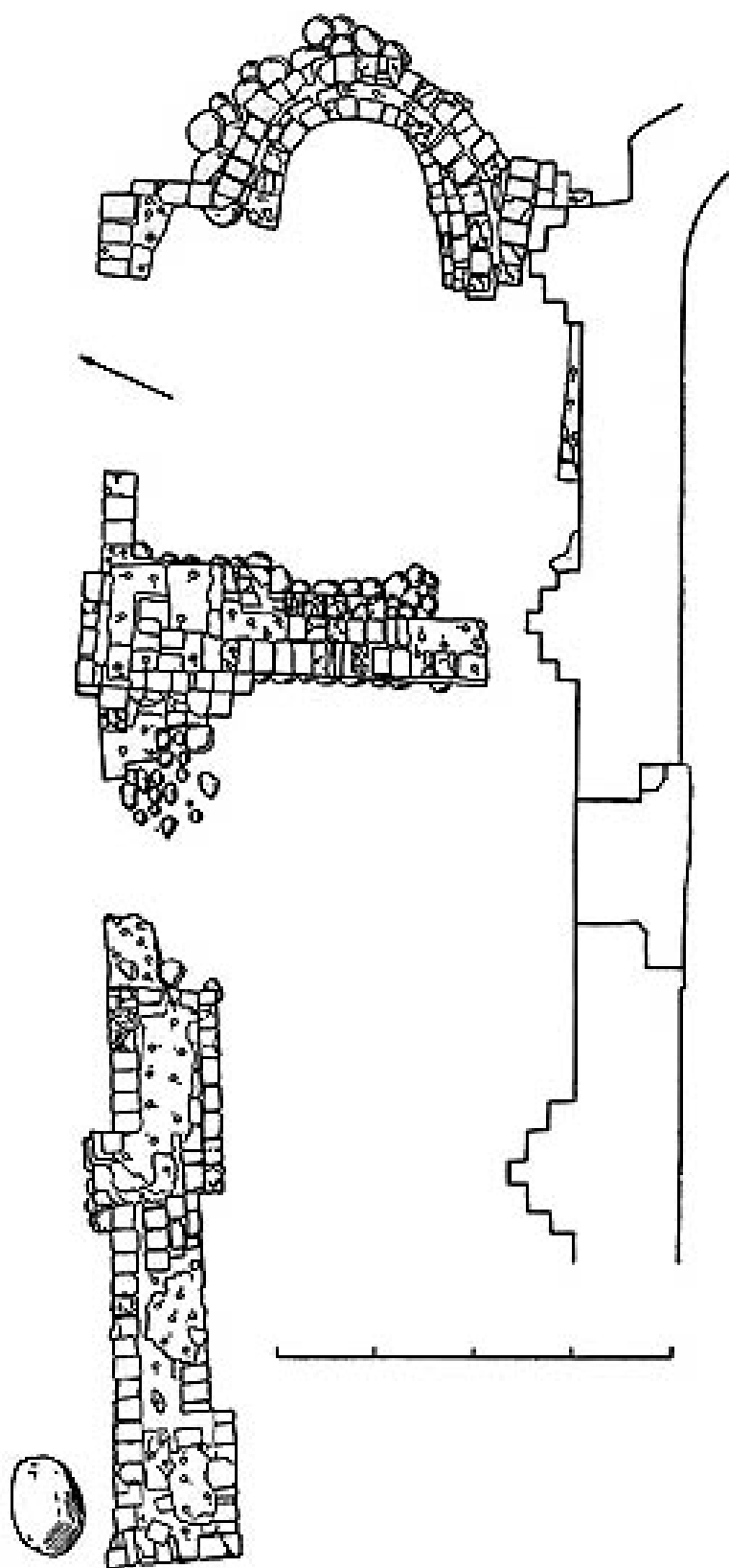

Рис. 137
Северный придел и галерея

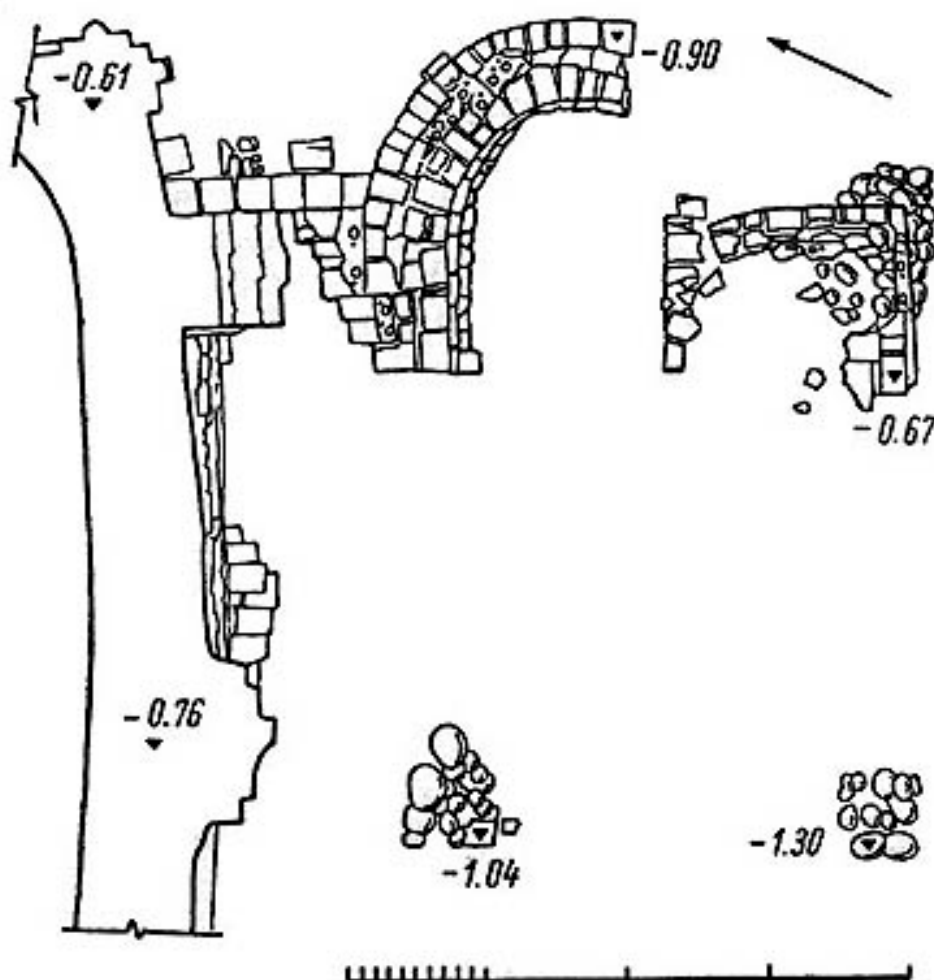

Рис. 138
Южный придел

Наружные пилястры храма сложнопрофилированные. Они сохранились лишь на двух участках: на юго-западном и юго-восточном углах храма. Пилястры юго-западного угла имеют два прямоугольных профиля и завершаются прямоугольной тягой шириной 18-19 см. Очень вероятно, что подобная прямоугольная профилировка пилястры была только в нижней части, а выше шли скруглённый наружный уступ и не прямоугольная тяга, а полуколонка. О таком характере профилировки свидетельствуют многочисленные лекальные кирпичи, найденные при раскопках, - узкие с полукруглым торцом или с мягко скруглённым одним углом. На восточных углах храма были применены более простые пилястры, имеющие лишь один прямоугольный уступ и полуколонку; профиль подобной пилястры целиком сохранился на юго-восточном углу здания (рис. 140). Очевидно, зодчие использовали членения разной силы в зависимости от высоты соответствующих частей здания: тонкие тяги на апсидах, лопатки с тягой на восточных углах, мощные пучковые пилястры на фасадах основного объёма храма и на углах западного притвора, который, следовательно, также был высоким.

На апсидах приделов выявлены прямоугольные узкие тяги: по две на каждой апсиде. Наружная поверхность центральной апсиды обколота при облицовке её брусковым кирпичом и не сохранила остатков тяг (рис. 141). Каким был характер профилировки приделов и галереи, неясно; наиболее вероятно, что приделы имели профилировку такого же характера, что и ос-

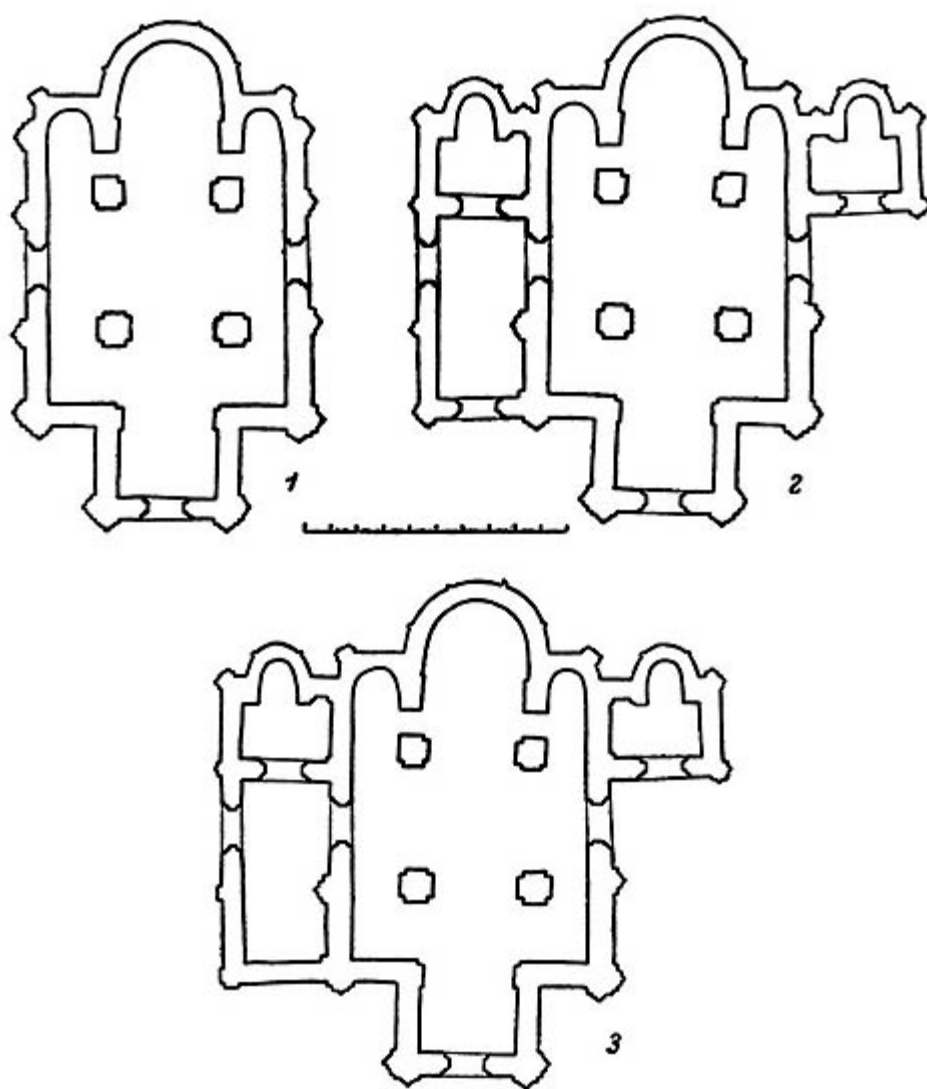

Рис. 139

Спасский собор. Реконструкция плана

1 - основной объем храма; 2, 3 - варианты реконструкции комплекса

-260-

новное здание, вернее - его восточные, очевидно несколько пониженные, углы. Профилировка галереи могла быть, однако, и более простой.

Форма порталов на реконструкции плана показана условно, так как данных для уточнения в здании не найдено.

В засыпи над остатками северного придела найдены два блока кладки с частями оконных проёмов. Просвет окна был равен 15 см, а глубина откоса 45 см. По краю внешней амбразуры окна уцелели кусочки штукатурки с росписью.

Следует отметить существенную ошибку плана, опубликованного И. Д. Белогорцевым, - северный и южный фасады храма показаны имеющими всего три членения, тогда как в действительности их было четыре и, следовательно, по фасадам проходило не четыре, а пять пилястр; вторые с востока пучковые пилястры боковых фасадов храма оказались незамеченными.

Храм строился на необжитом месте - никаких следов культурного слоя не встречено, везде прослежен стерильный покровный слой материка, в котором и закладывался фундамент. Ров, сделанный только на ширину фундамента, отрывался на глубину 50-60 см и заполнялся уложенным на глине довольно крупным (от 7 до 20 см в диаметре) булыжником, наряду с которым встречаются и куски плинфы. В ряде мест прослежены неболь-

Рис. 140
Пилястры юго-восточного угла храма

-261-

Рис. 141
Центральная асида

шие осадочные пустоты, куда следом за фундаментом опустились и нижние ряды плинфяной кладки (например, северо-восточный столб). У алтарной апсиды отмечена позднейшая чинка фундамента, куда попали плинфяной лом и кусочки штукатурки с росписью. Возможно, что эта чинка основания одновременна ремонту здания брусковым кирпичом, когда на забутку использовали щебень невосстанавливавшихся приделов и галереи.

Стратиграфические наблюдения показали, что вокруг здания поверх материкового грунта лежит тонкая прослойка плинфяного щебня, отмечающая строительство храма. Выше нее - насыпной глинисто-песчаный грунт, вероятно выброшенный при отрывании фундаментных рвов приделов и галереи. Очевидно, строительство проводилось в два приема: сперва было возведено основное здание храма, а несколько позже приделы и галерея.

Фундамент приделов очень мелкий. Он состоит из булыжников на глине, так же как фундамент основного здания; в угловых частях имеются более крупные валуны. Шурфы, заложенные к югу от памятника, показали, что южной галереи собор не имел.

Существенно, что восточные столбы связаны с боковыми стенами храма и простенками алтарной части неглубокими ленточными фундаментами. По конструкции они идентичны стеновым, но состоят из более мелкого булыжника; кроме того, здесь в забутку пущен плинфяной щебень. Лента фундамента сверху выстилалась тремя рядами плинфы. Западные же столбы не связаны со стенами ленточными фундаментами. Западный притвор не был отделён от храма стеной, а открывался внутрь здания на всю ширину; но в проёме, соединяющем притвор с храмом, был выложен ленточный фундамент из булыжников и плинфы, соединявший боковые отрезки стен.

Выше булыжного фундамента идёт кладка из плинфы. Нижние три-четыре ряда обычно выступают на 10-15 см из плоскости стены, прикрывая булыжник фундамента. Этот уступ, образующий нечто вроде отмоксти, не везде точно совпадает с вышележащей кладкой. Так, например, в апсидах храма и северного придела он не концентричен их дуге. В боковых апсидах храма покрытый вымосткой фундамент имеет с запада прямолинейные очертания и поэтому заполняет всю восточную часть апсид.

Внутри храма поверх гумусного слоя древней поверхности лежит слой чистой рыжей глины, равный по толщине отмоксте. Поверх этого слоя местами залегала тонкая прослойка известкового раствора с плинфяной крошкой, отмечавшая уровень древнего пола. Сам пол нигде не сохранился. При осадке стен глиняный слой подготовки пола прогибался и выступающая кромка плинфяной отмоксти слегка выворачивалась кверху (в северо-западном углу храма - до 45°).

Следует отметить, что величина осадки стен и столбов храма на различных участках значительно колеблется. Больше всего осели столбы (северовосточный столб осел на 24 см), меньше - стены (торец между северной и средней апсидами осел на 14 см). Ленточные фундаменты между северо-восточным столбом и стенами при этом изогнулись, ибо средняя их часть осталась на первоначальном уровне, а края протянулись вниз вместе с осевшими фундаментами стен и столба. А так как лежащие на ленточных фундаментах три ряда кирпичной кладки были сложены вперевязь со стенами

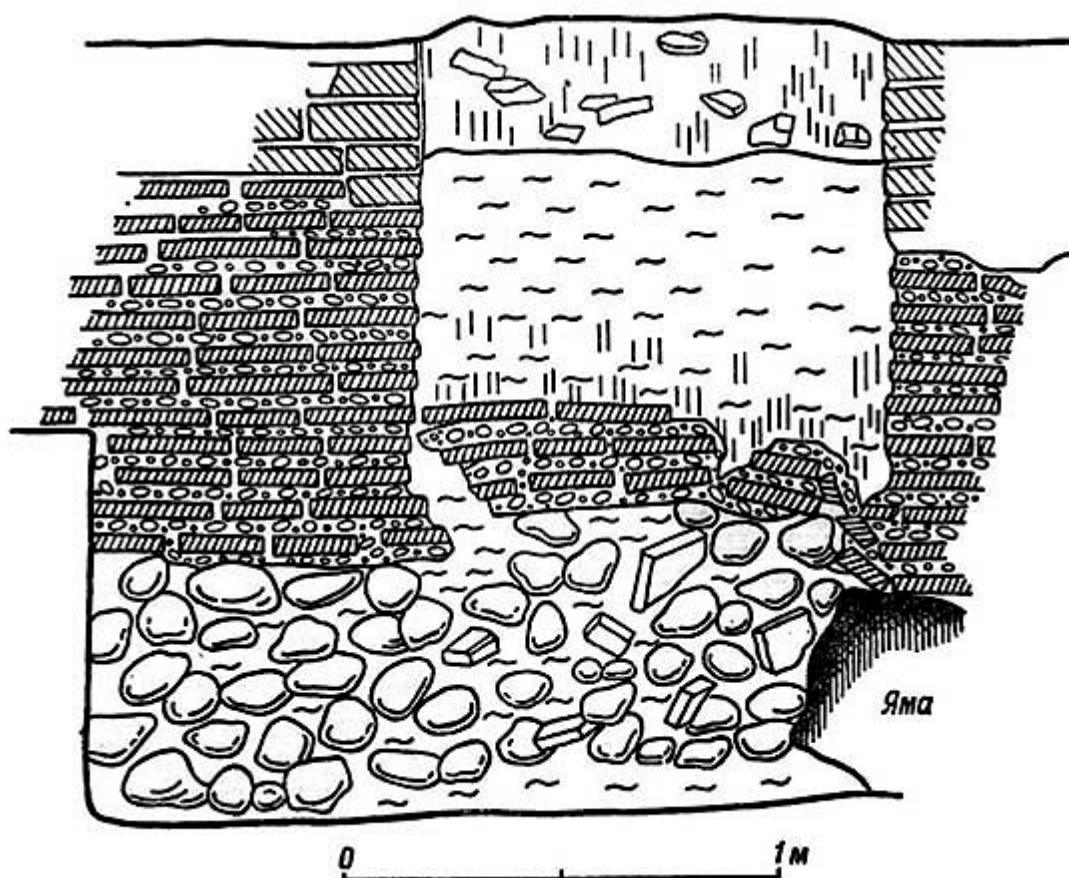

Рис. 142

Прорезка по ленточному фундаменту между северо-восточным столбом и апсидами

и столбом, эта кладка местами порвалась (рис. 142). Самую малую осадку (всего несколько сантиметров) имели стены приделов и галерей.

Кладка стен порядовая, без определённой системы чередования тычков и ложков; слой раствора равен или немного толще плинфы. Предположение М. К. Каргера о якобы применённой в памятнике кладке "с утопленным рядом" (аналогичной приёму церкви архангела Михаила) является заблуждением, вызванным сбивчивым описанием "тигристой" кладки у И. Д. Белогорцева, и должно быть решительно отвергнуто. На наружной поверхности стен (на апсиде южного и северного приделов, на блоке кладки над северным приделом) уцелели остатки розовато-серой с примесью тонкой цемьянки штукатурки. Таким образом, храм был оштукатурен, хотя, может быть, это произошло несколько позднее его постройки.

Целые кирпичи использованы почти исключительно в кладке наружных поверхностей стен, а середина стены выкладывалась из битых кирпичей (большей частью половинки), но с сохранением горизонтальных рядов. Вместе с битыми кирпичами в заполнении стен использовались лекальные кирпичи.

Кирпичи храма чётко формованы и хорошо обожжены. Их размер 3-4 x 18-19 x 24-26 см, хотя довольно часто встречаются более узкие -

3-4 x 14-15 x 24-25 см. На торцах кирпичей имеются знаки. Клейм на постелистой стороне кирпичей не найдено, хотя И. Д. Белогорцев писал, что "клейма представлены радиусами, точками и другими фигурами".⁶⁾

Лекальные кирпичи относятся к трём типам: с полукруглым торцом (ширина их различна: 12 см у найденных около апсиды храма, 14.5 см у северного придела, 16 см у угловой юго-восточной пилястры) или с уплощённой дугой (главным образом у восточного фасада); обычного размера с одним скруглённым углом; трапецевидные (10.5-25 x 18 см).

Раствор в кладке довольно прочный, бурого цвета, главным образом за счёт тёмной окраски песка (по-видимому, окрашенные окислами железа зерна кварца). Известь слабогидравлическая, составляет 45-58% раствора. Заполнитель - цемянка (в основном в крупных фракциях), песок, галька, шлак. Встречаются кусочки угля. Четыре образца, взятых из разных частей здания, оказались довольно близкими по составу.

В щебневом завале северо-западного угла храма найдено несколько обломков круглых оконных "шайб" матового стекла русского производства; ⁷⁾ следовательно, окончины представляли деревянные щиты с округлыми вырезами для стекол. В засыпи южного придела встречен кусок листового кровельного свинца.

Храм был украшен стенописью. В 1949 г. на стенах храма ещё сохранялись небольшие остатки росписи. Это были, как пишет И.Д. Белогорцев, "орнаментальные ленты змееобразно извивающихся линий, полуколец и стилизованных цветов, напоминающих колокольчики". ⁸⁾ Очевидно, это тот же "струйчатый" орнамент, что и в храме на Протоке, имитировавший и здесь отделку нижней части стен инкрустированными цветным мрамором панелями. Мы нашли лишь один фрагмент такого орнамента. Но данный вид декоративной росписи, так же как и в храме на Протоке, сочетался с ярусом "платов": несколько кусочков подобной росписи уцелело на северо-восточном столбе. Собраны обломки с синим фоном и жёлтыми нимбами, оконтуренными циркульной графьей; часто встречались фрагменты зелёного тона. Следует отметить технику росписи: краски положены обильными мазками и шелушатся.

При отсутствии сохранившихся участков древнего пола важны единичные находки мелких обломков майоликовых плиток его покрытия (1.8-2.5 x 12 x 12 см). Тесто в середине плиток чёрное, к краям - красное. Полива обычной расцветки - зелёная, тёмно-коричневая и жёлтая. В северо-западном углу храма и северном приделе встречены два фрагмента полихромных плиток с червеобразными жёлто-белыми разводами по коричневому и зелёному фону.

4

Исследование памятника даёт возможность (с известной долей гипотетичности) судить о первоначальном облике здания (рис. 143). Объём здания несомненно имел сложное, ступенчатое построение. Восточные уг-

⁶⁾ Белогорцев И. Д. Новые исследования..., с. 97.

⁷⁾ Определение Ю. Л. Шаповой.

⁸⁾ Белогорцев И. Д. Новые исследования..., с. 98.

*Рис. 143
Спаский собор. Реконструкция*

-266-

ловые части, выделенные лёгкими пилястрами и тонкими скошенными стенами, были скорее всего понижены и перекрыты своими прямолинейными кровельками. Над ними вздымался выступавший к востоку полуцилиндр апсиды. Верх фасада имел, видимо, трёхлопастную форму. Такая композиция восточного фасада ближайшим образом напоминает подобное его решение в церкви архангела Михаила. В связи с высотой апсиды западный притвор Спасского собора с мощными, как у храма, пилястрами следует представлять также высоким. Его открытое внутрь пространство свободно сливалось с интерьером храма. Пучковые пилястры, создающие снопы стремительных вертикалей, обычно связаны с высотной композицией здания, с подъёмом его главы на особом постаменте, стороны которого обрабатывались в виде декоративной трёхлопастной арки или завершались кокошниками. Отсутствие внутренних лопаток и широкая расстановка столбов в Спасском соборе также часто сопутствуют подобной композиции верха храма. Ступенчатость композиции объёма храма подтверждается и степенью осадки его различных частей: наибольшую осадку имели столбы, меньшую - стены, совсем ничтожную - приделы.

Фасады храма в основании закомар, вероятно, опоясывал аркатурный фриз с поребриком.

Приделы у восточных углов собора были скорее всего оформлены в виде маленьких одноглавых храмов. Северная галерея могла иметь высоту, равную высоте приделов или несколько меньшую. Замечательная особенность композиции Спасского собора - её асимметричность, отсутствие галереи с южной стороны.⁹⁾

Изложенные новые данные о Спасском соборе облегчают вопрос его датировки. Местные историки не сомневались в том, что руины у д. Чернушки принадлежат собору Спасского монастыря, но не были единодушны в определении даты его постройки. Они либо отказывались от её определения, либо относили собор к XIII-XIV¹⁰⁾ или XII в.¹¹⁾ Запись в рукописном сборнике киевского Михайло-Златоверхого монастыря, составленная после 1611 г., запутывает этот вопрос. Здесь сообщается, что "лета 6642 (1134) Ростислав Мстиславич устроит град великий Смоленськ и церковь созда святого Спаса верху Смядыни".¹²⁾ Памятник как бы получил "точную дату", верность которой подкреплялась точностью топографического приурочения постройки. К указанной дате и отнёс Спасский собор И. Д. Белогорцев.¹³⁾ М. К. Каргер подверг критике такую датировку и справедливо отнёс памятник к рубежу XII-XIII вв.¹⁴⁾ Уместно вспомнить, что запись "Краткого летописца" XV в. под ошибочной датой (1238 г.) упоминает о строительстве сына Ростислава - Мстислава Ростиславича,

⁹⁾ В этом отношении Спасский собор напоминает более ранний Борисоглебский собор в Чернигове (*Холостенко Н. В.* Исследования Борисоглебского собора в Чернигове. - СА, 1967, № 2, рис. 14, 16, 18).

¹⁰⁾ *Писарев С. П.* Памятная книга..., с. 161.

¹¹⁾ *Орловский И. И.* Указ. соч., с. 209.

¹²⁾ *Щапов Я. Н.* Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. - В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 282.

¹³⁾ *Белогорцев И. Д.* Новые исследования..., с. 98-99.

¹⁴⁾ *Каргер М. К.* Указ. соч., с. 22-27. - Автор полагал, что на территории монастыря мог быть второй храм, построенный в 1141 (1134) г., что вряд ли вероятно.

-267-

якобы построившего "церковь святого Спаса на Поле".¹⁵⁾ Топографическое определение очень подходит к Спасскому монастырю. Однако Мстислав княжил в Смоленске всего два года (1175-1177) и едва ли успел заняться храмоздательством.

Теперь, когда облик памятника сравнительно точно определился, его поздняя дата совершенно бесспорна. Об этом говорят живописная, асимметрическая и динамическая композиция здания, его сложные пучковые пилястры, свобода интерьера, лишённого хор и сливающегося с открытым внутрь высоким притвором. Спасский собор бесспорно являлся одним из шедевров смоленских мастеров рубежа XII-XIII вв.; он близок Пятницкой церкви "на Малом Торгу" (см. с. 274) и стоит в одном ряду с храмом архангела Михаила (с. 163) и церковью Троицкого монастыря на Кловке.

Как установлено, Спасский собор в какой-то период своего существования сильно обветшал и подвергся капитальному ремонту. Его стены и столбы были починены брусковым кирпичом (6-7.5 x 12.5-13 x 26-26.5 см) на тонком (1.5-2 см) слое белого известкового раствора. Из этого материала выложены возобновлённые пучковые пилястры, выполнена облицовка стен и закладка северного портала. По-видимому, были приняты и другие меры к упрочению здания. Внутри чинка брусковым кирпичом начинается значительно выше уровня древнего пола; почти вся площадь собора была засыпана плотным стерильным песчано-глинистым привозным грунтом. Судя по наличию на его поверхности брусковых кирпичей, засыпка грунтом производилась одновременно с ремонтом здания. Ниже насыпного слоя залегает гумусная прослойка, вероятно, отложившаяся за то время, когда храм стоял в полуразрушенном состоянии. Ещё ниже - прослойка, отмечающая уровень древнего пола. Таким образом, очевидно, что одновременно с

ремонтom здания строители хотели укрепить стены храма засыпкой, превратив их основания как бы в дополнительный фундамент.

Никаких точных данных о времени реставрационных работ у нас нет. Можно лишь предположить, что обветшание собора произошло в литовский период истории Смоленска, в XV в., а его ремонт и восстановление после 1514 г., в пору недолгого воссоединения Смоленска с Россией. Возможно, что этому времени принадлежит и тот переделанный в характерном для московского зодчества XVI в. духе верх храма, каким он изображен на гравюре В. Гондиуса (рис. 144). Здесь закомары собора отделены карнизом, а грузная глава покрыта огромной "луковицей" с выпуклыми закручивающимися рёбрами, напоминающими форму глав Покровского собора (Василия Блаженного) в Москве. Почему-то не изображены подвергавшаяся чинке апсида и притвор (впрочем, большинство зданий на гравюре Гондиуса изображено очень условно, а порой и фантастично). Весьма примечательно стремление русских "реставраторов" XVI в. бережно сохранить древние детали здания, в частности воспроизвести в новом материале его пучковые пилястры. Однако приделы и галерея не были восстановлены.

¹⁵⁾ Воронин Н. Н. Следы раннего смоленского летописания. - В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 272-273.

-268-

*Рис. 144
Спасский монастырь. По В. Гондиусу*

В своём подновлённом виде собор просуществовал недолго. Некоторый материал для датировки окончательной катастрофы храма дают вскрытые в процессе раскопок окружающие руины погребения. ¹⁶⁾ Все костяки, как правило, лежат головой на запад, со скрещенными на груди или в области живота руками. Большинство погребений сделано уже после ремонта собора: в засыпи могил есть обломки брускового кирпича; для погр. № 7 у южной стены храма была подрублена её вторая (с запада) пилястра, уже сложенная из брускового кирпича; в погр. № 9 найден обломок чёрного лощёного сосуда; два погребения (№ 23 и 24) были сделаны внутри храма, у его южной стены, уже после загрузки песчано-глинистого балласта; у южной стены

западного притвора был найден обломок белокаменного надгробия (с орнаментальной рамкой "волчий зуб") XVI-XVII вв. Следовательно, собор или кладбище при его развалинах существовали на рубеже XVII-XVIII вв.

Спасский собор - не единственная монументальная постройка монастыря. Местные историки утверждали, что он был обнесён каменной оградой. О ней упоминал ещё Н. В. Трофимовский.¹⁷⁾ Следом за ним С. П. Пи-

¹⁶⁾ Полное описание погребений дано в отчёте Н. Н. Воронина, хранящемся в АИА (1964, № 2979) и Смоленском музее.

¹⁷⁾ Историко-статистическое описание..., с. 220.

сарев писал, что "самый центр монастыря на довольно большом протяжении имел каменную стену".¹⁸⁾ Он же говорил, что монастырь "был окружён в древности каменными стенами, представляя собой замок, прикрывавший дорогу из Чернигова в эту часть города".¹⁹⁾ Однако приведённые сообщения не дают оснований для определения даты стен: они могли принадлежать и позднему времени. И. Д. Белогорцев, повторяя версию о существовании каменного ограждения монастыря, утверждает, что он "был обнесён кирпичной стеной из плинф, вокруг которой шёл земляной вал. Остатки вала можно проследить ещё и сейчас. На его внутренней стороне у подошвы прослеживаются места с плинфовой крошкой и древним известковым раствором. По гребню вала, по-видимому, шёл дубовый палисад, превращавший монастырь в сильную пригородную крепость".²⁰⁾ Вызывает удивление, что каменная стена стояла не на валу, а шла почему-то рядом с ним внутри, что ослабляло оборонительное значение и стены, и вала. Прослеживаемые местами пятна плинфяной крошки и раствора - скорее всего след строительства собора; таких смутных прослоек, конечно, недостаточно для вывода о плинфяной ограде монастыря. Кирпичные ограды монастырей - исключительное явление для XI-XIII вв. Ограда Спасского монастыря и была, вероятно, дерево-земляной. Правда, Маскевич, описывая в своём дневнике дислокацию польских войск в 1609 г., указывает, что лагерь был устроен "над Днепром при долине между тремя каменными монастырями - св. Троицы, св. Спаса и пресвятой Богородицы, которые русскими были уже оставлены",²¹⁾ но, очевидно, он имел в виду каменные храмы этих монастырей. Во всяком случае на гравюре В. Гондиуса никаких укреплений у Спасского монастыря не показано.

Если вопрос о кирпичной ограде монастыря и её времени остаётся открытым, то несомненно, что к северу от собора стояли древние каменные ворота с надвратной церковью. Они изображены на гравюре В. Гондиуса в виде высокой квадратной в плане башни с парными окнами на фасадах, завершённых закомарой, увенчанной большой луковичной главой (рис. 144). При всей фантастичности рисунка здания можно полагать, что оно, как и собор, претерпело капитальную "реставрацию" в XVI в. Собор Спаса и монастырские ворота существовали ещё в 1680 г., когда в выписи из межевых книг упоминается "дорога от всемилостивого Спаса в Чуриловскую слоботку" и говорится, что межевой знак - "копец усыпан на горе против Спаских ворот".²²⁾

В 1950 г. по заданию И. Д. Белогорцева архитекторы Н. П. Иванова-Юрченко и Ю. В. Субботин расчистили холм, прикрывавший руины ворот, и сделали их обмер. Видимо, руины находились в очень плохом со-

¹⁸⁾ Писарев С. П. Памятная книга..., с. 161-162.

¹⁹⁾ Писарев С. П. Княжеская местность..., с. 29.

²⁰⁾ Белогорцев И. Д. Новые исследования..., с. 101.

²¹⁾ Дневник Маскевича см.: Устрялов Н. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 2. СПб., 1859, с. 23.

²²⁾ Документ деревни Чернушек 1680 г. - СС, 1911, вып. I, ч. 2, с. 43-44. - Два каменных здания показаны в Спасском монастыре и на гравюре 1635 г. (Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, (КО Моск. Е1)/(114)).

-270-

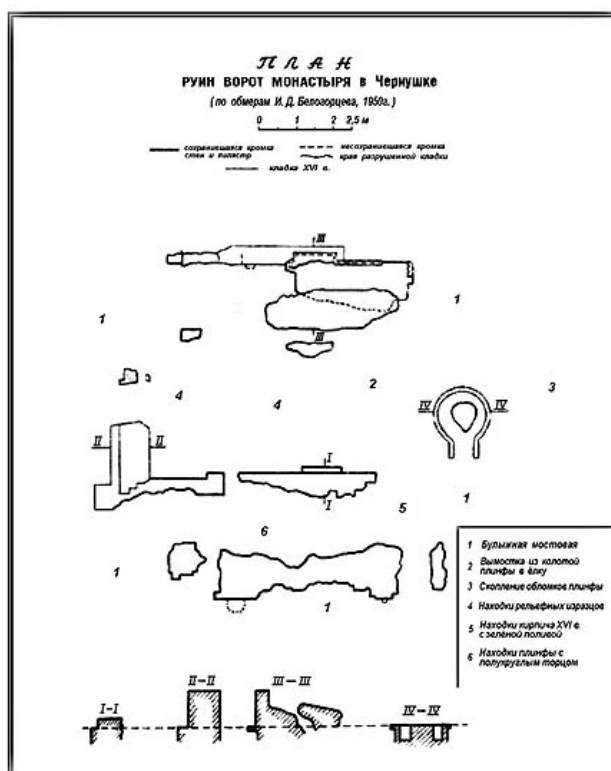

Рис. 145

Остатки воротной башии Спасского монастыря. По И. Д. Белогорцеву

-271-

стоянии, а их исследователи были малокомпетентны в порученном им деле. Во всяком случае хранящиеся в Смоленском областном управлении культуры синьки обмерного чертежа (1:50) и схемы плана (1:200) рисуют весьма сложную картину, позволяющую сделать лишь весьма приблизительные заключения, без уверенности их соответствия реальности. Руины представляли два массива кладки, ориентированных по склону холма с юга на север (рис. 145).²³⁾ Западный массив был, очевидно, значительно тоньше (1.5 м) восточного (4.3 м). Здесь сочетались древние части, "абсолютно аналогичные" по характеру кладки, составу раствора и качеству плинфы Спасскому собору, со значительными новыми кладками из брускового кирпича (главным образом с западной стороны), свидетельствующими о ремонте здания, вероятно одновременном ремонту собора. Древняя кладка была, видимо, крайне разрушена; тут же лежали небольшие блоки упавших стен или сводов. Общие размеры (по тексту - 9.7 x 7.7 м) не совпадают с указанными на чертеже, позволяющими думать, что здание было квадратным (9.5 x 9.5 м).

Скорее всего восточный массив кладки ворот превратился в довольно бесформенную груду, так как описания автора расходятся между собой и с чертежом. В основном его тексте ворота однопролётны; ширина этого проезда 4 м (по чертежу - 4.5 м).²⁴⁾ В другом (позднейшем) тексте ворота "имели конный проезд и проход для пешеходов", т. е. были двухпролётными.²⁵⁾ Последнее, видимо, вернее, ибо объясняет непомерную толщину восточного пилона (4.3 м), где автор в "реконструктивном" варианте чертежа помещает проход шириной 2 м и в правой (восточной) его части - узкую (60 см) лестницу, ведущую в надвратную церковь (сохранились две нижние ступени).²⁶⁾ "Как внешняя, так и внутренняя стены обоих массивов, - пишет исследователь, - были декорированы сложными пилястрами, состоявшими из плоского выступа с полуколонкой посередине. Это свидетельствует об одинаковом архитектурном убранстве как внешних, так и внутренних плоскостей стен".²⁷⁾ Данное утверждение, по-видимому, плод недоразумения, ибо на полевом обмерном чертеже (1:50) показаны пунктиром лишь полуколонки, а в мелкомасштабном (1:200) изображены всего две полуколонки в северном конце лестничной стены - одна обращена в проход (?), а другая наружу, что явно невероятно; за полуколонки, вероятно, были приняты случайные об-

²³⁾ В тексте дана неверная ориентация (Белогорцев И. Д. Новые исследования..., с.100).

²⁴⁾ *Белогорцев И. Д.* Новые исследования..., с. 100.

²⁵⁾ *Белогорцев И. Д.* 1) Памятники архитектуры Смоленской области. Смоленск, 1956, с. 9; 2) Кирпичные постройки XII в. в Смоленске. - В кн.: Материалы по изучению Смоленской области. Вып. V. Смоленск, 1963, с. 141.

²⁶⁾ К сожалению, при исследовании не была зачищена линия фундамента, которая определила бы с бесспорностью план сооружения. Однако к северу от ворот, видимо, был вскрыт культурный слой, в котором сохранилось основание Гончарной печи с "козлом" в центре. Она изображена на всех чертежах (её считали устройством для пользования воротами?). Печь лежит непосредственно перед проёмом ворот. А рядом с ней с севера зафиксировано прямоугольное в плане скопление обломков плинфы (2.75 x 1 м), сочтённое "подпорной стенкой" (что она подпирала?), которая по существу закрывала въезд в ворота.

²⁷⁾ *Белогорцев И. Д.* Новые исследования..., с. 100.

-272-

ломы кладки, отчего в обмере они и даны пунктиром. Вокруг ворот показана булыжная мостовая, а в северной половине проезда "пол... был забутован щебнем и покрыт кирпичной мостовой из полуплинф, поставленных на ребро" и образовавших рисунок "елочкой".²⁸⁾

Относительно надвратной церкви известно немного: на блоках упавшей кладки сохранились следы росписи; было найдено много керамических плиток, "использовавшихся, по-видимому, как облицовочный материал" (?) и относимых автором к "древнесмоленскому искусству". На деле это, вероятно, поздние рельефные зелёные ("муравленные") печные изразцы (с тыльной стороны есть следы копоти); печь, видимо, обогревала небольшую надвратную церковь.²⁹⁾ При малой площади ворот никакой боевой площадки они, очевидно, не имели, так как были не боевыми воротами крепости, а монастырскими "святыми воротами".

Попытки найти руины ворот в 1964 г. путём прорезки траншеями площадки к северу от собора не увенчались успехом, никаких остатков здания XII в. не было обнаружено. Только в 57 м от северной стены собора встретила часть фундамента какого-то позднего здания. Остатки ворот были, очевидно, снесены ножом бульдозера в 1963 г.

²⁸⁾ Там же, с. 100.

²⁹⁾ Были найдены также брусковые кирпичи XVI в. с зелёной поливой.

-273-

Пятницкая церковь

При строительстве жилого дома на Большой Краснофлотской улице (к востоку от церкви Ивана Богослова, около Пятницкого ручья) в 1951 г. были обнаружены остатки древней церкви. Раскопки ее проведены под руководством И. Д. Белогорцева. В различных работах он характеризовал состояние руин по-разному. В основной публикации, сделанной сразу же по окончании раскопок, Белогорцев писал, что "западная часть храма была уничтожена при рытье котлована, и изучить её не представилось возможности. Значительно пострадали восточная и северная стены. Однако части восточной и северной, а также южная стена на высоту до 10-15 рядов кладки сохранились довольно хорошо".¹⁾ В более поздней работе сказано несколько по-иному: "Восточная и западная стены церкви были сильно разрушены, северная же и южная сохраняли до 15-ти рядов кладки".²⁾

И. Д. Белогорцев не опубликовал плана раскопанного им сооружения, а издал только схематическую реконструкцию плана церкви (рис. 146). Поэтому по его публикации нельзя судить о том, какие части здания удалось найти в натуре, а какие были гипотетически реконструированы на чертеже. К тому же размеры на чертеже не всегда соответствуют размерам, приводимым в тексте. Это заставляет относиться к опубликованному Белогорцевым плану с некоторой осторожностью.

Церковь относится к достаточно хорошо известному в смоленском зодчестве типу храмов с одной большой полукруглой апсидой, прямоугольными снаружи боковыми апсидами и сложнопрофилированными пучковыми пилястрами. С запада к церкви примыкал притвор. Церковь была невелика: длина (без притвора) 18.3 м, ширина 11.6 м. Ширина центральной апсиды изнутри 3.3 м (по чертежу - около 4 м). Размер подкупольного квадрата церкви около 4 м.

Церковь была четырёхстолпной. Западная пара её столбов имела обычную крестчатую форму, а восточные столбы показаны на чертеже И. Д. Белогорцева соединёнными со стенками, разделяющими апсиды. Это, без сомнения, - свидетельство того, что на данном участке раскопками вскрыты лишь нижние части кладки, так как выше столбы должны были быть отделены от межальтарных стенок.³⁾

Пучковые пилястры храма, судя по чертежу И. Д. Белогорцева, имели по два прямоугольных уступа и завершались не полукруглой колонкой, а прямоугольной тягой. Такой приём известен в смоленском зодчестве: точно так профилированы пилястры Воскресенской церкви и церкви у устья Чуриловки. Не вызывает сомнений и форма боковых апсид, пря-

¹⁾ *Белогорцев И. Д.* Новые исследования древнесмоленского зодчества. - В кн.: Материалы по изучению Смоленской области. Вып. I. Смоленск, 1952, с. 114.

²⁾ *Белогорцев И. Д.* Кирпичные постройки XII в. в Смоленске. - Там же. Вып. V. Смоленск, 1963, с. 137.

³⁾ Такая же картина имела место в церкви у устья Чуриловки. При раскопках 1972 г. здесь были вскрыты столбы, соединённые с межапсидными стенками. Между тем С. П. Писарев, видевший в 1887 г. эту церковь в менее разрушенном состоянии, показал на своём чертеже, что столбы отделены от стенок.

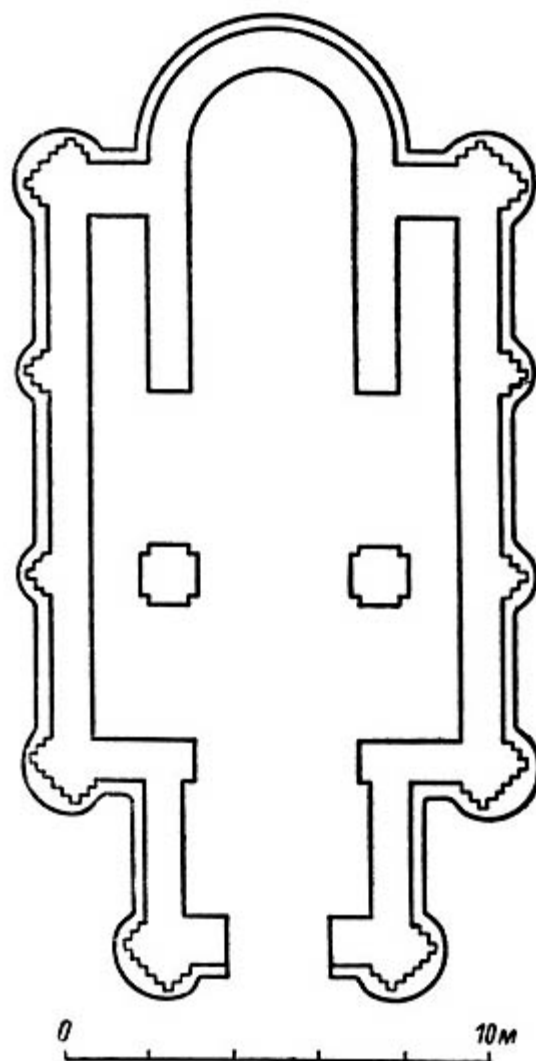

Рис. 146
Пятницкая церковь. По И. Д. Белогорцеву

моугольных не только снаружи, но и изнутри; подобные боковые апсиды были выявлены в Воскресенской церкви. Наличие лишь одного притвора с запада находит аналогию в церкви Спасского монастыря в Чернушках, где, однако, кроме притвора, имелись ещё два придела у восточных углов.

Таким образом, основные особенности плана раскопанной церкви, показанные на реконструкции И. Д. Белогорцева, видимо, соответствуют действительности. Но есть в плане храма некоторые черты, вызывающие сомнение. Например, на чертеже на северном и южном фасадах храма показано по четыре пучковые пилястры. Во всех смоленских памятниках подобного типа на боковых фасадах расположено не по четыре, а по пять пилястр. Может быть, и в данном случае плохая сохранность кладки стен не дала возможности исследователю отметить ещё одну пилястру.⁴⁾ Впрочем, настаивать на таком решении нельзя, ибо известен всё же один пример (церковь на Вознесенском спуске в Киеве), где четырёхстолпный храм такого же смоленского типа не имел на боковых фасадах пятой пилястры.⁵⁾

Особое внимание И. Д. Белогорцев уделил необычному приёму, обнаруженному им при раскопках церкви: "Любопытна особенность церкви - по всему периметру она была обложена (облицована) одним рядом плинфы (25-30 см), которая примыкала к основной стене здания впритык, без перевязки, что свидетельствует о более позднем устройстве облицовочной "рубашки". В местах сложных пилястр облицовочная плинфа образовала полукруглые выступы, за которыми оказались замурованными стеновые пилястры".⁶⁾ На основании различия формата

кирпичей основного объёма и обкладки исследователь считал, что последняя выполнена значительно позже постройки храма. Что же касается причин, вызвавших столь необычную систему, то хотя И. Д. Белогорцев и писал, что "причины облицовки всего здания пока не выяснены", но он всё же полагал, что "это совер-

⁴⁾ Именно такую ошибку И. Д. Белогорцев сделал при обмере Спасской церкви в Чернушках.

⁵⁾ Каргер М. К. Древний Киев. Т. II. М.-Л., 1961, с. 467.

⁶⁾ Белогорцев И. Д. Кирпичные постройки..., с. 137.

-275-

Рис. 147

"Облицовка" Пятницкой церкви. Фото И. Д. Белогорцева, 1951 г.

шенно необычный приём, ещё в большей степени, чем многообломные пилястры, свидетельствующий о развитии форм народного деревянного зодчества в кирпичной кладке". ⁷⁾

Понять смысл этой совершенно необычной облицовки трудно. М. К. Каргер высказал предположение, что И. Д. Белогорцев принял за облицовку обычный приём устройства вокруг здания кирпичной вымостки, которая иногда действительно устраивалась в несколько рядов кирпичной кладки. ⁸⁾ Такое объяснение очень логично и, казалось бы, устраняет все недоумения. Однако Белогорцев утверждал, будто бы облицовка по высоте "в руинах достигала высоты тех же рядов", т. е., очевидно, поднималась на высоту 15 рядов кладки. ⁹⁾ Значительно позднее Белогорцев в письме подтвердил, что на южной стене храма облицовка действительно равнялась по высоте сохранившейся кладке стены, т. е. имела 14-15 рядов. Саму кладку облицовки он описал следующим образом: "Облицовочная плинфа лежала плашмя на постельной стороне. У сложных угловых пилястр (типа Свирской церкви) указанная облицовка плавно облежала эти углы, не примыкая к сложным граням многопрофильного угла, - то же у боковых пилястр. Переход от боковых плинф (у стен) к облицовке пилястр был плавным, а не резко полуциркульным. Это обеспечивалось соответствующей уклад-

⁷⁾ Белогорцев И. Д. Новые исследования..., с. 118.

⁸⁾ Каргер М. К. Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, с. 96.

⁹⁾ Белогорцев И. Д. Кирпичные постройки..., с. 137.

-276-

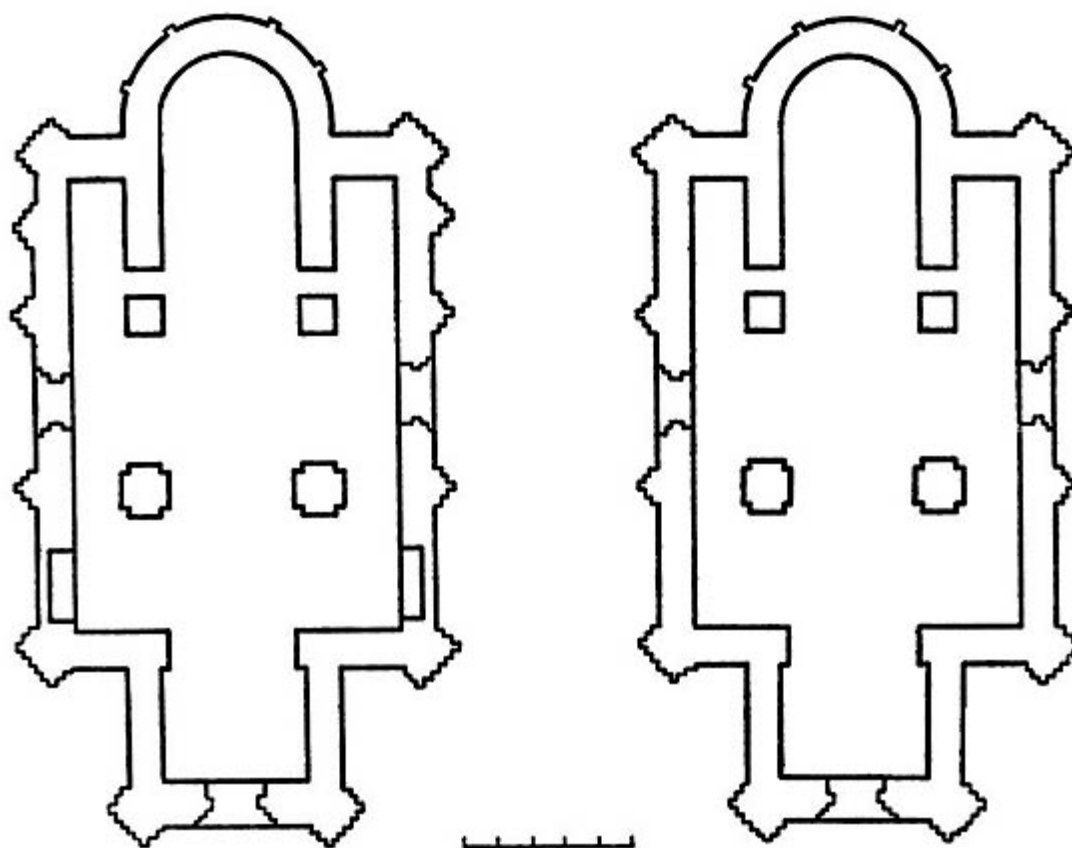

Рис. 148
Пятницкая церковь. Варианты реконструкции плана

кой облицовочной плитки. У боковых стен плинфа примыкала впритык, соединяясь с основной кладкой известково-цемянковым раствором. У боковых и угловых пилястр облицовочные плинфы примыкали лишь к угловым (крайним) выступам, оставляя небольшие свободные каналы (вертикальные щели) между облицовочными плинфами и сложными выступами пилястр; раствор лишь частично заполнял эти каналы".¹⁰⁾ Достоверность сведений Белогорцева подтверждается и его фотографиями, на которых видна облицовочная "рубашка" стен (рис. 147).

Таким образом, факт существования своеобразной кирпичной облицовки, по-видимому, не может вызывать сомнений. Возможно, что это был какой-то ремонт здания. Во всяком случае очевидно, что первоначально здание было возведено без облицовки.

В план-реконструкцию, опубликованную И. Д. Белогорцевым, можно внести некоторые уточнения (рис. 148). Прежде всего необходимо отбросить окружающую здание облицовку, как явно не относящуюся к первому этапу строительства храма (вне зависимости от её назначения). На чертеже Белогорцева размеры здания не вполне точно (правда, очень незначительно) соответствуют размерам, указанным им в тексте. Если при-

¹⁰⁾ Письмо И. Д. Белогорцева к Н. Н. Воронину от 12 июня 1972 г.

можно дополнить план тонкими тягами на апсиде и порталами, которые должны были существовать не только с запада, но и с боковых сторон. Наконец, в западных членениях боковых стен можно показать аркосолии, о наличии которых Белогорцев упомянул в тексте, хотя не показал их на чертеже.

Церковь была сложена из кирпичей размером 3-3.5 x 20 x 24-25 см.¹¹⁾ Они прочные, алого цвета, с раковистым изломом. Знаков на торцах не обнаружено, но зато встречались кирпичи с рисунками, нанесёнными на постели ещё до обжига. Раствор в кладке известковый, с песком, мелкой кирпичной крошкой и древесной золой. Нижние три-четыре ряда кирпичей были сложены не на растворе, а на глине, причём местами кладка на глине поднималась даже до восьмого ряда. Несомненно, что эти ряды кладки представляли собой подземную часть стен, т. е. кирпичную вымостку, лежавшую на фундаменте в основании стен церкви. В смоленских памятниках такая вымостка часто имела ширину большую, чем толщина стен.

Фундамент церкви в нижней части состоял из крупных камней (И. Д. Белогорцев указывает, что камни якобы имели вес до 4 т, что, конечно, сильно преувеличено), а выше из более мелких булыжников. Камни были уложены насухо, без связующего; только верхние слои мелкого булыжника утрамбовывались глиной.

Судя по отсутствию упоминаний о наличии хотя бы кусочков штукатурки с остатками фресок, церковь не была расписана. Нет никаких сведений и о характере покрытия пола.

И. Д. Белогорцев вначале датировал раскопанный храм 40-50 гг. XII в. Основанием послужило количество мергеля в плинфах, которое, по мнению исследователя, было характерно для смоленского зодчества именно данной поры.¹²⁾ Позднее Белогорцев пришёл к выводу, что цвет и характер обжига кирпичей памятника отличны от других смоленских построек. Из этого он сделал вывод, что постройка церкви, вероятно, относится "к более раннему периоду, чем 40-е годы".¹³⁾ В действительности же открытый памятник безусловно относится к самому концу XII в., а вернее, даже к первой трети XIII в., о чём свидетельствуют его строительная техника (в особенности формат кирпича), а также архитектурные формы - сложнопрофилированные пучковые пилястры, прямоугольные боковые апсиды и пр.

Церковь находилась близ Пятницкого ручья и Пятницкой проездной башни. Исходя из этого, И. Д. Белогорцев назвал раскопанный храм церковью Пятницы на Малом Торгу. Относительно местоположения древней Пятницкой церкви между смоленскими историками не было единоду-

¹¹⁾ И. Д. Белогорцев отметил, что облицовка была исполнена из кирпичей другого формата. Однако приводимые им размеры совершенно непонятны; если верить этим размерам, то кладка облицовки должна относиться к рубежу XI-XII вв. (кирпичи длиной 35 см, а также почти квадратные-24 x 25 см), т. е. была исполнена не позже постройки самой церкви, а значительно раньше её.

¹²⁾ *Белогорцев И. Д. Новые исследования...*, с. 114.

¹³⁾ *Белогорцев И. Д. Кирпичные постройки...*, с. 137.

пия. С. П. Писарев помещал её в восточной части Немецкой (совр. Студенческая) улицы,¹⁴⁾ И. И. Орловский - на месте, где потом основался Вознесенский монастырь, от которого идёт вниз к Днепру Верхне-Пятницкая (совр. Воровского) улица.¹⁵⁾ Однако наименование Нижнего острога под крепостью Фёдора Коня Пятницким и двух крепостных башен Пятницкими даст право искать Пятницкую церковь именно на нижнем участке, т. е. как раз в районе раскопанной церкви. Впрочем, данная церковь была здесь не единственной древней постройкой: в 200 м к востоку от неё обнаружены руины ещё одного сооружения, кирпичи которого имели характерные для смоленских построек XII в. знаки и клейма.¹⁶⁾ Таким образом, называть раскопанную Белогорцевым церковь Пятницкой можно лишь очень условно.

¹⁴⁾ *Писарев С. П.* Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898, с. 150-151.

¹⁵⁾ *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. - СС, 1909, вып. I, ч. 1, с. 242, прим. 1.

¹⁶⁾ *Белогорцев И. Д.* Кирпичные постройки..., с. 136. - Ввиду крайней запутанности и неточности топографических определений памятников данного района нельзя достаточно определённо судить, о какой именно постройке идёт речь.

Церковь на Большой Краснофлотской улице

В середине XIX в. Н. Н. Мурзакевич писал, что "по дороге из города к Свирской церкви замечен большой холм, в основании которого находится множество древнего кирпича. Вероятно, здесь была древняя церковь или монастырь".¹⁾ Более подробно сообщал о памятнике Н. В. Трофимовский: "Саженьях во ста от этой церкви (архангела Михаила. - Н. В., П. Р.), ближе к городу, возвышаются по-над дорогой значительной величины развалины; фундамент сложен из таких же квадратных плиток, как и Свирская церковь; самая кладка их одинакова".²⁾ С. П. Писарев уточнил местоположение руин - "где теперь дома мещан Павловых и Копыловых" - и сообщил, что храм "был довольно обширный", и что он видел здесь "остатки древних кафель" (вероятно, поливных плиток пола).³⁾ Писарев отметил также, что "вверх от него, по полугорью, тянулось большое кладбище; ещё в первой четверти текущего столетия были на могилах надгробные, искусно высеченные камни". В районе руин были найдены три свинцовые печати.⁴⁾

К началу XX в. руины были уже настолько разобраны, что почти не были видны на поверхности. И. М. Хозеров писал о месте данного памятника, что здесь "тротуар имеет особенно большой по сравнению с уровнем улицы подъём и сам по себе довольно широк. В сырой осенний день или летом после дождя на тротуаре ясно усматривается мелкий кирпичный щебень от плинф с характерным раковистым изломом. Более внимательный осмотр показывает следы развалин апсиды. Это развалины неизвестной церкви XII-XIII вв., археологами совершенно не изученной. Здесь в 1939 г. была проложена новая магистраль водопроводной линии. При рытье траншеи обнаружена кладка из плинф".⁵⁾ Упоминает этот памятник и И. Д. Белогорцев, который утверждает, что, судя по размерам холма, постройка была "сравнительно небольшой".⁶⁾ Он указывает даже приблизительные размеры храма: длина 17-17,5 м, ширина 14-14,5 м.

Большинство историков, упоминавших данный памятник, не сомневалось в том, что это остатки церкви Козьмодемьянского монастыря, построенной, судя по летописи, в 1146 г. Такое отождествление исходит из сведений Никоновской летописи, отнёсшей известие 1146 г. о постройке че-

¹⁾ Мурзакевич Н. Н. Достопамятности города Смоленска. - ЧОИДР, 1846, кн. I, № 2, Смесь, с. 4, прим. 4.

²⁾ Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864, с. 217. - К области легенд принадлежит сообщение автора о находке здесь в 1850 г. небольшого гроба, обитого серебром. Может быть, это был всего-навсего серебряный глазет, превращённый народной фантазией в серебро.

³⁾ Писарев С. П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, с. 16.

⁴⁾ Писарев С. П. Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898, с. 156. - Одна из печатей - новгородского посадника Дмитра Завидича (1117-1118), две другие неопределимы (об этих печатях см.: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. 1. М., 1970, с. 191, № 124; с. 216, № 280; с. 223, № 322).

⁵⁾ Хозеров И. М. Рукопись ИИ, с. 190.

⁶⁾ Белогорцев И. Д. Кирпичные постройки XII в. в Смоленске. - В кн.: Материалы по изучению Смоленской области. Вып. V. Смоленск, 1963, с. 142.

Козьмодемьянским монастырём дожило почти до наших дней.⁷⁾

В 1609 г. лагерь польских войск был устроен "над Днепром при долине между тремя каменными монастырями - св. Троицы, св. Спаса и пресвятой Богородицы".⁸⁾ Местоположение Троицкого и Спасского монастырей нам известно. В этом же районе расположены Борисоглебский монастырь и церковь архангела Михаила. Где же находился монастырь Богородицы? Не связано ли это упоминание с храмом на Большой Краснофлотской улице?

Несмотря на кажущуюся ясность и точность описания местоположения памятника, определить это место оказалось трудно. Почти все авторы отмечали, что руины находятся к востоку от Свирской церкви ("примерно в 100 саженях"). Тщательное обследование данного района показало, что никаких внешних следов руин сейчас уже не видно. Старые картографические материалы также не определяют этого пункта. Так, в книге, где приведена перепись 1881 г., на Свирском переулке указана усадьба Копылова, но на приложенном детальном плане она не отмечена.⁹⁾ В 1972 г. место памятника удалось, наконец, определить - на тротуаре у домов № 41 и 43 по Большой Краснофлотской улице. В заложенном здесь шурфе был обнаружен развал древней кладки. В 1973 г. остатки здания были раскопаны.¹⁰⁾

Раскопки показали, что древний памятник не заходил дальше забора палисадников, а весь находился под тротуаром и мостовой. При этом сохранились его остатки только под тротуаром, поскольку вся остальная часть постройки была полностью уничтожена при прокладке улицы, мостовая которой в настоящее время лежит значительно ниже дна фундаментных рвов. Таким образом, остатки древней постройки было возможно исследовать лишь на узкой полосе тротуара, шириной от 3 до 4 м (рис. 149).

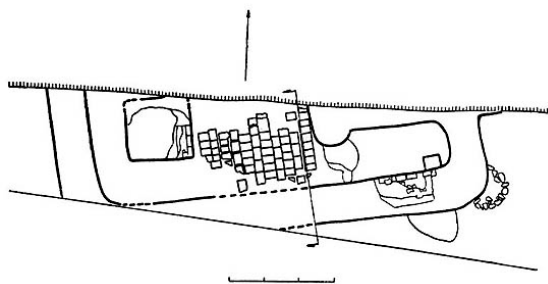
Постройка оказалась полностью разобранной, причём, по-видимому, довольно давно. Не только её стены, но даже фундаменты почти целиком отсутствуют. Изучать памятник можно было в основном по фундаментным рвам, заполненным строительным мусором. При этом выяснилось, что рвы в нескольких местах перебиты поздними ямами, а в верхней части повреждены при добывании из них камней от фундамента. Тем не менее линии

⁷⁾ Любопытно, что И. И. Орловский, вскрывший ошибочность версии Никоновской летописи, сам уверенно полагал, что ещё в конце XII в. рядом со Смядынским монастырём находился женский Козьмодемьянский монастырь, где якобы постриглась вдова князя Давида Ростиславича (*Орловский И. И.* Борисоглебский собор в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. - СС, 1909, вып. I, ч. 1, с. 228, прим. 2). Об ошибочности данного текста Никоновской летописи подробнее см.: *Каргер М. К.* Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, с. 46-48.

⁸⁾ *Устрялов Н.* Сказания современников о Дмитриии Самозванце. Ч. 2. СПб., 1859, с. 23.

⁹⁾ Статистический очерк г. Смоленска и однодневная перепись 11 октября 1881 г. Смоленск, 1882, с. 7.

¹⁰⁾ Предварительную публикацию см.: *Раннопорт П. А.* Раскопки церкви на Большой Краснофлотской улице в Смоленске. - В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 216-221.

фундаментных рвов достаточно определённо прорисовали план южной трети небольшой церкви. Азимут её продольной оси 80° . Чётко определились ров южной стены церкви, южная апсида, стенка между южной и центральной апсидами, заканчивающаяся расширением, юго-западный подкупольный столб и часть западной стены. Южная апсида храма очень своеобразна по форме: прямолинейна снаружи, а изнутри имеет вид очень уплощённой кривой. Все остальные части постройки оказались безвозвратно погибшими.

О кладке стен церкви можно судить по их развалам и одному небольшому куску, сползшему в фундаментный ров южной стены южной апсиды. Кладка была выполнена из кирпичей размером $3.5-4.2 \times 19-20.5 \times 27.5-28.5$ см. Все кирпичи хорошо формованные и хорошо обожжённые; на торцах их встречаются довольно многочисленные знаки, а на одном кирпиче обнаружено клеймо на постельной стороне. Наружные поверхности стен выкладывались из целых кирпичей, середина - из битых, но с выдержанными горизонтальными рядами. Толщина швов раствора в кладке приблизительно равна толщине кирпичей. Раствор серый, прочный, довольно тёмный, с розовым оттенком, с включением крупных кусков битого кирпича, угля, шлака, с множеством белых пятнышек - кусочков известняка. Вяжущее - глинисто-известковое до известково-глинистого. Известь воздушная, составляет около 25% раствора. Состав заполнителя: цемянки до 20% раствора, песка до 30, зёрен известняка, искусственного туфа и недожога до 40%. Кроме того, в составе раствора около 18% глины. Цемянка в основном представлена крупными фракциями, а песок большей частью мелкий, хотя есть кварцевые частицы размером до 5 мм.

Стратиграфический разрез, сделанный поперёк здания по линии несколько западнее торца межапсидной стенки, показал всю систему напластований (рис. 150). Поверх материкового песка и чёрного слоя древней

-282-

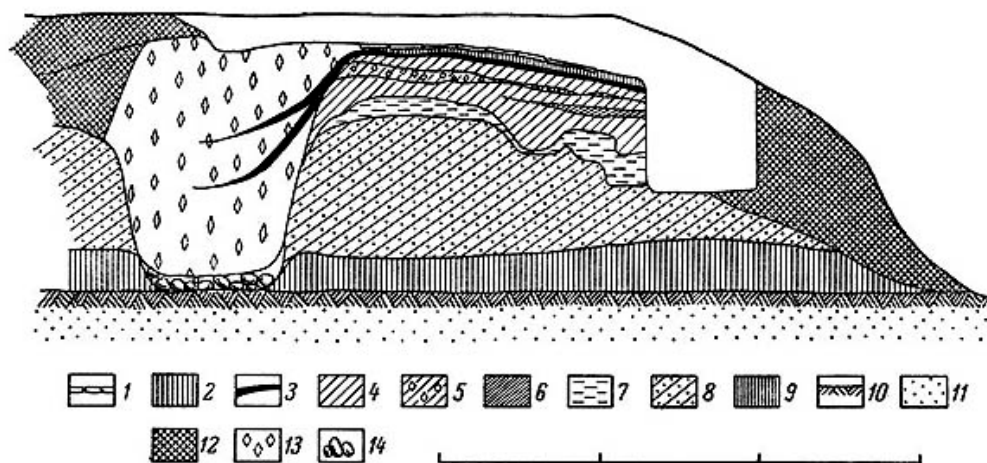

Рис. 150

Стратиграфический разрез поперёк здания

1 - кирпичный пол; 2 - суглинок; 3 - угольный слой; 4 - супесок; 5 - супесок с обломками древнего кирпича; 6 - гумусированный супесок; 7 - красная глина; 8 - гумусированный песок; 9 - культурный слой; 10 - древняя поверхность почвы; 11 - материковый песок; 12 - поздний мусор; 13 - древний строительный мусор; 14 - камни

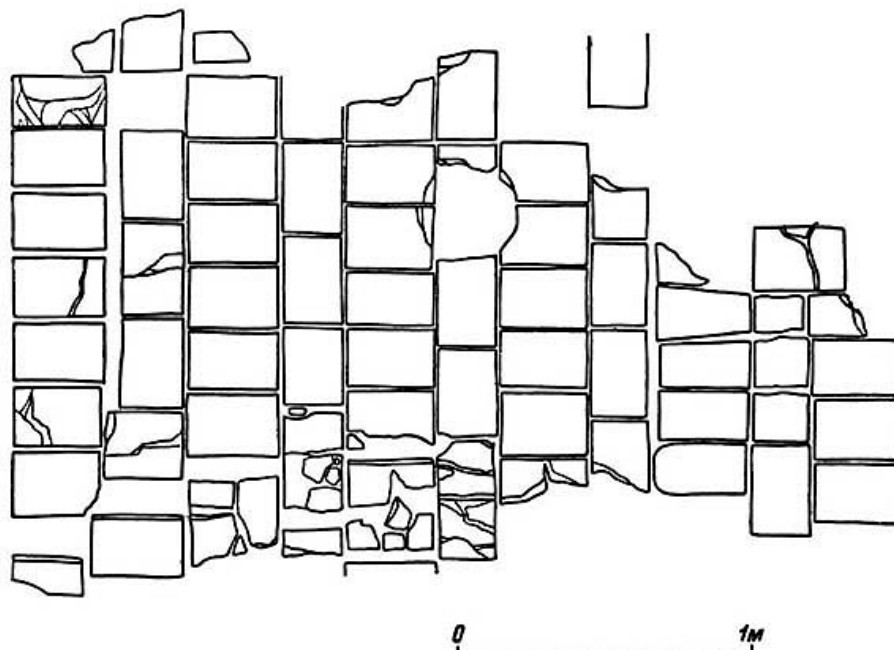

Рис. 151
Кирпичный пол

-283-

почвы здесь лежит культурный слой, имеющий толщину 20-30 см. В нём встречаются фрагменты керамики XII в. Поверх культурного слоя расположен слой песка, смешанного с гумусом, в котором также обнаружены редкие черепки сосудов XII в. Толщина данного слоя около 80 см. Происхождение его неясно. Быть может, это следы оползня с прилегающего всхолмления, а возможно, следы искусственного выравнивания почвы. Но во всяком случае очевидно, что ко времени строительства храма уровень поверхности находился на отметке верха этого слоя, поскольку именно с данного уровня отрыты фундаментные рвы. Рвы прорезают все культурные напластования и доходят внизу до предматерикового чёрного слоя. На отдельных участках рвы врезаются и в чёрный слой, достигая материкового песка. Глубина фундаментов от уровня древней поверхности 1-1.1 м. Ширина фундаментных рвов стен храма 1.05-1.1 м. В фундаментном рву юго-западного столба сохранился небольшой участок нетронутого фундамента. Он каменный, причём камни уложены насухо, и лишь верхний ряд пролит раствором. Камни-булыжники разного размера (диаметром от 5-10 до 40 см). Фундамент столба также доходит внизу до чёрного предматерикового слоя, лежащего на этом участке на глубине 1.25 м от уровня древней поверхности.

Выше уровня древней поверхности находятся слои подсыпки пола, имеющие общую толщину несколько более 40 см; местами слои толще, так как выравнивают ямы, располагавшиеся на древней поверхности. Слои подсыпки состоят из глины и супеска, вверху с тонкой прослойкой суглинка, служившей основанием пола. Каменный фундамент столба поднимается выше уровня древней поверхности и доходит до уровня пола. Лишь с этого уровня начинается кирпичная кладка.

На слоях подсыпки лежал кирпичный пол. Участок пола сохранился в неповрежденном состоянии к востоку от юго-западного столба, на глубине всего около 20 см от современной поверхности. Площадь этого уцелевшего участка более 4 м² (рис. 151). Кирпичи лежат рядами, перпендикулярными оси здания, причём ряды кирпичей, расположенных длинной стороной вдоль ряда, чередуются с рядами, в которых кирпичи лежат поперёк. Кирпичи уложены без

связующего, но очень плотно подогнаны друг к другу. Отмечено, что для выкладки пола употребили кирпичи длиной 29.5-31 см, т. е. более длинные, чем основной формат, использованный для кладки стен. В одном из рядов пола вместе с обычными кирпичами встречены лекальные кирпичи (для выкладки маленьких полуколонок), трапециевидный кирпич (основания трапеции 12 и 20 см, высота 30.5 см), а также несколько прямоугольных узких кирпичей (ширина 16-17 см). На некоторых участках пола сохранились следы пожара: угли, обгоревшие куски штукатурки, пережжённая керамика.

По-видимому, кроме кирпичного пола, в церкви на других участках применялся и пол из поливных керамических плиток, поскольку такие плитки были найдены при раскопках. Это прежде всего квадратные плитки со сторонами 11-11.5 см, толщиной 2.2-2.8 см, хотя изредка встречаются и более толстые (3.3 см). Края плиток вертикальные и скошенные, тесто внутри тёмно-серое, близ поверхности бело-розовое. Полива жёлтая, зелёная, коричневая. Попадают также треугольные плитки; размер их основания

-284-

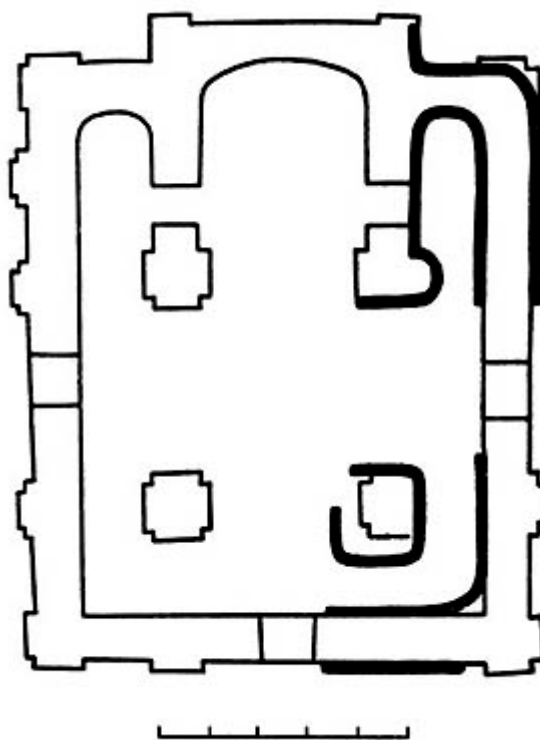

Рис. 152

Церковь на Б. Краснофлотской улице. Реконструкция плана

9-10 см, высота 4.6-5.7 см, толщина 2-2.4 см. Характер их поливы, теста и формовки такой же, как у прямоугольных. Очевидно, прямоугольные и треугольные плитки - элементы одного набора пола. Кроме того, найдено несколько обломков плиток, имеющих криволинейные очертания. Толщина их 2 см, полива жёлтая, форму установить не удалось.

При раскопках найдено несколько лекальных кирпичей с полукруглым торцом - для выкладки маленьких полуколонок. В небольшом количестве встречены также фрагменты штукатурки со следами фресковой росписи. Большинство их украшено красно-коричневыми кривыми линиями на белом фоне. Найден также небольшой кусок сплавившегося свинцового листа, вероятно, от кровли.

В южной апсиде ниже уровня пола обнаружено погребение ребенка (один-два года), обложенное с трёх сторон (кроме стороны, примыкающей к фундаментному рву) плинфами на ребре. Размер погребения 27 x 50 см. От скелета сохранились только куски черепа. Сверху погребение было накрыто двумя плинфами, лежавшими плашмя. Никаких следов других погребений (или хотя бы человеческих костей) при раскопках не найдено.

На углу фундаментного рва южной апсиды встречена кучка камней. Казалось, что она является фундаментом угловой пучковой пилястры. Однако выяснилось, что камни лежат почти на уровне древней поверхности, врезааясь в неё не более чем на 20 см. Вероятно, эти камни были не специально уложены, а выброшены из фундаментного рва при выборке фундамента.

Несмотря на крайнюю разрушенность и фрагментарность памятника, можно попытаться всё же восстановить общую схему его плана. Так, прежде всего несомненно, что это была четырёхстолпная церковь. Восточная пара её столбов соединялась ленточными фундаментами с межапсидными стенками (как это имеет место на многих смоленских памятниках), но выше столбы безусловно отделялись от стенок проходами. Необычная форма южной апсиды (плоская снаружи и очень полого дугообразная внутри) имеет аналогии лишь в двух памятниках архитектуры Смоленска: в церкви на Протоке и в церкви на Окопном кладбище. Очевидно, что и центральная апсида в рассматриваемом храме была такой же, как в этих двух памятниках, - прямоугольной, плоской снаружи. Доказательством

-285-

служит небольшой кусок прямоугольной стенки фундаментного рва, выявленный раскопками и представляющий собой наружный край южной стены центральной апсиды. Участок этот очень невелик (всего около 70 см), однако сохранность стенки фундаментного рва не вызывает сомнений, а направление её нельзя было бы объяснить, если бы центральная апсида имела снаружи полукруглые очертания.

Таким образом, ясно, что церковь на Большой Краснофлотской улице - третий памятник того типа, который представлен в Смоленске двумя упомянутыми зданиями. То обстоятельство, что церковь на Большой Краснофлотской улице является крайне сокращённым вариантом, маленьким по величине и лишённым галереи, не меняет сути дела. Это даёт нам основания использовать схему плана данных церквей для реконструкции плана рассматриваемой церкви (рис. 152).

Величина подкупольного пространства вдоль храма всего около 3.5 м. Ширина подкупольного пространства по аналогиям должна быть примерно на 1/10 меньше, т. е. около 3.2 м. Ширина стен приблизительно равна ширине фундамента - чуть больше 1 м. Общая длина храма была, видимо, около 13 м. Все остальные размеры и формы восстанавливаются только по аналогии. Конечно, такая реконструкция очень условна и не может претендовать на документальность. Всё же она даёт достаточно обоснованное общее представление о схеме плана.

Формат кирпичей храма, особенности его строительной техники, наконец, реконструируемый план не оставляют сомнений в том, что здание относится к концу XII - началу XIII в. Об этом же свидетельствуют и достаточно многочисленные фрагменты керамики зрелого XII в., найденные в культурном слое под храмом.

Время гибели здания неясно. Судя по следам пожарища, отмеченным на кирпичном полу, а также сплавившемся куску свинцовой кровли и побывавшим в огне плиткам пола, храм погиб в пожаре. Вероятно, это произошло ещё до 30-х гг. XVII в., поскольку на гравюре В. Гондиуса данная церковь уже не изображена.

-286-

Церковь на Окопном кладбище

1

Остатки древней церкви, расположенной близ юго-восточного угла Окопного кладбища, были впервые обнаружены С. П. Писаревым в 1887 г.¹⁾ Произведя расчистку и небольшие раскопки руин, исследователь установил, что церковь имела довольно значительный размер (более 11 сажен в длину и около 9 сажен в ширину) и "продолговатую четырёхугольную, а не крестообразную форму".²⁾ Писарев отмечал также: "Осматривая внимательно внешний вид заросших развалин, я заметил совершенно ясно в восточной стороне три полукружия бывших стен, что, как известно, есть принадлежность храмов... Далее заметил остатки трёх рядов колонн, по две в ряд, как строились обыкновенно древние смоленские храмы".³⁾ В развале строительных материалов он нашёл куски штукатурки с фресковой росписью, а также скелеты и кости. Писарев писал, что кирпичи церкви сделаны из плохо промешанной и плохо очищенной глины, а известь плохо приготовлена и включает множество комков. Всё это позволило ему выдвинуть предположение, что церковь была построена в XIV в., когда, по его мнению, на Руси началась уже деградация греческой строительной техники.⁴⁾ Впрочем, в более поздних работах Писарев, сравнивая данную церковь с другими памятниками древнего смоленского зодчества, относил её к "раннему периоду греко-киевского строительного искусства".⁵⁾

По ходатайству Археологической комиссии в том же 1887 г. вся возвышенность, скрывавшая остатки древнего храма, была включена в территорию кладбища и ограждена забором.⁶⁾ В 1889 г. здесь были проведены небольшие раскопки в присутствии командированного в Смоленск академика архитектуры В. В. Сулова. При этом были обнажены куски древней кладки, обнаружены куски штукатурки с фресками, куски горшков-голосников. На некоторых кирпичах отмечены рельефные знаки на торцах. О перспективах дальнейшего изучения памятника Сулов писал: "Что касается дальнейших исследований развалин, то, мне кажется, это дело может быть отложено, так как постройки киевского периода ещё далеко не изучены по более сохранившимся памятникам".⁷⁾ После такого холодного отзыва всякое изучение руин было прекращено.

В 1933 г. развалины попытался раскапывать И. М. Хозеров.⁸⁾ Оказалось, что к этому времени стены церкви были уже почти целиком разоб-

¹⁾ Писарев С. П. Развалины древнего храма в Смоленске. - СВ, 1887, № 105, 106.

²⁾ Там же, № 105, с. 4.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же, № 106, с. 3.

⁵⁾ Писарев С. П. 1) Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898, с. 172; 2) Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, с. 91.

⁶⁾ ЛОАИА, ф. 1. 1887, д. 7, л. 12.

⁷⁾ Там же, л. 12 об.

⁸⁾ Хозеров И. М. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. - КСИИМК, 1945, вып. XI, с. 23.

раны на кирпич, а на площадке памятника появились свежие захоронения. Это не позволило выяснить даже общую схему плана храма. Хозеров отметил лишь очень незначительную глубину фундамента (у стен всего 57 см, а у пилонов 70 см), что, по его мнению, послужило причиной разрушения здания.⁹⁾

И. Д. Белогорцев, помещая этот памятник в сводку древних смоленских построек, отметил, что у местных жителей он был известен под двумя названиями: либо как церковь Константина и Елены, либо как "раскопки Спаса Нерукотворного".¹⁰⁾

2

В 1965 г. Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция провела разведку с целью выяснить состояние памятника, а в 1967 г. были осуществлены его раскопки (рис. 153).¹¹⁾ Оказалось, что кладки древнего храма сильно повреждены многочисленными погребениями, совершёнными здесь уже после разрушения здания. В конце XIX или начале XX в. значительная часть стен и даже фундаментов была разобрана. При этом земля была сильно изрыта, чем и объясняется полная перемешанность слоя и нарушенность многих погребений. Следует добавить ещё, что большой кусок юго-восточной части здания был срезан при прокладке дороги. Наконец, на площадке церкви имелись и сравнительно недавние захоронения, что не позволило вскрыть ряд участков, где, возможно, ещё сохранились куски древней кладки. В итоге раскопок были обнаружены примерно половина северной и западной стен церкви, маленький кусок кладки юго-западного угла, небольшие участки стен галереи. Стены храма даже на уцелевших участках в лучшем случае достигали высоты 75 см над уровнем пола, в основном же нам осталось лишь несколько нижних рядов их кирпичной кладки. Сохранились на высоту около 80 см три подкупольных столба (четвёртый был разобран до фундамента), а также части стен, разделявших апсиды.

Таким образом, церковь открылась нам в очень фрагментарном виде. Тем не менее археологическое изучение позволяет с достаточной полнотой судить о схеме её плана (рис. 154). Это был четырёхстолпный храм, имеющий с трёх сторон галерею и ориентированный апсидами на северо-восток

⁹⁾ Там же, с. 24. - Исследователь писал: "По крайней мере, как показали раскопки, древний мозаичный (плиточный. - *Н. В., П. Р.*) пол значительно искривлён у самого края стен, которые вследствие выпучивания подняли с собой и часть пола. При этом несомненно возникло движение кладки в сводах, и они рухнули" (*Хозеров И. М.* Рукопись ИИ, с. 144, прим. 1).

¹⁰⁾ *Белогорцев И. Д.* Кирпичные постройки XII в. в Смоленске. - В кн.: Материалы по изучению Смоленской области. Вып. V. Смоленск, 1963, с. 131. - Следует отметить, что название данных руин церковью Константина и Елены может отражать какие-то древние традиции, поскольку в документах конца XV в. в этом районе упоминается село, владелицей которого была дочь Ивана III великая княгиня Елена Ивановна, жена короля Александра (см.: *Писарев С. П.* Памятная книга..., с. 171). "За оградой Окопной церкви был храм, принадлежавший к этому селу" (УЦДС, с. 37).

¹¹⁾ Предварительную публикацию см.: *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Раскопки в Смоленске в 1967 г. - СА, 1971, № 2, с. 186.

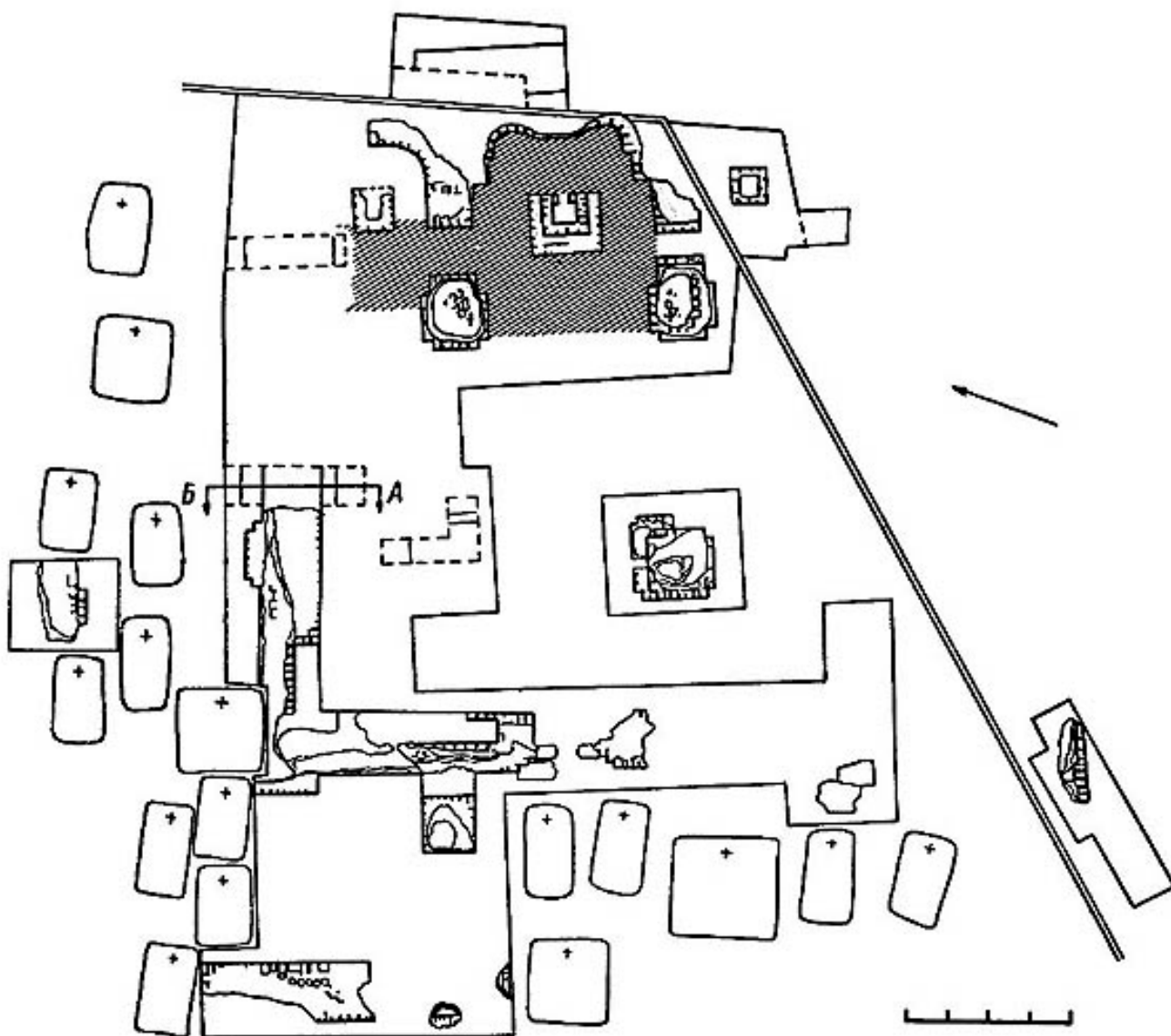

Рис. 153
Церковь на Окопном кладбище. План раскопанного здания

(азимут продольной оси 69°). Наружный размер основного здания церкви: в длину 17.8 м, поперёк 15 м, а вместе с галереей 24 x 27.3 м.¹²⁾ Подкупольное пространство слегка вытянуто по продольной оси (5 x 4.35 м).

Столбы храма крестообразной формы; ширина их лопаток 1-1.12 м, а вынос 20-23 см (рис. 155). Восточные выступы восточной пары стол-

¹²⁾ С. П. Писарев, по-видимому, из-за плохой сохранности руин принял пилоны, пристроенные к западной стене, за третью пару столбов. Поэтому приводимый им размер храма почти точно соответствует действительной длине церкви вместе с галереей. Ширина церкви была измерена Писаревым неверно, ибо он, очевидно, не заметил одного из боковых участков галереи - северного или южного.

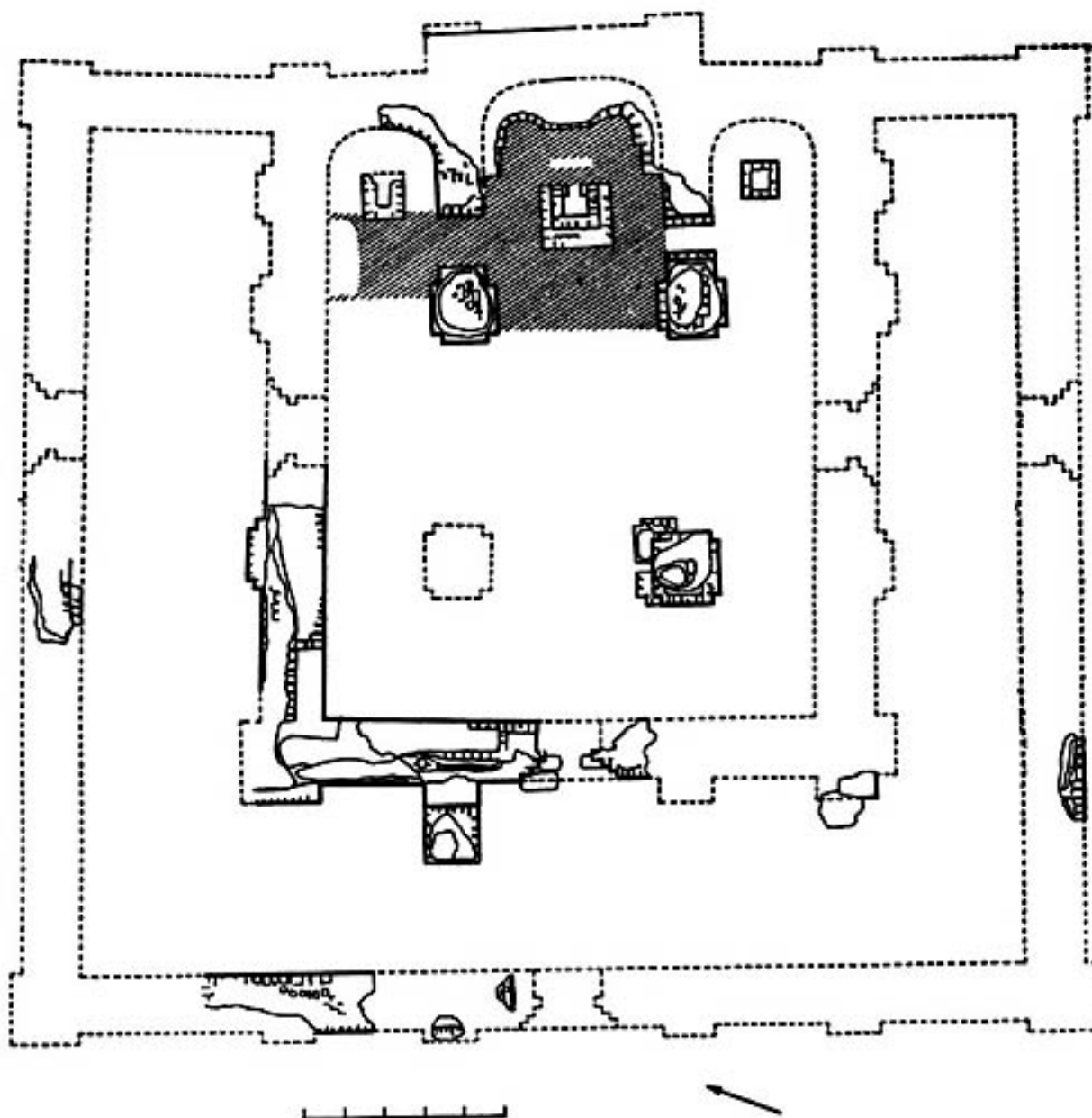

Рис. 154
Церковь на Окопном кладбище. Реконструкция плана

бов были выдвинуты на 48 см. Толщина стен церкви 1.44-1.52 м. Внутренних лопаток на стенах нет. Наружные лопатки плоские, двухступчатые; их ширина 1.15 м, а вынос от плоскости стены 42 см. На западной стене на месте лопаток сделаны мощные пилоны, видимо поддерживавшие подпружные арки притвора. Пилон на оси северных столбов имел ширину 1.3 м при толщине 0.6 м; угловой же пилон был несколько тоньше (48 см), но шире.

Форма апсид церкви, несмотря на очень плохую их сохранность, может быть точно установлена. В северной апсиде уцелела нижняя часть стены, прорисовывающая примерно половину внутренней дуги апсиды. Южная

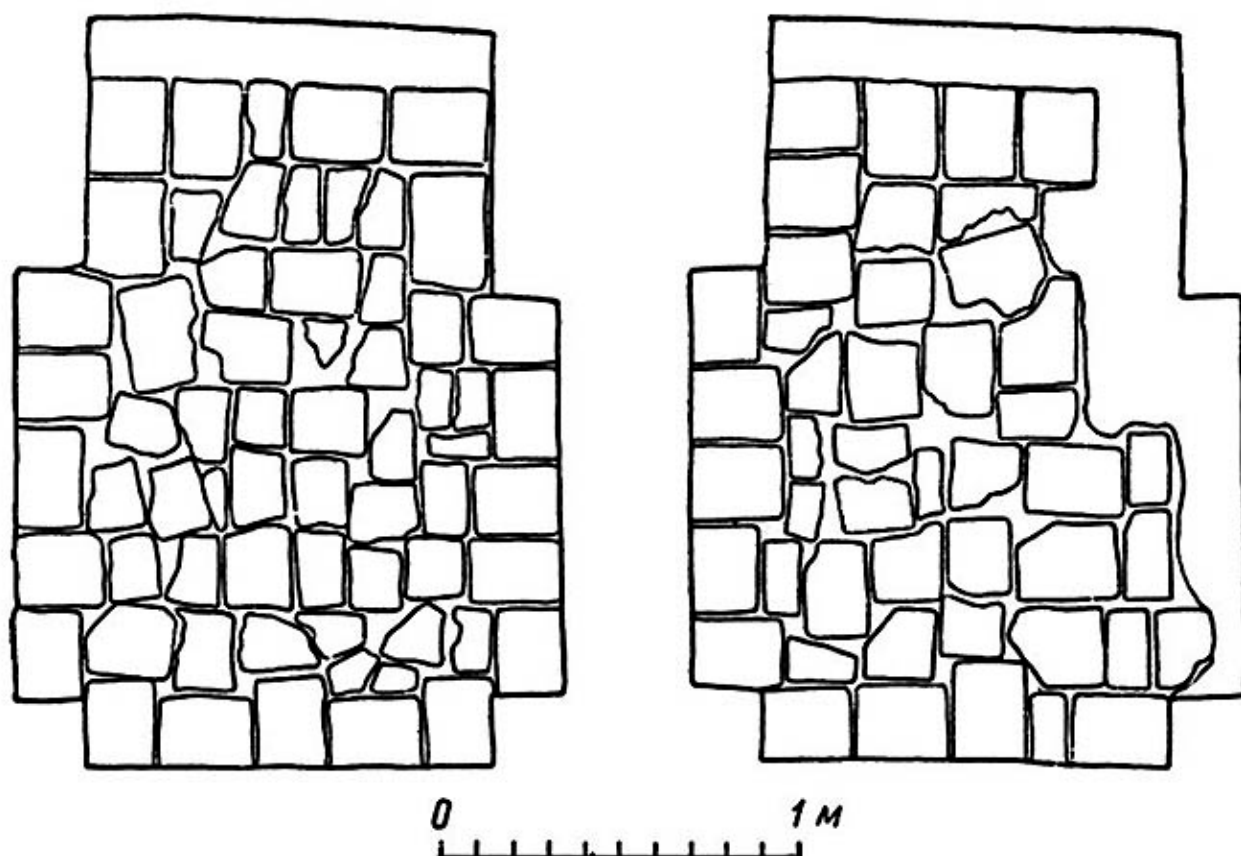

Рис. 155
Юго-восточный столб. План по двум соседним рядам кладки

апсида полностью уничтожена, и её форму приходится восстанавливать по аналогии с северной. В центральной апсиде внутренний контур определяется по линии, на которой кончается слой подсыпки под пол, а от наружного контура уцелела лишь линия фундаментного рва. Все три апсиды имели изнутри криволинейную, очень уплощённую форму, снаружи же были прямолинейны.

Сохранились остатки западного портала церкви, имевшего профиль в четыре прямоугольных уступа шириной и глубиной в среднем по 15 см. Общая ширина проёма около 1.4 м. В лицевой части портала лежал найденный в обломках порог - большая известняковая плита толщиной 11 см, концы которой были заведены под кирпичную кладку.¹³⁾

В северо-западном углу храма обнаружены остатки аркосолий. Пол аркосолия северной стены лежал на уровне пола церкви; размер аркосолия: глубина 0.7 м, длина, по-видимому, 1.7 м. В северной половине западной стены были, очевидно, два аркосолия; сохранились остатки южного со следами закладки в один кирпич. Глубина аркосолия 0.75 м, а его пол находился на высоте 16 см от пола церкви.

Пол основного помещения храма известковый. Он не был строго горизонтальным, а имел некоторый уклон вниз к западу. Благодаря этому участок пола в северо-западном углу церкви лежит на 39 см ниже пола в южной апсиде. Кроме того, удалось отметить, что пол резко поднимался кверху (на 15-16 см) у самых стен, как об этом и писал И. М. Хозеров.

¹³⁾ И. М. Хозеров свидетельствует, что пороги порталов были из плит красного песчаника (Хозеров И. М. Рукопись ГТГ, с. 55).

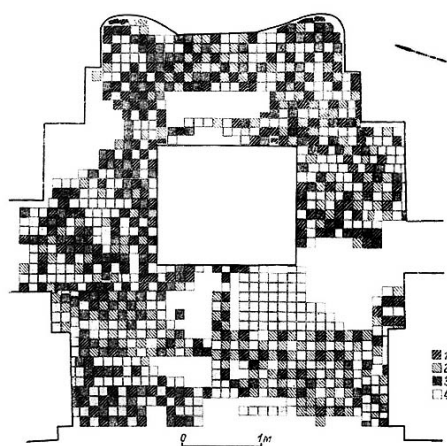

Рис. 156

Плиточный пол центральной апсиды

1 - чёрно-коричневый цвет поливы; 2 - зелёный; 3 - жёлтый; 4 - не определён

Пол центральной апсиды, проход из центральной в северную апсиду и часть пола в северной апсиде были покрыты поливными керамическим плитками (рис. 156, 157). Остальная часть северной апсиды и вся южная апсида имели известковый пол. В центральной апсиде сохранились нижние ряды (один-два) кладки скамьи для священников - "горнего места") имевшего в плане сложную фигурную форму, так как центральное сидище несколько выступало вперёд.

Во всех трёх апсидах обнаружены кирпичные престол и ритуальные столики; размер северного 1 x 1.08 м, центрального - 1 x 1.14 м, южного - 0.85 x 0.87 м. Престол алтаря имел с трёх сторон кирпичную ступень высотой 12 см. Престолы оказались засыпанными внутри землёй, но первоначально они были, видимо, полами. Центральный и северный престол с задней (восточной) стороны были открытыми, без четвёртой стенки, т. е. играли роль шкафов для утвари и книг. Стенки северного и центрального престолов сложены в один кирпич, повёрнутый тычком (т. е. 25-

-292-

Рис. 157

Плиточный пол северной апсиды

26 см), а стенки южного престола - в один кирпич, повёрнутый ложком (20 см). Изнутри центрального престола, в нижней его части, находился ряд кирпичей, поставленных на торец и

служивших как бы облицовкой нижней части его внутреннего пространства. Как показали раскопки, дно внутри этого престола было выложено обломками кирпичей на известковом растворе, ниже шёл слой булыжников толщиной 12 см, также на растворе, а ещё ниже - слои подсыпки под пол, идентичные таким же слоям на других участках здания. Снаружи на всех престолах сохранились остатки штукатурки, а на центральном - следы фресковой росписи ярко-красного и жёлтого цвета.

С трёх сторон к церкви примыкала галерея. От неё сохранились лишь маленькие куски стен. В западной части удалось определить толщину стены галереи - 1.35 м. От её северной стены уцелел небольшой участок, сохранивший лишь внутреннюю лицевую поверхность, от южной - участок с куском наружной поверхности. Внутренних лопаток в галерее не было. По-видимому, их не было и на наружных северной и южной стенах;

-293-

во всяком случае на вскрытом участке южной стены лопатки нет, хотя данный участок находится как раз напротив юго-западного угла церкви. Однако по незначительному обломанному выступу на наружной поверхности западной стены видно, что западный фасад галереи членился лопатками. Внутренняя ширина западной галереи 4.6 м, а северной 4.33 м. Южная галерея была значительно уже, всего около 3.5 м. Следов пола в галерее не обнаружено - он не сохранился.

Вся кладка здания выполнена из однородных красных кирпичей, хорошо формованных, нормального обжига. Сведения С. П. Писарева о плохом качестве кирпичей и раствора не подтвердились. Кирпичи имеют размер 3-4.8 x 16-20 x 24.5-28 см; наиболее распространённый размер - 3.5-4.2 x 17-18.5 x 25-26.5 см. Изредка встречаются кирпичи шириной 14-15 см. В кладке найдены исключительно прямоугольные кирпичи, но в завале - несколько лекальных с округлым краем и трапециевидных.

На кирпичах церкви изредка попадаются выпуклые знаки на торцах. Несколько таких кирпичей обнаружено в кладке; часть знаков выходила на лицевую поверхность, а часть была обращена внутрь кладки. Встречено несколько обломков кирпичей, на постелях которых ещё до обжига были процарапаны рисунки.

Целые кирпичи использованы в основном для выкладки лицевых поверхностей, а внутренняя часть кладки исполнена большей частью из битых кирпичей. При этом горизонтальность рядов выражена довольно хорошо. Можно отметить, что в лицевых рядах кирпичи лежат большей частью тычками к фасаду, а ложки встречаются гораздо реже. Изредка наблюдаются и целые ложковые ряды, но определить закономерность их чередования не удалось. В кладке фигурных частей (столбы, лопатки) хорошо соблюдена перевязка швов.

Близ восточного конца центральной апсиды в завале найдены маленькие кирпичики в форме утюжка, т. е. с одним концом, имеющим заострённую треугольную форму. Размер их 3.4-3.8 x 8-9 x 18-19.5 см. Такие кирпичи изготавливались следующим способом: кирпич обычного формата ещё до обжига надрезался до глубины 1.5 см на три самостоятельных кирпича-утюжка. Некоторые кирпичи найдены неразделёнными, но в большинстве это уже отдельные кирпичики. На одной из постелей их треугольного конца обычно видны следы белой извести. Кирпичи эти, вероятно, применялись для выкладки обрамлений дуг закомар, поребрика аркатурного пояса и бровок над окнами.

Известковый раствор в кладке прочный, жёлто-кремового цвета, с вкраплениями маленьких белых известковых частиц и очень мелких угольков. Песок в растворе скатанный; размер зёрен до 5 мм, хотя встречаются и камни (галька) диаметром более 2 см. Цемянки в растворе нет, но имеются единичные включения кусков кирпича и коричневой глины. Толщина швов раствора 3-4 см, т. е. приблизительно равна толщине кирпичей. Никакой подрезки швов на фасадах не заметно. В нескольких местах отмечено наличие двойных швов раствора, т. е. швов, положенных в два слоя так, что граница между ними отчётливо прослеживается. Такие швы обнаружены над

шестым рядом кладки в северной стене, на уровне пола аркосолия в этой же стене, на уровне верха каменного порога в западном портале и

-294-

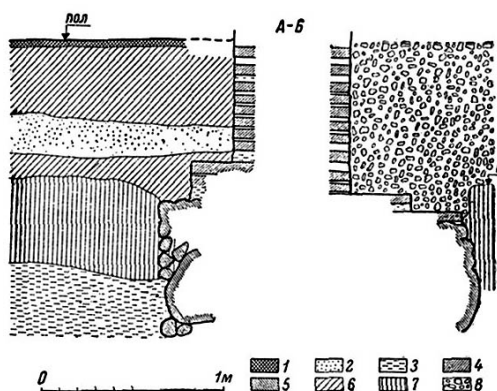

Рис. 158

Прорезка средней части северной стены храма

1 - известковый пол; 2 - песок; 3 - материковая глина; 4 - кирпичи; 5 - камни; 6 - суглинок; 7 - темная земля (древняя почва); 8 - строительный мусор

над шестым рядом кладки выше порога. Двойные швы, очевидно, отмечают периодичность работы строителей; их мы увидим также в храме на Протоке.

В северной стене церкви прослежен канал от сгнившей деревянной связи, имевшей округлое сечение (ширина канала 32 см, высота 22 см, но первоначально высота была, видимо, несколько больше). Связь проходила на расстоянии около 40 см от наружной лицевой поверхности стены и была заложена непосредственно над фундаментом, так что бревно лежало на его пролитых раствором камнях.

Уровень поверхности земли времени строительства здания удалось определить в шурфе у средней части северной стены церкви (рис. 158). Фундаментный ров был открыт на глубину несколько более 80 см от этого уровня. Ров прорезал слой тёмной земли (около 45 см) и входил в жёлтую материковую глину. Ширина рва на данном участке около 2.6 см; стенки его вертикальны. На дно были уложены крупные булыжники диаметром до 60 см, после чего ров был заполнен насухо булыжниками диаметром 10-20 см. Поверх камней на слое глины сделана вымостка в два ряда кирпичей. Эта вымостка несколько уже фундамента. Верх вымостки лежит приблизительно на уровне древней дневной поверхности. Над вымосткой начинается кладка стены; её нижний ряд расположен на слое глины, выше - кладка на известковом растворе. Нижние ряды кладки (особенно с внутренней поверхности стены) имеют тонкие горизонтальные швы (всего 1-2 см), выше - кладка с нормальными швами.

С внешней стороны стены непосредственно от уровня древней поверхности начинается слой строительного мусора, образовавшегося от разру-

-295-

шения здания. С внутренней стороны стены, т. е. внутри постройки, над древней поверхностью земли залегают слои подсыпки под пол: слой суглинка, над ним песчаная прослойка, а выше опять суглинок. Над этими слоями подсыпки лежит древний пол храма, состоящий из двух известковых прослоек: нижней, толщиной около 2.5 см, и верхней, около 1 см. Верхняя

прослойка представляет собой гладко затёртый сверху известковый раствор, очень прочный, пластичный, светло-серый с кремовым оттенком. Раствор однородный, мелкозернистой структуры, состоит из извести и мелкотолчёного известняка (примерно в разных долях). Песка в растворе нет. Имеются включения древесного угля (размеры частиц до 7 мм) и коричневой глины, а также небольшое количество шлакообразных ноздреватых частиц тёмного серого цвета (по-видимому, кусочки ошлакованной при обжиге извести). Нижний слой пола отличается значительно большим содержанием шлакообразных частиц и угля, он более тёмного серого цвета и менее прочен, чем верхний слой. Уровень пола на этом участке на 77 см выше уровня древней поверхности земли.

Керамические плитки пола апсиды были покрыты поливой зелёного, жёлтого или чёрно-коричневого цвета. Плитки квадратные, со сторонами 10.5-11.5 см при толщине 2.3-2.5 см. В изломе плитки чёрные, а поверхностный их слой розово-белый. Плитки были уложены без раствора в слой песка. Из-за небольших различий в размерах плиток и мелких погрешностей укладки диагональная система цветных рядов вымостки во многих местах не выдержана. Уровень поверхности плиточного и известкового полов (там, где они соприкасаются) одинаков.

Помимо квадратных плиток, в завале было найдено несколько треугольных, того же качества, цвета и толщины. Размер их сторон: основание 13 см, боковые стороны по 9.5 см. Одна такая плитка обнаружена в наборе пола - там, где у основания северного престола не поместился ряд целых плиток, и были уложены битые. В таком же положении, т. е. уложенными вместе с битыми плитками, были найдены три обломка, относящихся к какому-то другому набору. Два из них - обломки узких (ширина 4 см), дугообразных в плане плиток, покрытых жёлтой поливой с небольшими зелёными кружками. Третий обломок совершенно особого типа: это длинная и довольно узкая плитка (ширина 6.5 при толщине 2.7 см, сохранилась в длину на 11 см), покрытая жёлтой поливой с зелёными кружками; она имеет треугольные в плане впадины глубиной около 1 см (одна впадина целая, вторая - на месте облома плитки). Во впадинах есть остатки раствора; вероятно, он "инкрустировался" туда, образуя белые треугольники на жёлтом фоне.¹⁴⁾ Впрочем, возможно, что с помощью раствора в этих отверстиях закреплялись какие-либо цветные вставки.

При раскопках найдено большое количество мелких фрагментов штукатурки со следами фресковой росписи (рис. 159).¹⁵⁾ Местами живопись об-

¹⁴⁾ Подобный в принципе приём известен из более поздней строительной практики - пол из квадратных кирпичных плиток с врезным орнаментом, заполненным белым гипсовым раствором, в храме архангела Михаила в Нижнем Новгороде (1359 г.) (Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV вв. Т. 2. М., 1962, с. 212-213. рис. 102, 103).

¹⁵⁾ Воронин Н. Н. Смоленская живопись 12-13 веков. М., 1977, с. 105.

Рис. 159
Фрагменты фресок на полу центральной апсиды

наружена и на стенах. К сожалению, стены церкви сохранились на очень небольшую высоту, и поэтому фрагменты росписей лишь в редких случаях имели в высоту до 60-70 см. Наибольшие участки живописи сохранились на юго-западном столбе.

Толщина штукатурного грунта росписей от 1 до 6 см. Он почти всюду однослоен. Лишь в нижней части западной стены встречена штукатурка, имеющая два слоя, каждый по 1.5 см; оба слоя одинакового цвета и состава. В завале найдено несколько железных гвоздей с широкими шляпками, использовавшихся для крепления штукатурки к сводам.

При раскопках собрано много обломков крупных сосудов-голосников; большинство из них имеет на наружной поверхности следы раствора. Это в основном амфоры, но найдены и специально изготовленные широкогорлые сосуды чёрно-коричневого цвета, выполненные в технике ленточного налёпа с обварной наружной и необработанной внутренней поверхностью.

Церковь на Окопном кладбище вся, включая галерею, была сооружена одновременно. Об этом свидетельствует не только полная идентичность строительной техники, но и тот факт, что кладка пилонов, обращённых к западной галерее (и безусловно с ней связанных), выполнена вперевязь с кладкой западной стены основного здания храма. При раскопках отмечено и несколько участков кладки, исполненных позднее основного строительства: это прикладки к юго-западному столбу, к пилону западной стены, в проходе из центральной апсиды в южную и в аркосолии северной стены.

К юго-западному столбу храма примыкают две прикладки. Назначение их неясно. Они не могли укреплять своды, ибо не имели фундамента и опирались на деревянный брус (шириной 44, высотой 14 см), от которого оста-

-297-

лась пустота. Между этими прикладками вертикально стоял другой брус (отпечатки его волокон сохранились на боковой стенке одной из прикладок). С технической точки зрения, прикладки совершенно тождественны основному столбу и были сделаны, видимо, почти сразу же по окончании строительства самой церкви, ещё до того, как она была расписана. Это явствует из того, что штукатурка покрывает столб уже вместе с прикладками, а роспись образовала общую систему, причём вертикальный брус, зажатый между прикладками, был покрыт штукатуркой и расписан вместе со столбом. На восточной стороне восточной прикладки сохранился фрагмент росписи орнаментального характера.

Пилон (размер в плане 1.25 x 1.35 м) был пристроен к лопатке западной стены, обращённой в сторону галереи, уже после того, как церковь была расписана. Более того, какие-то участки росписи были, видимо, сбиты при возведении пилона, поскольку в кладке здесь обнаружены мелкие кусочки штукатурки со следами росписи. Кирпичная кладка пилона мало отличается от кладки основного здания, но обработка её поверхности несколько иная: на фасадах пилона видна косая подрезка швов сверху, чего нет на фасадах основного объёма храма.

Проход между средней и южной апсидами сужен до 60 см прикладками (толщиной в один кирпич) из такого же кирпича, как сама церковь, но на растворе более серого цвета. Прикладки сделаны к уже оштукатуренным поверхностям первоначального прохода. Их смысл неясен. В более позднее время произведена и сплошная закладка аркосолия в северной стене. Она выполнена из такого же кирпича, как основное здание, но на очень плохом растворе с большим количеством золы.

3

Судя по особенностям плана, технике кладки и формату кирпича, церковь на Окопном кладбище была построена в конце XII - начале XIII в. Она имеет много особенностей, сближающих её с церковью на Протоке. Так, в этих храмах совпадает очень своеобразная форма плоских алтарных апсид прямолинейного очертания. Сходна и система профилировки. На

западном фасаде обоих храмов есть мощные плоские лопатки-пилоны, в то время как лопатки на северном и южном фасадах двухступчатые. В галереях отсутствуют лопатки на наружных боковых стенах при их наличии на западном фасаде. Можно отметить и ещё более детальные совпадения в чисто церковной организации здания. Так, в древних смоленских церквях обычно существует лишь один кирпичный алтарный престол в центральной апсиде, в то время как в обоих этих храмах имеются кирпичные престолы и в боковых апсидах. За главным престолом в них проходит полоса, отмечающая место подставки, где, вероятно, стоял большой запрестольный крест (или икона). В церкви на Окопном кладбище - это прямоугольное пространство (шириной 0.25 м, длиной около 1.3 м), чётко вырисовывающееся благодаря отсутствию на нём половых плиток. Судя по тому, что на краях здесь уложено несколько половинок плиток, ясно, что пространство это и первоначально не имело плиточного пола. Наконец,

-298-

в обоих памятниках совпадают некоторые технические детали, например применение двойных швов на границах последовательных "захваток" кладки в процессе постройки.

Всё сказанное убеждает, что перечисленные совпадения не случайны и что оба храма - церковь на Окопном кладбище и церковь на Протоке - были построены в очень близкое время и, видимо, одной строительной артелью.

Реконструкция плана церкви на Окопном кладбище в целом не вызывает сомнений, так как все основные элементы плана сохранились. Недостающие южная стена, апсида и северо-западный подкупольный столб могут быть восстановлены по уцелевшим симметричным частям. Форма центральной апсиды определяется по очертанию фундаментного рва. Наружное очертание боковых апсид приходится брать по аналогии с храмом на Протоке. Возможно, что центральная апсида имела, как и церковь на Протоке, угловые лопатки, хотя эти лопатки не отмечены раскопанной линией фундаментного рва.

Очень трудно достаточно достоверно определить план галереи, хотя основные её размеры зафиксированы благодаря найденным кускам кладки. Здесь кое-что приходится дополнять по аналогии, без достаточно твёрдых оснований. Порталы галереи на реконструкции показаны с такой же уступчатой амбразурой, как раскопанный западный портал храма. Очень возможно, что обломок кладки наружной части западной стены галереи, найденный на оси северных столбов, отмечает не лопатку (как это показано на реконструкции), а начало западного притвора, подобного притвору церкви на Протоке. Проверить это раскопками оказалось невозможно. Неизвестно, как заканчивались галереи с востока, не было ли здесь выделенных внутренних приделов, как в церкви Ивана Богослова.

Сохранившиеся части памятника свидетельствуют, что его план имел много неточностей и искривлений, стены были не вполне прямолинейны и, по-видимому, не точно параллельны друг другу. Естественно, что эту кривизну плана из-за недостатка данных показать нельзя, что делает предлагаемую реконструкцию несколько схематичной.

-299-

Собор на Протоке

1

Этот памятник стал известен науке более ста лет тому назад. В восточном предместье Смоленска, в полях за р. Рачевкой, высился огромный "курган", прикрывавший руины неведомого древнего здания. Он привлёк внимание строителей Орловско-Витебской железной дороги, которые в 1867 г. начали использовать его как карьер для добычи щебня. Вскоре открылись части стен и столбов разрушенного храма, сложенного из тонкого кирпича-плинфы и сохранившего местами на стенах значительные остатки древней живописи. Разрушение холма приостановили, и в 1867-1869 гг. были проведены его частичные раскопки под руководством учителя смоленской гимназии М. П. Полесского-Щепилло. В 1868 г. раскопки посетил А. С. Уваров, порекомендовавший, кроме вскрытия вдоль стен здания, пересечь холм крест-накрест траншеями, что и было выполнено. Отчёт о работах Полесского-Щепилло почти полностью опубликован.¹⁾ Нужно отдать должное скромному смоленскому любителю-археологу. Без всякой подготовки в области методики раскопок он осуществил их на достаточно по тем временам высоком научном уровне, проявил большую осторожность и сделал ряд наблюдений над строительной техникой и архитектурой храма. При всём своём несовершенстве эти раскопки дали первые сведения о памятнике, который не был тогда вскрыт до конца и представлялся исследователю обычным четырёхстолпным храмом с притвором ("трапезной") и погребальными аркосолиями в стенах (рис. 160). Храм сохранялся до начала сводов хор. Большой интерес имело открытие на стенах и в аркосолиях фрагментов древней стенописи. В нижнем регистре росписи, судя по примитивным акварельным копиям, была декоративная панель: подражание инкрустации стен цветным камнем ("полилития") и ярус белых завес; аркосолии занимали композиции деисуса, или моления.²⁾ В. в. Суслов в 1889 г. очень бегло осмотрел руины храма; согласно его зарисовке, храм представлялся ему с тремя обычными полукруглыми апсидами. Он дал следующее заключение: "Всё, что было интересного в этом храме, видимо, было извлечено при первоначальных раскопках, так что дальнейшие исследования

¹⁾ *Полесский-Щепилло М. П.* Раскопки развалин древнего храма св. великомученицы Екатерины в восточном предместье г. Смоленска. - В кн.: Памятная книжка по Смоленской губернии на 1870 год, Смоленск, 1870. Рукописный отчет см.: ЛОАИА, ф. 1, 1867, д. 7. См. также: *Полесский-Щепилло М. П.* Развалины храма на восточной стороне Смоленска. - СГВ, 1867, № 37 (статья перепечатана: Древности. Археологический вестник. М., 1867, с. 188-190). - Наименование памятника храмом Екатерины ошибочно, на что указал ещё С. П. Писарев (*Писарев С. П.* Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898, с. 173). У местного населения руины назывались "Большой Спас на Окопах". Мы принимаем название храма по географическому признаку. Он находился около ныне исчезнувшего ручья Протоки. На другой Протоке стоял расположенный восточнее Духов монастырь.

²⁾ ЛОАИА, разр. 1, № 1088. - О росписи храма см.: *Воронин Н. Н.* Смоленская живопись 12-13 веков. М., 1977.

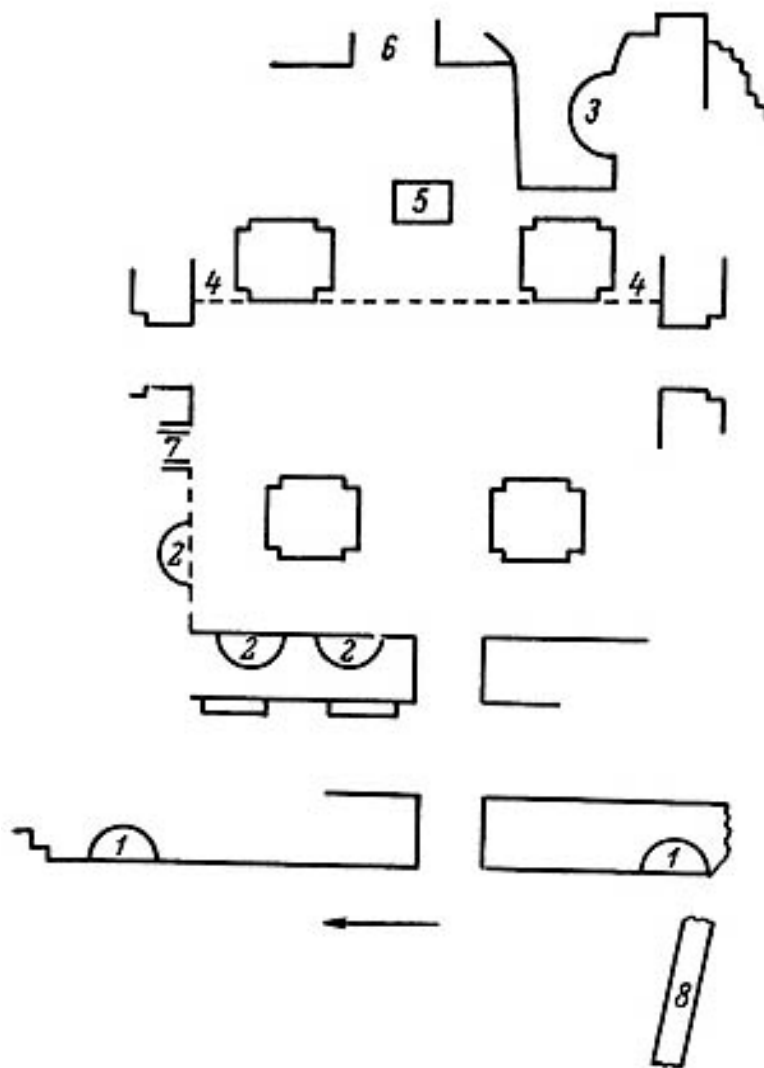

Рис. 160

Собор на Протоке. По М. П. Полесскому-Щепилло

1 - ниши в трапезной; 2 - ниши в северо-западной части храма; 3 - ниша в правом отделении алтаря; 4 - линия иконостаса; 5 - престол; 6,7 - окна; 8 - остаток стенки внешней стороны храма

этого храма, по моему мнению, не представляют научного интереса. Охранение же существующих ныне столбов и частей стен также надо считать лишним, ибо научных данных в них очень мало, а между тем поддержание развалин потребует ежегодных расходов".³⁾ К счастью, земля сберегла их: величавый "курган" с поднимавшимися над его изрытой поверхностью бесформенными массивами столбов сохранил в своей толще до наших дней многое, чего не успели вскрыть в 1867-1868 гг.⁴⁾

³⁾ ЛОАИА, ф. 1, 1867, д. 7, л. 11 об.

⁴⁾ Без всяких к тому оснований М. К. Каргер считал, что "в настоящее время никаких видимых остатков этого интереснейшего памятника не сохранилось" и что якобы лишь "в 1961 г. при строительных работах вновь были обнаружены руины храма, раскопанные в 1867 г." (Каргер М. К. Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, с. 110, прим. 68).

Рис. 161

Собор на Протоке. Раскопки западной части комплекса. Фото 1962 г.

Как ни огорчительно, но нужно признать, что, как и сто лет назад, толчком для нового изучения руин послужила повторившаяся в 1960 г. угроза их разрушения: застройка города подошла вплотную к холму, и он начал использоваться как карьер щебня для дорожного строительства.

В 1962 г. нами были начаты археологические раскопки, результаты которых превзошли самые смелые ожидания. В 1962-1963 гг. храм был раскопан полностью (рис. 161-163).⁵⁾ Осталось не вскрытым лишь несколько внутренних участков. Не разобрана упавшая стена южной галереи, ибо позже её, может быть, смогут поднять целиком; на её внутренней (нижней) стороне возможны остатки росписи (рис. 164). Не раскопан небольшой участок внутри храма перед южным порталом, вскрытый М. П. Полесским-Щепилло. Им же был исследован весь северо-западный угол храма, а столб разрушен до основания, так что на его месте осталась видная и сейчас впадина. Проба слоя на этом участке показала, что он весь перерыт и содержит находки XIX в., а пол разбит. Поэтому северо-западная чет-

⁵⁾ Предварительные публикации см.: *Воронин Н. Н.* 1) Памятник смоленского искусства XII в. - КСИА, 1965, вып. 104, с. 18; 2) К истории смоленского зодчества XII-XIII вв. - В кн.: Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967, с. 89.

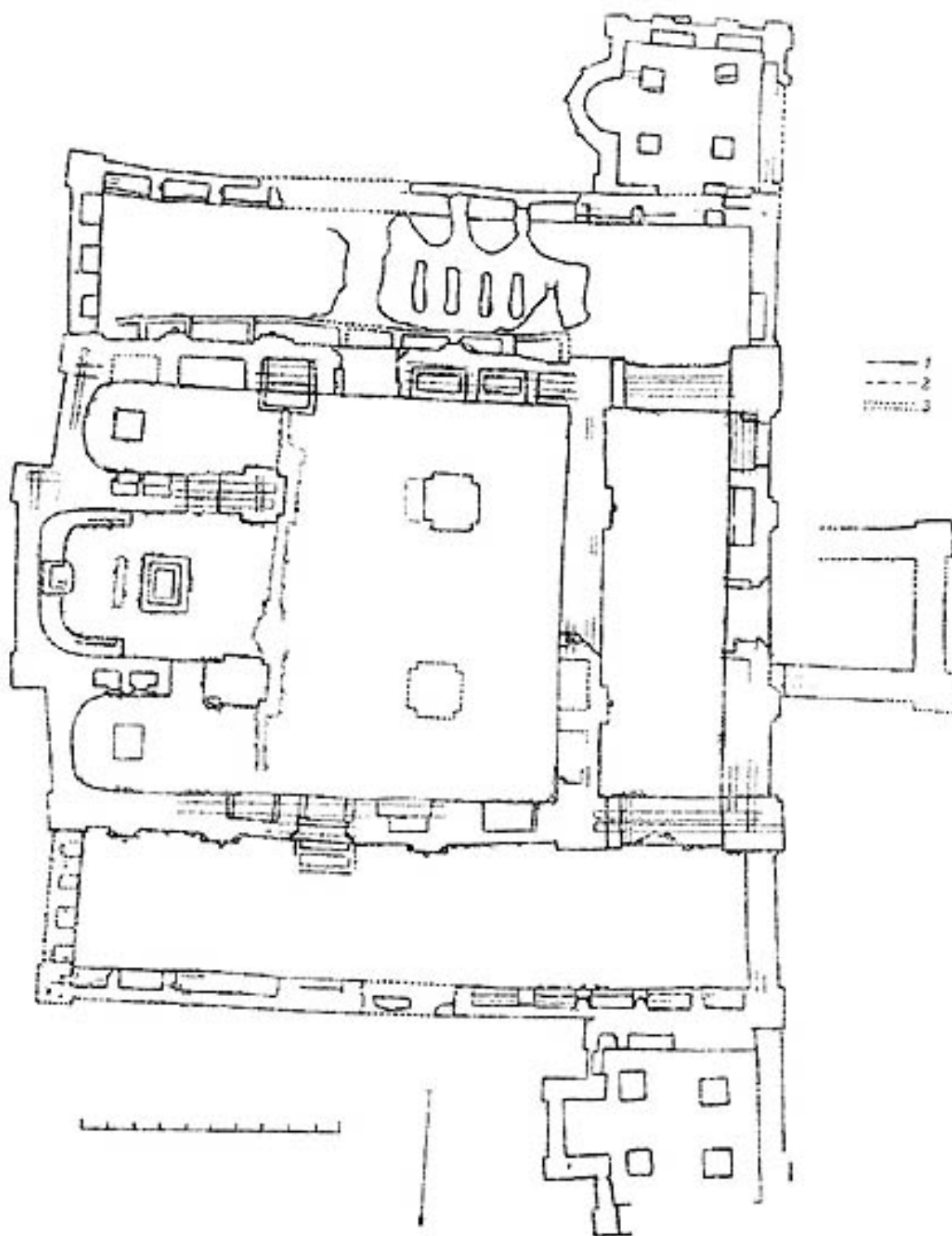

Рис. 162

Собор на Протоке. План раскопанного здания

1 - сохранившиеся стены; 2 - реконструируемые участки стен; 3 - каналы связей

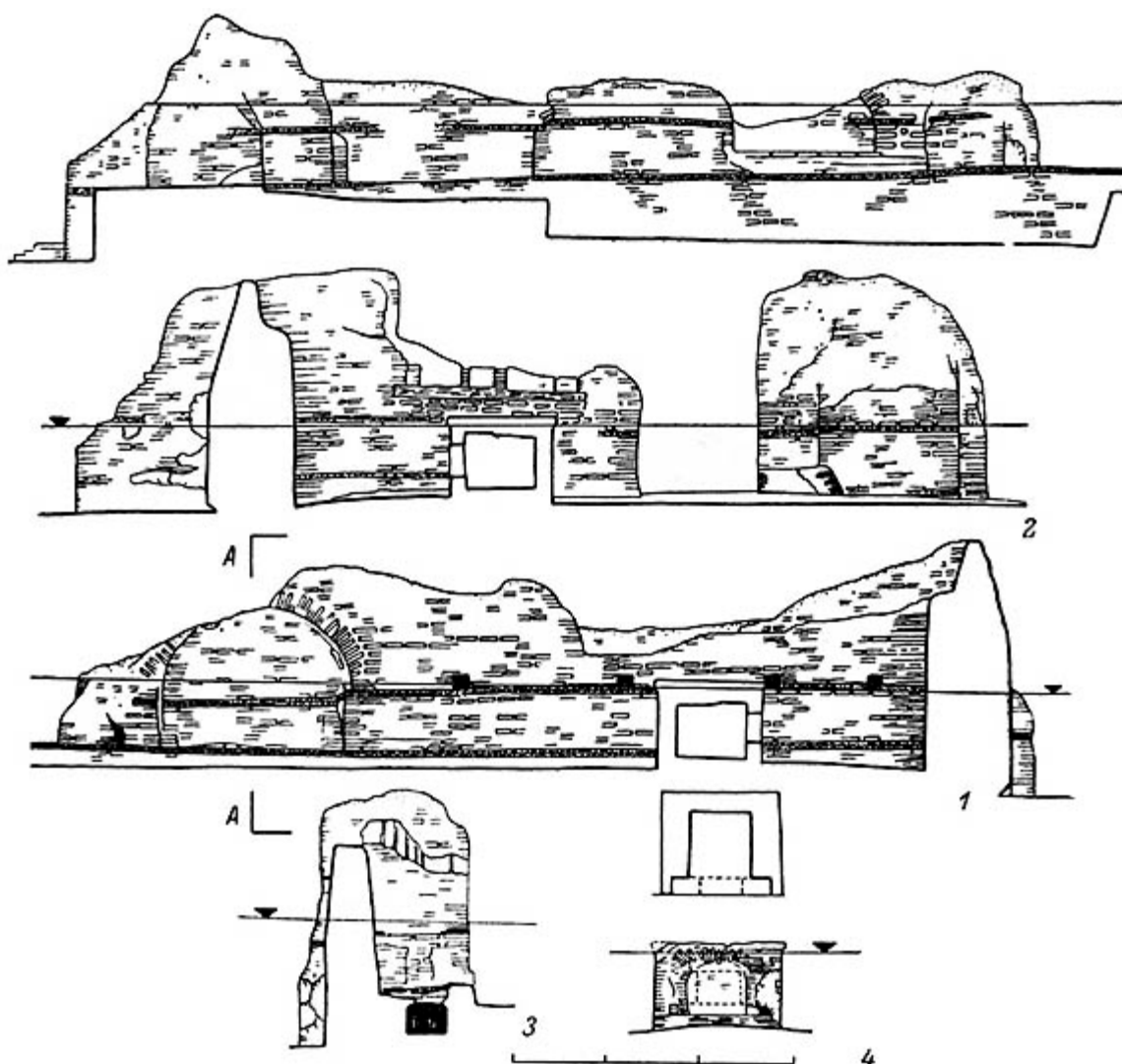

Рис. 163

Северная часть храма

1 - внутренний фасад северной стены храма; 2 - фасад южной стены северной апсиды; 3 - разрез аркосолия (по линии А - А); 4 - план и восточный фасад ритуального стола в северной апсиде;
[В книге рисунок размещен на 304 и 305 страницах]

верть храма вскрывалась лишь траншеей вдоль стен. В восточной половине северной галереи оставлен обойдѣнный вдоль стен траншеями массив руин.

Храм построен на второй надпойменной террасе Днепра в устье глубокого сухого лога, опускающегося к Днепру и поднимающегося к югу в сторону высоких холмов, окаймляющих днепровскую долину. Ручей, который протекал к западу от руин, ещё сто лет тому назад носил название Крупца, а позже именовался Протокой. Как установлено обмерами, древняя строительная площадка имела уклон к ручью, равный с востока на запад 1.3 м.

2

Раскопанное здание - большой четырёхстолпный храм, несколько вытянутый по оси восток - запад. С трёх сторон к нему примыкает галерея, западная часть которой выделена в самостоятельное членение - как бы нартекс храма. К этому нартексу с запада пристроен притвор. К северо-западному и юго-западному углам комплекса примыкают маленькие четырёхстолпные храмики. Общая длина храма с нартексом 29.75 м, ширина 19 м, ширина внутри (у западной стены) 15.4 м. Продольный размер подкуполь-

ного прямоугольника 6.15 м, поперечный 5.75 м. Ориентация продольной оси храма по азимуту 89°.

В структуре здания наиболее необычна прямоугольная форма апсиды алтаря, очень слабо (1.5 м) выступающей из объёма храма и ограниченной по углам скупыми плоскими лопатками. В связи с этим и внутренний контур алтарной апсиды почти прямолинеен и лишь скруглён в углах. Видимо, необычным было и освещение алтаря большим окном в середине апсиды.⁶⁾ К алтарной апсиде примыкают прямолинейные, несколько скошенные к западу, как бы "покатые плечи" стены жертвенника и дьяконника, также с угловыми лопатками. Внутреннее пространство боковых апсид ограничено такими же пологими кривыми, как и в центральной апсиде. В середине алтарной апсиды сохранился низ кирпичной коробки престола (1 x 1.49 м) с обходящей его ступенькой. В 0.7 м к востоку от престола в полу - узкая, строго прямоугольная выбоина (0.26 x 1.85 м). Под ней нет никакого фундамента; вероятно, это место деревянного постамента для запрестольной иконы или креста.

У восточной стены алтарной апсиды вскрыто полуразрушенное кресло игумена (1.3 x 1.5 м), сложенное из плинфы на очень слабом изве-

⁶⁾ *Полесский-Щепило М. П.* Раскопки развалин..., с. 11 (было "открыто значительной величины окно").

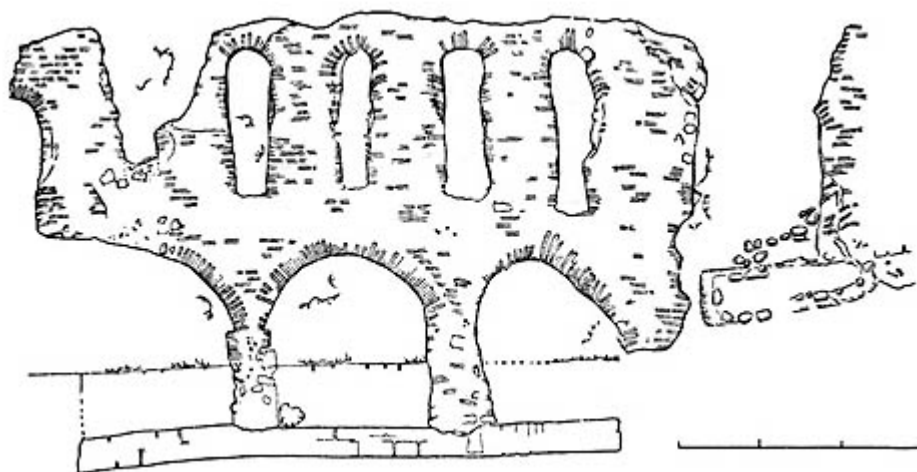

Рис. 164

Упавшая южная стена галереи

стковым (без цемьянки, но с углём) сероватом растворе, имевшее локотники и широкое (0.31 м) с закруглёнными углами подножие высотой 0.15 м. Кладка кресла сохранилась на высоту до 0.7 м; на её наружной обмозке заметны слабые следы коричневой окраски. По сторонам кресла уцелели на высоту от 0.23 до 0.56 м полуразрушенные основания скамьи для клира, шириной 0.7 м, расширенные около кресла до 0.9 м. Скамья сделана в основе из булыжника и обложена той же плинфой и на том же растворе, что и кресло; она также имеет ступень подножия шириной 0.23 м. Высота самой скамьи 0.56 м. Седалище заканчивалось спинкой и с западных концов локотниками (след сохранился на южной скамье). Плинфа кресла и сидалища (3-4 x 19 x ? см)

отлична от плинфы храма; она к тому же очень плохого качества и легко крошится: очевидно, строители использовали для части, не имеющей конструктивного значения, плинфу второго сорта. На скамьях, как и на кресле, есть следы обмазки, сохранившей местами окраску охристого тона. Седалище в целом приложено не вплотную к стене, а с зазором в 0.1 м, забитым песком, в котором встречены обломки кухонных горшков XII-XIII вв. с "семечковым" орнаментом.

Северная апсида храма (жертвенник) сохранилась на значительную высоту, местами более 2 м (рис. 165). В её середине уцелела коробка ритуального стола (площадью 1.12 x 1.25 м, высотой от пола 0.91 м), сложенного в один кирпич из плинфы. Верхняя поверхность имеет небольшой напуск, образуя нечто вроде карнизика; она выложена в виде чрезвычайно плоской арки в один кирпич. Снаружи стол гладко обмазан сероватым известковым раствором, но не покрашен. Внутри он пустотелый и использовался как служебный шкаф: проём, обрамлённый сверху и снизу брусьями, тщательно оштукатурен. В заполняющей шкаф земле найдена бронзовая книжная накладка; значит, в нем хранились богослужебные книги. В южном простенке жертвенника сделаны две глубокие служебные камеры для хранения церковной утвари, шириной 42 (восточная) и 53 (западная) см.

-306-

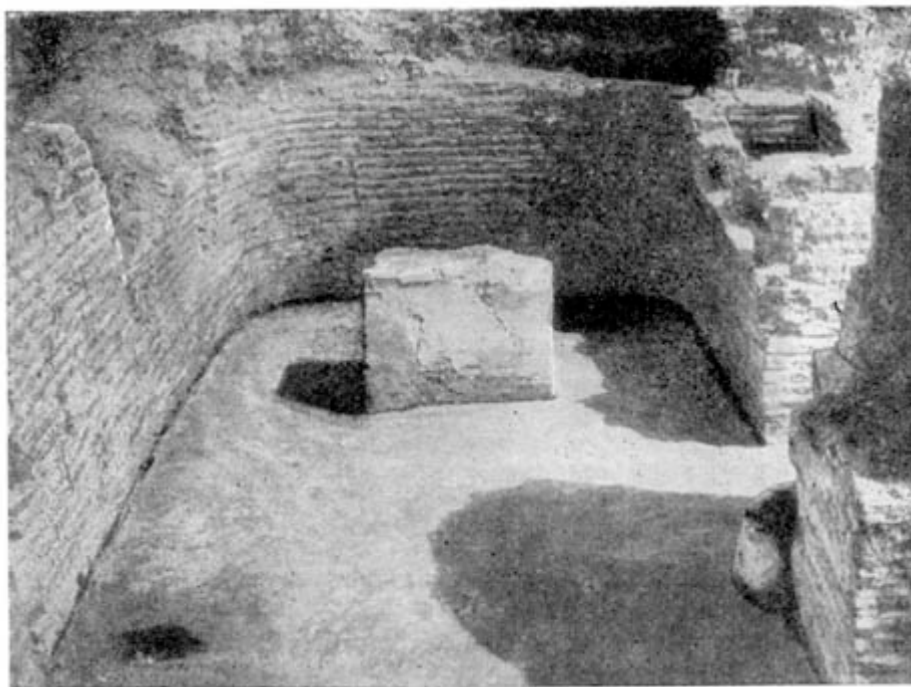

Рис. 165

Северная апсида храма. Снимок сделан после снятия со стен фресковых росписей

Их амбразуры оформлены как уступчатые ниши. Камеры были невысоки и перекрывались толстыми брусьями-горбылями.

Любопытной архитектурной деталью жертвенника является своего рода чаша в виде сложенной из кирпичного боя на растворе воронки, имеющей в плане очертание несколько более четверти окружности, вкомпанованной в закрестье столба и запущенной ниже уровня пола (рис. 166). Толщина стенки 10 см, вышина от пола 37 см, углубление под пол 38-40 см; воронка проходит сквозь слой песчано-глинистой подсыпки и упирается в подстилающий его пласт строительного мусора. Внутренность воронки заполнял жирный чёрный перегной с примесью мелкого угля (из кадила?); здесь встречены мелкие обломки горшков XII-XIII вв., глиняного

блюдца со следами желтой поливы, с загнутыми внутрь краями и параллельным орнаментом, кусочек свинца.

В центре южной апсиды храма (дьяконника) на расстоянии 1.2 м от её восточной стены сохранилось основание служебного стола размером 1.15 x 1.1 м. Его наружная штукатурка переходила внизу в известковую заливку пола, т. е. и пол, и отделка престола делались одновременно. Для хранения облачения служили две большие и глубокие сводчатые ниши в южной стене дьяконника, устроенные на высоте 1.05 м от пола. Две лучше сохранившиеся меньшие ниши сделаны в северной стене дьяконника

-307-

Рис. 166

Чаша в основании северо-восточного столба

на высоте 1.15 м. Они разделены простенком в один кирпич (22 см). Дно ниш затёрто раствором, а ближе к лицевой стороне в уровне дна лежали продольные плахи толщиной 12, шириной 41 см, заведённые в кладку торцовых стенок.

Очень важная подробность интерьера храма - материально засвидетельствованная алтарная преграда; она читается в плане по вырубленной в известковом полу полосе шириной 35-40 см, проходящей по линии западных закрестий восточных столбов. Доказательством того, что преграда входила в закрестья и крепилась в них, является отсутствие здесь росписи. Как показала расчистка низа юго-западной крестовины юго-восточного столба, тут делались какие-то конструктивные крепления, ныне не совсем понятные.

По соседству с закрестьем встречены обломки штукатурки с отпечатками на их тыльной стороне вертикально стоящих кругляшей диаметром 6-8 см. Возможно, что деревянная преграда имитировала каменную с её колонками и архитравом. Перед западными плоскостями восточных столбов преграда образовывала выступ к западу на 45-50 см: об этом говорят расширенные регулярные по очертаниям выбоины пола. Правда, плоскости столбов были расписаны и преграда закрыла бы цветную панель. Проходы в боковые апсиды были, по-видимому, сдвинуты вплотную к северной (вырубка кончается, не дойдя до стены) и южной стенам: здесь место прохода заняла гробница, в северной стенке которой есть углубление, - в растворе отпечатались

пять граней вертикального стояка и торец горизонтального бруса с пазом (или двух брусьев) порога алтарной преграды. Преграда была лёгкой, деревянной. Как показал шурф с южной стороны юго-восточного столба, она не имела никаких фундаментных субструкций. Солеи

-308-

перед ней не было, но в проходе из алтаря в жертвенник известковый пол поднимался на одну ступеньку в 12 см.⁷⁾

Четыре крестчатых столба, определяющих центральное пространство храма, поставлены не точно. При "размерении основания" произошла какая-то ошибка, и подкупольный прямоугольник дал перекося, так что северо-восточный столб сильно сдвинулся к востоку. В связи с перекося и восточные части северного фасада резко сдвинулись к востоку, отчего его восточное деление стало в два с лишним раза короче симметричного ему деления южного фасада. Важно подчеркнуть, что нет отвечающих столбам внутренних лопаток - это существенно для суждения о характере интерьера.

Нижние части стен храма целиком заняты аркосолиями. Их здесь 11, по четыре в южной и западной и три в северной стене. Они сооружены одновременно с кладкой стены, т. е. собор с самого начала был задуман как мавзолей-усыпальница, что, как увидим, было функцией и примкнувших к нему галерей. Арочные ниши аркосолий имели выложенные в их основаниях гробницы. Мнение, что лицевые стенки гробниц клались позднее, не оправдалось. И аркосолий, и гробница штукатурились одновременно и в этом виде ждали своего "жильца".

В западной трети храма были хоры. Раскопки 1867-1868 гг. ещё застали западные столбы сохранившимися до начала подпружных арок хор - "арковый загиб начинался на трёхаршинной (2.14 м) высоте от пола".⁸⁾ Как попадали на хоры, неясно. В стенах под ними внутристенной лестницы быть не могло, так как нижние части стен занимали погребальные аркосолия. Можно думать, что пол хор, в отличие от известкового пола храма, был выложен майоликовыми керамическими плитками, которые встречались главным образом в верхней зоне завала руин.⁹⁾

Кроме деревянной алтарной преграды, в интерьере храма была ещё одна деревянная деталь: вероятно, скамья почётного (может быть, ктиторского) сидалища с восточной стороны юго-западного столба, где известковый пол также имеет прямоугольную выемку.¹⁰⁾ Следует отметить, однако, что эта сторона столба имела декоративную роспись от самого пола.

Фасадные членения храма традиционны: углы храма прикрыты широкими лопатками, ясно определяющими границы основного храмового объекта. Осям столбов отвечали пилястры сложного профиля. Низ пилястры

⁷⁾ Упомянем здесь находку в алтарной части. Около юго-восточного столба найдена бронзовая прорезная лопаточка с крестом в центре для "печатания" просфор. Любопытно, что в граффити на изображении Николы в жертвеннике упомянута и сама пользовавшаяся этой лопаточкой просвирия ("... русалное недѣли взяла проско[урница]...").

⁸⁾ *Полесский-Щепило М. П.* Раскопки развалин..., с. 10.

⁹⁾ Там же, с. 21. - Исследователь относил их к полу "верхней церкви" (т. е. хор).

¹⁰⁾ Любопытно, что подобное расположение ктиторского кресла встречается в русской архитектуре и гораздо позже. Следует упомянуть, например, царское место Ивана Грозного в московском Успенском соборе. В бесстолпной шатровой церкви в с. Кушалино (конец XVI в.) место заказчика храма находилось также напротив правой трети иконостаса, где была расположена храмовая икона богородицы (*Раннопорт П. А.* Русское шатровое зодчество конца XVI века. - МИА, 1949, № 12, с. 261).

-309-

образовывал как бы её мощный прямоугольный цоколь вышиной до уровня порогов порталов. Выше пилястра "расслаивалась" на верхнюю плоскость со скруглёнными углами, выложенными из лекального кирпича, и нижнюю - прямоугольную. Профиль завершала узкая (прямоугольная или в виде полуколонки) тяга, от которой сохранились во всех случаях лишь следы - хвостовые концы кирпичей. Порталы имели ступенчатую амбразуру (уцелели косяки северного и южного порталов; разрушенный западный был несомненно таким же). Единственный обломок криволинейной плинфы в четверть окружности и плинфы в виде остrokонечных "утожков" свидетельствуют о наличии горизонтального пояса аркатуры и поребрика, вероятно, в уровне пят закомар. Стены храма снаружи были покрыты штукатуркой охристого тона.

В описанном виде четырёхстолпный храм был вполне законченным зданием и мог существовать, не нуждаясь в обстройках. Однако с запада к его угловым, уже оштукатуренным лопаткам была пристроена широкая (4.9-5 м) часть со своим двухступчатым порталом, двумя ступенчатыми же фасадными лопатками (по осям столбов храма) и широкими угловыми лопатками на углах, дублирующими лопатки углов храма. По толщине стен (1.5 м) пристройка ему почти не уступает. В её западной стене (более толстой в северной половине) были сделаны четыре погребальных аркосолия. В таком виде пристройка может быть названа нартексом храма, который, однако, не стал от этого добавления шестистолпным; нартекс отделялся от основного храма глухой стеной с порталом, а уровень его пола был ниже храмового на 50 см. Торцовые (южная и северная) стороны пристройки, видимо, не имели сплошных стен, а образовывали простенки с арочными проходами. Для их опоры к угловым лопаткам храма были сделаны прикладки толщиной 0.5 м, а в пролётах заложены как бы основания простенков (шириной 1.7 и 1.85 м) из плинфы с парными деревянными связями (30 см в сечении), заштрабленными в прикладку и лопатку храма и перевязанными с двойными же связями западной стены. В северном простенке связи были соединены дополнительным поперечным прогоном на расстоянии 64 см от угловой лопатки храма. Ниже плинфяной кладки под связями идет слой известково-цемячного раствора, перекрывающий фундамент, сложенный из булыжника насухо. Таким образом, если это не ленточный фундамент (который смоленские зодчие редко применяли), то это действительно основание какого-то простенка с арочным проёмом для связи с галереями (в момент строительства нартекса ещё отсутствовавшими). По словам местных жителей, до разрушения юго-западной части комплекса в 1960 г. здесь якобы возвышались остатки стены, отделявшей "угловую комнату" (т. е. западное членение южной галереи) и даже сохранявшей на внутренней (северной) поверхности остатки росписи. М. П. Полесский-Щепилло также упоминает об относительно тонкой стене, примыкавшей к юго-западному углу храма; её исследователь принимал "за остатки крещатика (крещальни, - Н. В., П. Р.) или за фундамент лестницы, которая вела в верхнюю церковь (т. е. на хоры)".¹¹⁾ Возможно, что северный и южный проёмы нартекса были открыты не целиком, а забраны лег-

¹¹⁾ *Полесский-Щепилло М. П. Раскопки развалин..., с. 12.*

кими стенками с арочными проходами. Таким образом, западная четверть храма хотя и сообщалась через проходы с боковыми галереями и играла роль усыпальницы, но галереей всё же названа быть не может. Это, действительно, скорее своеобразный нартекс (5 x 15 м), только резко отделённый от основного помещения храма.

На всей площади нартекса хорошо сохранился положенный на песчано-глинистой подсыпке белый, известковый, сильно потрескавшийся пол. Никаких следов кирпичной вымостки или настила майоликовых плиток нет. Известковая обмазка загибается на западную стену и при подходе к южному простенку. Только перед западным порталом под известковым полом сделана плинфяная отмостка на булыжной подкладке (0.65 x 2.8 м), возможно для предполагавшихся кирпичных ступеней (здесь порог портала, как и двух остальных, выше пола нартекса на 50 см).

С запада к portalу нартекса примыкал несколько вытянутый по оси восток-запад (4.25 x 5.75 м) притвор с плоскими лопатками на углах. Он также был пристроен впритык к уже оштукатуренной стене нартекса, причём к ней сначала тоже были сделаны прикладки (сохранилась северная), смысл которых неясен и в которые заштраблены связи. Портал не уцелел. Внутри притвора был такой же, как в нартексе, гладкозатёртый известковый пол. Судя по остаткам упавшего перекрытия, притвор имел полуциркульный свод с шельгой по оси восток-запад.¹²⁾

Описанная постепенная последовательность пристройки западных частей комплекса впритык к уже оштукатуренным стенам (нартекс - к храму, притвор - к нартексу) отнюдь не говорит об их позднейшем появлении, изменившем первоначальный облик четырёхстолпного храма. Напротив, всё это части единого замысла, но различные по величине и конструктивному обеспечению. Конструктивная независимость нартекса от храма свидетельствует о том, что он был меньше по высоте, что определяло его самостоятельную осадку. Точно так же и самый мелкий элемент комплекса - притвор - был не связан со стеной нартекса. Это раскрывает существеннейшую черту композиции объёма - её ярусную ступенчатость, особенно выразительную при взгляде с запада.

Северная галерея, как и южная, приложена впритык к угловым лопаткам храма и нартекса. Её несколько скошенная восточная стена имеет четыре служебные прямоугольные ниши, из которых правая (южная) перекрыта аркой в четверть окружности. Возможно, что первоначально было всего две большие ниши, но, затем их сводики усилили подпирающими кирпичными простенками. Низ южной ниши заложен очень пёстрым и странным материалом - обломками толстой (6 см) плинфы и прочного, заглаженного с одной стороны раствора. В северо-восточном углу в северной стене есть ещё одна ниша с отходящим в толщу восточной стены тайником. Все ниши сохранили следы росписи.

¹²⁾ По-видимому, притвор вскрывался в 1867 г., но был оставлен без внимания. О нём сообщается так: "Раскопка кургана с западной стороны здания обнаруживает теперь остатки довольно узкого крыльца, распавшейся колокольни и отброшенных треугольных плиток штучного пола" (ЛОАИА, ф. 1, 1867, д. 7, л. 3).

-311-

В северной стене галереи было девять аркосолий; возможно, что ещё пара аркосолий находилась в западной стене. При постройке галереи рельеф стенных лопаток был стёрт под роспись. Пол галереи лежал ниже порога храмового портала на 70 см, и здесь, наверно, как и перед западным порталом, была деревянная или кирпичная лестница. Кроме входа со стороны нартекса, галерея имела свой портал в северной стене, от которого уцелела лишь площадка против храмового портала. В западном конце северной стены на уровне пола есть загадочное сквозное круглое отверстие; возможно, оно служило для отвода талых или дождевых вод во время строительства. Это место самой низкой отметки уровня пола.

Фасад галереи не имел лопаток, что свидетельствует о большом количестве оконных проёмов, как это увидим и в южной галерее; о том же говорят и многочисленные обломки крупного растительного орнамента на белом фоне, тождественного орнаменту окон в южной галерее. Галерея несомненно имела не сводчатое, а деревянное перекрытие, поскольку здесь нет прикладок к стенам храма для опоры подпружных арок, а внешние стены слишком тонки для опоры сводов. Видимо, галерея была покрыта односкатной, стропильной, деревянной кровлей. О том, что галерея имела деревянный потолок, свидетельствует и расположение найденных фрагментов росписи только или главным образом вдоль стен галереи и храма.

Северная капелла пристроена впритык к северной стене галереи, уже покрытой наружной штукатуркой. Храмик сохранился плохо, но, по счастью, уцелела его восточная часть с такой же, как у главного храма, необычной прямоугольной апсидой с плоскими угловыми лопатками и

ритуальными нишами в южной части. Как и у храма, боковые части восточной стены скошены к западу (стена имеет "покатые плечи"). В южной стене уцелел один аркосолий; как и в южной капелле, их было, вероятно, два. Относительно хорошо сохранились южные прямоугольные столбы; у северных прослежены лишь их основания. Северная стена разрушена полностью; от западной частично уцелел лишь кусок кладки, сохранившей след северной лопатки: при камерных размерах капелла имела трёхдольное членение фасадов, как настоящий большой крестовокупольный храм.

Перейдем к южным частям комплекса. Примыкающая впритык к угловой лопатке храма прямая восточная стена южной галереи прорезана тремя глубокими (75 см) служебными нишами для заупокойных служб (рис.167). Левая - узкая (жертвенник) - и средняя - широкая (алтарь) - прямоугольны, правая (дьяконник) перекрыта сводом в четверть окружности. Между средней и правой нишами было маленькое щелевидное оконце. Тыльные стенки ниш очень тонки - всего в один кирпич; пол в них покатый, залитый известковым раствором. Ниши имели роспись - пояс белых завес с чёрными процветшими крестами, а простенок между жертвенником и алтарём украшала имитация дорогой византийской ткани с орнаментом из кругов с парными птицами. Она символизировала реальную завесу царских врат алтарной преграды.

В южной стене галереи размещалось восемь погребальных аркосолиев. Её западная половина при разрушении храма упала внутрь галереи, что позволило судить об её высоте и проёмах. Она сломилась почти на одном уровне, несколько ниже пят сводов аркосолиев. То обстоятельство, что

-312-

Рис. 167

Ниши в восточной стене южной галереи

стена легла непосредственно на пол галереи, лишний раз свидетельствует об её деревянном перекрытии. Своды упали бы раньше и легли бы крупными блоками, о которые раздробилась бы упавшая стена. Однако она лежит совершенно целая. И здесь, так же как и в северной галерее,

находки фрагментов росписи сосредоточены около стен: каменные стены и аркосолии были расписаны, а потолок нет (если же он и был расписан, то темперой по дереву). Галерея имела свой южный портал, расположенный против портала храма; он был узок (около 1.5 м) и высок (около 3 м). Его контуры улавливались лишь по остаткам росписи его косяка крупным растительным орнаментом и началу полуциркульного архивольта. Ближайший с запада к portalу аркосолий, возможно, был меньше нормальных и перекрыт аркой в четверть окружности, подобно нише восточной стены. Галерея хорошо освещалась часто поставленными по осям простенков аркосолиев и их замков окнами; они были нещелевидные и высокие (1.6-1.8 м); их параллельные стенки расписаны крупным жёлтым растительным узором на белом фоне, который способствовал световому богатству галереи. В западной части стены сохранились следы небольшого оконца, опущенного против уровня больших окон. Общая высота помещения галереи

-313-

Рис. 168
Южная капелла

примерно 5 м. Её известковый пол ниже порога портала храма на 70 см, что подчеркивало его значение и подчинённую роль галереи. К порогу также должна была вести деревянная лестница. Непонятен смысл уклона пола галереи с востока на запад на 50 см. В западном конце галереи лежали большие блоки упавшей кладки.¹³⁾

Галерея только по углам имела узкие плоские лопатки; её главный, южный, фасад остался нерасчленённым, так как частые окна не оставляли

¹³⁾ В пору раскопок 1867-1868 гг. крупных кусков стен и сводов было, конечно, больше. М. П. Полесский-Щепилло упоминает, что "громады упавших стен" наполняли нартекс на высоту 4.25 м. В северо-западном углу храма были найдены "два свода, лежавших один над другим", в

алтарной апсиде встречались "значительные части упавших арок", а престол был разрушен "падением грузных частей здания" (*Полесский-Щепилло М. П. Раскопки развалин...*, с. 7, 10). Романтичность вскрывавшихся руин и их грандиозность породили легенды об якобы открытом раскопками церковном куполе с окном, куда по верёвке спускались рабочие, видевшие "остатки образов" (*Потёмкин Л. Д. Из прошлого. - СВ, 1898, № 73*).

-314-

Рис. 169

Апсида южной капеллы

места для лопаток. Ряд их проёмов подчеркивал горизонтальную протяжённость стены, завершённой прямолинейной кровлей. Возможно, что ей вторил, повторяя мотив храмового фасада, шедший под свесом кровли поясок аркатуры и поребрика.

У юго-западного угла галереи находился маленький четырёхстолпный храмик-капелла, пленяющий почти художественным мастерством своей отличной кладки (рис. 168, 169). Его северная стена приложена впритык к южной стене галереи и сравнительно тонка (40-50 см). Возможно, что в её западной части был вход в галерею: здесь сохранился неширокий проём с порогом. По углам капелла имела простые плоские лопатки; они же членят и её южный фасад в соответствии со столбами. Западная стена не сохранилась. Здесь скорее всего располагался входной портал, дублировавший ход изнутри галереи. Слегка овоидальной формы апсида оживлена тремя прямоугольными тягами. На фасадах уцелели куски тонированной охрой штукатурки, сходной со штукатуркой храма и галерей. Столбы лёгкие, квадратные; южная пара их почти полностью разрушена: от восточного осталось лишь основание с булыжной подбуткой, от западного - блок кладки нижней части, упавшей к югу и вдавленной в грунт под полом; под столбом - подбутка из крупного булыжника. Внутренних лопаток нет. В южной стене - два неглубоких аркосолия (50-55 x 175 см). Снаружи к стене капеллы была приложена крошечная детская гробничка (28 x 64 см глубина 20 см); следовательно, капелла была задумана тоже как усыпальница, возможно принадлежавшая одной знатной семье. Пол был, видимо,

-315-

сделан из плинф по известковой подготовке в 3 см (сохранился его остаток за юго-восточным столбом). Существенно, что в завале щебня над капеллой не встречено ни одного обломка штукатурки с росписью. Очевидно, её и не существовало: капелла по каким-то причинам не была закончена внутренней отделкой и, может быть, не успела стать усыпальницей.

Южная капелла, как и северная, несомненно входила в замысел архитектурного комплекса, но с естественной последовательностью строилась после храма и галереи. Археологические шурфы у восточных углов храма показали, что его фундамент прорезает слой щебня и раствор предшествующего строительства, над которым, однако, не успел отложиться обычный культурный слой: фундамент и заложен в слое строительного мусора.

По завершении всех сооружений храма-мавзолея потребность в новых местах для погребений не уменьшилась. Установлено, что умерших хоронили под полом и у стен храма и галерей, против северного храмового портала и т. д. Поэтому у южной стены храма внутри южной галереи постепенно вырос ряд из девяти гробниц, оформленных как аркосолии. При их сооружении пробивался известковый пол и делалась подбутка из булыжников средней величины. Южный портал храма был заложен, а нижние части настенных пилястр стёсаны. Вся шеренга аркосолиев, хотя и выполнена на одинаковом, сероватом от примеси угольной крошки растворе, пристраивалась не сразу. Сначала были выложены два восточных аркосолия, торец которых был оштукатурен, затем прибавили третий, также покрытый раствором, далее одновременно выстроили четыре гробницы (IV-VII), к оштукатуренному торцу последней приложили в последнюю очередь два западных (VIII, IX) аркосолия. Все они были заняты погребениями и украшены росписью (уцелели в VII и VIII аркосолиях).

От росписи комплекса сохранились остатки, относящиеся главным образом к панелям храма. Они украшались росписью двух видов: ярусом белых завес или подражаниями облицовке стен инкрустированным мрамором ("полилития"). Выше панелей шли лицевые фигурные изображения (жертвенник). Столбы в нижней части были расписаны белыми завесами (северо-восточный столб) или декоративными мотивами, подражающими импортным тканям (юго-западный столб). Аркосолии расписывались постепенно по мере их заполнения погребениями. На тыльной стенке ниши помещалась композиция типа моления, или деисуса, а сама гробница декорировалась росписью, имитировавшей покров из драгоценной узорчатой ткани. Роспись характеризовалась красочностью и любовью к орнаментации. Роспись стен галерей была мельче и приближалась к станковой, в центральной же части храма роспись более монументальная.¹⁴⁾

На штукатурке храма обнаружены многочисленные надписи-граффити.¹⁵⁾

¹⁴⁾ О храмовых росписях см.: *Воронин Н. Н.* Смоленская живопись 12-13 веков. - Во время раскопок все остатки живописи были сняты со стен и обработаны реставраторами Государственного Эрмитажа (см.: *Шейнина Е. Г.* 1) Методика снятия стенных росписей храма XII в. в Смоленске. - КСИА, 1965, вып. 104, с. 33; 2) Реставрация смоленских фресок. - Сообщ. Гос. Эрмитажа, Л., 1972, XXXV, с. 73). В Эрмитаже имеется специальная экспозиция смоленской монументальной живописи, в основном происходящей из храма на Протоке (см. буклет: *Монументальная живопись древнего Смоленска.* Л., 1971).

¹⁵⁾ *Воронин Н. Н.* Смоленские граффити. - СА, 1964, № 2, с. 171.

Специальное исследование несколькими шурфами фундаментов храма выявило как их нормальные показатели, так и не всегда понятные отступления от них. Стенки фундаментных рвов делались наклонными, отчего ров в сечении был трапецевидным. Рвы откапывались на

глубину всего 50- 75 см от уровня дневной поверхности, но их подошва всегда входила в материковую глину. Только у южной капеллы фундамент заложен в толще строительных остатков. Рытьё рвов вели экономно, прирезку делали лишь в местах выступающих частей стен - лопаток. Рвы заполняли мелким и средним булыжником насухо, с подсыпкой местами землёй; под выступающими лопатками булыжная выкладка расширялась. Против лопаток западного фасада храма были сделаны даже специальные дополнительные прикладки из крупного булыжника насухо; толщина булыжной прикладки составляла 60-80 см. Технический смысл прикладок неясен. Сверху булыжный фундамент выравнивали слоем глины толщиной 10-15 см; только в нартексе и южной капелле фундамент был пролит вместо глины известковым раствором. С этой вымостки-плаформы, выходявшей на уровень дневной поверхности, и начиналась кладка стен. Отступление от таких норм мы наблюдали в основании западной стены храма, где булыжный фундамент есть только под угловыми частями, в остальном же стена положена прямо на материк.¹⁶⁾ Юго-восточный столб по какой-то причине поставлен без булыжного основания, но его кирпичная кладка опущена до встречи с материком. Фундаменты галерей, частей более лёгких, не отличаются по мощности от фундамента самого храма. Ленточных фундаментов строители не применяли; только у восточных столбов была перевязка парными связями с простенками алтаря; подобная же перевязка имела у западных углов храма и нартекса.

Чтобы охарактеризовать стратиграфию памятника, опишем данные шурфа у южного косяка портала нартекса с внутренней стороны стены. Поверх материкового суглинка здесь лежит тонкий слой погребённой почвы, в котором встречаются мелкие угольки. Выше - слой мелкого строительного щебня (кирпичная крошка и раствор; толщина слоя 2-3 см), отмечающий строительство храма. Над строительным слоем - слой глины (60 см), перемешанной с песком и чёрной землей, - выброс при рытье рва для фундамента нартекса. Ещё выше - слой, отмечающий строительство стен самого нартекса, - мелкий кирпичный щебень и кусочки раствора (толщина слоя 2-3 см). Над этими слоями расположена подсыпка пола - прослойка песка (15-20 см) и прослойка серого грунта со щебнем (8-10 см). Наконец, вверху - известковая обмазка пола (3-4 см). Более или менее аналогичная стратиграфия отмечена и в других шурфах.

¹⁶⁾ М. П. Полесский-Щепилло вспоминает: "Прошлогоднее добывание камня указало, что под восточной стеной находится булыжный бут, западная же, наружная, стена такового бута не представляет" (*Полесский-Щепилло М. П. Раскопки развалин...*, с. 12). Фундамент под стеной, очевидно, есть, но он, вероятно, лежит со значительным отступом к востоку от лицевой поверхности стены, ибо перекося разбиивки плана увлёк за собой к востоку и фундамент западной стены, а при кладке стены решили это выправить и сдвинули стену западнее, так что фундамент "ушёл" под стену.

-317-

Кирпичи храма в большинстве хорошо обожжённые, прочные; в изломе они красные, розовые, редко желтоватые. Однако в нижней части здания обнаружены участки, где кирпичи резались ножом, почти как сырая глина. Такие участки кладки отмечены в западной части стены южной галереи, а также в северной и западной стенах южной капеллы. Возможно, что размягчение связано с многовековым воздействием влаги на кирпичи, имевшие недостаточно хороший обжиг. Формат кирпичей значительно варьирует: наиболее употребительный размер 3.5-4.5 x 17-19 x 25-27 см, но довольно часто встречаются более узкие кирпичи (шириной 14-17 см). Отметим, что узкие кирпичи применялись главным образом в кладке проёмов. Специальные лекальные кирпичи изготавливались, по-видимому, для выкладки поребрика и аркатурных поясов. Встречались также узкие кирпичи с полукруглым торцом - для выкладки полуколонок.

На торцах кирпичей часты выпуклые знаки. В обилии знаков храм на Протоке не уступает

Борисоглебскому собору на Смядыни и церкви Петра и Павла. Плинфы с одинаковыми знаками обычно попадаются на определённых участках кладки. Клейма, оттиснутые отдельно на постели кирпичей, единичны, но есть плинфы, сплошь усеянные клеймами. Разнообразные рисунки-граффити, делавшиеся по сырцу самими кирпичниками, образуют особую серию памятников народного искусства. Несомненно, что часть кирпича для строительства храма на Протоке происходит из кирпичеобжигательной печи, открытой у смежных с храмом южных высот.¹⁷⁾

Раствор памятника большей частью прочный, иногда крепче самого кирпича, хотя встречаются участки слабого, крошащегося раствора. Цвет раствора красновато-бурый, порой желтовато-серый. В нём видно значительное количество кусочков кирпича, а местами весь раствор имеет розовый оттенок от наполняющей его кирпичной пыли. Попадают крупные включения - куски известкового шлака, угли, мелкие камни. Раствор крайне неоднороден, и даже на соседних участках можно увидеть применение раствора совершенно разного характера.

Были сделаны анализы раствора из разных мест здания. Результаты анализов подтверждают визуальные наблюдения, что раствор в здании крайне неоднороден. Даже сама известь, лежавшая в основе раствора, совершенно разная - от очень жирной воздушной до тощей гидравлической. Очевидно, известняк для выжигания извести получали из разных карьеров или, что более вероятно, из одного карьера, но из разных горизонтов. Жирность раствора также очень колеблется. Так, известь составляет от 26 (т. е. раствор имеет соотношение извести к заполнителю как 1:3) до 90% {правда, вместе с карбонатным заполнителем}. Очень различен и состав заполнителя. В большинстве образцов содержится довольно много цемьянки в виде крупных кусков и кирпичной пыли - до половины всего раствора. Однако в противовес этому встречаются образцы раствора, где битого кирпича мало - менее 10%. Точно так же варьируют и другие компоненты; количество песка в растворе, например, от 16 до 51%. Органических включений нет нигде.

¹⁷⁾ См.: Юшко А. А. Кирпичеобжигательная печь XII в. в Смоленске. - В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 307.

В тех случаях, когда в растворе значительное количество золы и угля, раствор имеет холодный голубовато-серый оттенок и в большинстве случаев менее прочен; таковы растворы нескольких второстепенных частей кладки - гробницы IV у южной стены собора, "горнего места" и пр. Известковый шлак, особенно обильный в забутовке внутренней части стен и столбов, где его куски достигают 10-15 см, очень крепок, но порист. Его состав - около 93 % извести, 7 % железзоокиси.

Первые пять рядов стеновой кладки над фундаментом положены на глине с песком.¹⁸⁾ Они ступенчато выступают наружу, прикрывая кромку фундамента и образуя, таким образом, вымостку. Только западная стена нартекса и южная капелла сложены целиком на растворе. Выше пятого ряда всюду идёт нормальная кладка на растворе. Как показало исследование стен храма и их отдельных блоков, кладка лицевых поверхностей стен велась в основном из целых плинф со сравнительно регулярным чередованием тычка и ложка и соблюдением перевязи.¹⁹⁾ Кирпич клался заглаженной стороной вниз. Местами в кладку пущены лекальные плинфы с полукруглым торцом. Шов связующего делали толщиной от 1 до 7-8 см, чаще всего - 3.2 см. Его обрабатывали особым правилом - доской с ручками, которым раствор поджимался вглубь, наискось с заглублением под, вышележащий ряд кирпича. В северной капелле прослежен отпечаток ребра такого правила с причудливыми ходами жучка-точильщика. Во внутреннюю полость стены забрасывался без всякого порядка кирпичный лом и булыжник от 30 см в диаметре до мелкого. Даже сравнительно тонкие стены притвора или такие ответственные участки, как простенки между аркосолиями, имели заполнение с мелким булыжником. Бут обильно проливался прочным раствором, в котором не раз встречались черепки горшков XII-XIII

ВВ.

Во всех стенах и столбах храма есть двойные швы раствора, отмечающие последовательные захваты кладки. Они обычно толще нормальных швов в 1.5-2 раза. Верхний слой шва тоньше нижнего, который подрезан и заглажен и отличается по цвету, так как его раствор тождествен раствору нижележащей кладки, а верхний - соответственно вышележащей. Нижний слой успевал засохнуть, пока возобновлялась работа кладчиков, начинавшаяся с нанесения нового слоя раствора по всему периметру. Двойные швы, как правило, связаны по уровню с определёнными конструктивными элементами.

Нижний ряд проходит в уровне пола (низа внутрстенных лежней); второй - в уровне порогов порталов, дна аркосолий и перехода от "цокольной" части лопаток к профилированной; третий - в уровне пят сводов аркосолий и песчаниковых пяточных камней в порталах; четвёртый - в уровне замков аркосолий, где он выравнивал кладку. С двойным швом совпадает ряд гнёзд для пальцев лесов. Но есть и двойные швы, не

¹⁸⁾ Чем вызван этот приём, сказать трудно. Даже у ритуального стола в жертвеннике нижние ряды плинфы положены на глине, а в западной стене северной галереи два нижних ряда кладки положены не на глине, а на песке.

¹⁹⁾ Местами отсутствие перевязи кладки влекло за собой разрушение стены. Так, северное крыло восточной стены северной капеллы оторвалось от отвесной прямой линии.

-319-

связанные с конструктивными элементами. Промежутки между двойными швами могут быть очень различными: от одного-двух до 18-19 рядов кладки.

Изучение кладки в жертвеннике между аркосолием северной стены и проходом в алтарь и между двумя двойными швами (в уровне дна аркосолия и гнёзд от лесов) позволило сделать интересные подсчёты. Здесь между двойными швами было семь рядов кладки. На этом, не прерванном никакими архитектурными элементами участке (с внутренней стороны) уложено 360 плинф - 212 (59%) тычковых, 126 (35%) ложковых и 22 (6%) колотых. Такое соотношение примерно характерно и для других частей памятника. Колотая плинфа кладётся обычно там, где в ограниченную площадь не укладывается целое число плинф (например, столбы южной капеллы). На 1 м² чистой кладки приходится в среднем 28 тычков, 17 ложков и три колотые плинфы - всего 48 плинф. На 1 м³ кладки (вместе с внутренней забуткой кирпичным ломом) нужно около 160 штук плинфы и 0.62 м³ раствора. Объём кладки основного здания храма (без галерей и капелл) составляет около 2700 м³ при средней высоте 15 м. На этот объём шло 430000 штук плинфы и 1700 м³ раствора. Комплекс же в целом требовал около 800000 плинф и около 3000 м³ раствора.²⁰⁾

В нижней части стен всех частей комплекса имелись парные деревянные связи, вставленные в специально выложенные из колотой плинфы двойные каналы и затем залитые раствором. Судя по отпечаткам в растворе, связи были различны по толщине и по сечению: квадратные, квадратные со срезанными углами, трапецевидные и круглые. Размеры связей: 42 x 45 (самые мощные - в южной стене), 50 x 27 (северная стена), 28 x 29 см (восточная стена); круглые связи диаметром 28 см были в стенах нартекса и южной капеллы. В углах связи соединялись врубкой в чашку. Найден большой четырёхгранный штырь длиной более 20 см. Возможно, он служил для скрепления связей. Парные связи, соединявшие южный простенок алтаря с юго-западным столбом, были: одна - чисто тёсаным на четыре канта брусом высотой 29 и шириной 32 см, а вторая - круглым бревном.²¹⁾ Парные связи в простенках нартекса были окантованы с трёх сторон, а сверху оставлены круглыми; промежуток между ними в 40-50 см выложен из колотой плинфы на растворе. Связи лежали непосредственно под известковым полом и дном аркосолий.

Кладка стен велась с двухсторонних лесов - подмостей, укрепленных на пальцах-брусках (9 x 11, 12 x 13 см в сечении), от которых в кладке остались гнёзда глубиной около 28 см. Позднее

их аккуратно заделывали и часто прикрывали целыми или колотыми неполивными плитками (типа половых плиток), а потом они уже скрывались под штукатуркой и росписью. Нижний ряд гнёзд идёт примерно в 98 см от пола.

²⁰⁾ Расчеты выполнены М. Б. Чернышёвым. См. также: *Чернышёв М. Б. О производительности труда каменщиков в Древней Руси. - В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 299.*

²¹⁾ Не вполне понятно указание М. П. Полесского-Щепилло, что северо-западный столб обрушился, так как под ним образовалась пустота, которая произошла от его сгнившего фундамента, который оказался из дубовых, довольно длинных столбов" (*Полесский-Щепилло М. П. Раскопки развалин..., с. 13*).

-320-

Таблица 1.
Количество найденных фрагментов голосников

<i>Часть здания</i>	<i>Кувшины</i>	<i>Амфоры</i>	<i>Процент амфор</i>
Подкупольное пространство	30	81	73
Западная часть храма	111	98	47
Северная и южная части храма	784	127	12
Апсиды	1371	81	5
Северная и южная галереи	348	98	22

Подавляющее большинство находок керамики в руинах - обломки крупных сосудов, использовавшихся как в качестве голосников, так и для облегчения кладки. Сосуды эти двух различных типов.

I тип - амфоры. Это двуручные сосуды высокого качества, с толстыми (до 2 см) стенками сплошного красного обжига и с наружным горизонтальным рифлением. Они широкие (до 30-35 см в плечах) и высокие, узкогорлые и очень прочные.

II тип - кувшины местного производства, более низкого технического качества. Их обломки составляют основную массу находок (их черепки более мелкие). Тесто коричневатое-серое, с примесью дресвы. С внутренней стороны хорошо видны следы спирального ленточного налёпа. Черепок в изломе серый. Поверхность обычно обварная, пятнистая. Наружный венчик имеет диаметр 12 см, реже - до 16 см, а диаметр горловины совсем невелик - всего 8-10 см. На днищах встречены единообразные выпуклые клейма в виде треугольника с вогнутыми сторонами.

На многих обломках - присохший известковый раствор - свидетельство нахождения голосников в кладке. В дьяконнике найдены цилиндрические куски штукатурки, входившие в горловину голосника, а их наружная круглая часть была слегка вогнута, т. е. сосуд находился в своде или арке и был скрыт росписью (синий фон и красно-коричневое обрамление). Особенно много голосников обоих типов найдено в руинах южной капеллы. По словам М. П. Полесского-Щепилло, когда начали вскрытие внутренней площади собора, "обозначились четыре основных внутренних столба храма с остатками голосников; голосники были вмазаны по четыре на каждый столб, в том месте, где от столба начинается загиб арки". ²²⁾

Очень характерно распределение обломков голосников, найденных при раскопках (табл. 1).

При всей относительности приведённого подсчёта совершенно бесспорно решительное преобладание кувшинов над амфорами: первых примерно в пять раз больше. Очевидно, строители чаще использовали менее прочные, но более дешёвые сосуды местного производства. Однако в подкупольном пространстве преобладают остатки амфор; довольно много амфор и в западном членении храма, где лежали руины сводов хор и наружных сводов

²²⁾ *Полесский-Щепилло М. П. Раскопки развалин..., с. 4.*

над ними. Если учесть, что кувшины при падении разбивались на более мелкие куски, чем амфоры, соотношение количества сосудов ещё сильнее изменится в пользу амфор. Несомненно, что в наиболее ответственных участках, прежде всего в сводах центральной части здания, использовались главным образом амфоры.

Пол во всём храме был известковым, без керамического покрытия. Под полом на всей поверхности делалась плотная песчано-глинистая подсыпка толщиной 20-30 см. ²³⁾ Лежала она поверх слоёв, образовавшихся при строительстве храма; общая толщина слоёв от уровня древней поверхности земли до пола около 1 м. На подсыпку наносился слой белого известкового раствора в 3-4 см. У стен храма, давших быструю осадку, пол загибается вниз к стене на 10-18 см. В южной галерее пол был сделан с сильным (на 50 см) уклоном к западу. Перед западным порталом храма под заливку были уложены в два ряда (один на другом) плинфы; видимо, здесь предполагалось устройство кирпичных ступеней. Только в южной капелле, в её юго-восточном углу, сохранились вероятные остатки настила из плинф. Специальные керамические плитки для убора полов встречались очень редко. Их размер 11.5 x 11.5 x 1.5 и 11 x 11 x 2,5 см. Все они имеют скошенные грани; при коричнево-красной тонкой плёнке поверхности у них совершенно чёрная сердцевина. Этих плиток найдено больше всего в дьяконнике (24 обломка и 12 целых), тогда как в среднем поперечном нефе обнаружено лишь восемь обломков, в юго-западном углу храма - один, в жертвеннике - один. Единственная плитка сохранила цвет лимонно-жёлтой поливы. Одна плитка - треугольная. Как сказано выше, возможно, что плиточным был пол хор.

Порталы храма имели деревянные пороги, оставившие отпечатки в растворе: посередине был положен крупный брус (15 см высотой, 25 см шириной), видимо, служивший упором для дверных полотнищ, а по его сторонам клались брусья меньшего сечения, более плоские. Внутренняя амбразура западного портала нартекса при обкладке её четвертей плинфой сохранила вертикальные четырёхгранные брусья. ²⁴⁾

Навеска дверных полотнищ осуществлялась без дополнительных деревянных конструкций путём укрепления мощных крюков в самой кладке. Так, в южном косяке портала нартекса сохранился вделанный в кладку грубо отёсанный прямоугольный блок серовато-фиолетового песчаника; в него был врублен круглый в сечении стержень с загнутыми концами: один конец вставлен в гнездо и залит свинцом, на другой надевалась петля двери. Подобный же, но обломанный пяточный камень толщиной 18 см уцелел в кладке восточного косяка южного портала. Такой же пяточный камень имел западный косяк северного портала: "В желобке этого камня с помощью свинца был вделан толстый железный крюк, который на другом

²³⁾ При раскопках в северной галерее было видно, что этот грунт доставлялся сюда корзинами и носилками с разных участков, почему слой состоит из линз различной консистенции и цвета.

²⁴⁾ М. П. Полесский-Щепилло отметил, что западный портал нартекса был сужен боковыми прикладками, примкнувшими к уже оштукатуренной плоскости косяка: "Таким образом составила западная внутренняя дверь" (*Полесский-Щепилло М. П. Раскопки развалин..., с. 14*).

конце заворачивался в противоположную сторону. Крюк этот, вероятно, служил для посадки завесы".²⁵⁾

Окна, которые можно было хорошо изучить по упавшей стене южной галереи, выкладывались из плинфы малого формата. Они имели параллельные стенки без откосов наружу и внутрь храма и без выступа для крепления оконниц. Как оно осуществлялось, остаётся неясным: орнаментальная роспись стенок окна сплошная, никаких следов крепления оконницы нет. Возможно, что окна галереи-усыпальницы были всегда открытыми. Тогда понятен уклон пола галереи к западу: он отводил воду, образовавшуюся от таяния попадавшего в галерею снега.

Скажем ещё несколько слов об устройстве аркосолиев. Они, как правило, одинаковы и имеют длину около 1.8 м, а глубина их различна (больше - в храме, меньше - в галереях). Для ног погребённого в западной стенке делалась (или вырубалась - из-за разрушенности кладки об этом судить трудно) небольшая ниша. Лицевая стенка гробницы строилась одновременно с аркосолием (и стеной храма), хотя её раствор порой отличен (более серый, углистый). Однако гробница штукатурилась целиком, что было отмечено и при раскопках 1867-1868 гг.²⁶⁾ Дно аркосолиев лежит непосредственно над каналами связей. Аркосолии храма имеют внутри вторую арку, выложенную после основного свода, и дополнительную заднюю стенку толщиной около 20 см. Устройство перекрытия аркосолиев южной галереи и нартекса различно. В галерее пять арок и полки для опоры опалубки лежат на уровне верха гробницы; в нартексе пять свода лежат выше этого уровня и аркосолий более высок и вместителен. Кружало для опалубки ставилось только в передней части, в глубине же доски опирались на дополнительную заднюю стенку; кое-где сохранились и отпечатки досок на внутренней поверхности свода и в местах их примыкания к тыльной стенке. На опалубку шли доски толщиной 13 мм, шириной 17-23 см.

Покрытие храма было сделано из листового свинца по деревянной облицовке. В северной галерее, против северного портала храма, прямо над уровнем пола, найдено несколько больших скомканных кусков листового кровельного свинца толщиной около 1.5 мм. В одном сохранился прибойный гвоздь; по краям листов - фальц. Аналогичный кусок свинца с гвоздём длиной 7.5 см и шляпкой диаметром 2.5 см обнаружен в щебне у северной стенки галереи. В средней части северной галереи, в верхней зоне руин, был найден лист правильной трапециевидной формы (40-35 x 14 см), несомненно принадлежавший шлемовидному покрытию главы храма. При раскопках 1868 г. в завале северо-западного угла храма также были найдены остатки свинцовой крыши. Дорогой материал - свинец, конечно, растаскивался при разборке руин местным населением, но и уцелевшие фрагменты позволяют сделать некоторые выводы. Обрывки свинцовых листов встречены главным образом на полу северной галереи. Кусок кровли главы тоже оказался здесь, ибо, как увидим далее, здание обрушилось в северную сторону, где образовался и более мощный, чем с южной стороны,

²⁵⁾ *Полесский-Щепило М. П.* Раскопки развалин..., с. 20. - Исследователь считал проём северного портала окном.

²⁶⁾ *Полесский-Щепило М. П.* Раскопки развалин..., с. 15.

слой руин. Впрочем, возможно, что часть свинцовых листов принадлежала покрытию самой галереи. Листы свинца были, видимо, геометрически правильной формы, так как имели бортовой фальц.

При внимательности к соблюдению осадочных швов, вплоть до деталей (устройство "горнего места"), мастера часто обнаруживают характерную для мышления и системы работы древнерусских строителей нелогичность или нерациональность. Так, каждое слагаемое

комплекса заканчивается полной отделкой: его штукатурят со всех сторон, хотя известно, что там и здесь примкнет пристройка (нартекс, галереи, притвор, капеллы); на северной стене храма местами сохранились два слоя штукатурки: один - его наружная штукатурка, второй - новый грунт под роспись галереи. Пол в храме настился целиком, несмотря на то что устройство алтарной преграды его должно было нарушить. Портал нартекса сделан полным профилем, хотя это ни к чему, ибо пристройка притвора со входом давала вторые двери, отчего внутренние четверти у портала нартекса должны были быть вскоре заложены плинфой. Такие особенности работы смоленских зодчих отнюдь не бросают тень на их строительное искусство, они общи строителям всей феодальной Руси.

4

Изучение слагаемых комплекса и его технических приёмов дает основания заключить, что все его части, пристраивавшиеся впритык одна к другой, не были изменениями первоначального замысла в позднейшее время. Осадочные швы обнаруживают понимание зодчими законов прочности здания, состоящего из разновеликих частей: строители оставляют их не перевязанными друг с другом. Вместе с тем осадочные швы дают нам основания представить в общих чертах композицию здания в целом. При взгляде с запада, как мы уже говорили, особенно ясно читалась ярусность частей комплекса. Над маленьким притвором вздымался трехзаконный фасад нартекса, над которым выросал широкий массив храма, величавшийся приподнятой на своём постаменте главой. В западный же фасад включались односкатные фасады галерей и вторившие формам храма изящные капеллы. Они не были одинаковы по величине: северная больше в плане и, следовательно, выше южной. Можно допустить, что ярусное венчание каждой имело свою редакцию, что оживляло живописность целого. Всё сказанное позволяет говорить о единстве замысла композиции комплекса, осуществлённой планомерно. Оно подтверждалось и наносившейся постепенно наружной штукатуркой, возможно слегка тонированной охрой: остатки такой штукатурки были встречены буквально на всех участках здания. Существенно при этом, что штукатурка делалась по частям после завершения каждого слагаемого комплекса: она сохранилась на местах смыкания стен галереи с храмом, северной капеллы с галереей и т. п. Всё это лишний раз подтверждает одновременность замысла всех частей комплекса.

В предлагаемой реконструкции (рис. 170) высота храма от пола до пят купола принята равной длине центрального нефа, а полная внутрен-

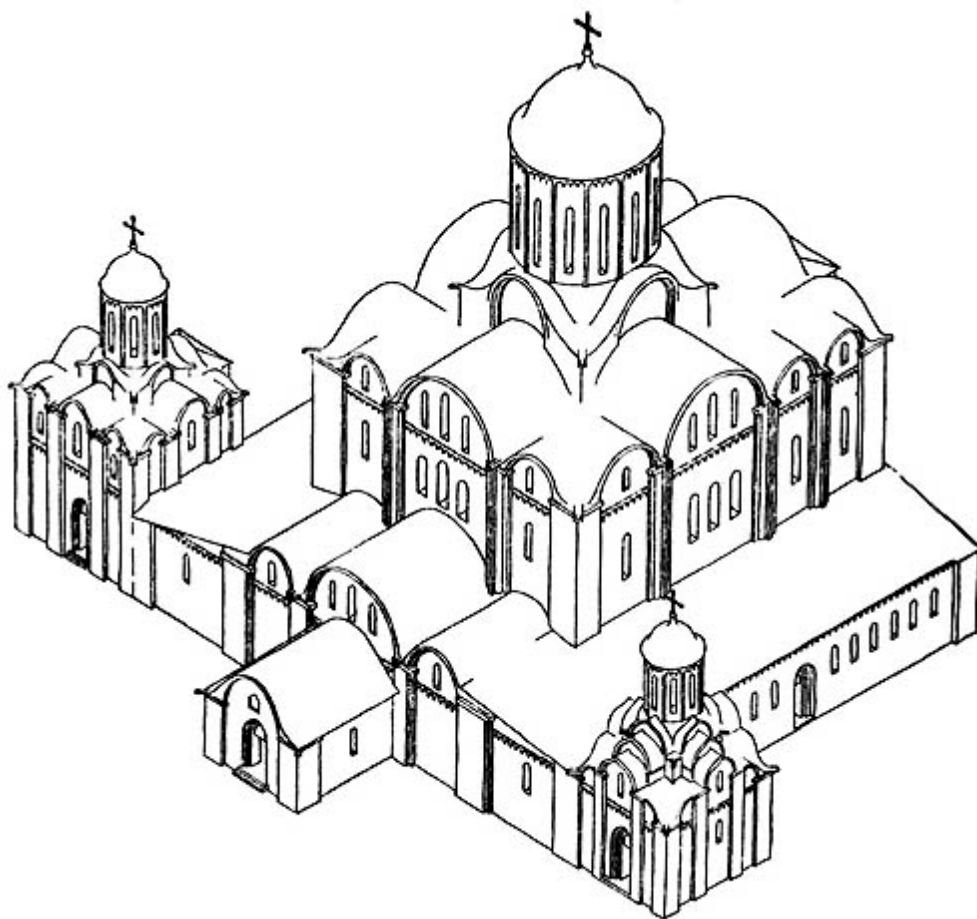

Рис. 170
Собор на Протоке. Реконструкция

ная высота - полуторной внутренней ширине.²⁷⁾ Высота от пола до пят подпружных арок приравнена расстоянию от угла подкупольного прямоугольника до дальней продольной стены. Завершение храма принято позакומרное (хотя очень возможно, что оно было трехлопастным), с подъёмом главы на особом приподнятом постаменте. Мы допускаем арочное оформление постамента, что на рубеже XII-XIII вв. уже не было новинкой, хотя при больших размерах храма такой постамент не играл существенной роли и воспринимался лишь с известного расстояния. Высота боковых галерей взята по размерам упавшей стены южной галереи; пере-

²⁷⁾ По абсолютным размерам и пропорциям плана храм на Протоке наиболее близок Успенскому собору Елецкого монастыря в Чернигове. Поэтому при реконструкции использован анализ здания Елецкого собора, исполненный К. Н. Афанасьевым (см.: *Афанасьев К. Н.* Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, с. 89-93).

крытие, как это диктуют изложенные выше данные, сделано деревянным, односкатным. Нартекс (западная часть храма) перекрыт сводами, для чего его стены достаточно мощны. Высота угловых храмик приравнена к соответствующей двойной ширине. Квадратные столбы и отсутствие внутренних лопаток позволяют допустить ступенчатую систему сводов и, следовательно, ярусный характер венчания капелл.

Конечно, вопросы реконструкции первоначального облика собора на Протоке очень

сложны. Уникальность плана этого памятника не даёт возможности опираться на достаточно близкие аналогии. И хотя общая композиция масс вырисовывается достаточно достоверно, предлагаемая графическая реконструкция собора всё же остается в значительной степени гипотетичной.

Наиболее богатым был западный фасад комплекса; он был обращён к дороге из Смоленска и к подъезду по долине Протоки с Днепра. Восточный, обращённый к поднимающимся с этой стороны высотам, был более скуп. Правда, зодчие попытались усилить здесь пластичность масс, несколько скосив боковые членения к западу, но слабый вынос прямоугольной апсиды утверждал плоскостность фасада.

Принцип слагаемости масс и ярусности комплекса собора на Протоке заставляет прежде всего вспомнить смоленский храм архангела Михаила, где ярусность и ступенчатость объёма выражены ещё более ярко. Однако храм на Протоке более сложен своей широко раскинутой композицией и симметричной парой погребальных храмиков.

Храм на Протоке выделяется из среды своих современников и своими крупными размерами. Если сравнить его четырёхстолпную основу с другими храмами Смоленска, то получим следующие цифры (наружные размеры): церковь Петра и Павла - 16.2 x 20.5 м; церковь Ивана Богослова - 16 x 20.25 м; храм на Протоке - 19 x 23 м. Большой храм Борисоглебского монастыря на Смядыни также меньше храма на Протоке: основа шестистолпного храма на Смядыни 17.05 x 25.86 м; основа храма на Протоке (с нартексом) 19 x 29.75 м. Соответственно ширина храма с галереями на Смядыни - 29.5 м; на Протоке - 32 м, а с боковыми храмиками - 47 м. Эта величина памятника свидетельствует об его общественной значимости и незаурядности. Обилие изображений деисуса в росписи, может быть, оправдывает высказывавшееся в литературе предположение о посвящении храма Спасу и позднейшее название руин "Большим Спасом на Окопах".²⁸⁾ Очень вероятно также предположение, что храм был собором загородного монастыря. М. П. Полесский-Щепилло, считавший западную часть здания трапезной, писал, что это "изобличает монастырское устройство храма... если при этом принять во внимание значительное число разрушенных каменных построек, которые окаймляют довольно обширную храмовую площадь" на склоне к ручью с западной стороны руин.²⁹⁾ В другом месте исследователь отмечал: "Окружная почва

²⁸⁾ Белогорцев И. Д. Кирпичные постройки XII в. в Смоленске. - В кн.: Материалы по изучению Смоленской области. Вып. V. Смоленск, 1963, с. 131.

²⁹⁾ Полесский-Щепилло М. П. Раскопки развалин..., с. 12.

площади и восточных гористых зарослей обнаруживает древнее городское поселение".³⁰⁾ Наши поиски показали отсутствие культурного слоя вне границ здания. Только на строительной площадке находился незначительный и бедный культурный слой без находок, с вкраплениями мелкого угля и кирпичной крошки. Он не был сплошным: местами исчезал, местами увеличивался (до 50 см). Это, наверное, отражало естественную неровность волнистой, с западинами площадки. Присутствие в слое мелкого щебня показывает, что слой скорее всего отложился в процессе подготовки к строительству храма.

Восточная окраина Смоленска была связана с епископским землевладением, в связи с чем часть её получила название Крылошовского конца.³¹⁾ Конечно, это название появилось не в литовское время, а в пору расцвета Смоленского княжества в XII-XIII вв. Очень вероятно, что церковь на Протоке была храмом какого-то крупного, возможно епископского, монастыря. Не исключено, что он был основан епископом Игнатием (упом. в 1206 г.) и посвящён "положению риз богоматери"; в этом монастыре игуменствовал после прекращения гонений на него Авраамий Смоленский.

Монастырский собор следовал традиции храмов с галереями (Петра и Павла, Ивана

Богослова, на Малой Рачевке и Окопном кладбище), но обилие аркосолий в стенах храма и галереях, а также погребения под полами комплекса превращают храм по преимуществу в мавзолей. Приведённые выше данные о формах и технике здания позволяют относить его к концу XII - началу XIII в. К этому склоняет и сделанная на стене южной галереи запись о "врагах-игуменах", связанная с гонением на Авраамия Смоленского в первом десятилетии XIII в.³²⁾ Собор монастыря на Протоке несомненно был одним из выдающихся произведений древнерусского зодчества.

5

Разрушение храма было связано со значительными осадками его фундамента. Некоторые такие осадки произошли, видимо, вскоре после возведения здания, и для их ликвидации пытались принимать меры. Так, разрушение южной стены храма в зоне IV аркосолия привело к его полной закладке плинфой на всю глубину. Исследование памятника показало, что осадки были вызваны наличием значительных пустот, расположен-

³⁰⁾ *Полесский-Щепилло М. П.* Развалины храма..., с. 261 (то же см.: Древности. Археологический вестник, с. 188-189). - С. П. Писарев отмечал: "...так как кругом него (т. е. храма) видны многие остатки бывших строений и даже остатки запруды ручья, который здесь протекал, то думать надо, что при этом храме было монастырское хозяйство" (*Писарев С. П.* Развалины древнего храма в Смоленске. - СВ, 1887, № 104. См. также: УЦДС, с. 93).

³¹⁾ В 1497 г. великий князь литовский Александр дал смоленскому епископу Иосифу место для поселения его людей: "Дали церкви божьей и владыце место людей садити в Крылошовском концы за Рачевою рекою обрубом" (Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб., 1846, № 144, с. 167).

³²⁾ *Рыбаков Б. А.* Смоленская надпись XIII в. о "врагах-игуменах". - СА, 1964, № 2. с. 179.

-327-

ных под фундаментом. С целью определения роли деформаций грунта в разрушении здания в 1963 г. были проведены инженерно-геологические изыскания в точках наибольшей осадки фундаментов: против южного портала храма, посередине стены нартекса к югу от его портала и у алтарной апсиды.³³⁾ Установлено, что основу грунта образует влажный покровный, сильно опесчаненный суглинок средней плотности, мощностью от 2.6 до 3.7 м. Он подстилается рыхлым, влажным, мелкозернистым песком, идущим на глубину более 6 м. Грунтовые воды до глубины 6 м не обнаружены. Между тем в 1962 г. (этот год был очень дождливым) мы встретились в раскопках с обильными почвенными водами. Об этом же писал и М. П. Полесский-Щепилло, сообщавший, что при раскопках под престолом алтаря был обнаружен "нетронутый грунт плотной синеватой глины; этот грунт ещё прокопали несколько, и, наконец, при ударе в него ломом показалась струя ключевой воды".³⁴⁾

Как было сказано, площадка храма имела уклон с юга и юго-востока на север и северо-запад, а на юге и востоке была гряда береговых высот. С них в сторону здания устремлялись потоки вешних снеговых и летних ливневых вод, вымывавших пустоты в грунте, куда садились сухие и мелкие булыжные фундаменты и сложенные на глине нижние части плинфяных стен. Эти бреши и прослежены главным образом в юго-восточных частях здания.

Процесс разрушения был постепенным. Южная галерея, как мы видели, завалилась внутрь. Также, видимо, внутрь обрушилась южная капелла. Храм падал в основном внутрь (завалы огромных блоков внутри храма и в западной галерее отмечены М. П. Полесским-Щепилло), на юг упал лишь один кусок его южной стены. Часть северной стены храма упала на север в северную галерею (крупные блоки в её завале). Стена последней также обрушилась к северу (остатки орнаментальной росписи окон галереи были собраны к северу от неё). Северная

капелла, вероятно, также завалилась внутрь. Руины обоих угловых храмов, не прикрытые мощным завалом центральных частей комплекса и находящиеся на периферии руин, были, как можно думать, первую очередь, вскоре после катастрофы, растащены на материал. Существенно, что перед разрушением храм какое-то время пустовал, так что на известковом полу в жертвеннике и в южной капелле образовались углистые пятна перегноя толщиной до 10 см. Видимо, разрушение было длительным и за это время в толще кирпичного щебня успели образоваться значительные гумусные линзы, очень уплотнённые перекрывавшими их слоями разрушения кладок.

Руины храма рано превратились в кладбище. Большинство погребений сделано в руинах южной галереи, поскольку здесь было меньше крупных блоков кладки и устройство могил было легче. Могилы прикрывали большие надгробные камни-валуны. Погребённые лежали головой на запад,

³³⁾ Отчёт об инженерно-геологических изысканиях, произведённых с целью выяснения причин разрушения фундаментов церкви в районе песчаного карьера по ул. Горького в г. Смоленске (1963 г.). Заключение инженера-геолога Е. Семенова. - АИА, при отчете Н. Н. Воронина о раскопках 1963 г.

³⁴⁾ *Полесский-Щетилло М. П.* Раскопки развалин..., с. 10.

-328-

без гробов, иногда были завернуты в луб. Судя по крайне немногочисленным находкам, погребения относятся в основном к XIV-XV вв.

Таким образом, можно полагать, что храм на Протоке начал разрушаться вскоре после своего сооружения, возможно уже в XIII в. В XIV- XV вв. в его руинах обосновалось кладбище. Но стены здания ещё стояли, так что при последующем разрушении они похоронили некоторые надгробные камни могил в обвалах щебня. В XVI в. руины храма энергично разбирали, используя древние кирпичи и блоки кладки для фундамента строящегося неподалеку собора Духова монастыря. ³⁵⁾

³⁵⁾ *Раппопорт П. А.* Собор Духова монастыря в Смоленске - памятник архитектуры XVI века. - В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1978, с. 230.

-329-

Топографический обзор построек XII-XIII вв

Исследование памятников и их руин, изученных путём раскопок, охватило лишь часть архитектурного наследия древнего Смоленска. Значительная его доля приходится на памятники, развалины которых ещё скрыты в земле или уже окончательно потеряны для науки в процессе застройки города.

В настоящее время в Смоленске над поверхностью земли возвышаются всего три древних памятника: церкви Петра и Павла, Ивана Богослова и архангела Михаила. Между тем в период яркого расцвета города - в XII-XIII вв. - здесь было возведено множество монументальных построек. Трудная судьба Смоленска, испытавшего и войны, и разрушения, и переход в руки Литвы, и возвращение в состав Московского государства, привела к гибели подавляющее большинство древних памятников. Некоторые храмы начали разрушаться уже в XIV-XV вв. Так, в XVI в. при строительстве собора Духова монастыря использовали строительные материалы от стоявшего в руинах собора на Протоке. И всё же в XVI в. в Смоленске ещё стояло немало древних сооружений. Даниил Принц, побывавший там в 1578 г., отметил, что "в городе виднеется много храмов, довольно красиво построенных из жжёного кирпича".¹⁾ Учитывая, что в XIV, XV, да и в XVI в. монументальное строительство в Смоленске велось в очень ограниченных масштабах, можно полагать, что в большинстве кирпичные храмы, которые видел Даниил Принц, относились к XII-XIII вв. Посол римского императора Николай Варкоч писал о Смоленске в 1593 г.: "Говорят, что в нём 200 церквей" (конечно, он имел в виду не только каменные, но и деревянные церкви).²⁾

Особенно интенсивно шло разрушение древних памятников в XVII в. Здесь сказалась не только война, но и сознательная политика польского правительства, пытавшегося закрепить за собой Смоленск путём его насильственной католицизации. В "Погодных записках смоленских иезуитов" под 1636 г. отмечено, что польские солдаты "сравнили с землей церковь схизматиков и этим одним поступком загладили многие свои прегрешения".³⁾ Впрочем, разрушению древних памятников иной раз способствовали и русские воеводы. Так, например, воевода Иван Головин доносил в Москву в 1693 г.: "В Смоленску, государи, за городом вниз по реке Днепру с городовую сторону от городской стены в версте на поле стоят три церкви каменные, исстари запустели и своды обвалились, и около тех церквей жителей никого нет, а кирпич в тех церквах старинный, плитной, тонкий. И к нынешнему настоящему каменному строению из тех церквей кирпич годится".⁴⁾ Надо отдать должное приказным дьякам - они не сразу

¹⁾ Начало и возвышение Москвы. Сочинение Даниила Принца из Бухова. - ЧОИДР, 1876, кн. IV, с. 49.

²⁾ Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Варкоча. М., 1875, с. 12.

³⁾ Погодные записки смоленских иезуитов. - СС, 1916, вып. III, ч. 2, с. 32.

⁴⁾ ЦГАДА, Приказ княжества Смоленского, ф. 145/1, 1693, д. 5, ч. 1, л. 310.

дали согласие на разборку древних храмов: на донесении воеводы имеется помета: "Выписать, какие те церкви и есть ли тем церквам опись в приказе княжества Смоленского". К сожалению, в ответной отписке указано: "И в приказе... тем трём церквам опись, в котором месте от города стоят и давно ль они запустели, не сыскано". Проверили даже чертёж 1676 г. об отводе земли в районе "церкви пустой каменной, что бывала во имя святых мучеников Бориса и Глеба", но и здесь никаких сведений о трёх запустевших храмах не обнаружили: "А как тем церквам во имя и

что им меры... и далече ль от города... в том чертежу не написано". ⁵⁾ Это и решило судьбу несчастных построек.

В XVIII - XIX вв. местные власти также неоднократно использовали плинфу и камень древних построек на нужды строительства. В итоге Смоленск оказался почти начисто лишённым древних памятников.

Естественно, что для выяснения общей картины монументального строительства, связей зданий друг с другом и социальной топографии города необходимо использовать не только изученные памятники, но и все следы древних построек, учтённых местными исследователями как XIX в., так и нашего времени. Задача эта крайне сложна, ибо немногочисленные источники не дают сведений о названиях исчезнувших храмов, а местные исследователи противоречат друг другу в атрибуции руин.

Сведения о руинах и следах памятников, как отмечал ещё И. М. Хозеров, далеко не равноценны. Одни из них вполне реальны. Это сведения об обнаруженных при земляных работах остатках кладок стен или фундаментов зданий XII-XIII вв. Такие сведения не вызывают подозрений и документируют реально существовавшие памятники. Другая часть сведений сообщает лишь о находках "россыпей", или "выходов", плинфы, раствора, обломков майоликовых плиток. Эти находки доверчиво принимались исследователями либо за сигналы о находившихся поблизости остатках древних построек, либо за их непосредственные следы. Однако последняя категория сведений может быть принимаема с осторожностью.

Разрушенный памятник оставлял после себя огромный "курган", в котором были погребены рухнувшие кладки и кирпичный щебень. Некоторое представление о таком холме дают руины храма на Протоке (и то уже захваченные эксплуатацией в начале XIX в.). Большинство же руин было почти сравнено с современным дневным уровнем земли, что свидетельствует об их разборке. Она осуществлялась как частным порядком для хозяйственных нужд самими жителями, так и централизованно - местными властями. Мы видели следы тщательной выборки плинфы из руин южной галереи церкви Ивана Богослова, когда кирпич на месте старательно очищали от раствора, образовавшего значительный слой над южным приделом. Руины храма на Малой Рачевке были разобраны начисто до современного уровня поверхности почвы. Мы упоминали уже о тотальном уничтожении руин, производившемся местными властями в XVIII-XIX вв. с целью использования древней плинфы и щебня на разного рода строительные потребности и сооружение дорог. Так, при генерал-губернаторе князе Репнине кирпичный лом из руин Борисоглеб-

⁵⁾ Там же, л. 311.

ского собора на Смядыни употребили на забутовку под новое здание Присутственных мест. Те же смядынские руины вместе с другими развалинами служили своеобразными карьерами для добычи щебня во время строительства Московского шоссе. Даже такой опытный исследователь смоленского зодчества, как И. М. Хозеров, был введён в заблуждение наличием плинфы, обнаруженной при земляных работах на площадке Дома Советов, и счёл эти находки свидетельством якобы существовавшей здесь Ильинской церкви XII в.

Оказалось, что древняя плинфа перемещалась в самые неожиданные пункты города и даже вне его. К этому нужно добавить, что ещё в древности остатки плинфы от церковных построек использовались населением для своих нужд; например, в жилом доме XII-XIII вв. раскопками 1952 г. была обнаружена печь с основанием из плинфы. ⁶⁾ Подобные случаи были, видимо, не единичны - они также перемещали плинфу, терявшую связь с местом построенного из неё храма.

Всё сказанное показывает весьма относительную ценность для нашей темы сведений о россыпях, или выходах, плинфы. Тем не менее учесть эти данные нужно, но отнюдь не включая

их в "статистику" монументальной архитектуры древнего Смоленска. Нужно также впредь до каких-либо новых открытий снять сведения о каменных оградах XII-XIII вв. вокруг монастырей, превращавших их в крепости. Такие сведения пока не подтвердились, а находки щебня плинфы, служащие признаком этих крепостей, следует скорее всего считать остатками строительства самих храмов. Напротив, в круг сведений о монументальных постройках следует ввести оставленные исследователями в стороне косвенные данные о храмах Фрола и Лавра, Бориса и Глеба, Лазаря и Симеона, местоположение которых определяется, хотя и очень относительно.

При составлении схемы расположения древних каменных зданий мы пользовались следующими планами.

а) План, составленный С. П. Писаревым.⁷⁾ На нём отмечены места всех известных автору руин и следов памятников архитектуры древнего Смоленска. Писарев был первым (после опыта М. П. Полесского-Щепилло), поставившим задачу их топографической фиксации.

б) План И. И. Орловского.⁸⁾ Как и предыдущий, он фиксирует места древних памятников зодчества и ценен (при всей его кустарности) обилием историко-топографических данных, показом рельефа города, оврагов, ручьёв и пр.

в) "Схема расположения кирпичных зданий г. Смоленска и крепостных сооружений XII в.", составленная И. Д. Белогорцевым. Этот план остался неопубликованным и известен нам по любезно представленной автором его светоконии. Данные плана освещены в статье, где порядок изложения отвечает расположению и нумерации плана.⁹⁾

⁶⁾ *Авдусин Д. А.* Археологические раскопки в Смоленске. - Газ. "Рабочий путь", Смоленск, 1952, № 294.

⁷⁾ *Писарев С. П.* Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898, прил.

⁸⁾ *Орловский И. И.* Достопамятности Смоленска. Смоленск, 1906, прил.

⁹⁾ *Белогорцев И. Д.* Кирпичные постройки XII в. в Смоленске. - В кн.: Материалы по изучению Смоленской области. Вып. V. Смоленск, 1963.

-332-

Учтены также данные планов Смоленска, составленных в XVIII в., особенно таких подробных, как план смоленской крепости 1778 г.,¹⁰⁾ план Смоленска 1781 г.¹¹⁾ и др.¹²⁾ Помимо этого, как характер рельефа, так и расположение всех памятников были тщательно уточнены по натуре в процессе детальной археологической разведки города в 1962-1974 гг.

Подлинное несчастье для исследования древней топографии Смоленска - неустойчивость его топонимики, постоянная смена названий улиц порой многократно повторёнными наименованиями, не имеющими ни малейшего отношения к истории города, крайняя сложность хаотической изменчивой сетки улиц, и в особенности расхождения их планов. Это делает относительной и нашу схему.

Характеристику объектов мы изложим безотносительно к датам - в порядке их местонахождения: сначала левый берег (восточное предместье, памятники внутри крепости XVI в., западное "предградие"), затем памятники правобережья - с запада на восток (рис. 171), наконец, памятники других городов Смоленской земли.

* * *

1. Духов монастырь. Его развалины расположены на возвышенном берегу Днепра при впадении безымянного ручья, близ д. Шейновки. Ещё в начале XIX в. здесь были видны довольно значительные кирпичные руины. В 1833 г. эти руины были разобраны на материал для строительства здания смоленского кадетского корпуса.¹³⁾ Исследователи отметили, что монастырские здания "были построены уже из кирпича нового искусства".¹⁴⁾ Однако, по словам И. Б. Белогорцева, в руинах храма под развалом позднего кирпича "наблюдается кладка из

плинфы на известково-цемяночном растворе".¹⁵⁾ Раскопки, проведённые в 1974 г., показали, что монастырский собор был целиком возведён в XVI в., однако при его строительстве широко использовались кирпичи и даже целые блоки кладки здания XII в.¹⁶⁾ Совпадение размеров кирпичей и знаков на них позволяет считать, что материал этот брали из расположенных менее чем в 1 км. руин собора на Протоке.

2. Собор на Протоке. (см. с. 300)

3. Кирпичеобжигательная печь.¹⁷⁾

¹⁰⁾ ЦГИАЛ, ф. 1293, оп. 168 (Смоленская губ.), д. 6.

¹¹⁾ ЦГИАЛ, ф. 1350, оп. 312, д. 38, л. 2.

¹²⁾ Например, план 1765 (ЦГИАЛ, ф. 1399, оп. 1, д. 756) и 1779 гг. (там же, д. 758).

¹³⁾ Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864, с. 266.

¹⁴⁾ Свиньин П. П. Взгляд на достопримечательные здания в г. Смоленске и урочищах, находящихся в Смоленской губернии. - Отечеств. зап., 1826, ч. XXVII, № 77, с. 317-318.

¹⁵⁾ Белогорцев И. Д. Кирпичные постройки..., с. 130.

¹⁶⁾ Раппопорт П. А. Собор Духова монастыря в Смоленске - памятник зодчества XVI века. - В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1978, с. 230.

¹⁷⁾ Юшко А. А. Кирпичеобжигательная печь конца XII в. в Смоленске. - В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 307.

-333-

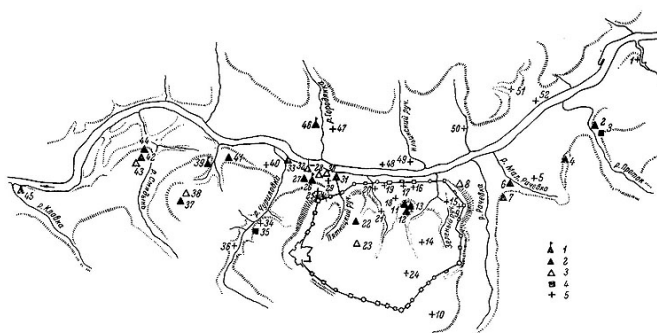

Рис. 171

Схема расположения древних смоленских памятников

1 - сохранившиеся памятники; 2 - памятники, изученные археологическими раскопками; 3 - неизученные, но существовавшие памятники; 4 - изученные раскопками производственные комплексы; 5 - сомнительные или несуществующие памятники

-334-

4. Церковь на Окопном кладбище. (См. с. 287)

5. Церковь на ул. Верхний Волок. "За Малой Рачевкой, в архиерейской слободе литовского периода, найдены развалины в виде кургана, приютившегося к нагорью. Строительный материал - не древний. Судя по позднейшим данным, это была Предтеченская архиерейская церковь".¹⁸⁾ Поблизости И. М. Хозеров нашёл остатки напольной кирпичеобжигательной печи XII-XIII вв.¹⁹⁾ И. Д. Белогорцев отметил здесь лишь "скрытые под землёй руины", а на поверхности россыпь плинфы и древнего раствора.²⁰⁾ При обследовании в 1963 г. древних строительных материалов не обнаружено.

6. Церковь на Малой Рачевке. (См. с. 221)

7. Развалины в Перекопном переулке. (См. с. 109)

8. Руины храма на месте церкви св. Духа, построенной в 1765 г. (ул. Горького). Напротив храма при рытье в 1929 г. водопроводной траншеи были обнаружены крупные блоки стен рухнувшего здания, а в 1955 г. при рытье траншеи вдоль северного фасада Духовской церкви - северная стена здания XII в. со следами пилястры (?), сложенная на бутовом фундаменте из плинфы на известково-цемяночном растворе. Плинфа имеет знаки и клейма, а на постели - граффити; её размеры 3 x 16 x 22, 3.5 x 16 x 28 и 5 x 15 x 27 см. Некоторые знаки "повторяют в точности знаки Борисоглебской церкви на Смядыни", почему И. М. Хозеров относил руины к первой половине XII в.²¹⁾

9. Россыпь плинфы и цемяночного раствора, обнаруженная при закладке в 1947 г. шурфа около башни Веселуха. Размеры плинф 3 x 15 x 27 и 3.5 x 16 x 30 см. Около этого места в 1789 г. была построена церковь Покрова (по которой и россыпь стройматериалов относилась И. Д. Белогорцевым к древней церкви Покрова).²²⁾ Наш шурф (1963 г.) у северного фасада существующей церкви показал, что в кладке её оснований древний материал не использован, нет его следов и в прилегающем слое.

10. Скопления большого количества плинфы прослежены в 1948 - 1949 гг. при строительстве жилых домов на улицах Энгельса и Нахимсона; старое здание могло находиться на их перекрёстке. Преобладающие размеры плинф 3 x 16 x 22, 3.5 x 16 x 28 и 4 x 16 x 28 см. Считалось, что это следы церкви Евдокима.²³⁾ В россыпи плинфы не было цемяночного раствора, не встречено и блоков кладки.

¹⁸⁾ УЦДС, № 27, с. 92. - Церковь Иоанна Предтечи упоминается в "Росписи выдаваемой от царицы Александры Федоровны руги смоленским церквам и монастырям 1598 г." (СС, 1911, вып. I, ч. 2, с. 32. Далее: Роспись... руги... 1598 г.); в примечании И. И. Орловского указано: "На Рачевке".

¹⁹⁾ Хозеров И. М. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. - КСИИМК, 1945, вып. XI, с. 26.

²⁰⁾ Белогорцев И. Д. Кирпичные постройки..., с. 133.

²¹⁾ Писарев С. П. Памятная книга..., с. 170; Хозеров И. М. Рукопись ИИ, с. 199; Белогорцев И. Д. Кирпичные постройки..., с. 133.

²²⁾ Белогорцев И. Д. Кирпичные постройки..., с. 134.

²³⁾ Там же. - Церковь Евдокима праведного упоминается в "Росписи... руги... 1598 г.", однако документ этот никак не определяет места здания.

-335-

* * *

Обзор памятников и их следов в границах крепости XVI в. естественно начать с построек детинца.

11. Успенский собор. (См. с. 25)

12. Княжеский терем. (См. с. 103)

13. Бесстолпный храм. (См. с. 91)

14. Церковь Спаса в городе. В центральной части города имеется холм, носящий наименование Спасского. Здесь в 1766 г. была построена церковь Спасо-Преображения. При земляных работах в 1939 г. в 150-200 м от этой церкви были обнаружены "развалины неизвестной церкви XII в.". Они обследованы И. М. Хозеровым.²⁴⁾ По его свидетельству, кладка была типичной для смоленского строительства XII-XIII вв. Найденный лекальный кирпич в виде сектора позволил утверждать, что здание имело пилястры с полуколоннами, подобно церкви Петра и Павла и Борисоглебскому собору Смядынского монастыря. Хозеров обнаружил в развале плинфу со знаком, сходным со знаком на кирпиче смядынского собора, что дало ему

основание отнести храм на Спасском холме к середине XII в., т. е. ко времени Ростислава.²⁵⁾

Описывая найденные остатки, И. М. Хозеров отметил, что это были только развалы кладки; ни фундаментов, ни сохранившихся кладок он не видел. Поэтому не исключено, что данный развал мог являться следствием переноса сюда старого щебня с какого-либо другого места. Обследование водопроводной траншеи, проложенной в 1973 г. в непосредственной близости от здания Спасской церкви (несколько западнее её), не выявило никаких следов древних строительных материалов. Таким образом, вопрос о существовании древнего храма на Спасском холме остается открытым.

15. Неизвестный храм на углу Большой Покровской улицы и Зелёного ручья. В 1881 г. здесь "виднелись из земли следы трёх каменных алтарных полукружий".²⁶⁾ Поиски храма, сопровождавшиеся шурфровкой (1973 г.), не дали результатов.

16. Под Соборной горой можно предполагать наличие двух храмов. Крепость Федора Коня сохранила их имена в названиях башен, расположенных поблизости одна от другой. Лазаревская четырёхугольная башня с Духовскими воротами (взорвана в 1812 г.) связывается с Лазаревской церковью, построенной четвёртым епископом - Лазарем (упом. около 1220 г.).

²⁴⁾ Хозеров И. М. 1) Археологическое изучение..., с. 24; 2) Рукопись ИИ, с. 198.

²⁵⁾ Я. Н. Щапов высказал предположение, что именно Спасский холм был тем холмом, который князь Ростислав пожертвовал епископии (30 сентября 1150 г.): "И холм даю святей богородици и епископу" (Щапов Я. Н. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича. - В кн.: Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1962, с. 46).

²⁶⁾ Писарев С. П. Памятная книга..., с. 169; УЦДС, с. 71-72. - Имя храма неизвестно. По С. П. Писареву - это церковь Богоматери "живоносный источник". Не стояла ли здесь церковь "Происхождения креста", упоминаемая в "Росписи... руги... 1598 г."?

-336-

Лазаревская церковь упоминается в "Росписи... руги... 1598 г." Едва ли можно думать, что она была построена в литовское время; вероятнее отнести её к началу XIII в. Весь участок, с которым связаны интересующие нас храмы, был в конце XIX в. занят строительством электростанции и трамвайного депо. Археологический надзор обнаружил здесь древнее кладбище с погребениями в дубовых колодах, обернутых берёстой, и большое количество плиток от разрушенного храма (или храмов?).²⁷⁾

17. К западу от Лазаревской церкви стояла церковь Симеона. По ней крепостная башня смоленской крепости называлась Симеоновской.²⁸⁾ Постройка двух епископских храмов на этом участке вызвана, видимо, тем, что северо-восточный угол города был тесно связан со смоленской епископией; здесь находился Крылошовский конец города, т. е. конец, связанный с объединением церковников-клирошан. Симеоновская церковь могла быть построена смоленским епископом Симеоном (упом. в 1197 г.).

18. Западнее Крылошовского конца, против Днепровских ворот, выходивших на днепровскую пристань, с большой вероятностью помещают торг и "вечевую площадь". Здесь у подножия существующей на склоне Соборной горы церкви Благовещения (1779 г.) прослежен "выход плиточной кладки" (размеры плиток 3 x 16 x 22 и 4 x 16 x 28 см). И. Д. Белогорцев присваивал эти остатки церкви Фрола и Лавра.²⁹⁾ Шурфы у стен Благовещенской церкви показали, что в её основании нет древних материалов, равно как в слое нет кусков плитки и цементного раствора. Однако старое наименование Днепровских ворот Фроловскими заставляет думать, что одноименная церковь Фрола и Лавра находилась где-то поблизости.³⁰⁾ Г. Бугославский, комментируя изображение Смоленска на иконе Авраамия и Меркурия Смоленских времени Петра I, считал, что каменная одноглавая церковь, двухскатный верх которой виден рядом с Фроловскими воротами, к востоку от них, и есть храм Фрола и Лавра.³¹⁾ Л. Лавровский оспаривал это определение Бугославского, опираясь на показание

переписи беглых крестьян в осаждённом Смоленске, упоминающей церковь Фрола и Лавра "за Никольской башней", т. е. на половине Казанской горы.³²⁾ Однако это не бесспорно, ибо в городе XVII в. могла быть вторая Фрололаврская церковь, как были две Никольские, две Ильинские, две Пятницкие.

²⁷⁾ *Покрышкин П. П.* Смоленская крепостная стена. - ИАК, 1904, вып. 12, с. 14-15, табл. 1, III; *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стб. 589; *Писарев С. П.* Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, с. 180 (прим. 3); *Роспись... руги... 1598 г.*, с. 30; *Писарев С. П., Неклюдов М. Н.* Раскопки в Смоленске. Смоленск, 1901; *Грачёв В. И.* Иллюстрированный путеводитель по Смоленску. Смоленск, 1908, с. 56.

²⁸⁾ Источники те же, что в предыдущей сноске.

²⁹⁾ *Белогорцев И. Д.* Кирпичные постройки..., с. 135.

³⁰⁾ Наличие Фрололаврской церкви в зоне торгового двора, может быть, указывает, в частности, на торговлю здесь конями (см.: *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, с. 93; *Писарев С. П.* Памятная книга..., с. 162).

³¹⁾ *Бугославский Г.* Вид Смоленска времени Петра I. - АИЗ, 1896, т. 4, с. 48-52.

³²⁾ *Лавровский Л.* Новые данные для топографии г. Смоленска в начале XVII века. - СЕВ, 1914, № 8-9, с. 13.

-337-

19. Церковь Бориса и Глеба "в городе", знаменитая своей связью с восстанием смолян 1440 г., вероятнее всего находилась между проломом крепостной стены по пути к Днепровскому мосту и Днепровскими воротами.³³⁾ Л. Лавровский, используя данные переписи беглых крестьян, отметил упоминание около крепостной стены и Городенской башни "Борисоглебского двора" и высказал мнение: "Возможно предполагать, что церковь святых Бориса и Глеба стояла между башней Городенской и Фроловскими воротами, саженях в трёх от стены, недалеко от того места, где теперь вход в Богоматерскую церковь".³⁴⁾ Король Ян-Казимир в 1650 г. возвратил православным смолянам церковь Бориса и Глеба "под мурами смоленскими".³⁵⁾ Вспомним, что культ Бориса и Глеба оттенял их роль как военных патронов земли Русской ("земля Русьская забрала в утверждение"), и постройка их храма у главных городских ворот была очень уместна и символична, тем более что Смоленск был освящён кровью убитого на Смядыни князя Глеба.

20. Древние строительные материалы - плинфа и цемяночный раствор - прослежены на углу современных улиц Студенческой (бывш. Немецкая) и Войкова. Размеры плинф 3 x 18 x 25 и 3.5 x 20 x 28 см. Никаких данных о характере здания и его имени нет ("руины скрыты грунтом"). Не исключено, что с этим храмом связано прослеженное по соседству кладбище с погребениями в дубовых колодах.³⁶⁾

21. Напротив Успенского собора, к западу от него, на ул. Парижской Коммуны (бывш. Резницкая) отмечена россыпь плинф размерами 3 x 18 x 25 и 3.5 x 20 x 28 см. По другим данным, здесь, "во рву", были видны обширные развалины неизвестного храма из плиткообразного кирпича.³⁷⁾

22. Воскресенская церковь. (См. с. 239)

23. Следы древнего здания были обнаружены в 1952 г. во время прокладки кабеля к Дому Советов в верхней части улицы Войкова, при выходе её на улицу Пржевальского. Уцелел большой кусок стены, сложенной из плинфы на известково-цемяночном растворе, окружённый его россыпью. Плинфы, по словам И. Д. Белогорцева, очень близки плинфам древней Воскресенской церкви. Исследователь определил эти остатки как след укреплённого двора князя Ростислава с башней-цитаделью, хотя ни

³³⁾ *Бугославский Г.* О Борисоглебской церкви г. Смоленска. - СС, 1909, вып. I, ч. 1, с. 183

³⁴⁾ *Лавровский Л.* Указ. соч., с. 14. - Автор ошибочно указывает, что церковь Бориса и Глеба изображена на гравюре Смоленска 1627 г. "на правой стороне от Днепровских ворот, если ехать через них с Днепровского моста". На гравюре такого изображения нет.

³⁵⁾ *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. - СС, 1909, вып. I, ч. 1, с. 247.

³⁶⁾ *Хозеров И. М.* Рукопись ИИ, с. 213; *Белогорцев И. Д.* Кирпичные постройки..., с. 135.

³⁷⁾ Историко-статистическое описание..., с. 231; УЦДС, с. 72; *Хозеров И. М.* Рукопись ИИ, с. 198; *Белогорцев И. Д.* Кирпичные постройки..., с. 135; - Л. Лавровский полагал, что это был храм в честь смоленского героя Меркурия. Однако канонизация Меркурия, видимо, не состоялась, и он пользовался лишь местным почитанием, установленным до начала XVII в. (*Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, с. 141).

-338-

в одном источнике нет никаких сведений о подобном дворе или башне. ³⁸⁾ Он опирался при этом на мнение С. Д. Ширяева, который полагал, что изображённый на гравюре Келлера 1610 г. двор с высокой башней, стоящей в центре крепости, является остатком княжеского двора с деревянной оградой и каменной башней. ³⁹⁾ В действительности башня, изображённая на этой гравюре, - очевидно, резиденция литовского наместника, сооружённая в литовскую пору. ⁴⁰⁾ На несравненно более реалистической гравюре 1625-1627 гг. данный комплекс показан гораздо западнее, чем на гравюре Келлера, и имеет более скромные размеры. Таким образом, обнаруженные руины пока остаются без точного определения, но сам факт наличия здесь здания XII-XIII вв. бесспорен.

24. В северном конце Интернациональной (бывш. Большая Одигитриевская) улицы у стен Одигитриевской церкви была прослежена россыпь плинф и известково-цемяночного раствора. И. Д. Белогорцев считал эту россыпь следом церкви Луки. ⁴¹⁾

* * *

Переходим к наиболее насыщенному следами и остатками монументальных построек району, лежащему к западу от крепости XVI в., вниз, по течению Днепра.

25. В верхней части этого района, около бывш. Богословской башни, в квартале между улицами Бакунина и Перовской, наблюдались, по словам И. Д. Белогорцева, "следы плинфяной кладки" (не россыпь ли?), которые он сначала ошибочно связывал с церковью Николы Полутелого, а затем определил их как храм Богородицы Гончарской. ⁴²⁾

26. Церковь Ивана Богослова. (См. с. 116)

27. Ротонда ("немецкая божница", см. с. 140).

28. И. М. Хозеров сообщает, что на Богословской (ныне Краснофлотская) улице, чуть восточнее самой Иоанно-Богословской церкви, в 1936 г. были обнаружены развалины неизвестной церкви XII-XIII вв., "четырёхстолпной, о трёх апсидах полукруглого очертания. Кладка стен и столбов кирпичная, рядовая, обычного для Смоленска типа. Кладка фундамента вполне аналогична кладке фундамента Петропавловской церкви, т. е. бутовая на жидкой глине. Многие кирпичи имеют знаки. Некоторые из них напоминают знаки на кирпичах Петропавловской церкви. На плане В. Гондиуса мы видим эту церковь", т. е. она была цела ещё в 1634 г. ⁴³⁾ В последнем случае исследователь не прав, так как постройка, представ-

³⁸⁾ *Белогорцев И. Д.* Кирпичные постройки..., с. 135-136.

³⁹⁾ *Ширяев С. Д.* Смоленск и его социальный ландшафт в XVI-XVII вв. Смоленск" 1931, с. 35.

⁴⁰⁾ *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь..., с. 237.

⁴¹⁾ *Белогорцев И. Д.* Кирпичные постройки..., с. 134. - Церковь евангелиста Луки

упоминается без указания места в "Росписи... руги... 1598 г." (с. 31).

⁴²⁾ *Белогорцев И. Д.* Кирпичные постройки..., с. 136, прим. 4. - Храм Богородицы Гончарской действительно существовал, но значительно южнее, в районе Шейновской башни и бывш. Казанской церкви. Он был, как правдоподобно полагают, деревянным (*Лавровский Л.* Указ. соч., с. 15-17).

⁴³⁾ *Хозеров И. М.* Рукопись ИИ, с. 192-193.

-339-

ленная у Гондиуса, скорее всего, является искажённым изображением ротонды. ⁴⁴⁾ Существенно, что описанный Хозеровым памятник, видимо, был современником Петропавловской и Иоанно-Богословской церквей.

29. Первое упоминание о церкви Николы Полутелого (или Полетелого) находится в Судной грамоте 1489 г. короля Казимира на право причта данной церкви владеть с. Фоминым на Рагоже. Это село было отдано храму по духовной "дядька" отца жалобщика (т. е. двоюродного деда его), ⁴⁵⁾ что позволяет отодвинуть дату "первого упоминания" к середине XV в. Это делает весьма вероятной датировку храма XII- XIII вв., так как предполагать какое-либо церковное строительство в литовское время нет оснований. К сожалению, местоположение памятника точно не определяется, ибо участок в районе церкви Ивана Богослова буквально насыщен руинами древних зданий, не имеющих точных определений и к тому же лишь частично вскрытых при строительных работах. В литературе же мнения расходятся. В определении места церкви Николы мы согласны с С. П. Писаревым и И. И. Орловским. Её остатками они считали руины "из древних кирпичных плиток", обнаруженные на левой стороне Богословской улицы на левом берегу Пятницкого ручья (ныне ручей Воровского). Храм считали посадским. С его именем связывали название Микулинской (Никольской) крепостной башни. ⁴⁶⁾ Видимо, эти же руины были вскрыты вторично при прокладке водопроводной траншеи в 1909 г. "Напротив дома Лапс, где до XVII в. существовала каменная церковь Николы Полутелого", обнаружили "толстую стену с алтарными полукружиями, сложенную из плиток XII-XIII вв., и под стенами - огромнейшие камни, служившие фундаментом храма". Были также найдены майоликовые плитки от его пола. ⁴⁷⁾ Характер фундамента из крупных валунов и трехапсидность (отмечено - "полукружиями", т. е.

⁴⁴⁾ И. Д. Белогорцев ошибочно совместил эти данные И. М. Хозерова (1936 г.) со своими наблюдениями над другими руинами, открытыми им в 1961 г. (*Белогорцев И. Д.* Кирпичные постройки..., с. 136-137).

⁴⁵⁾ *Никитин П.* История г. Смоленска. М., 1948, прил. 6, с. XVI-XVII. - В грамоте эпитет "полетелый" написан через "ять". Что он означает, сказать трудно. С. П. Писарев предполагал, что его следует читать как "полутелый", и считал, что престольным церковным образом был Никола типа Зарайского, где, однако, Никола изображён в рост (*Писарев С. П.* Памятная книга..., с. 152). В другом месте, описывая найденную печать, он сообщал, что на одной стороне изображён Никола "в венце (митре?)", так называемый полутелый" (там же, с. 156). Не была ли храмовой поясная ("полутелая") икона Николы, которая почему-то вызвала особое почитание смолян? Л. Лавровский, возражая переделке Писаревым орфографии, полагал, что слово "летелый" означает посвящение храма Николе-летнему (*Лавровский Л.* Указ. соч., с. 15).

⁴⁶⁾ *Писарев С. П.* 1) Памятная книга..., с. 151-152; 2) Княжеская местность..., с. 228 (храм стоял "в Пятницком остроге за ручьём того же имени под Никольской башней"); *Орловский И. И.* Смоленская стена. Смоленск, 1902, с. 36. - После разрушения храма была построена "в память его" в 1654 г. (по И. Шупинскому - в 1756 г.) церковь в крепости; она дала новое имя бывш. Еленинской башне и Никольской улице (*Писарев С. П.* Княжеская местность..., с. 228).

⁴⁷⁾ Археологические находки. - СВ, 1909, № 159; К археологическим находкам. - Там же, №

во множественном числе) позволяют думать, что церковь Николы Полутелого была современницей храмов Петра и Павла и Ивана Богослова. Появление на прибрежном торге церкви Николы - "покровителя плавающих и путешествующих" - вполне естественно.

Очень подозрительно сходство описанного храма с церковью, обследованной И. М. Хозеровым в 1936 г. (№ 28). Не исключена возможность, что из-за путаницы топографических определений здесь разделились сведения об одном и том же памятнике. Впрочем, места расположения памятников этого района указаны в литературе настолько неточно, что данный храм мог быть и тем, который в 1951 г. раскапывал И. Д. Белогорцев (Пятницкая церковь - № 31).

30. Часть "стены двора князя Романа" (сводку и анализ сведений о ней см. с. 134).

31. Пятницкая церковь (см. с. 274).

32. Против ротонды (так по чертежной "Схеме...", а в тексте - значительно восточнее - против "стены двора князя Романа", на склоне к Днепру) И. Д. Белогорцевым в 1948 г. было прослежено скопление плинфы вместе с разрушенной кирпичной кладкой XIX-XX вв. В сторону Днепра выходила нетронутая плинфяная кладка. Местные жители называли эти развалины "немецкой каплицей", отчего исследователь счёл руины остатками "варяжской церкви". "Когда же в 1953 г. при работах на набережной Днепра экскаватор разрушил остатки как древней, так и новой постройки, то обнаружилась необычная толщина кладки (до восьми плинф - 2 м) при протяжённости до 8 м, без выступов и проёмов... Под плинфяной кладкой обнаружен слой бутового фундамента на глине". Автор считал, что это фрагмент подпорной стены.⁴⁸⁾ При всей неожиданности такой гипотезы она имеет право на существование: укрепление днепровского берега в зоне столь густой монументальной застройки весьма вероятно.

33. Церковь у устья р. Чуриловки (см. с. 228).

34. Выше по течению р. Чуриловки, на её правом берегу, в слободе Дальняя (или Богословская) Козинка (ныне Малая Пушкинская), С. П. Писарев обнаружил (на усадьбе Волонцевича) следы древнего храма - кладку из плинфы (её размеры 3.5 x 18 x 30 и 4 x 15 x 26 см) на глиняном растворе (?) и обломки фресок. Следов булыжного фундамента не встречено. Станным образом автор датировал постройку XIII-XIV вв., когда монументальное строительство в Смоленске было маловероятным. Неподалёку от этих руин, на крутом склоне Чуриловского оврага, И. М. Хозеров обнаружил в 1930 г. "остатки древней напольной печи, загруженной обожженной плинфой с имеющимися на ней знаками и клеймами".⁴⁹⁾ Очень возможно, что кладка на глиняном растворе, кото-

⁴⁸⁾ *Белогорцев И. Д.* Кирпичные постройки..., с. 138-139

⁴⁹⁾ *Писарев С. П.* 1) Следы каменного здания XIII-XIV вв. в г. Смоленске. - СВ, 1889, № 2; 2) Княжеская местность..., с. 25; 3) Памятная книга..., с. 154; *Хозеров И. М.* Рукопись ИИ, с. 192; *Белогорцев И. Д.* Кирпичные постройки..., с. 140 (автор спутал два памятника: "храм девы Марии" и "Чуриловскую церковь", разнеся данные об одном памятнике на два и оставив на "Схеме..." второй без порядкового номера).

была раскопана в 1973 г. (№ 35).

35. Кирпичеобжигательная печь.⁵⁰⁾

36. Южнее, на левом берегу р. Чуриловки, несколько севернее выхода чуриловской дамбы, была прослежена "довольно обильная россыпь плинфы и известково-цемяночного раствора". И. Д. Белогорцев предполагал, что это "следы древней Стефановской церкви, упоминаемой в ряде источников". Однако единственный, упоминающий церковь мученика Стефана источник - "Роспись... руги... 1598 г.", видимо, говорит, как полагал И. И. Орловский, о храме, стоявшем где-то в районе северо-восточной Стефановской башни крепости Федора Коня. Следовательно, данная россыпь древних материалов на Чуриловке не может быть паспортизована. Не исключено, что это случайное скопление щебня, добытого для хозяйственных нужд из соседних руин Спасского монастыря.⁵¹⁾

37. Спасский монастырь. Собор (см. с. 254).

38. Спасский монастырь. Ворота (см. с. 269). Саму якобы кирпичную ограду впрямь до появления реальных данных мы исключаем из списка монументальных построек Смоленска.

39. Храм архангела Михаила (так называемая Свирская церковь, см. с. 163). Здесь мы исключаем из перечня И. Д. Белогорцева сразу три объекта: лестничную башню, великокняжеский дворец ("гридницу") и ограду.⁵²⁾ Как показали археологические разведки, никаких следов башни, как и каменной ограды, нет.⁵³⁾ Что касается "гридницы", то указывалось даже её местоположение - в 150-200 м от храма в юго-западном углу ограды; от неё якобы сохранился "четырёхугольник" 10 x 20 м. Однако в действительности это следы построенного в конце XVIII в. купцом В. Г. Хлебниковым каменного дома для школы, разобранного в 30-х гг. XIX в.⁵⁴⁾

40. Западнее р. Чуриловки под полотном Большой Краснофлотской улицы И. М. Хозеров отметил "развалины церкви домонгольского периода", прорезанные, "по сведениям старожилов", в 1890-х гг. прошедшей по середине улицы водопроводной магистралью.⁵⁵⁾ На нашу схему памятник нанесён условно: точных координат его нет. Быть может, эти сведения следует относить к храму, раскопанному в 1973 г. (№ 41).

⁵⁰⁾ *Раппопорт П. А., Шолохова Е. В.* Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция. - В кн.: Археологические открытия 1973 года. М., 1974, с. 75.

⁵¹⁾ *Белогорцев И. Д.* Кирпичные постройки..., с. 140; *Роспись... руги... 1598 г.*, с. 31, прим. 7. - Л. Лавровский считал, что церковь Стефана "находилась на Покровской ул. или на усадьбе священника Яблонского, передававшего мне, что его усадьба - сплошное кладбище..., или немного выше, на соседней усадьбе г-жи Кулагиной" (*Лавровский Л.* Указ. соч., с. 31).

⁵²⁾ *Писарев С. П.* Княжеская местность..., с. 36; *Белогорцев И. Д.* Кирпичные постройки. ..., с. 141.

⁵³⁾ *Алешковский М. Х., Подъяпольский С. С.* Новые данные о церкви Михаила архангела в Смоленске. - СА, 1964, № 2, с. 235-236.

⁵⁴⁾ *Писарев С. П.* Княжеская местность..., с. 261, 287.

⁵⁵⁾ *Хозеров И. М.* Рукопись ИИ, с. 191.

41. Церковь на Большой Краснофлотской улице (см. с. 280).

42. Борисоглебский собор Смядынского монастыря (см. с. 37).

43. И. Д. Белогорцев отметил, что в 1954 г. "вследствие обрушения земли у обочины дороги", проходящей южнее остатков Борисоглебского собора, выявилась стена, сложенная из плинфы на древнем растворе.⁵⁶⁾ Она шла приблизительно параллельно южной стене собора. Исследователь интерпретировал данную стену как ограду, которой был обнесён Смядынский монастырь. В настоящее время здесь проходит широкая современная дорога и археологические раскопки невозможны. Однако в 1973 г. в саду, непосредственно примыкающем к этому участку

с юга (примерно в 80 м к юго-юго-западу от руин собора), обнаружен развал древней кладки. Плинфы развала имеют размер 3.5-4 x 18.5-19.0 x 25.5 см, т. е. не совпадают ни с плинфами основного здания собора, ни с плинфами галереи. Вопрос о том, к какому сооружению относится данный развал, остаётся открытым.

Отмеченная И. Д. Белогорцевым прямоугольная насыпь, лежащая к востоку от Борисоглебского собора и принятая им за остатки монастырской трапезной,⁵⁷⁾ представляет собой кучу древнего строительного мусора, аккуратно собранного сюда при раскопках собора в 1907-1908 гг.

44. Церковь Василия на Смядыни (см. с. 151).

45. Собор Троицкого монастыря на Кловке (см. с. 196).

* * *

Северный, правый, берег Днепра относительно беден памятниками древней архитектуры и их следами.

46. Церковь Петра и Павла (см. с. 64).

47. В районе виадука И. М. Хозеров отметил наличие древнего кладбища с погребениями в дубовых колодах и предполагал, что где-то поблизости должна находиться церковь.⁵⁸⁾ Не об этом ли пункте писал полувеком раньше С. В. Максимов: "Подобные же (как на Протоке) развалины попались и на самом полотне (железной) дороги".⁵⁹⁾

48. Нижне-Никольская церковь около Заднепровского рынка (1748 г.) стоит на месте сгоревшей деревянной предшественницы.⁶⁰⁾ По сообщению И. М. Хозерова, здесь при земляных работах было обнаружено кладбище XII-XIV вв. с погребениями в дубовых колодах.⁶¹⁾ По непроверенным

⁵⁶⁾ *Белогорцев И. Д.* Кирпичные постройки..., с. 142-143. - Более подробные сведения любезно сообщены И. Д. Белогорцевым.

⁵⁷⁾ Там же, с. 142.

⁵⁸⁾ *Хозеров И. М.* Рукопись ИИ, с. 213.

⁵⁹⁾ *Максимов С. В.* Белорусская Смоленщина с соседями. - Живописная Россия, 1882, т. III, с. 460. - В той же работе ещё более глухо автор пишет и о других руинах: "Такие же развалины древнего строения, также погребённого под землёй, подозреваются смоленскими археологами в том месте, где одна из загородных дорог перекидывается через приметное возвышение в виде бугра".

⁶⁰⁾ *Писарев С. П.* Княжеская местность..., с. 255.

⁶¹⁾ *Хозеров И. М.* Смоленск в начале XVII в. - В кн.: Смоленская оборона 1609-1611 гг. Смоленск, 1939, с. 229.

сведениям местных жителей, в основании церкви или же современного здания, построенного к востоку от неё, наблюдалась кладка из плинфы. В шурфе, заложенном в 1973 г. близ апсиды церкви, древних материалов не обнаружено.

49. Очень расплывчаты данные о церкви Ильи, которые отправляются от названия впадающего в Днепр ручья и не раз упоминавшегося текста Никоновской летописи о постройке в 1146 г. четырех храмов (в том числе и Ильинского), ошибочно связанных со Смоленском. Грамота короля Казимира 1501 г. упоминает двор князя С. В. Бельского "за Днепром, в месте Смоленском, близко церкви святого Илии".⁶²⁾ Её местоположение на своём плане И. И. Орловский указывает (следом за планом С. П. Писарева) на правом берегу ручья, у его устья, где в урочище с примечательным названием "Прусов Огород" ("в усадьбе Клименкова"; вспомним Луку Прусина из "Жития Авраамия Смоленского") были найдены следы кладбища - надгробные

плиты, перстень, металлический сосуд.⁶³⁾ Писарев упоминает о находке здесь плинфы. И. М. Хозеров считал вероятным существование в этом районе каменной церкви XII в., связывая с ней следы древнего кладбища с погребениями в дубовых колодах, обнаруженного в 30-х гг. по соседству, на Набережной улице.⁶⁴⁾ И. Д. Белогорцев в своей "Схеме..." помещает церковь Ильи значительно (на 800 м) выше на левом берегу ручья и пишет довольно неопределенно: "В районе Свердловских улиц имеются руины ... на поверхности земли наблюдается известково-плинфяная россыпь. Размеры плинф установить не удалось".⁶⁵⁾ В нашей схеме мы следуем Писареву и Орловскому.

50. Восточнее Ильинской церкви предполагается место храма Екатерины на правом берегу ручья Крупошицы. Его развалины были разобраны в 1838 г. "Остатки стен какого-то каменного храма, - сообщал С. П. Писарев, - были найдены во время прокладки Московско-Брестской железной дороги на самом полотне линии".⁶⁶⁾

51. Еще Н. Н. Мурзакевич писал, что близ кладбищенской Гурьевской церкви на правом берегу Днепра, на горе, есть следы Крестного монастыря, где подвизался Авраамий Смоленский. Особое внимание ему уделил С. П. Писарев. После долгих поисков исследователь нашел у юго-западного угла ограды Гурьевского кладбища майоликовые плитки, сделанные "из черной глины или речного ила". Он отнёс их к храму Креста, который почему-то считал деревянным. Сравнивая плитки с плитками смядынского собора и отмечая лучшее качество последних, он считал их более поздними, т. е. относил убор храма Креста (как и всю постройку?) к более раннему времени. И. М. Хозеров повторил обследование и нашёл мелкие майоликовые квадратные плитки (10 x 10 и 11.5 x 11.5 см) и треугольные (с катетами 10, 11.5 см), из чего заключил, что храм был несо-

⁶²⁾ УЦДС, с. 52.

⁶³⁾ Орловский И. И. Достопамятности Смоленска, с. 43-44, план.

⁶⁴⁾ Хозеров И. М. Рукопись ИИ, с. 196-197.

⁶⁵⁾ Белогорцев И. Д. Кирпичные постройки..., с. 143.

⁶⁶⁾ Писарев С. П. Памятная книга..., с. 179; Орловский И. И. Борисоглебский монастырь..., с. 251, прим. 3; Белогорцев И. Д. Кирпичные постройки..., с. 143 (здесь назван левый берег ручья).

мненно каменным. Остатков его на месте находки Хозеров не обнаружил и полагал, что на руинах храма построена существующая Гурьевская церковь.⁶⁷⁾

52. Юго-восточнее Гурьевского кладбища, в подножии Печерской горы ("между проезжей из города дорогой и железнодорожной линией"), С. П. Писарев отметил следы старинного кладбища и предположил, что где-то поблизости был упоминаемый в 1609 г. Печерский храм, вероятно существовавший издревле. Одна из редакций "Повести о Меркурии Смоленском" сообщает, что Меркурий был призван на подвиги богоматерью не из городского Успенского собора, а из собора Печерского монастыря, который "вне града бысть, близ за Непр рекою".⁶⁸⁾ И. М. Хозеров обошёл это урочище молчанием. По И. Д. Белогорцеву, здесь "прослеживается плинфяная россыпь", место которой обозначено неопределённо: "Вблизи Днепра, в районе еврейского кладбища".⁶⁹⁾

* * *

В период расцвета Смоленского княжества, в XII-XIII вв., на территории Смоленской земли возникли города, служившие как административными, так и экономическими, торгово-ремесленными, центрами. Правда, в отличие от большинства других русских земель процесс феодального дробления на уделы шёл здесь очень медленно, и вплоть до 30-х гг. XIII в. ни один смоленский город, кроме Торопца, не стал самостоятельным княжеским центром. Тем не менее

бурный рост монументального строительства в Смоленске должен был, очевидно, захватить и другие города княжества. К сожалению, археологическое обследование этих городов выявило лишь наличие кирпичных построек в нескольких пунктах; ни один памятник пока не изучен.

53. Рославль (древний Ростиславль). В 1875 г. при устройстве фундамента под новый иконостас Благовещенской церкви, построенной в 1783 г., были найдены "кирпичные обломки, выжженные превосходно, замечательные по своей плитообразной форме, непохожей на формат кирпичей смоленской стены".⁷⁰⁾ Ширина кирпичей 16.5 см (6.5 дюймов) при

⁶⁷⁾ Мурзакевич Н. Н. Достопамятности г. Смоленска. - ЧОИДР, 1846, кн. I, № 2, Смесь, с. 9; Писарев С. П. 1) Княжеская местность..., с. 12-13; 2) Памятная книга..., с. 178; Хозеров И. М. Рукопись ИИ, с. 209-210. - И. Д. Белогорцев добавляет, что здесь были якобы и плинфы (3.5 x 20 x 30 и 4 x 22 x 30 см). Он датировал церковь без всякой аргументации 1128-1133 гг. (Белогорцев И. Д. Кирпичные постройки..., с. 143).

⁶⁸⁾ Белецкий Л. Т. Литературная история "Повести о Меркурии Смоленском". Исследования и тексты. - Сб. ОРЯС, 1922, Пг., т. 29, № 8, с. 55.

⁶⁹⁾ Белогорцев И. Д. Кирпичные постройки..., с. 143. - Мы исключаем из нашего перечня "церковь на речке Вязовеньке XII в.". Сведения о ней находим лишь у И. Д. Белогорцева: "На её месте - земляной холм с выходом отдельных плинф, близких к плинфам Петропавловской церкви". Странно, что не указан размер плинф (если они действительно были?). Ко времени нашего обследования в 1963 г. холм был занят складом лесоматериалов и огородами; на его поверхности оказалось много кирпичного щебня, но древних остатков или материалов не найдено.

⁷⁰⁾ Ракочевский С. Опыт собрания исторических записок о г. Рославле. - Изв. Рус. археол. о-ва, СПб., 1880, т. IX, с. 516.

-345-

толщине 3.8-5 см (1.5-2 дюйма). На кирпичах имелись следы раствора. Очевидно, что на месте Благовещенской церкви в древности стояла другая постройка (вероятно, одноимённая церковь), возведённая из плинфы.

В настоящее время на месте бывш. Благовещенской церкви расположен сквер на пересечении улиц Ленина (бывш. Большая Брянская) и Пролетарской (бывш. 1-я Успенская). Здесь в 1973 г. был заложен шурф, в котором на глубине около 0.6 м обнаружены развал древней кладки, обломки плинф и древний раствор. В 1975 г. на этом участке удалось провести небольшие раскопки - заложены три шурфа (общая площадь около 36 м²).⁷¹⁾ Раскопки показали, что под слоем чёрной земли, которая была привезена для устройства сквера, всюду лежит развал строительных материалов храма XVIII в. В нём встречаются обломки плинф и россыпь древнего строительного раствора. Ниже этого слоя кое-где имеется прослойка земли, насыщенной исключительно древними строительными материалами, - видимо, слой разрушения древнего храма. Материк залегает на глубине 0.8-1.2 м.

Найденные кирпичи очень чётко формованы, хорошо обожжены. Все они красно-кирпичного цвета; тесто их плотное, иногда слегка слоистое. Знаков на кирпичах не обнаружено. Толщина кирпичей от 3 до 4.2 см, в среднем 3.6-3.7 см. Ширина от 15.5 до 18 см, чаще - 17.5 см. Длина кирпичей не определена. Раствор известковый, прочный, бурый, с большим количеством крупных включений - куски кирпичей, шлак, уголь, неперемешанная известь. Размер включений достигает 2-3 см. Толщина слоя раствора, судя по найденным кускам, 3-4 см. Вместе с древними кирпичами обнаружена ручка от амфоры со следами приставшего древнего раствора.

Судя по концентрации древних строительных материалов, остатки здания должны находиться очень близко от шурфов, вероятно, в южном или юго-восточном направлении от них, т. е. ближе к центру сквера. Раскопки здесь провести не удалось.

В шурфах были найдены погребения, относящиеся к XVII-XVIII вв. Одно из них,

датируемое XVII в., оказалось перекрытым сверху слоем развала древних строительных материалов. Очевидно, древний храм был разрушен относительно поздно, в XVII или даже XVIII в.

Обломки плинф были найдены в Рославле и на территории древнего детинца (раскопки 1969-1970 гг.) в слое конца XII-начала XIII в. ⁷²⁾ Они имели толщину 3-4 см, а в одном случае удалось измерить ширину - 17.5 см. На плинфах не было следов раствора. Шурф, заложенный в 1973 г. на детинце, на месте стоявшей здесь некогда часовни, не содержал остатков древних строительных материалов. Очевидно, что встреченные в раскопе кирпичи также происходят от Благовещенской церкви.

⁷¹⁾ *Раннопорт П. А., Шолохова Е. В.* Раскопки в Рославле. - В кн.: Археологические открытия 1975 года. М., 1976, с. 83.

⁷²⁾ *Алексеев Л. В.* Древний Ростиславль. - КСИА, 1974, вып. 139, с. 89. - Более подробные сведения любезно сообщены Л. В. Алексеевым.

-346-

54. Мстиславль. В 1962 и 1968 гг. при раскопках в западной части древнего детинца были обнаружены куски плинф. ⁷³⁾ Толщина их 3-3.5 см; ширина одного из кусков 22 см, другого - 21.5 см.

55. Могилёв. По сведениям И. М. Хозерова, "мы располагаем данными о существовании на территории Могилёва развалин церкви домонгольского периода". ⁷⁴⁾ Разведка, проведённая в 1976 г., показала, что плоские кирпичи, которые ошибочно принимали за плинфу, происходят из руин собора Братского монастыря и относятся к началу XVII в.

56. Дорогобуж. По сведениям И. М. Хозерова, им были найдены обломки плинф и лекальный кирпич от аркатурного пояса на Дорогобужском городище (в центре современного города). ⁷⁵⁾

57. Вязьма. На склоне древнего, городища ("Соборный холм") И. Д. Белогорцев нашёл несколько плинф. ⁷⁶⁾

58. Любавичи (в 60 км к юго-востоку от Витебска). И. М. Хозеров имел сведения, что в кладке новой церкви встречается древняя плинфа. ⁷⁷⁾ Сведения эти нуждаются в проверке.

* * *

Сводя воедино все материалы о древних памятниках смоленского зодчества, данные об археологических раскопках этих памятников, а также результаты детального обследования территории города, можно прийти к следующим выводам.

В настоящее время более или менее детально изучено 19 древних монументальных сооружений. Кроме того, судя по обнаруженным следам, на территории Смоленска, безусловно, существовало ещё семь древних памятников (№ 8, 23, 28, 30, 32, 38 и 43) и четыре памятника в других городах Смоленской земли. Наличие древних построек в остальных пунктах, перечисленных в настоящем обзоре, либо сомнительно, либо вовсе исключено. Таким образом, общее число монументальных сооружений XII-XIII вв., выявленных на территории Смоленского княжества, в настоящее время достигает 30. В этот подсчёт не входят производственные сооружения - кирпичеобжигательные печи, две из которых были раскопаны и изучены.

⁷³⁾ Сведения Л. В. Алексеева.

⁷⁴⁾ *Хозеров И. М.* Рукопись ИИ, с. 7.

⁷⁵⁾ *Хозеров И. М.* 1) Рукопись ГТГ, с. 41; 2) Рукопись ИИ, с. 138-139.

⁷⁶⁾ Сведения И. Д. Белогорцева.

⁷⁷⁾ *Хозеров И. М.* Рукопись ИИ, с. 7.

Памятники смоленской архитектурной школы в других русских землях

Теперь, когда и результате археологических исследований мы располагаем уже не единичными, а достаточно многочисленными памятниками смоленской архитектуры XII—XIII вв., когда можно всесторонне рассматривать их совокупность и дать им оценку, мы вправе с полным основанием решать вопрос о деятельности смоленских зодчих за рубежами их земли, и других русских княжествах.

1

В Новгороде на территории древнего Торга, близ границ Ярославова дворища, стоит церковь Параскевы Пятницы. Своеобразие форм памятника уже давно привлекало к нему внимание исследователей. Его краткое описание и сводка летописных сведений были опубликованы более ста лет тому назад.¹⁾ Время постройки Пятницкой церкви различные авторы определяли по-разному. Сложность датировки объясняется не отсутствием сведений в русских летописях, а, как это ни странно, их обилием. Постройка (или перестройка) Пятницкой церкви отмечена в летописях под 1156, 1191, 1207 и 1345 гг. Правда, уже В. В. Суслов решительно отметил, что «существующий план Пятницкой церкви можно рассматривать как относящийся к концу XII или началу XIII в.»²⁾ К тому же мнению склонен и И. Э. Грабарь, полагавший, что в XIV в. церковь была построена вновь но «на прежних фундаментах, оставшихся от перестройки, а может быть, и новой постройки 1207 года».³⁾

Натурное исследование памятника впервые было проведено в 20-х гг. нашего века группой сотрудников Института истории искусств под руководством Л. Л. Мацулевича.⁴⁾ Результаты этой работы, к сожалению, не опубликованы.

Первым исследователем, полностью оценившим огромное значение Пятницкой церкви для истории русской архитектуры, был Н. И. Брунов.⁵⁾ На основании анализа форм и строительной техники он пришел к выводу, что не только план, но и значительная часть сохранившейся постройки относится к XII в. Указав, что композиция церкви Пятницы оказала влияние на архитектуру романских церквей о-ва Готланд, Брунов в то же

¹⁾ *Макарий*. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М., 1860, с. 268.

²⁾ *Сулов В. В.* Материалы к истории древней новгородско-псковской архитектуры. — ЗРАО. Нов, сер., 1888, т. III, с. 248.

³⁾ *Грабарь И.* История русского искусства. Т. 1. М., 1909, с. 203.

⁴⁾ ЛОАИА, ф. 2, 1924, д. 76, л. 1 (копии обмерных чертежей церкви, исполненные в 1934 г., см. там же, разр. 1, № 100).

⁵⁾ *Brounoff N.* Un nouveau type d'église dans la Russie du Nord-Ouest au XII-ème siècle. — In: *Vetenskaps-Societeten i Lund. Arsbok. Lund. 1925.* См. также: *Брунов Н. И.* О некоторых особенностях полоцко-смоленского зодчества. Доклад, прочитанный в 1924 г. — ЛОАИА, ф. 2. 1924, д. 24, л. 4.

время отметил, что архитектурные формы самой Пятницкой церкви проникли в Новгород из полоцко-смоленских земель.⁶⁾ Он полагал, что церковь Пятницы была построена в 1156 г., т. е. раньше храма архангела Михаила, с которым она имеет больше всего сходства. Из этого он делал вывод, что оба храма обязаны своим происхождением какому-то общему прототипу, искать который нужно также в полоцко-смоленском зодчестве.

Примерно такие же взгляды налагал А. И. Некрасов.⁷⁾ Но уже А. Строков и В. Богусевич на основании анализа летописных текстов пришли к выводу, что в XII в. церковь Пятницы была деревянной, а существующее здание возведено в 1207 г.⁸⁾ Ту же дату принимали Н. Н. Воронин и М. К. Каргер, также отметившие близость новгородской Пятницкой церкви к Михайловской церкви в Смоленске и сделавшие из этого следующий вывод: «Очевидно, что смоленское зодчество конца XII—начала XIII в. оказывало свое воздействие и на Новгород».⁹⁾ Позднее данное положение повторил Каргер, указав, что «в церкви Параскевы Пятницы нельзя не видеть прямого влияния смоленского зодчества».¹⁰⁾

В 1954—1957 гг. было произведено детальное изучение памятника, после чего его древняя часть была полностью восстановлена в первоначальных формах.¹¹⁾ Верхняя часть здания оказалась перестроенной в XIV в., и поэтому первоначальная форма завершения храма при реставрации не была восстановлена.

Пятницкая церковь представляет собой четырехстолпный храм с тремя притворами (рис. 172). Столбы его в плане круглые; на внутренних стенах нет лопаток, а наружные лопатки имеют форму сложнопрофилированной пилястры. Центральная апсида сильно выдвинута к востоку; боковые апсиды снаружи прямоугольные. Основной объем храма — без апсид и притворов — почти квадратен в плане (стороны по 12—12,5 м). Общая же длина основного объема вместе с апсидой несколько более 20 м.

Датировка храма в настоящее время уже не вызывает сомнений. Первое упоминание о строительстве Пятницкой церкви помещено в летописи под 1156 г.: «Поставша заморьстии купци церковь святая Пятнице на Търговищи».¹²⁾ В наиболее достоверной для событий XII в. 1-й Новгородской летописи нет указаний на материал, из которого была возведена церковь, но в 3-й Новгородской летописи и летописи Авраамки отмечено, что она была каменной.¹³⁾ Очень вероятно, что это дополнение является пло-

⁶⁾ О влиянии архитектурной композиции Пятницкой церкви на архитектуру о-ва Готланд писали и западные исследователи (см., например: *Tuulso A. Väst och öst i Gotland, romanica. — Fornvännen*, 1971, N 3, s. 154).

⁷⁾ Некрасов А. И. 1) Византийское и русское искусство. М., 1924, с. 79; 2) Очерки по истории древнерусского зодчества. М., 1936, с. 91.

⁸⁾ Строков А., Богусевич В. Новгород Великий. Л., 1939. с. 78.

⁹⁾ Воронин Н. Н., Каргер М. К. Архитектура, — В кн.: История культуры Древней Руси. Т. 2. М.—Л., 1951, с. 302.

¹⁰⁾ Каргер М. К. Новгородское зодчество, — В кн.: История русского искусства, Т. 2. М., 1954, с. 40.

¹¹⁾ Автор проекта реставрации и руководитель исследования Г. М. Штендер (см.: Архитектура Новгорода в свете последних исследований. — В кн.: Новгород. К 1100-летию города. М., 1964. с. 202—214).

¹²⁾ НПЛ, 30.

¹³⁾ ПСРЛ, III, 215; XVI, 44.

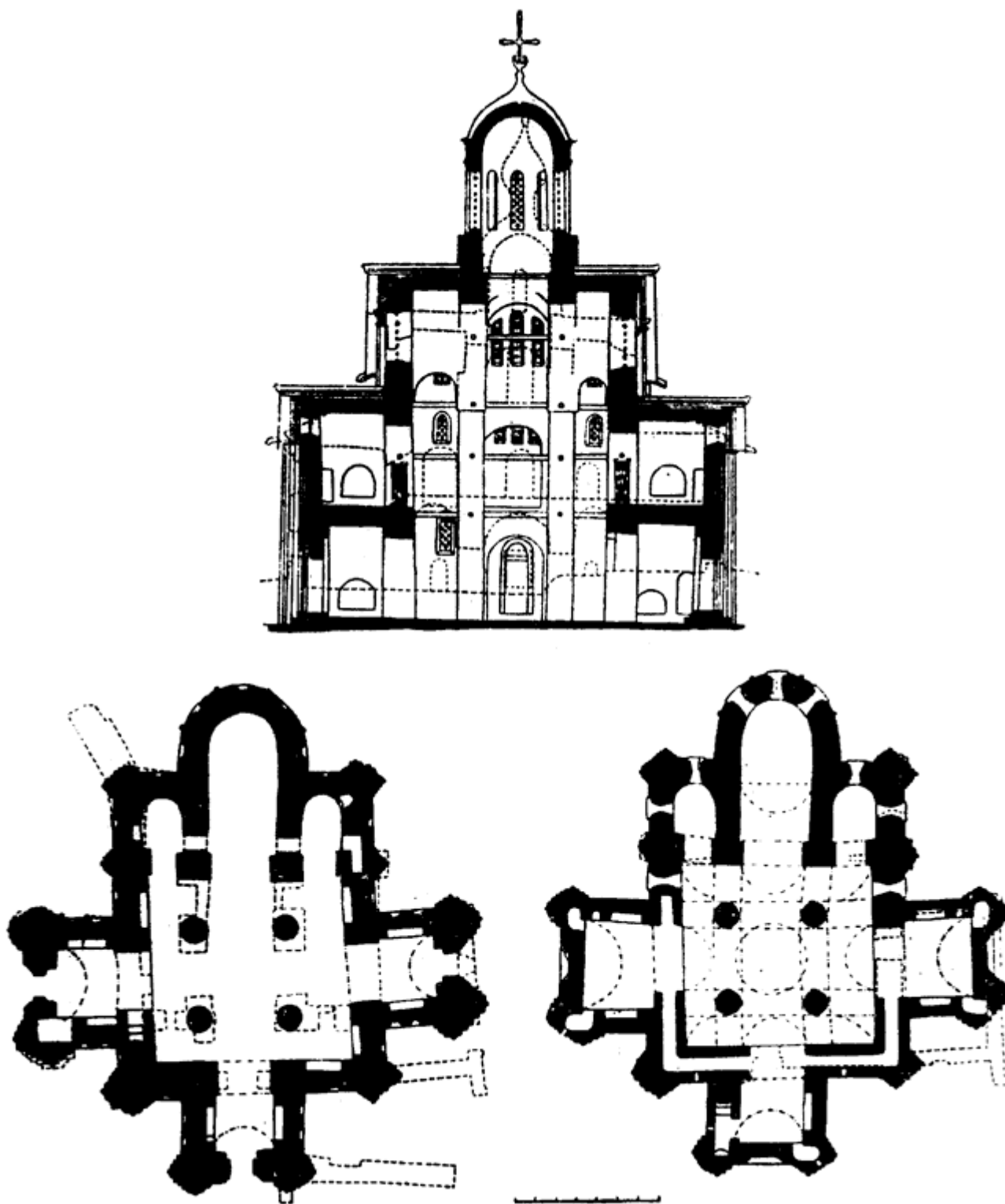
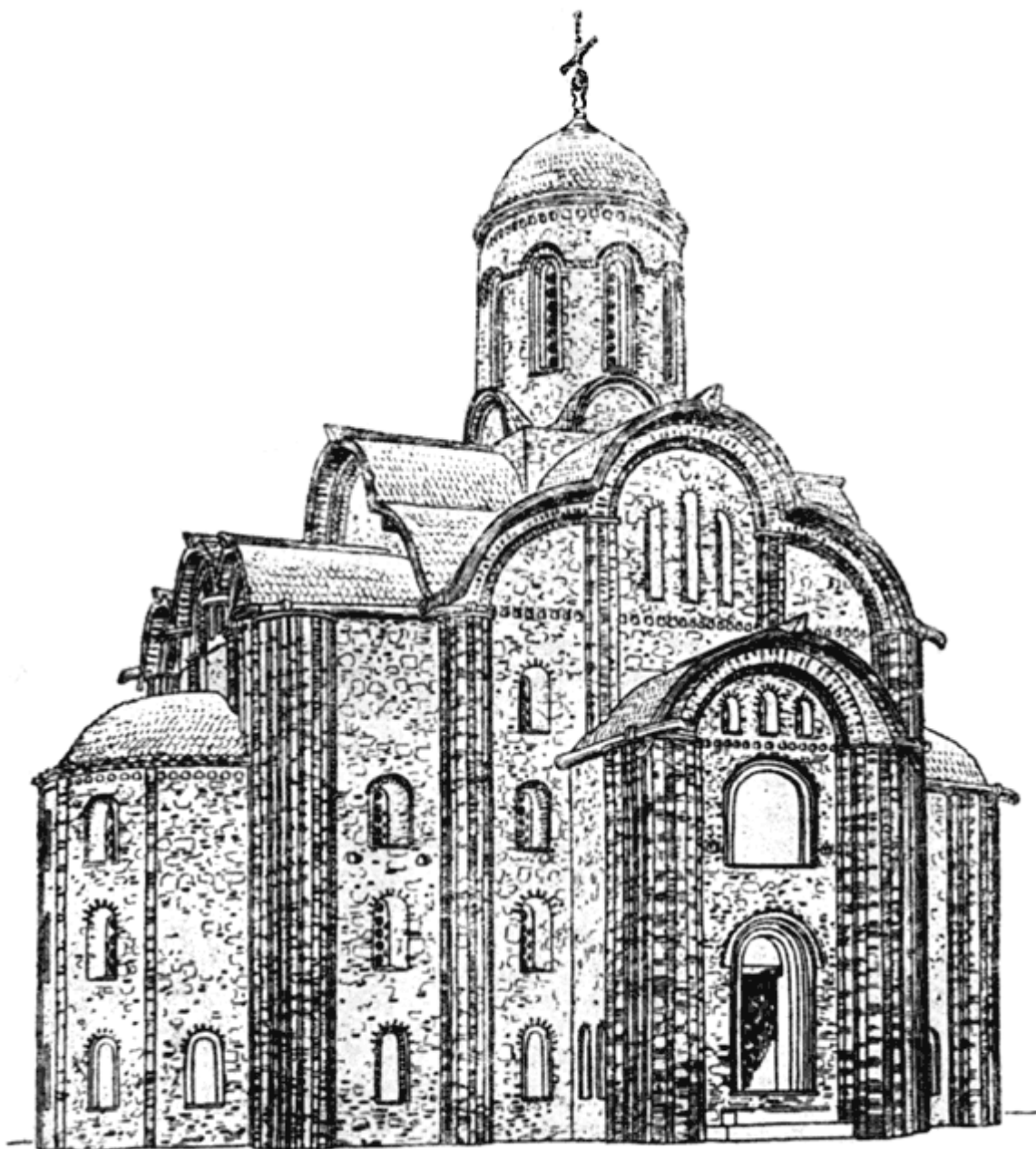

Рис. 172. Церковь Пятницы в Новгороде. Планы и разрез (с реконструкцией верхних частей). По Г. М. Штендеру

Церковь Пятницы в Новгороде. Реконструкция Г. М. Штендера

-351-

дом творчества более позднего переписчика летописи, знавшего, что существовавшая в его время Пятницкая церковь действительно была древней каменной постройкой. Однако если даже церковь построена в 1156 г. из камня (что маловероятно), то очень скорее уже в 1191 г. (т. е. через 35 лет), она была сменена новой, деревянной церковью: «Срубиша (далее идет перечень построенных церквей. — *Н. В., П. Р.*) ...и святые Пятници на Търговищи».¹⁴⁾ Существующая каменная Пятницкая церковь была построена в 1207 г.: «Съвършиша церковь святые Пятница заморьский купци августа в 30».¹⁵⁾ В 1340 г. верх церкви обрушился, а в 1345 г. был восстановлен.¹⁶⁾ Исследование памятника показало, что части храма, возведенного в 1207 г., сохранились почти до сводов, в нескольких местах имеются даже остатки древних сводов.¹⁷⁾

Графическая реконструкция верхних частей Пятницкой церкви, система завершения ее фасадов исполнены Г. М. Штендером на основании натуральных следов, обнаруженных при изучении самой постройки (рис. 173). На стенах здания были найдены отверстия — центры кривых сводов и закомар. В сочетании с подлинными остатками северо-западного свода храма эти данные не оставляют сомнений в том, что фасады Пятницкой церкви имели трехлопастные завершения.¹⁸⁾

Конечно, новгородская Пятницкая церковь не является непосредственной копией какого-либо одного определенного смоленского оригинала; в ней есть черты, характерные для разных памятников, в первую очередь для церкви архангела Михаила и церкви Троицкого монастыря на Кловке. Кроме того, здесь отмечены особенности, которые до сих пор не были обнаружены в памятниках Смоленска: круглая форма подкупольных столбов, отсутствие апсид у северного и южного притворов, очень сильно выдвинутая к востоку центральная апсида. В Пятницкой церкви такая форма апсиды оказалась связанной с весьма своеобразной конструкцией завершения восточной части храма, не совпадающей с системой завершения церкви архангела Михаила. В последней центральная апсида имеет высоту почти равную высоте основного объема, а боковые апсиды значительно ниже — они равны по высоте притворам. В Пятницкой же церкви высота боковых апсид значительно больше высоты притворов (на остатках северной апсиды это прослежено в натуре). В связи с этим Г. М. Штендер графически реконструировал восточную часть Пятницкой церкви как перекрытую позакомарно, с примыкающей к данной части более низкой центральной апсидой.¹⁹⁾

Достаточно определенно решается сейчас и вопрос о происхождении форм Пятницкой церкви. Ее строительством несомненно руководил смоленский зодчий. Об этом прежде всего свидетельствует чрезвычайная близость плана, объемной композиции и даже деталей Пятницкой церкви

¹⁴⁾ НПЛ, 39.

¹⁵⁾ НПЛ, 50.

¹⁶⁾ «Заложи владыка Василий святу Пятницу, что порушилася в великий пожар... Того же лета свершена бысть церкви свята Пятница» (НПЛ, 357).

¹⁷⁾ Архитектура Новгорода..., с. 212.

¹⁸⁾ Там же, с. 207.

¹⁹⁾ Там же, с. 206—207.

с церковью архангела Михаила в Смоленске. Это было ясно исследователям даже тогда, когда Михайловская церковь являлась единственным известным памятником подобного типа в Смоленске, а Пятницкая церковь была еще недостаточно детально изучена. Теперь доказательств того, что новгородская Пятницкая церковь построена по смоленскому образцу, гораздо больше. Так, исследования последних лет подтвердили, что для Новгорода Пятницкая церковь действительно уникальное явление, не имеющее здесь аналогий, и, следовательно, данный тип храма привнесен в Новгород откуда-то со стороны. В Смоленске же теперь известна уже целая серия храмов с аналогичной или очень похожей схемой плана, и среди них такая близкая новгородской Пятнице аналогия, как церковь Троицкого монастыря на Кловке. Наконец, детальное изучение кладки Пятницкой церкви показало ее неоднородность: в нижней части стен и столбов она заметно отличается от той системы кладки, которая была принята в это время в Новгороде. Г. М. Штендер высказал предположение, что начинали строительство здания не новгородские мастера, а мастера из Приднестровья.²⁰⁾ Выше кладку продолжали уже новгородские мастера в привычной им манере.²¹⁾ Таким образом, строительство новгородской Пятницкой церкви было, очевидно, начато не только при участии смоленского зодчего, но и с

помощью смоленских мастеров-каменщиков, а позднее продолжено уже местными силами, хотя, вероятно, под руководством того же зодчего.

2

В 1888 г. А. В. Селиванов раскопал на городище в Старой Рязани остатки древней церкви.²²⁾ Здание церкви оказалось разобранным целиком, включая фундамент. В раскопках были обнаружены лишь фундаментные рвы, засыпанные мусором. Впрочем, на отдельных участках все же сохранились части каменного фундамента, а местами и куски кирпичной кладки стен. При раскопках было вскрыто большое количество погребений, которые исследователь считал более древними, чем храм, т.е. относящимися к могильнику, существовавшему здесь до постройки церкви. По его предположению, раскопанная церковь была Борисоглебским собором, известным по упоминаниям в летописях, и была возведена во второй половине XII в.

²⁰⁾ Там же, с. 211. — Следует отметить, что кирпичи новгородской Пятницкой церкви точно совпадают по формату с кирпичами смоленских памятников той же поры (кирпич Пятницкой церкви 4—5×18—19×26—27 см), но в отличие от Смоленска на новгородских кирпичах нет знаков.

²¹⁾ В верхней части Пятницкой церкви, в арках, встречается прием смешанной каменно-кирпичной кладки, имитирующей кирпичную кладку «со скрытым рядом». Это могло бы быть подражанием церкви архангела Михаила, где частично использована подобная кладка. Однако подобный прием известен и в других новгородских памятниках, например в церкви Спаса-Нередицы (см.: *Штендер Г. М.* Восстановление Нередицы. — В кн.: Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород, 1961, с. 196.)

²²⁾ *Селиванов А. В.* Отчет о раскопках в Старой Рязани. — ТРУАК, 1889, т. 3, с. 159—162 (позднее текст был повторен: ТРУАК, 1891, т. 5, с. 32—33; ЗРАО. Нов. сер., 1890, т. IV, с. 215—219).

-353-

План церкви А. В. Селиванов сопоставлял с планом Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, отмечая, что разница между ними заключается лишь в наличии у рязанского храма двух лишних апсид.

Чрезвычайно своеобразный план раскопанной церкви привлек к ней внимание специалистов и вместе с тем вызвал много недоуменных вопросов. Выяснилось, что в опубликованном А. В. Селивановым плане есть детали, изображенные им без достаточных оснований. Так, на вопрос о том, действительно ли столбы храма имели круглую форму, исследователь ответил, что при раскопках он не нашел остатков кладки столбов, а только «ямы круглой формы» от фундаментов.²³⁾ По словам же местных жителей, как сообщил сам Селиванов, столбы были крестообразными в плане. Следует отметить, что при обсуждении его доклада на VIII Археологическом съезде А. А. Дмитриевский отметил невысокий методический уровень раскопок.²⁴⁾

Несколько позже, в сводке археологических материалов старорязанского городища, А. И. Черепнин правильно указал, что почти все погребения, раскопанные А. В. Селивановым как внутри церкви, так и снаружи вокруг нее, относятся к XII—XIV вв., т. е. ко времени существования самой церкви.²⁵⁾

Историко-архитектурную интерпретацию памятника впервые попыталась дать Г. Ф. Корзухина.²⁶⁾ Связав группу рязанских храмов с влиянием зодчества Кавказа, она выделила раскопанный А. В. Селивановым храм как самый поздний в этой группе и правильно датировала его концом XII—началом XIII в. Основанием для такой датировки в основном послужило сравнение плана храма с планом собора в Юрьеве-Польском.

Не согласившись с выводами Г. Ф. Корзухиной, А. Л. Монгайт убедительно показал, что архитектурные связи рязанских памятников тянутся не в сторону Кавказа, а к Чернигову.²⁷⁾ Однако храм 1888 г. Монгайт не выделил из общей группы рязанских памятников и даже поставил под сомнение датировку Корзухиной, полагая, что по составу найденного в полу храма клада церковь следует относить к середине XII в.²⁸⁾ Монгайт попытался определить названия всех трех храмов Старой Рязани: данный храм он считал Спасским. Несмотря на то что такая атрибуция храмов далеко не бесспорна (что признавал и сам Монгайт), она все же наиболее аргументирована, и наименование храма 1888 г. Спасским укрепилось в научной литературе.

Более детальный архитектурный анализ старорязанских памятников дал Г. К. Вагнер.²⁹⁾ Он убедительно подкрепил датировку Спасского храма,

²³⁾ Труды VIII Археологического съезда. М., 1897, т. IV, Протоколы, с. 93.

²⁴⁾ Там же, с. 92.

²⁵⁾ Черепнин А. И. Старорязанское городище. — ТРУАК, 1903, т. XVIII, вып. 1, с. 141, 147.

²⁶⁾ Корзухина-Воронина Г. Ф. Рязань в сложении архитектурных форм XII—XIII веков. — ГАИМК. Бюро по делам аспирантов. Сб. I. Л., 1929, с. 76.

²⁷⁾ Монгайт А. Л. Старая Рязань. М., 1955, с. 96.

²⁸⁾ Там же, с. 93. — В действительности монеты были найдены в таких условиях (в слое следов кирпичного пола храма), что не могут служить основанием для датировки здания (см.: ТРУАК, 1889, т. 3, с. 161).

²⁹⁾ Вагнер Г. К. Архитектурные фрагменты Старой Рязани. — Архитектурное наследство, М., 1963, т. 15, с. 24.

предложенную Г. Ф. Корзухиной, и высказал предположение, что церковь эта была построена в ознаменование отделения Рязани от Черниговской епископии, т. е. после 1198 г. Далее, Вагнер отметил, что взгляд на рязанскую архитектуру как на отголосок кавказских влияний мешал понять место Спасской церкви в развитии общерусских форм зодчества. Наконец, анализируя план раскопанной церкви, Вагнер впервые указал на сходство композиции этого памятника со смоленской церковью архангела Михаила. К сожалению, графическая реконструкция церкви, предложенная им, оказалась неверной, так как была построена на ошибочных формах плана А. В. Селиванова.

Таким образом, как дата рязанской Спасской церкви, так и ее место в развитии русской архитектуры постепенно вырисовывались, несмотря на то что раскопки А. В. Селиванова дали лишь очень приблизительную схему плана этого памятника.³⁰⁾ В 1968 г. (т. е. ровно через 80 лет после раскопок Селиванова) Спасская церковь была вновь раскопана.³¹⁾ К сожалению, за время, прошедшее после первых раскопок, состояние памятника еще ухудшилось. Теперь не удалось обнаружить уже ни одного фрагмента кладки стен. Вскрыты были только фундаментные рвы. Однако тщательная методика раскопок и детальная их фиксация позволили значительно уточнить сведения о плане погибшего здания (рис. 174). Выяснилось, что схема плана, опубликованная Селивановым, имела очень существенные ошибки. Прежде всего боковые апсиды основного объема храма были снаружи не полукруглыми, а прямоугольными. Кроме того, при раскопках обнаружены расширения фундамента, предназначенные для опоры сложно-профилированных пучковых лопаток. О наличии таких лопаток можно было догадываться уже на основании сведений Селиванова о многочисленных фигурных кирпичах, найденных при раскопках. Теперь же эти лопатки оказались точно зафиксированными на плане. Подтвердилась крестообразная, а не круглая форма подкупольных столбов.

После раскопок 1968 г. близость плана раскопанного храма к смоленской Михайловской церкви стала явной и бесспорной. Конечно, абсолютного тождества планов здесь нет, как нет и

равенства размеров. Стороны основного квадрата четверика рязанского храма оказались равны по фундаменту — 18.2 м. Учитывая, что стены должны были быть несколько уже фундаментов, размер стороны квадрата здания надо полагать равным примерно 17.5 м. Таким образом, рязанский храм немного крупнее Михайловской церкви, где соответствующий размер — 16.3 м. Несколько шире были расставлены и столбы: в Михайловской церкви подкупольное пространство 5.2×5.5 м, а в рязанской 5.8×6 м.

Уточнились и данные о строительной технике рязанского храма. Оказалось, что фундамент имел глубину в материке 1.06 м. Он был сложен из известковых булыжников насухо и лишь в верхней трети залит раство-

³⁰⁾ К сожалению, в современной научной литературе продолжают встречаться и устаревшие взгляды на Спасскую церковь как памятник, который «не имеет аналогий в древнерусском зодчестве», а также обобщенная его датировка — XII в. (см.: Михайловский Е. В., Ильенко И. В. Рязань, Касимов. М., 1969, с. 37).

³¹⁾ Монгайт А. Л., Чернышев М. Б. Спасский собор в Старой Рязани. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 210.

-355-

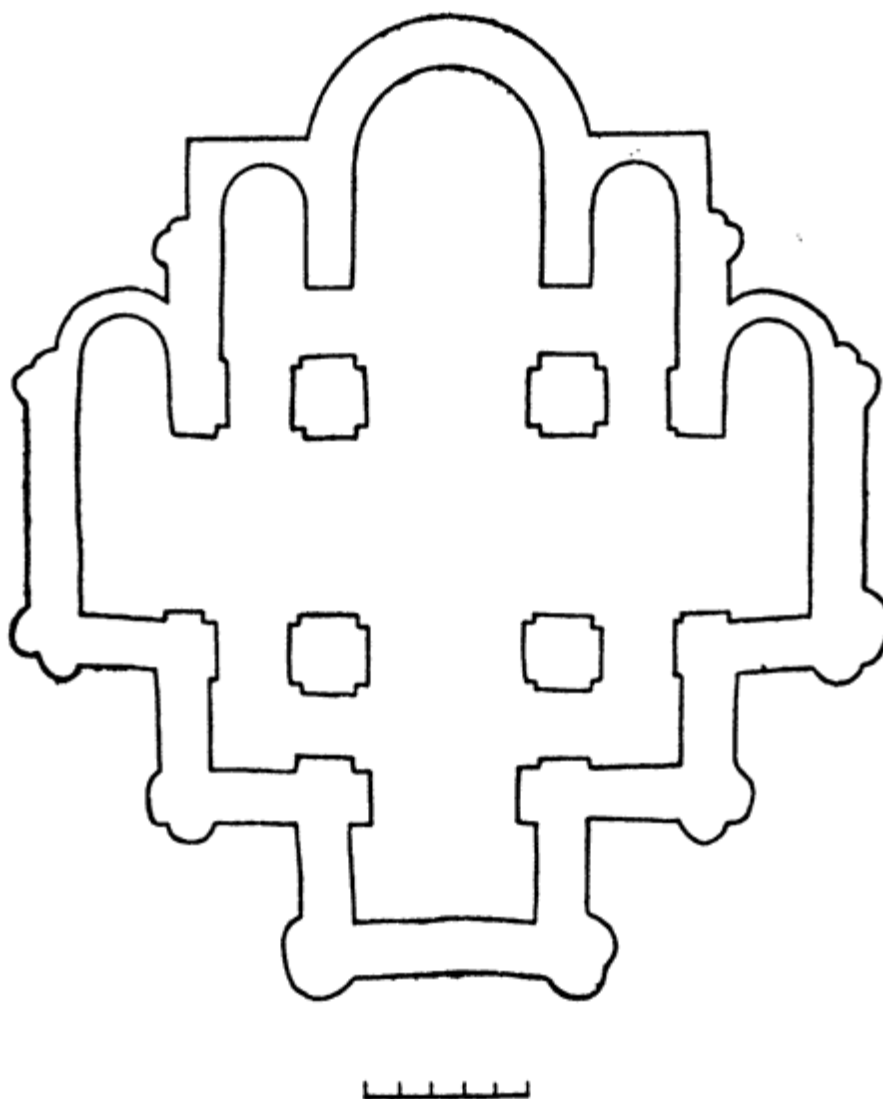

Рис. 174. Спасская церковь в Старой Рязани. По раскопкам 1968 г.

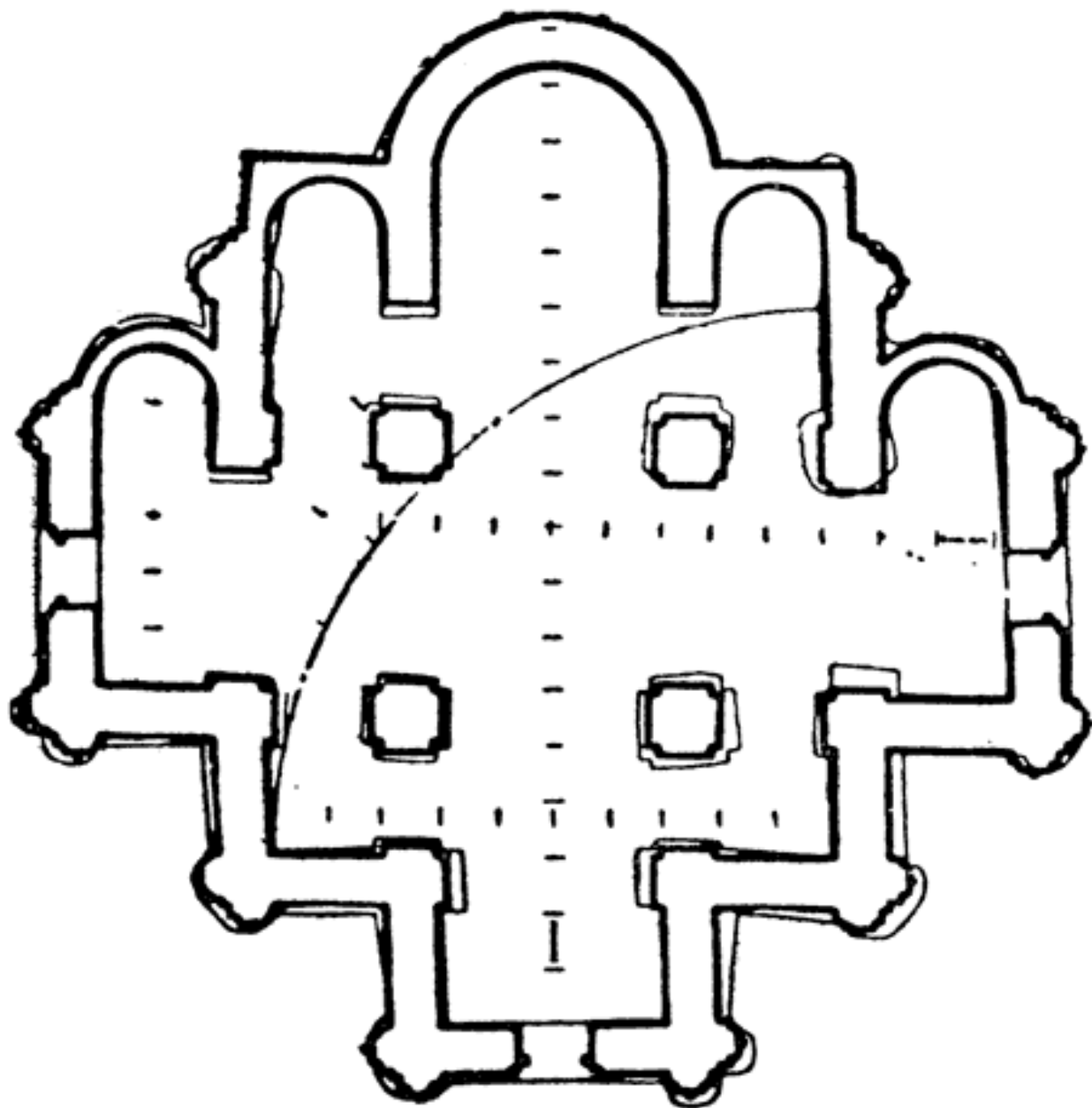

Рис. 175. Спасская церковь в Старой Рязани. Реконструкция плана. По М. Б. Чернышеву

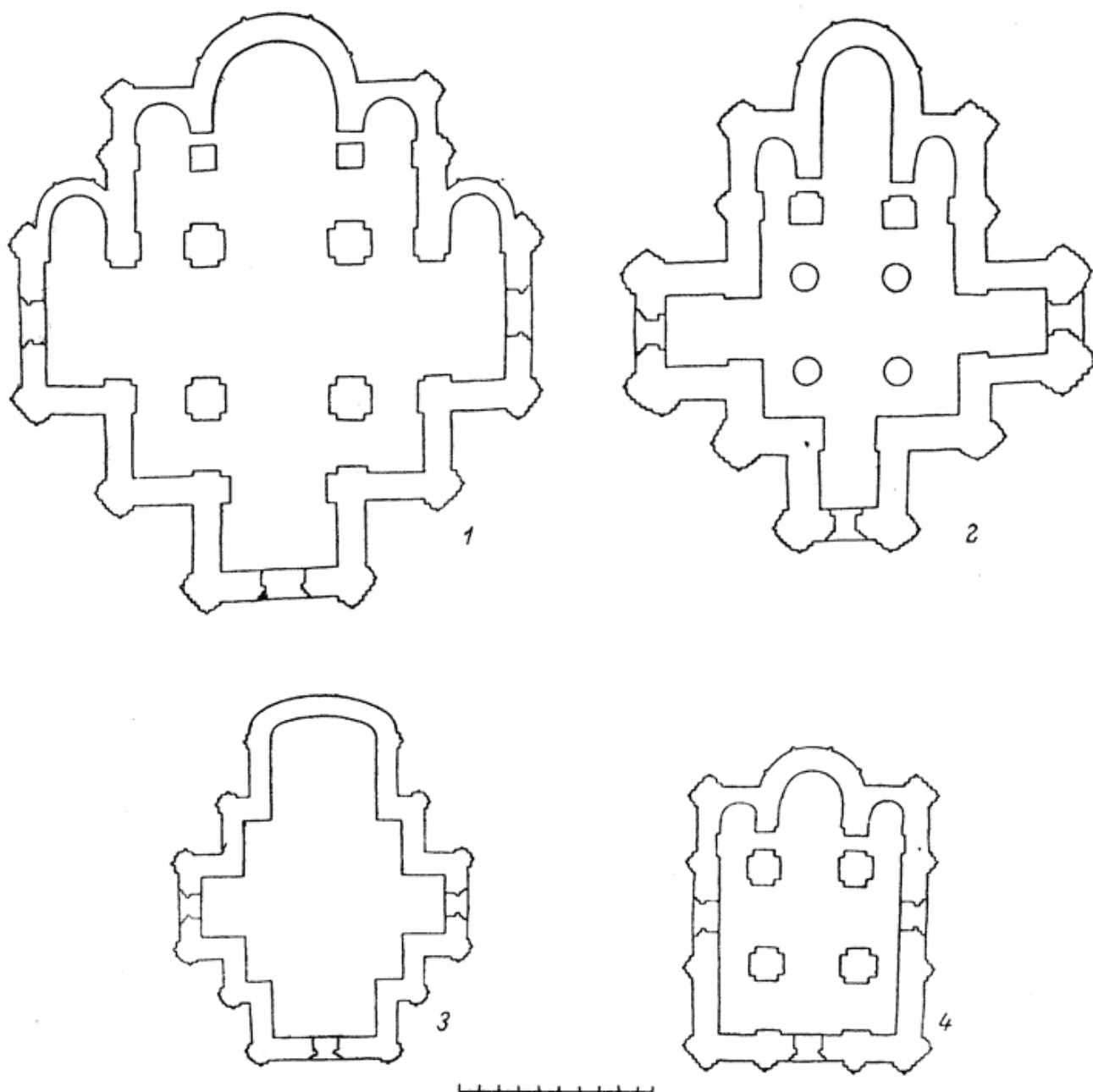

Рис. 176. Памятники смоленского зодчества, расположенные вне пределов Смоленской земли

- 1 — Спасская церковь в Старой Рязани; 2 — церковь Пятницы в Новгороде;
3 — церковь Нового Ольгова городка; 4 — церковь на Вознесенском спуске в Киеве

ром. А. В. Селиванов отмечал, что размер плинф, из которых сложено здание, $3.5\text{—}6.5 \times 19\text{—}20 \times 26.5\text{—}29$ см. При раскопках 1968 г. было найдено всего несколько обломков древних кирпичей; их размер $3.5\text{—}4 \times 19\text{—}19.5 \times 28.5$ см. Встречены также более узкие плинфы (17 см) и более толстые (6 см). На торцах некоторых кирпичей имеются выпуклые знаки, а в одном случае — вдавленное клеймо на постелистой стороне. В известковом растворе церкви обнаружены добавки цемянки (толченой плинфы) и угля. Отмечено, что кирпичи большей частью невысокого качества, из плохо перемешанной глины, покоробленные, в трещинах, хотя и сильно обожженные.

Данные раскопок позволили М. Б. Чернышеву предложить реконструкцию плана храма, а затем, привлекая в качестве аналогии церковь архангела Михаила, реконструкцию внешнего вида здания (рис. 175).³²⁾

В целом эта реконструкция бесспорна. Однако некоторые ее детали вызывают сомнение. Так, наличие фундаментных рвов, идущих сплошными полосами между центральной апсидой и боковыми, вовсе не свидетельствует о том, что здесь были такие же сплошные стены. Гораздо более вероятно, что концы стен являлись столбами, отделенными проходами от межапсидных стенок (рис. 176, 1). Очень спорно также предположение Чернышева, что восточные углы храма не имели лопаток. В памятниках русского зодчества древнейшей поры углы здания никогда не оставляли гладкими, не подчеркнутыми лопатками. В смоленских же памятниках с апсидами подобной формы (центральная — полукруглая, боковые — прямоугольные) на углах всегда расположены пучковые пилястры. Видимо, они были и здесь, причем, вероятно, имели такую же сложнопрофилированную форму, как остальные пилястры храма. Отсутствие на восточных углах храма расширений фундамента еще не является доказательством отсутствия самих пилястр, поскольку фундаменты построек этой поры довольно часто не вполне точно совпадают с планом вышележащих частей здания.

Следует отметить, что под кирпичной вымосткой, лежащей в основании северо-восточной угловой пилястры церкви Троицкого монастыря на Кловке, тоже не обнаружено фундамента. Очевидно, несколько иной, чем на реконструкции Чернышева, была профилировка пилястр на восточных углах притворов. Об этом свидетельствует такая близкая аналогия, как притвор церкви того же Кловского монастыря.

Почти полное тождество архитектурной композиции и строительных приемов памятника с композицией и строительной техникой некоторых памятников древнего Смоленска дает основание утверждать, что рязанский храм был возведен не только под руководством смоленского зодчего, но, видимо, даже силами смоленских мастеров-каменщиков.

3

В 5 км от Старой Рязани, у д. Никитино, расположено городище. Здесь некогда находился «Новый городок Олгов на усть Проне», известный по упоминанию в «Списке русских городов».³³⁾ Ранее в научной литературе это городище обычно называлось городищем у Климентовского погоста, по названию церкви и погоста, расположенных примерно в 1 км от городища. В 1889 г. А. В. Селиванов раскопал на городище остатки древ-

³²⁾ Там же, рис. 4, 6.

³³⁾ *Тихомиров М. Н.* Список русских городов, дальних и ближних. — Ист. зап., 1952, № 40, с. 225, 243.

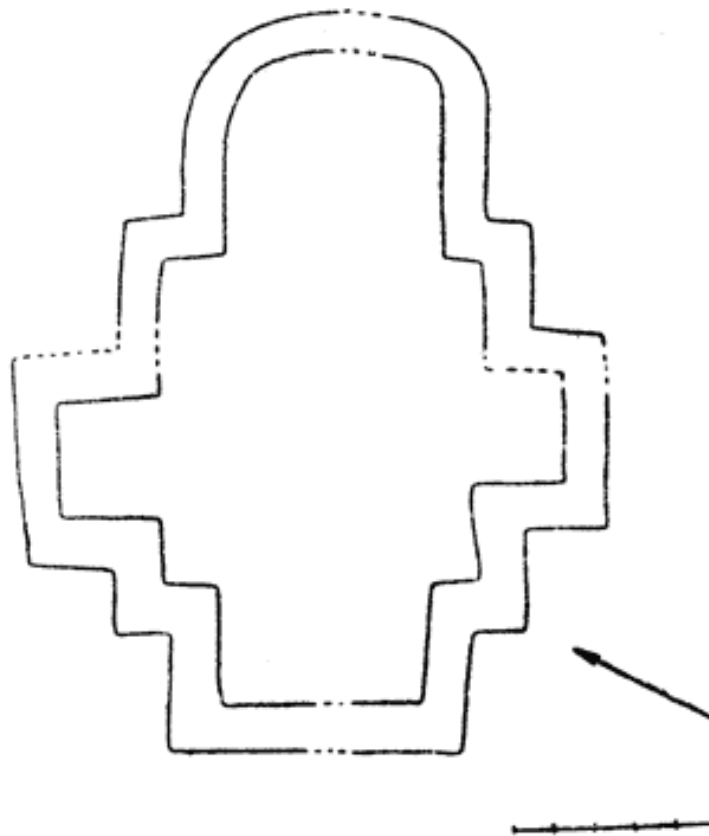

Рис. 177. Церковь Нового Ольгова городка. План фундаментных рвов (по раскопкам 1970 г.)

ней церкви.³⁴⁾ Сохранность памятника оказалась очень плохой: не только стены, но и большая часть фундаментов были полностью разобраны. Опубликованный Селивановым совершенно необычный для древнерусской архитектуры план бесстолпной крестообразной церкви с сильно уплощенной апсидой не внушал особого доверия к точности раскопок. Все же были сделаны попытки найти место этой церкви в истории русской архитектуры. Так, Г. Ф. Корзухина и А. И. Некрасов связывали крестообразный план церкви Нового Ольгова городка с планами кавказских церквей.³⁵⁾ Большая толщина стен и расположение храма почти у самого воротного въезда заставляли полагать, что церковь имела также и военно-оборонительные функции.³⁶⁾ Уникальность плана церкви Нового Ольгова городка, отсутствие прямых аналогий ей в зодчестве не только Руси, но и соседних стран делали данный памятник в значительной степени загадочным. Тем более важно было получить максимальное количество фактических данных о нем, чтобы хоть несколько пополнить материал очень плохой документации раскопок А. В. Селиванова. Поэтому в 1970 г. церковь была вновь полностью раскопана.³⁷⁾

Выяснилось, что со времени раскопок А. В. Селиванова состояние остатков храма значительно ухудшилось. Теперь в раскопках были найдены лишь фундаментные рвы без единого куса кладки. К счастью, контуры рвов оказались ненарушенными, что позволило полностью выяснить схему плана здания (рис. 177). Размер храма (по фундаментным рвам): общая длина 18.09 м, ширина 14.39 м. Размер центрального квадрата изнутри 7.85×7.87 м.

В отчете А. В. Селиванова указано, что толщина стен церкви равнялась 2.5 аршинам, т. е. почти 1.8 м. Такая толщина стен непомерно велика для маленькой бесстолпной церкви. Однако, как выяснилось, стены церкви в действительности вовсе не имели такой толщины. На чертеже Селиванова видно, что ширина 2.5 аршин — это общая ширина фундаментов, включая их верхнюю расширенную часть (не сохранившуюся при

³⁴⁾ Селиванов А. В. О раскопках в Старой Рязани и в древнем городке, известном в летописи под именем «Новый городок Ольгов». — ТРУАК, 1891, т. 5, с. 34; Отчет археологической комиссии за 1889 г. СПб., 1892, с. 53—54.

³⁵⁾ Корзухина-Воронина Г. Ф. Указ. соч., с. 81; Некрасов А. И. Очерки по истории..., с. 76.

³⁶⁾ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 150.

³⁷⁾ Монгайт А. Л., Раппопорт П. А., Чернышев М. Б. Церковь Нового Ольгова городка. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 163.

-359-

раскопках 1970 г.). Но уже сам Селиванов отметил, что толщина стен была меньше, чем ширина верхней площадки фундамента. Кроме того, очень возможно, что над фундаментом лежала кирпичная вымостка толщиной в один или несколько рядов кирпичей, что часто встречается в памятниках XII—XIII вв. Если такая вымостка здесь была, то она могла дать Селиванову основание для вывода о большой толщине стен. В натуре же стены церкви были, видимо, равны по толщине ширине основной части фундамента, т. е. немногим более 1 м. Таким образом, стены храма имели нормальную толщину и все предположения об оборонительном характере храма отпали. Конечно, расположение церкви у ворот (как и широко распространенный в древнерусском зодчестве прием расположения церкви над воротами) преследовало цель защиты, но защиты скорее не физической, а идеологической, «небесной».

Строительно-технические приемы и особенности памятника удастся определить лишь в самых общих чертах, поскольку все строительные материалы найдены в выбросе, в разбитом состоянии. Кирпичи храма имели толщину 3.5—4 см, изредка немного больше. Ширина кирпичей 18—19 см, в отдельных случаях до 21 см. Длина кирпичей не определена; единственный найденный целый кирпич имел в длину 27.5 см. Помимо кирпичей обычного типа, встречено несколько обломков узких кирпичей (шириной 13—14 см); у некоторых из них торец имел полукруглые очертания. Очевидно, это лекальные кирпичи для выкладки узких полуколонн.³⁸⁾ На нескольких кирпичах обнаружены выпуклые знаки на торцах. Фундамент был сложен из необработанных кусков известняка и в верхней части пролит раствором.

Найденные при раскопках лекальные кирпичи дают основания полагать, что здание церкви имело профилированные пилястры с тонкими полуколонками на них. Конечно, точную систему профилировки пилястр мы определить не можем, но если условно взять простейший их вариант — плоскую лопатку с полуколонкой — и разместить такие лопатки на углах, то реконструируемый план церкви, вероятно, значительно приблизится к искомому оригиналу (рис. 176, 3). При этом выявляется некоторое сходство плана церкви Нового Ольгова городка с рядом памятников смоленского зодчества, особенно с новгородской церковью Пятницы. Также осторожно можно говорить, что уплощенная апсида храма может быть сближена с плоскими прямоугольными апсидами храмов на Протоке и на Окопном кладбище, являясь переходом к ним от обычных полукруглых. Общая композиция плана позволяет в какой-то степени представить и объемное решение здания. Так, несомненно, что крестообразное расположение миниатюрных притворов определяет ступенчато-башнеобразное построение, а центральный квадрат слишком велик, чтобы его можно было целиком перекрыть куполом. Очевидно, здесь имела система арок, сужавших это пространство и служивших опорой купола. Очень возможно, что купол был поднят на высоком барабане со специальным пье-

³⁸⁾ При раскопках А. В. Селиванова были найдены «большой штучный закругленный кирпич», обломок украшения из белого камня и кусочек раскрашенной штукатурки (Селиванов А. В. О раскопках..., с. 35).

-360-

десталом. Несмотря на то что здание бесстолпное, завершение фасадов основного объема более правдоподобно видеть трехлопастным, поскольку завершение почти 10-метрового центрального объема одной закомарой маловероятно.

Новый Ольгов городок, по-видимому, играл роль резиденции рязанских князей; следовательно, его церковь была дворцовой (вернее — замковой) капеллой.³⁹⁾ Композиция плана в сочетании с некоторыми деталями (например, вероятность тонких полуколонок) позволяет датировать памятник концом XII—началом XIII в.

Один из наиболее сложных вопросов, связанных с церковью Нового Ольгова городка, — к какой архитектурной школе она относится. Прежде всего следует исключить возможность выполнения этой постройки местными рязанскими мастерами. Древняя Рязань, как ни странно, видимо, вообще на протяжении всего домонгольского периода не имела своих строительных кадров. В Рязанской земле известно всего четыре кирпичных сооружений: три храма в Старой Рязани и один в Новом Ольговом городке. Достаточно детальное обследование территории старорязанского городища не выявило больше никаких остатков кирпичных сооружений. Такое незначительное количество монументальных зданий, созданных за XII—XIII вв., — уже само наталкивает на мысль, что в Рязани отсутствовали собственные мастера-строители.

Сложение кадров местных мастеров-строителей в других русских землях происходило в основном в первой половине XII в.⁴⁰⁾ В силу каких-то специфических условий в Рязани они не сложились. Поэтому строительство кирпичных храмов здесь осуществлялось с помощью мастеров из других земель, о чем совершенно недвусмысленно свидетельствуют сами архитектурные формы рязанских памятников. Так, не вызывает сомнений, что церковь, которая по определению А. Л. Монгайт называется Борисоглебской, является повторением Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове.⁴¹⁾ Детальное сравнение этих двух памятников привело некоторых исследователей к убеждению, что их строили не только в одно время, но, вероятно, даже силами одной строительной артели.⁴²⁾ Не менее близка к черниговским памятникам и другая рязанская постройка, являющаяся, по определению А. Л. Монгайт, Успенским собором. Следует отметить также, что в Рязани, как и в Чернигове, в кирпичных сооружениях

³⁹⁾ Монгайт А. Л., Раппопорт П. А., Чернышев М. Б. Указ. соч., с. 167.

⁴⁰⁾ Раппопорт П. А. О взаимосвязи русских архитектурных школ в XII веке. — Тр. Ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Сер. «Архитектура», вып. 3. Л., 1970, с. 10.

⁴¹⁾ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 93. — Это сходство отметила уже Г. Ф. Корзухина (Корзухина-Воронина Г. Ф. Указ. соч., с. 70). См. также: Вагнер Г. К. Архитектурные фрагменты..., с. 19.

⁴²⁾ Михайловский Е. В. О датировке Успенского собора в Старой Рязани. — Архитектурное наследство, М., 1972, т. 19, с. 50. — Мы не касаемся здесь передатировки рязанского храма, предложенной Е. В. Михайловским, поскольку этот вопрос решается в зависимости от того, как будет определено время возведения Елецкого собора. Предложенная Н. В. Холостенко дата — конец XI в. — является очень спорной (Холостенко Н. В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. — В кн.: Памятники культуры. Т. 3. М., 1961, с. 67).

применяли белокаменные резные детали, чего нет ни в какой другой древнерусской архитектурной школе.

Таким образом, за весь XII в., вплоть до самого его конца, в Рязани было возведено всего два кирпичных храма и оба выполнены силами черниговских мастеров. Связь с

Черниговым хорошо объясняется тем, что Рязань не только политически зависела в то время от Чернигова, но и входила в состав его епископии.

В конце XII в. или, точнее, на рубеже XII—XIII вв. в Рязани было возведено третье монументальное здание — Спасская церковь. На сей раз строительство осуществили смоленские мастера. Это позволяет сделать достаточно уверенный вывод, что и четвертый памятник рязанского зодчества — церковь Нового Ольгова городка, построенная в конце XII или начале XIII в., — должен был быть возведен силами приезжих, а не местных мастеров. Откуда же прибыли эти мастера?

Композиция церкви Нового Ольгова городка — с крестообразно расположенными маленькими притворами и подчеркнутым единством внутреннего пространства — характерна для тех тенденций, которые господствовали в русском зодчестве на рубеже XII—XIII вв.⁴³⁾ Во владими́ро-суздальском зодчестве они четко проявились в соборе Юрьева-Польского, а в смоленском зодчестве — в храме Спасского монастыря на Кловке. По существу в церкви Нового Ольгова городка применен тот же прием, что и в этих храмах, но в сокращенном, бесстолпном варианте. Крестообразное расположение притворов известно и в зодчестве Черниговской земли — в Спасском соборе Новгорода-Северского. К сожалению, здесь раскопками был вскрыт лишь западный притвор, который не был широко открыт внутрь здания, а сообщался с ним через портал.⁴⁴⁾ Скорее всего и боковые притворы также были отделены от интерьера собора стенками и соединялись с ним порталами. Но даже если бы боковые притворы этого здания были полностью открыты внутрь собора, то и в таком случае собор в Новгороде-Северском не мог иметь в чистом виде той четкой крестообразности внутреннего пространства, которая так явно выявлена в памятниках Юрьева-Польского и Смоленска.

Таким образом, очевидно, что схема композиции церкви Нового Ольгова городка могла быть заимствована лишь из владими́ро-суздальской или смоленской архитектуры. Но влияние белокаменной владими́ро-суздальской архитектуры должно было в какой-то степени сказаться и на строительной технике, чего в храме Нового Ольгова городка не видно. Вероятнее всего, что композиция единого, крестообразного, четко центри-

⁴³⁾ Г. К. Вагнер поднял вопрос о возможности участия в строительстве церкви Нового Ольгова городка болгарских мастеров (*Вагнер Г. К. Еще раз о церкви Нового Ольгова городка. — В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 210*). Однако единственная приводимая им аналогия — церковь, раскопанная в Плиске, имеет далеко не полностью совпадающую схему плана, выполнена из другого материала (тесаный камень) и относится к IX—X вв. (см.: *Михайлов С. Разкопки в Плиска през 1945—1947 година. — В кн.: Разкопки и проучвания. III. София, 1949, с. 197—201*). В XII—XIII вв., в то время, когда была построена церковь Нового Ольгова городка, в болгарской архитектуре подобная схема плана не встречается.

⁴⁴⁾ *Холостенко Н. В. Исследование памятника XII века в г. Новгород-Северске. — Сб. сообщ. Ин-та «Киевпроект», 1958, № 1—2, Киев, с. 41.*

рованного, здания, имевшего башнеобразное решение объема, заимствована из смоленского зодчества. Причем один из характерных образцов подобного типа, возведенный руками смоленских зодчих, стоял здесь же, в Рязани — это Спасская церковь. Естественно, что и в церкви Нового Ольгова городка наиболее вероятно видеть творчество смоленских зодчих. Насколько можно судить при очень разрушенном состоянии памятника, строительно-технические особенности Спасской церкви Старой Рязани и церкви Нового Ольгова городка совпадают. Очень возможно, следовательно, что это произведения одной и той же строительной артели.

В Киеве, на горе Кудрявец (на Вознесенском спуске), в 1878 г. кладоискательскими раскопками были обнаружены остатки древней церкви. В том же году было проведено археологическое раскрытие памятника, осуществленное под руководством П. А. Лашкарева.⁴⁵⁾ Стены церкви оказались сохранившимися на высоту до 1 м. Судя по чертежу Лашкарева, здание представляло собой маленький четырехстолпный храм обычного для XII в. типа. Исследователь полагал, что раскопанные им руины являются остатками церкви Симеона в Копыревом конце. Схематичный характер опубликованного плана, отсутствие фотографий и достаточно точных описаний техники кладки заставляли думать о вторичном раскрытии памятника, что и было осуществлено М. К. Каргером в 1947 г.⁴⁶⁾

Ко времени вторичных раскопок состояние руин было уже значительно хуже, чем в 1878 г. Стены сохранились на высоту около 0.5 м, а отдельные куски кладки оказались полностью разрушенными. Тем не менее план древней церкви удалось выяснить полностью (рис. 176, 4), Раскрытый раскопками храм оказался во многом иным, чем это представлялось по материалам П. А. Лашкарева.

Церковь на Вознесенском спуске — маленький четырехстолпный храм; его длина вместе с апсидой всего 14.8 м, а ширина 11.2 м. Полукруглые очертания снаружи имеет только средняя апсида, тогда как боковые апсиды полукруглы лишь изнутри, а снаружи прямолинейны. Наружные пилястры сложнопрофилированные: к прямоугольному уступу лопатки примыкает второй уступ, со скругленными краями, а в его центре расположена тонкая полуколонка. Внутренние лопатки обнаружены лишь на западной стене, что, очевидно, связано с наличием сводчатых хор. Подкупольные столбы крестчатые. Здание оказалось не вполне геометрически правильным: его северная стена не точно прямолинейна, толщина стен разная, апсидная часть вся несколько повернута по отношению к основному объему.

⁴⁵⁾ *Лашкарев Я. А.* Развалины церкви св. Симеона и Копырев конец древнего Киева. — Тр. Киев. духов. акад., 1879, январь, с. 96—121 (позднее этот отчет был полностью перепечатан: Лашкарев П. А. Церковно-археологические очерки, исследования и рефераты. Киев, 1898, с. 160—187).

⁴⁶⁾ *Каргер М. К.* 1) Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, с. 193—209; 2) Древний Киев. Т. 2. М—Л., 1961, с. 462—473.

-363-

Церковь сложена из кирпича размером 4.5×19—20×27—28 см, на известковом растворе с примесью толченого кирпича. Неглубокие фундаменты (заложены в культурном слое всего на глубину 30—35 см) состоят из четырех-пяти рядов кирпичной кладки, уложенной на глине. Вокруг всего храма обходит кирпичная вымостка толщиной в два-три ряда кирпичей, имеющая ширину около 0.5 м.

В процессе раскопок собраны значительное количество фрагментов штукатурки с остатками фресковой росписи (в том числе, по-видимому, от наружной росписи), а также поливные плитки пола, обломки шиферных плит, куски свинцовых листов кровли. Следует отметить, что в раскопках П. А. Лашкарева были обнаружены остатки пола из керамических плиток, лежавших на слое известковой заливки, а также порог северного портала (плита красного известняка, а с внутренней стороны портала — деревянный брус). В раскопках 1947 г. эти элементы уже не найдены; очевидно, уровень пола и порога портала лежал выше тех 0.5 м, на которые сохранилась к тому времени кирпичная кладка храма.

По техническим особенностям кладки М. К. Каргер отнес раскопанный храм ко времени не ранее середины или второй половины XII в.⁴⁷⁾ Позже он уточнил датировку, отнес храм к самому концу XII или даже началу XIII в.⁴⁸⁾ Датировка эта полностью принята всеми исследователями. Было выдвинуто предположение, что данная церковь может быть той церковью Василия, которую в 1197 г. построил на своем «Новом дворе» князь Рюрик

Ростиславич.⁴⁹⁾ По другому предположению, этот памятник определяется как церковь подворья смоленских купцов.⁵⁰⁾

Отмечая несходство форм раскопанного храма с остальными памятниками киевского зодчества, М. К. Каргер уже в первой публикации указал, что «сочетание характерного для смоленской школы приема декоративного оформления фасадов с смоленской же особенностью плана здания позволяет видеть в храме на Вознесенском спуске результат прямого воздействия смоленских архитектурных традиций».⁵¹⁾ Объяснение этому явлению Каргер видел в том, что к концу XII в. Киев потерял уже свое значение не только как политический, но и как культурный центр Русской земли. Становится возможным обратное влияние «окончательно созревших в это время локальных школ на киевскую архитектуру конца XII—начала XIII в. ...Раскопанный на Вознесенском спуске храм... убедительно свидетельствует об участии смоленских зодчих в киевском строительстве накануне монгольского нашествия».⁵²⁾ Изучение памятников смоленского зодчества, проведенное за последние годы, полностью подтвердило эту мысль Каргера. Действительно, достаточно сравнить план церкви на Вознесенском спуске с планом рядового смоленского храма данного времени (например, церковь на Малой Рачевке, если взять

⁴⁷⁾ Каргер М. К. Археологические исследования..., с. 206.

⁴⁸⁾ Каргер М. К. Древний Киев, с. 481.

⁴⁹⁾ Раппопорт П. А. Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв. — СА, 1962, № 2, с. 65.

⁵⁰⁾ Алексеев Л. М. Полоцкая земля. М., 1966, с. 246, прим. 40.

⁵¹⁾ Каргер М. К. Археологические исследования..., с. 208.

⁵²⁾ Каргер М. К. Древний Киев, с. 484.

-364-

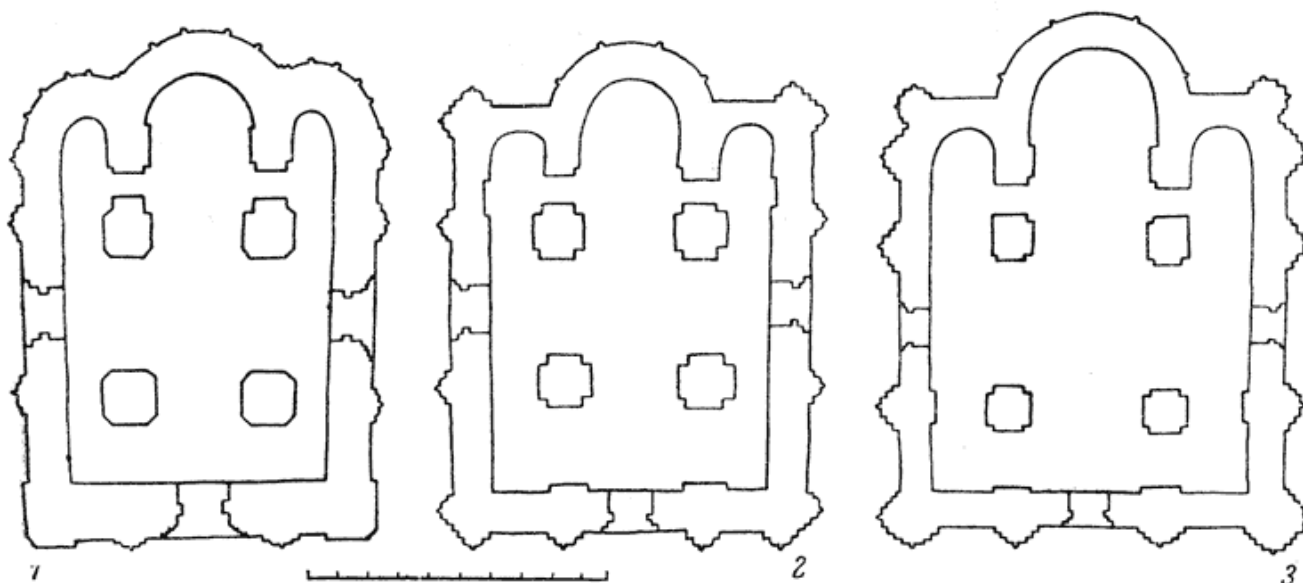

Рис. 178. Сравнение планов церкви на Вознесенском спуске в Киеве (2), церкви Пятницы в Чернигове (1) и основного объема церкви на Малой Рачевке в Смоленске (3)

ее без галереи) и храма южнорусского типа (например, церковь Пятницы в Чернигове), чтобы убедиться, насколько эта киевская церковь вписывается в круг смоленских памятников и насколько она чужда памятникам южнорусским (рис. 178). И дело здесь не только в своеобразной форме апсид (хотя это тоже достаточно важный признак), но и в характере обработки фасадов. Сложнопрофилированные пилястры церкви на Вознесенском спуске полностью отвечают смоленскому типу — сильно выступающие из тела стены, четкие и даже

немного жестковатые, они резко отличаются от смягченных и скругленных пилястр Чернигова или Овруча.

Существенное отличие плана церкви на Вознесенском спуске от планов смоленских храмов — отсутствие промежуточной пилястры в восточном членении северного и южного фасадов. Однако даже и эта особенность известна в Смоленске, в Пятницкой церкви (если только это не ошибка, допущенная при обмере; см. с. 275).

Таким образом, не вызывает сомнений, что церковь на Вознесенском спуске строилась под руководством смоленского зодчего. Труднее решить вопрос, кто выполнял это строительство. Таких типичных особенностей смоленской строительной техники, как выпуклые знаки на торцах кирпичей или примесь угля в известковом растворе, в киевской церкви не отмечено. Не имеет аналогий в смоленском зодчестве и конструкция фундамента, сложенного из кирпичей на глине. По-видимому, строительство церкви на Вознесенском спуске вели не смоленские, а местные мастера.

5

В 1936 г. А. И. Некрасов опубликовал рисунок Троицкого собора в Пскове, представляющий собой копию XIX в. с рисунка, исполненного в XVII в. (рис. 179).⁵³⁾ На рисунке изображен храм, построенный

⁵³⁾ Некрасов А. И. Очерки по истории..., с. 167, рис. 104.

-365-

в 1365—1367 гг. и снесенный в конце XVII в. при постройке нового, ныне существующего здания собора. Некрасов отметил: «Несмотря на неточность рисунка и явно позднейшие пристройки к собору, можно видеть сходство с такими полоцко-смоленскими памятниками, как Свирская церковь и собор Спасо-Евфросиньевского монастыря, — крестчатый план и надстройки массива со своими особыми закомарами. С Новгородом его связывает фронтонная система (в характере отмеченной нами в Липенской церкви). Что представляет особенность — это постановка глав на каждую массу сложного построения».⁵⁴⁾

Такой характеристикой памятника открывается изложение А. И. Некрасовым истории псковского зодчества XIV в.; к этому веку, по-видимому, автор и относил все своеобразные черты, зафиксированные на рисунке. Однако, как оказалось, значение данного рисунка значительно больше и шире вопроса о сложении форм псковского зодчества XIV—XV вв. (хотя и этот вопрос сам по себе достаточно важен).

Рисунок, опубликованный А. И. Некрасовым, представляет собой прорисовку, сделанную И. Ф. Токмаковым с архивного подлинника.⁵⁵⁾ Он исключительно интересен, так как является весьма ранним примером русского архитектурного чертежа, исполненного почти в строгой ортогонали (западный фасад). Сравнение этого рисунка с некоторыми изображениями собора на иконах свидетельствует о его достоверности. Вместе с тем по детальности ни одно иконное изображение не может идти ни в какое сравнение с данным рисунком, представляющим драгоценный документ для изучения архитектурных форм псковского собора XIV в.⁵⁶⁾

Вместе с указанным рисунком в архиве обнаружены два плана собора. Один из них — проектный план собора, возведенного в 1682—1699 гг. Второй план полностью соответствует рисунку фасада, т. е. представляет собой план храма до его перестройки.⁵⁷⁾ Чертежи эти дают возможность с достаточной полнотой реконструировать облик уничтоженного памятника.

Собор изображен на рисунке покрытым многочисленными плоскими двускатными кровлями. Несомненно, что такой вид здание приобрело в довольно позднее время, вероятно в XVI в. До этого собор был крыт свинцовыми листами, очевидно, по криволинейным

поверхностям, по сводам. Так, под 1421 г. в летописи отмечено, что церковь Троицы «свинцем новым побита бысть».⁵⁸⁾ Покрытие свинцовыми листами сохранялось

⁵⁴⁾ Там же, с. 166.

⁵⁵⁾ Подлинный рисунок был экспонирован на выставке VIII Археологического съезда в связи с 25-летним юбилеем Московского археологического общества.

⁵⁶⁾ Общую оценку значения данного рисунка для истории русского зодчества см.: *Воронин Н. Н. У истоков русского национального зодчества*. — В кн.: Ежегодник Института истории искусств 1952. М., 1952, с. 287.

⁵⁷⁾ Краткие сведения об этих чертежах см.: *Воронин Н. Н. У истоков...*, с. 293, прим. 2. — Анализ чертежей и реконструкцию плана и облика Троицкого собора XIV в. исполнил А. А. Тиц (*Тиц А. А. Обмерные и проектный чертежи XVII в. Троицкого собора в Пскове*. — В кн.: *Средневековая Русь*. М. 1976, с. 336).

⁵⁸⁾ Псковская 1-я летопись, 6929 (1421) г. — В кн.: *Псковские летописи*. Вып. 1. М.—Л., 1941, с. 34.

-366-

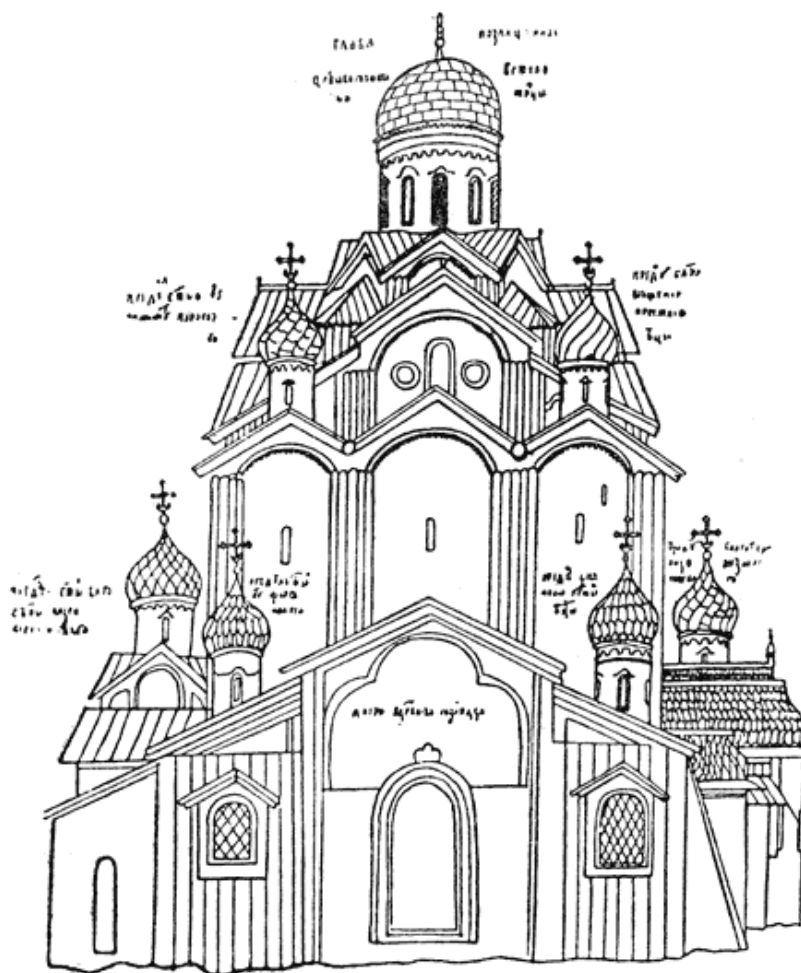

Рис. 179. Троицкий собор в Пскове. По рисунку XVII в.

-367-

здесь и во второй половине XV в.⁵⁹⁾ Кроме изменения форм кровель, собор претерпел, конечно, и другие изменения. В летописи отмечена, например, постройка в 1413 г. притвора.⁶⁰⁾ Возможно, что перестроек было еще больше, но не все они были упомянуты в летописи. Тем не менее рисунок дает много данных для реконструкции облика собора XIV в.

Важнейшая роль Троицкого собора в последующем развитии псковского зодчества уже достаточно оценена историками архитектуры. Однако, если рассматривать Троицкий собор как памятник, целиком построенный во второй половине XIV в., понять происхождение его форм невозможно. Здание подобного облика не могло быть возведено на Руси в это время, в нем явно отражены какие-то более древние архитектурные формы. Объясняется это просто: в 1365—1367 гг. строили не новый храм, а лишь возобновляли старый. Летописные тексты описывают историю этого строительства достаточно ясно. В 1362 г. «оупаде верх церкви святыя Троица».⁶¹⁾ В следующем году «псковичи даша наимитомь 5 роублей; они же истребиша, разбивше стены церкви святыя Троици, и звоук выносиша в Великую реку».⁶²⁾ Еще через год «псковичи наыша мастеров и даша делу мзды 400 рублеи; они же заложыша церковь святыя Троица по старой основе».⁶³⁾ Фраза «по старой основе» повторяется в различных списках летописи, в том числе и в Новгородских летописях.⁶⁴⁾ Очевидно, она была не случайной, а отмечала важную особенность строительства собора. Основной объем храма, видимо, уцелел, и после обрушения верха пришлось разломать лишь какие-то пострадавшие части, но далеко не все здание. Если это так, то у нас есть все основания полагать, что как план храма, так и общая композиция его масс восходит к более древнему памятнику. Архитектурные формы здания, изображенного на рисунке XVII в., с таким выводом отлично согласуются.⁶⁵⁾

Когда же был построен первоначальный Троицкий собор? Дата его точно не установлена. Летописи сообщают, что князь Всеволод-Гавриил, умерший в Пскове, был погребен «у церкви святыя Троица, юже бе сам

⁵⁹⁾ Так, в 1465 г. «почаша побивати доски верх оу святеи Троицы» (Псковская 1-я летопись, 6973 г., с. 71). Предположение Ю. П. Спегальского, что в данном случае имело место покрытие крыши деревянными досками для последующего крытия железом (*Спегальский Ю. П. Железные кровли в архитектуре древнего Пскова. — КСИА, 1973, вып. 135, с. 46, прим. 3*) не подтверждается. В летописях совершенно точно указано, что «доски» — это «свинчатые доски», т. е. свинцовые листы (см.: Псковская 2-я летопись, 6928 (1420) г. — В кн.: Псковские летописи. Вып. 2. М.—Л., 1955, с. 37. См. также в Летописи Авраамки под 1459 г.: «Побьена бысть досками свинцом чюдно» — ПСРЛ, XVI, 199).

⁶⁰⁾ Псковская 1-я летопись, 6921 г., с. 33.

⁶¹⁾ Псковская 2-я летопись, 6871 г., с. 27. — В Псковской 1-й летописи под 6870 г.: «Тогда же врх святыя Троица впался... тоя же осени засажни изборяни выносиша оупадшии верх церковный» (Псковская 1-я летопись, с. 23).

⁶²⁾ Псковская 2-я летопись, 6872 г., с. 27. — В Псковской 3-й летописи (в кн.: Псковские летописи, вып. 2, с. 103): «Истребити им стена святыя Троица».

⁶³⁾ Псковская 2-я летопись, 6873 г., с. 27. — Освящение собора состоялось в январе 1367 г.

⁶⁴⁾ НПЛ, с. 369; Новгородская 3-я летопись. — ПСРЛ, III, 229.

⁶⁵⁾ Первая попытка выявить первоначальные формы Троицкого собора была сделана еще в 1944 г. (см.: *Воронин Н. В. У истоков русского национального зодчества. — Архитектура СССР, 1944, вып. 5, с. 33*).

создал»⁶⁶⁾ Были попытки подвергнуть эти утверждения летописи сомнению, поскольку Всеволод провел в Пскове всего четыре месяца — с конца сентября 1137 г. до смерти, последовавшей в феврале 1138 г.⁶⁷⁾ Сомнение это вряд ли можно считать обоснованным, ибо до указанного года

Всеволод довольно долго княжил в Новгороде и, следовательно, мог быть ктиторм псковского храма, являясь князем новгородским. Более существенно другое обстоятельство — в Псковской 3-й летописи отмечено, что Всеволод «положен бысть в церкви святого мученика Дмитрия, еже сам создал». ⁶⁸⁾ Конечно, сведения Псковской 3-й летописи нельзя считать более точными, чем сведения Лаврентьевской, Псковских 1-й и 2-й летописей. Однако, как ни странно, именно сведения Псковской 3-й летописи совпадают с данными церковной литературы, согласно которым прах Всеволода действительно находился в церкви Дмитрия и только после «обретения мощей» был перенесен 27 ноября 1193 г. в Троицкий собор. ⁶⁹⁾ Таким образом, летописное утверждение, что Троицкий собор был построен князем Всеволодом, оказывается сомнительным. Правда, возможно, что в 30-х гг. XII в., ко времени смерти Всеволода, Троицкий собор уже существовал, но он мог быть и деревянным. Во всяком случае очень вероятно, что вся церемония «обретения» и перенесения мощей была задумана для придания большего авторитета и святости новопостроенному зданию псковского патронального храма. Следовательно, наиболее вероятная дата постройки каменного Троицкого собора — начало 90-х гг. XII в.

Детальность рисунка собора и полное совпадение его данных с соответствующим ему планом, исполненным, очевидно, также в начале 80-х гг. XVII в., дают возможность достаточно ясно представить себе структуру здания. Это был трехапсидный шестистолпный собор с хорами в западном членении. Лестница на хоры располагалась в западной части северной стены. Западная часть собора была несколько ниже основного четырехстолпного объема, имевшего главу, приподнятую на специальном пьедестале. Боковые членения западной части являлись самостоятельными приделами и поэтому были отмечены снаружи дополнительными главками. С трех сторон собор был окружен галереей, восточные концы которой представляли собой выделенные приделы, увенчанные главками. С севера, кроме того, находился отделенный от остальной части галереи притвор. Западная часть галереи имела в середине притвор и примыкавшие к нему по бокам помещения. В юго-западной части собора галерея прерывалась, и здесь были контрфорсы («быки приделаны для подпору»).

Такой вид собор имел во второй половине XVII в. Какие же части этого здания восходят ко второй половине XIV в., а какие к концу XII в.?

Выделению первоначальных частей собора, относящихся к зданию XII в., способствует характерная деталь рисунка XVII в. — очень реа-

⁶⁶⁾ Лаврентьевская летопись, 6646 г.; Псковская 1-я летопись, с. 9, 10; Псковская 2-я летопись, с. 19.

⁶⁷⁾ Васильев Арк., Янсон А. К. Древний Псков. Л., 1929, с. 11.

⁶⁸⁾ Псковская 3-я летопись, с. 77.

⁶⁹⁾ «Слово о обретении мощей... князя Всеволода» (Степенная книга. — ПСРЛ, XXI, первая половина, 200—201); Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М. 1903, с. 61.

листически изображенные пучковые пилястры. Такие пилястры использовались в русском зодчестве только на одном этапе его развития — в конце XII — начале XIII в. Ни раньше — в середине XII в., ни позже — в XIV в. — подобные пилястры не употреблялись. Таким образом, у нас есть все основания относить те части здания, которые снабжены пучковыми пилястрами, к концу XII в. При этом выясняется, что древним является весь основной объем храма. Очевидно, при реконструкции XIV в. восстановили верх здания, полностью сохранив его стены. ⁷⁰⁾

Несколько менее уверенно можно судить о первоначальных формах покрытия основного четырехстолпного объема. Судя по рисунку, угловые членения были резко снижены и, очевидно, имели вид четвертей круга, как это показано, например, на реконструкции Ю. П. Спегальского. ⁷¹⁾ Однако стремление связать формы Троицкого собора с более поздними

памятниками псковского зодчества привело исследователя к мысли, что по бокам центральной закомары находились небольшие вертикальные стенки. Очень вероятно, что в XIV в. покрытие приобрело такую форму, но первоначальное завершение должно было быть трехлопастным.

Реконструируемый первоначальный облик Троицкого собора оказывается почти полностью совпадающим с характером памятников смоленской архитектурной школы. Более того, очевидно, что объяснить появление этих форм в Пскове можно только прямым участием смоленских зодчих. Храмы, имеющие высокий объем, с фасадами, завершающимися трехлопастным покрытием, со сложнопрофилированными пилястрами в конце XII в. можно было найти только в киевской и смоленской архитектурных школах. Предполагать, что в Пскове работали киевские мастера, нет оснований, смоленские же зодчие через несколько лет после возведения Псковского собора строили в Новгороде Пятницкую церковь, близкое сходство которой с псковским собором не вызывает сомнений. Основное отличие Троицкого собора от новгородской церкви в том, что его пониженная, завершающаяся тремя закомарами часть храма примыкает к высокому четырехстолпному объему с запада, в то время как в Новгороде — с востока. По плану Троицкий собор был, видимо, ближе всего к смоленской церкви на Воскресенской горе, построенной примерно в эти же годы.

Единственное, хотя и очень серьезное, возражение против интерпретации Троицкого собора как памятника смоленской школы может вызвать форма его апсид. Судя по плану XVII в., собор имел три полукруглые апсиды — прием, совершенно не применявшийся в эту пору в смоленском

⁷⁰⁾ Именно так выделил первоначальный объем храма Ю. П. Спегальский. Однако он относил все здание к XIV в. (*Спегальский Ю. П. О взаимовлиянии деревянного и каменного зодчества в Древней Руси. — Архитектурное наследство, М., 1972, т. 19, с. 68, рис. 1, л).*

⁷¹⁾ *Спегальский Ю. П. О взаимовлиянии...*, с. 68. — Так реконструирует форму завершения основного объема храма и А. А. Тиц (*Тиц А. А. Указ. соч., с. 341*). Гораздо менее убедительна реконструкция П. Н. Максимова, где фасады завершаются тремя закомарами, расположенными на разной высоте (*Максимов П. Н. Зарубежные связи в архитектуре Новгорода и Пскова XI—начала XIV в. — Архитектурное наследство, М., 1960, т. 12, с. 43*).

-370-

зодчестве. Объяснение здесь может быть двоякое. Возможно, что восточная стена храма более всего пострадала при обрушении верха и именно ее разломали в 1363 г. перед восстановлением здания. Таким образом, форма апсид может относиться к строительству XIV в. Но возможно и другое объяснение: Троицкий собор мог быть построен в конце XII в. не заново, а лишь достроен или перестроен. Быть может, утверждения летописей, что собор строил князь Всеволод, не лишены оснований, и план храма в таком случае восходит к первой половине XII в.⁷²⁾

На рисунке XVII в. Троицкий собор изображен с главой, приподнятой на специальном пьедестале. Такое решение тоже характерно для памятников конца XII в., в частности для памятников смоленской школы. Однако очень трудно судить, насколько данное завершение храма соответствует его первоначальным формам. Ведь в летописях совершенно ясно указано, что в 1362 г. у церкви «упал верх», т. е., очевидно, прежде всего глава и поддерживавшие ее части. Насколько завершение, восстановленное в XIV в., повторяло более древние формы? Судя по рисунку XVII в., пьедестал барабана имел на углах профилированные пилястры и на такие же пилястры опирались кокошники, примыкавшие к барабану. Такой прием очень логичен для подобного памятника и, вероятно, в какой-то степени отражает древние формы, может быть воспроизведенные при реконструкции. Впрочем, в единственном памятнике смоленского зодчества этой поры, сохранившем свои верхние части, — в церкви архангела Михаила — пьедестал, по-видимому, не имел профилированных пилястр, хотя общая схема его очень близка тому, что изображено на рисунке псковского собора. Очень возможно, что при восстановлении

верхней части храма его арки получили ступенчатую конструкцию, которая позднее стала неотъемлемой особенностью псковских памятников.

Возведение в Пскове в конце XII в. храма с помощью смоленских мастеров не должно вызывать особого удивления. В Пскове в XII в. еще не было своих зодчих и строительство обычно вели мастера, приезжавшие из Новгорода. Между тем в конце XII—начале XIII в. новгородскими и псковскими князьями являлись большей частью представители смоленской княжеской династии.⁷³⁾ Получить мастеров для строительства храма из Смоленска им было, вероятно, достаточно легко. Возможно, что приглашенные в Псков смоленские мастера, закончив постройку собора, перешли в Новгород, где начали строительство Пятницкой церкви.

⁷²⁾ В 1968 г. в Троицком соборе был заложен небольшой шурф, в котором найдены обломки плинф (*Белецкий В.* Работы псковской археологической экспедиции Эрмитажа в 1968 г. — Сообщ. Гос. Эрмитажа, Л., 1971, вып. 33, с. 114). Однако они настолько незначительны, что не могут служить основанием для достаточно твердых выводов о дате памятника. Кроме того, плинфы явно принадлежат двум различным сериям, отличающимся как по толщине, так и по тесту. Относятся ли эти плинфы к одному периоду строительства или к двум — пока неясно.

⁷³⁾ Так в 1184 г. новгородским князем стал Мстислав — сын смоленского князя Давида (НПЛ, 228). В 1197 г. смоленским князем стал Мстислав Романович, княживший ранее в Пскове; псковским же князем стал его сын Всеволод Мстиславич (*Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, с. 291).

-371-

Датировка памятников

Детальное изучение памятников древнего смоленского зодчества, и особенно археологические раскопки последних лет, дает нам возможность привлечь к исследованию уже не единичные сооружения, не несколько случайно сохранившихся зданий, а целую серию памятников. Однако, для того чтобы попытаться прочесть по этим памятникам путь развития смоленской архитектуры, необходимо предварительно выяснить хронологическое их соотношение, т. е. объединить постройки в общий временной ряд. Между тем датировка смоленских памятников очень сложна и, чтобы справиться с этой задачей, нужно привлечь все возможные материалы, в том числе сведения письменных источников, стилистически-типологический анализ сооружений, их строительную технику, формат кирпича, знаки на кирпичах (см. табл. 2). Такое комплексное привлечение данных для датировки позволяет составить хронологическую шкалу памятников древнего смоленского зодчества, шкалу, быть может, не во всем еще точную, но все же достаточно ясную и убедительную.

Сведения письменных источников о времени возведения смоленских построек крайне немногочисленны (табл. 2, а). Точные даты имеют всего два здания: Успенский собор, заложенный Владимиром Мономахом в 1101 г., и Борисоглебский собор Смядынского монастыря, заложенный в 1145 г. Менее точно датируется церковь Ивана Богослова, о которой сообщается лишь, что строил ее князь Роман Ростиславич, княживший в Смоленске с 1160 до 1180 г. Поскольку в летописи отмечено, что Роман украсил церковь «всяким строением церковным и иконы», ясно, что здание было закончено и завершено отделкой. Следовательно, заложен храм должен был быть по крайней мере за четыре года до смерти заказчика. Таким образом, возможные хронологические рамки закладки определяются 1160—1176 гг. Четвертая смоленская постройка, упоминаемая в летописи. — церковь архангела Михаила. О ней известно,

что возведена она при князе Давиде Ростиславиче. Некоторые историки справедливо отмечали, что церковь не могла быть построена в самые последние годы жизни заказчика, поскольку после завершения строительства ее успели расписать внутри и роскошно украсить. Роспись и украшение храма должны были занять не менее двух-трех лет. Кроме того, отмеченный летописцем обычай князя постоянно ходить в эту церковь («по вся дни ходя ко церкви») также свидетельствует, что она была создана не перед самой его смертью, наступившей в 1197 г. Таким образом, можно думать, что завершение строительства храма должно было состояться до 1194 г., а значит, закладка должна относиться ко времени до 1190 г. Наиболее же ранняя возможная дата закладки — начало княжения Давида — 1180 г.

Наконец, пятая смоленская церковь, о которой имеются сведения в письменных источниках, — церковь Василия. В летописном отрывке, сохранившемся в сборнике XVII в. киевского Михаило-Златоверхого монастыря отмечено, что церковь Василия была построена князем Давидом Ростиславичем. Сообщение это соединено в одну фразу с известием о перенесении из Вышгорода на Смядынь гробов Бориса и Глеба. Учи-

-372-

Таблица 2
Датировка памятников смоленского зодчества

№ п.п.	Памятник	<i>а</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>
		Даты закладки	типологическая группа	датировка по формату кирпича	совпадение знаков на кирпичах
1	Успенский собор	1101	—	—	—
2	Борисоглебский собор	1145	I	—	А, В, Г
3	Церковь Петра и Павла	—	I	1140—1160	А, Д
4	Бесстолпная церковь	—	—	1152—1173	Б, В
5	Княжеский терем	—	—	1152—1173	Б, Е
6	Церковь в Перекопном переулке	—	I	1135—1156	Г, Д
7	Церковь Ивана Богослова	1160— 1176	I	1159—1183	Е
8	«Немецкая божница» (ротонда)	—	—	1168—1190	—
9	Церковь Василия на Смядыни	1180— 1188	—	1172—1193	—
10	Церковь архангела Михаила	1180— 1190	II	1182—1203	—
11	Собор Троицкого монастыря на Кловке	—	II	1188—1209	—
12	Церковь на Малой Рачевке	—	II	1180—1204	—
13	Церковь у устья Чуриловки	—	II	1190—1210	—

14	Церковь на Воскресенской горе	—	II	1193—1220	Ж
15	Собор Спасского монастыря в Чернушках	—	II	1211—1231	Ж
16	Пятницкая церковь	—	II	1208—1234	—
17	Церковь на Б. Краснофлотской улице	—	III	1179—1200	—
18	Церковь на Окопном кладбище	—	III	1205—1228	—
19	Собор на Протоке	—	III	1181—1203	—
П р и м е ч а н и е . Одинаковые буквы в графе „с“ обозначают совпадение знаков на кирпичях.					

тая, что князья Борис и Глеб были первоначально погребены в Вышгороде близ маленькой деревянной Васильевской церкви, исследователи обычно связывали данные сообщения и полагали, что смоленская церковь Василия была построена в связи с перенесением гробов, состоявшимся в 1191 г. Следовательно, церковь Василия могла быть построена не позже 1191 г., а заложена еще ранее, примерно на три года, т. е. не позже 1188 г. Самая же ранняя возможная дата — начало княжения Давида — 1180 г. Несмотря на отсутствие прямых доказательств того, что малая церковь, раскопанная на Смядыни в 1909 г., представляет собой остатки именно Васильевской церкви, упомянутой в указанном отрывке, такое предположение почти не вызывает сомнений.

Сказанным ограничиваются все сведения о датировке памятников древнего смоленского зодчества, которые можно почерпнуть в письменных источниках.

Другим средством определения времени возведения памятников может служить их типологическая характеристика, отраженная прежде всего в схеме плана (табл. 2, б). Так, церкви Петра и Павла, Ивана Богослова и безымянная церковь в Перекопном переулке несомненно представляют

-373-

собой четырехстолпные варианты того типа, к которому относится и шестистолпный Борисоглебский собор на Смядыни. Все эти смоленские храмы по схеме своего плана и выявляемым в плане архитектурным формам (например, мощные полуколонны на фасадах) могут быть объединены в одну группу, которую условно обозначим — группа I. Относящаяся в целом к тому же типу церковь Василия на Смядыни имеет существенную особенность — отсутствие лопаток на внутренней поверхности стен. Отсутствие лопаток в интерьере — явление не случайное. Оно, вероятно, связано с изменением конструкции завершающих частей зданий и свидетельствует о начавшейся переработке данного типа храма. Естественно поэтому, что остальные смоленские храмы группы I, не имеющие такой особенности, должны быть отнесены ко времени до постройки церкви Василия, т. е. до 80-х гг. XII в.

Хронологические рамки памятников группы I можно установить и из сравнения с подобными постройками, хорошо известными в других русских землях — в Киеве, Чернигове, Владимире-Волынском, Рязани. Наиболее ранние примеры здесь, по-видимому, относятся к 20-м гг. XII в. (Борисоглебская церковь в Чернигове), а наиболее поздние — к 80-м гг. (Васильевская церковь в Киеве).¹⁾

В широких пределах можно определить время возведения и другой группы смоленских храмов — группы II. Она объединяет церкви, центральная апсида которых полукруглая, а

боковые снаружи прямоугольные. Сюда относятся церковь архангела Михаила, собор Троицкого монастыря на Кловке, Спасский собор в Чернушках, церкви на Воскресенской горе, у устья Чуриловки, на Малой Рачевке и Пятницкая. Отличительная особенность памятников этой группы — сложнопрофилированные пучковые пилястры. На основании стилистических признаков данные памятники можно отнести к концу XII—первой половине XIII в. Есть возможность несколько уточнить время, когда началось их строительство. Дело в том, что сопоставление церкви архангела Михаила с храмами Полоцка, и в частности с церковью, раскопанной на полоцком детинце, дает основания полагать, что главные элементы композиции Михайловской церкви были разработаны в полоцком зодчестве (см. с. 391). Причем почти полное совпадение планов этих храмов (Михайловской церкви в Смоленске и храма на детинце в Полоцке) свидетельствует, что Михайловская церковь непосредственно связана со своим полоцким прообразом и, следовательно, была в Смоленске первой постройкой данного типа. Очевидно, что вся эта группа смоленских храмов была создана после 80-х гг. XII в.

Еще менее определена датировка памятников, составляющих группу из трех смоленских храмов: на Протоке, на Окопном кладбище и на Большой Краснофлотской улице (группа III). Это храмы, обладающие рядом

¹⁾ Н. В. Холостенко выдвинул предположение, что наиболее ранняя церковь данного типа — собор Елецкого монастыря в Чернигове — относится к концу XI в. (*Холостенко Н. В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове.* — В кн.: Памятники культуры. Т. 3. М., 1961, с. 67). Предположение это спорно, так как существует и иная датировка собора — 1110—1120 гг. (*Воробьева Е. В., Тиц А. А. О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове.* — СА, 1974, № 2, с. 98).

-374-

сходных признаков, из которых наиболее выразительным является плоская форма центральной апсиды. Судя по общему характеру плана, памятники группы III можно отнести к концу XII—первой половине XIII в.

Как видим, данных для датировки памятников древнего смоленского зодчества мало: письменные источники крайне отрывочны, а типологическая характеристика храмов может дать определение времени их возведения лишь в очень широких пределах. Тем большее значение приобретает метод датировки памятников по формату кирпича. Исследователи давно уже отметили, что формат кирпича-плинфы может служить достаточно надежным признаком времени возведения здания. Вначале этим пользовались для датировок в пределах века, затем полувека, а в последние годы делаются попытки гораздо более точных определений. К сожалению, такие попытки методически очень слабо обоснованы, а получаемые результаты иногда спорны. Между тем более строгий методический подход действительно позволяет использовать формат кирпича для достаточно точных датировок.²⁾

Для того чтобы использовать формат кирпича как средство датировки сооружений, прежде всего необходимо определить, какой формат является для данного памятника основным, ведущим. Выяснить это можно лишь тщательным промером большого количества кирпичей. Оказывается, что во всех древних смоленских постройках не менее 70% кирпичей относится к одному стандарту и различается лишь в пределах точности формовки древних кирпичей, т. е. 1—2 см. Наряду с основным стандартом во всех зданиях имеются кирпичи, обладающие примерно той же длиной, но более узкие, а также по несколько типов лекальных кирпичей. Все эти кирпичи встречаются в гораздо меньшем количестве, чем кирпичи основного типа. Впрочем, на определенных участках кладки, например в пилястрах, может преобладать не основной, а один из дополнительных типов кирпича. Недостаточно детальное изучение кладки не раз приводило исследователей к неверным выводам, когда за основной тип кирпича принимался как раз

дополнительный тип, не говоря уже о прямых ошибках, когда промер кирпича осуществлялся на участке более поздних чинок или пристроек.

Сведение воедино данных о формате кирпича всех памятников древнего смоленского зодчества позволяет выявить общую картину эволюции кирпича. Оказывается, что за период от начала XII до первой половины XIII в. размер кирпичей в Смоленске существенно изменился: кирпичи стали меньше. Толщина — величина здесь наименее показательная, ибо разница между наиболее ранними и наиболее поздними кирпичами по толщине составляет всего около 1.5 см. Можно отметить, что в постройках середины XII в. толщина кирпичей, как правило, более 4 см, а с конца XII в. кирпичи становятся тоньше 4 см. Однако случайные колебания толщины также дают разницу не менее 2 см, и поэтому в настоящее время использовать изменение толщины кирпичей для более или менее точной датировки вряд ли возможно.

²⁾ Более подробно об этом см.: *Раннопорт П. А.* Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату их кирпича. — СА, 1976, № 2 с. 83.

-375-

Более показательны изменения длины и ширины кирпичей. Выясняется, что характерное для XII—XIII вв. уменьшение площади постелистой стороны кирпичей идет в большей степени за счет уменьшения длины, чем ширины. Сравнение эволюции формата кирпича с хронологической шкалой памятников (в тех немногих случаях, когда хронологическое соотношение зданий известно) показывает, что между ними существует устойчивая связь: уменьшение размера кирпичей всегда соответствует более позднему времени возведения сооружений. Следовательно, представляется возможным составить хронологическую шкалу изменения формата кирпича. Однако для градуирования подобной шкалы необходимо иметь несколько, во всяком случае не менее двух, точно датированных памятников. Желательно, чтобы памятники эти были расположены возможно ближе к концам шкалы, т. е. хронологически далеки друг от друга.

Самый ранний храм Смоленска — Успенский собор — для данной цели плохо подходит, так как после его закладки в смоленском строительстве был перерыв; поэтому нет твердой уверенности в том, что эволюция размеров кирпича здесь происходила непрерывно. Успенский собор был начат, по-видимому, киевскими или переяславльскими мастерами, тогда как строительство 40-х гг. XII в. началось с перенесения сюда черниговских строительных традиций. К тому же очень вероятно, что Успенский собор был возведен в технике кирпичной кладки «со скрытым рядом», характерной для эпохи Мономах. Все эти обстоятельства заставляют принять за первую точку отсчета на шкале не Успенский собор, а заложенный в 1145 г. Борисоглебский собор Смядынского монастыря — памятник, безусловно отражающий уже сложившуюся линию собственно-смоленской строительной-технической традиции.

Другую точку отсчета на хронологической шкале выбрать гораздо труднее. Среди памятников смоленского зодчества, относящихся к концу XII—первой половине XIII в., нет ни одного, имеющего достаточно твердо установленную дату постройки. И тем не менее найти здесь опорную точку можно. Для этого следует обратить внимание на то, что смоленские постройки, судя по формату их кирпича, возводились в указанное время непрерывно одна за другой. Даже среди изученных смоленских памятников к периоду начиная с 80-х гг. XII в. относятся 12 построек; в действительности же их было, конечно, еще больше. Очень вероятно, что в конце XII—начале XIII в. одновременно возводилось даже по несколько построек. Заканчивается период интенсивного строительства внезапно. Это не замедление темпов строительства, не уменьшение интенсивности, а полное прекращение строительства, его обрыв. Можно ли найти в истории Смоленска того времени какое-либо событие или какую-либо дату, которые объясняли бы такое внезапное прекращение монументального строительства? Оказывается, можно. Под 1230 г. в летописях отмечена страшная эпидемия («мор») в Смоленске.

За два года здесь умерло 32 тыс. человек.³⁾ К сожалению, неизвестно, сколько всего жителей было тогда в Смоленске, но в любом случае количество умерших необычайно велико и

³⁾ ПСРЛ, I, 511—512.

должно было составлять очень значительную часть населения города.⁴⁾ Умер в это время (вероятно, от той же эпидемии) и смоленский князь Мстислав Давидович. Впервые за всю историю Смоленской земли в ней начались княжеские убоицы. Через два года — в 1232 г. — княживший тогда в Полоцке двоюродный племянник покойного смоленского князя Святослав Мстиславич штурмом взял Смоленск «и исече смолнян много».⁵⁾ Примерно в это же время начались набеги на Смоленскую землю Литвы.⁶⁾ Естественно, что в таких условиях монументальное строительство должно было резко сократиться или даже полностью прекратиться.

Судя по размерам кирпичей, последней смоленской постройкой, заложенной перед катастрофой, было то здание, для которого изготовляли кирпичи в печи, раскопанной в 1973 г. на ул. Пушкина. Само здание не удалось обнаружить; быть может, его вообще не успели построить. Конечно, не исключена возможность, что дальнейшие исследования памятников смоленского зодчества выявят постройку, кирпичи которой будут иметь еще меньшие размеры, и, следовательно, окажется, что обжиг кирпичей в указанной печи осуществлялся не в 1230 г., а на несколько лет раньше.⁷⁾ На разбивке шкалы датирования памятников такое уточнение скажется крайне незначительно, изменив итоговые даты в пределах не более одного-двух лет.

Таким образом, у нас есть возможность отметить на шкале уменьшения размеров кирпича две точки — 1145 и 1230 гг., что позволяет произвести градуирование шкалы. При этом возможны два варианта. В первом учитывается только площадь постелистой стороны кирпича, т. е. изменению длины и ширины придается равное значение (табл. 3, а). По второму варианту большее значение придается изменению длины (табл. 3, б). Расхождение дат между этими двумя вариантами оказывается очень незначительным, хотя в отдельных случаях достигает шести лет.

Конечно, в такой системе датирования много условного и приблизительного. Так, положение самой шкалы на графике эволюции формата кирпича определяется чисто эмпирически, не говоря уже о том, что, может быть, точнее было бы изображать ее в виде кривой, а не прямой линии. Условно и то, что градуирование производится в виде равномерного членения, в то время как в действительности процесс уменьшения размеров кирпичей мог происходить с замедлением или ускорением. Однако проверка показала, что внесение некоторых изменений, связанных с отмеченными условностями, дает сравнительно небольшие различия в датах и принятая система датирования может поэтому считаться достаточно точной. Проверка точности шкалы путем внесения в таблицу сведений о кирпичах нескольких памятников, даты возведения которых известны

⁴⁾ По сведениям А. Поссевина, в Смоленске во второй половине XVI в. было не более 30 тыс. жителей (см.: *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России. — ЧОИДР, 1863, кн. II, № 4, с. 210).

⁵⁾ НПЛ, 281.

⁶⁾ *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV столетия, Киев, 1895, с. 301; ПСРЛ, I, 448.

⁷⁾ Так, кирпичи, найденные при раскопках в Рославле, имеют очень малую ширину — около 17.5 см, однако длина их не определена.

Таблица 3
Датировка по формату кирпича

№ п. п.	Памятник	Формат кирпича (см)			Даты		
		толщина	длина	ширина	<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>
1	Успенский собор	3.5—3.8	34	22	—	—	—
2	Борисоглебский собор	4.0—4.5	32	22.2	1145	1145	—
3	Церковь в Перекопном переулке	3.8	32	22	1146	1145	1135— 1156
4	Церковь Петра и Павла	4—5	31—32	21.5— 22.5	1150	1150	1140— 1160
5	Бесстолпная церковь	4—5	30—31	20.5— 21.5	1163	1162	1152— 1173
6	Княжеский терем	4—5	30—31	20.5— 21.5	1163	1162	1152— 1173
7	Церковь Ивана Богослова	4.0—4.5	29—31	19—20.5	1173	1169	1159— 1183
8	«Немецкая божница» (ротонда)	4	29	20	1180	1178	1168— 1190
9	Церковь Василия на Смядыни	4.0—4.2	28—29	20—21	1182	1183	1172— 1193
10	Церковь архангела Михаила	3.5—4.0	27—28	20.0— 20.5	1192	1193	1182— 1203
11	Церковь на Б. Краснофлотской улице	3.5—4.2	27.5— 28.5	19.0— 20.5	1190	1189	1179— 1200
12	Собор на Протоке	3.5—4.5	27—28	20—21	1191	1193	1181— 1203
13	Церковь на Малой Рачевке	4.5	26.5— 28.0	20.5— 21.5	1190	1194	1180— 1204
14	Собор Троицкого монастыря на Кловке	3.5—4.5	27	19.0— 20.5	1198	1199	1188— 1209
15	Церковь у устья Чуриловки	3.5—4.0	27	19—20	1200	1200	1190— 1210
16	Церковь на Воскресенской горе	3.0—3.5	25.5— 26.5	19—20	1208	1210	1198— 1220
17	Пятницкая церковь	3.0—3.5	24—25	20	1218	1224	1208— 1234
18	Собор Спасского монастыря в Чернушках	3—4	24—26	18—19	1221	1221	1211— 1231
19	Церковь на Окопном кладбище	3.5—4.2	25.0— 26.5	17.0— 18.5	1218	1215	1205— 1228
20	Кирпичи из печи на ул. Пушкина	3.2—3.8	24.0— 24.5	17.5— 18.5	1230	1230	—

(галерея Борисоглебского собора, построенная перед 1191 г., и новгородская церковь Пятницы, законченная в 1207 г.), показала, что ошибки не превышают четырех-пяти лет.⁸⁾

Конечно, не следует преувеличивать точность данного метода датирования. Безусловно, в пределах срока деятельности одного мастера-«плинфотворителя» формат кирпича мог вообще не изменяться. Могли, кроме того, иметь место и случайные изменения, которые мы не имеем возможности учитывать. Поэтому правильнее будет откладывать на шкале в обе стороны от найденных дат по 10 лет, чтобы получать даты с условно принимаемой 20-летней точностью (табл. 3, в). Эти данные и будем вно-

⁸⁾ Подробнее об этом см.: *Раппопорт П. А. Метод датирования памятников....* с. 92.

-378-

Таблица 4
Датировка по формату кирпича

№ п. п.	Памятник	Формат кирпича (см)			Даты		
		толщина	длина	ширина	а	б	в
1	Галерея Борисоглебского собора	3.8	28	20.5	1186	1187	—
2	Церковь Петра и Павла (пилон северной усыпальницы)	5	30	21	1167	1160	1150—1177
3	Церковь Петра и Павла (юго-восточная капелла)	4.0—4.5	29.5—30.0	19.5—20.5	1173	1171	1161—1183
4	Галерея церкви на Малой Рачевке	4	25.5	19—20	1212	1214	1202—1224
5	Собор Троицкого монастыря (гробницы)	3.2—3.5	26	18.5	1213	1211	1201—1223
6	Княжеский терем (чинка портала)	3.2	24.5	17.4	1230	1228	1218—1240
7	Печь на Протоке (верхняя печь)	3.0—3.5	26—27	16.5—17.0	1216	1210	1200—1226
8	Постройка (стена?) к югу от Борисоглебского собора	3.5—4.0	25.5	18.5—19.0	1216	1216	1206—1226

силь в общую таблицу датирования памятников смоленского зодчества (табл. 2, в).

Можно воспользоваться методом датирования по формату кирпича и для определения времени возведения галерей у некоторых смоленских храмов (табл. 4). За исключением галереи Борисоглебского собора, очевидно построенной непосредственно перед «великим освящением» храма в 1191 г., остальные галереи не имеют данных для их датировки. Естественно поэтому, что датирование по формату кирпича здесь является особенно существенным. Точно так же можно определить время некоторых перестроек: устройства гробниц и аркосолий в Троицком соборе на Кловке, чинки портала княжеского терема.

Наконец, существует еще один способ уточнить даты некоторых памятников — сравнение знаков на их кирпичах (табл. 2, г). Вне зависимости от того, как будет окончательно решен вопрос о смысле этих знаков,⁹⁾ несомненно, что наличие знаков, выполненных в одной форме, свидетельствует об изготовлении кирпичей либо одновременно, либо с очень небольшим промежутком во времени, пока еще сохранялись деревянные планки с вырезанными на них

формами для знаков. Естественно, что речь идет о знаках со сложным рисунком, ибо простые знаки (например, одна или две черточки) могут совпасть и случайно. То же самое можно относить и к совпадению клейм, оттиснутых одним штампом. Совпадения не-

⁹⁾ *Раннопорт П. А.* Знаки на плинфе. — КСИА. 1977, вып. 150, с. 28.

скольких сложных знаков имеют место в Борисоглебской и Петропавловской церквях, а также в Борисоглебской церкви и бесстолпной церкви на детинце. Таким образом, как Петропавловская церковь, так и бесстолпная церковь на детинце должны относиться ко времени, очень немного отдаленному от времени строительства Борисоглебского собора. Полное совпадение отдельных знаков или клейм встречено на кирпичах бесстолпной церкви и княжеского терема, а также на кирпичах Петропавловской и Борисоглебской церквей и руин храма в Перекопном переулке. Несомненно, что все эти памятники не могут быть отдалены более чем на одно-два десятилетия от времени возведения Борисоглебского собора. В свою очередь один знак на кирпичах терема совпадает со знаком из церкви Ивана Богослова. В одном случае известно совпадение знаков на кирпичах собора Спасского монастыря в Чернушках и церкви на Воскресенской горе; очевидно, эти памятники также очень близки друг другу по времени.

Теперь, после того как сведены вместе все данные для датировки смоленских памятников, можно провести их сопоставление в общей таблице (см. табл. 2). Из нее видно, что все использованные нами методы датирования прекрасно согласуются, дополняя друг друга и нигде не входя в противоречие. Скудость смоленских письменных источников приводит к тому, что для большинства памятников основным средством датировки становится формат их кирпича. В тех немногих случаях, когда имеются хотя бы самые общие сведения о том, при каком князе был заложен храм, эти сведения, как правило, дают более узкую датировку, и метод датирования по формату кирпича здесь лишь подтверждает достоверность письменных источников, большей частью не уточняя их. Членение же памятников на типологические группы оказывается настолько общим, что может быть использовано лишь как средство контроля, позволяющее избежать грубых ошибок и утверждать, что сведения письменных источников и датировка по формату кирпича в данном случае не противоречат архитектурным формам памятников.

Совокупность сведений о датировке дает возможность наметить, хотя бы в общих чертах, хронологическую взаимосвязь памятников древнего смоленского зодчества; эти данные могут быть сведены в графическую схему (рис. 180). На ней нанесены возможные хронологические рамки заложения каждого памятника, причем наибольшая ширина фигур отмечает наиболее вероятный период.

Несомненно, что после постройки Успенского собора монументальное строительство в Смоленске на какое-то время прекратилось. Строительство собора должно было занять не менее четырех-пяти лет, т. е. продлиться до 1105—1106 гг., а следующая по времени смоленская постройка — Борисоглебский собор Смядынского монастыря — была заложена в 1145 г. Таким образом, перерыв в строительстве был, по-видимому, равен почти 40 годам. При раскопках, проведенных вокруг существующего здания Успенского собора в 1965 г., выяснилось, что кирпичи древнего собора явно делятся на две группы. Экземпляры первой группы отличались от прочих кирпичей, найденных на детинце, своими размерами (длина 34 см) и характером формовки. Вторая группа, более многочисленная, свидетельствовала о значительных строительных работах, осуществленных зна-

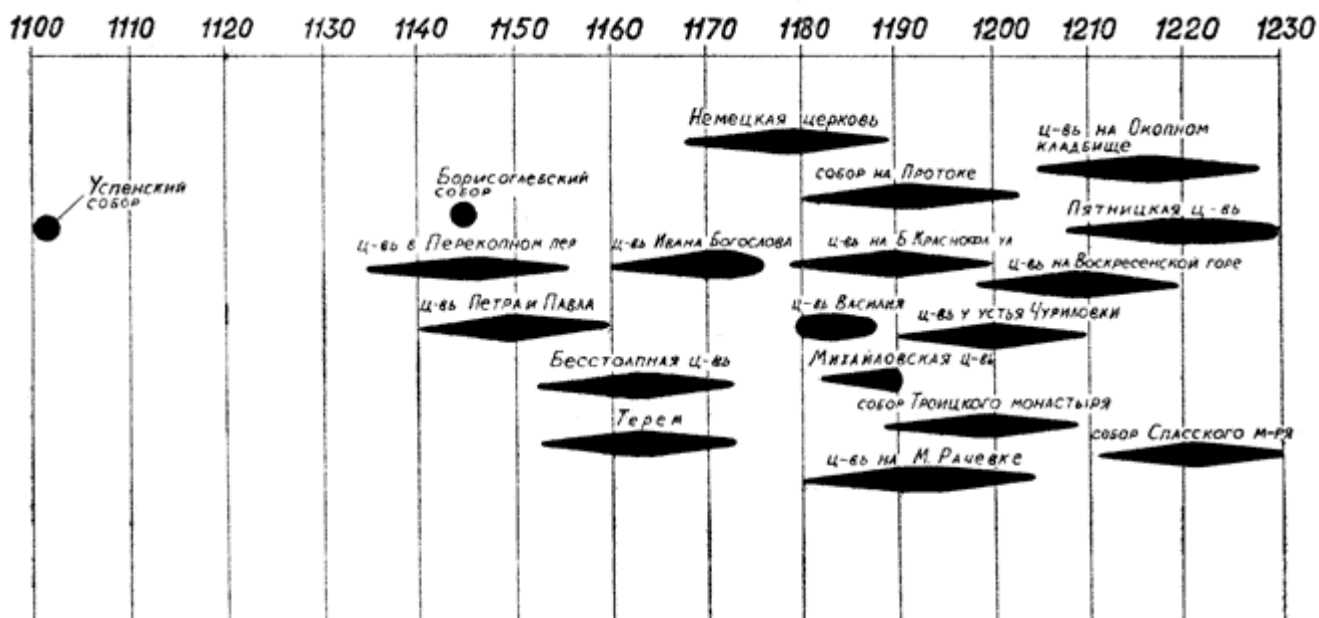

Рис. 180. Схема предполагаемого времени заложения древних смоленских памятников

чительно позже, уже при князе Ростиславе. Что это были за работы, мы не знаем. Была ли это достройка незаконченного здания или расширение уже существующего, неясно. Также неясно и точное время второго этапа строительства. Кирпичи этого строительства нельзя было выделить среди рассыпанных здесь же в большом количестве кирпичей бесстолпной церкви и терема. Однако это не означает, что в действительности все кирпичи имели одинаковый размер. Неустойчивость самого стандарта не позволила определить при раскопках кирпичи, безусловно относящиеся к собору. Очень вероятно, что достройка собора была первым строительным мероприятием князя Ростислава и, таким образом, должна была происходить еще до 1145 г. Впрочем, если собор был закончен строительством при Мономахе и функционировал, то работы по его расширению (может быть, пристройка галереи) могли производиться и позже, после возведения в Смоленске нескольких новых храмов, одновременно с постройкой княжеской бесстолпной церкви и терема. В пользу первого предположения, т. е. достройки собора в 40-х гг., свидетельствует наличие выпуклых знаков на постелистой стороне его кирпичей; знаки такого рода, кроме Успенского собора, встречаются на кирпичах только наиболее ранних смоленских памятников: Борисоглебского собора, церкви в Перекопном переулке и церкви Петра и Павла. Быть может, именно с достройкой собора связано его вторичное освящение в 1150 г.

Борисоглебский собор Смядынского монастыря был заложен, согласно летописи, в 1145 г. и, следовательно, должен был быть закончен уже до 1150 г. По-видимому, почти одновременно с ним построили и небольшую церковь в Перекопном переулке. Чем объясняется такое раннее возведение этого маленького храма, мы пока не знаем; быть может, здесь находился пригородный княжеский двор и это была дворцовая церковь. Если судить по формату кирпича, то следующей постройкой, заложенной около 1150 г., была церковь Петра и Павла — храм княжеского заднепровского

двора. Несомненно, что указанные постройки созданы еще при князе Ростиславе (перешел в Киев в 1160 г.).

В 50-х или 60-х гг. XII в., т. е. либо еще при князе Ростиславе, либо при его сыне Романе, был создан архитектурный ансамбль на детинце — дворцовая бесстолпная церковь и княжеский терем. Следует сказать, что все перечисленные постройки ограничены очень узкими

хронологическими рамками; крайне незначительные различия в формате кирпича и перекрестное совпадение знаков на кирпичах позволяют утверждать, что разница во времени закладки не превышала 20 лет. В таких пределах формат кирпича вряд ли может служить достаточно надежным критерием для уточнения датировок. Принятая нами степень точности датирования памятников по формату кирпича позволяет реконструировать и иной порядок строительства: сооружения на детинце могли быть заложены даже раньше церкви Петра и Павла. И все же такое предположение менее вероятно. К тому же совпадение знаков на кирпичах терема и церкви Ивана Богослова также дает основания относить строительство терема к более позднему периоду, чем постройка церкви Петра и Павла.

Следующая постройка, уже несомненно относящаяся ко времени князя Романа, — церковь Ивана Богослова. Ее дата, полученная с помощью формата кирпича, более широка, чем дата, определяемая на основании сведений письменных источников. Поэтому в данном случае более точной будет именно вторая дата, согласно которой закладка храма была произведена между 1160 и 1176 гг.; с несколько большей вероятностью можно говорить о второй половине названного срока. К 70—80-м гг. XII в. относится постройка ротонды — круглой церкви девы Марии, церкви немецких купцов.

Даты постройки церквей Василия на Смядыни и архангела Михаила определяются по сведениям письменных источников, поскольку датировка по формату кирпича для них дает более широкие рамки. Эти храмы были заложены почти одновременно — в 80-х гг. XII в. Впрочем, если судить по формату кирпича, то для Васильевской церкви более вероятна первая половина указанного хронологического отрезка, а для Михайловской церкви — его конец.

Далее начинается ряд смоленских памятников, единственным средством датировки которых является формат кирпича, поскольку в письменных источниках ни один из них не упомянут. Количество памятников здесь увеличивается, и несомненно, что их возводила уже не одна, а по крайней мере две строительные артели. Одну из этих «линий» строительства представляют храмы III типологической группы. В 80—90-х гг. была построена первая из этих церквей — маленькая церковь на Большой Краснофлотской улице, а довольно скоро за ней — собор на Протоке, позже, уже в начале XIII в., — церковь на Окопном кладбище. Более многочисленны храмы II типологической группы. Небольшая церковь на Малой Рачевке почти одновременна церкви архангела Михаила, хотя, вероятно, все же немного моложе ее. Еще позже — на рубеже XII—XIII вв. — были построены собор Троицкого монастыря на Кловке и церковь у устья Чуриловки (церковь Кирилла), а в пределах первых двух десятилетий XIII в. — большой храм на Воскресенской горе. Наконец, завершают этот ряд Пятниц-

-382-

кая церковь и собор Спасского монастыря, заложенные во втором или третьем десятилетии XIII в.

Датирование по формату кирпича позволяет определить время постройки галерей при храмах. Выясняется, что одновременно с основным зданием храма галереи были возведены в четырех случаях: в церкви Ивана Богослова, храмах на Воскресенской горе, на Окопном кладбище и на Протоке. Остальные галереи были пристроены позже. В Борисоглебском соборе галерею возвели в конце 80-х гг., накануне вторичного «великого освящения» храма. В церкви Петра и Павла северную усыпальницу пристроили примерно через 10 лет после постройки самого храма, а завершение строительства галереи относится уже к 70-м гг. В церкви на Малой Рачевке галерею пристроили примерно через 20 лет после окончания храма.

-383-

История древнего смоленского зодчества

Самое надёжное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, - самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это - не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своём развитии это явление проходило...

(Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67)

1

Проведённое в настоящей работе исследование памятников позволяет сделать попытку наметить общую картину развития древней смоленской архитектуры. Картина эта и сейчас ещё выглядит неполной и недостаточно детально разработанной, но основные памятники, видимо, уже выявлены и в общих чертах путь развития смоленской архитектуры прослеживается достаточно определённо.

Первым памятником монументального зодчества на территории Смоленска был Успенский собор, заложенный по распоряжению Владимира Мономаха в 1101 г. Немногие остатки этого здания, которые удалось обнаружить при раскопках в детинце, свидетельствуют о работе южнорусских зодчих. Очевидно, собор был возведён руками мастеров, которых Мономах прислал из Киева или Переяславля. В данном отношении Смоленск шёл по тому же пути, что и Суздаль, где в те же годы по заказу Мономаха южнорусские мастера возвели первое монументальное здание Северо-Восточной Руси - собор рождества Богородицы.¹⁾ Но, видимо, совершенно так же, как и в Суздальской земле, в Смоленске в эту пору ещё не сложились условия для развития собственного монументального строи-

¹⁾ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV вв. Т. 1. М., 1961, с. 46.

тельства. В обоих случаях после завершения строительства мастера вернулись обратно в Киев или Переяславль, откуда были вызваны. В Суздале следующая попытка начать монументальное строительство была сделана через 50 лет; в Смоленске немного раньше - примерно через 40 лет.

В 40-х гг. XII в. начинается политический расцвет Смоленска. Город становится крупным административным и экономическим центром, быстро приобретающим значительный вес во внутренних взаимоотношениях русских земель. В нём прочно укрепляется собственная княжеская династия. Естественный ход процесса феодального дробления страны вынес Смоленск на место столицы одного из наиболее мощных русских княжеств. И недаром уже в середине XII в. по территории Смоленск не уступает таким важнейшим древнерусским центрам, как Владимир-Волынский, Полоцк, Галич, Владимир на р. Клязьме. Мощные стены "великого

города" защищают вновь выросший столичный град. В таких условиях развитие монументального строительства становится не только возможным, но и необходимым. Собственных кадров строителей, так же как и в Суздале, в Смоленске тогда ещё не было. Князь Северо-Восточной Руси Юрий Долгорукий поэтому обратился за помощью в Галич, откуда и получил необходимых мастеров. Откуда же получил мастеров смоленский князь Ростислав Мстиславич? Соседний Полоцк должен быть решительно отведен, так как там в течение всего XII в. продолжали применять технику кирпичной кладки "со скрытым рядом", в то время как в Смоленске уже в памятниках 40-х гг. XII в. видна хорошо разработанная техника равнослойной кладки. На юге Переяславль уже потерял к этому времени значение крупного строительного центра, а Владимир-Волынский ещё не приобрел его. К тому же строительные особенности ранних смоленских построек значительно отличаются от манеры, в которой выполнены памятники Переяславля и Волыни. Очевидно, что мастера, начавшие в 40-х гг. XII в. строительство в Смоленске, могли происходить только из Киева или Чернигова. Такая характерная деталь, как обилие знаков на торцах кирпичей, свидетельствует скорее в пользу Чернигова.

Следовательно, есть основания полагать, что начало развития смоленского зодчества в 40-х гг. XII в. было связано с приглашением группы черниговских мастеров.²⁾ В отличие от мастеров, проезжавших в Смоленск в первые годы XII в., эти мастера имели иное задание: они должны были не только построить какое-либо определенное здание, но и организовать строительную артель, создать местные строительные кадры. Действительно, широкий размах, который уже в середине XII в. приобрело в Смоленске монументальное кирпичное строительство, безусловно свидетельствует о наличии собственной строительной артели. Очевидно, достаточно высокий уровень ремесла, особенно гончарного, создавал благоприятную обстановку, в которой легко было в короткий срок подготовить необходи-

²⁾ Тесные династические связи смоленских и черниговских князей хорошо отражены, например, в том, что смоленский князь Ростислав в 1148 г. женил своего сына Романа на дочери Святослава Ольговича (Ипатьевская летопись. - ПСРЛ, II, 368).

мые кадры местных строителей.³⁾ Причём нужно отметить прекрасное качество кирпича и кладки смоленских памятников этого времени, что говорит о высоком профессиональном мастерстве и квалификации как зодчих, так и мастеров-исполнителей.

Точная последовательность возведения смоленских храмов нам не вполне ясна, но несомненно, что среди самых первых построек были Успенский и Борисоглебский соборы. В чём именно заключалась достройка Успенского собора, мы не знаем, поскольку собор в основном был, видимо, закончен ещё при Мономахе. Тем не менее при князе Ростиславе здесь были проведены какие-то крупные строительные работы, о чём свидетельствует большой процент кирпичей этой поры, найденных при раскопках. Да и современники уже в 1168 г., к моменту смерти Ростислава, в большей степени связывали строительство собора с его именем, чем с именем его деда Мономаха. Возможно, что достройка собора заключалась в пристройке к нему галереи, но возможно, что собор был расширен, подобно Успенскому собору во Владимире.

Не меньшую роль для упрочения авторитета смоленской княжеской династии играла постройка Борисоглебского собора. Возведение большого кирпичного храма, посвящённого первым русским святым, князьям-предкам, да ещё на месте мученической смерти одного из них, несомненно высоко поднимало идеологический авторитет Смоленска как нового крупного политического и культурно-религиозного центра.

Строительной артели, работавшей в это время в Смоленске, свойственны свои строительные особенности, позволяющие отличать постройки, возведенные ею, от зданий, построенных артелями других древнерусских архитектурных центров. Так, в частности, для

смоленских мастеров характерно применение при формовке кирпичей не только знаков на торцах, но и клейм. Однако эти мелкие строительные детали почти не выделяют смоленских зодчих среди прочих мастеров южнорусской архитектурной школы. Основные строительные приёмы смоленских мастеров были аналогичны приёмам киевских или черниговских зодчих. То же самое можно сказать и об архитектурных формах. Ни в Борисоглебском соборе Смядынского монастыря, ни в церкви Петра и Павла нет никаких существенных особенностей, которые отличали бы их от храмов Киева или Чернигова, Рязани или Волыни. Это все ещё одна архитектурная школа. Самостоятельные зодчие имелись уже не в одном, а в нескольких крупных городах: в Киеве, Чернигове, Смоленске, но школа была ещё общая. Отсюда вовсе не следует, что смоленские зодчие слепо копировали черниговские образцы; они были настолько самостоятельны, что решали совершенно новые задачи, например, постройку сравнительно большого бесстолпного храма (церковь в детинце). Но все их творческие искания шли в русле развития единого потока южнорусского зодчества (рис. 181).

³⁾ Впрочем, возможно, что сложение в Смоленске строительной артели происходило несколько более сложным путём и наряду с южнорусскими зодчими и каменщиками здесь привлекали "плинфотворителей" из Полоцка. На это указывает сходство знаков и клейм на кирпичях в ранних памятниках Смоленска и в большом соборе Бельчицкого монастыря в Полоцке, построенном, по-видимому, в 20-30-х гг. XII в.

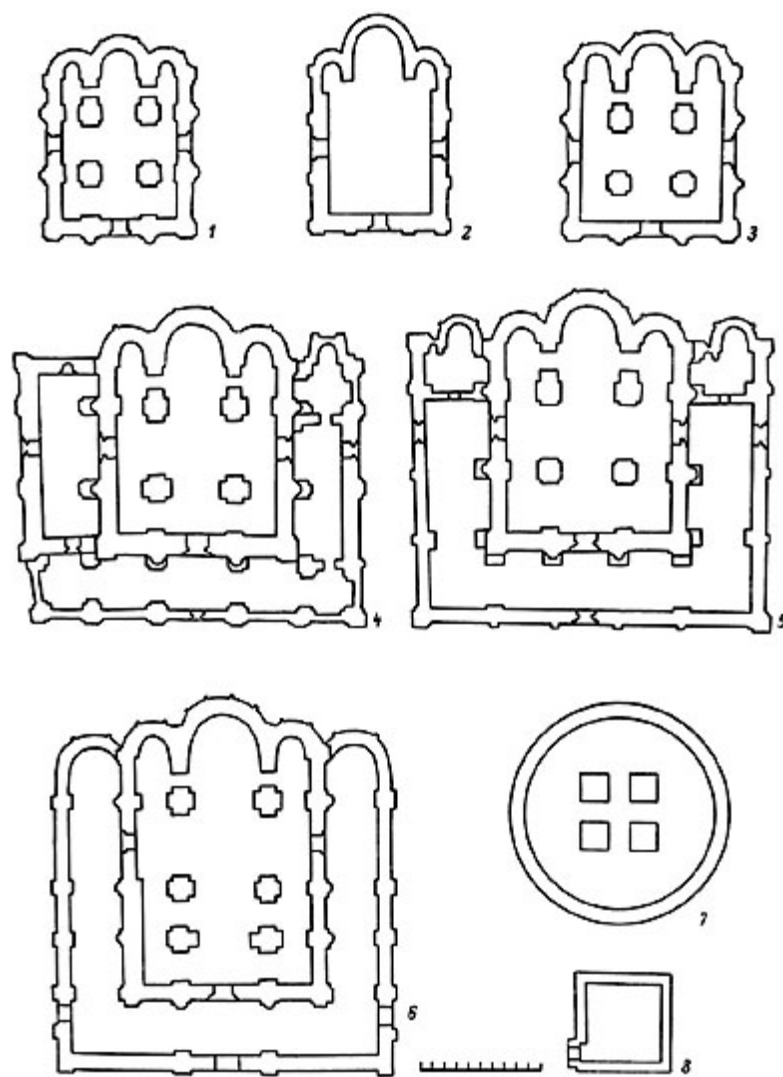

Рис. 181

Памятники Смоленска 40-80 гг. XII в.

1 - церковь в Перекопном переулке; 2 - бесстолпная церковь в детинце; 3 - Васильевская церковь; 4 - церковь Петра и Павла; 5 - церковь Ивана Богослова; 6 - Борисоглебский собор; 7 - "немецкая божница"; 8 - княжеский терем

-387-

К 70-80-м гг. XII в. относится постройка в Смоленске немецкой церкви. С точки зрения развития архитектурных форм, это здание не оказало никакого влияния на смоленскую архитектуру. Выполняла работу, несомненно, местная строительная артель, но руководство строительством, очевидно, принадлежало приезжему, вероятно скандинавскому, зодчему. В дальнейшем формы немецкой церкви не нашли в Смоленске применения, и памятник остался случайным эпизодом, чужеродной вставкой в смоленскую архитектуру.

Вплоть до 70-х гг. XII в. в смоленском зодчестве ещё не чувствуется серьёзных изменений архитектурных форм. Церковь Ивана Богослова по существу повторяет построенную на 20 лет раньше церковь Петра и Павла. И всё же некоторые изменения можно отметить. Так, в церкви Ивана Богослова отчётливо заметно стремление зодчего несколько обострить пропорции, сделать храм более стройным (рис. 182). Кроме того, в отличие от церкви Петра и Павла храм этот был задуман сразу же как сложный архитектурный организм, включающий галерею и приделы.

Несколько позднее, в 80-х гг. XII в., обстановка существенно изменилась. До указанного времени смоленские зодчие не пытались вносить крупные изменения в типы и формы сооружений, которые возводили начиная с 40-х гг. В значительной мере это объясняется, по-видимому, тем, что инициативу смоленских зодчих сковывало твёрдое желание следовать в русле развития киево-черниговских архитектурных традиций, что отвечало как художественным взглядам самих зодчих, так и желанию заказчиков - смоленских князей, тесно политически связанных с Киевом. Желание повторить киевские архитектурные приёмы проявлялось даже там, где применялись другие, местные строительные материалы. Так было в церкви Петра и Павла, где в пятах арок и перекрытии лестницы использованы плиты розового песчаника: явное желание повторить южнорусский приём прокладки плит из овручского пироксилитового сланца (так называемый красный шифер).

Но к концу XII в. в русском зодчестве уже назрели условия для существенного изменения архитектурных форм. Даже в самом Киеве, где традиции были наиболее сильны, новые веяния привели к резкому скачку в развитии зодчества, отразившемуся в постройке архитектором Петром Милонегом церкви Василия в Овруче.⁴⁾ Безусловно, в Смоленске также должны были ясно ощущать наличие новых художественных тенденций, новых требований. И как ответ на эти требования смоленские мастера возводят церковь Василия на Смядыни. Не решаясь резко порвать со сложившимися привычными формами, зодчий Васильевской церкви сохранил по существу всю схему плана середины XII в. Единственное, что отличает план Васильевской церкви от более ранних смоленских храмов, - отсутствие лопаток на внутренних стенах. Это очень существенная деталь! Вряд ли можно объяснить отсутствие лопаток простым желанием зодчего не загромождать интерьер небольшого храма. Гораздо более вероятно, что отсутствие внутренних лопаток связано с какими-то изменениями конструкции перекрытия или завершающей части здания. Очень правдоподобное

⁴⁾ *Раппопорт П.А.* Церковь Василия в Овруче. - СА, 1972, № 1, с. 82.

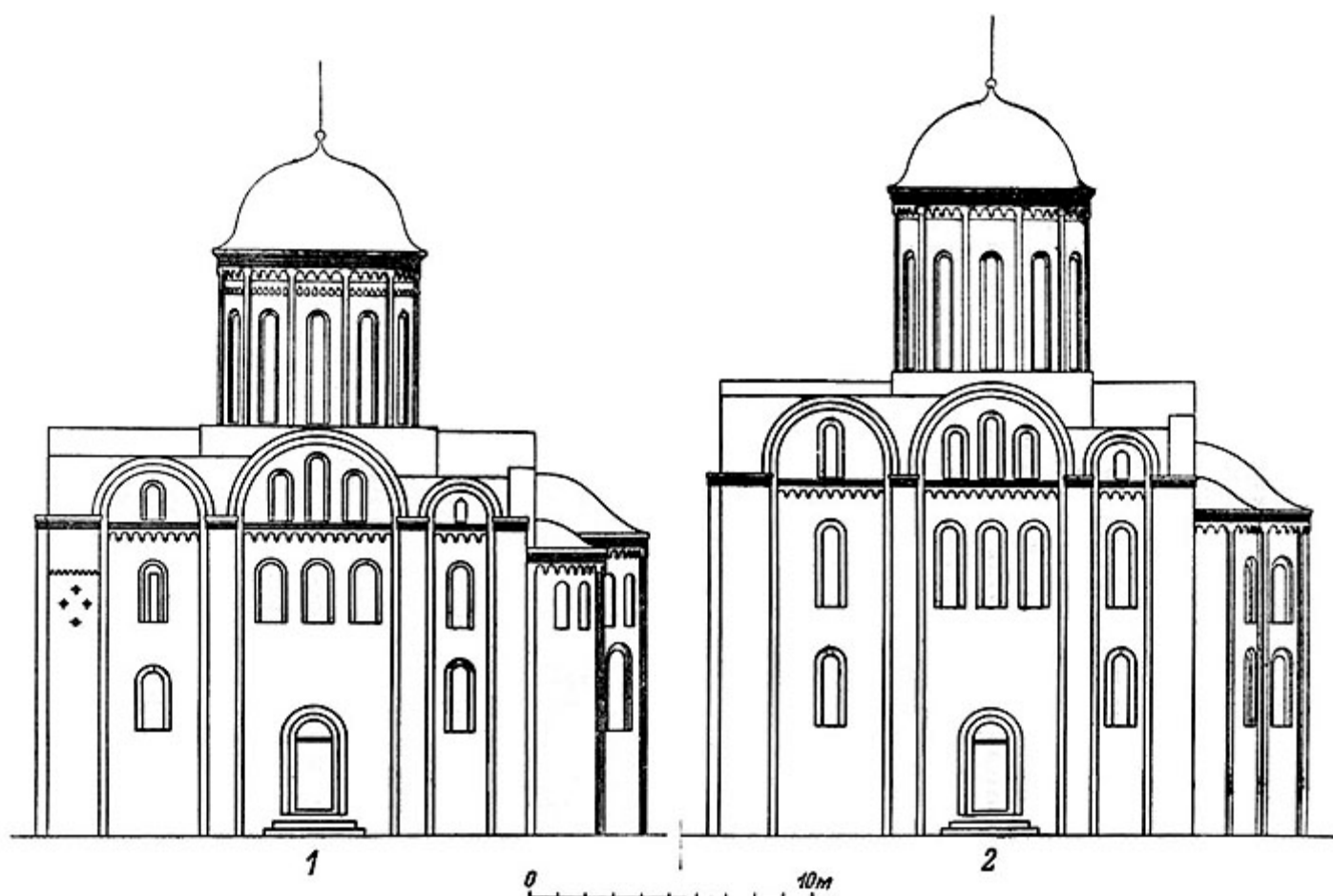

Рис. 182

Церковь Петра и Павла (1) и церковь Ивана Богослова (2)

-389-

изображение на гравюре в В. Гондиуса позволяет думать, что Васильевская церковь, сохраняя плановую схему храма середины XII в., имела тем не менее фасады, завершавшиеся трёхлопастным покрытием. Зодчий Васильевской церкви чувствовал нарастание в русском зодчестве новых тенденций, он пытался идти в ногу со временем, но делал это очень робко.

И тут, почти в те же годы, когда была построена церковь Василия, в смоленском зодчестве наступил резкий перелом, связанный, возможно, не столько с инициативой смоленских зодчих, сколько с волей заказчика, - для постройки княжеского дворцового храма архангела Михаила в Смоленск был приглашён полоцкий зодчий.

Своеобразие политического развития Полоцкого княжества создало благоприятную обстановку для более раннего, чем в других русских землях, самостоятельного развития архитектуры. Борьба полоцких князей с Киевом и в силу этого значительная политическая и экономическая самостоятельность Полоцкой земли позволяли здесь и в области культуры меньше подчиняться киевским художественным вкусам и создавать свои, вполне самостоятельные архитектурные композиции и формы.⁵⁾

Уже в середине XII в. полоцкий зодчий Иоанн построил собор Спасо-Евфросиньева монастыря - первый шаг на пути создания храмов, обладавших ступенчатой башнеобразной композицией объёма.⁶⁾ Это не случайное явление. Желание детально разработать подобную композицию подтверждается тем, что собор Спасо-Евфросиньева монастыря был не единичным

примером; эта же композиционная идея легла в основу построения Борисоглебской церкви Бельчицкого монастыря в Полоцке, храма, который был как бы первой редакцией Спасо-Евфросиньевского собора.⁷⁾ Вместе с тем в Полоцке уже с первой половины XII в. делаются попытки видоизменить обычную схему шестистолпного крестовокупольного храма путём переноса подкупольного пространства на одно членение к западу, т. е. переноса опоры купола с восточных столбов на западные. Именно так решён, например, план собора Бельчицкого монастыря.⁸⁾ В сочетании с тремя притворами данная композиция безусловно свидетельствует о желании зодчего создать центрированный объём и, очевидно, выделить господствующую в силуэте здания высоко поднятую главу. В дальнейшем, во второй половине XII в., разработка такого приёма привела к созданию храма в детинце, остатки которого были раскопаны в 1967 г.⁹⁾ Именно эта, прогрессивная линия развития полоцкого зодчества, раньше, чем в других русских землях, приведшая к сложению нового архитектурного образа

⁵⁾ Эту особенность развития Полоцкой земли историки уже неоднократно отмечали (см., например, мнение М. Довнар-Запольского, высказанное в прениях по докладу Н. Щекотихина: *Працы камііі гісторыі мастацтва Інстытута беларускае культуры*. Т. 1. Менск, 1928, с. 196).

⁶⁾ Новое исследование Спасской церкви Евфросиньева монастыря в Полоцке проведено П. А. Раппопортом и Г. М. Штендером в 1976 г.

⁷⁾ *Воронин Н.Н.* Бельчицкие руины. - *Архитектурное наследство*, М., 1956, т. 6, с. 9.

⁸⁾ Там же, с. 15; *Раппопорт П.А.* О взаимосвязи русских архитектурных школ в XII веке. - *Тр. Ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина*. Сер. "Архитектура", вып. 3. Л., 1970, с. 20.

⁹⁾ *Каргер М.К.* К истории полоцкого зодчества XII в. (руины вновь открытого храма на Верхнем замке). - В кн.: *Новое в археологии*. М., 1972, с. 202.

-390-

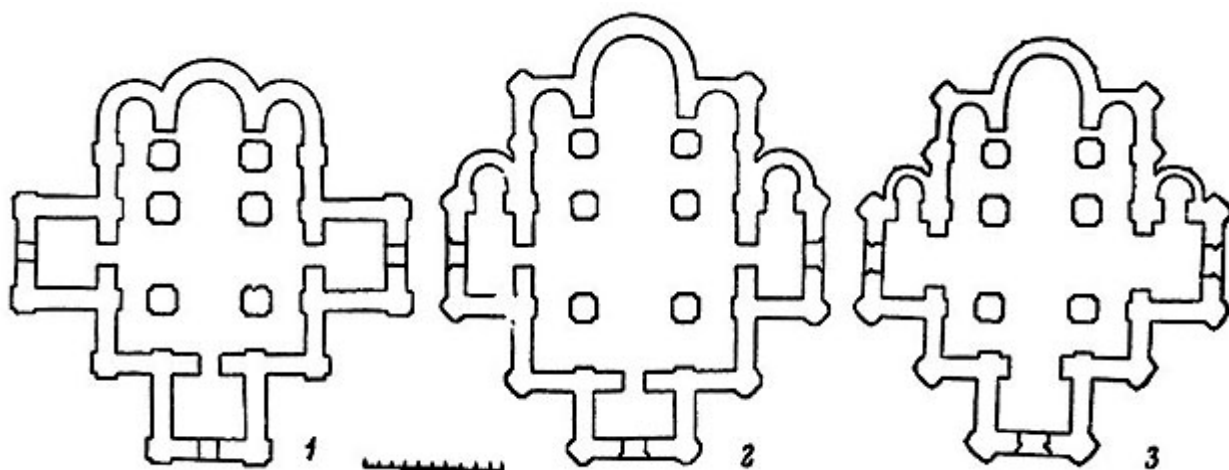

Рис. 183

Происхождение типа храма архангела Михаила

1 - собор Бельчицкого монастыря в Полоцке; 2 - церковь в детинце в Полоцке; 3 - церковь архангела Михаила в Смоленске

торжественного башнеобразного храма, и привлекла внимание смоленских заказчиков и зодчих. Вызов полоцкого мастера не составлял в то время труда, поскольку в 80-90-х гг. XII в. Полоцк в политическом отношении в значительной степени зависел от Смоленска.¹⁰⁾

Развитие типа храма от собора Бельчицкого монастыря через полоцкий храм в детинце к

церкви архангела Михаила в Смоленске, не вызывает сомнений (рис. 183). Более того, чрезвычайная близость двух последних храмов сказывается даже в равенстве их размеров. Дата полоцкого храма неясна, поэтому в настоящее время трудно судить, создал ли эти два здания один зодчий или же зодчий Михайловской церкви в Смоленске просто ориентировался на более ранний полоцкий образец. Вместе с тем смоленский храм не простое повторение полоцкого - он является следующим шагом в развитии данного типа. В отличие от полоцкой в Михайловской церкви в Смоленске притворы полностью открыты внутрь храма, а не отделяются от него порталами. Это способствует объединению и цельности пространства интерьера. Такой приём был по достоинству оценён современниками, и в дальнейшем именно так строится интерьер во всех памятниках смоленского зодчества, имеющих притворы.¹¹⁾

В церкви архангела Михаила есть ещё одна новая черта, которой не было в полоцком храме, - усложнение профилировки наружных пилястр

¹⁰⁾ Зависимость Полоцка от Смоленска была особенно сильной в конце 80-х - начале 90-х гг. XII в., т. е. именно тогда, когда началось строительство церкви архангела Михаила. В 1186 г. смоленское войско под командованием князя Давида, поддержанное войсками его сына - новгородского князя Мстислава, а также логожского и друцкого князей, совершило поход на Полоцк. Полочане "сретоша я... с поклоном и с честью, и даша ему дары многы, и уладишася" (ПСРЛ, I, 404; VII, 100). О тесных связях полоцкого князя Всеслава Васильковича со смоленским князем Давидом в 70-80-х гг. XII в. см.: *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X - первой половине XIII в. М., 1977, с. 62.

¹¹⁾ Подобная эволюция имела место и во владими́ро-суздальском зодчестве, приведя к появлению такого памятника, как собор в Юрьеве-Польском.

-391-

путём введения на оси каждой из них тонкой полуколонки. Возможно, что это нововведение появилось уже в процессе строительства, а не было задумано заранее, поскольку в кладке Михайловской церкви полуколонки выложены не с самого низа, а лишь начиная с третьего ряда кладки. Вопрос о происхождении полуколонок на фасадах смоленских храмов всегда вызывал повышенный интерес. Многие исследователи видели в этом непосредственное влияние романской архитектуры. Вряд ли такое предположение правомерно. В тех случаях, когда колонки действительно являются романскими по происхождению (например, в галицкой и владими́ро-суздальской архитектуре), они всегда сопровождаются капителями и профилированными базами. В Смоленске этого нет, как нет и никаких других следов романского влияния. Между тем появление тонких полуколонок на пилястрах было естественным и закономерным следствием усложнения профилировки самих пилястр, вызванного к жизни необходимостью создания на фасадах пучков вертикальных членений. Последние, подчеркивая вертикализм композиции, служили неотъемлемыми составными частями архитектурно-художественного решения, важнейшей задачей которого было создание впечатления динамики взлёта. Таким образом, появление в смоленском зодчестве тонких полуколонок на пилястрах фасадов может быть объяснено внутренним развитием архитектурных форм без всякого влияния романской архитектуры. Подобное явление в это же время можно увидеть и в киевском зодчестве, где зодчий Пётр Милонег также вводит в убранство фасадов тонкие полуколонки на сложнопрофилированных пилястрах. Более того, если даже тонкие полуколонки и были отзвуками форм романского зодчества, то ведь в русской архитектуре они получили распространение уже по крайней мере с середины XII в., и поэтому смоленские и киевские зодчие могли их видеть во владими́ро-суздальских и галицких постройках, не обращаясь непосредственно к романскому Западу.

Вертикальная устремлённость композиции церкви архангела Михаила создаётся башнеобразно поднятым барабаном главы, водружённым на специальный пьедестал, сложным

построением разновеликих объёмов и связанным с этим ступенчатым силуэтом храма, а также множеством вертикальных членений на фасадах. Фасады храма поражают богатством декоративной разработки; они насыщены различными декоративными элементами: нишами, поясками, крестами, бровками над окнами т. д.

Церковь архангела Михаила производила на современников очень сильное впечатление. Об этом можно судить по восторженному описанию храма, помещённому летописцем в некрологе заказчика церкви князя Давида Ростиславича. В ещё большей степени о популярности храма свидетельствует многократное повторение его основных форм в последующих смоленских зданиях. Такие важнейшие особенности, как большая полукруглая апсида, фланкируемая прямоугольными снаружи боковыми апсидами, а также сложная профилировка пучковых пилястр, становятся характерными для памятников смоленского зодчества (рис. 184). Церковь архангела Михаила является, таким образом, первой постройкой целой группы памятников, характеризующих зодчество Смоленска конца XII - первой трети XIII в. Памятники эти разнообразны по величине и пропорциям плана, некоторые из них снабжены галереями, другие имеют при-

-392-

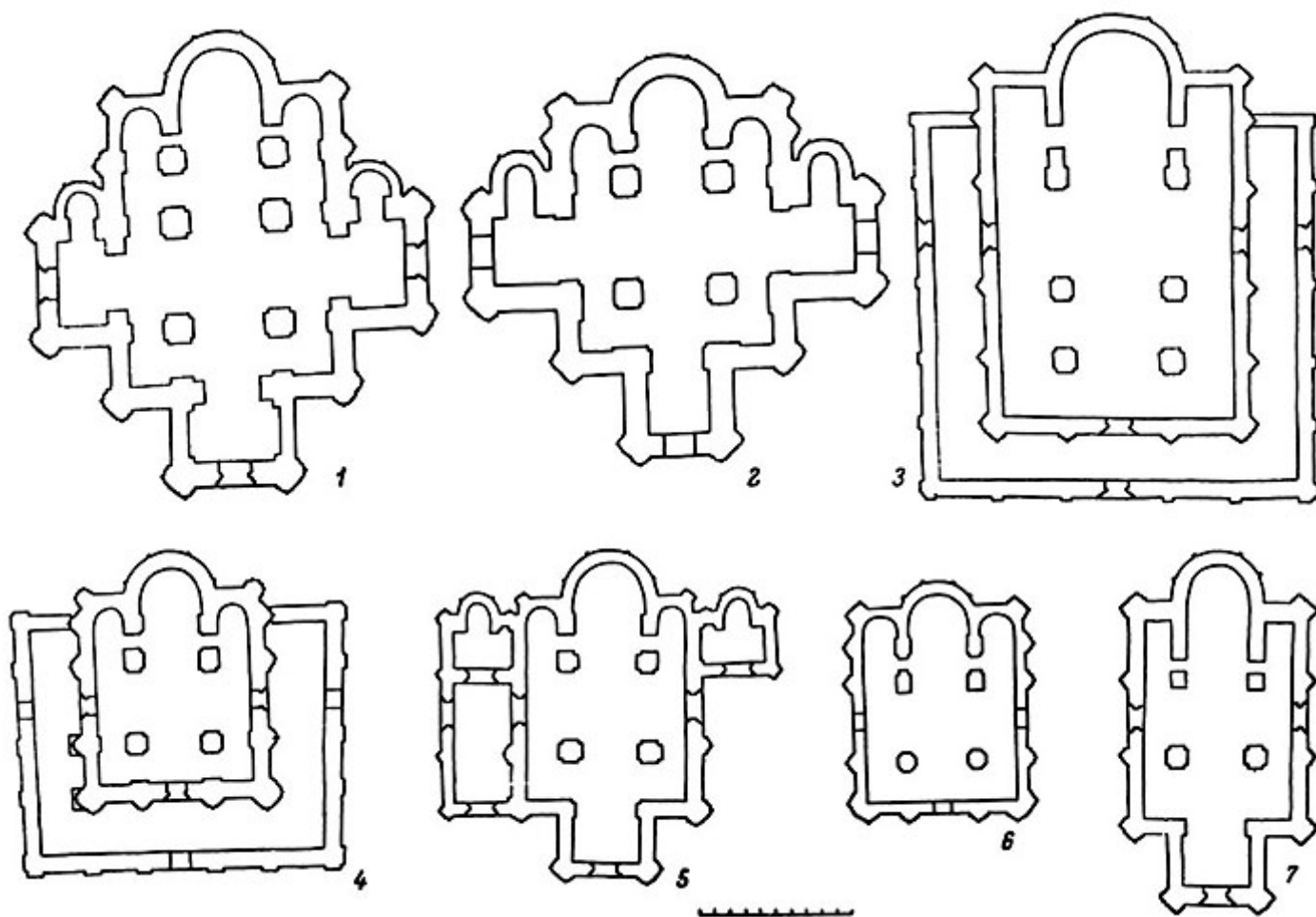

Рис. 184

Памятники Смоленска конца XII - первой трети XIII в.

1 - церковь архангела Михаила; 2 - Троицкий собор; 3 - церковь на Воскресенской горе; 4 - церковь на Малой Рачевке; 5 - Спасский собор; 6 - церковь у устья р. Чуриловки; 7 - Пятницкая церковь

творы. Тем не менее в основе здесь всюду лежит схема, заимствованная из Михайловской церкви.

Яркий расцвет смоленской архитектуры, тесно связанный с политическим и экономическим расцветом княжества, совпал с тем временем, когда в Полоцке начинается упадок архитектуры. Интенсивный процесс феодального дробления Полоцкого княжества, его политическая слабость привели к резкому сокращению строительной деятельности. Таким образом, смоленские зодчие как бы пожали плоды того яркого художественного процесса, который проходил в рамках полоцкого зодчества в течение XII в. Но связь смоленских памятников с архитектурой Полоцка ни в малейшей степени не делает смоленскую архитектурную школу подражательной. Смоленские зодчие переработали полоцкие формы, создав блестящую и вполне самостоятельную школу.

Среди всех смоленских памятников рассматриваемого времени только в одной церкви архангела Михаила уцелели её верхние части, позволяющие судить об объёмной композиции храма в целом и о системе его завершения. Достаточно достоверно можно восстановить завершение Пятницкой церкви в Новгороде, сохранившейся до основания сводов. Наконец, можно привлечь рисунок псковского Троицкого собора, вполне реалистично передающий его архитектурные формы. Сравнение этих памятников показывает, что они обладают чрезвычайно похожей композиционной схемой завершения. Несомненная близость плана ряда смоленских храмов указанной поры с церковью архангела Михаила и новгородской Пятницкой церковью позволяет уверенно утверждать, что и их схема завершения была более или менее аналогичной.

Конечно, при реконструкции внешнего облика подобных храмов всегда неизбежна некоторая степень гипотетичности. Даже собор Троицкого монастыря на Кловке, очень близкий по плану Михайловской церкви, может быть графически реконструирован в нескольких вариантах. Однако следует обратить внимание на то, что в этих вариантах, исполненных совершенно независимо один от другого, принимающих за основу различное соотношение столбов и фасадных членений и опирающихся на разные аналогии, общая композиционная схема оказывается по существу одинаковой, что свидетельствует в пользу её достоверности.

Несомненно, что памятники данной группы должны были очень заметно отличаться друг от друга как высотой, так и пропорциями верха. Вероятно, не случайно толщина их стен колеблется в весьма широких пределах - от 0.8 (церковь у устья Чуриловки) до 1.6 м (церковь архангела Михаила и собор Троицкого монастыря).¹²⁾ Церковь у устья Чуриловки, имеющая небольшие размеры, тонкие стены и мощные подкупольные столбы, очевидно, была острее и динамичнее по композиции, чем большой

¹²⁾ К. Н. Афанасьев утверждает, что толщина стен древних храмов "очень мало зависит от величины сооружения" и связана главным образом с конструктивными особенностями стены (*Афанасьев К.Н.* Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, с. 199). Однако болгарский исследователь Г. Кожухаров на материале античных и средневековых памятников своей страны выявил прямое соответствие толщины стен и ширины храма его высоте и диаметру купола или свода (*Кожухаров Г.* Сводът в античността и средните векове. София, 1974, с. 132).

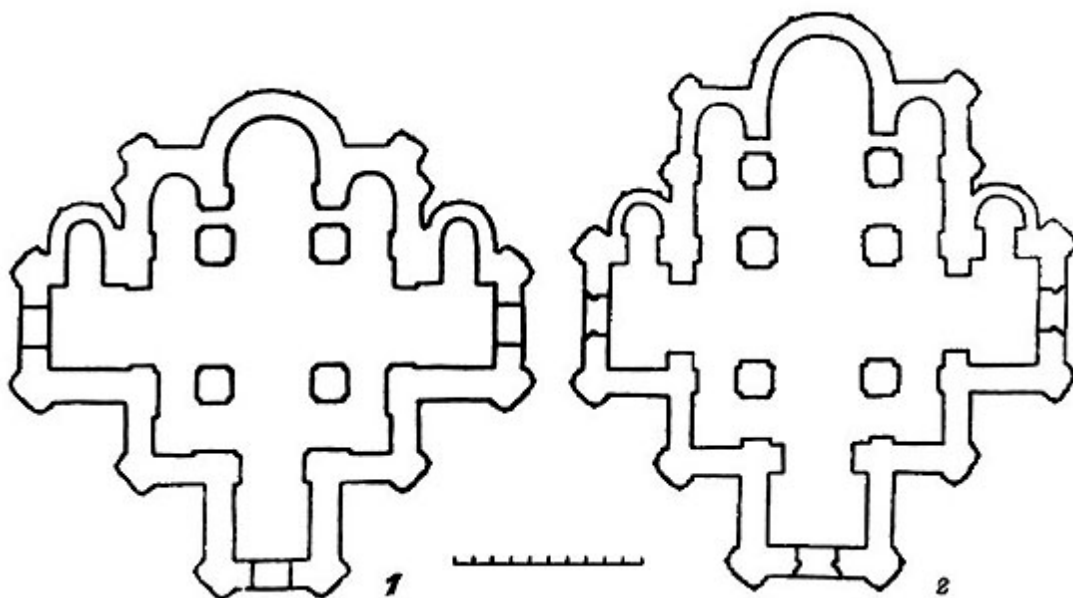

Рис. 185

Троицкий собор на Кловке (1), церковь архангела Михаила (2)

шестистолпный собор на Воскресенской горе. Тем не менее основные композиционные приёмы завершения здания во всех памятниках группы должны были быть очень близкими, поскольку об этом свидетельствует сходство их плановых приёмов. Можно заметить, что смоленские зодчие постепенно всё сильнее обостряли композиции, обращая зато меньше внимания на логическое соответствие конструкции здания его внешнему оформлению. Классическая чёткость и ясность плановой и объёмной композиции Михайловской церкви в более поздних памятниках уже, как правило, не повторяется. И даже в соборе Троицкого монастыря на Кловке, казалось бы полностью заимствующем свою схему плана от Михайловской церкви, можно видеть несоответствие разбивки пилястр на фасадах внутренней конструкции здания (рис. 185). Параллельно с этим в смоленском зодчестве начинают применять на фасадах более сложную профилировку пилястр. Следует отметить, что профилировка смоленских памятников вообще значительно сильнее и резче, чем памятников Южной Руси (рис. 186). Уступая Петру Милонегу в смелости конструкции (ступенчато-повышенные арки) и изысканной утончённости профилировки, смоленские зодчие гораздо решительнее шли по пути создания чрезвычайно рельефной, хотя, быть может, несколько жестковатой, профилировки пилястр на фасадах. Особенно далеко пошёл в этом направлении один из зодчих, применявший на пучковых пилястрах не полуколонки, а прямоугольные тяги. По скульптурной выразительности фасадов церковь у устья Чуриловки, например, не имеет себе равных в древнерусском зодчестве (рис. 187).¹³⁾

¹³⁾ При этом следует иметь в виду, что в церкви на Воскресенской горе при раскопках были найдены кирпичи с полукруглым торцом. Поэтому не исключена возможность, что прямоугольные тяги на пилястрах храма могли подниматься лишь до определенной высоты, а выше переходили в полуколонки. При раскопках церкви у устья

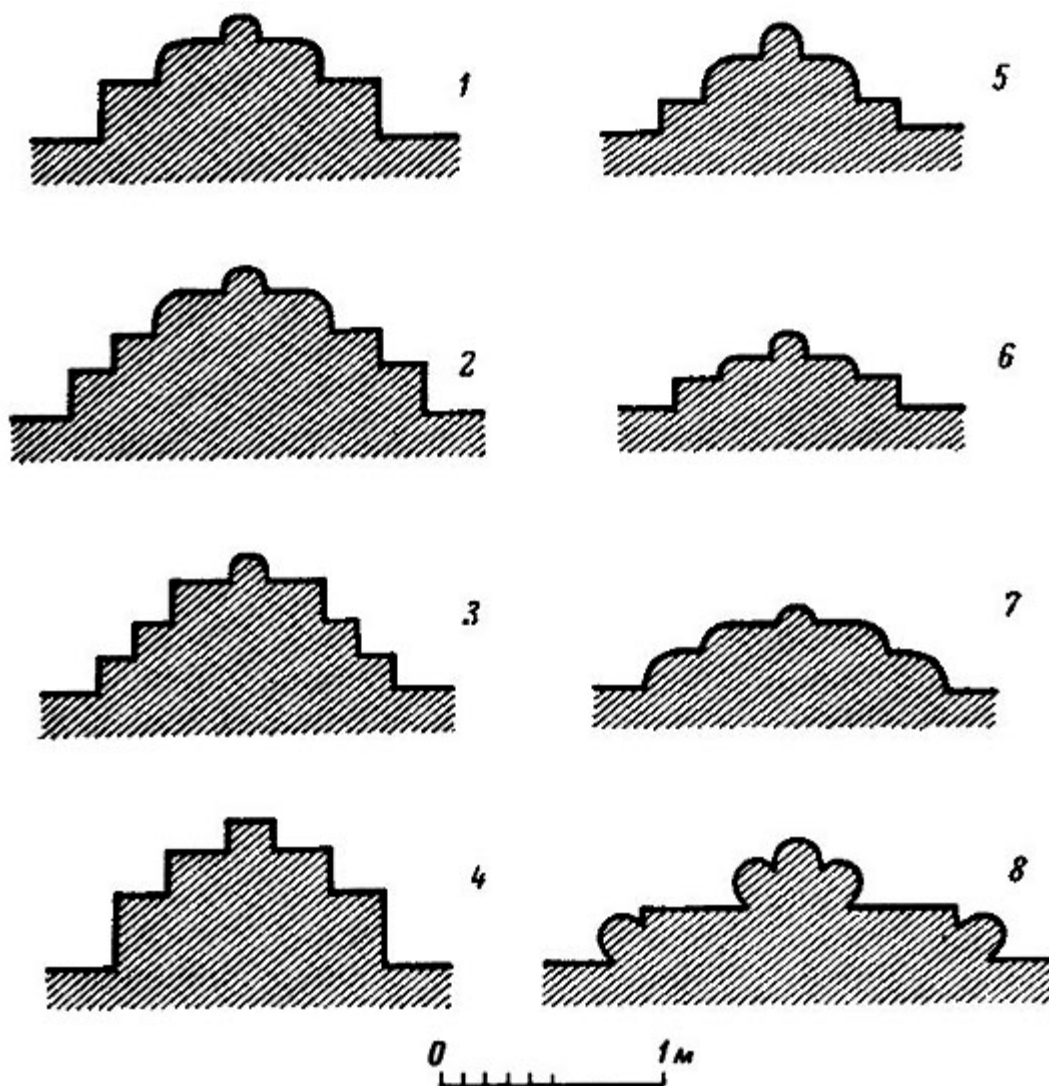

Рис. 186

Профилировка пучковых пилястр

1 - церковь архангела Михаила в Смоленске; 2 - собор Троицкого монастыря в Смоленске; 3 - церковь на Малой Рачевке в Смоленске; 4 - церковь у устья р. Чуриловки в Смоленске; 5 - церковь на Вознесенском спуске в Киеве; 6 - Пятницкая церковь в Чернигове; 7 - церковь Василия в Овруче; 8 - Спасский собор в Новгороде-Северском

Интенсивность строительства в Смоленской земле в конце XII - первой трети XIII в. позволила создать здесь две самостоятельные строительные артели, вероятно княжескую и епископскую.¹⁴⁾ Постройки, возведённые их силами, различались не только строительно-техническими деталями, но и архитектурными формами. Зодчие второй артели (возможно, это был всего один зодчий) в построенных ими храмах применяли иную плановую схему (рис. 188). Судить о том, какова была объёмная композиция этих храмов, трудно, поскольку ни один из них не сохранился на полную высоту. Внешне их планы выглядят несколько проще, так как лишены профилированных пучковых пилястр и большой, сильно выдающейся полукруглой апсиды. Однако раскопки храма на Протоке показали, что пи-

Чуриловки кирпичей с полукруглым торцом не найдено; здесь прямоугольные тяги несомненно шли на всю высоту.

¹⁴⁾ Раппопорт П.А. Строители и зодчие древнего Смоленска. - В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 403.

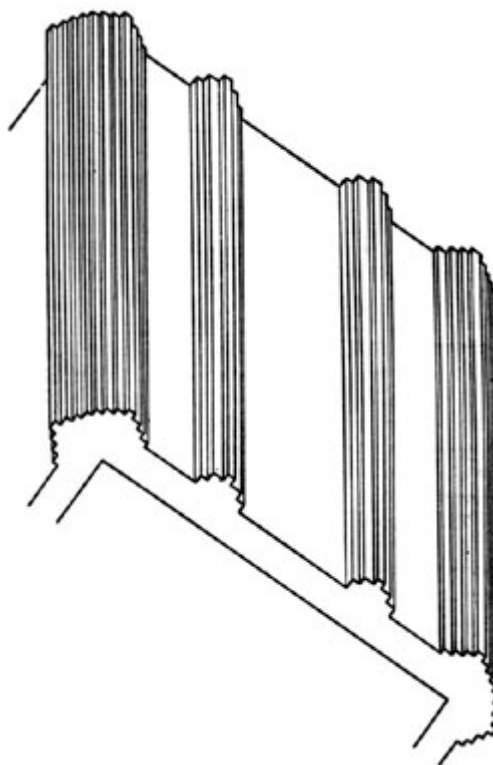

Рис. 187
Профилировка западного фасада церкви у устья р. Чуриловки

лястры фасадов были плоскими лишь в нижней части, а выше имели характер профилированных пучковых пилястр. Наличие таких пилястр логически предполагает вертикальную устремлённость композиции, без чего пучковые пилястры теряют смысл. Кроме того, изучение остатков храма на Протоке показало, что здание несомненно обладало ступенчатой композицией объёма, с высоко поднятой центральной частью. Таким образом, храмы этого типа по объёмной композиции, очевидно, были если и не тождественны, то во всяком случае близки храмам, возведённым княжеской артелью.

Тип храма с апсидами, плоскими снаружи, а внутри в виде очень пологой кривой, не имеет аналогий в зодчестве других русских земель. Вариант этот, несмотря на кажущуюся неожиданной форму плана, более традиционен, чем у храмов, возведённых княжеской артелью. Традиционность особенно прослеживается в строительной технике. Очевидно, что данный тип тесно связан с традициями смоленского зодчества предшествующей поры, и вряд ли могут быть сомнения в том, что он был самостоятельно разработан смоленскими мастерами.

Наличие двух вариантов несколько не противоречит тому, что смоленское зодчество начиная с 90-х гг. XII в. представляет собой вполне самостоятельную архитектурную школу. Наоборот, разнообразие типов свидетельствует лишь о многообразии форм и сложности этой школы. Смоленская архитектурная школа в исключительно яркой форме отразила те передовые тенденции, которые наметились в русском зодчестве в конце XII в. Стройность и острота силуэта, динамичность композиции, богатство декоративной разработки фасадов отражены в смоленских храмах данной поры с предельной полнотой, не меньшей, чем в памятниках таких передо-

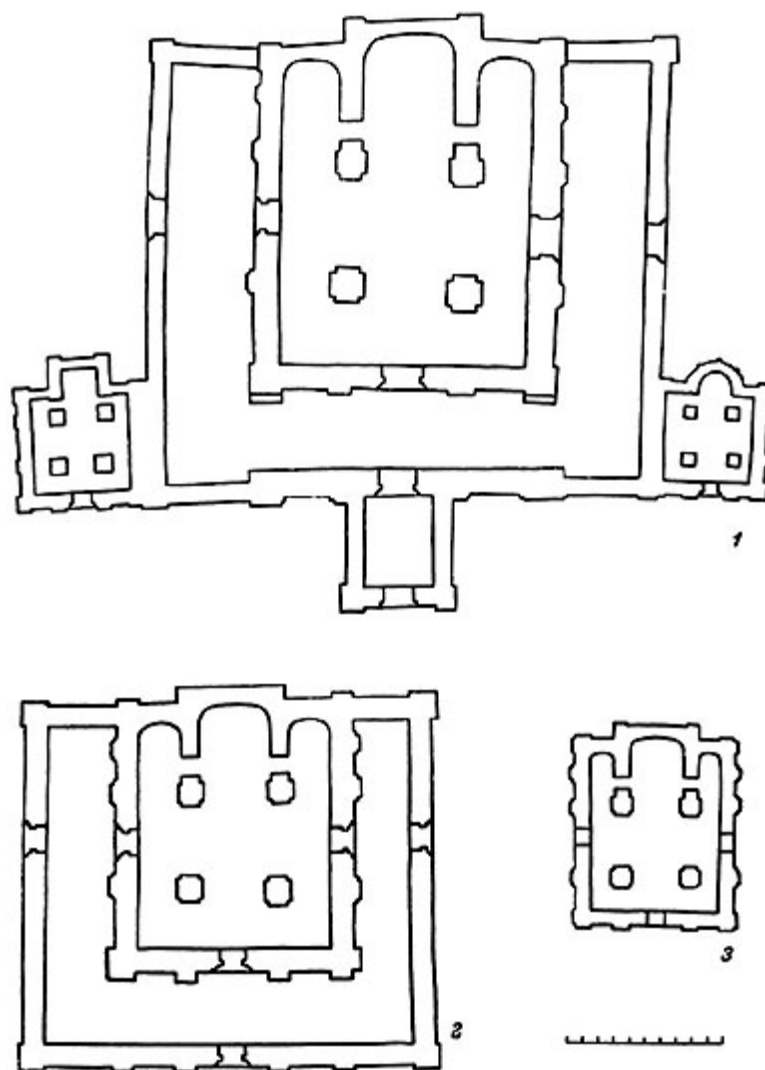

Рис. 188

Памятники Смоленска конца XII - первой трети XIII вв.

1 - собор на Протоке; 2 - церковь на Окопном кладбище; 3 - церковь на Большой Краснофлотской улице

-398-

вых архитектурных школ, как киевская и владими́ро-суздальская. А скульптурная рельефность, пластика фасадов и высокие лестницы, ведущие к порталам, приобрели в Смоленске даже большую выразительность, чем в других русских землях. Таким образом, несомненно, что смоленская архитектурная школа достаточно полно отвечала новым, слагавшимся на Руси художественным вкусам. Эта прогрессивность смоленского зодчества создавала ему широкую популярность, а в связи с наличием в Смоленске многочисленных строительных кадров - возможность вести строительство и вне Смоленской земли. Мы знаем теперь, что смоленские зодчие строили в Рязани (Спасский собор и, вероятно, церковь Ольгова городка), в Новгородской земле (церковь Пятницы в Новгороде и Троицкий собор в Пскове) и даже в самом Киеве (церковь на Вознесенском спуске). Очень возможно, что смоленские зодчие работали также и в Северо-Восточной Руси; известно, например, что в начале XIII в. во владими́ро-суздальской

архитектуре неожиданно наряду с традиционной для этой школы белокаменной техникой вновь начинают строить из плинфы (собор Княгинина монастыря во Владимире, Успенский и Спасский соборы в Ярославле). ¹⁵⁾ Впрочем, имеющиеся у нас сведения об этой новой для владими́ро-суздальского зодчества строительной технике пока ещё настолько общи, а образцов строительных материалов (особенно плинф) найдено настолько мало, что нет возможности достаточно определённо утверждать, что кирпичную технику сюда в начале XIII в. внесли смоленские мастера, а не киевские или черниговские.

Чем же объясняется широкое привлечение смоленских зодчих к строительству в других русских землях? Конечно, работу смоленских мастеров в Рязани можно объяснить отсутствием там собственных кадров, но в Новгороде и Киеве собственные зодчие имелись в достаточном количестве. И обращение к помощи смолян в данных случаях может иметь только одно объяснение - широкую популярность смоленской архитектуры за пределами Смоленска. В Новгородской земле это должно было чувствоваться особенно сильно, поскольку здесь архитектура полностью продолжала следовать традициям, сложившимся в середине XII в., и консерватизм новгородских зодчих, очевидно, явно вступал в противоречие с новыми художественными требованиями.

Одна из отличительных особенностей манеры смоленских зодчих - широкое применение галерей и притворов. Лишь очень немногие смоленские храмы стояли как вполне законченные самостоятельные объёмы, к которым ничего не было пристроено; это были только небольшие постройки - бесстолпная церковь в детинце, церковь Василия, церковь на Большой Краснофлотской улице. Все остальные имели либо галереи, либо притворы. Возможно, что такой приём получил в Смоленске распространение не с самого начала развития здесь архитектурно-строительной деятельности, а лишь с 70-х гг. XII в., когда была построена церковь Ивана Богослова с галереей, несомненно задуманной уже одновременно с основным храмом. Не раньше этого времени были пристроены галереи к более

¹⁵⁾ *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV вв., т. 1, с. 445; т. 2. М., 1962, с. 63, 66.

ранним храмам, которые прежде не имели пристроек (Борисоглебский собор, церковь Петра и Павла). Затем галереи возводили уже одновременно с самим храмом (Воскресенская церковь, церковь на Окопном кладбище, собор на Протоке) и лишь изредка - позже (маленькая церковь на Малой Рачевке). Галереи, в развитии которых смоленские зодчие сыграли немалую роль, имели большое значение для будущего русской архитектуры: они создавали основу для разнообразных живописных композиций, образцы которых были даны и самими смолянами (церковь Спаса у д. Чернушки, Петра и Павла - в последней "редакции", собор на Протоке).

Начиная с 80-х гг. XII в., после постройки церкви архангела Михаила, в смоленском зодчестве стали применять и притворы: изредка по три (Троицкий собор), обычно по одному, западному (Спасский собор, Пятницкая церковь, собор на Протоке).

Существенные изменения архитектурных форм смоленских храмов, отмеченные в 80-90-х гг. XII в., сопровождались не менее значительными изменениями в строительной технике. В старой историко-архитектурной литературе неоднократно проскальзывала мысль, что со второй половины XII в. в русском зодчестве в связи с вырождением византийских традиций наметился регресс строительной техники, здания якобы начали строить менее тщательно, со слабыми фундаментами, на строительном растворе плохого качества. Конечно, такое предположение неправомерно прежде всего потому, что в пору бурного расцвета древнерусского городского ремесла был бы совершенно необъясним общерусский строительный регресс. ¹⁶⁾ Гораздо правдоподобнее, что строительно-технические изменения, которые происходили во второй половине XII в., связаны, наоборот, с техническим прогрессом, с более дифференцированным

подходом строителей к работе конструкций и материалов, с отказом от чрезмерных и излишних запасов прочности. Детальное рассмотрение строительно-технической стороны древних смоленских памятников полностью подтверждает именно такую точку зрения. Так же как и в других русских землях, в Смоленске в конце XII в. наступила пора очень широкого применения разнообразных новых не только архитектурно-художественных, но и конструктивных форм, что свидетельствует о заметном прогрессе древнего смоленского строительного производства.¹⁷⁾

Следует отметить, что количество памятников монументального зодчества XII-XIII вв., выявленных в Смоленске, оказалось очень велико: значительно больше, чем можно было предполагать до проведения здесь систематических археологических исследований. В настоящее время более или менее детально изучено 19 памятников древнего смоленского зодчества (табл. 5). Но у нас есть бесспорные сведения о наличии не менее 30 зданий, построенных в Смоленской земле в XII-XIII вв. Несомненно,

¹⁶⁾ Развитие техники ремесленного производства в XII в. на примере Новгорода показал Б. А. Колчин (Колчин Б.А. Ремесло древнего Новгорода. - В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. конф. Ч. III. Киев, 1975, с. 79).

¹⁷⁾ О строительно-техническом прогрессе, который имел место в конце XII в. в архитектуре Приднепровья, см.: Асеев Ю.С. Зодчество Приднепровской Руси конца XII - первой половины XIII веков. Автореф. докт. дис. М., 1971, с. 25.

-400-

Таблица 5

Сведения об изученных памятниках древнего смоленского зодчества

Памятник	Азимут продоль- ной оси	Наружный размер основного объёма		Толщина стен	Подкупольное пространство		Притворы	Галерея		Пол	Рос- пись
		длина	ширина		длина	ширина		одновре- менная храму	более поздняя		
Успенский собор	-	-	-	-	-	-	-	-	-	П	-
Борисоглебский собор Смядынского монастыря	68	25.86	17.05	1.45	5.58	5.75	0	0	+	П	+
Церковь Петра и Павла	82	20.5	16.2	1.3-1.5	5.2	5.0	0	0	+	К	+
Бесстолпный храм в детинце	52	16.85	11.2	1.4-1.55	-	-	0	0	0	П	+
Княжеский терем	-	-	-	0.77	-	-	-	0	0	-	0
Церковь в Перекопном переулке	45	-	12.0	1.2	-	3.4	?	0	0	-	+

Церковь Ивана Богослова	87	20.25	16.0	1.4	4.8	5.0	0	+	0	П	+
"Немецкая божница"	-	-	-	1.08-1.35	-	-	-	-	-	-	0
Храм Василия на Смядыни	56	16.5	13.5	1.3	3.5	3.7	0	0	0	К	+
Церковь архангела Михаила	77	23.6	16.3	1.3-1.6	5.5	5.2	3	0	0	П	+
Собор Троицкого монастыря на Кловке	91	20.0	15.25	1.5-1.6	5.54	4.75	3	0	0	-	Частично
Церковь на Малой Рачевке	48	16.2	12.3	1.1-1.15	4.4	3.85	0	0	+	К	0
Церковь у устья Чуриловки	99	15.0	11.3	0.72-0.8	3.9	3.35	0	0	0	-	+
Церковь на Воскресенской горе	69	26.6	15.6	1.0	6.0	6.0	0	+	0	-	+
Собор Спасского монастыря у д. Чернушки	63	17.7	12.6	1.2	5.0	4.25	1	0	0	П	+
Пятницкая церковь	-	18.3	≈11.6	≈1.0	4.0	4.0	1	0	0	-	0
Церковь на Б. Краснофлотской улице	80	≈13.0	-	≈1.0	≈3.5	-	-	0	0	К	+
Церковь на Окопном кладбище	69	17.8	15.0	1.44-1.52	5.0	4.35	-	+	0	И и П	+
Собор на Протоке	89	23.0	19.0	1.4-1.9	6.15	5.75	1	+	0	И	+

Примечание. Азимут продольной оси даётся в градусах, все размеры - в метрах. Условные обозначения: П - плиточный пол; К - кирпичный; И - известковый; + (плюс) - наличие галерей, росписи; 0 (нуль) - отсутствие притворов, галерей, росписи; - (минус) - отсутствие данных.

что в действительности их было ещё больше. В масштабах Древней Руси это огромное количество! Стоит напомнить, что общее количество памятников владими́ро-суздальской архитектуры

(включая даже памятники, известные только по упоминаниям в письменных источниках) во всех городах Северо-Восточной Руси едва достигает 30, а реальные остатки сохранились лишь от 23 памятников.¹⁸⁾

По количеству памятников зодчества домонгольской поры Смоленск занимает третье место после Киева и Новгорода. Но в Киеве значительная часть памятников относится к XI - первой половине XII в., т. е. ко времени, когда в Смоленске ещё не было своих строителей. Если же сравнить количество зданий, построенных за вторую половину XII - первую половину XIII в., когда строительство шло параллельно в Киеве и Смоленске, то окажется, что даже в Киеве вряд ли строили больше. Наконец, в особо интенсивный период строительства - последнее десятилетие XII - первая треть XIII в. - Смоленск безусловно превосходил по размаху строительства все остальные архитектурно-строительные центры Древней Руси. Смоленск переживал тогда яркий расцвет архитектурного творчества, отмеченный широким размахом строительной деятельности и прогрессивностью архитектурных форм, блестяще отражавших особенности нового этапа развития русского зодчества.

Короткий взлёт, продолжавшийся всего около 40 лет! Катастрофа 1230 г. и последовавшие за этим резкие изменения в политической судьбе города оборвали развитие смоленской архитектуры.

2

Развитие зодчества древнего Смоленска несомненно находилось в теснейшей связи с развитием самого города. Это должно было сказаться в самых различных аспектах. Так, прежде всего рост политического значения города, усиление его роли как крупного административного и культурного центра не могли не оказывать прямого влияния на развитие архитектурных форм, на сложение архитектурного образа смоленских храмов. Экономическое упрочение Смоленска, развитие его ремесла и расширение торговых связей создавали предпосылки для расширения масштабов строительства, появления здесь опытных и достаточно многочисленных кадров строителей. Наконец, сама социальная структура города, роль и сила его князей, развитие городского посада и взаимоотношения княжеской власти с городским посадским населением должны были отчётливо проявиться в составе заказчиков строительства. К сожалению, далеко не все формы этих сложных процессов сейчас могут быть раскрыты с достаточной определённой полнотой.

Крайне незначительная площадь археологических раскопок, проведённых на территории Смоленска, не даёт оснований для суждения о плановой структуре древнего города. Поэтому говорить о ней можно лишь на основании предположительно реконструируемой линии городских

укреплений и местоположения кирпичных построек. Если нанести на план все известные нам сооружения, возведённые до 80-х гг. XII в., то станет отчётливо видно, что центральный архитектурный ансамбль города находился в детинце, на современной Соборной горе (рис. 189). Здесь на сравнительно небольшой площадке стояли три кирпичные постройки: собор, бесстолпная княжеская церковь и терем. В сочетании с деревянными стенами детинца и деревянными жилыми постройками (в особенности дворцом) эти памятники несомненно создавали впечатление сильной архитектурной доминанты, определявшей собой архитектурно-художественный центр Смоленска. Больше в черте городских укреплений монументальных построек, по-видимому, не было. Другой архитектурный центр находился к западу от города, на берегу Днепра, где в 60-70-х гг. XII в. были возведены княжеский храм Ивана Богослова и "немецкая божница". По-видимому, здесь слагался торговый центр Смоленска: пристань близ устья р. Чуриловки, поселение североевропейских купцов и внешний торг, т. е. торг,

расположенный вне городских стен. Ещё два храма были расположены несколько отступая от реки: к востоку от города неизвестная нам по древнему наименованию церковь в Перекопном переулке и на правом берегу Днепра церковь Петра и Павла. Значительно дальше от города, более чем в 2 км к западу, у устья р. Смядыни, стоял собор Борисоглебского монастыря. Этот храм, построенный на месте убиения князя Глеба, придавал Смоленску характер не только политического и экономического, но и крупного идеологического центра. "Немецкая божница" и церковь Ивана Богослова, читаясь на фоне городских стен (если смотреть с северо-запада), возможно, уже тогда составляли часть архитектурного ансамбля города. Остальные же кирпичные храмы, расположенные вне города, видимо, в это время ещё не имели прочной архитектурно-художественной взаимосвязи и представляли собой отдельные постройки, не связанные в общий ансамбль. Тем не менее очень вероятно, что строители всё же учитывали взаимосвязь возводимых зданий. Например, приближаясь к Смоленску снизу по Днепру, путники видели справа мощный объём собора Смядынского монастыря, который как бы отмечал границу города. В действительности город не простирался так далеко к западу, и, следовательно, постройка крупного кирпичного храма у устья Смядыни зрительно как бы увеличивала размеры города. Проехав мимо Смядынского собора, можно было увидеть слева на несколько приподнятой над рекой площадке церковь Петра и Павла, а справа церковь Ивана Богослова и "немецкую божницу". Отсюда же открывался вид на высоко взнесённый над рекой ансамбль детинца.

Интенсивное строительство, проведённое в Смоленске в 90-х гг. XII в. и в первой трети XIII в., существенно изменило обстановку (рис. 190). Строительство монументальных сооружений в самом городе было довольно ограниченным. Мы с уверенностью можем говорить лишь о постройке церкви на Воскресенской горе. Эта большая церковь, поставленная в высшей точке рельефа, должна была играть очень значительную роль в силуэте города, как бы вторя главному храму столицы, стоявшему по другую сторону оврага, на противоположном к востоку холме. Но основное строительство велось в это время явно не здесь, не в черте городских

¹⁸⁾ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV вв., т. 2, с. 430.

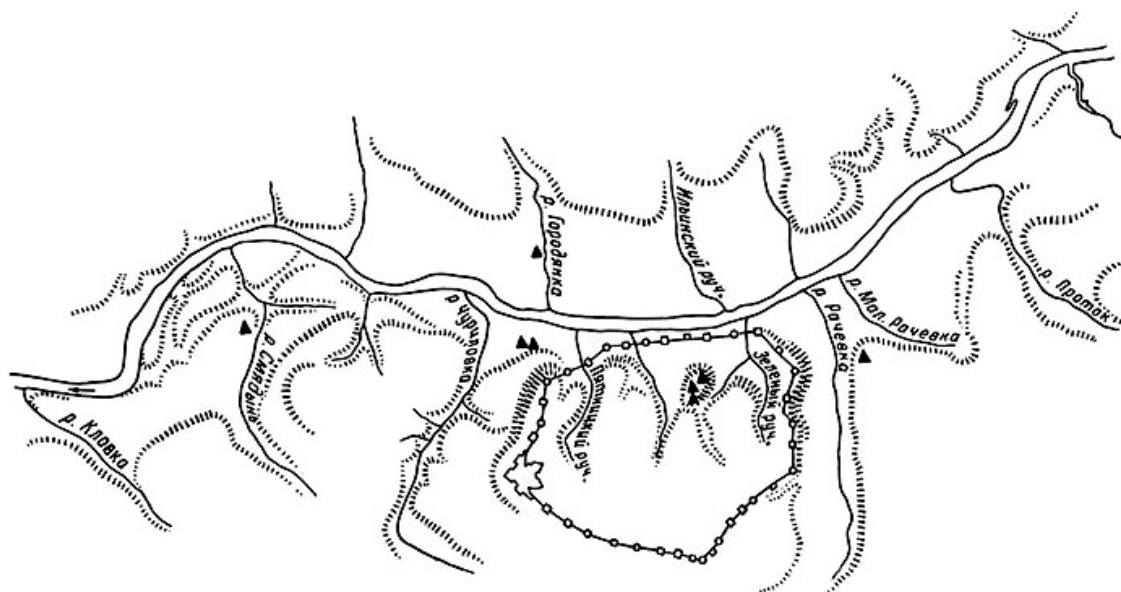

Рис. 189

Смоленск. Расположение памятников монументального зодчества, возведенных до 80-х гг. XII в.

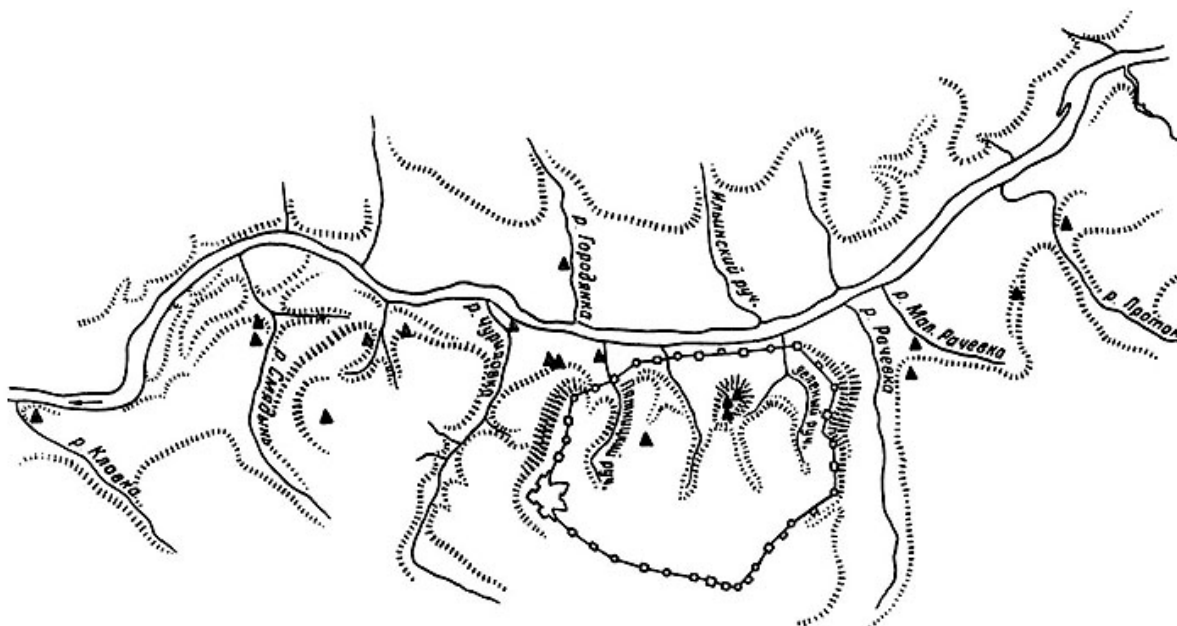

Рис. 190

Смоленск. Расположение памятников монументального зодчества, возведенных до 1230 г.

укреплений. Гораздо интенсивнее застраивался торговый район; здесь, помимо церкви Ивана Богослова и "немецкой божницы", на небольшом пространстве теснились церкви Пятницы на Малом Торгу, Николы Полутелого, Кирилловская (в гавани, у устья Чуриловки). Характерны даже сами наименования храмов - Пятницы (покровительница торговли) и Николы (патрон "плавающих и путешествующих"). Линия левобережных днепровских круч украсилась вереницей величественных храмов. При подъезде по Днепру, снизу, уже в 3.5 км от города стоял высокий и острый по силуэту храм Троицкого монастыря. Далее, ближе к городу, над самой поймой находился ансамбль Борисоглебского монастыря, где, кроме большого храма, была построена вторая, Васильевская церковь. Выше этих зданий располагался двор князя Давида Ростиславича с придворным храмом архангела Михаила, вторившим своей великолепной композицией собору Троицкого монастыря. Могучий ярусный силуэт Михайловской церкви был виден и с запада - от далёких курганов Гнёздовского могильника и с северо-восточных подступов к городу. Здание придворного храма было поставлено столь продуманно, что даже и теперь, с ростом этажности городской застройки, подступающей к нему почти вплотную, храм по-прежнему господствует в широком городском ландшафте. Ещё выше, на верхнем плато левобережья, поднятом над уровнем поймы на 54 м, смоленские зодчие поставили здания Спасского монастыря - собор и каменную башню ворот. Несколько ближе к городу, на первой надпойменной террасе, стоял ещё один небольшой храмик (на Большой Краснофлотской улице). В этом расположении построек нельзя не видеть сознательного и широкого художественного замысла. Со стороны западного речного въезда, от Киева, путника встречал ряд монументальных зданий, пленявших красотой своего расположения, образующих как бы ниспадающий с высот к Днепру "каскад" архитектуры.

С несколько меньшим размахом подобная композиция была осуществлена и с восточной

стороны, т. е. вверх по Днепру, где стояли церкви на Окопном кладбище и на Малой Рачевке, а уже за 2 км от города путников встречал огромный храм монастыря на Протоке. Он обладал широким и раскидистым построением комплекса со ступенчатой ярусностью внушительного объёма, широкой галереей и двумя приделами (храмиками-усыпальницами) на её флангах. Его главный фасад обращён не к Днепру, а в сторону города, что явно говорит о замыкающей роли здания в городском ансамбле.

Подобного рода архитектурные композиции встречаются и в других древнерусских городах. Достаточно назвать Новгород с его далеко выдвинутыми вверх и вниз по Волхову монастырями: Антониевым и Юрьевым. Владимирские мастера по приказанию Андрея Боголюбского построили при подъезде к воротам княжеской резиденции - у устья Нерли - прекрасный храм Покрова. Смоленские архитекторы мыслили столь же широко и осуществили тему "архитектурного предисловия" своего стольного города с необычайным размахом.

Примечательно, что монументальные храмы все расположены к востоку и западу от города, т. е. вдоль реки, в то время как к северу и югу их нет. Видимо, это связано с тем, что Днепр являлся основной транс-

-406-

портной артерией, связывавшей Смоленск с другими русскими городами, а сухопутные дороги играли значительно меньшую роль.

Большое количество монументальных сооружений, расположенных так, что путник мог видеть их не только поодиночке, но и по несколько сразу, создавали предпосылки для объединения памятников смоленского зодчества в один общий архитектурный ансамбль. Этот грандиозный ансамбль тянулся вдоль Днепра на протяжении около 6 км, создавая обманчивое впечатление огромной величины города, внушая мысль об его многолюдности и богатстве.

Таким образом, монументальная архитектура Смоленска образовывала внушительную экспозицию значительности города, подчёркивала и украшала художественно выгодные точки его сложного живописного рельефа, отмечала важные узлы его социальной жизни: торг, княжеские и епископские резиденции, монастыри и пр. Во всем этом нельзя не видеть большого градостроительного мастерства смоленских зодчих, их умения гармонически связывать свои постройки с окружающей природой: здания украшали ландшафт, а природа украшала здания - они звучали как согласный хорал.

Назначение изученных храмов нам далеко не всегда известно. Наиболее крупные из них - в большинстве монастырские соборы. Таковы к западу от города соборы Борисоглебского монастыря на Смядыни, Спасского монастыря у д. Чернушки и Троицкого монастыря на Кловке, а к востоку - монастыря на Протоке. Не исключено, что монастырскими были и некоторые другие храмы, например на Окопном кладбище и на Большой Краснофлотской улице. Большое количество монастырей, расположенных вокруг Смоленска, не должно вызывать удивления, поскольку оно было, как правило, пропорционально размерам и значению города.¹⁹⁾

Некоторые храмы были княжескими, дворцовыми. Помимо бесстолпной церкви в детинце, сюда относятся церкви Петра и Павла (очевидно, на загородном дворе князя Ростислава) и архангела Михаила (на дворе князя Давида). Очень вероятно, что дворцовыми являлись церкви Ивана Богослова и в Перекопном переулке, хотя прямых доказательств этого нет. О храме на Воскресенской горе с большой долей уверенности можно говорить, что он был городским, "мирским" собором.

Обращает на себя внимание довольно значительное количество церквей, связанных с торговлей: "немецкая божница", Кирилловская церковь в гавани, Пятницкая и Никольская церкви, стоявшие на Торгу. Об участии смоленских князей в строительстве посадских храмов говорят и письменные источники. Вероятно, не случайно в некрологах всех смоленских Ростиславичей (Святослав умер в 1172 г., Мстислав в 1179 г., Давид в 1197 г.) летописец упомянул, что они "мирския церкви набдя".²⁰⁾ Об этом же свидетельствует и постройка

смоленским зодчим Пятницкой церкви в Новгороде, возведённой по заказу купцов, ведших международную торговлю. Ясно, что смоленский зодчий, да ещё возглавлявший кня-

¹⁹⁾ "Количество монастырей стояло в прямой пропорции к размерам и экономическому благосостоянию города" (*Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 175*).

²⁰⁾ Ипатьевская летопись. - ПСРЛ, II, 551, 611, 703.

-407-

жескую строительную артель, не мог принять такой заказ без санкции своего князя. Наконец, вряд ли случайно княжеский храм Ивана Богослова расположен в гуще посадских "торговых" церквей. Эти данные существенно подкрепляют соображения в пользу наличия в Смоленске тесного союза княжеской власти с городским посадом и активной роли, которую играли князья в международных торговых связях Смоленска.²¹⁾

Таким образом, исследование памятников древнего смоленского зодчества позволяет не только раскрыть картину становления и развития одной из наиболее ярких архитектурных школ Древней Руси, но и даёт ценные сведения по истории и социальной структуре Смоленской земли XII-XIII вв.

²¹⁾ В этом свете, быть может, по-иному следует рассматривать и политическую деятельность князя Давида Ростиславича (его характеристику см.: *Рыбаков Б.А. Отрицательный герой "Слова о полку Игореве". - В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 238*). Возможно, что его пассивность в защите Южной Руси от половцев объясняется тем, что он всё внимание уделял интересам "своей" земли, борьбе с соседним Полоцком (см. также: *Воронин Н.Н., Жуковская Л.П. К истории смоленской литературы XII в. - В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 77; Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Древний Смоленск. - СА, 1979, № 1, с. 86*).

-408-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жестокий удар татаро-монгольского вторжения надолго прервал развитие монументального зодчества во многих районах Русской земли. В Южной Руси каменно-кирпичное строительство продолжалось лишь в Галицкой земле и на Волыни, однако к середине XIV в. в связи с потерей этими землями политической независимости развитие русского зодчества прервалось и здесь. В Северо-Восточной Руси старые архитектурно-строительные центры были разгромлены и наступил период, когда строительство велось в очень ограниченных масштабах. Лишь постепенно и очень медленно восстанавливалась экономика Северо-Восточной Руси, причём строительство сконцентрировалось теперь в новых центрах: в Твери и особенно в Москве. И даже в Новгороде, не задетом непосредственно вторжением монголов, условия для развития архитектуры во второй половине XIII - первой половине XIV в. были очень стеснёнными.

Смоленск, как и Новгород, не был разгромлен монголами. Тем не менее прекращение развития монументального строительства здесь по времени почти совпало с татаро-монгольским нашествием. Правда, связано это было с иными причинами: страшной эпидемией, резко обострившимися княжескими усобицами, нападениями Литвы.

Исследования последних лет показали, что в русском зодчестве первой трети XIII в. не заметно ни малейших следов упадка, ни малейших следов затухания темпов строительства. Наоборот, это был период яркого расцвета зодчества, расцвета, насильственно оборванного. И именно

-409-

в данное время, накануне монгольского вторжения, в русском зодчестве началось сложение элементов новой художественной эстетики, наметились некоторые тенденции интеграции, тенденции к сближению архитектурных форм различных феодальных школ.¹⁾ Конечно, это не был прямой и гладкий процесс. Наоборот, объединительная тенденция проявлялась наряду с продолжавшейся и даже усиливавшейся тенденцией к разделению на всё более мелкие, локальные школы. И тем не менее нельзя не учитывать эту новую тенденцию, сказавшуюся в появлении в различных районах Руси памятников с очень сходными композициями и, что особенно важно, очень близких по архитектурному образу. Чем можно объяснить возникновение новой тенденции?

Развитие в русском зодчестве конца XII - начала XIII в. тенденции декоративности и живописности - явление безусловно закономерное, связанное с общими закономерностями эволюции архитектурного стиля. Развитие всякого зодчества происходит в сложном взаимодействии конструкций и декора, причём со временем происходит усиление декоративных элементов, приобретающих всё большую самостоятельность. Таким образом, стремление русских зодчих конца XII - начала XIII в. к возведению построек, обладавших фасадами, насыщенными декоративными элементами, сочетающееся с тенденцией к отрыву декоративного оформления от его конструктивной основы, с явным преобладанием значения наружного облика здания над его интерьером, было заложено в самих закономерностях развития архитектуры. Но не менее очевидно, что объяснить характер эволюции русского зодчества этой поры только общими закономерностями развития совершенно невозможно. Конкретные формы, в которых выражались новые тенденции в русском зодчестве, были большей частью иными, чем в архитектуре других, даже близких по культуре стран. Башнеобразно поднятая на пьедестале глава, яркость силуэта храма, динамичность композиции, сопровождавшаяся появлением на фасадах массы вертикальных членений, - вот элементы, характерные в этот период главным образом для русского зодчества. Наложённые на композиционную основу, сложившуюся на Руси ещё в XI-XII вв., новые формы при всём разнообразии их деталей в разных архитектурных школах Руси несомненно выражали объединительные тенденции в русском зодчестве. Тесные

политические и культурные связи русских земель, общность их социального развития создавали предпосылки для усиления и углубления общности архитектурного развития. И хотя прерванные татаро-монгольским нашествием тенденции и не привели к какому-либо определённом единству, нельзя не видеть в них первые шаги на пути сложения общерусского архитектурного стиля.²⁾ Основы общерусского зодчества слагались, следовательно, на широкой основе многих русских архитектурных школ. Между тем политическая обстановка на Руси сложилась так, что дальнейший путь развития русской архитектуры, постепенное сложение общерусского зодчества могли

¹⁾ *Воронин Н. Н.* У истоков русского национального зодчества. - В кн.: Ежегодник Института истории искусств 1952. М., 1952, с. 302.

²⁾ *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков. - В кн.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 29.

-410-

осуществиться лишь на базе московской архитектуры, в свою очередь выросшей на традициях архитектуры Северо-Восточной Руси, т. е. владимиرو-суздальского зодчества.

Таким образом, смоленское зодчество не получило прямого продолжения в общерусской архитектуре более позднего времени, оно не передало Москве эстафеты развития архитектурных форм. Тем не менее в зодчестве древнего Смоленска можно легко увидеть ряд особенностей, получивших широкое распространение именно в московской архитектуре. Высотность, ярусность и вертикальная устремлённость композиции характерны как для смоленских храмов, так и для раннемосковских. Высоко поднятые полы смоленских церквей начала XIII в. создают перед порталами высокие лестницы, что находит прямые аналогии в московской архитектуре начала XV в. В целом не вызывает сомнений близость архитектурного образа смоленских храмов типа церквей архангела Михаила и Троицкого монастыря с московским собором Андроникова монастыря. Правда, это лишь близость, а не тождество; здесь имеются и очень существенные различия: московский храм торжественнее, но вместе с тем и статичнее смоленских. Широкое применение в смоленской архитектуре галерей, в том числе и в асимметричном варианте (Спасский собор у д. Чернушки), предвосхищает памятники зодчества XVI и даже XVII в.

Конечно, близость некоторых композиционных приёмов смоленской архитектуры с московскими вовсе не означает, что здесь существует прямая генетическая связь или хотя бы заимствования. Эта близость говорит о другом, о том, что в смоленском зодчестве конца XII - первой трети XIII в. развивались передовые тенденции, получившие дальнейшее развитие в русской архитектуре более позднего времени.

Прогрессивность архитектурных форм, яркость и многочисленность памятников делают смоленское зодчество одной из наиболее блестящих страниц в истории древнерусской культуры.

-411-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ	- Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.
ААЭ	- Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. СПб.
АИА	- Архив Института археологии АН СССР. М.
АИЗ	- Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом. М.
ВИ	- Вопросы истории. М.
ЖМВД	- Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
ЖМНП	- Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗРАО	- Записки Русского археологического общества. Новая серия. СПб.
Древности МАО	- Древности. Труды Московского археологического общества. М.
ИАК	- Известия Археологической комиссии. СПб.
ИОРЯС	- Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб.
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
ЛОАИА	- Ленинградское отделение Архива Института археологии АН СССР.
ЛОИА	- Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.
НПЛ	- Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950.
ОРЯС	- Отделение русского языка и словесности Академии наук. СПб.
ПСРЛ	- Полное собрание русских летописей: ПСРЛ, I. - М., 1962 (Лаврентьевская летопись); ПСРЛ, II. - М., 1962 (Ипатьевская летопись); ПСРЛ, III. - СПб., 1841 (Новгородская 3-я летопись); ПСРЛ, IV, ч. 1. - Пг., 1915 (Новгородская 4-я летопись); ПСРЛ, VI. - СПб., 1853 (Софийская 2-я летопись); ПСРЛ, VII. - СПб., 1856 (Воскресенская летопись); ПСРЛ, IX. - СПб., 1862 (Никоновская летопись);

-412-

	ПСРЛ, XIV, ч. 1. - СПб., 1910 (Новый летописец);
	ПСРЛ, XVI. - СПб., 1889 (летопись Авраамки);
	ПСРЛ, XVII. - СПб., 1907 (западнорусские летописи);
	ПСРЛ, XX. - СПб., 1910 (Львовская летопись);
	ПСРЛ, XXIII. - СПб., 1910 (Ермолинская летопись);
	ПСРЛ, XXIV. - Пг., 1921 (Типографская летопись);
	ПСРЛ, XXV. - М.-Л., 1949 (Московский летописный свод конца XV в.).
СА	- Советская археология. М.
САИ	- Свод археологических источников. М.-Л.
СВ	- Смоленский вестник. Смоленск.
СГВ	- Смоленские губернские ведомости. Смоленск.

СЕВ	- Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск.
СС	- Смоленская старина. Смоленск.
ТРУАК	- Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань.
УЦДС	- Указатель церковных древностей Смоленска. Смоленск, 1912. Псевдоним СПЦ (священник Петр Цветков) раскрыт в автографе на экземпляре Библиотеки им. И. И. Ленина.
Хозеров И. М. Рукопись ГТГ	- Хозеров И. М. Памятники зодчества XI-XIII вв. в Белоруссии. - Архив Государственной Третьяковской галереи. М.
Хозеров И. М. Рукопись ИИ.	- Хозеров И. М. Архитектура Белоруссии и Смоленщины XI- XIII вв. - Архив Института истории АН БССР. Минск.
ЦГАДА	- Центральный государственный архив древних актов. М.
ЦГВИА	- Центральный государственный военно-исторический архив. М.
ЦГИАЛ	- Центральный государственный исторический архив. Л.
ЧОИДР	- Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.